

**Министерство обороны Российской Федерации
Российская академия ракетных и артиллерийских наук
Военно-исторический музей
артиллерии, инженерных войск и войск связи**

**Война и оружие
Новые исследования и материалы**

**Труды Четвертой Международной
научно-практической конференции**

15–17 мая 2013 года

Часть I

**Санкт-Петербург
ВИМАИВиВС
2013**

Печатается по решению Ученого совета ВИМАИВиВС
Научный редактор – *С.В. Ефимов*

Организационный комитет конференции
«Война и оружие. Новые исследования и материалы»:

В.М. Крылов, директор Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, Заслуженный работник культуры Российской Федерации,
С.В. Ефимов, заместитель директора Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи по научно-просветительской и выставочной работе, кандидат исторических наук,
С.В. Успенская, заместитель директора Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, кандидат культурологии, Заслуженный работник культуры Российской Федерации,
В.И. Кобякова, начальник военно-научного отдела сохранности памятников культуры и истории Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, кандидат технических наук,
Ю.В. Утянский, старший научный сотрудник Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи

Война и оружие **Новые исследования и материалы**

Труды Четвертой Международной
научно-практической конференции

В четырех частях

Часть 1

Информационная поддержка

© ВИМАИВиВС, 2013
© Коллектив авторов, 2013

ISBN 975-5-7937-0905-3

Уважаемые участники и гости конференции! Дорогие друзья!

Поздравляю вас с открытием вот уже четвертой Международной научно-практической конференции «Война и оружие. Новые исследования и материалы», которая в очередной раз проводится в стенах старейшего военно-исторического музея России – ВИМАИВиВС. Предыдущие конференции (2010, 2011 и 2012 гг.) вызвали большой интерес не только среди специалистов в области военной истории, оружиеведения и музейного дела, но и у многих любителей военной истории.

Теперь можно смело констатировать, что конференция «Война и оружие» стала уже традиционной и ныне является самой значительной и единственной в России конференцией по данной тематике.

В этом году наша конференция посвящена памяти выдающегося отечественного оружиеведа, крупнейшего специалиста в области огнестрельного оружия XIV–XIX вв., военного историка и архивиста Л.К. Маковской (1927–2012). Участники конференции и сотрудники музея своими исследованиями воздают дань памяти и огромного уважения этому замечательному человеку, чей 60-летний юбилей служения музею отмечали в прошлом году.

В этом году исполняется 310 лет с того дня, когда Петр I, основав Цейхгауз Петропавловской крепости, заложил основы музейного собрания ВИМАИВиВС. Эта дата нас ко многому обязывает. Отмечая юбилей нашего музея – ровесника Санкт-Петербурга, мы открываем новые выставки и экспозиции, с которыми участники и гости конференции смогут ознакомиться во время ее работы.

По традиции конференция открывается в канун Международного дня музеев. Символично, что в ее работе участвует широкий круг исследователей и ученых, так или иначе связанных с военной историей России, с музейным делом – историки, оружиеведы, архивисты, музейеведы, археологи, реставраторы и многие участники всех трех предшествующих конференций. Подводя итоги проделанной за год работы, они собрались, чтобы поделиться новыми открытиями и исследованиями в области изучения истории военного дела и оружия, обсудить проблемы реставрации и музеефикации исторических объектов.

На заседаниях секции «Оружие. Новые исследования в области оружиеведения» будут рассмотрены общие и частные проблемы истории оружия и вооружения, оружейного производства и технологий, роли оружия в истории человечества. Большое внимание будет уделено музейным собраниям оружия и военной техники, истории формирования частных коллекций оружия и их законодательного регулирования.

В секции «Военная история: Опыт современного изучения» будут заслушаны и обсуждены доклады, связанные с войнами и военными конфликтами в истории человечества, военными реформами в России и других странах мира. В научный оборот будут введены новые источники по военной истории.

Секция «Сохранение, реставрация и экспонирование памятников военной истории» будет обсуждать проблематику реставрации памятников военной истории, новых методик и технологий в реставрационном и экспозиционном деле.

Спектр докладов, а их в этом году около полутора сотен, очень широк: от памятников раннего средневековья до современных видов вооружений, от войн древности до вооруженных конфликтов конца XX в., от проблем создания современных экспозиций до современных методик и технологий реставрации. Абсолютное большинство этих исследований будет опубликовано в четырехтомных трудах конференции, подготовленных к изданию в кратчайший срок благодаря самоотверженному труду сотрудников отдела современных издательских технологий нашего музея.

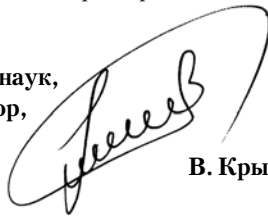
Весьма представительен и состав участников конференции. Впечатляет количество научных и научно-исследовательских учреждений, музеев, архивов, библиотек, чьи сотрудники выступают с докладами и сообщениями. В конференции принимают участие исследователи из различных регионов России, а также зарубежные специалисты из Украины, Белоруссии, Швеции и Польши.

В день завершения работы конференции в музее откроется выставка «Романовы и армия», посвященная 400-летию династии Романовых. Кроме того участники и гости конференции примут участие в традиционной ежегодной «Ночи музеев – 2013» и смогут перенестись вместе с военно-историческими реконструкторами в эпоху Античности и средневековья, побывать на рыцарском турнире.

Наша конференция проходит одной из первых в свете выполнения Указа Президента Российской Федерации от 29 декабря 2012 г. № 170 о создании общественно-государственной организации «Российское военно-историческое общество».

Желаю всем участникам конференции плодотворной работы и новых творческих успехов!

**Директор музея доктор исторических наук,
член-корреспондент РАН, профессор,
Заслуженный работник культуры РФ**

В. Крылов

ПАМЯТИ
ЛИЛЛЫ КОНСТАНТИНОВНЫ МАКОВСКОЙ
(29.07.1928 – 20.10.2012)

С.В. Ефимов (Санкт-Петербург)

О ЛИЛЛЕ КОНСТАНТИНОВНЕ МАКОВСКОЙ

20 ОКТЯБРЯ 2012 г. ушла из жизни Лилла Константиновна Маковская... Ушла эпоха! Ее имя, без всякого преувеличения, известно любому отечественному оружейнику. Шестьдесят лет жизни отдала Лилла Константиновна Военно-историческому музею артиллерии, инженерных войск и войск связи, работая в нем до последних дней. Она знала о своем тяжелом недуге и боролась с ним. Лилла Константиновна до последних дней жизни трудилась над книгой о стрелковом оружии первой половины XIX в., которая должна была стать логическим продолжением ее предыдущих исследований.

Понимая, что остаются считанные месяцы жизни, Лилла Константиновна работала с прежней интенсивностью и целеустремленностью. Она приходила на работу среди первых и уходила среди последних. Каждая ступенька лестницы, ведущей в архив, давалась ей с большим трудом. Но она упорно отказывалась от помощи, не желая никого обременять. Она была стойким и мужественным человеком!..

Лилла Константиновна Маковская родилась 29 июля 1928 г. в Москве. Ее отец – Константин Ефимович Леонтьевский прошел путь от ученика мыловара на заводах Нижегородского жирового треста до главного инженера и начальника технического отдела Главного управления масложировой промышленности Министерства пищевой промышленности СССР. Мама Лиллы Константиновны – Раиса Абрамовна Подобрянская – родилась в Новозыбкове, окончила техникум жировой промышленности, затем работала на монтаже жирового комбината в Евдако-

ве, училась в Институте жиров в Ленинграде.

В 1936 г. Лилла поступила в школу № 601 Тимирязевского района Москвы. С началом Великой Отечественной войны вместе с мамой и маленькой сестренкой Полиной она была эвакуирована в Казань. В декабре 1942 г. вступила в члены ВЛКСМ и была направлена на работу в госпиталь. В марте 1943 г. семья вернулась в Москву. В старших классах Лилла была секретарем комитета комсомола школы, а по ее окончании решила поступать на исторический факультет Московского государственного университета.

Л.К. Маковская

Но с первого раза, как часто бывает с талантливыми людьми, не прошла по конкурсу. Она поступила на следующий год, но в МГУ пришлось учиться недолго. В связи с назначением отца на работу в ленинградский Всесоюзный институт жиров, семья переезжает на берега Невы. Л.К. Маковская переводится на истфак Ленинградского государственного университета. Это было сложное время. На годы учебы Лиллы Константиновны пришлось известное «ленинградское дело» и борьба с «безродными космополитами», отразившиеся и на судьбе факультета – был отстранен от должности декан, профессор В.В. Мавродин, уволены многие известные профессора и преподаватели. Тем не менее, молодая студентка могла слушать лекции выдающихся историков С.Б. Окуня, И.И. Смирнова, А.В. Предтеченского, Б.А. Романова, С.Н. Валка и многих других, чьи имена ныне прочно вошли в отечественную историографию.

Во время учебы Л.К. Маковская активно занималась общественной работой (была агитатором на выборах, комиссаром группы, проводила занятия в подшефном ремесленном училище). Как отмечено в ее характеристике, средний академический балл студентки Маковской был – 4,9. В 1952 г. Лилла Константиновна защитила дипломную работу и окончила университет. В выписке из протокола экзаменационной комиссии по защите дипломных работ

ЛГУ от 11 мая 1952 г. записано: «Отметить как лучшую из работ, представленных к защите дипломов, работу Л.К. Маковской».

В том же году она поступает на работу в Артиллерийский исторический музей на должность лектора. С этого времени жизнь Лиллы Константиновны была неразрывно связана со старейшим военно-историческим музеем России. В 1955 г. она стала младшим научным сотрудником, спустя два года – научным, а затем и старшим научным сотрудником (с 1971 г.).

**Лилла Константиновна
в студенческие годы**

Лилла Константиновна много сделала для создания новых экспозиций музея. Ею был подготовлен тематико-экспозиционный план зала «История отечественной артиллерии феодального периода» (1958), разработан для этого зала макет «Артиллерия в Бородинском сражении: Вторая атака французов на батарею Раевского» (1962). В 1962–1967 гг. Л.К. Маковская занималась научной разработкой и техническим обоснованием на изготовление макетов боевых ракет и пушковых станков (системы Константинова, Засядко, Картмазова). К 90-летию освобождения Болгарии от османского ига ею была подготовлена выставка «Русско-турецкая война 1877–1878 гг.». Лилла Константиновна была автором многочисленных выставок. Последняя из них – «Артиллерийский исторический музей. Первые полвека в Кронверке (1868–1917 гг.)» в 2008 г. Все они были настоящим эталоном научного подхода к созданию выставки. Прорабатывались и методически обосновывались мельчайшие детали проекта – от архитектурно-художественного решения выставочного пространства и до этикетаж и текста экскурсии. Ее огромный вклад в музейную деятельность был отмечен почетным званием Заслуженного работника культуры Российской Федерации.

До последних дней своей жизни Л.К. Маковская занималась научной работой. Она была универсальным исследователем,

сочетавшим глубочайшее знание истории и источниковедения с обширными техническими познаниями в области оружия и военной техники. Одной из первых крупных ее работ стал «Каталог материальной части отечественной артиллерии» (1961), в котором она написала раздел, посвященный артиллерии XIV–XVIII вв. Большой интерес вызвал ее доклад на Третьей Всесоюзной конференции историков оружия в 1971 г. о пусковых станках к ракетам XIX в. За годы работы в музее Лилла Константиновна стала одним из признанных в России и за рубежом оружейников. Ее многолетние и высокопрофессиональные исследования в области истории огнестрельного оружия воплотились в каталоге «Ручное огнестрельное оружие русской армии конца XIV–XVIII вв.» (1990) и определителе «Ручное огнестрельное оружие русской армии конца XIV–XVIII вв.» (1992). Эти книги – давно уже ставшие библиографической редкостью – военное издательство долгое время не торопилось выпускать в свет. Лилла Константиновна часто вспоминала, какие мытарства ей довелось претерпеть, «протаскивая» их сначала через дебри военной цензуры, а потом изыскивая средства на типографские расходы в годы хронического «перестроечного» безденежья.

Благодаря Л.К. Маковской со второй половины 1990-х гг. началось планомерное изучение истории музея. Лилла Константиновна добилась, чтобы было воздано должное выдающемуся отечественному военному историку, археологу, фактическому создателю Артиллерийского музея в современном понимании этого слова – Н.Е. Бранденбургу. Стали регулярно проводиться «Бранденбургские чтения», была издана часть его эпистолярного наследия, приведена в порядок могила на Никольском кладбище Александро-Невской лавры, установлена памятная доска на здании музея.

С 1976 по 2005 гг. Л.К. Маковская возглавляла архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи – уникальное собрание документов по истории артиллерийского ведомства России XVII–XX вв.

2000-е гг. стали временем плодотворной научной работы Л.К. Маковской. Она участвовала в написании путеводителя по музею, составлении альбома «Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи. История и коллекции», подготовке ряда каталогов выставок и коллективных монографий.

Огромный вклад Лиллы Константиновна внесла в исследование и реставрацию парадно-литавренной колесницы 1760 г. для вывоза знамени всей русской артиллерии.

Ее методические разработки, опубликованные исторические документы легли в основу работ многих отечественных исследователей.

Благодаря стараниям Лиллы Константиновны был издан краткий справочник по архиву ВИМАИВиВС, рукописи А.П. Лебединской «Артиллерийский исторический музей. Исторический очерк (1703–1917)» и И.Д. Талызина «Описание артиллерийского зала достопамятных и недостопамятных предметов 1862 года». Методическое пособие Л.К. Маковской «Исследование и описание образцов ручного огнестрельного оружия русской армии конца XIV – первой половины XIX веков» было рекомендовано Министерством культуры РФ для музеев страны.

За консультациями к Лилле Константиновне обращались отечественные и зарубежные исследователи. Она была щедрым человеком, делилась своими знаниями, помогала со сбором информации, подбирала архивные дела, рекомендовала специальную литературу. Она всегда стремилась помочь исследователям и принимала близко к сердцу все проблемы, с которыми случалось к ней обращаться. Ее мудрость и умение работать с людьми оставили в их памяти только прекрасные воспоминания.

Л.К. Маковская никогда не гналась за учеными степенями и званиями. Лилла Константиновна рассказывала, что когда-то ей предложили защитить диссертацию, но... по истории советского общества (на другой кафедре не было мест). Она отказалась – не могла поступиться совестью и не хотела тратить время на конъюнктурную работу.

С 2004 г. Лилла Константиновна участвовала в работе над изданием огромного архива ближайшего сподвижника Петра Великого, генерал-фельдцейхмейстера Я.В. Брюса. Это была трудная, но очень интересная работа. Письма Брюса сохранились в основном в черновиках и копиях. Иногда приходилось буквально расшифровывать трудночитаемую скоропись XVIII в., разбираться в военной и технической терминологии, искать сведения о малоизвестных (а иногда и вообще неизвестных) персоналиях. Здесь, безусловно, проявились в полной мере энциклопедические познания и талант Л.К. Маковской как высокопрофессионального архивиста,

палеографа и археографа. Итогом этой работы стали четыре изданных тома писем Я.В. Брюса за 1704–1708 гг. К сожалению, эта работа прервалась, хотя уже и была подготовлена значительная часть тома за 1709 г.

Лилла Константиновна, как никто другой, понимая проблемы отечественного оружиеведения и военной историографии, была одним из идейных вдохновителей и организаторов Международной научно-практической конференции «Война и оружие. Новые исследования и материалы». В мае 2013 г. конференция проводится уже в четвертый раз и в этом году посвящена памяти Л.К. Маковской.

Лилла Константиновна часто выступала научным консультантом при съемках документальных фильмов по военной истории, истории вооружения и военной техники. Последний раз она появлялась

**В.М. Крылов, директор ВИМАИВиВС
и Л.К. Маковская – на праздновании 60-летия
творческой деятельности Маковской в музее. Фото 2012 г.**

в фильме «Два зала по конструктору. Драма “Катюши”», рассказывающем о судьбе конструктора Г.Э. Лангемака.

Весной 2012 г., когда над Военно-историческим музеем сгустились тучи и остро встал вопрос о самом его существовании, Лилла Константиновна, в интервью на Российском информационном канале «Россия–24», как всегда эмоционально, говорила об особом месте, значимости нашего музея среди других музеев страны.

Лилла Константиновна была красивой женщиной, добрым другом и мудрым наставником нескольких поколений научных сотрудников музея, пользовалась огромным уважением и непререкаемым авторитетом в коллективе. Ее отличали постоянная готовность прийти на помощь и бескомпромиссная принципиальность ученого-исследователя. Она любила музей всей душой. Он был для нее вторым домом. Маковская проработала здесь 60 лет. В юбилейный год – 2012-й – она была награждена почетной грамотой Союза музеев России.

Память о Лилле Константиновне Маковской навсегда сохранится в сердцах сотрудников музея и всех знавших ее людей. Стены нашего музея вечно будут хранить частицу души этого удивительного, достойного восхищения и глубочайшего уважения человека.

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ Л.К. МАКОВСКОЙ

1958

1. История отечественной артиллерии феодального периода (ТЭП). АИМ, 1958. На правах рукописи.

1961

2. Каталог материальной части отечественной артиллерии // На страже Родины. Л., 1961. 26,5 п. л.

Соавторы: Вышенков В.П., Сидоренко Е.Г.

1962

3. Разработка макета «Артиллерия в Бородинском сражении», 2-я атака французов на батарею Раевского. АИМ, 1962. На правах рукописи.

1965

4. Научная разработка и техническое обоснование на изготовление реконструкций двух 2-дм боевых ракет системы Константинова, фугасной ракеты и пускового станка системы ракетного заведения (1840-е гг.). ВИМАИВ, 1965. На правах рукописи.

1967

5. То же, на 4-дм ракеты системы Засядко и системы Картмазова. ВИМАИВиВС, 1967. На правах рукописи.

6. То же, на 2 ракетных станка системы Константинова, для конных команд. 1852 г. ВИМАИВиВС, 1967. На правах рукописи.

1968

7. «Русско-турецкая война 1877–1878 гг.» К 90-летию освобождения Болгарии от турецкого ига (ТЭП). ВИМАИВиВС, 1968. На правах рукописи.

1971

8. Пусковые станки к ракетам XIX в. в России // Тезисы докладов Третьей Всесоюзной конференции историков оружия. 1971.

1977

9. Некоторые новые сведения о возникновении стандартизации в отечественном производстве // Стандарты и качество. 1977. № 2. 0,5 п. л.

1980

10. Роль архивных документов в исследовании оружейных памятников XVIII в. Доклад на круглом столе ИИЕ и ТАН. 1980. 1 п. л. На правах рукописи.

1984

11. Образцовые ружья XVIII в. // Памятники науки и техники. Ежегодник ИИЕ и ТАН. 1984. М., 1986. С. 51–66.

1986

12. Образцовые ружья – уникальные памятники военной техники XVIII в. // Памятники науки и техники. Ежегодник ИИЕ и ТАН. Л., 1986. 1 п. л.

13. Методика исследования, терминология и научное описание образцов ручного огнестрельного оружия конца XIV – первой половины XIX вв. Доклад на Всесоюзной конференции историков оружия. М., 1986. 2 п. л. На правах рукописи.

1987

14. Обзор архивных документов ВИМАИВиВС об Отечественной войне 1812 г. (Новые и малоизвестные материалы). Доклад на юбилейном заседании НТК ГРАУ. 1987. 0,75 п. л. На правах рукописи.

1988

15. Образцы ручного огнестрельного оружия русской армии XV–XVIII вв. – памятники материальной и духовной культуры России. Сообщение на заседании сектора «История феодального периода» ЛОИИ АН СССР. 1988. 0,75 п. л. На правах рукописи.

1990

16. Ручное огнестрельное оружие русской армии конца XIV–XVIII вв. Каталог. М.: Воениздат, 1990. 15,5 п. л.

1992

17. Ручное огнестрельное оружие русской армии конца XIV–XVIII вв. Определитель. М.: Воениздат, 1992. 25 п. л.

1993

18. Образовательный ценз и художественное мышление русских

пущечных мастеров XV–XVII вв. Сообщение на Конференции историков оружия. М., 1993. 1 п. л. На правах рукописи.

1965–1991

19. Статьи и рецензии. В СИЭ, БСЭ, СВЭ, ЭРА. 1965–1991.

1990–1991

20. Серия статей в разделе «Арсенал». Техника и вооружение. 1990–1991.

1995

21. Архивные документы о кадетских корпусах в фондах ВИМАИВиВС // Бомбардир. № 1. 1995. С. 66–69.

22. Зарождение стандартизации на Тульском оружейном заводе // Государственной организации оружейного производства в Туле 400 лет. Материалы научной конференции. Тула, 27–28 апреля 1995 г. Тула, 1995. С. 25–31.

Соавтор: Крылов В.М.

1996

23. Уникальные памятники военной истории // Сборник статей и материалов ВИМАИВиВС. К 240-летию музея. СПб., 1996. Вып. VII. С. 282–301.

24. Пыляев М.И. Забытое прошлое окрестностей Петербурга / Подготовка текста. СПб.: Лениздат, 1996. 554 с.

1997

25. Санкт-Петербургская декларация 1868 г. Новые архивные материалы // Повелители огня. М.; СПб., 1997. С. 166–189.

Соавтор: Крылов В.М.

1998

26. Разряд Военной археологии и археографии Императорского русского военно-исторического общества // Военная археология. СПб., 1998. С. 13–16.

1999

27. Автографы Н.К. Рериха в документальном фонде ВИМАИВиВС // Бомбардир. № 8. 1999. С. 76–78.

28. Императорское русское военно-историческое общество: к истории создания // Бомбардир. № 8. 1999. С. 71–75.

Соавтор: Успенская С.В.

29. Старейший военный музей России // Жизнь и безопасность. 1999. № 3–4. С. 585–589.

Соавтор: Жарский А.

2000

30. Неизвестные документы Н.Е. Бранденбурга из архива ВИМАИВиВС // Бомбардир. № 9. 2000. С. 14–17.

31. Уникальный памятник из коллекции ВИМАИВиВС (история, состояние, необходимость реставрации) // Сохранность культурного наследия: наука и практика. Вып. 3. СПб., 2000. С. 177–183.

32. Бранденбург Н.Е. Сцены по побережью Нового Ладожского канала. СПб., 2000. 63 с. Вступительная статья, подготовка текста.

33. Из истории строительства Михайловского военного городка // Бомбардир. № 11. 2000. С. 55–56.

2001

34. Документальные свидетельства архива ВИМАИВиВС // Бомбардир. № 14. 2001. С. 46–49.

Соавтор: Рудакова Л.П.

35. Мелиссино П.И. 1726–1797 // Забытые имена и памятники русской культуры. СПб.: ГЭ, 2001. С. 38–43.

36. Артиллерийский музей: Петровские музеи северной столицы. (К 300-летию Санкт-Петербурга. К 300-летию музея) / Под ред. В.М. Крылова. СПб., 2001. С. 11–16; 265–279.

2002

37. Юбилей архива ВИМАИВиВС // Архивы и время. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. СПб., 2002. С. 52–64.

38. Пистолеты русской армии первой половины XIX в. // Современная жизнь старинного оружия. Третий Царскосельский семинар. 22–23 августа 2002 г. СПб., 2002. С. 9–12.

Соавтор: Горегляд П.В.

39. Несколько слов о кадетских ружьях первой половины XIX в. // Современная жизнь старинного оружия. Третий Царскосельский семинар. 22–23 августа 2002 г. СПб., 2002. С. 13–16.

Соавтор: Горегляд П.В.

2003

40. Оружие тульских мастеров Гольтяковых в фондах ВИМАИВиВС // Бранденбургские чтения. Вып. 1. СПб., 2003. С. 42–50.

Соавтор: Горегляд П.В.

41. Артиллерийские орудия XV–XVII вв. – памятники культуры Московской Руси // Victoria. Gloria. Fama: Материалы Между-

народной конференции, посвященной 300-летию ВИМАИВиВС. Ч. 4. СПб., 2003. С. 52–70.

42. Второе рождение оружия // Victoria. Gloria. Fama: Материалы Международной конференции, посвященной 300-летию ВИМАИВиВС. Ч. 4. СПб., 2003. С. 46–51.

Соавтор: Травин В.И.

43. Н.Е. Бранденбург. Письма с войны / под ред. В.М. Крылова. СПб., 2003. 40 с. Подготовка текста.

2004

44. Артиллерийский исторический музей в годы Великой отечественной войны 1941–1945 гг. // Бомбардир. № 16. 2004. С. 84–93.

45. Архив генерал-фельдцейхмейстера Якова Вилимовича Брюса (1669–1735). Т. I. Письма Я.В. Брюса 1704–1705 гг. / под ред. В.М. Крылова. СПб.; Щелково, 2004. 144 с. Подготовка текста, вводная статья, указатели.

Соавтор: Ефимов С.В.

46. Яков Брюс в начале Северной войны (по материалам Походной артиллерийской канцелярии 1704–1705 гг.). // «Мы были!» Генерал-фельдцейхмейстер Я.В. Брюс и его эпоха. СПб., 2004. С. 16–31.

Соавтор: Ефимов С.В.

47. Религиозный Петербург. СПб.: ГРМ, 2004. 559 с.

Составитель в составе коллектива авторов.

48. История и коллекции. СПб.: ВИМАИВиВС, 2004. 256 с. Составитель.

Соавторы: Крылов В.М., Ефимов С.В., Успенская С.В.

2005

49. Генерал от артиллерии Русской армии герцог Г.-А.-Э.-А.-К.-Л. Мекленбург-Стрелицкий (1823–1876) // Русская ветвь Мекленбург-Стрелицкого дома. СПб., 2005. С. 98–105.

50. Архив генерал-фельдцейхмейстера Якова Вилимовича Брюса (1669–1735). Т. II. Письма Я.В. Брюса 1705–1706 гг. / под ред. В.М. Крылова. СПб.; Щелково, 2005. 208 с. Подготовка текста, вводная статья, указатели.

Соавтор: Ефимов С.В.

51. Еще раз о Великой войне (1941–1945) по материалам архива: письма Героя Советского Союза Г.И. Игишева // Бомбардир. № 18. 2005. Подготовка текста.

Соавторы: Галанова Н.В., Рудакова Л.П.

52. На пути к калишской виктории. Я.В. Брюс и русская артиллерия в 1706 г. // Бомбардир. № 18. 2005.

Соавтор: Ефимов С.В.

2006

53. Артиллерийские орудия XV–XVII вв. – памятники духовной культуры Московской Руси // Военное дело России и ее соседей в прошлом, настоящем и будущем. Материалы международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 29–31 марта 2005 г. М., 2006. С. 160–169.

54. От Нарвы до Калиша: русская артиллерия в первые годы Северной войны в свете новых источников // Военное дело России и ее соседей в прошлом, настоящем и будущем. Материалы Международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 29–31 марта 2005 г. М., 2006. С. 193–197.

Соавтор: Ефимов С.В.

55. Архив генерал-фельдцейхмейстера Якова Вилимовича Брюса (1669–1735). Т. III. Письма Я.В. Брюса 1707 г. / под ред. В.М. Крылова. СПб.; Щелково, 2006. 256 с. Подготовка текста, вводная статья, указатели.

Соавтор: Ефимов С.В.

56. Хранители Достопамятного зала // Военное прошлое государства Российского: утраченное и сохраненное. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 250-летию Достопамятного зала. СПб., 2006. С. 60–71.

57. В ожидании шведского нашествия. Начальник русской артиллерии Я.В. Брюс в 1707 г. // Сборник исследований и материалов ВИМАИВиВС. СПб., 2006. С. 133–155.

Соавтор: Ефимов С.В.

58. Уникальные чертежи двух царь-колоколов в собрании ВИМАИВиВС // Сборник исследований и материалов ВИМАИВиВС. СПб., 2006. С. 418–425.

59. Талызин И.Д. Описание артиллерийского зала достопамятных и недостопамятных предметов 1862 года. СПб., 2006. 120 с. Подготовка текста.

Соавторы: Вознесенская И.А., Кобак И.В.

60. Пушечная бронза // Металл. М., 2006. С. 62–97.

2007

61. Графические материалы в документальном фонде ВИМАИВиВС (формирование коллекции) // Бранденбургские

чтения. Вып. 2: Письменные памятники в музейных собраниях. СПб., 2007. С. 24–34.

62. Документы о Первом кадетском корпусе и его выпускниках в фондах ВИМАИВиВС // Труды Государственного Эрмитажа / ГЭ. Т. XXXVII: Первый кадетский корпус во дворце Меншикова: К 275-летию основания. Материалы научной конференции. СПб., 2007. С. 101–105.

63. Документальный фонд (архив) ВИМАИВиВС. Краткий справочник / под ред. В.М. Крылова. СПб., 2007. 80 с. Вступительная статья.

Соавторы: Вознесенская И.А., Никитин В.О., Рудакова Л.П.

64. Исследование и описание образцов ручного огнестрельного оружия русской армии конца XIV – первой половины XIX вв. Методические рекомендации. СПб.: ВИМАИВиВС, 2007. 72 с.

2008

65. Архив генерал-фельдцейхмейстера Якова Вилимовича Брюса (1669–1735). Т. IV. Письма Я.В. Брюса 1708 г. / под ред. В.М. Крылова. СПб.; Щелково, 2008. 240 с. Подготовка текста, вводная статья, указатели.

Соавтор: Ефимов С.В.

66. Артиллерийский исторический музей. Первые полвека в Кронверке (1868–1917). Научная концепция, расширенная тематическая структура, методические рекомендации к темам. ВИМАИВиВС, 2008. На правах рукописи.

67. Лебедянская А.П. Артиллерийский исторический музей. Исторический очерк / под ред. Л.К. Маковской. СПб., 2008. 112 с. Вступительная статья. Подготовка текста.

Соавторы: Вознесенская И.А., Сангаевская Т.В.

2009

68. Парадная литавренная колесница 1760 года для вывоза артиллерийского знамени (История создания, бытования, музеефикации, реставрации). СПб.: ВИМАИВиВС, 2009. 88 с.: ил.

Соавтор: Успенская С.В.

69. Памяти Николая Ефимовича Бранденбурга // Бомбардир. № 21. 2009. С. 38–45.

2010

70. Архивные документы по истории военного костюма в собрании ВИМАИВиВС // Бранденбургские чтения. Вып. 3: Научное наследие А.В. Висковатова. СПб.: ВИМАИВиВС, 2010. С. 16–21.

Соавтор: Успенская С.В.

71. Неизвестная коллекция оружия образца 1805 года // Сборник исследований и материалов ВИМАИВиВС. Вып. IX. СПб.: ВИМАИВиВС, 2010. С. 152–170.

Соавторы: Горегляд П.В., Ломакин Н.В.

72. Новые факты в истории перевооружения русской армии ударным оружием // Сборник исследований и материалов ВИМАИВиВС. Вып. IX. СПб.: ВИМАИВиВС, 2010. С. 142–150.

Соавторы: Горегляд П.В., Ломакин Н.В.

2011

73. Участие Н.Н. Обручева в создании Русского военно-исторического музея // «...мощный умом и патриотизмом устроитель нашей государственной обороны – Генерального штаба генерал от инфантерии Н.Н. Обручев»: Материалы работы научно-практической конференции 16–17 декабря 2010 г. / Западный военный округ, ИВИ ВАГШ ВС РФ, ВИМАИВиВС. М., СПб.: Политехника-сервис, 2011. С. 90–98.

74. Александр Степанович Афанасьев-Чужбинский // Бомбардир. № 23. 2011. С. 113–116.

75. Из истории огнестрельного оружия Русской армии второй четверти XIX в. // Война и оружие. Новые исследования и материалы: Вторая Международная научно-практическая конференция. 18–20 мая 2011 года. Ч. II. СПб.: ВИМАИВиВС, 2011. С. 3–39.

Соавторы: Горегляд П.В., Ломакин Н.В.

2012

76. Ударные ружья системы Иммануэля Нобеля (Из истории испытаний экспериментального ударного оружия в России в 1830–1840-х гг. // Война и оружие. Новые исследования и материалы: Труды Третьей Международной научно-практической конференции, 16–18 мая 2012 года. Ч. II. СПб.: ВИМАИВиВС, 2012. С. 260–277.

Соавторы: Горегляд П.В., Ломакин Н.В.

2013

77. Артиллерийский исторический музей. Первые полвека в Кронверке (1868–1917) // Война и оружие. Новые исследования и материалы: Труды Четвертой Международной научно-практической конференции, 15–17 мая 2013 года. Ч. I. СПб.: ВИМАИВиВС, 2013. С. 21–70.

Л.К. Маковская (Санкт-Петербург)

**АРТИЛЛЕРИЙСКИЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ.
ПЕРВЫЕ ПОЛВЕКА В КРОНВЕРКЕ (1868–1917)***

А.С. Афанасьев-Чужбинский (17.02.1817–06.09.1875)

В ФЕВРАЛЕ – июне 1868 г., сохранив свои самые ценные коллекции, Достопамятный зал переехал в Кронверкский арсенал. Под достопамятные предметы были отведены нижний и антресольный этажи восточного крыла Кронверка и часть внутреннего двора, для размещения тяжелых орудий. Собрание приобретает самостоятельный статус, оно теперь является структурным подразделением Главного артиллерийского управления и получает новое название – Артиллерийский музей.

Военный министр Д.А. Милютин, пристально наблюдавший за состоянием коллекции «достопримечательностей» артиллерийского ведомства, высказал свои соображения относительно расположения памятников в Кронверке: «Желательно, чтобы в новом помещении достопамятных предметов было заранее обдуманно расположение этих предметов в систематическом порядке – именно и по роду предметов, и по хронологической постепенности». Эти рекомендации легли в основу будущей экспозиции. Очень заинтересованно отнесся военный министр и к выбору заведующего музеем. По его мнению, это должен быть человек, «обладающий вполне

* Публикуемая впервые статья является исторической справкой, подготовленной Л.К. Маковской в 2008 г. для своей авторской выставки «Артиллерийский исторический музей. Первые полвека в Кронверке (1868–1917)». Лиллой Константиновной была также разработана тематическая структура выставки, подготовлены методические указания и списки экспонатов к каждому тематическому комплексу. Она лично участвовала в монтаже выставки, проводила по ней экскурсии. Статья публикуется в авторской редакции.

А.С. Афанасьев-Чужбинский

необходимыми историческими сведениями»¹.

Заведующим Артиллерийским музеем был назначен писатель, филолог, этнограф, путешественник и публицист Александр Степанович Афанасьев, известный в литературе под псевдонимом Чужбинский.

А.С. Афанасьев поступил на службу в артиллерийское ведомство в сентябре 1866 г. К этому времени он уже был хорошо известен читающей публике. Его литературные произведения, в основном из офицерской и провинциальной жизни, начали публиковаться с 1838 г.

Очерки и стихи Александра Степановича печатались во всех крупных периодических изданиях. В некоторых из них – «Заграничный вестник» и «Искра» – он выступал в качестве ответственного редактора. В 1864 г. Афанасьев даже основал свою газету «Петербургский листок» – самую дешевую городскую газету. Но вскоре ему пришлось расстаться с ней. Будучи прекрасно образованным человеком, а Александр Степанович окончил гимназию Высших наук князя Безбородко, позже преобразованную в Нежинский физико-математический лицей, одно из лучших учебных заведений России, свободно владел польским и французским языками, Афанасьев занимался и переводами – в основном, иностранной беллетристики. Но случались и серьезные произведения, так, под его редакцией был сделан перевод 4-томной «Истории Наполеона I» Ланфре. Результаты этнографических исследований Александра Степановича были опубликованы в ряде статей в Морском сборнике. Впоследствии они составили двухтомное издание «Поездка в Южную Россию». Во время своих путешествий по Приднестровью А.С. Афанасьев видел много заброшенных памятников истории, которые постепенно разрушались, и сокрушался по поводу их дальнейшей судьбы: «...проснется же у нас когда-нибудь жажда исследования родного края» – писал он в одном из очерков «Поездка по Днестру»². Причину столь печального положения

Александр Степанович видит в том, что научные общества в России не имеют достаточно средств, чтобы проводить археологические раскопки, столь необходимые для изучения подлинной истории. Правительство тоже, по-видимому, не в состоянии помочь им, а потому, заключает автор, «наука идет медленным шагом не из отсутствия любви к ней или за недостатком просвещенных деятелей, а потому, что нет денег на ученые розыски».

Афанасьев считал, что изменить ситуацию к лучшему может только образование «народного археологического музея» на средства, собранные по подписному листу со всей России. Музей, созданный на народные деньги, свободный от диктата чиновников, по мысли Александра Степановича, явится хорошей базой для независимых научных изысканий. Идея образования народного археологического музея была впервые высказана именно Афанасьевым. Он первым занялся и созданием словаря «Малорусского наречия». Ему удалось составить его до буквы «З». Работа была напечатана в «Известиях академии наук» и получила высокую оценку академика И.И. Срезневского, назвавшего ее «драгоценнейшим достижением филологической литературы русской».

Афанасьеву было поручено описание коллекций Достопамятного зала на предмет их ценности, т. е. «достопамятности». Одновременно он был членом комиссии по приему помещений Кронверка, отведенных под музей, готовил предметы к перевозке, в т. ч. и отобранные комиссией Рота для передачи в другие учреждения, в частности в Интендантское управление³.

В это же время Александр Степанович заказывает экспозиционную мебель по чертежам, разработанным известным архитектором Р.А. Генрихсоном.

3 июля 1868 г. Афанасьев доносит в Главное управление, что перевозка достопамятных предметов завершена. В этом же рапорте он обращается с просьбой передать музею орудия, стоящие у Арсенала, «находя их весьма важными для учреждаемого музея, особенно экземпляры, служащие образцом старинного русского литья». Список с описанием 18 орудий был приложен к документу⁴.

Поскольку очень скоро стало очевидным, что основать музей только по истории артиллерийского вооружения не осуществимо из-за отсутствия многих памятников, Александр Степанович приступил к созданию музея по образцу Парижского артиллерийского

музея, т. е. смешанного, как он писал, в котором находилось бы не только оружие, но и военный костюм, предметы снаряжения, знамена и другие воинские регалии.

В новую экспозицию вошли достопамятные предметы, ранее предназначенные комиссией Рота к передаче в другие учреждения, но благоразумно перевезенные Афанасьевым в Кронверк. Ему удалось вернуть предметы и часть музейного оборудования, которые уже были доставлены в Санкт-Петербургскую крепость.

И вполне естественно, что, когда Интендантское управление стало требовать передать ему предметы по пресловутой 13-й описи, Александр Степанович встал на защиту интересов Артиллерийского музея. «...Не нахожу удобным, – писал он в рапорте от 10.01.1869 г., – лишаться вещей целыми тюками, как того желано упомянутой выше комиссии (имеется в виду комиссия генерала Рота. – Л.М.). Прилагаю при этом требуемую ведомость № 13 и считаю должным заявить, что для пополнения Интендантского музея можно отпустить по несколько экземпляров, но не все, ибо если оставить в музее, нежели одно только оружие, то зало опустеет и потеряет свой довольно красивый вид»⁵.

Чтобы сохранить памятники от посягательств Интендантского управления, которое начало претендовать не только на предметы 13-й описи, но и на полный гардероб Екатерины II, Александра I и Николая I, начальнику ГАУ пришлось обратиться к военному министру. В специальной докладной записке от 16.02.1869 г. генерал-адъютант Баранцов писал: «Между тем как работа по приведению в систематически-исторический порядок в Кронверке продвигалась вперед, постепенно выяснилось, что музеум не обладает многими памятниками, которые бы полно отражали постепенное развитие вооружения. Этих пробелов оказалось так много, что пришлось отказаться от мысли сделать музей строго артиллерийским. В этих условиях исключить из состава музея вещи, строго говоря, не имеющие прямое отношение к артиллерии, не имеющие прямое отношение к войскам или которые принадлежат известным историческим деятелям – значило бы, не достигнуть предположенной цели, – обращения его в артиллерийский музеум – отнять у него значительную долю интереса как хранилища, в котором собраны весьма любопытные и дорогие для воспоминаний военных людей предметы. По-видимому, этого придерживались и многие иностранные музеи, в том числе и Парижский музей артиллерии, ...

носит смешанный характер, который мы хотим сохранить за нашим музеем. В связи с этим мы отказались от прежних передач, ограничив их, сообразуясь с интересами музея. А кроме того, в “Магазине образцов” они (мундиры императоров) будут экспонироваться в качестве образцов обмундирования разных эпох, тогда как в Артиллерийском музее они будут висеть среди других предметов, которые будут возбуждать исторические воспоминания»⁶. Военный министр согласился с мнением ГАУ⁷.

В сентябре 1868 г. размещение достопамятных предметов в зале и установка орудий на стеллажах во дворе Кронверка были завершены. Очень любопытно, как выглядела новая экспозиция глазами одного из первых посетителей, вероятно журналиста, которому удалось попасть в еще закрытый музей. Свои впечатления он опубликовал в газете «Русский инвалид» от 8 ноября 1868 г. Приводим его статью «Историческо-артиллерийский музей в Петропавловской крепости» почти полностью.

«Петербургская хроника. Историческо-артиллерийский музей в Петропавловской крепости.

В некоторых петербургских газетах недавно было напечатано известие о том, что в Петропавловской крепости устроен историческо-артиллерийский музей. В настоящее время музей еще закрыт для публики, которая получит доступ в него по окончании кое-каких деталей устройства, долженствующего последовать в непродолжительном времени.

На днях мы, благодаря обязательной любезности заведующего музеем, г. Афанасьева-Чужбинского, имели случай осмотреть новый музей и спешим поделиться с читателями Русского инвалида некоторыми подробностями об его устройстве, полагая, что многим читателям эти подробности покажутся небезынтересными.

Музей помещается в здании Кронверка и занимает весьма обширный зал в два света. Зал разделен колоссальными столбами на три галереи. Над боковыми галереями устроены обширные хоры, на которые ведет легкая чугунная лестница, помещающаяся в одной стороне зала; средняя галерея открыта вся и представляет великолепный перспективный вид, если смотреть на нее с середины или, еще лучше, с одного конца в другой. В центре этой галереи на гранитном пьедестале возвышается бронзовый колоссальный бюст императора Александра Павловича. Вверху над бюстом, над одной из арок, подпирающих хоры, бросается в глаза изображение

двуглавого орла с распростертыми крыльями. Орел этот – весьма замечательное и оригинальное произведение искусства: короткие перья его крыльев составлены из ружейных курков, а длинные из клинков сабель. Грудь представляет кирасу, на которой блестит императорский вензель. Таким образом, орел оказывается собранным из различных частей вооружения и, надо отдать справедливость, собран чрезвычайно искусно, так что издали фигура птицы представляется как бы отлитой из бронзы. Вверху чугунная решетка хор, опоясывающая всю среднюю галерею, убрана кирасами и арматурами из знамен и различных вооружений, так что галерея с стрельчатыми массивными сводами и массивными столбами кажется чрезвычайно эффектной в декоративном отношении.

Образцы разного рода вооружений в хронологическом порядке, по эпохам. В зале, начиная с правой стороны от входа, глазам посетителя представляются всевозможного калибра и образца древние пушки, ружья и тому подобное, начиная от первой отлитой в России пушки, продолжая орудиями XVI–XVII столетий и кончая временем императора Павла. Тут есть многие достопримечательности, невольно обращающие внимание не только специалистов дела, но и просто каждого образованного человека. Без всякого сомнения, мы, читатель, не можем передать подробный перечень подобного рода достопримечательностей, так как это вывело бы нас за пределы нашей хроники, а упомянем только о некоторых из них. Таковы, например, пушки XVII в., заряжающиеся с казенной части, – пушки, без всякого сомнения, с механизмом, так сказать, первобытным, но, тем не менее, подтверждающим великую истину, что под луной нет никакого нового изобретения.

Замечательны также древние подвижные пушечные и ружейные батареи, устроенные таким образом, что большое число ружейных или пушечных стволов расположено на вращающемся валу. Такие батареи говорят весьма красноречиво о том, что и в древние времена люди хлопотали о наилучшем и наискорейшем истреблении себе подобных, хотя хлопоты их, быть может, не были столь усердны и постоянны, как в наш цивилизованный век. Есть также между старинными (XVII столетия) орудиями и совершенное, хотя и несколько грубое подобие пушки-револьвера. В этом револьвере сделаны барабаны, вращающиеся на оси и прикладывающиеся к центральному стволу точно таким же образом, как и в современных

револьверах. Разница только в механизме вращения, в отделке и, по своей вероятности, в силе выстрела.

Между образцами старинного огнестрельного оружия есть весьма много крепостных ружей-пищалей, ружей с фитилями и тому подобного. Не в излишние подробности, упомянем, что между помянутыми вооружениями наше особое внимание обратило великоколпное ружье с серебряной отделкою, принадлежащее времени Петра III. По части холодного вооружения в музее огромное количество всякого рода оружия, начиная от древних бердышей, рогатин и алебард и кончая современными саблями и штыками. Есть также несколько манекенов рыцарей, одетых в полный железный костюм, и с такими невероятно длинными и тяжелыми мечами в руках, что остается удивляться только, как господа, носившие на себе такую массу железа, ворочали этими махинами. Есть превосходные восточные кольчуги, есть солдатские каски и другие детали солдатского вооружения времен Петра III и Екатерины II, и тому подобные. Из вещей, собственно не принадлежавших к вооружению, можно упомянуть об огромном стрелецком знамени. На знамени этом, похожем на колоссальную ширму, изображен страшный суд. Как известно, это знамя воздвигалось стрельцами при торжественных случаях или во время мятежных восстаний. Затем любопытны, без всякого сомнения, для каждого русского такие предметы, как простреленная под Полтавой шляпа Петра, мундир, в котором он был во время Полтавской битвы, платье, в котором он строил корабли в Саардаме и прочие. Не менее интересны различные гвардейские мундиры Екатерины II. Есть также в музее чучело верховой лошади императрицы, на которой она выезжала в Петербург в день восшествия на престол. Седло и чепрак на этой лошади покрыты необыкновенно изящною и пышною золотой вышивкой.

Закончим наш обзор зала музея упоминанием еще об одном предмете весьма любопытном: о табурете Стеньки Разина. Табурет этот по внешнему виду весьма оригинален. Он представляет нечто вроде стула без спинки, с простым кожаным сиденьем. По бокам сиденья сделаны ременные петли, в которых вложены огромные пистолеты – по три с каждой стороны. Знаменитый волжский разбойник, сидя на этом табурете, творил суд и расправу и лично пристреливал тех, кто подвергался его осуждению. Для последней-то необходимости у него под рукою и было приспособлено полдюжины

орудий казни. Тут же находилась и палка Разина, с медными гвоздями и весьма почтенная по тяжести и размерам.

Перейдем теперь на хоры музея. Часть хоров занята образцами вооружений и другими достопримечательностями, относящимися ко времени царствования императоров Александра и Николая, часть отведена для разных иностранных орудий. Здесь взор посетителя может также остановиться на многих весьма любопытных предметах. Так, например, кому не интересно взглянуть на дрожки, в которых император Александр Павлович делал кампанию тринадцатого года? Этот экипаж представляет необыкновенную прочность работы и может помимо своего исторического значения служить любопытным образчиком экипажной моды, господствовавшей во время оно. Тут же помещаются полные коллекции мундиров и орденов императоров Александра и Николая, их шпаги, и прочие. По части орудий обращает внимание паровая пушка, изобретенная генералом Карелиным при императоре Николае. Выстрел из этой пушки производится посредством пара, и механизм ее представляет весьма сложным и весьма остроумным. Без всякого сомнения, пушка генерала Карелина не представляет удобств в практическом отношении, потому что она не нашла применения на деле. Но устройство этого орудия, некоторые принаровления для перемены положения пушки и тому подобное, свидетельствуют о труде и замечательной изобретательности генерала Карелина.

В отделе иностранных орудий прежде всего упомянем о трех древних германских пушках, заряжающихся с казенной части. Пушки эти, по предположению г. Афанасьева-Чужбинского, относящиеся к XVI столетию, присланы из Нерчинска. В Нерчинск же они попали из Японии, а в Японию – с какого-то португальского корабля, потерпевшего крушение. Словом, история путешествия пушек представляется весьма чудесною. Замечательны также некоторые английские, французские и другие орудия. Можно обратить также внимание на турецкие серебряные щиты победные – трофеи.

Кроме тех орудий, которые помещаются в зале, почти половина обширного двора Кронверка занята различного рода пушками, старинными и современными, которые также входят в состав принадлежащих музею. Рассмотренные предметы в музее, вообще говоря, в хорошем порядке с знанием дела и с большим вкусом и эффектом в декоративном отношении. Г. Афанасьев-Чужбинский слишком полтора года работал над разборкою и нумерацией группировкою

того многочисленного материала, который ныне находится в зале музея. Здание Кронверка весьма характерное и примечательное в архитектурном отношении, по нашему мнению, представляет соответствующее и вполне приличное для такого рода музея. Зал, как мы уже сказали, очень хорош, но в нем есть один только недостаток: окна его малы и не дают света столько, сколько было бы желательно для зала музея. В особенности это неудобство чувствуется весьма на одной стороне хоров, которые освещаются только узкими отверстиями бойниц. В настоящее время музей организован почти вполне и остается только изготовить некоторые новые деревянные станки и пьедесталы для различного рода оружия и исправить и привести в приличный вид те из старых, которые оказываются годными. Когда будут окончены работы по этой части, музей откроется для публики.

Расставаясь с историческо-артиллерийским музеем, не можем не упомянуть о том, что в последние годы у нас этого рода полезным хранилищам, как говорится, не везет. Не дальше, как в минувшем году, в здании Адмиралтейства открылся прекрасный морской музей. Теперь Петербург в скором времени будет иметь артиллерийский. Можно только радоваться, что, наконец, наша столица начинает подражать в этом отношении европейским, где подобные коллекции существуют в обширных размерах и устраиваются весьма тщательно и даже роскошно».

Вместе с тем для открытия музея необходима была новая мебель, часть памятников нуждалась в реставрации и чистке. 25 ноября 1868 г. Афанасьев докладывает, что нужно сделать в первую очередь: «...я ограничусь лишь тем, что необходимо для первоначального открытия музея для публики... необходимо переделать по другому рисунку и окрасить 150 знаменных стоек, 20 тумб под рыцарей, 12 под барабаны, 15 круглых точечных (?) под значки. Построить вновь 8 пирамид под шапки, топоры и ружья; 15 круглых стоек под штандарты, 2 особенных чертежа под крепостные ружья, 10 столов под модели и другие мелкие предметы. Реставрировать 20 рыцарей и почистить огнестрельное и холодное оружие»⁸.

Изготовление мебели поручалось мебельному мастеру Николаю Леонтьеву. Реставрацию разрешено было провести «коммерческим способом». К сожалению, в документах не упоминается, кем проводилась реставрация. Известно только, что в декабре 1869 г. все

двадцать фигур рыцарей были отреставрированы и оружие очищено от ржавчины⁹.

В январе 1869 г. Афанасьев-Чужбинский обращается в ГАУ с просьбой допустить в музей художников газеты «Всемирная иллюстрация» для выполнения рисунков особо достопримечательных предметов с последующей их публикацией. «Это будет полезно для ознакомления публики с новым музеем», – подчеркивал Александр Степанович в донесении. В 1870 г. в периодической печати были впервые опубликованы памятники Артиллерийского музея с краткими аннотациями, составленными заведующим¹⁰.

К этому времени Артиллерийский музей был открыт для посещения. Первая группа, которой было разрешено осмотреть музей 7 и 9 апреля 1869 г. (мы опускаем посещение отдельных персон), были юнкера Михайловского артиллерийского училища. И с этого времени начинается регулярное посещение Артиллерийского музея.

В марте 1869 г. А.С. Афанасьев-Чужбинский участвовал в работе 1-го съезда археологов, на котором выступил с докладом о «богатейшем собрании древностей Артиллерийского музея». В своем сообщении он особо подчеркнул научную ценность музейных памятников, объявив при этом научному сообществу что «по истории артиллерии подобного собрания нет нигде в Европе»¹¹.

Помимо участия в работе съезда, Александр Степанович подробно осмотрел Московский арсенал и нашел «полезные для Артиллерийского музея орудия времен Петра Великого и мортиру, стоящую у ворот казармы». Речь идет об известной мортире Чохова 1605 г. Афанасьев снял копии со всех надписей на ней и в своем очередном рапорте писал о необходимости иметь ее в Артиллерийском музее: «Мортира эта замечательна во-первых, как единственный памятник относительно вооружения из времен Дмитрия Самозванца, во-вторых, интересна повелением Петра Великого о не уничтожении этого памятника»¹².

Посетил он и Московскую Оружейную палату, где увидел много оружейных памятников оригинальной конструкции, в т. ч. и древних. На его предложение хранителю обменяться дуплетными экземплярами было заявлено, что палата является собственностью государя императора и вряд ли можно надеяться на положительное решение. Афанасьев не мог смириться с таким положением вещей. Он просил ГАУ обратиться к военному министру, объяснить ему суть дела и напомнить, что при учреждении Артиллерийского

музея имелось в виду не только «удовлетворение любопытства посетителей», но и создание базы для изучения молодыми людьми истории оружейного дела. Завершая свою просьбу, Афанасьев-Чужбинский писал: «Будучи предан делу, с искренним желанием принести ему посильную пользу и питая надежду по возможности широкого развития этого дела при сочувствии к нему просвещенного артиллерийского начальства, я считаю святым долгом просить о докладе моего настоящего заявления господину Военному министру его высокопревосходительству Дмитрию Алексеичу, при своем личном посещении музея изволил лично мне обещать свое ходатайство во всех случаях, касающихся улучшения в нашем хранилище»¹³. Неизвестно, докладывал ли военный министр императору о просьбе ГАУ, но обмен не состоялся.

А вот поездка Афанасьева-Чужбинского на Тульский оружейный завод дала положительные результаты. Александр Степанович отобрал в арсенале несколько образцов оружия и обратил внимание на две пицали времен царя Алексея Михайловича, валившиеся у крыльца арсенала. Оказалось, что они не принадлежат заводу и давно проданы как металлолом одному из тульских купцов. По его ходатайству оба орудия были переданы в музей, и сегодня они представлены на экспозиции – это пицали «Дикобраз» и «Нечай», инв. № 9/66 и 9/67 соответственно.

Тогда же Афанасьев-Чужбинский обращается с просьбой в ГАУ разослать в округа распоряжение о срочной доставке подробных ведомостей обо всех экземплярах орудий, предназначенных к уничтожению, «ибо, – как он пояснял – нет сомнения, что в числе их найдутся вещи не только интересные, но и даже может быть и важные в историческом отношении»¹⁴.

Надо сказать, что начиная с конца 1868 г. в музей постоянно поступают различные образцы оружия и артиллерийских орудий. Наряду с современным вооружением передаются и старинные предметы из Александровского завода, С.-Петербургского арсенала, Модельной комнаты генерал-фельдцейхмейстера, из Михайловской артиллерийской академии, Туркестанского военного округа, Императорской археологической комиссии и других мест¹⁵.

В мае 1870 г. по инициативе Афанасьева-Чужбинского музей принял участие во Всероссийской мануфактурной выставке в С.-Петербурге. Музейные предметы были выставлены в археологическом отделе. Это была первая выставка большого масштаба, где

участвовал Артиллерийский музей. В начале 1872 г. Александр Степанович готовил экспонаты музея для Московской политехнической выставки.

Во главе Артиллерийского музея Александр Степанович Афанасьев-Чужбинский оставался недолго, но деятельность его была безусловно плодотворна. Да, он не был специалистом в области вооружения, однако он, прекрасно образованный человек, умел широко оценивать памятники истории и обладал необходимыми качествами музейного работника. Созданную им экспозицию даже с позиции сегодняшнего дня нельзя оценивать как «совершенно не научную». Во-первых, экспонаты обладали бесспорной научной ценностью, во-вторых, в их расположении был заложен принцип хронологии. Афанасьев правильно определил и функции музея. Он считал, что музей не только хранилище памятников науки, но и просветительное учреждение, и стремился реализовать это направление в стенах музея, на выставках, в публикации памятников в периодической печати. Есть еще один факт, возможно не столь значительный, но очень отчетливо характеризующий Александра Степановича как музейного деятеля. Когда в 1868 г. встал вопрос о переезде из С.-Петербургского арсенала в Кронверк, Александр Степанович запросил разрешение на фотографирование достопамятных предметов, которые имеют особую ценность, но находятся в плохом состоянии и, несмотря на тщательную укупорку, могут пострадать¹⁶.

Деятельность А.С. Афанасьева была положительно оценена и Главным артиллерийским управлением: 20 апреля 1869 г. «за отлично преданную службу» он был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени. 9 ноября 1870 г. за устройство «русского музеума на Всероссийской мануфактурной выставке» удостоился высочайшего благоволения. 9 марта 1874 г., когда он уже был только помощником заведующего АМ, австрийский император наградил его Кавалерским Крестом ордена Франца Иосифа. Как явствует из послужного списка Александра Степановича, «в службе чиновника сего не было обстоятельств, лишающих его права на знак Отличия беспорочной службы»¹⁷.

Примечательно, что о деятельности А.С. Афанасьева-Чужбинского в должности заведующего Артиллерийским музеем в литературе почти ничего нет. В биографических очерках о нем либо ничего не говорится, либо авторы ограничиваются небрежной фразой¹⁸,

что в последние годы перед смертью он пристроился смотрителем Петропавловского музея. Прямо скажем, неуважительно ни к личности писателя, ни к учреждению, которому он отдал последние девять лет своей жизни. Не вошел Александр Степанович и в Российскую музейную энциклопедию. И в этом видится уже доля нашей вины. Раздел предлагаемой выставки, посвященный Александру Степановичу Афанасьеву-Чужбинскому, будет, на наш взгляд, достойной памятью о нем.

Н.Е. Бранденбург (8.08.1839–31.08.1903)

Преемником А.С. Афанасьева-Чужбинского стал генерал-лейтенант русской армии, известный ученый и просветитель второй половины XIX – начала XX вв. Николай Ефимович Бранденбург. Он был назначен заведующим Артиллерийским музеем 13 октября 1872 г. Должность помощника заведующего занимал А.С. Афанасьев-Чужбинский. К этому времени Бранденбург стал уже признанным специалистом в области истории вооружения и имел опыт создания систематической экспозиции на Московской политехнической выставке 1872 г. Им же был составлен каталог Артиллерийского отдела выставки.

Н.Е. Бранденбург

Став во главе музея, Николай Ефимович в первую очередь создает архив и библиотеку, прекрасно понимая их роль в изучении собрания. Бранденбург относил оружейные памятники к первоисточникам знаний не только по истории вооружения, но и в целом науки и техники. Именно поэтому среди множества проблем, стоявших перед ним, он выбрал главную – изучение богатейших коллекций. Новый уровень исследования предполагал, кроме изучения и описания памятников, их систематизацию, первичное обобщение и издание. Талантливый исследователь, Бранденбург разработал совершенно

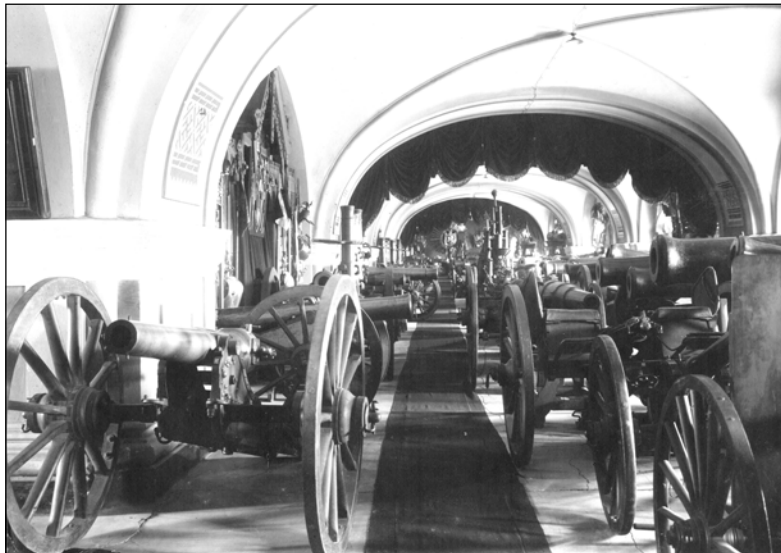
новую методику классификации и систематизации оружейных памятников. Он категорически отказался от расположения всех памятников в строго хронологическом порядке. Николай Ефимович правомерно утверждал, что порядок расположения музейных предметов, охватывающих пять веков, очень важен для адекватного восприятия истории развития видов вооружения в России, а также места самого памятника в этом процессе. Он предложил совершенно новый принцип систематизации, в основе которого лежат временные периоды развития артиллерии. Каждый период включал в себя несколько разделов, где памятники систематизированы по предметно-типологическому принципу с учетом их назначения, в хронологическом порядке. К 1876 г. Бранденбург закончил изучение коллекции самых древних памятников музея XV–XVII вв., которая была опубликована в виде исторического каталога в 1877 г.

Одновременно Николай Ефимович разыскивает раритеты вооружения по всей России. Но теперь собирательская работа в музее носит строго направленный характер. Прежде всего, нужно было закрыть лакуны, имеющиеся в коллекции оружейных памятников.

В 1873–1876 гг. в музей поступает древнее вооружение из Тихвинского, Соловецкого и Кирилло-Белозерского монастырей. В 1873 г. из Московского арсенала была передана мортира 1605 г., замеченная еще Афанасьевым-Чужбинским. В 1875 г. Бранденбургу удалось произвести обмен с Московской Оружейной палатой, не состоявшийся четыре года назад. В последующие годы в музей поступили старинные орудия и оружие из Троице-Сергиевой лавры, Суздальского Спасо-Ефимьевского монастыря, из Киевского и Брянского арсеналов, Тульского оружейного завода, Рижского гарнизона и еще целого ряда мест.

В мае 1877 г. Бранденбург, как известно, отправляется в действующую армию. После завершения плевенской эпопеи он возвращается и с еще большим энтузиазмом занимается преобразованиями. При нем составляются новые инвентарные книги на все музейные предметы. Эти учетные книги, названные впоследствии «Красными книгами Бранденбурга», содержат бесценную информацию и до сих пор являются источником для атрибуции многих музейных предметов.

Постепенно преобразуется и музейная экспозиция в соответствии с новой, разработанной Николаем Ефимовичем, систематизацией.

Зал русских памятников XIX столетия. Фото 1912 г.

По боковым галереям зала располагается отечественное вооружение: у наружной стены орудия осадной и крепостной артиллерии, в центре – полевая и полковая артиллерия, у колонн – ручное огнестрельное, холодное и защитное вооружение. Центральная галерея отдана архиву, библиотеке и «национальным историческим памятникам». Там помещались знамена, форма одежды и снаряжение, войсковые регалии. Отдел иностранного вооружения располагался на втором этаже.

В 1880-е годы Бранденбург продолжает изучение коллекций, которое завершилось изданием 2-го и 3-го томов каталогов (1883 и 1889). Трехтомное издание «Исторического каталога Санкт-Петербургского артиллерийского музея» является фундаментальным научным трудом по истории вооружения, не потерявшим своей актуальности и в настоящее время.

Труд этот был постоянно востребован специалистами, его преподносили высокопоставленным представителям иностранных государств. В феврале 1902 г. император Николай II при посещении Артиллерийского музея выразил желание иметь все три части каталога, которые и были ему преподнесены от имени Николая

Ефимовича военным министром. На сопроводительной записке синим карандашом, рукою императора написано: «Благодарю автора»¹⁹. А в январе 1911 г., когда ГАУ потребовало два экземпляра трех томов Исторического каталога, второго тома уже не оказалось в наличии²⁰.

Стремление пополнить фонды музея древним вооружением приводит Бранденбурга к исследованиям и археологическим раскопкам. С 1878 по 1884 г. его археологические экспедиции были направлены в район Южного Приладожья. В результате составлена обширная и редкая коллекция древностей, которая вместе с подробным дневником и рисунками автора была опубликована в 1895 г. отдельной работой – «Курганы Южного Приладожья».

С 1884 по 1889 г. Бранденбургом проводятся широкомасштабные исследования Староладожской крепости. В его планы входит не только всестороннее изучение, но и сохранение древнего памятника. В 1896 г. к 50-летию образования Императорского русского археологического общества, членом которого являлся Бранденбург, был опубликован его капитальный труд «Старая Ладога», содержащий большое количество фактического материала и таблицы чертежей, выполненных академиком живописи В.В. Суловым.

С 1888 по 1892 г. заведующий музеем занимается военно-археологическими исследованиями районов древних битв. Он совершает поездки в Могилевскую, Екатеринославскую, Смоленскую и Новгородскую губернии. Главная цель этих поездок, по определению Николая Ефимовича, это «расширение коллекции древнего вооружения нашего Артиллерийского музея»²¹.

В последующие годы (1892–1902) Бранденбург ведет археологические изыскания на юге России. Там ему удалось найти редчайшие памятники древности: греческие и скифские сосуды, оружие, принадлежности конской сбруи, знаки власти. Но самая главная находка – скифский панцирь. По поводу последнего Бранденбург писал: «...в нашем музее будет редчайшая вещь во всей Европе; экземпляров целого скифского панциря не существует нигде».

Трудоёмкие и целенаправленные исследования Бранденбурга в области археологии не только внесли весомый вклад в науку, но и создали возможность для организации в музее нового раздела экспозиции – «доисторического», куда вошли археологические раритеты каменного, бронзового и железного веков. Путеводитель по

этому разделу написал сам Николай Ефимович. Это была его последняя публикация.

Н.Е. Бранденбург внес колоссальный вклад в строительство музея. Созданная им экспозиция отвечала всем высоким требованиям того времени. Она говорила с посетителями уже «языком идей, а не вещей». Николай Ефимович обладал системностью мышления, он рассматривал все науки во взаимосвязи и видел место истории вооружения среди других областей знаний. Методика, разработанная им, давала возможность не только знать отдельные факты, но и представлять прошлое русской артиллерии как исторический процесс. Долгие годы, почти 16 лет, Бранденбург проводил грандиозную работу по преобразованию музея, по существу, один. Д.П. Струков стал его помощником только в 1888 г. Для сравнения, в создании Императорского Российского исторического музея участвовал весь цвет исторической науки. Научную концепцию и тематическую структуру разрабатывал академик К.Н. Бестужев-Рюмин, дальнейшая работа в музее проходила под руководством специально созданной комиссии, в которую вошли известные ученые – И.Е. Забелин, С.М. Соловьев, В.Е. Румянцев, Д.И. Иловайский, В.О. Ключевский, А.С. Уваров (председатель).

Уважаемый ученый, историк и археолог Бранденбург имел прочные связи со многими научными обществами: С.-Петербургским и Московским археологическими, Русским историческим, губернскими, учеными архивными комиссиями, которые передавали музею ценные предметы вплоть до 1917 г.

К его помощи неоднократно прибегали как научные общества, так и отдельные специалисты. Императорская археологическая комиссия регулярно направляла письма своих корреспондентов к Николаю Ефимовичу с просьбой ответить на вопросы, связанные с археологией, неизменно предвеляя свою просьбу словами «имея в виду вашу опытность»²². Бранденбург оказывал помощь Обществу ревнителей военных знаний, в частности в устройстве выставки, посвященной Нарве²³.

Пользовались консультациями Николая Ефимовича и известные ученые, например, член военного совета, заслуженный ординарный профессор Михайловской артиллерийской академии Николай Афанасьевич Демьяненко²⁴, ординарный профессор Николаевской академии Генерального штаба, военный историк Александр Захарович Мышлаевский. Несмотря на то что он уже заручился

поддержкой таких крупных ученых, как Н.Ф. Дубровин и Н.К. Шильдер – оба академики Императорской Академии наук – Мышлаевский счел для себя необходимым получить консультацию такого научного авторитета, как Бранденбург²⁵.

Тем не менее в многогранной и плодотворной деятельности Николая Ефимовича Бранденбурга главное место занимал музей. При нем АМ стал научным и просветительным учреждением со своими традициями, многие из которых живы и по сей день.

Празднование 500-летия русской артиллерии

Празднование 500-летия русской артиллерии состоялось благодаря Н.Е. Бранденбургу. Он в это время был, пожалуй, самым крупным ученым в области истории отечественного вооружения и, вполне естественно, что именно ему принадлежала инициатива отметить столь знаменательный юбилей.

**Титульный лист книги
Н.Е. Бранденбурга
«500-летие русской
артиллерии». 1889 г.**

4 марта 1889 г. Николай Ефимович пишет краткую памятную записку на имя товарища генерал-фельдцейхмейстера Л.П. Софиано, в которой в очень осторожной форме интересуется от имени «многих артиллерийских офицеров», будет ли разрешено официальное празднование «500-летия существования русской артиллерии». В случае отказа Бранденбург просит разрешения «на частное собрание русских артиллеристов», пожелавших участвовать в товарищеском обеде, который можно провести в Артиллерийском музее или в одном из столичных ресторанов. В этой же записке он просит особого разрешения на изготовление частным образом памятного жетона²⁶.

Официального разрешения в документах не обнаружено, но, по-видимому, Николай Ефимович получил его, потому что в его записке от 10 марта на имя генерал-адъютанта Софиано уже изложена развернутая программа предполагаемого торжества, которое было решено приурочить ко дню тезоименитства генерал-фельдцейхмейстера великого князя Михаила Николаевича, то есть к 8 ноября:

- составить и издать историческую записку о 500-летию русской артиллерии,
- провести торжественное собрание в помещении Артиллерийского музея,
- организовать товарищеский обед на добровольных началах,
- выбрать медаль в память 500-летней годовщины русской артиллерии²⁷.

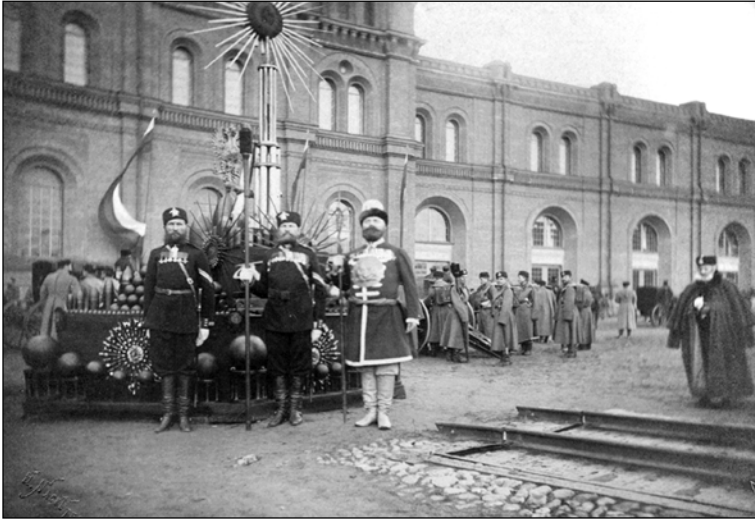
В процессе подготовки к торжеству Бранденбург предложил издать «Историко-археологический альбом», куда должны были войти фотографии основных образцов артиллерийских орудий, начиная с орудий XV в. и заканчивая современными на то время стальными орудиями образца 1878 г. Кроме того, Николай Ефимович посчитал необходимым отметить юбилей серьезным научным вкладом в историю отечественного вооружения – опубликовать каталог документов 1700–1721 гг., хранящихся в архиве музея. Эту работу должен был выполнить его помощник Д.П. Струков. Бранденбургом же был составлен проект памятного жетона.

Начиная с марта в газетах и журналах появляются статьи с кратким изложением 500-летней истории артиллерии. Предприятия промышленности тоже готовились к торжеству. На оружейных заводах делались роскошно оформленные охотничьи ружья в подарок императору, на С.-Петербургском патронном заводе инструментальный и трубочный отделы изготовили свою лучшую продукцию и поместили ее в особые рамы.

С начала сентября стали проводиться работы по электроосвещению входа и зала, где должно было проходить торжественное собрание.

Николай Ефимович не только осуществлял руководство в подготовке так называемой научной части торжества, т. е. писал очерк по истории артиллерии, готовил доклад для торжественного собрания, был научным редактором при подготовке к изданию архивных документов, контролировал изготовление фотоальбома, он также отслеживал художественное оформление помещений и двора Кронверка. Оформление должно было быть не только красивым, но и соответствовать знаменательной дате.

В день торжества двор Кронверка и внутренние помещения выглядели следующим образом. На дворе, против главного входа, была устроена большая оригинальная пирамида, сложенная из сферических и продолговатых снарядов. Вверху помещалась звезда из

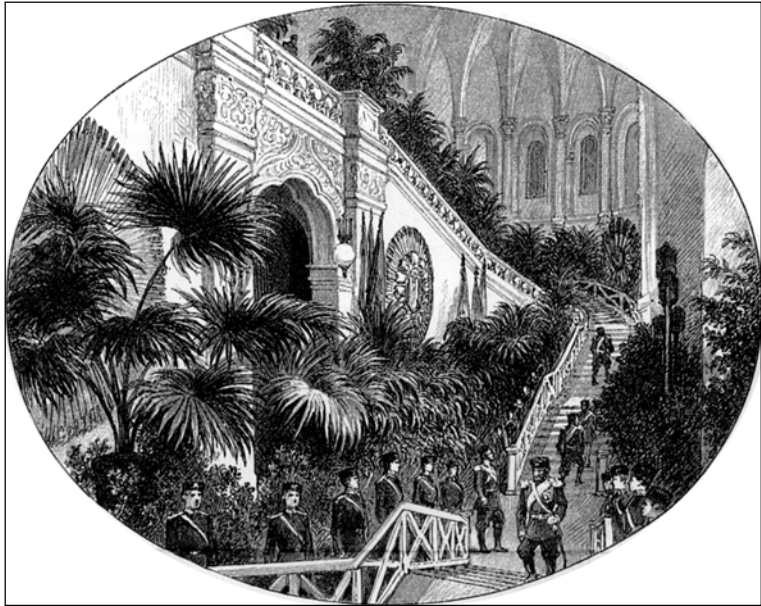

**Празднование 500-летия отечественной артиллерии
на территории музея. Фото 1889 г.**

клинков, а по бокам снаряды были выложены таким образом, что составляли вензель императора Александра III.

Вход в здание был обнесен высоким деревянным тамбуром, по обе стороны от него фасад Кронверка был украшен большими, почти семиметровыми флагами, под ними находились две пирамиды из сферических ядер, а рядом для контраста были поставлены две бомбы 14-дм калибра. На верху тамбура помещался двуглавый орел, составленный из клинков, трубочных лядунок и других подобных предметов. Внутри тамбур был обит зеленым сукном.

При входе в вестибюль сразу же привлекали внимание две огромные звезды, размещенные по сторонам арочного пролета. Звезды, диаметром более 4-х метров, были выполнены из оружейных стволов, штыков и шомполов, наложенных на таких же размеров георгиевские кокарды. В центре звезд находились два больших лепных герба на мантиях – Московский и Государственный, окруженные кирасами императрицы Екатерины II и новейшего времени. А по сторонам каждого герба – тоже крупные наведенные золотом цифры, на одной – «1389», на другой – «1889». Справа и слева на кронштейнах стояли два манекена в полном рыцарском вооружении

Музей в дни празднования 500-летия отечественной артиллерии

Средних веков с мечами в руках. Над ними арматуры из знамен с серебряными щитами. Напротив арочного пролета находился взвод из артиллерийской офицерской школы с двумя 6-дм полевыми мортирами обр. 1885 г. – последним словом артиллерийской техники.

Лестница наверх тоже была украшена. По наружной стороне простенки между окнами были заполнены арматурами из орудийной принадлежности, драпированными флагами, и на каждой арматуре – сияние из клинков, середина которых закрывалась разноцветными кокардами с прикрепленными на них инициалами великого князя Дмитрия Донского и императора Александра III (сплетение букв «Д» и «А»). Кроме того, на каждом сиянии была надпись золотом, напоминавшая о прошедших сражениях – «Бородино. 1812», «Лейпциг. 1813», «Кунерсдорф. 1759» и т. д. Выше находились серебряные трубы. На апарельной части была сделана временная лестница, покрытая красным сукном и с обеих сторон богато декорированная зелеными растениями, сквозь которые проглядывали оружие и бронзовые кирасы, украшавшие перила каменной лестницы.

Вдоль всей лестницы стояли юнкера Михайловского артиллерийского училища.

На верхней площадке, против входа, стоял стол, покрытый красным сукном, на котором лежали медали, жетоны, издания, специально приуроченные к юбилею, изделия оружейных и патронного заводов.

Зал, где проходило торжественное собрание, был декорирован особенно пышно. Вход в него был обрамлен красными суконными драпировками и украшен арматурами из оружия, знаменами, декоративными растениями. Окна были закрыты пирамидами из ружей, а бойницы превращены в глухие ниши с вставленными в них стеклами, расписанными средневековыми сюжетами и подсвеченными сзади электрическими лампочками.

Напротив входа, у наружной стены зала, находился большой портрет, во весь рост, Александра III в роскошной золотой раме. Поставлен он был на резном с позолотой пьедестале. Портрет помещался на фоне стены, закрытой огромной, эффектно собранной и подхваченной кистями красной суконной драпировкой. Вокруг стояло много зелени. По бокам портрет был обрамлен знаменами, рядом на белых пьедесталах находились поясные бюсты Дмитрия Донского и Петра Великого и два артиллерийских орудия. Справа – XV в., слева – стальная легкая пушка на лафете.

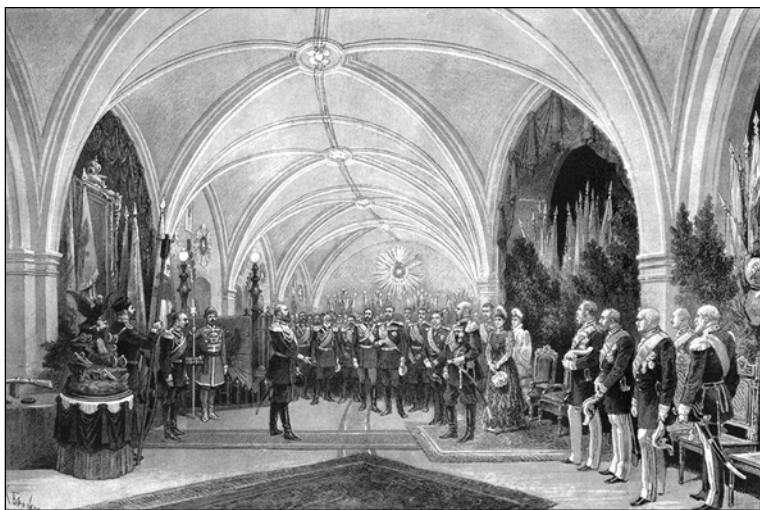
Кроме того, у подножия портрета была поставлена самая ранняя сохранившаяся бронзовая пицаль мастера Якова 1492 г. Орудия были осенены артиллерийскими знаменами XVIII в. из коллекции Артиллерийского музея. При пушках находились два артиллериста. Один, стоявший у древних орудий, был одет в специально сшитый для этой церемонии костюм пушкаря XVII в., в красный обшитый позументом кафтан, с большим пушкарским знаком на груди. Другой – в современной для того времени форме артиллериста с банником в руках стоял у легкой пушки. Роль артиллеристов исполняли два георгиевских кавалера фельдфебеля 1-й и 2-й гвардейских бригад Храпов и Заремба.

Слева от портрета находился стол с подарками императору, справа – обшитая красным сукном трибуна, по бокам которой стояли в виде пирамиды поставленные на дуло пушки XVIII в. В центре пирамиды размещался орел, составленный из разных оружейных частей и окруженный сиянием из шомполов; внизу стояли новейшие артиллерийские снаряды от 11-дм до 42-лин. калибра.

Левее портрета помещался большой киот с образом Святителя Николая Чудотворца, перед которым совершалось молебствие. Образ принадлежал 1-й гвардейской артиллерийской бригаде, по преданию был подарен бомбардирской роте Петром I и сопровождал ее в походах.

Остальное декоративное убранство зала состояло из 30 больших арматур и 14 таких же размеров звезд, украшенных знаменами и флагами. Арматуры по наружной стене составлены были, главным образом, из артиллерийской принадлежности, а по внутренней – из знамен, ружей, кирас и прочих подобных предметов. На звездах в середине находились георгиевские и национальных цветов кокарды с большими золотыми инициалами «Д IV» и «А III», а на самих клинках, из которых сделаны звезды, золотые надписи многих сражений, где отличилась русская артиллерия.

Кроме того, зал был убран растениями. Вдоль стен стояли шеренги юнкеров Михайловского артиллерийского училища. Остальное свободное пространство было занято креслами и стульями на 800 чел. приглашенных. Для особ императорской фамилии были поставлены специальные кресла напротив портрета Александра III.

Посещение императором Александром III АМ в 1889 г.

Пышно декорированный зал, залитым ярким электрическим светом, выглядел весьма эффектно.

Торжественное собрание, посвященное 500-летию русской артиллерии, состоялось 8 ноября 1889 г. Программа и порядок чествования были строго регламентированы.

В праздничной церемонии приняли участие император Александр III с императрицей Марией Федоровной, члены императорской фамилии великие князья Георгий и Павел Александровичи, Константин Константинович, Николай, Михаил, Александр и Сергей Михайловичи, великая княгиня Александра Георгиевна, герцоги Георгий и Михаил Георгиевичи Мекленбург-Стрелецкие, а также военный министр, начальник штаба, главные начальники родов войск, главы министерств, другие высокопоставленные военные и гражданские чиновники; представители почти всех научных учреждений и обществ, в том числе Академии наук, Публичной библиотеки, Эрмитажа, Российского исторического музея, Морского, Политехнического, Румянцевского музеев.

Торжественная часть началась около 11 часов с приездом генерал-фельдцейхмейстера великого князя Михаила Николаевича. Он вошел в заполненный гостями зал (съезд приглашенных был назначен на 10 часов) и поздравил присутствующих с праздником. После чего военный министр Ванновский торжественно прочитал «Высочайше дарованную в этот день всей русской артиллерии грамоту».

В 11 часов с минутами под восторженные крики приветствия и звуки музыки прибыл Александр III. Император, желая продемонстрировать уважение царствующего дома к артиллерии, как роду войск, был одет в военный мундир 1-й лейб-гвардии артиллерийской бригады. Мария Федоровна, сопутствующая ему практически повсюду, была в алом бархатном платье с черными лентами, символизирующими цвета артиллерии. Остальные высочайшие особы были тоже в артиллерийских мундирах.

С появлением императорских особ в зале началось молебствие Архистратигу Небесных Воинств Михаилу, закончившееся концертным исполнением певчими Сергиевского собора «Тебе бога хвалим» композитора Бортнянского. По окончании было провозглашено многолетие императору и всему его дому. Затем со стен Петропавловской крепости был произведен императорский салют в 101 выстрел. Как только отгремел последний выстрел, сразу

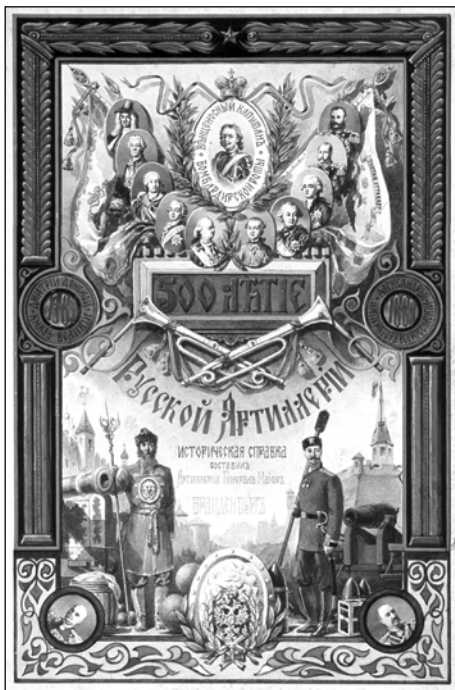
началось исполнение кантаты, специально написанной к этому дню штабс-капитаном Вейцманом. В это время великий князь Михаил Николаевич преподнес букеты белых роз, перевязанных темной бархатной лентой, опушенной красным кантом, императрице Марии Федоровне и великой княгине Александре Георгиевне. Позже от имени всех артиллеристов он поблагодарил императора за особую грамоту.

А сам Александр III выступил с приветствием, в котором звучали такие слова: «Господа артиллеристы, я счастлив, что могу приветствовать вас сегодня с 500-летним юбилеем дорогого всем нам дня, и счастлив, что этот редкий юбилей пришелся в Мое Царствование»²⁸.

На трибуну поднялся генерал-майор артиллерии Н.Е. Бранденбург. Он выступил с докладом об истории развития отечественной артиллерии. Заканчивался доклад следующими:

«Пройдут еще века, и снова настанет время, когда наши будущие артиллеристы опять соберутся на празднество своей уже тысячелетней годовщины; в воспоминаниях своих

они также коснутся прошлых дней своего оружия, будут с любопытством взирать на далеко устаревшие для них памятники нашего нынешнего вооружения, но нет сомнения и в том, что развернув боевые летописи русских войск за грядущие столетия, будущие наши артиллеристы встретят такие же славные страницы, какие начертали и нам наши предки; они найдут, что века изменили все,

**Обложка книги Н.Е. Бранденбурга
«500-летие русской артиллерии.
1389–1889». Худ. Сабанеев**

изменили оружие и артиллерию, приемы и способы ведения войны, но что осталась все тою же вековая незыблемая доблесть русского солдата и его беззаветная готовность сложить в борьбе с врагом свою голову. За веру, Престол и дорогое наше Отечество»²⁹.

Речью Бранденбурга закончился торжественный акт 8 ноября.

В этот же день императорская чета в сопровождении великого князя Михаила Николаевича и генерал-адъютанта Софиано посетила Артиллерийский музей. Пояснения давал заведующий музеем Н.Е. Бранденбург.

Император очень заинтересованно осматривал достопримечательности, особенно его поразили стрелецкое знамя XVII в. с изображением Страшного суда, роскошная парадная колесница для перевозки артиллерийского знамени 1760 г. и древние пушки, заряжающиеся с казенной части. В гостиной Артиллерийского музея Александр III и Мария Федоровна занесли свои имена в книгу для посетителей, специально изготовленную к юбилею. Император поблагодарил Николая Ефимовича за доклад и объяснения и как особый знак благоволения – подал ему руку.

Во второй половине дня состоялся еще один высочайший рескрипт уже на имя его императорского высочества генерал-фельдцейхмейстера. Значение двух императорских рескриптов столь велико, что содержание их было опубликовано в специальном приказе по артиллерии № 136 от 10 ноября 1889 г.³⁰

9 ноября в 3 часа торжественное собрание было продолжено. В том же зале великий князь Михаил Николаевич принимал приветствия и поздравления от государственных и общественных организаций. Вечером, в 5 часов 30 минут в Дворянском собрании состоялся торжественный обед. Завершились юбилейные торжества 10 ноября завтраком во дворце Михаила Николаевича, куда были приглашены все артиллерийские генералы и все артиллеристы, бывшие на юбилей.

Почти все газеты России освещали 500-летие русской артиллерии и непременно упоминали о замечательных коллекциях Артиллерийского музея. А «Всемирная иллюстрация» и «Новь» поместили фотографии самых раритетных памятников.

Чествование артиллерии превратилось во всероссийский праздник. Помимо приветственных адресов на имя генерал-фельдцейхмейстера поступило более 128 поздравительных телеграмм, среди которых было немало от офицеров не артиллеристов.

Русская артиллерия была единственным родом войск, который отметил свой столь значительный юбилей. А Артиллерийский музей предстал перед российской публикой как единственное и самое богатое хранилище памятников славной истории отечественного вооружения.

И не было бы этого большого яркого праздника, если бы не инициатива и горячее участие Николая Ефимовича. И пусть сейчас изменена дата рождения артиллерии (с 1389-го на 1382 год), традиция отмечать этот праздник осталась.

Д.П. Струков (4.04.1867–1920 (?))

8 сентября 1903 г. заведующим музеем был назначен Дмитрий Петрович Струков. Это был достойный преемник Н.Е. Бранденбурга, искренне почитавший своего учителя и успешно продолживший его дело.

Д.П. Струков окончил Орловский Бахтина кадетский корпус и 3-е Александровское военное училище. Служил в 5-й артиллерийской бригаде, которая квартировалась в Нежине. При содействии командира бригады и городского головы изучал местные курганы и городской архив Нежинского Историко-филологического института. На этой почве завязалась переписка Струкова с Бранденбургом, по ходатайству которого он был переведен в С.-Петербург.

Сохранился весьма любопытный документ – письмо Н.Е. Бранденбурга от 17.12.1887 г., в нем автор с предельной откровенностью описал положение, в котором окажется Струков по приезду. «...Начать

**Д.П. Струков. Фотография
начала XX в.**

с того, что музей – учреждение, не имеющее никакого штата, почему Вас придется пристроить как-нибудь непосредственно к Главному артиллерийскому управлению, где Вы будете числиться прикомандированным или в распоряжении, – смотря по возможности. Вследствие этого материальное положение Ваше будет далеко незаманчивым!.. Если Вы не имеете собственных средств, то подумайте, как женатому человеку жить в столице на несколько сот рублей в год!.. Служебные требования: ежедневные занятия в музее с 10 до 3-х часов... Занятия Ваши в музее должны быть посвящены, главным образом, огромному, кропотливому и неблагодарному труду описания архива, состоящего при музее. Надо все дела (а их тысячи) пересматривать в подлинниках и составлять новые подробные описи (потом мы их может быть издадим), вести алфавит и прочее. Утешительного для Вас в подобной работе только то, что она Вас научит многому и, если Вы ее одолеете – честь Вам и Слава, Вы воздвигнете себе вечный памятник. Итак, в итоге: масса труда и ничтожное вознаграждение! Соответствует ли это Вашим видам? Подумайте хорошенько, чтобы позже не раскаиваться, и напишите на что Вы решились. Если мрачная перспектива труженика Вас не остановит, то я готов возбудить вопрос о Вашем прикомандировании к Главному артиллерийскому управлению»³¹.

8 апреля 1888 г. Д.П. Струков был назначен на должность помощника заведующего Артиллерийским музеем. Ему был поручен архив музея, и он сразу же включился в работу по выявлению и изучению документов 1700–1721 гг. с составлением подробных описей. Приближался 500-летний юбилей русской артиллерии, и Н.Е. Бранденбург хотел отметить это событие изданием каталога документов (1700–1721).

Знание скорописи, редкая трудоспособность и удивительная добросовестность сыграли немаловажную роль в своевременном завершении каталога. «Архив русской артиллерии 1700–1718 гг. Т. I» был издан накануне праздничных торжеств. Бранденбург, осуществлявший постоянное руководство составлением каталога, высоко оценивал этот труд. В письме к Дмитрию Петровичу от 28 июля 1889 г. он писал: «Надеюсь, что Ваша энергия не ослабнет, хотя вполне понимаю, как тяжело так усиленно работать, как Вы теперь; но помните, что труд Ваш нов и важен и поэтому будет всегда иметь цену для науки, а этим могут похвастаться далеко не все, хотя и поработавшие на своем веку»³².

После выхода первой части каталога Струков еще некоторое время занимался подготовкой документов для второго тома. Но очень скоро пришлось прерваться: участились запросы ГАУ, носящие разный временной и тематический характер, например, об организации военно-учебных заведений, установлении старшинства ряда артиллерийских частей и участии их в войнах XVIII в. и др. Ответы на эти запросы требовали тщательного изучения больших комплексов архивных материалов и часто выливались в составление довольно объемных исторических справок. Так, Струков написал краткий очерк о создании и функционировании в России школ и училищ морских наук, дал достаточно подробные сведения о возникновении артиллерийской школы, начало которой положила основанная в Москве в 1698 г. школа «цифирии и землемерия». Это был первый очерк по истории артиллерийского образования в России. Изложенными в нем фактами до сих пор пользуются исследователи, изучающие образовательный процесс в военно-учебных заведениях³³. Дмитрий Петрович написал справку по истории 10-й артиллерийской бригады³⁴, а составленная им «Хроника батарей пешей и конной артиллерии» была принята Отделом по устройству и службе войск как руководство для изучения официальной хроники артиллерийских частей³⁵.

Впоследствии, на основе выполненных исторических справок, Струкову удалось опубликовать ряд работ по военной истории.

С выходом в свет первого тома «Архива русской артиллерии» возросла популярность архива музея. Его начали посещать известные ученые – И.Е. Забелин, В.Е. Барсов, А.Ф. и И.А. Бычковы, военные историки Масловский, Дубровин, Мышлаевский, Бобровский и др.³⁶

Знание Струковым содержания архивных материалов давало ему возможность оказывать существенную помощь посетителям архива. Он считал это своей неременной и приятной обязанностью. «Наша, хранителей архивных памятников, обязанность действовать по мере сил исследователям в использовании богатств архива»³⁷, – говорил Дмитрий Петрович в докладе на собрании Императорского русского военно-исторического общества.

В 1902–1903 гг., занимаясь по заданию военного министра составлением Описи знамен, штандартов и прочих регалий, Струков одновременно пристально интересовался вопросами их сохранности.

В частности, он хорошо был знаком с методом реставрации знамен и часто даже руководил этим процессом.

Дмитрий Петрович Струков проработал в музее почти три десятка лет. За это время он стал известным специалистом в области архивоведения и музееведения. Его работы «Описи знаменам, штандартам, прапорам, прапорцам, значкам, трубам за отличие, грамотам, скобам, и прочим войсковым регалиям, хранящимся в Артиллерийском музее, с указанием принадлежности таковых частям войск», «Очерк о жизни и деятельности генерал-фельдцейхмейстера великого князя Михаила Николаевича», «Путеводитель по Артиллерийскому историческому музею» и другие снискали ему известность среди военных историков.

В 1911 г. Дмитрий Петрович выступает с докладом на XV археологическом съезде. В своем выступлении он подробно остановился на состоянии древлехранилищ в данное время, особо подчеркнул их разобщенность, отсутствие информации о хранящихся в них коллекциях, что пагубно сказывается на их деятельности вообще, а главным образом в сфере научных исследований. Доклад вызвал большой резонанс в научном мире. Предполагалось, что вопросы, затронутые Струковым, после предварительного рассмотрения будут обсуждаться на следующем съезде³⁸.

К этому времени Артиллерийский исторический музей безоговорочно был отнесен к научным учреждениям. В качестве одного из доказательств может служить приглашение от Императорской Академии наук на торжественное собрание, посвященное двухсотлетию со дня рождения великого русского ученого Михаила Васильевича Ломоносова. «Убежденная, что Русские ученые учреждения и ученые сообщества, – говорилось в приглашении, – пожелают принять участие в этом торжестве Русской науки, Императорская Академия Наук позволяет себе

Д.П. Струков.

Худ. Е.Ю. Емельянов, 2008 г.

пригласить Артиллерийский музей принять участие в юбилее присылкою своих представителей»³⁹.

Струков широко занимался общественной деятельностью. Он являлся действительным и почетным членом шести губернских учебных архивных комиссий, редактором журнала «Пожарное дело» и секретарем Российского пожарного общества, председателем распорядительного комитета общества Голубого Креста, хранителем музея имени великого князя Михаила Николаевича, председателем Петроградской военно-цензурной комиссии. Дмитрий Петрович был также одним из организаторов Императорского русского военно-исторического общества и бессменным его секретарем и членом Комитета по устройству Русского военно-исторического музея. В августе 1917 г. Союз российских архивных деятелей (РАД) ввел Струкова в состав Оргбюро для подготовки съезда архивистов⁴⁰.

Но он уже был тяжело болен и отошел от дел. Точная дата смерти и место его захоронения неизвестны.

В должности заведующего, а с 1912 г. начальника музея Д.П. Струков достойно продолжил дело своего учителя Н.Е. Бранденбурга. Он организовал 200-летний юбилей музея, расширил экспозицию, создал новый отдел, привел в порядок архив, что сделало последний более доступным для исследователей, широко развернул выставочную работу музея, добился первого Положения и штата Артиллерийского исторического музея.

200-летний юбилей Артиллерийского музея

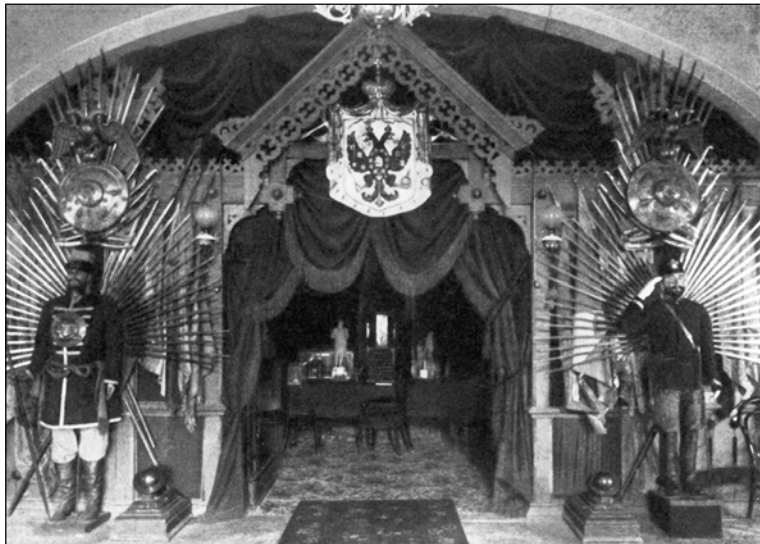
Впервые о пересмотре даты образования Артиллерийского музея высказался Д.П. Струков еще в 1900 г. В интервью корреспонденту газеты «Россия» Дмитрий Петрович назвал годом основания музея 1703 год⁴¹. Позже он подтвердил эту дату в статье «Артиллерийский исторический музей»⁴².

12 октября 1903 г. Струков пишет подробнейший рапорт в Главное артиллерийское управление, в котором излагает свое мнение по поводу приближающегося 200-летия образования музея – «Двухсотлетие существования Артиллерийского исторического музея, явившегося вместе с тем первым и древнейшим музеем России, представляется событием исключительным и заслуживающим особого чествования». И далее он пояснил, что 200-летний юбилей музея – особая дата не только в истории Артиллерийского музея, но «и в истории русской исторической культуры», и если будет

угодно официальное празднование, оно может происходить по типу торжеств, связанных с 500-летием русской артиллерии. Кроме того, Д.П. Струков в том же рапорте изложил ряд мероприятий, которые должны быть проведены. Наиболее важные из них: первое – пожалование Артиллерийскому историческому музею на основании «существующих законоположений для ученых обществ» титула «императорский». Это предложение имело весьма веские основания, Артиллерийский музей к этому времени был состоявшимся научно-исследовательским учреждением, из его стен вышел ряд солидных научных трудов, и он вполне мог претендовать на титул «императорский» по аналогии с другими музеями, например, с Императорским Российским историческим музеем. Второе – издание «Исторического очерка о музее». И, наконец, третье – проведение торжественного собрания в стенах музея с совершением благодарственного молебствия и приема депутатов от различных «ученых обществ». Завершить торжественную церемонию должен был осмотр музея⁴³.

Однако 24 октября 1903 г. ГАУ отклонило ходатайства Струкова об официальном праздновании 200-летнего юбилея Артиллерийского исторического музея, мотивируя это тем, что по Высочайшему повелению создана специальная комиссия под председательством члена Государственного совета генерал-адъютанта Обручева для создания единого военно-исторического музея в память войны 1812 г. В новый музей должны войти памятники всех войн, веденных когда-либо Россией. На этом документе Дмитрий Петрович карандашом написал: «Очень грустно»⁴⁴.

Вместе с тем, 200-летие образования одного из старейших музеев России не оставило равнодушной научную и культурную общественность Петербурга. Несмотря на то, что доступ посетителей в Артиллерийский музей был ограничен и осуществлялся только по разрешению ГАУ, он уже был очень популярен. Его посещали не только учащиеся военно-учебных заведений, офицеры и нижние чины расквартированных в Санкт-Петербурге воинских частей, но и солидные ученые, художники, архитекторы, театральные деятели. Библиотека и архив были доступны для всех военных и гражданских исследователей. Музей занимал значительное место в развитии русской культуры. Поэтому неудивительно, что в ноябре редакция газеты «Русский инвалид» обратилась с письмом следующего содержания к Д.П. Струкову: «В интересах, возможно

Вход в музей. Фото 1912 г.

широкого распространения в обществе сведений об Артиллерийском музее, особенно в виду предстоящего музею 200-летия его, главный редактор желал бы возможно чаще на столбцах “Русского инвалида” помещать сведения о предметах, поступавших в музей»⁴⁵. В дальнейшем помимо статей и заметок о музее в еженедельных приложениях к газете публиковались отдельные памятники, в частности, мортира 1605 г. и Литавренная колесница.

Официально организацию торжественных мероприятий по случаю юбилея взяло на себя Общество ревнителей военных знаний. Фактическим руководителем был Д.П. Струков. Даже при данных обстоятельствах (когда официальное празднование было отклонено) он пытался все же как можно более пышно отметить 200-летний юбилей музея. В архиве сохранились два довольно любопытных документа. Оба написаны карандашом, рукою Струкова 8 ноября. Документы явно не предназначены для официального донесения. Это скорее памятка, в которой очень лаконично изложен план мероприятий для подготовки празднования. Среди мелких, чисто практических вещей, как то: подготовка помещения музея, т. е., например, взятие напрокат вешалки, стульев, матов и ковров,

устроить эстраду и конторку, развесить флаги внутри и снаружи музея, были и такие, которые выдают намерения Струкова сделать юбилей более значимым для музея. В одном из пунктов записано: «заказать вывеску “Императорский Артиллерийский исторический музей”. По-видимому, он еще надеялся на пожалование титула. Правда, документов о его вторичном ходатайстве не обнаружено. Рассчитывал Дмитрий Петрович исходатайствовать награду надзирателю Соловьянову, много лет проработавшему в музее, и назначение штабс-капитана Жерве официальным помощником. Последние пункты, к сожалению, осуществлены не были. Не были разсланы приглашения почетным гостям от имени товарища генерал-фельдцейхмейстера. ГАУ настолько абстрагировалось от всего, что связано с 200-летием музея, что дошло до абсурда. Товарищ генерал-фельдцейхмейстера генерал-лейтенант Альфатер получил официальное приглашение на общее собрание членов Общества ревнителей военных знаний, посвященное 200-летию музея, которое будет происходить в помещении вверенного ему музея. Текст приглашения гласил: «Председатель Общества ревнителей военных знаний генерал-адъютант генерал от кавалерии барон Ф.Е. Мейендорф, свидетельствуя совершенное свое почтение, имеет честь покорнейше просить Его Превосходительство начальника Главного Артиллерийского Управления и г. г. офицеров вверенного ему Управления удостоить своим посещением Общее Собрание членов Общества, имеющее состояться согласно прилагаемой повестке».

Форма – сюртук. Повестка дня – «В воскресенье 21 декабря в 11 ч. утра в помещении Артиллерийского исторического музея по случаю исполняющегося в нынешнем году 200-летия этого музея состоится Общее собрание членов Общества ревнителей военных знаний»⁴⁶.

План помещения, где должно было проходить торжественное собрание, составленный Струковым того же 8 ноября, был подробным. Это часть центральной галереи нижнего зала музея. На плане показано размещение стульев, эстрады, место для певчих, расположение портретов, декоративных цветов. Одним словом, зал должен был выглядеть красиво и торжественно. Неизвестно, удалось ли Дмитрию Петровичу выполнить все задуманное. Фотографии, к сожалению, отсутствуют, несмотря на то что фотографирование торжества, судя опять же по записке от 8 ноября, было запланировано.

Как бы то ни было, 21 декабря 1903 г. в стенах Артиллерийского исторического музея состоялось общее собрание Общества ревнителей военных знаний, посвященное 200-летию юбилею музея. К этому дню были опубликованы краткий исторический очерк «Артиллерийский исторический музей в его прошлом и настоящем» и «Краткий систематический указатель Артиллерийского исторического музея», подготовленные Д.П. Струковым совместно с секретарем Общества ревнителей военных знаний Н. Новицким.

Юбилейное заседание проходило под председательством генерала от артиллерии члена Военного совета заслуженного профессора Н.А. Демьяненко, который и открыл торжественное собрание. В своем вступительном слове профессор Демьяненко очень ярко и выразительно рассказал о роли отечественной артиллерии в истории России и какую важную задачу в этой связи решает АИМ, сберегая ее памятники и традиции. Затем с кратким докладом по истории музея выступил Д.П. Струков, по окончании которого присутствующих пригласили осмотреть экспозицию. В помощь им был роздан систематический указатель, и, кроме того, каждую группу сопровождал консультант. Последним актом торжества было фотографирование у входа в музей всех присутствующих, на память. Фотография была позже помещена во многих периодических изданиях с подписью «Члены Общества ревнителей военных знаний, присутствовавшие на Торжественном заседании в Артиллерийском историческом музее по случаю 200-летнего его юбилея 21 декабря 1903 г.»

Юбилей музея прошел не столь торжественно, как планировал Струков и как того заслуживал старейший музей страны. АИМ не получил титула «императорский», на торжественном заседании отсутствовали крупные военные и гражданские чиновники, также научные общества, не получившие приглашение от товарища генерал-фельдцейхмейстера, да и сам глава ГАУ генерал-лейтенант Альфатер на торжественной церемонии не был. И все же 200-летие музея вызвало большой резонанс в обществе. Все ведущие газеты сообщали о юбилее музея, описывали ценность и неповторимость хранящихся в нем памятников. Некоторые из них – «Петербургские ведомости», «Русь», «Русский инвалид» помещали материал о музее два и даже три раза.

Юбилей не прошел незамеченным и в военном ведомстве. На ежегодное содержание музея с 1.01.1904 г. отпускалась теперь твердая сумма в размере 9000 рублей⁴⁷.

**Старинный колокол Петропавловского собора
в одном из залов музея. Фото 1912 г.**

О возросшем интересе к музею свидетельствуют два документа: «Книга занесения фамилий гг. посетителей С.-Петербургского Артиллерийского музея, начата в день юбилея 500-летия Русской артиллерии 8 ноября 1889 г». (фактически записи в нее начали заносить с января 1904 г.) и «Исторический журнал Артиллерийского исторического музея», который заведен в 1904 г.⁴⁸

За 1904 г. музей посетило 3020 человек, почти вдвое больше, чем в предыдущие годы. Менялся и контингент посетителей. Помимо уже привычных групп учащихся военно-учебных заведений, офицеров и нижних чинов, военачальников, к музею проявляет интерес широкий круг гражданских лиц: учащиеся Императорского училища правоведения, учителя и ученики школ, среднетехнических заведений не только С.-Петербурга, но и других городов России. Например, в мае 1904 г. Артиллерийский музей посетил учитель церковно-приходской школы с. Александровка Пензенской губернии Дмитрий Амеранцев, в 1905 г. – учитель из Златоуста, учащиеся среднего механотехнического Николаевского училища (Херсонская губерния), примеры можно было бы продолжать. Обращает на себя внимание, что среди посетителей много женщин.

Помимо жен и вдов военных, в музее побывали слушательницы женского Педагогического института, Высших женских курсов, воспитанницы Императорского общества благородных девиц, ученицы женских гимназий. Были и индивидуальные посещения, в основном это учителя и вдовы военных, но были и исключения – в марте 1905 г. с экспозицией музея знакомилась крестьянка Александра Николаевна Перова и мещанка Александра Мартыновна Будникова, артистка Императорского театра Мария Владимировна Коваленко, свободный художник Мария Гольдберг.

В первые годы после юбилея музей посетил инспектор городских училищ Парамонов с женой и хранитель Румянцевского музея Сергей Щуров. Позже в музее побывали видные военачальники: военный министр генерал от кавалерии Сухомлинов. Он заинтересовался сохранностью знамен, особенно стрелецких, и приказал срочно изготовить для них специальные рамы. Осматривал музей и товарищ военного министра генерал-лейтенант Поливанов, который занимался вопросами расширения площади для него, несколько раз Артиллерийский музей посетили: начальник ГАУ генерал-лейтенант Кузьмин-Караваев, Председатель Комитета по сооружению Всероссийского военно-исторического музея генерал от кавалерии Сухотин, Председатель Императорского русского военно-исторического общества генерал-лейтенант Скалон.

В архиве и библиотеке музея работали ученые И.А. Бычков, А.З. Мышлаевский, академик А.А. Спицын, историки, тайный советник Андроников, полковник П.Н. Симанский, капитаны Вакар, Григорович, Габаев, Радзевич; художники Мазуровский, Кардовский, Шарлемань, Кустодиев и многие другие. В некоторые дни число исследователей доходило до 10–12 человек. Одним словом, Артиллерийский исторический музей был уже широко известен не только в российском обществе, но и в мире. Его по-прежнему посещали император и великие князья, в том числе известный ученый, историк великий князь Николай Михайлович. Музей принимал иностранных государственных деятелей и представителей военных миссий. Он был открыт для посетителей даже во время 1-й мировой войны. В частности, 19 мая 1915 г. Артиллерийский музей принимал группу японских артиллеристов.

24 января 1917 г. осматривали экспозицию пажи Пажеского Его Императорского Величества корпуса. 27 января того же года работал в архиве видный историк Евгений Александрович Михневич.

Последняя группа, которой удалось побывать в музее 18 августа 1917 г., до его эвакуации – слушатели Морского университета⁴⁹.

25 сентября 1917 г. баржи с имуществом Артиллерийского исторического музея были отправлены в эвакуацию в Ярославль.

Между тем, следует отметить, что, как ни старалось артиллерийское ведомство, особенно в лице заведующих музеем, увеличить доступ посетителей в Артиллерийский исторический музей, он был значительно ограничен. Основной причиной являлось то, что музей находился на территории артиллерийского склада и мог принимать обычных посетителей только в часы работы склада. А это означало, что в воскресные и праздничные дни, за редким исключением, музей был закрыт. В этой связи неоднократно вставал вопрос об устройстве отдельного входа в АИМ с внешней стороны Кронверка. Но поскольку велись постоянные разговоры о предоставлении другого помещения для музея, вход не был сделан⁵⁰.

Участие Артиллерийского исторического музея в выставках

Поскольку проблема более широкого доступа посетителей в Артиллерийский исторический музей так и не была решена, заведующие музеем стремились расширить аудиторию за счет демонстрации памятников вооружения на выставках, причем не только Военного министерства. Они справедливо полагали, что большая часть населения может ознакомиться с раритетами на выставках, устраиваемых различными гражданскими организациями. Выставочная работа – одна из значимых форм культурно-просветительной деятельности Артиллерийского музея в рассматриваемый период.

В мае 1870 г. по инициативе А.С. Афанасьева-Чужбинского АИМ принял участие во Всероссийской мануфактурной выставке в С.-Петербурге. Музейные предметы были выставлены в археологическом отделе. Это была первая выставка большого масштаба, где участвовал музей.

В 1872 г. АИМ принимает активное участие в Московской политехнической выставке. Она была, как известно, приурочена к 200-летию со дня рождения Петра I и должна была продемонстрировать достижения отечественной промышленности за два столетия. Музей направляет туда свои лучшие памятники: оружие старых мастеров, опытные системы оригинальной конструкции,

личные вещи императоров, в т. ч. мундир и шляпу Петра I. Всего для выставки было отобрано 67 орудий XVII – начала XIX вв. Из них нарезные казнозарядные пушки 1663 г., батарея с 44 мортирками системы А.К. Нартова, орган с 50 оружейными стволами, «Сорока» Ермака, пушка-револьвер, 6-фун. пушка обр. 1798 г., применявшаяся при Прейсиш-Эйлау, пушка Дибича, 1-пуд. мортира системы Дорощенко 1860 г. Более 174 предметов стрелкового, холодного и защитного вооружения: алебарды, протазаны, бердыши, палаши и шпаги, наручи, иноземные латы; шпага Петра I и его же эспантоны, ружье императрицы Елизаветы Петровны, офицерские фузеи XVIII в., крепостные мушкеты, Литтихский штуцер 1843 г., ружья обр. 1798 г., 1808 и 1817 гг. Кроме того, в Москву на выставку было отправлено 50 знамен⁵¹.

Артиллерийский отдел был признан одним из лучших, и в этом немалую роль сыграли коллекции музея. Богатство памятников, их систематизация, создали вполне реальную картину развития артиллерийского вооружения с древнейших времен. Участие АМ в Политехнической выставке имело для него огромное значение. Во-первых, он стал широко известен российской публике как музей памятников вооружения, а во-вторых, после закрытия выставки многие раритеты оружия, хранившиеся ранее в других хранилищах, были переданы в музей.

В 1880-е гг. предметы музея экспонировались в незначительном количестве на Всероссийской промышленно-художественной выставке, в военном отделе Филадельфийской выставки и ряда других, устраиваемых научными обществами, как правило, приуроченных к какому-то конкретному событию и длившихся несколько дней.

Выставка, которая принесла АМ международное признание, и он занял одно из первых мест в ряду европейских музеев оружия – была Парижская Всемирная выставка 1900 г. Отбирал предметы на выставку Н.Е. Бранденбург, сопровождал и курировал их в Париже Д.П. Струков. Прежде всего были подготовлены одежда и снаряжение пушкаря XVI в. В список также вошли две железные пищали, заряжающиеся с казенной части, самые ранние образцы артиллерийских орудий, бронзовая пищаль мастера Якова, парадные пушки 1663 г., нарезная пушка 1615 г. Из стрелкового оружия были выбраны крепостные пищали с фитильным замком, ручные пищали с фитильным, колесцовым и кремниевым замками, пищали с

фитильным и колесцовым замками двойного действия, два железных топорика с кремниевым замком оригинальной конструкции; из холодного оружия – протазаны, бердыши, рогатины, много образцов артиллерийской принадлежности. По запросу устроителей выставки дополнительно были отобраны головные уборы и сумы, в т. ч. голштинских войск, а для украшения экспозиции – образцы холодного оружия XVII–XIX вв.⁵²

В начале 1900-х гг. предметы Артиллерийского музея экспонируются на выставках «Исторические и современные костюмы», «В память Петра I», «Детский мир».

«Первая международная выставка исторических и современных костюмов и их принадлежностей» проходила в ноябре 1902 г. в Таврическом дворце. Из музейных предметов на ней экспонировались мундиры Л.-гв. Преображенского полка, принадлежавшие императору Александру I и Николаю I, ментик Л.-гв. Гусарского полка Николая I, два костюма Екатерины II – один «женского покроя» Л.-гв. Конно-гвардейского полка с лифом и юбкой, другой – мужской генеральский с камзолом и кортиком, и сюртук мундирный голштинских войск Петра III, с камзолом, звездой Черного орла и аксельбантатом⁵³.

Хотелось бы обратить внимание на выставку «Детский мир». Эта международная научно-промышленная выставка проходила под августейшим покровительством императрицы Марии Федоровны в 1903–1904 гг. в Таврическом дворце. Артиллерийский музей принял участие в ней одним-единственным предметом, он представил детскую лошадку императора Павла I.

Главная цель выставки – обратить внимание общества на значение игрушки в формировании личности человека, а также на то, какую роль играло в ее происхождении развитие техники, как влияли на ее образ искусство и народное творчество. «Мир игрушек – их история, – писал один из корреспондентов журнала “Старые годы”, – при внимательном изучении, может стать чрезвычайно любопытной и оригинальной страницей в истории русской культуры вообще и в истории русского искусства в частности»⁵⁴. Именно таким редким памятником, свидетельствующим о высоком искусстве мастера, и являлась игрушечная лошадка Павла I. Небольшая деревянная лошадка была укреплена задними ногами на специальной деревянной подставке с четырьмя колесами. На лошадке находилось седло с чепраком из малинового бархата, обрамленные

золотым позументом, и пара детских литавр. Газета «Русский инвалид» 21 ноября 1904 г. в заметке «К выставке “Детский мир”» писала: «С разрешения товарища генерал-фельдцейхмейстера администратия Международной научно-промышленной выставки “Детский мир” получила ценное обогащение исторического отдела. Из Артиллерийского исторического музея выдана во временное пользование выставки деревянная лошадка, служившая в детстве игрушкой императору Павлу I». Надо сказать, что организаторы выставки понимали ценность игрушечной лошадки. Для ее экспонирования был сделан специальный стеклянный колпак. Лошадка поступила в АИМ в 1792 г. из Ораниенбаумской конторы⁵⁵.

Сегодня в музее нет игрушки Павла I, и судьба ее неизвестна. Единственный памятник тех событий – пригласительный билет на имя Дмитрия Петровича Струкова на выставку в особый день – день посещения ее императрицей Марией Федоровной. Так администрация выставки выразила благодарность заведующему Артиллерийским музеем за возможность экспонировать уникальный памятник.

Возможно, и не стоило бы столь подробно останавливаться на участии музея именно в этой выставке. Но нам казалось важным подчеркнуть, что коллекции АИМ отражают не только военный аспект, функции их значительно шире, они несут в себе гуманистические идеи, являясь одновременно памятниками культуры и искусства.

В 1911 г. музей принял участие в Царскосельской юбилейной выставке, приуроченной к 200-летию Царского Села. В отделе, организованном АИМ, были представлены самые репрезентативные памятники. Экскурсии проводил сам Д.П. Струков.

Наиболее широко коллекции Артиллерийского исторического музея были показаны публике на выставке «Ломоносов и Елизаветинское время» 1912 г. Выставка состоялась под высочайшим покровительством императора Николая II в помещении Императорской Академии художеств. Проект ее художественно-архитектурного оформления разрабатывал архитектор Н.Е. Лансере. Созданные им самим декорации, размещенные в различных помещениях выставки, отражали стиль елизаветинской эпохи. Эта выставка, в отличие от других, имела красочную афишу, представляющую собой художественный плакат. Экспозиция была разделена на 12 отделов. Каждому из них было отведено отдельное помещение.

Памятники АИМ были представлены в Военно-историческом отделе. Благодаря опубликованным каталогу и путеводителю выставки «Состоящая под Высочайшим Его Императорского Величества государя императора покровительством выставка “Ломоносов и Елизаветинское время”» мы сегодня можем иметь вполне реальное представление о ней. Кстати, предисловие к каталогу было написано Д.П. Струковым. Военному делу, игравшему столь видную роль в царствование императрицы Елизаветы Петровны, отведено было много места, экспонировалось более 800 памятников, подавляющее большинство из них, как значится в каталоге, «достояние Артиллерийского исторического музея».

Открывал выставку военный отдел. Он занимал вестибюль, всю парадную лестницу до второго этажа и площадки, на которых располагались русские и иностранные орудия. На стенах, между колоннами были развешены образцы вооружения и снаряжения русской армии елизаветинской эпохи. Снаружи, над лестницами, на круглых щитах – арматуры из трофейного оружия и знамен, захваченных в войнах со Швецией и Пруссией.

В каталоге выставки дается подробный перечень предметов, представленных на экспозиции. Из отечественного вооружения – две 3-фун. пушки с гербом графа Разумовского 1753 и 1759 гг., две пушки 1753 и 1755 гг. Ахтырского слободского полка, пушка бронзовая с гербом великого князя Петра Федоровича 1746 г. и две пушки с его же гербом 1757 г., 12-фун. единорог 1757 г., секретная гаубица 1753 г., пушки железные нарезные и гладкоствольные, изготовленные в 1743 г. на Тульском оружейном заводе в подарок императрице Елизавете Петровне.

Много экспонировалось опытных орудий: пушка со вставной каморой, «мортир-канон» Бишева, двухствольная пушка 1741 г. конструкции Гетша, пушка скорострельная с семью каналами 1750 г., «Близнята», пушка с раструбом системы Нартова и другие. Из иностранных орудий были выставлены шесть бронзовых шведских пушек, захваченных во время Русско-шведской войны 1741–1743 гг., и прусский дробовик – трофей Семилетней войны 1753–1756 гг. Стрелковое и холодное оружие, офицерские знаки, головные уборы, отечественные и иностранные, были помещены на круглых щитах. На щите с прусскими трофеями были размещены 5 алебард, 4 палаша, 9 шпаг, кираса, шелковый шарф, 3 позолоченных офицерских нагрудных знака, 30 суконных шапок и 2 знамени. На

щите с шведскими трофеями размещались 20 ружей, 4 шапки, сума, офицерский знак и два знамени. Трофейные барабаны экспонировались отдельно.

Щиты с русским вооружением были более насыщенные. Всего их было десять, два из них трехсторонние. На каждом в разных количествах размещались ружья, пистолеты, алебарды, сабли, палаши, шпаги, тесаки, кирасы, пальники, лядунки, сумы, под сумки, нарукавные бляхи, и на каждом щите от одного до четырех знамен. Украшали выставку гипсовые фигурки в форме солдат и офицеров русской армии 1742–1762 гг. Завершалась экспозиция двумя серебряными литаврами, подаренными Елизаветой Петровной графу Разумовскому.

Военный отдел, представленный так широко и разнообразно, вызвал множество откликов, в т. ч. и негативных, со стороны некоторых художников, которые негодовали на то, что «храм искусства превратили в артиллерийский магазин». С резкой отповедью выступил известный художник, историк искусств, художественный критик Александр Николаевич Бенуа. В своей статье «Выставка, посвященная времени императрицы Елизаветы Петровны», он писал: «...если бы эти господа, считающие себя художниками, пожелали взглянуть внимательнее на выставленные здесь пушки, гаубицы, шашки, гренадерки, литавры, ружья тульских мастеров и проч., то и они убедились бы в том, что в этих Марсовых трофеях бесконечно больше искусства, нежели во всем том, чему покровительствует современная Академия Художеств»⁵⁶.

В том же 1912 году Артиллерийский исторический музей отправил в Москву на выставку, посвященную Отечественной войне 1812 г., 34 ружья и 6 ополченских значков⁵⁷.

В январе – феврале 1913 г. Д.П. Струков возглавил организацию военного отдела на выставке в Бреслау (Бреславль). Выставка была посвящена 100-летию юбилею войны с французами и проходила под покровительством германского кронпринца. В ее устройстве, кроме АИМ, принимали участие Интендантский музей и Московский музей 1812 г.⁵⁸

Последняя выставка, которая опосредованно связана с музеем – «Выставка боевых трофеев нашей армии», размещенная в Михайловском манеже в 1915–1916 гг. Председателем Комитета, созданного специально для организации этой выставки, был назначен Д.П. Струков. Цель выставки, как говорилось в официальных

документах, «...сделать доступным для обозрения народа захваченные нашими войсками трофеи и, установив небольшую входную плату, собрать средства в пользу раненых». Впоследствии выставка должна была переехать в Москву.

Комитет в составе 17 человек развернул бурную деятельность. Программа была обширна. Предполагалось, что на выставке будут представлены, помимо отбитых у неприятеля трофеев, фотографии, рисунки, модели, портреты военачальников и особо отличившихся в боях офицеров и нижних чинов русской армии. Комитет обратился ко всем организациям Петербургского военного округа, а также, через газету «Новости», к жителям города оказать помощь в сборе материалов для выставки.

В конце июля Д.П. Струков изложил концепцию выставки. По его мнению, в основе построения выставки должны лежать главные военные операции. А для создания реальной боевой обстановки следует привлечь много подлинных предметов, трофеи же нужно показывать в качестве иллюстрации победоносных боев с противником.

Архитектурно-художественное оформление было поручено члену Комитета академику живописи Н.С. Самокишу.

Планировалось также издание пяти книг, посвященных войне. Первая – «Некрополь войны», где предполагалось разместить портреты и биографии погибших, вторая – «Золотая книга» – для награжденных орденом Св. Георгия, золотым Георгиевским оружием, и нижних чинов – георгиевских кавалеров. В третью книгу должна была быть помещена информация о всех учреждениях военного ведомства, четвертая книга посвящалась всем правительственным и общественным организациям, работающим на войну. И, наконец, пятая книга – «Трофеи войны», куда вошел бы перечень всех главнейших сражений, с указанием числа взятых пленных и трофеев. А кроме того, батальные картины, виды взятых городов и местечек, фотографии захваченных орудий, судов, аэропланов, знамен и прочих военных трофеев. Программа была явно рассчитана на победу России в войне. Члены комитета полагали основной материал для выставки собрать в командировках в действующую армию.

Судя по тому, как развивались события на фронте, задуманное не было реализовано. Во всяком случае, материалов об открытии выставки и ее функционировании не обнаружено.

Артиллерийский исторический музей – научно-исследовательское и культурно-просветительское учреждение

Помимо многообразной выставочной работы, музей в начале XX в. оказывал широкую помощь в образовании Суворовского музея и многих полковых музеев. Главным же событием в жизни музея в это время была борьба за увеличение помещения, средств на научную и просветительскую работу, за «узаконенное положение и постоянный штат». Дело в том, что всемирно известный Артиллерийский исторический музей не имел никакого официального статуса. Даже само создание его в 1868 г. и переименование в 1903 г. не было оформлено никаким приказом. Музей не являлся юридическим лицом, его заведующие формально числились «офицерами для поручений Главного артиллерийского управления», а служители – нижними чинами крепостной артиллерии.

Вопрос о постоянном штате неоднократно возбуждался еще при Н.Е. Бранденбурге. Он справедливо считал, что от положительного решения зависит дальнейшая судьба музея и возможность выполнять свои основные функции. Однако долгие годы вопрос оставался открытым.

Одной из причин, которая повлияла на столь длительную задержку в принятии решения о штате музея (кроме, конечно, финансовой) явилась, по всей вероятности, попытка создания единого военно-исторического музея, но эта идея, как известно, не была осуществлена.

Только после многолетних усилий руководства музея Военное министерство 27 октября 1911 г. представило в Государственную Думу на обсуждение законопроект о штате АИМ. В документе, в частности, говорилось: «В настоящее время в музее сосредоточено до 70 000 отдельных исторических памятников и до 200 000 исторических дел за минувшие годы. Располагая такими историческими богатствами, собранными с громадным трудом, музей выполняет между прочим, важную в жизни государства задачу служения воспитательным и научным целям. Принимая во внимание указанное громадное историческое значение Артиллерийского музея и выполняемые им серьезные задачи, признано необходимым, в видах обеспечения дальнейшего существования музея и постановки его на подобающую высоту научного учреждения, обеспечить музей особым штатным составом служащих с

отпуском определенных денежных средств на его дальнейшее развитие»⁵⁹.

Законопроект был принят Государственной Думой 16 марта 1912 г.⁶⁰ Император утвердил Положение о музее и его штат 30 мая 1912 г.⁶¹ Введено оно было приказом по военному ведомству № 343 от 5 июня 1912 г.⁶²

В Положении впервые официально зафиксирован статус АИМ как научно-исследовательского и культурно-просветительского учреждения. «Кроме прямого назначения служить хранилищем военно-исторических памятников, – говорилось в нем, – Артиллерийский исторический музей имеет целью выполнение задач научного и воспитательного характера, а именно: а) издание исторических каталогов памятников музея, б) обогащение коллекций покупками и приобретениями соответственных новых памятников, в) разработка состоящего при музее архива старых дел, составление им описей и издание наиболее ценных документов, г) составление исторических справок для текущего делопроизводства Главного артиллерийского управления, д) сообщение воспитанникам военно-учебных заведений и нижним чинам войск, равно как и прочим посетителям при обзоре ими коллекций музея, необходимых разъяснений о происхождении и историческом значении памятников, е) содействие занимающимся в музее исследователям военно-исторических вопросов в изучении памятников и документов».

Положением о музее определялась и его структура. АИМ состоял из пяти отделов – это Отдел памятников по истории русской артиллерии, вооружения и снаряжения войск, Отдел национальных общеисторических памятников, Отдел иностранный, посвященный хранению трофеев войн прошлого времени, Архив исторических документов артиллерийского ведомства, равно как и по истории артиллерийского искусства в России, и Специальная библиотека.

Новоутвержденный штат состоял из начальника музея, его помощника, писаря, надзирателя над фондами и четырех сторожей⁶³. Должность заведующего была заменена на должность начальника в звании генерал-майора. Первым начальником музея стал полковник (с ноября 1913 г. – генерал-майор) Д.П. Струков. В ноябре 1912 г. его помощником был назначен полковник Н.М. Печенкин⁶⁴. Музей оставался в ведении ГАУ, однако стал самостоятельным учреждением, со своими средствами, штатом, казенной печатью.

Восточное крыло Кронверка, где с 1868 г. разместился музей. Фото 1912 г.

Второе, и тоже долгожданное, событие произошло в июне того же 1912 года. Музей получил в свое распоряжение третий этаж правого крыла Кронверка. Вопрос о расширении его площадей ставился давно. Музей постоянно пополнялся новыми памятниками, а хранить их становилось все сложнее.

Уже к 1900 г. он был настолько стеснен, что вынужден был отказаться от приема знамен с С.-Петербургского артиллерийского склада⁶⁵. За это время были попытки перевести АИМ в новое здание, включить его в состав Российского военно-исторического музея, сделать для него отдельный вход с внешней стороны Кронверка, но все они закончились безрезультатно. Только к 1911 г. вопрос о выделении дополнительной площади для АИМ, а именно 19 помещений третьего этажа правого крыла Кронверка, был решен. Предварительно он рассматривался на самом высоком уровне. Курировал его товарищ военного министра генерал-лейтенант Поливанов, который специально с этой целью посетил музей⁶⁶. В декабре 1911 г. Военный совет разрешил для нового отдела изготовление экспозиционного оборудования силами артиллерийской мастерской С.-Петербургского склада и отпустил средства на перенос памятников. В новом отделе расположилась экспозиция моделей, знамен, приборов и инструментов и часть орудий, находившихся во дворе и кладовых. Туда же, в более просторное помещение, перевели и Доисторический отдел.

Открытие нового отдела 18 июня 1912 г. происходило очень торжественно. Присутствовало 40 человек видных военачальников: генерал-лейтенанты Краевский, Потоцкий, Лехович, генерал-майор Рудаков, Зандер, князь А.Д. Львов и другие. Открыл экспозицию начальник Главного артиллерийского управления генерал-лейтенант Д.Д. Кузьмин-Караваев⁶⁷. Фотографом Трофейной комиссии было сделано несколько снимков Нового отдела, которые были

**Экспозиция нового отдела музея.
Фото 1912 г.**

револьверы различных конструкций иностранных и русских мастеров. В этот же период поступают большие партии трофеев – китайское, японское и даже австрийское вооружение периода Первой мировой войны.

Артиллерийский исторический музей продолжает принимать посетителей, во всяком случае, до августа 1917 г. А в сентябре 1917 г. по распоряжению Временного правительства более 75 % музейных фондов было эвакуировано в Ярославль. 25 сентября, провожая три баржи с имуществом музея, Николай Михайлович Печенкин, заменивший на посту начальника АИМ смертельно больного Д.П. Струкова, напутствовал команду, сопровождавшую музейные памятники: «Не упускайте никогда из виду, что на Вас возложена очень высокая задача, охрана памятников прошлого России, гибель которых невозградима: ни купить, ни найти где-либо подобное невозможно». Дальнейшие события показали, что команда, состоявшая из трех солдат 1-й тяжелой артиллерийской бригады под началом прапорщика Курышева, глубоко прониклась

29 января 1913 г. продемонстрированы военным министром Сухоминовым императору Николаю II⁶⁸.

В течение последующих пяти лет музей продолжал собирать и изучать памятники. Это было, в основном, оружие, знамена, предметы военного быта расформированных частей русской армии и уникальные образцы опытного оружия, поступавшего из коллекции Артиллерийского комитета и Комиссии по перевооружению. Получены интересные экземпляры магазинных винтовок, ре-

возложенной на нее миссией. Она спасла музейные памятники и документы архива из затопленных барж и охраняла их в течение нескольких лет до полной реэвакуации музея в 1925 г.

¹ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (далее: АВИМАИВиВС). Ф. 1. Оп. 92/1. Д. 21. Л. 45.

² Афанасьев-Чужбинский А.С. Собрание сочинений / под ред. П.В. Быкова. СПб., 1892. Т. VIII. С. 53.

³ АВИМАИВиВС. Ф. 21. Оп. 92/1. Д. 21. Л. 79.

⁴ Там же. Л. 104–107об.

⁵ Там же. Л. 211–211об.

⁶ Там же. Л. 243–246об.

⁷ Там же. См. резолюцию Д.А. Милютина: Л. 243.

⁸ Там же. Л. 206–207.

⁹ Там же. Л. 531, 532.

¹⁰ Всемирная иллюстрация. 1870. Т. III. № 74 (22). С. 390–391; 1871. Т. VI. № 151(21). С. 326, 331–332.

¹¹ Труды Первого археологического съезда в Москве. Т. I. М., 1871. С. VII–VIII.

¹² АВИМАИВиВС. Ф. 21. Оп. 92/1. Д. 21. Л. 281.

¹³ Там же. Л. 282–283.

¹⁴ Там же. Л. 284–285.

¹⁵ Там же; Ф. 22. Оп. 92. Д. 27.

¹⁶ Там же. Ф. 21. Оп. 92/1. Д. 21. Л. 66.

¹⁷ Там же. Ф. 25. Оп. 102. Д. 16. Л. 933–936.

¹⁸ См. подробнее: Предисловие к Собр. соч. Афанасьева-Чужбинского. Т. I; Венгеров С.А. Критико-биографический словарь. Т. I. СПб., 1889; Русский биографический словарь. Т. II. СПб., 1900. С. 377–379; Краткая литературная энциклопедия. М., 1962. Т. I. С. 359.

¹⁹ АВИМАИВиВС. Ф. 22. Оп. 1/1. Д. 1577.

²⁰ Там же. Оп. 92. Д. 81. Л. 39.

²¹ Там же. Ф. 30. Оп. 1. Д. 89. Л. 1–10.

²² Там же. Ф. 22. Оп. 92. Д. 60. Л. 135.

²³ Там же. Д. 67. Л. 153, 167, 168.

²⁴ Там же. Д. 66. Л. 91.

²⁵ Там же. Д. 60. Л. 12–13; Д. 64. Л. 25.

²⁶ Там же. Д. 47. Л. 2.

²⁷ Там же. Л. 3–4.

²⁸ Там же. Д. 66. Л. 13.

²⁹ Там же. Л. 24.

³⁰ Там же. Л. 165–167.

³¹ Там же. Ф. 31. Оп. 1. Д. 4. Л. 4–4об.

³² Там же. Д. 9. Л. 12об.

³³ Там же. Ф. 22. Оп. 92. Д. 60. Л. 100–101.

³⁴ Там же. Л. 148–149об.

- ³⁵ Там же. Д. 81. Л. 357.
- ³⁶ Там же. Ф. 11. Оп. 95/1. Д. 2. Л. 159об.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Там же. Д. 81. Л. 412–417.
- ³⁹ Там же. Л. 298–299.
- ⁴⁰ Там же. Д.115. Л. 257, 258, 295.
- ⁴¹ Россия. 1900. 26 марта
- ⁴² Русский инвалид. 1902. № 17.
- ⁴³ АВИМАИВиВС. Ф. 11. Оп. 95/1. Д. 67. Л. 48.
- ⁴⁴ Там же. Л. 64–64об.
- ⁴⁵ Там же. Л. 77.
- ⁴⁶ Там же. Ф. 6. Оп. 1/2 Д. 278. Л. 360–361.
- ⁴⁷ Там же. Д. 67. Л. 160.
- ⁴⁸ Там же. Д. 119, 120.
- ⁴⁹ Там же. Д. 115. Л. 144.
- ⁵⁰ Там же. Ф. 6. Оп. 1/1. Д. 1498. Л. 1–2об.
- ⁵¹ Там же. Ф. 22. Оп. 92. Д. 29.
- ⁵² Там же. Д. 60.
- ⁵³ Там же. Л. 92–94.
- ⁵⁴ Старые годы. 1909. Июль-сентябрь. С. 492.
- ⁵⁵ АВИМАИВиВС.Ф. 22. Оп. 111. Д. 2. Л. 52об–53. № 841.
- ⁵⁶ Бенуа А.Н. Выставка, посвященная времени императрицы Елизаветы Петровны // Старые годы. 1912. С. 3–32.
- ⁵⁷ Высочайше утвержденный Особый комитет по устройству в Москве музея 1812 г. Москва. 1912. С. 48. № 198 и № 199.
- ⁵⁸ АВИМАИВиВС. Ф. 22. Оп. 92. Д. 87. Л. 1–42.
- ⁵⁹ Там же. Д. 82. Л. 25, 25об.
- ⁶⁰ Там же. Л. 39–40.
- ⁶¹ Там же. Л. 47.
- ⁶² Там же.
- ⁶³ Там же. Л. 29–29об.
- ⁶⁴ Там же. Л. 51, 63об. Ф. 6. Оп. 1/2. Д. 750. Л. 43.
- ⁶⁵ Там же. Д. 60. Л. 127–131.
- ⁶⁶ Там же. Д. 120. Л. 50.
- ⁶⁷ Там же. Д. 120. Л. 54об.
- ⁶⁸ Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи. Инв. № 7/479-6 и 7/479-7.

Т.Г. Агеева (Волгоград)

ГЕНЕРАЛ П.К. ПИСАРЕВ – НАЧАЛЬНИК СВОДНО-ГРЕНАДЕРСКОЙ ДИВИЗИИ

В СЕНТЯБРЕ 1919 г. в занятом Кавказской армией генерала П.Н. Врангеля Царицыне была сформирована Сводно-Гренадерская дивизия. Первым ее начальником стал генерал-лейтенант П.К. Писарев.

Петр Константинович родился 17 декабря 1874 г. в станице Иловлинская 2-го Донского округа Области Войска Донского, в ста верстах от Царицына, в который его, в качестве начальника 6-й пехотной, а затем Сводно-гренадерской дивизии и командующего 1-м Кубанским конным корпусом, забросит судьба. Отец – Константин Иванович, донской казак, есаул, мать – Марья Михайловна, домохозяйка. 28 декабря того же года в станичной Покровской церкви младенца Петра крестил священник Матвей (Попов). Восприимниками, или крестными, стали сотник Илья Желтухин и казачка Александра Кондрашева¹. По окончании станичной церковно-приходской школы – Атаманское техническое училище и Новочеркасское казачье юнкерское училище.

В 1898 г. в чине подхорунжего в 5-м Донском казачьем полку Петр Константинович начал военную службу. В Первую мировую он командовал сотней, эскадром, был помощником, затем командиром 42-го Донского казачьего полка. Георгиевский кавалер, с августа 1916 г. – полковник, П.К. Писарев в январе 1918 г. вступает в Новочеркасске в партизанский отряд полковника Краснянского рядовым. В составе Донского партизанского полка Добровольческой армии П.К. Писарев стал участником легендарного 1-го Кубанского («Ледяного») похода. В походе возглавил 2-й батальон, был ранен 29 марта 1918 г. во время боя за Екатеринодар.

В апреле 1918 г. назначен командиром Партизанского пешего казачьего полка, впоследствии – полка имени генерала Алексеева. Летом 1918 г. с этим полком ушел полковник Писарев во 2-й Кубанский поход, во время которого за доблесть был произведен в генерал-майоры. С февраля 1919 г. в Кавказской Добровольческой армии генерала П.Н. Врангеля командует боевыми частями. На 8 (21) мая 1919 г., когда была сформирована Кавказская армия под командованием генерала П.Н. Врангеля, генерал П.К. Писарев командовал 2-й Донской стрелковой бригадой². Следует отметить, что фактически все боевые действия Кавказской армии связаны с Царицыном. В тот же день, когда Главнокомандующий ВСЮР генерал А.И. Деникин отдал приказ о создании Кавказской армии, он подписал директиву № 06796, второй пункт которой предписывал генералу Врангелю овладеть Царицыном. В наступлении на Царицын должна была участвовать и 6-я пехотная дивизия (далее – п.д.) генерала Патрикеева. Случилось так, что в районе ст. Котельниково дивизия была почти полностью уничтожена. Начальник дивизии погиб, артиллерия была захвачена противником, и в боях за овладение Царицыном эта дивизия никакой роли не сыграла. Переформирование дивизии шло тяжело: материальная часть дивизии была расстроена, прибывающие на пополнение ингуши и дагестанцы, по воспоминаниям П.Н. Врангеля, были не обучены. Чтобы исправить положение, генерал П.Н. Врангель назначил начальником 6 п.д. генерал-майора П.К. Писарева (рис. 1). 10 июля 1919 г. последний вступил в командование дивизией³. Тогда и были влиты в 6 п.д. гренадерские части. В июне 1919 г. Гренадерский сводный пехотный полк находился на формировании и пополнении в станице Егорлыкской и в наступлении Кавказской армии на Царицын не участвовал. Полком тогда командовал полковник Б.П. Кочкин – инициатор возрождения гренадерских частей во ВСЮР. В состав полка в это время входили: 4 батальона по 4 роты в каждом, нестроевая рота, команды: комендантская, связи,

Рис. 1

Гренадерский сводный пехотный полк находился на формировании и пополнении в станице Егорлыкской и в наступлении Кавказской армии на Царицын не участвовал. Полком тогда командовал полковник Б.П. Кочкин – инициатор возрождения гренадерских частей во ВСЮР. В состав полка в это время входили: 4 батальона по 4 роты в каждом, нестроевая рота, команды: комендантская, связи,

Рис. 2

саперная, конных и пеших разведчиков, пулеметные команды: «Максима» и «Льюиса», музыкантская, а также траншейная мортирная батарея. Для дальнейшего формирования дивизии были отведены так называемые Студенческие казармы в Царицыне. 12 июля на Александровской площади, где проходили все парады Кавказской армии, прошел парад рот Перновского, Несвижского, Киевского и Эриванского полков, входивших в Гренадерский сводный полк (рис. 2).

Организационная структура 6 п.д. утряслась, по-видимому, не сразу, поэтому в источниках встречаются разночтения. Приказом № 46 от 28 июня (11 июля) по 6-й пехотной дивизии Сводно-Гренадерский полк развертывался в два полка 2-батальонного состава – 1-й и 2-й Сводно-Гренадерские полки. Командиром 1-го полка стал полковник Страдецкий, 2-го – полковник Пильберг. В июле отдаются приказы по обоим полкам. Судя по этим приказам, состав полков был следующим: 1-й полк – Таврическая, Екатеринбургская, Ростовская, Киевская и Несвижская роты, саперная и музыкантская команды и команда разведчиков; 2-й полк – Грузинская, Мингрельская, Эриванская и Тифлисская роты, а также Сибирская, Астраханская, Фанагорийская роты и Малороссийская с прикомандированной к ней бомбометной командой, пулеметная

команда и команда пеших и конных разведчиков. И только 1 (14) августа, с большим опозданием, был издан соответствующий приказ за № 1639 Главкома ВСЮР о развертывании Гренадерского сводного полка. 5 (18) августа приказом Главкома за № 1710 командиром 1-го полка назначался полковник Кочкин, 2-го – полковник Пильберг. Приказ № 116 по Кавказской армии, аналогичного содержания, был отдан 3 (16) июля 1919 г. Благодаря проделанной Писаревым работе 9 августа части 6 п.д. выдвинулись в боевой порядок.

Основным источником сведений о гренадерах Кавказской армии являются воспоминания штабс-капитана К.С. Попова, опубликованные в эмиграции⁴. Служивший во 2-м полку Попов блестяще характеризовал своего командира – полковника Густава Пильберга. Именно благодаря Пильбергу 2-й Сводно-Гренадерский полк стал «кавказским», преобладали в полку эриванцы. В середине июля 1919 г. 1-й полк был 3-х батальонного состава, а 2-й – однобатальонный, 4-ротного состава (31 офицер, 500 штыков). Полк Пильберга имел Георгиевское знамя и Георгиевскую серебряную трубу Мингрельского гренадерского полка. Эти знаки отличия за героизм, проявленный полком в войнах на Кавказе во второй половине XIX в., привезли из Тифлиса офицеры полка.

2-й Сводно-Гренадерский полк в 500, а потом и в 400 штыков, так искусно и смело вел боевые действия, что мог сделать честь истории любого полка старой императорской армии. Во многом своей славой он обязан комсоставу: помощнику командира полка полковнику Иванову, командиру батальона полковнику Талише, командиру 1-й Эриванской роты полковнику В.И. Гранитову. Что касается личного состава полка, то он был достаточно пестрым: здесь были и старые гренадеры, и только что мобилизованные и пленные. В полку было 6 пулеметов «Максим» на тачанках. Обмундирование оставляло желать лучшего. Один из поручиков, Борис Силаев, вынужден был воевать в штатских ситцевых штанах в полоску с обмотками и в онучах. Не хватало обмундирования, погон, снаряжения, полевых кухонь, котелков, фляг, лошадей.

30 июня 1919 г., после 35-часового боя, части Кавказской армии вступили в Царицын. На следующий день в штабном вагоне прибыл в Царицын генерал П.Н. Врангель (рис. 3). Он назначил начальником гарнизона Царицына инспектора артиллерии Кавказской армии генерал-майора Макеева. В приказе по армии № 56 от

Рис. 3

18 июня (1 июля) говорилось: «Впредь до прибытия гражданских властей на генерал-лейтенанта Макеева возлагаю и гражданское управление с правами военного губернатора»⁵. Службы начальника гарнизона размещались в бывшем купеческом особняке, теперь это здание музея, профилем которого является Гражданская война в районе Царицына и на Дону (рис. 4). Вскоре приказом по Кавказской армии № 170 от 15 июля 1919 г., на эту должность был назначен генерал П.К. Писарев. В течение месяца Писарев совмещал две должности: начальника дивизии и начальника гарнизона.

В этот период случилось серьезное происшествие: 4 августа в Царицыне, около Соляной пристани, в пакгаузе № 3 неожиданно начали рваться снаряды, возник пожар, а рядом стояли железнодорожные вагоны-цистерны с бензином и нефтью. На место происшествия прибыли начальник гарнизона Писарев, инспектор артиллерии Макеев и др. Благодаря умело организованным действиям, при участии охранной роты штаба Кавказской армии и батальона 1-го Гренадерского сводного полка, удалось вывести вагоны из зоны пожара⁶. Командующий армией генерал П.Н. Врангель в приказе № 222 выразил личную благодарность, в том числе и П.К.Писареву «за энергичное умелое и самоотверженное руководство при тушении пожара»⁷.

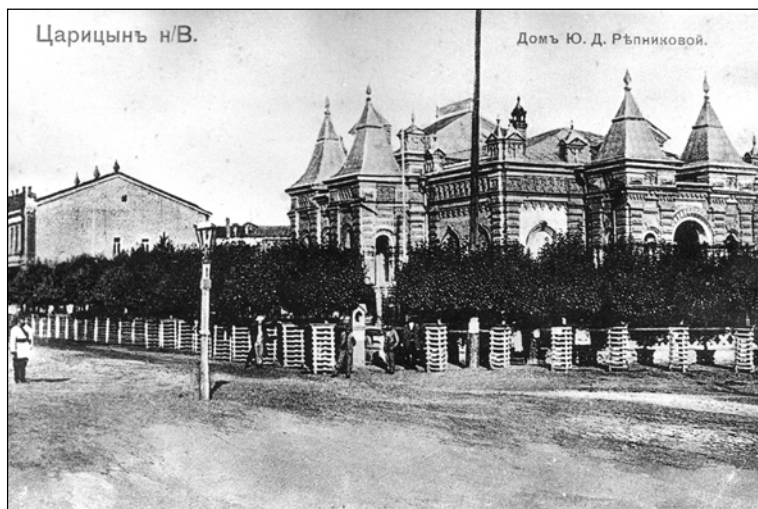

Рис. 4

28 июля 1919 г. Кавказская армия в соответствии с «москвской» директивой генерала А.И. Деникина взяла Камышин, но закрепить успех не удалось. Особая группа войск В.И. Шорина начала наступление на камышинском направлении, что не могло не вызвать тревогу командования Кавказской армии. Целью наступления было освобождение Царицына и Донской области. Генерал П.Н. Врангель направил в район Камышина на поддержку корпуса генерала Покровского 6 п.д. генерала Писарева. В газете «Неделимая Россия» (орган Кавказской армии) за 2 (15) августа 1919 г. опубликован приказ № 19 от 31 июля (13 августа) по гарнизону Царицына за подписью генерал-майора Писарева, в котором объявлялось: «Сего числа отправляясь со вверенной мне дивизией на фронт, впредь до назначения нового начальника гарнизона приказом командующего Кавказской армией, обязанности начальника гарнизона временно передаю коменданту города полковнику Колесинскому»⁸. Писарев отмечал: «За короткое время пребывания моего на должности начальника гарнизона Царицына я не мог в полной мере осуществить те задания по устройству и объединению жизни гарнизона и населения, как желал бы, но все же положено основание дальнейшей работе в этом направлении»⁹. Далее он благодарит коменданта, членов гарнизонного и комендантских

управлений, которые приложили все усилия и способности, чтобы помочь ему в трудное для гарнизона время. Впоследствии этот опыт пригодится П.К. Писареву в Севастополе.

Гренадеры выступили из Царицына по Саратовскому тракту в направлении на Камышин. Пройдя вдоль Волги походным порядком свыше 200 верст, через Орловку, Песковатку, Водяное, Пролейку и Балыклей, 19 августа 2-й Гренадерский сводный полк, численностью в 500 штыков, не закончив своего формирования, пришел в Камышин, где его встретил начальник дивизии генерал П.К. Писарев. Здесь, как вспоминал К.С. Попов, «к нашему полку были присоединены 2 роты Астраханского полка разведчиков, что увеличило наш полк по численности вдвое». В Камышине полк не задержался – не дождавшись ночи, вышел из города к немецкой колонии Мариенфельд, где 21 августа вступил в бой с красноармейскими частями. К этому времени 6 п.д. входила в состав 1-го Кубанского корпуса. Бой продолжался трое суток. Удержать позиции гренадеры были не в силах (приходилось по 4 версты фронта на каждый батальон) и вынуждены были отступать. 22 августа 1919 г. Камышин был занят частями Красной армии¹⁰. Войска 10-й армии, ломая сопротивление частей Кавказской армии, развили наступление на Царицын.

С этого момента, вспоминал К.С. Попов, «мы потеряли веру в свои силы и красные теснили нас все время, не имея даже артиллерии. И только тогда, когда мы подходили близко к Волге, и хотя бы узенькая ленточка реки находилась в поле нашего зрения, мы неизменно попадали под обстрел тяжелой судовой артиллерии Волжской флотилии красных. Отходили мы той же дорогой, по которой пришли, причем все мобилизованные гренадеры, проходя мимо своих деревень, дальше не шли, а вдруг бесследно исчезали». Части отступали, ведя ежедневные кровопролитные бои. Отступление продолжалось вплоть до 5 сентября и закончилось после упорного боя на укрепленной предварительно, по приказу П.Н. Врангеля, царицынской позиции.

В результате арьергардных боев и тяжелых потерь численность войск Кавказской армии, в т. ч. и гренадер, продолжала катастрофически уменьшаться. Так, в двух гренадерских полках оставалось не свыше 450 штыков. 4 сентября 1-й Кубанский корпус, которым на тот момент командовал, вместо заболевшего генерала В.Л. Покровского, генерал П.К. Писарев, стоял на позиции.

Измученные, оборванные гренадеры, миновав утром 5 сентября царицынскую позицию, расположились на отдых. Проспав часа два, они были разбужены поднявшейся на позиции стрельбой. Наступил критический день в боях за Царицын. На рассвете Красная армия начала наступление на всем фронте между Доном и Волгой. Впереди всего фронта позиции имелись проволочные заграждения в 3–4 кола, за исключением крайнего правого фланга, прилегающего к Волге. Правый участок позиции, от Волги до Грязной балки занимал Сводный Саратовский пехотный полк, левый – от Грязной балки до железной дороги – 2-й и 8-й Кубанские пластунские батальоны. В резерве 1-го Кубанского корпуса находились остатки гренадерской бригады 6-й пехотной дивизии и 3-й Кубанской пластунской отдельной бригады, расположенные в восточной части с. Городище, и 4-й Кубанский пластунский батальон – в с. Уваровка. Наблюдение за Волгой было возложено на Саратовский конный дивизион. 4-я Кубанская казачья дивизия находилась в с. Городище, а Сводно-Горская конная – в Уваровке¹¹.

На рассвете 28 с.д. 10-й армии под командованием В.М. Азина начала наступление вдоль Саратовского тракта с севера, около полудня заняла с. Орловку, а затем, развернувшись, начала атаку укрепленной позиции на фронте от Волги до Грязной балки, причем главный удар направлялся по дороге Прудки – Городище. Атака 28 с.д. поддерживалась артиллерийским огнем, как с суши, так и с Волги (Северным отрядом Волжско-Каспийской военной флотилии). Успеху красноармейских частей способствовала вероломная сдача в плен Саратовского пехотного полка, перебившего всех своих офицеров. Благодаря этому обстоятельству весь атакованный участок укрепленной позиции перешел в руки красноармейских частей. Трагический эпизод сдачи красным в плен части (а не всего полка, как писали П.Н. Врангель и К.С. Попов) сводного Саратовского полка привлек пристальное внимание начальства. Временно командующий полком полковник Ефремов представил рапорт начальнику 6 п.д., выдержки из которого приводятся ниже. «День 23 августа (5 сентября) показал, какое большое внимание оказывает контингент полка на ход боя. Кроме того, весьма существенной причиной неудачи является укомплектование полка красноармейцами, взятыми в плен с боя, но не сдавшимися добровольно и не перебежавшими. Таких в полку был значительный процент, они в сильной степени заражены были большевизмом, и

на них не могли подействовать ни влияние офицеров, ни более здорового элемента».

К 14 часам передовые части 28 с.д. прорвались из Городища до Орудийного (или, как его называли в Кавказской армии, Пушечного) завода и захватили 1-ю батарею 6-й артбригады. Гренадеры с присоединившимися к ним двумя Астраханскими ротами находились в районе Мокрой Мечетки, с трудом удерживали позиции. На место боя к Орудийному заводу выехал командующий Кавказской армии П.Н. Врангель в личном автомобиле и взял на себя руководство боем. В беседе с корреспондентом газеты «Голос Руси» П.Н. Врангель сообщил: «Я.... бросив свой конвой, для занятия северной части города, приостановил продвижение противника, пустил конную дивизию под начальством полковника Скворцова во фланг прорвавшемуся противнику, одновременно туда же был направлен Писаревым весь его резерв. Атака нашей конницы увенчалась полным успехом: противник был частью изрублен, частью сброшен в реку, остальные обращены в бегство»¹². Очевидцы, наблюдавшие эту конную атаку, сочли ее блестяще проведенной и редкой по своей красоте. 2-й Кавказский и 2-й Уманский полки 4-й Кубанской дивизии атаковали красных между Саратовским большаком и с. Городище, а Сводно-Горская дивизия – в общем направлении Прудки – Городище. Лавина конницы в момент смяла цепи 28 с.д. Во фланг противнику был брошен весь резерв 6 п.д. Гренадерам предстояло выбить противника из окопов бывшего Саратовского полка. Положение восстановили к ночи ценой больших потерь. В четырех ротах 2-го Сводно-Гренадерского полка оказалось налицо 60 человек при трех пулеметах. Из резерва была прислана на пополнение учебная команда Саратовского полка. Не лучше обстояло дело и в 1-м полку. В результате боев 5 сентября противник частью был уничтожен и загнан в Волгу, частью же взят в плен, остальные обращены в бегство. Всего в этот день войска Кавказской армии захватили 11 орудий, 104 пулемета и 6620 пленных. Огнем судовой артиллерии Волжско-Каспийской флотилии город был зажжен в нескольких местах¹³.

6 сентября с 9-00 судовая артиллерия красных открыла огонь по гренадерским позициям, полевая артиллерия засыпала шрапнелью окопы. От больших потерь спасло то, что окопы из-за малочисленности гренадер были заняты не сплошь, а группами по 6–10 человек. 1-й Сводно-Гренадерский полк перешел в контратаку и обеспечил

левый фланг. 7 сентября 2-й Гренадерский сводный полк оборонял отбитый у красных подковообразный окоп на высотах у Мокрой Мечетки, между Саратовским трактом и Французским заводом.

8 сентября на фронте изменений не произошло, бои шли с переменным успехом. Генерал П.Н. Врангель планировал нанести контрудар конной группой генерала Н.Г. Бабиева (3-я Кубанская казачья и Сводно-Горская конная дивизии) с 4-мя танками со стороны хутора Безродненского во фланг Орловской группы красных, 28 с.д. Руководство операцией было возложено на генерала П.К. Писарева. Наступление Кавказской армии началось с рассвета 9 сентября при поддержке танков¹⁴. В этих боях 2-й Гренадерский сводный полк продолжал оборонять подковообразный окоп на высотах у Мокрой Мечетки. Одновременно с этим гренадеры и 2-я Кубанская пластунская отдельная бригада, имея в своем тылу 4-ю Кубанскую казачью дивизию, должны были перейти в наступление на Орловку с фронта, на участке Волга – Грязная балка. Красноармейские части, почти без сопротивления, оставили позиции и бежали на север. Гренадеры, перейдя проволочные заграждения, преследовали противника, забрав пленных до 100 человек. Сделав большую петлю, вышли на Саратовский тракт. Из воспоминаний К.С. Попова: «Из Царицына показался быстро едущий автомобиль. Я узнал генерала Врангеля и Шатилова. “Это гренадеры?” – обратился он ко мне. “Так точно, Ваше Превосходительство”, – ответил я. “Благодарю Вас за лихое дело”, – прогремел он и понесся дальше». Особенно порадовало гренадер, что английское обмундирование, снятое красными с солдат Саратовского полка, попало назад, в руки гренадер. Весь путь отступления был завален френчами и шинелями. Некоторые гренадеры умудрились взять про запас по 4 шинели.

Газета «Голос Руси» от 31 августа (13 сентября) сообщала: «За время боев под Царицыном с 23 августа по 27 августа включительно нашими доблестными частями совершенно разбиты несколько советских дивизий, причем только одних пленных взято около 13 000 человек, захвачено 31 орудие и свыше 100 пулеметов»¹⁵. В боях 23–27 августа (5–9 сентября) войска Кавказской армии остановили наступление частей Красной армии и отбросили их от Царицына.

Главнокомандующий ВСЮР генерал А.И. Деникин характеризовал эти бои Кавказской армии за Царицын следующим образом:

«Эти тяжелые и славные бои – одна из лучших страниц боевой деятельности Кавказской армии, ее командующего, генералов Улагая, Топоркова, Писарева, трижды раненного генерала Бабиева, получившего четырнадцатую рану генерала Павличенко и многих других». Генерал П.Н. Врангель в приказе по армии отметил «прекрасное руководство боем старших начальников, генералов Улагая, Писарева, Топоркова, Бабиева...»¹⁶. Гренадерские части нуждались в пополнении. Так, в Эриванской роте 2-го полка насчитывалось лишь 25 человек. Гренадерам было предоставлено несколько дней отдыха после боев.

К 20 сентября красноармейские части на севере от Царицынаполнили свои войска и готовились к новому наступлению на Царицын. Гренадеры 2-го полка в течение двух дней укрепили участок позиции от Грязной балки до Земляного вала; прибавили по всему фронту ряд проволочных заграждений, прорыли ходы сообщения, устроили легкие блиндажи, в т. ч. блиндаж для штаба полка, установили телефонную связь с ротами¹⁷. 23 сентября во второй половине дня гренадеры перешли в контрнаступление на высоту 17 к северо-западу от Орловки, чтобы сбить наступление. Огонь артиллерии противника буквально косил их ряды. После короткого боя вся позиция красных была взята. Среди гренадер было много раненых и погибших, особенно офицеров. Госпиталь Сводно-Гренадерской дивизии размещался рядом с резиденцией начальника гарнизона, на Гоголевской улице, в здании бывшей гостиницы «Люкс» (рис. 5).

В результате успешных оборонительных боев войска Кавказской армии остановили наступление красных, и 24 сентября сами перешли в контрнаступление. 1-й Кубанский корпус начал атаку по всему фронту, сбил большевиков и отбросил их в район Дубовки, заняв передовыми частями Пичугу.

Пока шли тяжелые бои, приказом Главкома ВСЮР за № 2306 от 9 (22) сентября 6-я пехотная дивизия была переименована в Сводно-Гренадерскую и, в соответствии с этим, было проведено реформирование ее частей. Согласно «Расписанию сухопутных войск Вооруженных сил Юга России по 1919 г.» по 29 сентября (11 октября) Сводно-Гренадерская дивизия генерал-лейтенанта П.К. Писарева (нач. штаба полковник Скоблов) состояла из 1-й (генерал-майора М.К. Чичинадзе) и 2-й (Генштаба полковника В.К. Манакина, к 29 октября (11 ноября) – полковника Б.П. Кочкина) бригад,

Рис. 5

в которые входили сводные полки 1-й, 2-й, 3-й и Кавказской Гренадерских дивизий; Запасного батальона дивизии; Сводно-Гренадерской отдельной инженерной роты, Сводной Гренадерской артиллерийской бригады. В числе командных кадров дивизии упоминаются полковники Пильберг, Ставицкий, Яковлев, Иванов, Джизкаев, генерал-майор Икишев. В середине октября дивизией временно, а потом и постоянно командовал генерал-майор Чичинадзе (генерал Писарев, в свою очередь, временно командовал 1-м Кубанским корпусом, при котором находились гренадеры)¹⁸.

10 октября красные снова перешли в наступление, однако в упорных боях войска Кавказской армии сумели их вновь остановить. В этот же день на рассвете, как вспоминал К.С. Попов, гренадеры подошли к Орловке... Двумя длинными цепями, под огнем артиллерии, они дошли до окопов красноармейцев, повергли их в бегство, взяли до сотни пленных и вошли в Ерзовку, и далее, по бездорожью, двинулись в направлении высоты 471 на линии Пичужинских хуторов. 11 октября приняли еще один бой, выигранный благодаря артиллерии. Следующие три дня удерживались на высотах, а 14 октября гренадеры были отведены в тыл и переформированы в соответствии с приказом Главкома ВСЮР за № 2306 от 9 (22) сентября. 2-й Гренадерский сводный полк вечером 14 октября был

сменен конницей и вернулся в Ерзовку, где был опять переименован в сводный полк Кавказской армии. В части подвезли немного английского обмундирования и снаряжения. А уже 17 октября войска Кавказской армии перешли в контрнаступление и к 23 октября главными силами вышли на линию Дубовка – хутор Шишкин. В эти дни гренадеры участвовали в боях в районе высоты 471, Сухой Мечетки, Пичуги, Дубовки. 11 октября тяжело был ранен в ногу и на перекладных отправлен в госпиталь в Котельниково К.С. Попов. Летом 1919 г. он прибыл в Царицын, в Кавказскую армию П.Н. Врангеля, где был назначен помощником командира 1-й Эриванской роты 2-го Сводно-Гренадерского полка. В наградном листе за № 52 от 30 октября (12 ноября) 1919 г., подписанном временно командующим Сводным полком Кавказской Гренадерской дивизии полковником Ивановым, временно командующий батальоном штаб-капитан К.С. Попов представлялся к чину капитана. К 19 октября красноармейские части вновь были отброшены к северу от Царицына.

Участники боев за Царицын, в том числе и гренадеры, не были обойдены вниманием и наградами командования. Приказом по Кавказской армии № 526 от 24 октября 1919 г. был доведен до сведения приказ Главнокомандующего ВСЮР от 5 октября 1919 г. о производстве начальника Сводно-Гренадерской дивизии генерал-майора Писарева за боевые отличия в генерал-лейтенанты¹⁹. «За оказанные ими подвиги мужества и самоотвержения командующий Кавказской армии, на основании предоставленной ему власти», приказом № 19 от 5 (18) января 1920 г. наградил Георгиевскими медалями IV степени сестер милосердия Сводного полка Гренадерской дивизии за бой 24 августа (6 сентября) 1919 г. у с. Городище при обороне царицынских укрепленных позиций. Одна из них, ротная фельдшерница, Зинаида Михайлова, самоотверженно перевязывала раненых, находясь под весьма сильным и действительным артиллерийским, пулеметным и ружейным огнем противника и в этом бою была тяжело ранена в обе ноги, но до конца боя продолжала перевязывать раненых, находясь в передовых окопах»²⁰.

По состоянию на 5 (18) октября в Сводно-Гренадерской дивизии считалось 1149 штыков, 30 пулеметов, 178 сабель, 13 легких орудий и 4 гаубицы.

В связи с военной необходимостью и укреплением правого фланга Кавказской армии за Волгой, в октябре, когда река начала

покрываться льдом, Сводно-Гренадерская дивизия перешла на ее левый берег. После возвращения с левого берега Волги гренадеры были вновь направлены на Царицынскую укрепленную позицию. Генерал Писарев остался в командовании 1-м Кубанским корпусом, так как генерал Покровский после болезни стал выполнять обязанности начальника тыла Кавказской армии, а с 21 ноября возглавил Кавказскую армию. 18 ноября (1 декабря) 1919 г. гренадеры в Царицыне отметили 1-ю годовщину возрождения гренадерских частей²¹.

28 декабря 10 армия нанесла сильный удар Кавказской армии в районе ст. Качалинская, заняла ряд населенных пунктов на правом фланге. Кавказская армия по приказу генерала А.И. Деникина начала планомерную эвакуацию и отход за р. Сал для прикрытия ставропольского и тихорецкого направлений. При отступлении Кавказской армии из Царицына в январе 1920 г. генералу П.К. Писареву довелось пережить еще одну большую потерю: на станции Абганерово остановившиеся на ночлег гренадеры были окружены красноармейской кавалерийской частью и понесли невосполнимые потери – часть была изрублена, часть уведена в плен, погиб начальник дивизии генерал-майор М.В. Чичинадзе.

Генерал П.К. Писарев прошел до конца свой крестный путь в России. В апреле 1920 г. он эвакуировал из Новороссийска – Туапсе в Крым донские и кубанские части, с середины апреля до конца мая был комендантом и градоначальником Севастополя, с конца мая – командиром Сводного корпуса в Русской армии генерала П.Н. Врангеля. Участвовал в сражениях при выходе армии из Крыма в Северную Таврию, в разгроме конного корпуса Д.П. Жлобы. В августе 1920 г. назначен командиром 1-го армейского корпуса, командовал частями в боях на Перекопе. После эвакуации Белой армии из Крыма находился в Греции, на посту представителя донского атамана, недолго в Королевстве СХС и более 30 лет прожил во Франции. В 1937 г. был избран председателем Союза участников 1-го Кубанского похода, в 1939 г. возглавлял Союз добровольцев. П.Н. Писарев прожил долгую жизнь – 93 года. Умер 22 декабря 1967 г. в Шелле, под Парижем. Похоронен на участке Алексеевцев на русском кладбище Сент-Женевьев де Буа. На памятнике надпись: «Первопоходник Генерал-лейтенант Петр Константинович Писарев».

- ¹ Дегтярев А.В. Казачий генерал // Донской вестник. 21 сент. 2006. С. 2.
- ² Волков С.В. Белое движение. Энциклопедия Гражданской войны. СПб., М., 2002. С. 428.
- ³ Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 40213. Оп. 1. Д. 1762. Л. 38.
- ⁴ Попов К.С. Лейб-эриванцы в Великой войне. Париж, 1959.
- ⁵ Неделимая Россия, № 2. 21 июня. 1919. С. 1.
- ⁶ Там же, № 37. 2 авг. 1919. С. 1.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же. Приказ по гарнизону гор. Царицына № 19.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Врангель П.Н. Южный фронт. Записки (ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г.). Ч. 1. М., 1992. С. 315.
- ¹¹ Там же. С. 336.
- ¹² Бюллетень газеты «Голос Руси». 26 авг. 1919. С. 1.
- ¹³ Врангель П.Н. Указ. соч. С. 342.
- ¹⁴ Там же. С. 342–346.
- ¹⁵ Голос Руси. 31 авг. 1919 г. С. 1.
- ¹⁶ Врангель П.Н. Указ. соч. С. 359.
- ¹⁷ РГВА. Ф. 39763. Оп. 1. Д. 10 Л. 1.
- ¹⁸ Дерябин А.И. Гренадерские части в Гражданской войне 1918–1920 гг. [Рукопись].
- ¹⁹ РГВА. Ф. 40213. Оп. 1. Д. 77, б/л.
- ²⁰ Там же. Д. 1762. Л. 314.
- ²¹ Голос Руси. 23 нояб. 1919. С. 2.

Д.В. Адаменко (Киев, Республика Украина)

ПРИСПОСОБЛЕНИЯ ДЛЯ НАИБОЛЕЕ ДАЛЬНОГО МЕТАНИЯ РУЧНЫХ ГРАНАТ В АВСТРО-ВЕНГЕРСКИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ ПЕРИОДА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ПЕРВАЯ мировая война (1914–1918) возродила такой уже практически забытый вид вооружений, как ручные гранаты. Простота изготовления обусловила их широкое использование. Но ограниченная дальность метания поставила вопрос о специальных приспособлениях, способных решить эту проблему.

Гренадеры в Европе известны еще в конце XVII – начале XVIII вв. Перед ними стояла задача закинуть отлитыми из чугуна или выдутыми из стекла ручными гранатами полевые фортификационные укрепления противника перед штурмом пехотой. Немалый ущерб граната могла нанести и вражескому плотному пехотному строю. Однако небольшая дальность броска гранаты, сложность с поджиганием фитиля или запальной пороховой трубки и постоянное повышение меткости стрельбы из фузеи заставили постепенно отказаться от такой тактики.

К началу XX в. сложились все технические предпосылки для возрождения ручных гранат: были изобретены новые, более сильные взрывчатые вещества, простой терочный запал, за 200 лет далеко вперед ушла металлообработка. Уже Русско-японская война 1904–1905 гг. показала, что пехоте для штурма вражеских окопов необходима ручная граната. Однако практически все страны-участницы Первой мировой войны не сделали выводов из дальневосточного конфликта, планируя скорую маневренную войну. Позиционная война заставила приступить к изысканиям новых видов вооружений, одним из которых стала ручная граната.

Ручная граната была эффективна как в наступательном, так и оборонительном бою. В первом случае она могла сломить сопротивление противника, закиданного гранатами в окопах. Во втором – остановить его наступательный порыв, заставить залечь на открытой местности и в конце концов отступить. Однако вне боя ручная граната становилась бесполезной – человек мог ее метнуть на расстояние около 30 м, а средняя дистанция между передовыми линиями противников достигала 300 м – в десять раз больше! В разрешении вопроса, как можно метнуть ручную пехотную гранату на большее расстояние, военная мысль пошла двумя путями: переделкой ручных гранат на винтовочные и конструированием механических или пневматических приспособлений.

На вооружении австро-венгерской пехоты в военный период стояло несколько типов ручных гранат, каждый из которых имел, как правило, несколько собственных модификаций. И далеко не все типы могли быть переделаны в винтовочные гранаты.

Принцип метания винтовочной гранаты достаточно прост: в дно гранаты ввинчивается стальной штырь (шомпол), немного меньший по длине и диаметру канала ствола винтовки. Этот штырь вставлялся в ствол с дульной стороны. Метание гранаты осуществлялось благодаря выстрелу холостым патроном. Сила отдачи при выстреле была такова, что винтовку необходимо было упереть в землю, чтобы не повредить плечо. Дальность полета зависела от веса гранаты и в среднем лежала в пределах 110–135 м. В минуту можно было выстрелить около 12 гранат!

Первым типом стала универсальная граната (Universalgranate) образца 1914 г., которая по форме корпуса напоминает пиротехническую ракету (рис. 1).

Условно корпус можно разделить на три части: 1/3 – головная из тонкостенного металла, в которой располагается взрыватель, и 2/3 – боевая из толстостенного, с взрывающимся зарядом. В донце боевой части может ввинчиваться шомпол. Головная часть надевалась на боевую методом горячей посадки.

Рис. 1

Головная часть имеет отверстия, в которые при метании проходит набегающий воздух – он раскручивает турбинку, насаженную

на массивный маховик. В полете они освобождают ударник, который становится в боевое положение. После падения, когда ударник наткнется на преграду, он накальвает капсюль, который поджигает первый пороховой заряд, а тот, в свою очередь, второй, находящийся сразу за первым. Наличие двух зарядов было обусловлено универсальностью гранаты: если ее использовать как ручную, то набегающего воздуха не хватает для того, чтобы взвести ударник. Тогда граната взводится при помощи терочного запала, встраиваемого во второй пороховой заряд через боковое отверстие в боевом корпусе – замедлитель обеспечивает задержку в подрыве в 8 с. За второй пороховой камерой находится детонатор и заряд из 21 г мелинита (пикриновой кислоты), который обеспечивает разлет осколков на поражающую дальность радиусом 10 м. Общий вес гранаты составляет 450 г в ручном варианте и 600 г в винтовочном.

Столь существенная разница в весе – 150 г – объясняется тем, что в конструкции гранаты (рис. 2) использованы металлический

Рис. 2

колпачок на головную часть (он прикрывает отверстия, открывающие доступ потока воздуха к турбинке) и парашютик, крепившийся к дну гранаты. Парашютик был призван обеспечить гранате строго вертикальное падение и, соответственно, идеальный разлет осколков. Для того чтобы превратить гранату в винтовочную, было нужно снять головной предохранительный колпачок, вывинтить парашютик и вместо него ввинтить шомпол. Дальность метания этого типа гранаты из винтовки достигала 600 шагов (450 м)! Точность метания обеспечивал устанавливаемый на винтовку прицел в виде простейшего квадранта с отвесом (рис. 3). По прилагаемой к нему инструкции можно было не только вычислить дальность выстрела в зависимости от угла наклона винтовки, но и правильно

установить этот прицел на место крепления для штыка.

Гранаты (Universalgranate) поставлялись в войска в деревянных ящиках по 42 шт. в каждом. К ним прилагались 30 шомполов, 30 холостых патронов образца 1893 г. в трех бумажных упаковках, 2 винтовочных прицела-квадранта и 2 инструкции к ним.

Вторым типом стала универсальная винтовочно-ручная граната (Zeitzündergewehrhandgranate, дословный перевод: «винтовочно-ручная граната с временным запалом») образца 1915 г. (рис. 4). Хотя она и была намного примитивнее и дальность ее метания из винтовки значительно ниже, да и меткость тоже оставляла желать лучшего, но зато она была намного проще и ее конструкция позволяла наладить производство в прифронтовой зоне без сложных станков и механизмов. Из-за своей характерной формы эта граната получила прозвище «кукуруза». Такая форма была призвана при взрыве гранаты дать массу готовых осколков. В поперечном разрезе чугунный литой корпус напоминает букву «Ж». Этот корпус объединял целое семейство ручных гранат, которые различались практически исключительно чугунными же пробками, которые ввинчиваются по резьбе в торцы корпуса: одни из них предназначены для крепления проволочных или деревянных рукояток, другие – для ввинчивания винтовочного шомпола, третьи просто баллистические. Общим правилом для всех видов является то, что донная пробка должна иметь отверстие для того, чтобы выпустить шнур с торочным запалом. Запальное приспособление обертывалось влагостойкой парафинированной бумагой – перед метанием ее необходимо сорвать. Дальнейшие действия несколько различались из-за

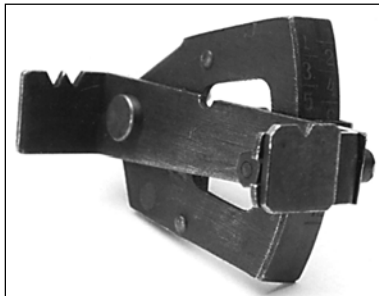

Рис. 3

Рис. 4

применения разных запальных приспособлений, но все сводилось к тому, чтобы посредством терки поджечь фитиль, ухидивший внутрь корпуса гранаты к детонатору, снаряженному 2 г гремучей ртути. Замедлитель обеспечивает время горения фитиля около 8 с. Граната снаряжалась 90 г аммонала, который заматывался в пергаментную бумагу в виде цилиндра. Но известны случаи, когда применяли более опасный мелинит или менее эффективный порох.

Винтовочные гранаты поставлялись отдельно от ручных – в ящике с 30 гранатами находились шомпола и в трех бумажных пакетах холостые патроны образца 1893 г. Также общеупотребимая в этом типе гранат система предварительного поджигания фитиля не совсем подходила для винтовочной гранаты – или кто-то, кроме стреляющего, должен был «взводить» гранату, или это должен был делать сам стреляющий. Все это грозило тем, что граната или могла улететь к противнику безобидным куском металла, или взорваться в окопе или над головами товарищей. Выход был найден очень простой – к терке прикрепили свинцовый шарик, который благодаря своему весу, а значит инерции, при метании сам вытягивал терку, которая поджигала фитиль. Чтобы шарик случайно не сорвался и не поджег фитиль при транспортировке, он привязан бечевкой к верхней части терки. Общий вес гранаты достигает 1,5 кг. Дальность метания из винтовки 150 шагов (около 110 м). При взрыве корпус разлетается приблизительно на 150 осколков с поражающей дальностью радиусом 10 м и максимальной – до 80.

Следующим этапом развития винтовочных гранат стала *Zeitzündergewehrgranate* образца 1916 г. – видно, что из ее названия уже пропало слово «ручная». Конструкция нового типа не сильно отличалась от предыдущего, но отказались от фигурного корпуса с готовыми поражающими элементами – опыт применения ручных гранат показал, что при взрыве не обязательно «рвется всегда там, где тонко». Это позволило также снизить общий вес до 1,3 кг. Кроме того на корпусе в головной части стали монтировать пустотелый баллистический колпачок; в донной части сразу делали косое отверстие для фитиля; к терке сразу крепили свинцовый грузик, обеспечивавший автоматическое поджигание фитиля при выстреле. На донную часть навинчивался колпачок с внутренней нарезкой для крепления шомпола. Из-за конструкции запала этот тип гранаты обладал тем же недостатком, что и предыдущий – если фитиль не успевал выгореть за время полета, то граната втыкалась

в землю и большинство осколков оставались тоже в земле в месте взрыва. Этот изъян пытались компенсировать увеличением количества взрывчатого вещества – 75 г аммонала. К сожалению, и это не помогло – радиус максимального разлета осколков составлял всего 50 м против 80. Дальность полета также снизилась – до 150 шагов (около 115 м). Зато простота конструкции позволила изготавливать гранаты чуть ли не из труб, приблизительно подходящих по диаметру. Гранаты упаковывались в деревянные ящики по 30 шт. вместе с 30 шомполами и 30 патронами.

Универсальной винтовочно-ручной была и граната типа «Lakos» (рис. 5). Это, возможно, был наиболее простой тип ручной гранаты, изготавливавшийся из тонкостенной чугунной трубы. На стенке трубы прорезано некоторое количество широких поперечных канавок (позже начали делать и продольные), призванных обеспечить большее количество осколков. Судя по разному количеству канавок и разному диаметру цилиндра, гранаты изготавливались где угодно и без особого соблюдения норм. Чугунный цилиндр наполняли аммоналом (тоже без строгого предварительного взвешивания, но приблизительно около 90 г) и с обоих концов затыкали деревянными пробками. При таких условиях ни о каких конкретных весе и размере речь идти не может – масса колебалась в пределах 800–900 г, диаметр – около 5 см и длина – 14–15 см. В верхней пробке проделывалось отверстие для запала ударного действия. Запал состоял из ударника (обычный заостренный гвоздь, вставленный в отверстие в пробке (рис. 6)), который

Рис. 5

Рис. 6

через тонкую мембрану прилегал к капсюлю. Капсюль поджигал фитиль, который выгорал в течение 6–8 с и подрывал детонатор. Сверху запал был прикрыт коническим баллистическим колпачком. Чтобы метнуть гранату рукой, надо снять колпачок, ударить гвоздем о что-то твердое и бросить, пока горит фитиль. Чтобы метнуть выстрелом из винтовки, надо надеть второй корпус, в который ввинчен шомпол. Так как такая граната взводится только при падении, то противник вполне имел время спрятаться, пока горел фитиль. Конструкция корпуса ведет к тому, что он разрывается на несколько крупных фрагментов, которые имеют высокую поражающую дальность радиусом около 35 м! Учитывая, что человек мог бросить такую гранату только на 30 м, понятно, что использовать ее как ручную можно было только с закрытых позиций. Дальность полета гранаты, выпущенной из винтовки, достигала 150 м.

Использование таких «разнокалиберных» гранат, как «Lakos», должно было со временем привести к мысли, что жалко портить ими боевые винтовки. Поэтому стали переделывать винтовки устаревшие (как системы Верндля «11-mm M.67/77 Werndl-Gewehr») и трофейные (на Итальянском фронте – винтовка системы Манлихер-Каркано «6,5-mm fucile Mannlicher-Carcano Mod. 91», которую на вооружение австро-венгерской армии не ставили). У винтовки отпиливали ствол и ложе по самый патронник и монтировали тонкостенную стальную трубу диаметром 5 см и длиной 40 см, в которую перед выстрелом закладывали гранату без шомпола – можно сказать, что получился гранатомет. К трубе на хомутике монтировали две складывающиеся сошки – теперь систему не надо было придерживать руками во время выстрела (рис. 7). К «гранатомету» крепили

Рис. 7

тканый ремень для ношения на плече. Вес всей системы достигал 6–8 кг. Скорострельность достигала 10 выстрелов в мин.

На вооружении австро-венгерской пехоты стояла еще одна специальная винтовочная граната – осветительно-сигнальная *Zeituzergewehrgranate* (рис. 8). Ее конструкция простая, дистанционный запал идентичен *Zeituzergewehrhandgranate*, но с временем горения не 8, а 3 с.

Корпус алюминиевый цилиндрический, заполнен 60 г горючей смеси: для освещения – горячей белым цветом, для подачи сигналов – красным или зеленым. Время горения составляет около 20 с. Запал поджигает иницирующую смесь, которую отделяет от светящейся войлочная пробка с отверстиями. Общая масса гранаты составляет 600 г. Осветительно-сигнальные гранаты паковались в деревянные ящики по 60 шт. вместе с шомполами и холостыми патронами образца 1893 г.

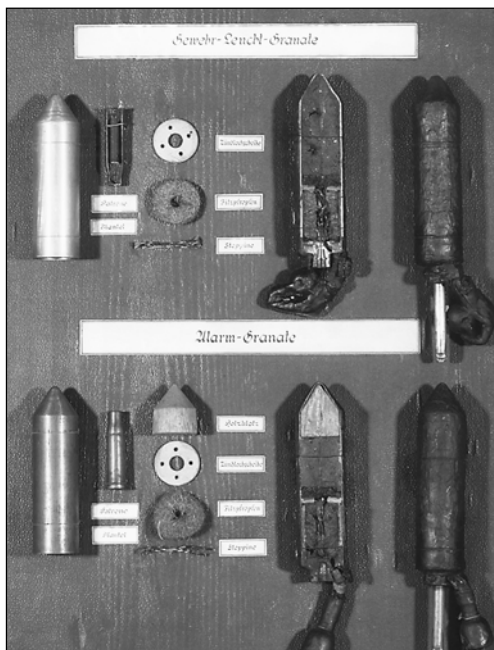

Рис. 8

Скорострельность составляет 12 гранат в мин.

Перед пытливыми военными умами стояла не только уже упомянутая задача сократить износ винтовок из-за выстрелов шомполами, но также сделать так, чтобы можно было бросать на максимально дальнее расстояние и обычные ручные гранаты. В течение 1915 г. Военно-техническому комитету (k. u. k. Technische Militärkomitee (ТМК)) был представлен ряд разработок, прожектов и просто идей.

Одним из первых предложений стал проект фирм из Франкфурта «Simon», «Bühler» и «Baumann», которые объединились в

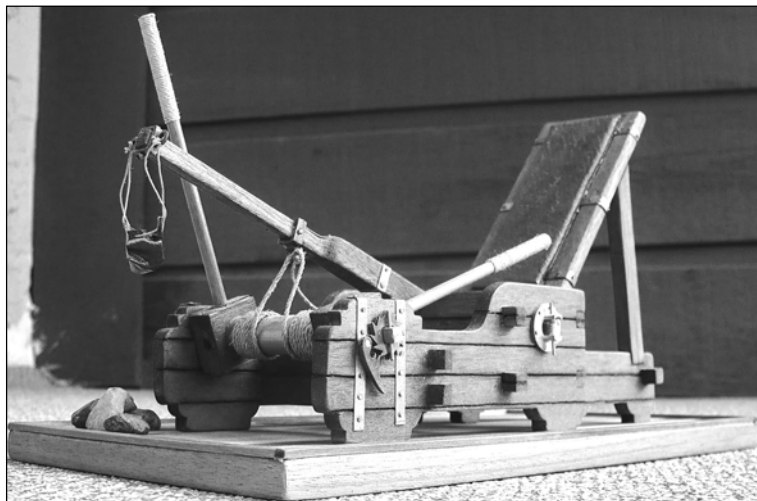

Рис. 9

группу «SBB». Они решили соорудить механизм, работающий как античный онагр (рис. 9). В июне 1915 г. на полигоне в Штайнфельде (Steinfeld) был испытан первый образец, но результат был признан неудовлетворительным – гранаты метались без особой точности на непредсказуемое расстояние. Фирма приступила к разработке новой конструкции, и уже в августе в mortarный отряд в Зигерсдорфе (Siegersdorf) прибыло 15 образцов на испытания. На этот раз результаты были признаны удовлетворительными, и в срочном порядке к концу года изделие приняли на вооружение под обозначением «M.15 SBB Handgranaten-Wurfmaschine» – «Приспособление для метания ручных гранат фирмы SBB образца 1915 г.» (рис. 10). Однако в серию оно так и не пошло. Возможно потому, что деньгам нашли другое применение.

Принятый на вооружение образец был предназначен для метания на 150 м двух типов ручных гранат:

1) одной из модификаций уже знакомой нам «кукурузы» Zeitzünderhandgranate с проволочной рукояткой в нижней части. Терочный запал (с задержкой 8 с) или обычный фитиль, пропитанный фосфором, размещаются у нее в головной части. Существенными недостатками были то, что, во-первых, перед метанием проволоку надо отломать, что занимает определенное время,

Рис. 10

и, во-вторых, запал надо предварительно поджечь, что грозит неприятностями при задержке метания. Весит граната 1,3 кг и снаряжена 90 г аммонала. Поражающий радиус осколков составляет 10 м. Гранаты упаковывались в деревянные ящики по 30 шт.;

2) вторым типом была наиболее ранняя австро-венгерская ручная граната Kugelrohrhandgranate (рис. 11). Дословный перевод поясняет ее конструкцию: «шароцилиндрическая ручная граната». Это литой чугунный шар, насаженный на цилиндрическую картонную рукоять. Шар наполнен

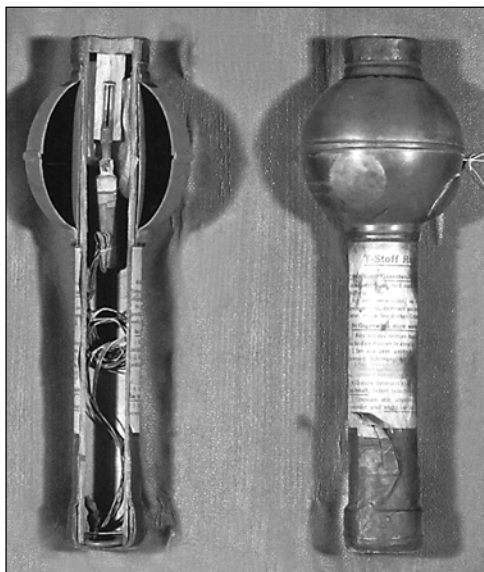

Рис. 11

чугунными шрапнельными пулями диаметром около 10 мм и общим количеством 56–60 шт. 70-граммовый заряд на основе аммонита (85 % нитрата аммония, 10 % угля, 5 % ортонитротолуэна) размещается в картонной рукоятке в месте нахождения шара и упирается в головной части в пробку. Под зарядом находится терочный воспламенитель с длинным шнуром. В нижней части рукоятка заклеена колпачком, который держится на бумажной ленте с язычком. Чтобы привести гранату в действие, ленту срывают, колпачок снимают и выпадает шнур с кольцом на конце; шнур выдергивают, тем самым поджигая воспламенитель с задержкой 8 с. Благодаря такой конструкции метание гранаты из «онагра SBB» происходило следующим образом: выпадающий шнур цепляли за кольцо на рычаге и в начальной стадии полета воспламенитель поджигался автоматически. Общий вес гранаты достигает 1,2 кг, поражающий радиус разлета осколков – 10 м, максимальный – 100 м. Гранаты могли упаковывать в деревянные ящики по 20 шт., в жестяные по 12 и в картонные по 8.

Итак, принцип работы механизма был основан на метании полезного груза при помощи вертикально установленного рычага. Он отводится в наиболее нижнюю точку (приблизительно 45° к горизонту) и стремится вернуться назад под воздействием четырех пружин, общее усилие которых составляет 51 кг. В наивысшей точке (90° к горизонту) рычаг встречает подушку ограничителя – таким образом гасится инерция рычага и вся установка после метания не подпрыгивает на месте. Чтобы погасить возможные поперечные колебания рычага, он скользит между двумя направляющими. К свободному концу рычага цепляется простейшая праща – ременная петля с чашкой, в которую устанавливается граната. Практически вся конструкция стальная, общим весом 129 кг. Она разбирается на две части, и ее на месте могут переносить и монтировать два члена расчета, а на дальние расстояния можно транспортировать на вьюках. Скорострельность немаленькая – 10 гранат в мин.

Очень похожая установка была разработана еще одной франкфуртской фирмой «Voigt und Naeffner», но ТМК отверг их предложение, так как оно не несло ничего принципиально нового.

Фундаментально новую схему в 1916 г. предложила фирма «Gesellschaft der Technik» (GSWR) опять-таки из германского Шарлоттенбурга (Charlottenburg) под Берлином. Принцип действия был разработан лейтенантом Родекком (Rodeck). То что в

конце концов было принято на вооружение австро-венгерской пехоты получило наименование «Granaten-Schnellwerfer (Bauart Rodeck) GSWR» (Приспособление для быстрого метания гранат, тип Родека). Промышленное производство началось в конце 1917 г., поэтому установка применялась исключительно на Юго-Западном фронте. Гранаты метали при помощи сжатого воздуха, особых проблем с получением которого у австро-венгров не было – на сжатом воздухе работало большое количество моделей минометов малого и среднего калибра. Поэтому передвижные компрессорные станции на фронте не были редкостью. Конструкция Родека представляет собой металлическую опору-тубус, которую помогают поддерживать в вертикальном положении две выносные сошки. На верхнем конце опоры монтируется зарядная камера, к которой с одной стороны подается по шлангу из баллона сжатый воздух, а с другой по наклонному желобу скатываются гранаты специальной конструкции. Сжатый воздух приводит в действие кривошипно-шатунный механизм, который одновременно открывает зарядную камеру и перекрывает доступ в нее сжатого воздуха. В зарядную камеру под собственным весом скатывается граната. Далее шатун запирает камеру и открывает подачу сжатого воздуха, под действием которого граната движется по длинному (2,5 м, диаметр 5 см) гофрированному шлангу и метается в сторону противника (рис. 12). Потом все повторяется. Направлением полета гранат руководит наводчик, который при помощи двух веревок сдвигает конец шланга, лежащего в деревянном лотке. Остальные члены расчета следят за наполнением желоба гранатами и подачей сжатого воздуха. Дальность метания достигает 300 шагов (220 м), а скорострельность – около 20 шт. в минуту. Но система требовала тщательной подготовки позиции, что вело к снижению ее мобильности и повышению риска быть засеченной вражескими наблюдателями и, значит, пострадать при контрбатарейной борьбе.

Для стрельбы из этого «пневматического гранатомета» была разработана специальная граната с часовым детонатором. В ее хвостовой части монтируется металлическое полукольцо, которое при попадании гранаты в зарядную камеру автоматически цепляется за неподвижный выступ в камере. При метании полукольцо взводит детонатор с 9-секундной задержкой. Вес гранаты достигает 600 г, она снаряжалась 21 г взрывчатого вещества. Гранаты упаковывались в деревянные ящики по 30 шт.

Рис. 12

Рис. 13

Справиться с недостатками конструкции Родека был призван другой пневматический гранатомет, конструкции Гергачевича (Gergacsevics), который был принят на вооружение в 1917 г. под наименованием «Handgranaten-Schnellwerfer M.17» – «Приспособление для быстрого метания ручных гранат образца 1917 г.» (рис. 13), а его массовое производство началось в конце года. Он оказался настолько удачным, что вытеснил конструкцию Родека и поступал в подразделения штурмовиков и легких минометов. Наиболее существенным недостатком разработки Гергачевича было то, что и она предназначалась для метания только одного типа гранат, получившего наименование «Schnellwurfgranaten M.17» – «Граната для ускоренного метания образца 1917 г.» (рис. 14). Это была модификация ручной гранаты Handgranate M.16, получившей за свою форму прозвище «сигара» (Sigaro) – с ее корпуса просто убрали крюк для ношения на поясе.

Конструкцию гранаты можно назвать несложной и оригинальной – она состоит из одного «боевого» корпуса и второго внешнего, разделяющегося для взведения гранаты в боевое положение.

Внутренний корпус гладкий цилиндрический и состоит из двух частей на резьбовом соединении: литой чугунный (с внутренней насечкой для образования при взрыве готовых элементов), заполненный 60 г динитротолуэна, и железной головной части, в которой размещен взрыватель. Внешний корпус состоит из двух половинок, соединенных в головной части рояльной петлей. При метании гранаты внешний корпус раскрывается и отлетает в сторону, освобождая при этом вертикальную шпильку, которая во взрывателе удерживает шарик со сквозным отверстием, играющий роль предохранителя.

Рис. 14

При ударе о препятствие шарик смещается со своего места и освобождает ударник, который под действием пружины накальвает капсюль детонатора. Общий вес гранаты достигает 700 г, поражающий радиус разлета осколков – 30 м, максимальный – 60 м. Гранаты упаковывались в деревянные ящики по 28 шт.

Гранатомет Гергачевича имеет простую конструкцию и состоит из двух труб: по одной (вертикальной) гранаты под собственным весом вертикально подаются в зарядную камеру, а по другой, которую можно направить в любую сторону под любым углом, метаются в цель. К зарядной камере подведен шланг от баллона со сжатым воздухом. В камере установлен прерыватель, который открывает доступ воздуха только в тот момент, когда граната в камере занимает свое положение, готовая к метанию. Обе трубы и зарядная камера смонтированы на станине треугольной формы, на концах одного из катетов которой установлены два колеса для удобства транспортирования. Стрельба осуществляется очередями по 5 шт., потому что это была максимальная емкость зарядной трубы. Скорострельность достигает 20 шт. в минуту, а дальность метания – 250 м. Благодаря колесам на станине на ближние дистанции гранатомет Гергачевича можно транспортировать вручную, а на дальние – на вьюках.

Как мы видим, механические и пневматические гранатометы из-за своей малой дальности стрельбы были эффективны только на ближних дистанциях, в первой линии окопов. Одновременно они расходовали много боеприпасов. Именно поэтому их направляли в первую очередь на вооружение штурмовых батальонов. Обучение владения ими было введено в курс подготовки штурмовиков. Однако конец войны уже приближался, и они так и не успели стать массовым оружием австро-венгерской пехоты.

Леонов О., Ульянов И. Регулярная пехота. 1698–1916. М.: АСТ, 1995. 296 с.
Прибылов Б., Кравченко Е. Ручные и ружейные гранаты. М.: Арктика 4Д, 2008. 776 с.

Jaskółowski P. Działa okopowe c. i k. Armii 1914–1918. Przemyśl: Wydawnictwo Fort, 2008. 202 p.

Mantoan N. Bombe a mano austriache 1914–1918. Udine: Paolo Gaspari editore, 2001. 113 p.

Ortner C. Storm Troops: Austro-Hungarian Assault Units and Commandos in the First World War. Tactics, Organisation, Uniformes and Equipment. Vienna: Verlag Militaria, 2005. 314 p.

Т.В. Алексеев (Санкт-Петербург)

**ЗАРОЖДЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ
КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ВЗГЛЯДОВ
НА ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ
ОТЕЧЕСТВЕННОГО ВОЕННО-
ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА
В 1910–1920-Е ГОДЫ**

ИЗУЧЕНИЕ истории отечественного военно-промышленного комплекса (ВПК) убедительно показывает, что истоки его следует искать в военной промышленности имперской России. Будучи по своей природе сложной социально-экономической и политической структурой общества, ВПК прошел в своем формировании и развитии сложный эволюционный путь, сопровождавшийся осмыслением его роли и места в системе национальной безопасности страны, выработкой принципов его существования и программ развития. Сегодня можно достаточно уверенно констатировать, что решающим импульсом, положившим начало глубинным преобразованиям в военно-промышленной сфере России, приведшим, в конце концов, к созданию ВПК страны, стала Первая мировая война.

До ее начала военная промышленность Российской империи представляла собой ряд казенных (находящихся в ведении Главного артиллерийского управления (ГАУ), Морского министерства и Горного департамента) и частных предприятий. Однако, как отмечал генерал-майор В.С. Михайлов, автор «Очерков по истории военной промышленности», все эти предприятия «не представляли собой стройной и законченной группы, конструированной по определенному плану и проникнутой определенной организационной идеей»¹.

В системе боевого снабжения армии лежал принцип: война ведется за счет накопленных в мирное время запасов вооружения и

боеприпасов, пополнение их во время войны продолжается за счет продукции казенных заводов. Гражданская промышленность как база боевого снабжения армии совершенно не учитывалась². Например, в декабре 1904 г. Военный совет постановил: «Необходимо, чтобы в случае большой войны отечественные заводы (имеются в виду казенные заводы. – Т.А.) могли при полном напряжении сил выделывать в год такое количество боеприпасов, какое в течение года войны будет расходоваться»³.

Однако начавшаяся Первая мировая война очень скоро опрокинула все довоенные взгляды на обеспечение действующей армии. Решающую роль в этом сыграли особенности этой войны, а именно:

- длительность военных действий и огромная протяженность территории, на которой они происходили;
- применение на театрах военных действий миллионных армий;
- массовое использование усовершенствованных средств ведения вооруженной борьбы;
- изменение способов ведения боевых операций и тактических приемов боя в связи с применением скорострельного оружия, танков и других новых видов военной техники;
- колоссальный расход материальных средств и необходимость использования всех отраслей народного хозяйства воюющих стран для удовлетворения материальных потребностей вооруженных сил⁴.

Уже осенью 1914 г. русская армия стала ощущать недостаток отдельных видов вооружения, прежде всего артиллерийских снарядов. А весной 1915 г. разразился серьезный кризис в снабжении, ставший основной причиной длительного и трагического отступления русских войск из западных областей Российской империи.

В этих условиях правительство вынуждено было разместить большие заказы за границей как у своих союзников по Антанте, так и в ряде нейтральных стран. Кроме этого потребовалось привлечение к исполнению военных заказов всей гражданской промышленности страны. Для регулирования военно-хозяйственной деятельности в интересах действующей армии в августе 1915 г. было создано Особое совещание для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства (Особое совещание по обороне).

Исходя из опыта работы по обеспечению действующей армии вооружением, боеприпасами, военной техникой и снаряжением,

именно в рамках деятельности этого органа, а также в кругах, близких к руководству военным ведомством, начинает постепенно формироваться система взглядов на то, каким образом должно быть обеспечено снабжение армии всем необходимым в случае новой «большой» войны.

Прежде всего внимание было обращено на крайне неблагоприятную для интересов национальной безопасности России зависимость снабжения ее армии и флота от зарубежных рынков. Тем более, что послевоенная военно-политическая и стратегическая конъюнктура, в которой могла оказаться страна, представлялась, как минимум, неопределенной, а как максимум, крайне неблагоприятной. Уже в представлении военного министра в Государственную думу по поводу строительства казенных оружейного и сталелитейного заводов в августе 1915 г. говорится: «Однако нам неизвестна конъюнктура будущей войны. В основание системы питания запасов оружия должно быть положено пополнение только внутренними силами. Необходимо приступить уже сейчас к развитию оружейного дела в России»⁵.

Следует отметить, что вопрос о необходимости снабжения вооруженных сил с опорой преимущественно на внутреннее производство поднимался в правительственных кругах России неоднократно еще задолго до начала Первой мировой войны. Так, еще в июле 1901 г. для выработки мер по ограничению зарубежных заказов в области артиллерийских вооружений решением кабинета министров при Государственном контроле была создана комиссия «для выяснения вопросов об удовлетворении потребностей военного и морского ведомств в артиллерийских орудиях» под председательством генерал-контролера Департамента военной и морской отчетности А.В. Васильева⁶. Однако, несмотря на неоднократные решения различных правительственных инстанций об ограничении зарубежных заказов и необходимости развития внутри России производства предметов, предназначенных для удовлетворения военно-оборонных потребностей, объем этих заказов продолжал оставаться значительным. Как следует из приложения к приказу по Военному министерству № 260 от 8 мая 1907 г., номенклатура предметов, подлежащих «безусловному» (т. е. безальтернативному) заказу за границей, насчитывала несколько десятков наименований приборов, аппаратов, приспособлений, инструментов, сырья и материалов⁷.

Одним из первых, кто представил более-менее сформулированную программу действий по организации внутри страны упорядоченной системы обеспечения вооруженных сил всем необходимым, был В.П. Литвинов-Фалинский⁸. В ноябре 1915 г. им был подготовлен доклад по теме «О мобилизации русской промышленности», с которым он 16 декабря того же года выступил на заседании Особого совещания по обороне.

Кратко представив картину снабжения русской армии за полтора года войны, Литвинов-Фалинский формулирует первый принципиальный вывод: «Готовность к войне в отношении снаряжений и снабжения армии должна определяться не запасами, а возможностью производства заготовлений во время самой войны на внутреннем рынке и за границей»⁹. Вместе с тем, подчеркивает автор доклада, заказы за границей, как у союзников, так и в нейтральных странах, имеют целый ряд серьезных недостатков: трудности доставки заказанных предметов, ослабление финансовой системы страны, отвлечение ресурсов от решения внутренних проблем государства и проч. Отсюда делается второй важный вывод: только внутреннее производство может служить основой обороноспособности страны¹⁰. Оценивая далее состояние отечественной промышленности и ее возможности по обеспечению воюющей армии всем необходимым накануне войны, Литвинов-Фалинский рисует картину определенных успехов в налаживании внутреннего военного производства. Исходя из неопределенных перспектив послевоенной военно-политической обстановки, в докладе ставится важнейшая задача – «о сохранении в мирное время той способности русской промышленности к производству предметов военного снаряжения, которую она проявляет во время войны»¹¹. Для этого требуется организовать планомерное использование основных фондов предприятий, созданных во время войны и предназначенных для военного производства. В качестве конкретных мер В.П. Литвинов-Фалинский предлагает наложение на заводы обязательств по поддержанию этих фондов в готовности к использованию по назначению взамен на предоставление им определенных льгот. Такой же порядок автор доклада предлагает реализовывать и в отношении всех вновь создающихся производств. Помимо мер производственно-технологического характера в докладе Литвинова-Фалинского содержится и целый ряд мероприятий иного характера, а именно: вывод крупномасштабного производства из района

Петрограда ближе к источникам топлива и сырья (Урал и Юг России); развертывание работ по обеспечению отечественной промышленности собственным сырьем; использование альтернативных источников энергии (в частности, гидроэлектростанций). Разработку и реализацию программы «мобилизации промышленности», т. е. создания мощного оборонного сектора промышленности, включающего как казенные, так и частные предприятия, автор доклада предлагал возложить на специально учрежденный орган, работающий в системе Особого совещания по обороне¹².

Хотя на заседании Особого совещания по результатам обсуждения доклада В.П. Литвинова-Фалинского и было принято решение о создании такого органа при Военном министерстве¹³, однако на практике оно не было реализовано.

Тем не менее, в довольствующих управлениях военного ведомства была продолжена работа по разработке программ создания самодостаточного сектора оборонной промышленности. Результатом работы стали два доклада о программах заводского строительства, представленные 6 сентября 1916 г. начальником Главного военно-технического управления (ГВТУ) генерал-лейтенантом Г.Г. Милеантом в Подготовительную комиссию по общим вопросам Особого совещания по обороне и 20 октября того же года начальником ГАУ генерал-лейтенантом А.А. Маниковским на имя военного министра.

Обосновывая необходимость строительства казенных заводов в различных отраслях военного производства, авторы обоих докладов параллельно высказали целый ряд положений, характеризующих взгляды ведущих довольствующих управлений военного ведомства на конфигурацию и принципы функционирования военной промышленности в целом. При этом по отдельным положениям авторы весьма удачно дополнили друг друга.

В докладе начальника ГАУ, как и у Литвинова-Фалинского, четко определена основная задача деятельности государства в сфере военной промышленности – «избавиться по части боевого снабжения от иноземной зависимости и добиться того, чтобы наша армия все необходимое для себя получала бы у себя дома»¹⁴. Вместе с тем, с точки зрения представителей ГВТУ, «армия должна быть обеспечена запасами мирного времени только на период мобилизации промышленности, которая после этого должна обеспечивать армию как необходимым количеством для текущего потребления, так и

некоторым запасом»¹⁵. Главный упор делается на мобилизационную готовность отечественной промышленности к развертыванию массового военного производства, что должно избавить государство от нерационального расходования ресурсов страны для накопления огромного количества предметов боевого снабжения в мирное время.

Авторы обоих докладов солидарны в том, что приоритетную роль в деле организации и развертывания, в случае необходимости, военного производства должны играть казенные заводы.

Так, А.А. Маниковский выделяет четыре группы производств в зависимости от их производственно-технологической сложности и, соответственно, степени участия государственного сектора:

1) винтовки, пулеметы, взрывчатые вещества большой мощности, снаряжение снарядов, ручных гранат и др. – выпуск осуществляется только казенными заводами;

2) порох, дистанционные трубки, взрыватели и детонаторы трубок, где доля казенного сектора составляет 75 %;

3) орудия и лафеты, прочие типы взрывчатых веществ, отравляющие вещества и противогазы – доля казенных предприятий не превышает 50 %;

4) корпуса снарядов, ручных и ружейных гранат, гильзы, капсюльные трубки, осветительные средства, сырье для взрывчатых веществ и пороха, оптические приборы, конная амуниция и повозки, электротехнические изделия – казенный сектор занимает порядка 10–20 %¹⁶.

По мнению начальника ГАУ, каждая из этих групп должна представлять из себя самостоятельную организационно-производственную единицу, призванную обеспечить своевременное развертывание военного производства, опирающуюся на «твердый костяк казенных заводов, на котором можно будет впоследствии развить какую угодно мускулатуру частной промышленности»¹⁷.

Развивая этот тезис, генерал-лейтенант Г.Г. Милеант в своем докладе намечает те задачи, которые призваны решать казенные заводы в ходе подготовки и осуществления мобилизационного развертывания военной промышленности в случае будущей войны. Задачи эти сводятся к следующему:

- разработка и своевременная корректировка технических планов мобилизации частных предприятий, содержащих сведения о распределении между ними заказов, снабжении их материалами и

полуфабрикатами, порядок их перехода с мирного на военный лад;

- подготовка инженерно-технических кадров для организации и развертывания военного производства на частных заводах;

- регулирование цен на продукцию военного назначения, производимую и поставляемую частными предприятиями¹⁸.

Новый этап в разработке концепции строительства отечественного оборонного комплекса в промышленности начался уже после окончания Гражданской войны, и связан он с именем генерал-майора русской армии В.С. Михайлова. До революции он проходил службу в аппарате ГАУ, будучи начальником одного из отделов технических артиллерийских заведений. Судя по содержанию его позднейших работ, Михайлов несомненно имел отношение к разработке плана заводского строительства, изложенного А.А. Маниковским в октябре 1916 г., и, возможно, был автором отдельных идей, содержащихся в этом докладе. После революции В.С. Михайлов работает в Совете военной промышленности, а в 1923 г. становится помощником начальника Главного управления военной промышленности (ГУВП), заведует всей технической частью управления¹⁹.

В октябре 1921 г. В.С. Михайлов выступил на 1-м Всероссийском съезде инженеров, работающих в военной промышленности, с докладом «Об организации военной промышленности». По сути дела, это был первый документ, в котором на основе анализа всего пути развития отечественной военной промышленности, были изложены основные контуры программы организации и функционирования ее с учетом новых исторических реалий.

Прежде всего В.С. Михайлов останавливается на тех отрицательных чертах, которые были характерны для системы обеспечения армии в целом и для военной промышленности в частности в период имперской России. Это и все то же базирование на запасах мирного времени, и неготовность казенной и частной промышленности к мобилизационному развертыванию, и недостатки организационного построения казенной промышленности, и отсутствие единого центра, отвечающего за мобилизацию²⁰.

Исходя из тезиса о том, что военная мощь государства покоится на двух основаниях – армии и ее всестороннем обеспечении – В.С. Михайлов формулирует важнейший принцип – «военная промышленность должна строиться совершенно на тех же принципах, как строится армия – постоянный кадр и мобилизуемые запасы»²¹.

Таким образом, происходит смещение акцентов в иерархическом построении военной промышленности, обусловленное изменением структуры народнохозяйственного комплекса советской России: место казенных заводов занимают заводы кадровые, а вместо частного сектора фигурируют предприятия мирной промышленности.

Для претворения предложенного принципа в жизнь В.С. Михайловым предлагается целая система организационных мероприятий, основными из которых являются:

- организация группы «кадровых» заводов для каждой из основных отраслей военного производства; заводы эти были призваны в мирное время поддерживать мобилизационные запасы вооружения и боеприпасов, поддерживать должный уровень техники военного производства, осуществлять подготовку для «мирной» промышленности кадров рабочих и инженерно-технического персонала, запасов рабочего и поверочного инструмента, а с началом войны – быстро развернуть производство военной продукции на максимальную мощность и служить опорными пунктами для развертывания «мирной» промышленности;

- организация соответствующих групп «запасных» заводов, которые в соответствии с разработанными мобилизационными планами готовят необходимые для осуществления военного производства технические средства и кадры, осуществляют поддержание на должном уровне их способности быстро перейти на работу в условиях военного времени;

- создание единого специализированного органа при Высшем совете народного хозяйства (ВСНХ) для руководства деятельностью как «кадровых», так и «запасных» заводов;

- концентрация вопросов мобилизационного планирования военной промышленности в специальном органе при Президиуме ВСНХ (Комитет по мобилизации промышленности), работающего в тесной связи с органом по управлению этой промышленностью;

- подготовка кадров инженерных работников для военной промышленности на военное время на базе высших технических учебных заведений страны, привлечение их к военно-технической повинности на заводах взамен строевой службы в армии и к поверочным призывам для поддержания должного уровня специальных знаний и навыков;

- проведение частичных мобилизаций мирной промышленности для пополнения запасов или в случае перевооружения армии новыми образцами вооружения и военной техники²².

Все эти предложения нашли свое отражение и дальнейшее развитие в докладе, представленном начальником ГУВП П.И. Богдановым и его заместителем В.С. Михайловым 2 марта 1924 г. в Реввоенсовет, Совнарком и Совет труда и обороны СССР. По мнению исследователя Н.С. Симонова, именно в этом докладе были изложены те основополагающие принципы, на которых и строилось в дальнейшем формирование в нашей стране постоянно действующего военно-промышленного комплекса²³.

Необходимость существования специальным образом организованной военно-индустриальной базы авторами доклада обосновывалась причинами стратегического и производственно-технологического характера.

В стратегическом плане подчеркивается необходимость иметь в стране налаженное производство всех без исключения предметов вооружения и снабжения армии. Наряду с соображениями, имевшими место еще в годы Первой мировой войны, в обоснование этой точки зрения включалась новая реальность – внешнеполитическая и экономическая самоизоляция СССР²⁴.

С точки зрения производственно-технологической сопряженности продукции военного назначения с условиями производства в гражданской промышленности авторы доклада выделяют три группы этой продукции. Причем в отличие от групп производства, выделявшихся в докладе А.А. Маниковского в 1916 г., данная классификация включает уже не только предметы вооружения и боевого снаряжения, но и все прочие виды изделий, служащих для удовлетворения военных потребностей:

1-я группа: ручное огнестрельное оружие, пулеметы, винтовочные патроны, капсюля, пороха, взрывчатые и отравляющие вещества, дистанционные трубки, мины, снаряжательные работы. Производство изделий этой группы наиболее сложное и даже опасное, требует постоянной отработки и в наибольшей степени отличается от характера производства в «мирной» промышленности.

2-я группа: взрыватели, артиллерийские орудия, специальные артиллерийские снаряды, материальная часть артиллерии, военное судостроение, танкостроение, авиастроение, военные радио и оптика. Изготовление этой продукции «стоит значительно ближе

к мирной промышленности», однако в силу ее специфики «в интересах технической слаженности и увязки календарной программы работ, надо стремиться к тому, чтобы собрать более или менее замкнутый цикл военных производств, дающий то или иное «готовое изделие»²⁵.

Изготовление и создание запасов изделий 1-й и 2-й группы предлагалось сосредоточить на специализированных военных заводах, заводах «кадра», в помощь которым, в случае войны, подключались родственные предприятия «запаса», поддерживающие в мирное время свою способность к выпуску этой продукции.

Наконец, 3-я группа: электротехническое, интендантское и все виды военно-инженерного имущества, средства связи и маскировки, корпуса артиллерийских снарядов. Производство этих видов продукции следовало сосредоточить на предприятиях, входящих в состав гражданских промышленных объединений.

В докладе излагаются задачи «кадровой» промышленности, которые в целом были аналогичны изложенным в выступлении В.С. Михайлова в октябре 1921 г. Однако имелись и некоторые дополнительные пункты, важнейшим из которых было – осуществление разработок новых образцов вооружения и освоение их массового производства. Для «запаса» военной промышленности предлагалась разработка мобилизационных планов с определением роли каждого предприятия и порядка перехода его на военный лад²⁶.

Таким образом, на основе осмысления опыта обеспечения русской армии средствами вооружения, военной техники и снаряжения в ходе Первой мировой войны были сформулированы концептуальные взгляды на роль и характер формирования отечественного ВПК. Во многом это стало возможным благодаря преемственности идей, которые наряду с материально-производственной базой и позволили создать этот уникальный феномен, ставший, по мнению ряда исследователей, величайшим достижением нашего государства.

¹ Генерал В.С. Михайлов (1875–1929): Документы к биографии. Очерки по истории военной промышленности. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. С. 242.

² Шигалин Г.И. Военная экономика в первую мировую войну (1914–1918 гг.). М.: Воениздат, 1956. С. 63.

- ³ Военная промышленность России в начале XX века (1900–1917): Сб. документов / под ред. Р.Ш. Ганелина. М.: «Новый хронограф», 2004. С. 179.
- ⁴ Шигалин Г.И. Указ. соч. С. 45.
- ⁵ Военная промышленность России в начале XX века... С. 521.
- ⁶ Там же. С. 72.
- ⁷ Там же. С. 98–101.
- ⁸ Владимир Петрович Литвинов-Фалинский (1868–1929) – административный деятель и писатель. С 1895 г. служил по Министерству финансов, был фабричным инспектором Санкт-Петербургской губернии; в 1905–1915 гг. управляющий Отделом промышленности Министерства торговли и промышленности. С 1915 г. принимал активное участие в работе Особого совещания по обороне.
- ⁹ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (далее – архив ВИМАИВиВС). Ф. 13. Оп. 87/1. Д. 33. Л. 267.
- ¹⁰ Там же. Л. 269.
- ¹¹ Там же. Л. 270.
- ¹² Там же. Л. 272.
- ¹³ Журналы Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства (Особое совещание по обороне государства), 1915–1918 гг.: Публикация, 1915 год. М.: Ин-т истории СССР, 1975. С. 500.
- ¹⁴ Военная промышленность России в начале XX века... С. 596.
- ¹⁵ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 13. Оп. 87/1. Д. 16. Л. 40.
- ¹⁶ Доклад начальника ГАУ Военному министру (с программой заводского строительства). Пг., 1916. С. 20.
- ¹⁷ Военная промышленность России в начале XX века... С. 597.
- ¹⁸ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 13. Оп. 87/1. Д. 16. Л. 41.
- ¹⁹ Генерал В.С. Михайлов (1875–1929): Документы к биографии... С. 5.
- ²⁰ Михайлов В.С. Об организации военной промышленности / Труды 1-го Всероссийского съезда инженеров, работающих в области военной промышленности. Вып. 1. М.: ГУВП, 1922. С. 30.
- ²¹ Там же. С. 31.
- ²² Там же. С. 31–33.
- ²³ Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управления. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1996. С. 32.
- ²⁴ Там же. С. 33–34.
- ²⁵ Там же. С. 35.
- ²⁶ Там же. С. 36.

Е.В. Антропов, А.О. Пронин (Новосибирск)

К ИСТОРИИ 41-ГО СИБИРСКОГО СТРЕЛКОВОГО ПОЛКА: АТРИБУЦИЯ ПОРТРЕТА И ФОТОГРАФИЙ ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА ДРОБЫНИНЫХ

ИСТОРИЯ сибирских частей Русской Императорской армии до сих пор остается малоизученной. Архивные письменные источники и музейные коллекции, касающиеся истории Первой мировой и Гражданской войн в Сибири, по понятным причинам практически не изучались и не пополнялись. Имена солдат и офицеров, служивших в Императорской армии, сегодня забыты. Более того, из сотен и тысяч георгиевских кавалеров, отличившихся на полях сражений Русско-Японской и Первой мировой войны известны буквально единицы.

Воинские реликвии, связанные с историей дореволюционной армии, целенаправленно скрывались и даже уничтожались их владельцами из опасения репрессий. Выявление и описание новых исторических источников в этой области очень трудоемко и считается большой удачей. Не является исключением и история создания, комплектования, дислокации и мобилизации 41-го Сибирского стрелкового полка (далее – 41-й ССП), квартировавшего в новониколаевском Военном городке с 1910 по 1914 гг. (в 1914 г. кадровый состав полка убыл на фронт, оставив в пункте постоянной дислокации свои тыловые подразделения; там же были развернуты новые запасные части).

Насколько редким случаем сегодня является выявление новых исторических документов по истории сибирских военных частей, настолько же редкими являются и устные сюжеты, запечатленные в семейной памяти старожиллов Новосибирска и Новосибирской

области. Само по себе упоминание о родственниках – участниках в Русско-японской или Первой мировой войны – как часть индивидуальной биографии под запретом не оказывалось. А вот героико-патриотические сюжеты и атрибуты воинской славы, ассоциировавшиеся с участием в «империалистических» войнах (награды, знаки отличия, военные трофеи и личные документы), как правило, вытеснялись из родовой памяти и уничтожались физически, что было напрямую связано с особенностями идеологизации и стандартизации советской индивидуальной биографии.

Как показывает практика, интервьюирование старожилов – детей и внуков тех, кто воевал в Первую мировую войну, – сопряжено с серьезными трудностями при реконструкции биографии. Это связано с «неодобряемыми» сюжетами и демифологизацией родовой памяти. Однако при должном уровне проверки подлинности работа с источниками устного и визуального (семейные фотографии) происхождения дает возможность получать оригинальный исторический материал, уточняющий или дополняющий архивные, справочные и литературные сведения.

В ноябре 2011 г. в рамках текущего биографического сбора сотрудники Музея города Новосибирска вышли на домашний архив пожилой пары Дробыниных Виктора Семеновича и Виктории Ивановны. Внимание исследователей привлекли несколько фотографий из семейного альбома мужской линии Дробыниных, на которых были видны заретушированные наградные воинские знаки. После пилотного интервью, сблизившего старожилов и интервьюеров, нас познакомили с одной из семейных реликвий – портретом офицера с погонами 41-го Сибирского стрелкового полка и нагрудными знаками отличия. Также выяснились интересные подробности переселения и обоснования семьи в Новониколаевске, что сосредоточило исследовательский интерес на изображенном на портрете человеке – отце Виктора Семеновича – и его родственниках по мужской линии.

Краткая атрибуция портрета дала следующие общие сведения о реликвии. На портрете, написанном маслом на холсте сразу после Первой мировой войны, изображен отец Виктора Семеновича – Семен Григорьевич Дробынин, родившийся в Тобольске в 1891 г. и, судя по его детской фотокарточке с сестрами, живший в Новониколаевске еще до 1910 г. На портрете перед нами молодой человек в звании старшего унтер-офицера 41-го ССП, квартировавшего

в Военном городке Новониколаевска. На груди унтер-офицера колodka с государственными наградами.

Надо сказать, что сведения о Семене Григорьевиче Дробышине давала, по большей части, жена Виктора Семеновича, 1928 г. р., долго прожившая с его родителями, обладающая прекрасной памятью и достаточным любопытством, благодаря которому она довольно много беседовала с самим С.Г. Дробышиным и особенно с его женой, Евдокией Платоновной, в девичестве Павловой, 1897 г. р.: «Потому что я же жила с ней, 30 лет прожила с ней, со свекровью, и она нет-нет, да чего-нибудь разговоримся мы с ней. И вот она рассказывала про революцию, про Колчака, как в Новосибирске они жили»¹. Сам Виктор Семенович, 1925 г. р. (сын изображенного на портрете), в силу контузии, полученной во время Великой Отечественной войны, и возраста, мог вспомнить о своем отце значительно меньше.

Таким образом, не менее интересным объектом исследования, чем собственно семейные реликвии, стала историческая динамика памяти и восприятия образа георгиевского кавалера в семейной памяти и архиве, в воспоминаниях жены сына участника Первой мировой войны. Портрет и фотографии Семена Григорьевича в разном возрасте стали существенным источником биографических данных, подкрепленных сведениями информаторов. История жизни С.Г. Дробышина оказалась в целом довольно редким для Новосибирской области примером несельской биографии конца XIX – первой половины XX вв.

Семен Григорьевич познакомился со своей будущей женой Евдокией Платоновной уже здесь, в Новониколаевске, около 1918 или 1919 гг. «Семен Григорьевич жил вот сначала в Тобольске, там родился, а потом они оказались в Новониколаевске». Евдокия Платоновна, сама из Смоленской губернии родом, была моложе на шесть лет. В Новониколаевске, по крайней мере, до революции, она занималась швейным делом у своего дяди. «Их много Павловых, сестер тогда в Новосибирск приехало... Это потом они сюда приехали, а сначала приехал их дядя, который шил мужское белье. Ему были нужны работницы-швеи, и вот он эту племянницу пригласил... Фамилия Крупенковы... это, знаете, если она была Павлова по отцу, то мать у нее была Крупенкова. <...> Так вот брат матери Федор Крупенков. Вот, значит, здесь вот в Новониколаевске вот у него было свое производство – шил белье. Мужское – кальсоны и

рубашки – и продавал. Он ее вызвал с Смоленской (губернии. – *Прим. авт.*), и она шила, у него работала в работницах, вот, у дяди у своего.

А она старшая сестра в семье. Их пятеро было – четыре сестры и брат один. А потом она их всех сюда перетянула, потом, уже позже. Вот, и они уже стали здесь все жить. Вот Евдокия Платоновна, потом Мария Платоновна, Надежда Платоновна, Нина Платоновна и Матрена Платоновна – вот их пять сестер, вот и брат был. <...> Первая дочь у них (у Семена Григорьевича и Евдокии Платоновны. – *Прим. авт.*) родилась в 21-м году. А до этого у них тоже был сын, первый был сын, но то ли он мертвый родился, то ли в младенчестве умер. А потом дети пошли, за мужем ездила. Он вот маслом делал. По районам они, там, Никоново, Черепаново, Тогучин, Алтайский край, Чемал... заводы налаживал»².

Портрет был сильно поврежден при долгом хранении в неблагоприятных условиях. Холст был сложен вчетверо, масло во многих местах стерлось и потрескалось. Состояние реликвии информаторы прокомментировали кратко: «Так он пролежал сколько свернутый в чемодане?! Все прятали... Прятали из-за этих крестов». Образ Семена Григорьевича, оставшийся в воспоминаниях Виктории Ивановны, довольно противоречив, являясь одновременно предметом семейной гордости и источником воспоминаний о жестком человеке со строгой закалкой. «Семен Григорьевич был вообще человек очень хороший, трезвенник, не курил, работающий, деловой мужчина, серьезный очень. При этом он был человек замкнутый. Вот если мы с матерью (матерью мужа, женой Семена Григорьевича. – *Прим. авт.*) много говорили – вот почему я о них больше знаю. А отец, он был замкнутый очень человек, с ним было как-то некомфортно разговаривать, и вообще. Он и на кухню-то придет, за стол сядет и вот так вот исподлобья на всех смотрит. Никогда я не видела, чтобы он пошутил, где-то что-то рассмеялся громко, это вот не припомню. <...> Он о Польше вспоминал, про Польшу, где воевал, и часто языком польским... нет-нет, да и скажет... выражения всякие»³.

Визуальное изучение портрета и сравнение с поступившими вместе с портретом подлинными фотографиями позволили выявить ряд особенностей и уточнить некоторые детали биографии С.Г. Дробынина. Так, на портрете Семен Григорьевич Дробынин изображен в однобортном мундире с накладными кармана и

воротником-стойкой, носившимся в 1907–1917 гг. офицерами и унтер-офицерами Императорской армии. На его плечах расположены погоны с лычками старшего унтер-офицера и шифровками «41 Сб.». Данный шифр обозначает принадлежность именно к 41-му Сибирскому стрелковому полку. Шифр тщательно выписан художником на обоих погонах и, несомненно, не является случайностью.

Для практики воинской службы в дореволюционной армии является уникальным прохождение службы нижним чином в своем родном городе. Этот необычный факт объясняется тем, что 41-й ССП был сформирован 20 февраля 1910 г. из двух существовавших ранее сибирских резервных полков, подразделения которых были расквартированы в других городах Сибири. С.Г. Дробынин, бывший на тот момент молодым солдатом, скорее всего, был переведен во вновь созданный полк приказом командования, попав, таким образом, в качестве военнослужащего в родной город.

На груди Семена Григорьевича планка с наградами. Это (слева направо): георгиевский крест 4-й степени; георгиевская медаль («За храбрость» на георгиевской ленте); медаль «За усердие» на ленте ордена Св. Станислава, памятная медаль «В память 300-летия Дома Романовых» на ленте в цвет бело-желто-черного «имперского» флага. Благодаря изображению медалей стало возможным уточнить предполагаемый период изготовления портрета и примерные даты воинской службы С.Г. Дробынина. Таким образом, мы можем говорить об уникальном случае восстановления забытого имени георгиевского кавалера, участника Первой мировой войны и нашего земляка.

Наличие в колодке медали «В память 300-летия Дома Романовых» четко устанавливает момент награждения – 1913 год, когда подобные медали вручались всем подданным Российской империи, состоявшим на службе – военной или гражданской. Лица, не состоявшие на государственной службе, имели право приобрести такую медаль на свои личные средства и носить ее в знак верноподданнических чувств. Вторая из медалей мирного времени – медаль «За усердие» в варианте на ленте ордена Св. Станислава – вручалась за три года беспорочной службы. Интересно, что на одной из поступивших вместе с портретом фотографий молодой Семен Григорьевич изображен в парадном двубортном мундире обр. 1907 г. для нижних чинов с единственной медалью на груди – «За усердие» на ленте ордена Св. Станислава.

На его погонах различимы узкие лычки, соответствующие воинскому званию «ефрейтор». Кокарда, пуговицы, погоны и медаль на фотографии были замазаны черной тушью, но остались различимыми при ярком боковом освещении и увеличении. Таким образом, к 1913 г. (т. е. моменту награждения медалью «В память 300-летия Дома Романовых») он уже имел награду за три года беспорочной воинской службы. Это согласуется и с датой рождения С.Г. Дробынина (1891) и позволяет предположить возможный период его поступления на военную службу – между 1909 и 1910 гг.

Другие две награды – Георгиевская медаль («За храбрость», на георгиевской ленте) и георгиевский крест 4-й степени – несомненно являются наградами военного времени и заслужены на полях сражений Первой мировой войны. Награды в колодке расположены в соответствии с правилами их ношения и статутами (т. е. не в хронологическом порядке).

В известных на сегодняшний день списках георгиевских кавалеров 41-го Сибирского стрелкового полка (опубликованных в печати и более полных, содержащихся в фондах ГАНУ) имя С.Г. Дробынина пока не найдено.

Сам факт создания подобного портрета может быть объяснен двумя предположениями: 1) личной инициативой С.Г. Дробынина или его родных и 2) распоряжением полкового командования. Второе предположение согласуется с традицией бытования в полковых частях дореволюционной армии полковых музеев, в которых собирались реликвии, связанные с историей этой воинской части, велась хроника полка, хранилась информация о ветеранах и награжденных солдатах и офицерах. В годы Первой мировой войны существовала практика создания портретов георгиевских кавалеров для таких музеев и портретов полных георгиевских кавалеров для создававшегося музея военного ордена в Москве. Создание таких портретов оплачивалось из полковых сумм.

Как ни странно, но в пользу второго предположения говорит небрежность художника в изображении самих георгиевских наград (неверно изображено количество черных полос на лентах и расположение лент на колодке, не выдержаны пропорции медалей относительно остальных наград). Это указывает на прорисовку портрета с натуры, а не по фотографии (в последнем случае изображение с фото копировалось с соблюдением мельчайших деталей). На создание портрета с натуры требовалось длительное время, которое

военнослужащий мог получить только с разрешения вышестоящих командиров или по их прямому приказу.

Портрет на холсте имеет следы грубого извлечения из рамы и снятия с подрамника, с которого он был просто срезан ножом либо бритвой. Этот факт указывает на необходимость быстрого извлечения портрета. Возможно, С.Г. Дробынин просто забрал свое изображение из полкового музея или штаба при развале полка в 1917 г., когда последние кадровые солдаты и офицеры изгонялись распропагандированными резервистами. В таком виде портрет был привезен в Новониколаевск, где и был спрятан на долгие десятилетия. К счастью, он сохранился до настоящего времени.

Реликвии унтер-офицера Императорской армии являются визуальным символом памяти, укрепляя значимость родословной и родственные связи семьи Дробыниных. Для самых младших представителей рода Дробыниных по мужской линии легендарный унтер-офицер, георгиевский кавалер – является прапрадедом. Его нынешние потомки – уже пятое поколение семьи, что для сибирских горожан является редким случаем.

Семейные реликвии Дробыниных стали экспонатами выставочного проекта «Новониколаевск в военной шинели. 1904–1921 гг.», посвященного истории гарнизона Новониколаевска в годы Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн. Они успешно экспонировались в оригинале в залах Музея города Новосибирска, также на стендах уличной выставки в парке перед НГАТОиБ в феврале – мае 2012 г., в репродукциях. Сохранив военные реликвии в советские годы, а затем открыв свою историю жителям города и позволив ввести связанные с С.Г. Дробыниным данные в научный оборот, семья Дробыниных внесла свою лепту в долговременный процесс реабилитации коллективной исторической памяти, связанной с Первой мировой и Гражданской войнами в Сибири.

¹ Центр устной истории. Дробынина Виктория Ивановна. 1928 г.р.

² Там же.

³ Там же.

А.К. Афанасьев (Москва)

О СУДЬБЕ ОРУЖИЯ И ЗНАМЕН МОСКОВСКОГО АРСЕНАЛА В 1812 ГОДУ

СТАТЬЯ посвящена причинам и последствиям сдачи врагу оружия и военных реликвий Московского арсенала, гибель которого была одним из наиболее трагических эпизодов Отечественной войны 1812 г. Исследование проведено на базе хранящихся в ОПИ ГИМ малоизученных или не известных до сих пор историкам документов.

Главным источником является «Дело о погибшем в Москве Артиллерийском имуществе 1812 Года»¹ из фонда «Особого Комитета по устройству в Москве Музея 1812 года». В «Деле» переплетено более 200 документов на 766 листах за период с 1 августа 1812-го по 20 апреля 1818 г. Свыше 90 % их относится ко времени с сентября 1812-го по февраль 1814 г. Это материалы специальной комиссии под председательством артиллерийских генералов П.М. Пичугина и В.Ф. Ильина. Комиссия была создана для расследования обстоятельств, при которых в Кремле было брошено оружие и военное имущество, определения объема убытков, а также для поиска оружия, оставшегося после ухода французов из Москвы.

«Дело» содержит копии писем М.И. Кутузова Ф.В. Ростопчину за время после Бородинского сражения и до сдачи Москвы, повеления Александра I, приказы, рапорты, объяснительные записки участников происшедшего, а также множество различных ведомостей, списков и тому подобных документов о количестве оставленного, уничтоженного и найденного впоследствии оружия и имущества арсенала. Эти материалы использовались лишь историком С.В. Шведовым, в статьях о запасах огнестрельного оружия

в Московском арсенале в 1812 г., для сопоставления с данными, хранящимися в других архивах².

Проблема эвакуации главных ценностей и учреждений обеих столиц встала сразу после вторжения войск Наполеона в Россию. В начале августа, когда французы направлялись от Смоленска к Москве, из Санкт-Петербурга уже были эвакуированы учреждения и ценности. Эрмитаж, дела всех присутственных мест, библиотеки и прочее вывезены водой на север. К эвакуации были готовы Петербургский арсенал, реликвии и трофеи, хранившиеся в Петропавловской крепости и других местах³.

В Москве ответственным за эвакуацию являлся Ф.В. Ростопчин, наделенный императором чрезвычайными полномочиями. Однако в вопросе о военном имуществе Ростопчин подчинялся М.И. Кутузову и должен был выполнять его постоянные требования о поставке оружия и боеприпасов из Московского арсенала, который после сдачи Смоленска стал главной и ближайшей базой снабжения русской армии. Эвакуация арсенала могла произойти только по приказу Кутузова.

Главным ответственным лицом в Москве по части вооружения являлся начальник Московского артиллерийского депо ген.-м. В.Х. Кнобель. Все текущие дела арсенала находились в ведении одного из членов артиллерийского депо, полковника А.А. Курдюмова, который одновременно занимал должности начальника арсенала, коменданта Кремля и командира его гарнизона. Утром 31 августа артиллерийское депо во главе с Кнобелем выехало в Нижний Новгород, и вся полнота ответственности за эвакуацию арсенала пала на Курдюмова.

Из материалов следственного дела видно, что еще 18 августа Ростопчин потребовал от Курдюмова сведения о числе подвод для вывоза артиллерийского имущества. В тот же день Курдюмов ответил, что ему необходимо 6475 подвод. 21 августа Ростопчин выделил ему 18 барок для вывоза имущества по воде, но из них только 8 были годными для использования. Перегруженные порохом и свинцом барки отправились по Москва-реке 1 сентября, но вскоре сели на мель около Перервы. Весь порох пришлось высыпать в воду, чтобы не достался врагу, а тысячи пудов свинца – затопить. В тот же день и утром 2-го сентября из арсенала вывозилось имущество на 600 подводах – больше их уже не было.

Ростопчин не был приглашен на военный совет в Филях и узнал о сдаче города только в 11 часов вечера 1 сентября, т. е. всего за 4 часа до начала вывода из него войск. До 16 часов 2 сентября армия Кутузова покидала Москву, и одновременно в город входили французы.

В два часа по полуночи 2 сентября Курдюмов снял караулы в Кремле, приказал своим подчиненным присоединиться к уходящей армии и спешно покинул город, бросив даже сундук с деньгами (тысяча рублей медной монетой) для оплаты частных подводчиков. Служители арсенала продолжали уничтожать боевые заряды вплоть до самого подхода неприятеля к Кремлю. Часть оружия и припасов затопили в Красном пруду ровно за час до появления там противника. Но основная масса имущества арсенала досталась врагу и была им разграблена, вывезена или уничтожена.

Узнав об этих огромных потерях, Александр I приказал провести тщательное расследование. 21 сентября 1812 г. (когда французы находились еще в Москве) управляющий Военным министерством кн. А.И. Горчаков передал вице-директору Артиллерийского департамента И.Г. Гогелю следующее повеление: «Государю Императору по случаю временного занятия неприятелем Москвы благоугодно иметь верное сведение о количестве находившихся там в сие время разного рода вещей и припасов по ведомству Артиллерийского Департамента. В следствие чего рекомендую Вашему Превосходительству представить ко мне немедленно ведомость об оружии, вещах и других припасах Артиллерийского ведомства, находящихся в Москве, буде известно об оных здесь по Артиллерийскому Департаменту. С тем вместе истребовать как наискорее чрез нарочного от начальника Московского Артиллерийского Депо верное и подробное сведение, сколько каких именно вещей и припасов ведомства Артиллерийского, до занятия неприятелем Москвы находилось там; сколько и куда именно вывезено; сколько осталось и сколько истреблено, также какую сумму составляют оставленные там и погибшие разного рода вещи, и таковое сведение доставить ко мне для доклада Его Императорскому Величеству»⁴.

Вскоре по выходе французов, в Москву был откомандирован с этой целью ген.-м. П.М. Пичугин, который в своих рапортах в Петербург докладывал о поиске оружия в развалинах арсенала. 16 декабря 1812 г. он доносил: «Огнестрельное и белое оружие

действительно перегорело /.../ так что ни на какое употребление не годится»⁵.

5 февраля 1813 г. Пичугину было приказано ускорить работу. 10 февраля министру были посланы три наспех составленные ведомости «О состоявших в Москве по 1-е Сентября прошлого 1812 года при Арсенале артиллерии, ее принадлежности, оружия, военных регалиях, трофеях, инструментах, материалах, припасах и других разного рода вещах, снарядах и запасах, бывших при Арсенале и в составе Московского запасного парка, с показанием, сколько чего именно истреблено, затоплено и оставлено в Москве, при выступлении оттуда войск наших, затем вывезено из оной куда, в какую сумму полагать истребленное, затопленное и оставленное в Москве имущество по ценам настоящим, штатным и примерно назначаемым, кроме, однако, таких званий, каким цен определить нельзя, как то образов, церковной утвари, военных регалий, трофеев, математических книг, негодных, равно и неупотребительных ныне вещей»⁶.

Разумеется, кроме определения размера убытков, встал вопрос о персональной ответственности. Граф Ростопчин целиком возложил ее на полковника Курдюмова. В письме Ростопчина военному министру от 17 марта 1813 г. говорится, что «...за прочее артиллерийское имущество оставленное в Москве ответственность должен один только Полковник Курдюмов; /.../ но он, закрывая свою беспечность в исполнении моих приказаний, во всех отчетах своих показывает, что оное имущество, так же немалозначущее количество зарядов, патронов и пороху оставлено за неимением подвод в Арсенале»⁷.

Весной 1813 г. П.М. Пичугина сменил ген.-м. В.Ф. Ильин, ставший новым начальником Московского артиллерийского депо и председателем чрезвычайной комиссии. Поисковая работа затруднялась тем, что найденные при разборе завалов фрагменты оружия и вещей определить было невозможно, поскольку архив арсенала тоже был оставлен и сторел.

По беспрестанным требованиям Военного министерства из Москвы в Петербург присылались составленные в срочном порядке ведомости и списки найденного оружия и вещей. Однако они носили промежуточный и фрагментарный характер, да и единой их формы долгое время не существовало. В течение трех лет в министерство были отправлены десятки таких ведомостей, реестров, списков, описей и тому подобных документов.

Все они доставлялись Александру I, державшему под личным контролем ход расследования. Работа следственной комиссии завершилась лишь в конце февраля 1814 г. О ее результатах было доложено директору Артиллерийского департамента П.И. Меллер-Закомельскому в подробном (на 24 страницах) рапорте⁸. Окончательных сведений о судьбе оружия и имущества арсенала пришлось ждать еще полтора года. 11 августа 1815 г. военный министр категорически потребовал: «...донести мне об оном без малейшего отлагательства, присовокупя и подробную ведомость для представления Государю Императору»⁹.

И только 10 сентября 1815 г. Меллер-Закомельский донес министру об окончании розыска артиллерийского имущества в Москве. К этому донесению приложена итоговая ведомость на 100 страницах¹⁰. В ней перечислено огнестрельное и холодное оружие, а также военное имущество, с разделением всего этого на три части: 1) что осталось в арсенале 2 сентября 1812 г., 2) что было впоследствии найдено и 3) не найденное, т. е. расхищенное или уничтоженное. По каждой из этих позиций указана стоимость имущества. По итоговой части ведомости видно, что количество одного только огнестрельного оружия, оставленного в Московском арсенале, превышало 80 тысяч единиц¹¹. Вместе с холодным оружием этого было достаточно, чтобы вооружить всю армию Кутузова или Наполеона. Общая стоимость оружия составила 1 074 762 р. 53 к. Найдено было на 71 661 р. 32 к. Не найдено и пропало на 1 003 101 р. 20 к.¹² Таким образом, стоимость отысканного оружия составила всего лишь около 7 % от оставленного. Цена пропавшего в арсенале оружия превышала сумму, выделенную из казны в 1813 г. на восстановление наиболее пострадавшей от войны Смоленской губернии.

Подсчет материального ущерба продолжался в Военном министерстве и в других высших инстанциях еще около двух лет. Наконец, 7 мая 1817 г. высший орган управления страной назвал итоговую цифру и выработал окончательное решение по делу о гибели арсенала: «Государственный Совет в Общем собрании, по внимательном сего дела соображении полагает: означенную потерю Артиллерийского и Комиссариатского Департаментов, составляющую всего четыре миллиона восемьсот сорок семь тысяч семьсот семнадцать рублей пятьдесят шесть копеек с четвертью (4 м. 847 717 руб. 56 коп.), как происшедшим по тогдашним не предвидимым военным обстоятельствам, из счета исключить»¹³.

Заметим, что указанная сумма сопоставима с государственными ассигнованиями на восстановление Москвы.

Но была еще одна категория оставленных в арсенале вещей, стоимость которых в принципе не поддается исчислению. Это хранившиеся там бесценные военные святыни и реликвии XVII – начала XIX вв.: российские и трофейные знамена, штандарты, значки, иконы и т. п., а также трофеи, олицетворявшие собой славные победы русской армии.

Знамена были окружены почетом и надежно оберегались. В петровском «Уставе Воинском» 1716 г. (артикул 94) сказано: «Которыя знамя свое или штандарт до последней капли крови оборонять не будут /.../, убиты будут /.../ или в полк отданы, и тамо, без процессу на первом древе, которое случится повешены быть»¹⁴. Отслужившие свой срок или обветшавшие в боях и походах знамена отдавались на хранение в местные арсеналы (Москва, Смоленск, Рига, Петербург и Киев; запасной – в Казани) или в ближайшие храмы. Вражеские знамена, вместе с особо ценными трофеями, препровождались в столицы и попадали в арсенал.

К началу осени 1812 г. в Московском арсенале хранилось в общей сложности около полутора тысяч российских и трофейных знамен. И все они были 2 сентября 1812 г. оставлены при выходе русской армии из Москвы. Такого количества знамен не доставалось врагу за всю историю России, да и вряд ли подобное можно отыскать во всемирной истории.

Рассмотрим причины этого происшествия и судьбу брошенных знамен.

Выше отмечалось, что император внимательно следил за ходом расследования и поисковыми работами в арсенале. В одном из указов Александра I А.И. Горчакову, от 18 марта 1813 г., говорилось: «Не мог оставить Я без замечания при рассмотрении означенных ведомостей, невероятной беззаботливости Артиллерийского начальства к сохранению, или даже к истреблению трофеев бывших в Арсенале, на что не надобно было ни чрезвычайных мер, ни большого времени. Замечание сие поставьте на вид Артиллерийскому Департаменту, ходатайствующему о награждении чиновников в его ведении служащих»¹⁵.

Гнев императора вызвали поступившие к нему данные о количестве знамен: почти 900 российских и около 600 трофейных. Для их эвакуации понадобилось бы всего лишь два-три десятка подвод.

Если учесть, что в распоряжении Курдюмова находилось более 600 подвод и 8 барок, то становится совершенно очевидным, что о знаменах попросту забыли. Расположенная в Кремле, рядом с арсеналом, Оружейная палата была эвакуирована 23 августа. А об арсенальных знаменах, реликвиях и трофеях ни разу не вспомнили: ни фельдмаршал Кутузов, ни генерал от инфантерии Ростопчин, ни отвечавший за арсенал полковник Курдюмов.

Не хочется думать, что это произошло от пренебрежительного отношения этих лиц к воинским святыням. Вряд ли артиллерийский полковник и Георгиевский кавалер Курдюмов не подумал о знаменах потому, что в 1812 г. знамен в артиллерии не полагалось¹⁶. Настоящей причиной этой преступной забывчивости явилась, на наш взгляд, стремительность развития событий, внезапность решения о сдаче Москвы и чудовищная суматоха 2-го сентября. Не стоит забывать, что письмами Кутузова и «афишками» Ростопчина в сознание москвичей внедрялась абсолютная уверенность, что Москва не будет сдана врагу ни при каких обстоятельствах. Отъезд части москвичей оценивался как паникерство и едва ли не как предательство. Вспомним публичную казнь М.Н. Верещагина и призывы Ростопчина к народу отстоять Москву с вилами.

Первые поиски результатов не дали, о чем говорится в рапорте Пичугина от 14 апреля 1813 г.: «...имею честь донести, что мною ничего в Арсенале из знамен и прочего что в выписке обозначено не отыскано, да чтобы неприятель оные увез утвердительно заключить не можно, потому что сии вещи оставались в той части Арсенала которая взорвана, и когда снег ныне сошел, то в развалинах отыскиваются в большом количестве лоскутья знамен, но какие они различить невозможно»¹⁷. Об оставленных в Кремле знаменах И.Г. Гогель в донесении А.И. Горчакову 12 мая 1813 г. писал, что неприятель: «...конечно же все истребил, вместе с подорванным хранилищем их, не имев ни времени, ни способов к увезению не только оных, но и своей Артиллерии, которую при иных обстоятельствах, без сомнения предпочел бы нашим трофеям»¹⁸.

Логика здесь явно хромает. Из того, что знамена хранились во взорванном впоследствии арсенале, вовсе не следует, что французы не могли увезти какую угодно их часть до своего выхода из Москвы. Существуют и многочисленные свидетельства об отправке оккупантами во Францию обозов с награбленными сокровищами.

В опубликованной недавно статье А.И. Попова о кремлевских трофеях Наполеона¹⁹ приводится письмо маршала А. Бертье военному министру А. Кларку, отправленное в Париж 12 октября (30 сентября по ст. ст.) 1812 г., т. е. за полторы недели до выхода французов из Москвы. В письме говорится: «Господин герцог, имею честь адресовать вам список вещей, находившихся в Кремле и отправленных во Францию в качестве трофеев во исполнение приказов императора. Все эти вещи заперты в два фургона, выехавшие вчера из Москвы. /.../ Желание императора состоит в том, чтобы, за исключением знамен, которые должны быть оставлены на хранение в Военном министерстве, Ваше сиятельство велели бы доставить прочие вещи г. Денону, директору музея Наполеона, которому его величество даст знать об их предназначении»²⁰. В приложенном к письму списке перечислены отправленные в пяти ящиках вещи: драгоценное церковное облачение, рука святого Андрея, украшенные бриллиантами, жемчугом и драгоценными камнями короны и т. п. Наибольший интерес для нас представляет содержимое ящиков № 4 и № 5. В первом из них находились 87, а во втором – 60 знамен, флагов, или штандартов²¹. В сумме насчитывается 147 знамен. Исследуя многочисленные французские источники, автор статьи делает вывод о том, что московские трофеи вывозились не в одном, а в нескольких обозах. Так, в 23-м бюллетене Великой армии от 14 (2) октября сообщалось о трофейных турецких знаменах: «Знамена, взятые русскими у турок в различных войнах, и многие драгоценные вещи, найденные в Кремле, отправлены в Париж»²². Трудно предположить, что из Москвы в Париж были вывезены только турецкие знамена, а российские остались в арсенале. Впрочем, если даже в 23-м бюллетене речь идет о тех 147 знаменах, которые обозначены в списке маршала Бертье, то их судьба незавидна. Основываясь на многочисленных свидетельствах, А.И. Попов полагает, что московские трофеи переправились через Березину, но вскоре «были брошены у Понарской горы возле Вильны»²³. Не исключено, что во французских архивах могут отыскаться новые сведения по этому вопросу.

Часть трофейных знамен из арсенала могла попасть в Варшаву. Французский генерал А.-О.-Л. Коленкур, вспоминая об отправленных в Париж кремлевских трофеях, отмечал, что служившие Наполеону поляки хотели вывезти свои старинные пушки. Но, поскольку тогда лошадей не было уже и для французских пушек,

«поляки удовольствовались старинными знаменами, отнятыми у них когда-то русскими и хранившимися в кремлевском арсенале»²⁴.

Некоторые старинные русские знамена были обнаружены в Москве вне арсенала. Так, генерал Ильин рапортом от 23 сентября 1813 г. доносил Военному министерству: «Граф Ростопчин, при повелении препровождая доставленные к нему Главнокомандующему одно Старое Российское Знамя и два Георгиевских вышитых Знака, из Знамен же Российских вырезанные, предлагает оному Депо отдать их для хранения в Московский Арсенал, из коего они, без сомнения полагать можно, во время нашествия на Москву неприятеля и похищены»²⁵. Наличие при этом знамени двух вырезанных Георгиевских знаков указывает на то, что французы не очень церемонились с попавшими в их руки святынями. Попытка определить принадлежность этого знамени не удалась, поскольку вся учетная документация арсенала не была эвакуирована и пропала.

Были и другие находки российских знамен. Московский комендант генерал И.Х. Гессе 8 декабря 1813 г. отправил в арсенал «...старое разодранное на две половинки Российское Знамя с вензелевым Гербом блаженной памяти Государя Императора Павла Первого». Вместе с ним препровождалось и найденное полковником бароном А.А. Дельвигом (отцом поэта и друга А.С. Пушкина) в Сенатском корпусе Кремля «...знамя с целым Императорским Гербом и на обороте оного Вензель Императрицы Екатерины Первой». Кроме того, к московскому обер-полицмейстеру ген. П.А. Ивашкину были доставлены «...от разных частей найденные одно Знамя ветхое без кисти и один Штандарт в двух распоротых половинках и все оное без древка»²⁶.

Поиски знамен и воинских реликвий продолжались более двух лет. К концу 1814 г. при разборе мусора и развалин арсенала были найдены не только мелкие клочки, но и значительное количество относительно целых знамен или крупных их фрагментов. К донесениям от 13 ноября и 10 декабря 1814 г. в Военное министерство о найденных знаменах, значках и прочих вещах были приложены ведомости с их описаниями. В первой ведомости дано описание 74 знамен, во второй – 47.

В обеих ведомостях после описания знамен имеется одна и та же запись: «Вообще все Знамены и Значки найденные в мусоре сопревшие, от чего нисколько в них крепости не имеется». Тексты описаний довольно лаконичны и однообразны, например: «Атласное

Белое с Черным Орлом – Императрицы Е./катерины/ 1-й. Изорванное. Древка переломлена, без Подтока и Копья»²⁷.

В описании двух знамен приведены сохранившиеся на них надписи. На одном знамени: «Яко храбрый воин Христов Великой Государь Благоверный Царь и Великий Князь Петр Алексеевич Всея Великия Малыя и Белья России Самодержец». На другом: «По Повелениям Ея Величества Государыни Анны Иоанновны Императрицы Самодержицы Всероссийской и протчая и протчая и протчая дано сие Знамя Ея Императорского Величества верному подданному Войска Запорозского обеих сторон Днепра Гетману Данилу Апостолу лета от Рождества Христова 1730 Государствования Ея Величества в 1-м Году»²⁸.

К 10 декабря 1814 г. было найдено 121 знамя.

Итоговые же цифры помещены в сентябре 1815 г. в общую «Ведомость об Артиллерийском имуществе, оставленном при вступлении неприятеля в Москве, с показанием сколько чего из оногo по изгнании неприятеля донныне найдено, не отыскано и чего неотысканное коштует»²⁹. Из этой ведомости следует, что 2 сентября 1812 г. в Московском арсенале было оставлено в общей сложности 1465 знамен, из которых 895 российских и 570 трофейных. Найдено было всего 182 знамени (из них 113 российских и 69 трофейных), т. е. около 12 % от общего их числа. Ненайденными остались 1283 знамени (из них 782 российских и 501 – трофейное).

В документах того времени знамена считали отдельно от штандартов. Но поскольку штандартами (или эстандартами) назывались знамена в кавалерии, мы объединили здесь два этих названия в одно – знамена.

Надо отметить, что вместе со знаменами врагу достались в арсенале и другие армейские святыни, символы и атрибуты: 14 бунчуков, 17 серебряных булав, 239 серебряных и 98 золотых знаменных кистей, 879 российских значков³⁰ и пр.

Персональной ответственности за оставленные врагу оружие и реликвии никто не понес. Находившийся под следствием бывший начальник Московского арсенала полковник Курдюмов попал под ту статью Высочайшего манифеста от 30 августа 1814 г. о победе над Наполеоном, в которой объявлялась амнистия всем находившимся под следствием по делам, не связанным с предательством или убийством³¹. Он продолжал служить в том же чине, правда, в

провинциальных гарнизонах и не получив наград за службу во время войны.

Потеря огромного количества оружия, а также российских и трофейных знамен в Московском арсенале ощущается до нашего времени как для исторической науки, так и для отражения той эпохи в музейных экспозициях. Даже в фондах Государственного Исторического, крупнейшего из московских музеев, не имеется ни одного знамени XVIII – начала XIX вв. хорошей сохранности.

Таким образом, находящееся в ОПИ ГИМ «Дело о погибшем в Москве Артиллерийском имуществе 1812 Года» содержит конкретные данные о количестве и составе оставленного, найденного и погибшего оружия, военного имущества и припасов, знамен, трофеев и других реликвий. Здесь имеются документы о ходе работы по разбору завалов взорванного арсенала, поисках в Москва-реке затопленного свинца и о многом другом, представляющем интерес для изучения истории российской артиллерии, Отечественной войны 1812 г., Москвы и Кремля. Рапорты, показания и объяснительные записки допрошенных в ходе следствия служащих арсенала дают возможность воспроизвести обстановку в нем 1 и 2 сентября буквально по часам. Эти материалы еще не введены в научный оборот в полном объеме. Наиболее значимая и интересная их часть опубликована нами в юбилейном издании «Москва в 1812 году. Воспоминания, письма и официальные документы из собрания ОПИ ГИМ». (М., 2012).

¹ Отдел письменных источников Государственного исторического музея (далее ОПИ ГИМ). Ф. 160. Ед. 206.

² Шведов С.В. Судьба запасов огнестрельного оружия Московского арсенала в 1812 году // Советские архивы. 1985. № 5. С. 66–68; Его же. О запасах военного имущества в Москве в 1812 г. // Там же. 1987. № 6. С. 71–73; Его же. Ведомость о состоянии запасов Московского арсенала на 1 сентября 1812 года // Проблемы изучения истории Отечественной войны 1812 года. Материалы Всероссийской научной конференции. Саратов. 30 мая – 1 июня 2002 года. Саратов, 2002. С. 88–98.

³ Марченко В.Р. Автобиографическая записка гос. секретаря Василия Романовича Марченки, 1782–1838 // Русская Старина. 1896. № 3. С. 500–501; Журналы Комитета министров царствования императора Александра I. Т. 2. 1810–1812. СПб., 1891. С. 90–91.

⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. 206. Л. 37–38.

⁵ Там же. Л. 163–163 об.

⁶ Там же. Л. 182.

⁷ Там же. Л. 293–294.

⁸ Там же. Л. 545–556.

⁹ Там же. Л. 674.

¹⁰ Там же. Л. 678–727.

¹¹ В современной энциклопедии Отечественной войны 1812 г. говорится, что в Арсенале было оставлено 66 418 единиц учтенного огнестрельного оружия и значительное количество неучтенного, в т. ч. 7,5 тыс. ружей, привезенных в Москву из Киева в день оставления Москвы. В целом же в исторической литературе «оставленное в Москве артиллерийское вооружение исчисляется в 74 974 ружья, но в эту цифру не включаются до 10 тыс. карабинов, штуцеров, пистолетов и др.» (Московский арсенал (Цейхгауз) // Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М., 2004. С. 479).

¹² ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. 206. Л. 690.

¹³ Там же. Л. 735.

¹⁴ Цит. по: Николаев Н.Г. Исторический очерк о регалиях и знаках русской армии. В 2 т. СПб., 1898–1899. Т. 1. С. 225.

¹⁵ Там же. Л. 282–282 об.

¹⁶ Краткий артиллерийский военно-исторический лексикон, или терминологический словарь всего, преимущественно до русской полевой артиллерии начала XIX столетия касаемого / сост. А.А. Смирнов // Труды ГИМ. Вып. 156. М., 2006. С. 67. Ст. «Знамя (штандарт)».

¹⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. 206. Л. 301–301 об.

¹⁸ Там же. Л. 303–303 об.

¹⁹ Попов А.И. Кремлевские трофеи Наполеона // Эпоха 1812 года. Исследования. Документы. М., 2012. С. 254–259.

²⁰ Там же. С. 256.

²¹ Там же.

²² Там же. С. 257.

²³ Там же. С. 259.

²⁴ Коленкур А. де. Мемуары. Поход Наполеона в Россию. Жуковский – М., 2002. С. 263.

²⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. 206. Л. 404.

²⁶ Там же. Л. 425–426.

²⁷ Там же. Л. 634.

²⁸ Там же. Л. 657 об.–658.

²⁹ Там же. Л. 691 об.

³⁰ Мы не решаемся причислить к знаменам 879 значков, которые в нашем источнике обозначены как вырезанные из знамен их части, т. к. в справочной литературе разного времени значками назывались батальонные и ротные флаги, иногда знаки отличия и др.

³¹ Полн. собр. законов Росс. империи. Собр. 1-е. Т. 32. № 25671. 30 авг. 1814.

В.А. Афанасьев (Москва)

**РОЛЬ ВЫДАЮЩИХСЯ ПОЛКОВОДЦЕВ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ –
МАРШАЛОВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
Г.К. ЖУКОВА И А.М. ВАСИЛЕВСКОГО
В СОЗДАНИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО
РАКЕТНО-ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ**

ВТОРАЯ половина 40-х и 50-е гг. прошлого столетия ознаменовались принципиальными изменениями в военном деле. Только закончилась тяжелейшая война, унесшая десятки миллионов человеческих жизней, военачальники пытались осмыслить и обобщить ее опыт, страна залечивала нанесенные войной раны, а обстановка в мире заставила советское военное и политическое руководство решать сложнейшие военно-технические и организационные вопросы, связанные с созданием ракетно-ядерного оружия.

До недавнего времени эта тема была закрыта по режимным соображениям и потому недостаточно исследована.

Первые послевоенные годы наряду с переводом государств, участвовавших во Второй мировой войне, и их вооруженных сил на мирные рельсы характеризовались бурным развитием научно-технического прогресса. При создании вооружения и военной техники все шире использовались последние достижения науки и техники. С их внедрением в войска наступала новая эра в развитии военного дела. Появилось ядерное оружие – новое оружие исключительной разрушительной силы, принцип действия которого был основан на использовании принципиально новых, не использовавшихся ранее, физических принципов. Правда, в первые послевоенные годы единственным обладателем ядерного оружия были Соединенные Штаты Америки. Одновременно и в США, и в

Советском Союзе активно шли работы по использованию в военных целях последних достижений в области радиолокации и реактивного движения. Советские инженеры и конструкторы, используя немецкий опыт, усиленно трудились над созданием отечественного ракетного оружия.

В июле 1946 г. была сформирована первая ракетная часть, в октябре 1947 г. на полигоне Капустин Яр был осуществлен первый пуск немецкой ракеты ФАУ-2, а еще через год был произведен первый пуск управляемой баллистической ракеты дальнего действия Р-1, созданной на предприятиях нашей страны. Уже тогда многие советские военачальники, прежде всего, такие, как Маршалы Советского Союза Г.К. Жуков и А.М. Василевский, сумели разглядеть в первых, еще далеко не совершенных, образцах ракет будущее грозное оружие, которое составит основу военного могущества страны.

Первый из них – один из наиболее ярких военачальников Второй мировой войны – Г.К. Жуков, несколько послевоенных лет был в силу известных причин в значительной степени ограничен в возможностях в полной мере реализовать свои организаторские способности, командуя войсками второразрядных военных округов. Только в 1953 г. он смог вплотную приступить к разрешению вопросов, связанных с внедрением в войска ракетно-ядерного оружия, вступив в должность первого заместителя министра обороны.

Второй – А.М. Василевский, вновь возглавивший после войны Генеральный штаб, – поначалу занимался проблемами, связанными с принципиально новым оружием, весьма опосредованно. Используя весь свой богатейший войсковой опыт, он принял самое деятельное участие в разработке новой концепции ведения войны – концепции, отвечающей велениям времени и учитывающей наметившиеся в ряде передовых государств тенденции развития средств поражения, и в подготовке в соответствии с этой концепцией необходимых уставных документов для войск.

В результате была выработана теория так называемой обычной машинной войны, в основу которой был заложен обобщенный опыт войны с учетом новой расстановки военно-политических сил, перестройки организационной структуры Вооруженных сил и их оснащения новыми видами обычных вооружений. Эта теория нашла свое отражение в вышедшем в 1948 г. Полевом уставе Вооруженных сил. Вплоть до середины 50-х гг. применительно к его положениям и

требованиям велось строительство армии и флота. В этом же духе осуществлялось стратегическое и оперативное планирование, организовывалась подготовка военных кадров и штабов.

А.М. Василевскому и его подчиненным, как и в годы войны, приходилось работать с предельным напряжением, так как в мире вновь стало беспокойно. Тон задавали наши бывшие союзники. С речи бывшего английского премьера У. Черчилля в американском городе Фултоне 5 марта 1946 г. началась эпоха «холодной войны». 12 марта 1947 г. президент США Г. Трумэн огласил в американском конгрессе свою программу борьбы против сил демократии и социализма, вошедшую в историю как «доктрина Трумэна». Американское руководство заявило, что считает Советский Союз своим вероятным противником в будущей войне. 18 августа 1948 г. Совет национальной безопасности США принял директиву 20/1 «Цели США в войне против России», рассчитанную на многие десятилетия. Делая ставку на свое монопольное владение ядерным оружием, американское военное руководство разрабатывало один за другим планы ядерной войны против СССР. Уже в 1946 г., в июне, комитет начальников штабов США разработал план войны против СССР под кодовым названием «Pincher», предусматривавший нанесение 50 атомных ударов по 20 городам. В марте 1948 г. был подготовлен план «Broiler» – нанесение 34 ядерных ударов по 24 городам СССР, в декабре того же года план «Sizzle» – применение 133 ядерных авиабомб по 70 городам, в том числе 8 авиабомб по Москве и 7 авиабомб по Ленинграду. Даже после первого испытания в СССР атомной бомбы США продолжали планирование ядерных ударов по городам СССР. Так, в октябре 1949 г. был подготовлен план «Shakedown», предусматривавший применение 200 ядерных авиабомб по 104 городам СССР, за ним последовал план «Dropshot», в соответствии с которым планировалось применение уже 300 ядерных авиабомб по 200 городам СССР. Подобные планы разрабатывались регулярно и позже.

4 апреля 1949 г. в Вашингтоне министрами иностранных дел 10 европейских государств, США и Канады был подписан Североатлантический пакт (НАТО), в соответствии с которым уже в мирное время в Европе создавалась мощная группировка Объединенных вооруженных сил, угрожавшая безопасности нашей страны.

Обстановка требовала от советского руководства незамедлительного принятия адекватных мер. Нужно было в самые сжатые сроки

так модернизировать Вооруженные силы страны, чтобы они в случае необходимости смогли дать достойный ответ возможному агрессору. Для руководства этой работой нужен был человек, досконально знающий армейскую службу, пользующийся безусловным авторитетом в войсках и при этом способный мыслить стратегическими категориями, хорошо знающий «кухню» стратегического планирования, знакомый со всеми ее тонкостями и нюансами. Из всей замечательной плеяды полководцев Великой Отечественной наиболее подходящими кандидатурами для решения этих задач были Маршалы Г.К. Жуков и А.М. Василевский. Но Жуков, как уже отмечалось, находился в то время в незаслуженной опале и командовал войсками второразрядного округа, а А.М. Василевский находился рядом с «вершителями судеб» и был в курсе всех армейских дел. Поэтому по решению политического руководства страны, а фактически по решению И.В. Сталина, в той непростой международной обстановке возглавить военное ведомство было поручено именно А.М. Василевскому. В марте 1949 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР он был назначен министром Вооруженных сил*.

Работа предстояла сложная и многоплановая. Во-первых, в тесном взаимодействии с учеными и промышленностью предстояло ликвидировать наметившееся отставание в военно-технической области. Нужно было в кратчайшие сроки создать ядерное оружие, ликвидировав тем самым монополию США на его обладание, разработать средства его доставки. Предстояло рассмотреть возможность применения в военном деле новейших научно-технических разработок того времени, прежде всего в области теории реактивного движения, радиотехники и радиолокации и т. д.

Во-вторых, необходимо было оснастить созданным оружием войска, для чего предстояло организовать серийное его производство, определив предварительно, для каких целей, сколько и какого

* В феврале 1946 г. Наркомат обороны был преобразован в Наркомат Вооруженных Сил СССР, переименованный в марте того же года в Министерство ВС СССР, куда в качестве вида Вооруженных сил вошел и Военно-морской флот. До марта 1947 г. наркомом, а затем министром Вооруженных сил оставался И.В. Сталин. На этом посту его сменил Н.А. Булганин, а с 24 марта 1949 г. министром стал А.М. Василевский. В феврале 1950 г. Министерство ВС СССР разделилось на два самостоятельных ведомства – Военное министерство СССР и Военно-морское министерство СССР.

вооружения нужно иметь. Нужно было разработать наиболее оптимальную штатную структуру подразделений и частей, вооруженных новым оружием.

В-третьих, предстояло разработать теорию применения нового оружия, внести существенные коррективы в тактику и оперативное искусство, разработать новые нормативные документы для войск, подготовить целый комплекс инструкций и наставлений. Для этого нужно было максимально активизировать военную науку, в полной мере использовать ее возможности.

Наконец, нужно было подготовить кадры, способные управлять новым оружием. Организовать обучение войск действиям в условиях широкомасштабного применения нового оружия и военной техники.

А.М. Василевский взялся за исполнение возложенных на него обязанностей со свойственной ему ответственностью. Советские Вооруженные силы быстро меняли свой облик.

К тому времени, когда Маршал Василевский возглавил Министерство Вооруженных сил, советские ученые и конструкторы смогли разгадать секрет ядерного оружия, и 29 августа 1949 г. в СССР было проведено первое ядерное испытание. Тогда на Семипалатинском полигоне был осуществлен подрыв ядерного устройства, в результате которого произошел взрыв мощностью 22 килотонны. Но для того чтобы это устройство в полной мере стало оружием, оно должно было отвечать ряду требований, в первую очередь, габаритно-весовых и эксплуатационных, которые определялись военными. К слову сказать, в Генеральном штабе 4 сентября 1947 г., то есть еще в бытность А.М. Василевского его начальником, был создан Специальный отдел во главе с генерал-майором инженерных войск В.А. Болятко, занимавшийся проблемами ядерного оружия. Поэтому Александр Михайлович постоянно был в курсе ядерных дел и участвовал в определении требований к новому грозному оружию. В условиях строжайшего соблюдения режима секретности работы по созданию этого оружия продолжались, и оно в нашей стране появилось. После осуществленного 18 октября 1951 г. на Семипалатинском полигоне воздушного ядерного взрыва стало ясно, что наша страна способна изготавливать ядерные авиабомбы. Начались работы по совершенствованию ядерных боеприпасов и созданию термоядерных зарядов.

Успешно шли работы и по созданию принципиально новых средств доставки грозного оружия. Результаты летных испытаний ракеты Р-1 позволили Правительству СССР 28 ноября 1950 г. принять ракетный комплекс с этой ракетой на вооружение. В этом же году ракеты Р-1 поступили в первую ракетную боевую часть, где отработывалась методика их боевого применения. С принятием на вооружение Советской армии первой баллистической ракеты начался новый этап в развитии отечественных средств вооруженной борьбы (рис. 1).

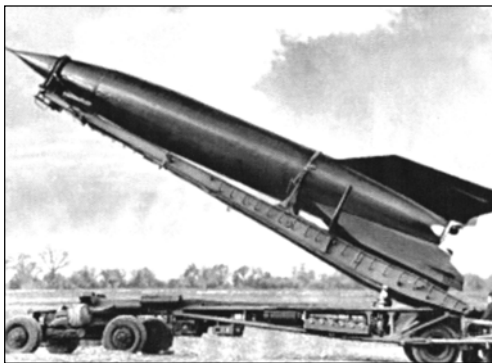

Рис. 1. Р-1 во время испытаний. 1949 г.

27 ноября 1951 г. была принята на вооружение ракета Р-2, после чего начали развертываться новые ракетные соединения. В декабре 1950 г. на полигоне Капустин Яр формируется вторая по счету бригада особого назначения РВГК, а в 1952–1953 гг. формируются еще четыре подобные бригады.

Необходимо отметить, что работы, связанные с освоением ракетной техники, проводились со строгим соблюдением режима секретности, документы, связанные с этими работами, доводились только до ограниченного круга должностных лиц. Так, весьма показательно, что А.М. Василевский, рассматривая проект приведенного ниже приказа, вычеркнул абзац об ознакомлении с приказом всех заместителей министра и начальника Главного организационного управления Генштаба.

Приказ Военного Министра СССР

№ 00267 от 10 декабря 1951 г.

«О принятии на вооружение Советской Армии
ракеты дальнего действия Р-1»¹

Совершенно секретно

Особой важности

Во исполнение постановления Совета Министров СССР от 25.11.50 г. № 4730-2047сс ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Принять на вооружение СА ракету дальнего действия с комплектом наземного оборудования к ней, со следующими основными характеристиками:

- дальность полета – 270 км
- вес конструкции (без топлива – 4 тонны)
- вес взрывчатого вещества – 750 кг
- сила тяги двигателя – 27,2 т
- максимальная скорость – 1500 м/сек

максимальное рассеивание ракеты на предельной дальности:

по дальности – 8 Вд – $\pm 8,0$ км

боковое – 8 Во = $\pm 4,0$ км

...

5. Командующему артиллерией СА генерал-полковнику артиллерии Неделину в месячный срок представить мне на утверждение план заказов на 1952–1955 гг. на поставку Военному Министру специальных железнодорожных цистерн для перевозки спирта и жидкого кислорода, необходимых для ракет Р-1.

6. Все наставления, руководства, инструкции и техническое описание ракеты Р-1 считать совершенно секретными.

Степень секретности технических описаний отдельных агрегатов и устройств наземного оборудования принять в соответствии с установленными для них в настоящее время грифами.

7. Приказ разослать: заместителю Военного Министра СССР Маршалу артиллерии тов. Яковлеву, командующему артиллерией СА и начальнику Главного Артиллерийского Управления ВМ СССР.

Военный Министр Союза ССР

Маршал Советского Союза

А. Василевский.

Появление нового вида оружия потребовало детальной разработки вопроса его боевого применения. Проведенные расчеты позволили сделать тогда вывод, что ракеты Р-1 и Р-2 могут быть применены для поражения особо важных целей в оперативной глубине обороны противника, сильно прикрытых средствами противовоздушной обороны, исключающих применение авиации. Исходя из этого положения, разрабатывались все вопросы тактики ракетных частей, их боевого обеспечения и другие вопросы, касающиеся их боевой деятельности. Проведенные исследования и теоретические наработки летом 1950 г. были проверены на тактическом учении бригады особого назначения, прошедшем под руководством

М.И. Неделина на полигоне Капустин Яр. Результаты этого учения легли в основу проекта наставления артиллерии Советской армии «Боевое применение бригады особого назначения РВГК, вооруженной ракетами дальнего действия», введенного в действие в 1951 г. В нем содержался ряд теоретических положений и практических рекомендаций по применению ракетного оружия.

По указанию А.М. Василевского, Генеральным штабом были проведены расчеты потребности в ракетах на военное время. Эти расчеты и соображения по боевому применению ракет 19 декабря 1951 г. были доложены Бюро Совета Министров СССР. В результате Правительством было принято решение о серийном производстве ракет.

Необходимо отметить, что коренная перестройка шла в то время во всех видах и родах войск Вооруженных сил. Под непосредственным руководством Маршала Василевского осуществлялся весь комплекс мероприятий, необходимых для укрепления боевой мощи и технического перевооружения армии. Но это тема для отдельной статьи.

За время руководства А.М. Василевским министерством Вооруженные силы неузнаваемо изменились. Прежде всего, качественно. На вооружении появились ядерные боеприпасы, ракетное оружие, значительное количество радиоэлектронных средств. Значительно повысились подвижность и огневая мощь. Претерпела изменения организационная структура. Значительно возросла техническая грамотность личного состава. Главное же состоит в том, что благодаря усилиям ученых, работников промышленности, военных советские Вооруженные силы достигли состояния, не позволившего правительству США претворить в жизнь свои агрессивные планы в отношении нашей страны. Немалая заслуга в этом и Маршала Василевского.

Однако после смерти И.В. Сталина служебное положение А.М. Василевского изменилось. Военное министерство было преобразовано в Министерство обороны, в состав которого вновь был включен Военно-морской флот как вид Вооруженных сил. Министром обороны был назначен Н.А. Булганин, а Маршал Василевский стал его первым заместителем. На такую же должность был назначен и Г.К. Жуков, возвращенный в Москву из Уральского военного округа. Круг обязанностей у А.М. Василевского несколько сократился, но все же он оставался в эпицентре работы по укреплению

боееспособности страны. Он продолжал бывать в войсках, выезжал с проверками, участвовал в учениях. Учитывая тот факт, что Александр Михайлович как никто другой из высшего военного руководства был в курсе ракетно-ядерной проблемы, он продолжал некоторое время курировать вопросы, связанные с ней.

Маршал Советского Союза Г.К. Жуков, вернувшись на одну из ключевых должностей в военном ведомстве, быстро разглядел перспективы развития армии, прекрасно понимая, что без оснащения ее самой современной техникой, без внедрения в войска самых последних достижений науки и техники, в том числе ядерного оружия, невозможно создание Вооруженных сил, способных надежно обеспечить безопасность Родины. Маршал понимал, что появление

Рис. 2. Г.К. Жуков и министр среднего машиностроения СССР В.А. Мальшев во время подготовки войсковых учений с применением ядерного оружия на Тоцком полигоне. Сентябрь 1954 г.

принципиально нового оружия повлечет за собой кардинальные изменения в теории и практике военного искусства. «Необычное оружие, – считал Г.К. Жуков, – требует необычных подходов не только к его применению, но и к уточнению многих, а может быть и всех наших теорий в тактике, оперативном искусстве и, наверное, в стратегии. ... Нам нужны новые подходы, в новых условиях, для решения новых задач»². Но какие это будут уточнения? Как появление нового оружия скажется на природе боя? К какой войне нужно готовить войска? Чтобы в какой-то мере найти ответы на эти вопросы, на сентябрь 1954 г. было запланировано проведение первого в нашей стране войскового учения с применением ядерного оружия. Руководить этим учением было поручено именно Г.К. Жукову (рис. 2).

Весьма показательно, что при подготовке учения Г.К. Жуков планировал организовать показ

военачальникам и руководителям военного ведомства новой ракетной техники. Получив проект доклада о развитии ракетного вооружения, который должен был прозвучать во время показа, Георгий Константинович немедленно направил его Василевскому с просьбой ознакомиться с ним и высказать свое мнение. При этом он поинтересовался, можно ли хотя бы в двух словах сказать слушателям о дальнейших работах в области создания ракетного оружия.

Учение, о котором сейчас пишут немало небылиц, как известно, прошло на Тоцком полигоне в Оренбургской области. В публикациях, посвященных этому учению, нередко пишут о «многочисленных жертвах», обвиняя советское руководство и лично Г.К. Жукова, якобы бездумно бросивших войска в атомное пекло, в бесчеловечности. При этом умалчивая о том, что в Соединенных Штатах к тому времени был проведен уже целый ряд войсковых учений с применением ядерного оружия (три учения с применением семи ядерных боеприпасов было проведено в 1951 г., в 1952 г. было проведено учение с участием 10 600 человек, в 1953 г. – с привлечением 21 000 военнослужащих), кроме того, еще два учения с применением ядерного оружия были проведены американцами в 1955–1957 гг. При этом, как уже отмечалось, американское руководство не скрывало, что готовится к ядерной войне против Советского Союза.

В этих условиях в интересах совершенствования противоатомной защиты войск, проверки расчетных нормативов по поражению атомным оружием техники и вооружения крайне необходимо было провести учение с максимальным приближением к боевой обстановке. Осуществление такого замысла было продиктовано также стремлением не отстать в подготовке Вооруженных сил СССР от армии США.

Корпусные войсковые учения с применением ядерного оружия, проведенные на Тоцком полигоне, были подготовлены со свойственной для Жукова тщательностью. Его приказом были предусмотрены все известные тогда меры по обеспечению безопасности участников учения³. Особенности хода подготовки и проведения этого уникального учения – тема отдельной статьи.

Достаточно отметить, что 14 сентября 1954 г. в 9.34 с самолета-носителя ТУ-4 – единственного на тот момент отечественного носителя ядерного оружия, летевшего на высоте 8000 м, была брошена атомная бомба мощностью около 40 килотонн, взрыв которой

Рис. 3. Транспортировка атомной бомбы к самолету

последовал через 48 секунд на высоте 350 м от поверхности земли. Документы свидетельствуют, что запланированные Жуковым меры безопасности практически исключали воздействие поражающих факторов атомного взрыва на личный состав свыше установленных допустимых норм (рис. 3).

Войска располагались во время взрыва в укрытиях не ближе 5–7 км. (Только в исходных районах размещения войск было открыто более 380 км траншей, построено более 500 блиндажей и других укрытий. Причем убежища и укрытия в 5 км от намеченного эпицентра взрыва были оборудованы так, как если бы они располагались в 300–800 м от эпицентра взрыва ядерной бомбы). Руководящий же состав, в том числе и Г.К. Жуков, располагались для наблюдения открыто (имея лишь защитные очки) в 11 км от эпицентра взрыва.

Взрыв атомной бомбы сопровождался ослепительной вспышкой, на десятки километров озарившей местность ярко-белым светом. Вслед за вспышкой в месте взрыва наблюдалась быстро увеличивающаяся в размерах раскаленная светящаяся область, имевшая форму шара, которая стала превращаться в клубящееся грибовидное облако взрыва (рис. 4, 5).

После взрыва Г.К. Жуков, научный руководитель отечественного атомного проекта И.В. Курчатов, помощники и адъютанты первыми поехали в район взрыва. При этом Жуков настаивал ехать ближе к эпицентру, и только Курчатов своим авторитетом удержал его.

Через пять минут после атомного взрыва, когда закончилось прохождение воздушной ударной волны, началась артиллерийская подготовка, завершившаяся нанесением бомбоштурмовых ударов авиации. Эпицентр взрыва артиллерией не затрагивался.

После артиллерийской подготовки и авиаударов войска получили приказ двигаться вперед к эпицентру взрыва. В ходе учения атомные удары также дважды имитировались подрывом обычного взрывчатого вещества и бочек с бензином и нефтью. Внешне эти взрывы очень напоминали наземные ядерные взрывы малой мощности. Для людей, не видевших настоящих ядерных взрывов, они

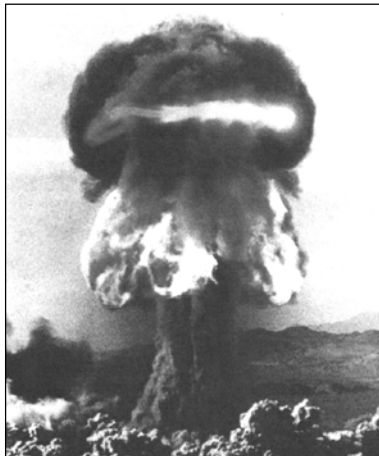

Рис. 4. Грибовидное облако взрыва (начало развития)

Рис. 5. Военачальники наблюдают взрыв ядерного боеприпаса

сошли за действительные. Первый взрыв, который был атомным, практически никто не видел, поскольку все находились в укрытиях. Облако от него наблюдали уже позднее. Проходя через дым и пыль от имитационных взрывов, солдаты думали, что действуют в реальных условиях. Это позволило оценить эффективность действия воинских подразделений в средствах защиты и проверить временные пределы работы дезактивационных пунктов.

Передовые части войск, участвовавших в учении, выдвинулись к району взрыва через 2,5 часа. В средствах защиты «атакующие»

Рис. 6. А.М. Василевский и И.Е. Петров наблюдают за ходом учения

подразделения прошли в 500–600 м от эпицентра, получив дозу облучения 0,02–0,03 рентгена, а в танках в 4–5 раз меньше (рис. 6).

Учения продолжались целый день 14 сентября. В 16 часов войскам был дан отбой. После окончания учения был проверен лич-

ный состав, произведен дозиметрический контроль людей и техники. Во всех подразделениях, действовавших в районе атомного взрыва, была проведена санитарная обработка воинов, заменено обмундирование, техника прошла дезактивацию.

В ходе учений были получены уникальные результаты в вопросах отработки применения родов войск, обеспечения противоатомной защиты личного состава. По результатам учений были скорректированы уставные положения, созданы новые наставления, учитывавшие особенности ведения боевых действий в условиях применения ядерного оружия. Характерно, что, вспоминая об этом учении, Г.К. Жуков писал: «Когда я увидел атомный взрыв, осмотрел местность и технику после взрыва, посмотрел несколько раз киноленту, запечатлевшую до мельчайших подробностей все то, что произошло в результате взрыва атомной бомбы, я пришел к убеждению, что войну с применением атомного оружия ни при каких обстоятельствах вести не следует ... Но мне было ясно и другое: навязанная нам гонка вооружений требовала от нас принять

все меры к тому, чтобы срочно ликвидировать отставания наших Вооруженных Сил в оснащении ядерным оружием. В условиях ядерного шантажа наша страна не могла чувствовать себя в безопасности»⁴.

Через два года после учения на Тоцком полигоне, уже в бытность Г.К. Жукова министром обороны, состоялось еще одно учение с применением ядерного оружия, правда, значительно меньшее по масштабам по сравнению с учениями на Тоцком полигоне. 10 сентября 1956 г. на Семипалатинском полигоне состоялось военное учение на тему «Применение тактического воздушного десанта вслед за атомным ударом с целью удержания зоны поражения атомного взрыва до подхода наступающих войск с фронта». При проведении этого учения было задействовано полторы тысячи военнослужащих. Непосредственно в район эпицентра взрыва десантировалось 272 человека: второй парашютно-десантный батальон 345-го полка (без одной роты), усиленный взводом 57-мм орудий полковой артиллерии, шестью безоткатными орудиями Б-10, взводом 82-мм минометов и химическим отделением полка со средствами проведения радиационной и химической разведки. Для доставки десанта в район высадки использовался полк вертолетов Ми-4 в составе 27 боевых машин. При подготовке учения были предусмотрены необходимые меры безопасности личного состава.

Основной задачей учения являлось определение времени после взрыва, когда можно будет высадить воздушный десант, а также минимального удаления посадочной площадки от эпицентра воздушного взрыва ядерной бомбы. Кроме того, это учение способствовало приобретению навыков по обеспечению безопасной высадки десанта в пределах зоны поражения ядерного взрыва.

В ходе учения был произведен воздушный взрыв ядерной авиационной бомбы с тротильным эквивалентом 38 кт, сброшенной с самолета ТУ-16 (взрыв произошел на высоте 270 м). Через 43 минуты после ядерного взрыва в установленном районе, удаленном на 650–1000 м от эпицентра, после радиационной разведки был высажен десант в индивидуальных средствах защиты. (Исходный район для десантирования находился в 23 км от условной линии фронта и в 36 км от планируемого взрыва ядерной бомбы). Уровень радиации на местности в момент высадки десанта составлял от 0,3 до 5 рентген в час. Через 7 минут после посадки вертолеты взлетели

для следования в пункт специальной обработки. Через 17 минут после посадки подразделения десанта вышли на рубеж, на котором закрепились и отбили контратаку «противника». Через 2 часа после взрыва был объявлен отбой, после чего весь личный состав десанта с вооружением и боевой техникой был доставлен для проведения санитарной обработки и дезактивации.

Оценив мощь нового оружия, Г.К. Жуков понимал, что его эффективность во многом зависит от средств его доставки. Он знал, что американцы в этом плане делали ставку в основном на стратегическую авиацию. Георгий Константинович, ознакомившись с возможностями ракетного вооружения, даже на той стадии его развития, по достоинству оценил его возможную перспективу и многое сделал для его развития.

Г.К. Жуков был одним из тех, кто летом 1954 г. поднимал вопрос перед правительством о создании базы ракетостроения на Урале и в Сибири в дополнение к имевшейся к тому времени на Южном машиностроительном заводе (кстати сказать, эта база, созданная в свое время по инициативе Георгия Константиновича и ряда руководителей военной промышленности, в настоящее время позволила России самостоятельно производить межконтинентальные ракетные комплексы «Тополь-М»)⁵. При непосредственном участии Г.К. Жукова был осуществлен выбор мест расположения космодромов, в настоящее время всемирно известных, Байконур (постановление о его создании ЦК КПСС и Советом Министров СССР было принято 12.02.55 г.) и Плесецк (решение о его строительстве ЦК КПСС принял 11.01.57 г.). Немало способствовал он разработке и принятию на вооружение ракет Р-12 (с дальностью действия до 3 тыс. км), верой и правдой прослуживших Родине более тридцати лет и уничтоженных по Договору о ликвидации ракет средней и малой дальности лишь в 1988 г.

В 1956 г. советская оборонная промышленность смогла добиться совмещения силы ядерного оружия и новейших средств его доставки – баллистических ракет. По инициативе Г.К. Жукова, обратившегося вместе с А.П. Завенягиным, И.В. Курчатовым и П.М. Зерновым в Президиум ЦК КПСС, 2 февраля 1956 г. было проведено испытание ракеты Р-5М с ядерным зарядом. Преодолев в ходе испытания за 10,5 мин более 1000 км, ракета достигла запланированного района, и в заданном квадрате Семипалатинского полигона был зарегистрирован ядерный взрыв. После успешного испытания

ракетный комплекс Р-5М 21 июля 1956 г. был принят на вооружение Советской армии. Промышленность приступила к его серийному изготовлению. Этот комплекс просуществовал до 1962 г., когда появились более совершенные ракетные комплексы. При содействии Георгия Константиновича в то время были созданы и ракетные комплексы, ликвидировавшие географическую недосыгаемость США. Именно в бытность Маршала Жукова министром обороны полным ходом шли испытания ракеты Р-7. После ряда неудач (15.05, 9.06 и 12.07.57 г. пуски этих ракет были неудачными) 21 августа 1957 г., как отмечалось в сообщении ТАСС, был «осуществлен запуск сверхдальней межконтинентальной многоступенчатой баллистической ракеты», а 4 октября 1957 г. с космодрома Байконур, создававшегося при участии Г.К. Жукова, при помощи боевой ракеты Р-7, созданию которой также способствовал Георгий Константинович, был произведен первый в мире запуск искусственного спутника Земли, ознаменовавший собой начало космической эры (рис. 7).

Необходимо отметить, что для того чтобы полет первого спутника стал возможным, нужно было создать командно-измерительный

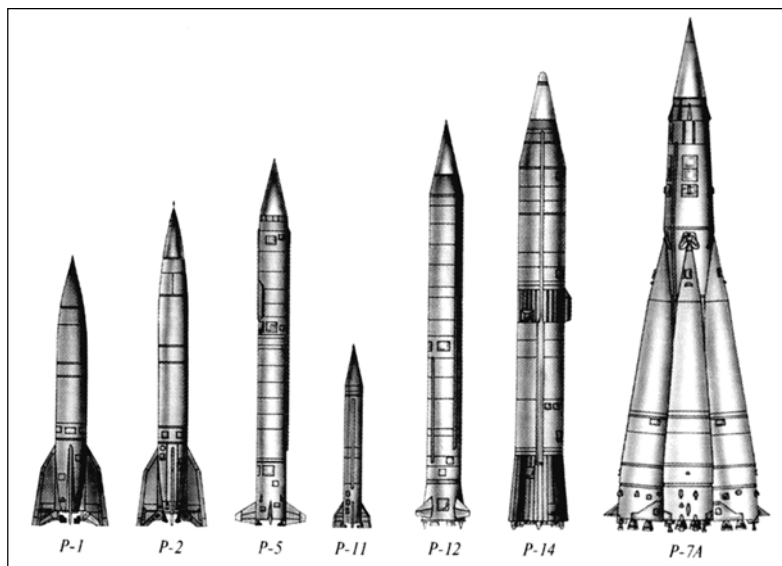

Рис. 7. Первые отечественные баллистические ракеты

комплекс (КИК). Для слежения за спутником, управления его полетом и работой бортовой аппаратуры требовалась автоматическая доставка траекторных изменений на тысячекилометровые расстояния в центр управления и совместная обработка их в реальном масштабе времени. Предстояло создать десятки измерительных пунктов с уникальной аппаратурой по всей территории страны, подготовить кадры, способные грамотно эксплуатировать эту аппаратуру. Аналогов подобных систем в то время не существовало. Задача была сложнейшая. По решению Маршала Жукова за решение этой задачи взялись военные. В кратчайшие сроки КИК был создан⁶, что дало возможность нашей стране успешно осваивать космическое пространство.

Немаловажная роль принадлежит Г.К. Жукову и в формировании Ракетных войск как отдельного вида Вооруженных сил. Именно по его настоянию 9 февраля 1955 г. была введена должность заместителя министра обороны по специальному вооружению и реактивной технике, на которую был назначен маршал артиллерии М.И. Неделин, ставший впоследствии первым Главнокомандующим нового вида войск – Ракетных войск стратегического назначения (РВСН). В бытность Г.К. Жукова министром обороны в центральном аппарате Министерства обороны были созданы органы управления, ставшие основой формирования – в 1959 г. – Главного штаба РВСН и Главного управления ракетного вооружения – Штаба реактивных частей и аппарата Начальника реактивного вооружения. Таким образом, Г.К. Жукова по праву можно считать одним из основоположников вида Вооруженных сил, составляющего сегодня основу ядерной мощи страны.

Таким образом, выдающиеся полководцы Великой Отечественной – Маршалы Советского Союза Г.К. Жуков и А.М. Василевский сыграли заметную роль в создании ракетно-ядерного щита Отечества. Не менее весомый вклад они внесли и в совершенствование противовоздушной и создание противоракетной обороны страны, в совершенствование обороноспособности государства в целом. Можно привести много примеров пристального внимания великих полководцев к внедрению в войска последних достижений научно-технической мысли. Сегодня, как и более чем пятьдесят пять лет назад, актуальны слова Г.К. Жукова, высказанные им в мае 1957 г. на военно-научной конференции руководящего состава Вооруженных сил. Он тогда говорил, что для поддержания

Вооруженных сил на высоте своих задач необходимо смотреть далеко вперед и хорошо учитывать динамичный процесс в науке и технике, характерный для послевоенного периода⁷.

Оба полководца – и Г.К. Жуков, и А.М. Василевский – имели огромный интеллектуальный потенциал, они могли принести Родине еще много пользы, но... В октябре 1957 г. по надуманному обвинению, по инициативе Н.С. Хрущева – в то время фактического руководителя Советского Союза, четырежды Герой Советского Союза Маршал Советского Союза Г.К. Жуков был уволен в отставку, был отстранен от дел и его друг и соратник – дважды Герой Советского Союза Маршал Советского Союза А.М. Василевский. Их начинания не пропали, они были продолжены их боевыми соратниками – другими полководцами и военачальниками Великой Отечественной войны, но это предмет особого разговора.

¹ Маршал Василевский: Москва в жизни и судьбе полководца (исторические очерки, воспоминания, документы) / сост. В.А. Афанасьев, А.Н. Пономарев. М.: Издательство Главного архивного управления города Москвы, 2008. С. 406.

² Афанасьев В.А. Г.К. Жуков и ракетно-ядерное оружие / Обозреватель-Observer. 2007. № 4.

³ Ядерные испытания. Кн. 2. С.А. Зеленцов. Точное войсковое учение. Научно-публицистическая монография. М., 2006. С. 94–95.

⁴ Пстыго И.И. Г.К. Жуков после войны. М.: Изд-во «Шаг», 1996. С. 38.

⁵ Военный энциклопедический словарь ракетных войск стратегического назначения. М.: Большая Российская энциклопедия, 1999. С. 177.

⁶ Военно-космические силы (военно-исторический труд), Кн. 1. М., 1997. С. 26–28.

⁷ Военная мысль. № 4. 1997. С. 55.

Е.В. Бабенко (Кобрин, Республика Беларусь)

САБЛЯ ГЕНЕРАЛА ГАНСА ИОАХИМА ФОН ЦИТЕНА – ПАМЯТНИК ВОЕННОЙ ИСТОРИИ

В ЭКСПОЗИЦИИ Кобринского военно-исторического музея имени А.В. Суворова (Белоруссия) среди множества предметов эпохи XVIII в. в одной из витрин экспонируется уникальная сабля, история которой позволяет вспомнить европейские военные события времен Фридриха II. Речь идет о сабле, подаренной прусским королем Фридрихом Великим гусарскому генералу Гансу Иоахиму фон Цитену за отличие в сражении 1745 г. Сей редкий экспонат находится в составе постоянной экспозиции «Дом А.В. Суворова» (рис. 1), занимая почетное место в ряду раритетов, имеющих отношение к Семилетней войне 1756–1763 гг.

Сабля в ножнах имеет стальной слегка изогнутый клинок с одним широким долом (рис. 2). Верхняя треть клинка с двух сторон украшена растительным несимметричным орнаментом и картушем с надписью. Рукоять сабли украшена витой проволокой, защитная дужка соединена с крестовиной под прямым углом. Крестовина фигурная, украшена гравировкой и граненым шариком на конце. Ножны сабли деревянные с латунным прорезным прибором на всю длину, украшены военной арматурой и орнаментом. Сабля по форме представляет собой образец гусарской сабли, распространенной в Западной Европе в XVIII в.

Наибольший интерес представляет надпись на немецком языке, сделанная на клинке с двух сторон внутри картуша. С одной стороны: «Dem General Major Hans Joachim von Ziethen», с другой стороны: «nach der Schlacht bei Kathol Hennersdorf am 23 t. Novembris 1744» (рис. 3, 4). (Генерал-майору Гансу Иоахиму фон Цитену за битву при Катол Геннерсдорфе 23 ноября 1744). На обухе лезвия

Рис. 1. Кобринский военно-исторический музей им. А.В. Суворова. Фрагмент экспозиции

надпись: «Samuel Mumm Fabrikant a Solingen». Текст однозначно указывает на происхождение клинка, который был изготовлен фирмой Mumm, Samuel (Золинген)¹.

В попытке проследить историческую подоплеку появления этого необычного оружия, обратимся к биографии прусского генерала, которому была дарована эта сабля.

Ганс Иоахим фон Цитен (рис. 5) родился 18 мая 1699 г. в Вустрове в семье небогатого помещика. В 14 лет поступил подпрапорщиком в пехотный полк. Отсутствие выдающихся физических данных, а еще более – отсутствие богатых покровителей создавали

Рис. 2. Сабля Ганса Иоахима фон Цитена. Пруссия, 1745–1746 гг.

значительные трудности в несении воинской службы. В 21 год он был произведен в офицеры. В 1735 г. король Фридрих-Вильгельм I послал его со сводным гусарским эскадронном в армию принца Евгения на Рейн, где он заслужил внимание начальства и был произведен в майоры.

Баловнем судьбы Цитена никак нельзя назвать, поскольку в начале военной карьеры ему пришлось пережить ряд неприятных инцидентов. С завидной регулярностью он бывал замешан в дуэлях, которые иногда заканчивались ранениями. Один из самых неприятных инцидентов остался без последствий лишь потому, что в это время умер король Фридрих-Вильгельм I.

Однако вскоре за проявленные военные таланты Цитен производится новым королем Пруссии Фридрихом II в подполковники, а затем в полковники и награждается орденом «за заслуги». Кроме того, Цитен становится командиром

Рис. 3, 4. Фрагменты клинка с надписью

Рис. 5. Ганс Иоахим фон Цитен

лейб-гусарского полка. Этот полк впоследствии послужит образцом для всех формируемых гусарских полков.

Время получения Цитеном сабли с дарственной надписью – период войн за австрийское наследство (1740–1748), в которые были втянуты многие европейские государства. В числе конфликтующих сторон была и Пруссия. Цитен принимал участие в боевых действиях во время Первой и Второй Силезских войн. Король Фридрих, помня военные таланты гусара, назначил его в авангард армии, с которым он и проник в Богемию и за отличие был произведен в генерал-майоры.

Вскоре после производства в генерал-майоры он показал себя достойным этой награды, обеспечив прикрытие отступления прусских войск за Эльбу. В сражении при Молдау-Тейне (12 октября 1744 г.) Цитен с относительно небольшими силами в течение суток держался против шестнадцати тысяч австрийского войска. Прусский король по достоинству оценил сей маневр: по возвращении Цитена к армии сам Фридрих выехал ему навстречу и провел его по всему фронту армии. В сражении при Гогенфридберге (4 июня 1745 г.) Цитен, находясь в резерве, спас прусскую конницу, вовремя оценив критичность ситуации и совершив стремительный маневр во фланг неприятелю².

Видимо, не зря Фридрих поручал Цитену сложные и опасные участки на театре военных действий. Многочисленные эпизоды боевых действий говорят о личной храбрости и военном таланте Цитена. Успех в одной из этих битв и послужил поводом для награды – сабли с памятной надписью от прусского короля.

Сражение при Католиш-Геннерсдорфе состоялось 23 ноября 1745 г. и явилось одним из эпизодов в длинной череде боев 2-й Силезской войны. В этом сражении прусским войскам противостоял саксонский авангард. Описание битвы дано в книге (рис. 6) «История моего времени, из оставшихся творений Фридриха II короля Прусского»

**Рис. 6. Книга
«История моего времени,
из оставшихся творений
Фридриха II короля
Прусского»**

творений Фридриха II короля Прусского» в изложении самого Фридриха II, поскольку он являлся очевидцем и участником сражения. 23 ноября прусская армия выступила в поход четырьмя колоннами. Начальнику каждой колонны были даны проводники для переправы через реку Квейс и дальнейшего движения в пункт общего сбора – Католиш-Геннерсдорф. Не имея точных сведений о расположении армии противника, принца Лотарингского, Фридрих дал указания командирам колонн немедленно приходить друг другу на помощь в случае внезапной встречи с неприятелем³.

Далее Фридрих пишет: «Правая и левая (колонны) состояли из конницы, а две средние из пехоты. Перед каждую из сих колонн шло по одному гусарскому полку, дабы вовремя подавать полководцам известия о том, что впереди у них происходило. Король предводительствовал первою колонною пехоты; у ней был проводником мальчик с мельницы, который завел ее в болотные места, ...которое в осеннее время непроходимо. Едва оттуда выбились... Между тем как войска проходили, Цитеновы гусары забрались в деревню Католиш-Геннерсдорф и подали весть, что в ней находилось два батальона и шесть эскадронов Саксонцев, присовокупляя, что они до тех пор будут держать неприятеля, пока подоспеет туда колонна. Тотчас велено было подвинуться вперед двум полкам кирасиров четвертой колонны, которая тогда была ближе всех... И сие-то мнимое болото, которое почитали непроходимым, обмануло Саксонцев; они с сей стороны не имели никакого опасения, а сие и было причиною нечаянного на них нападения. Деревня Геннерсдорф простирается в длину на полмили. Сражение началось в четыре часа с Восточной стороны, а кончилось в шесть на Западном краю...»⁴

Разгром саксонских войск был полным. В плен попали саксонский генерал Далвиц, полковник Обирн и 30 офицеров. Саксонцы потеряли 6 пушек, 1100 человек, две пары литавр, два штандарта и три знамени⁵. Фридрих заключает итог сражения таким замечанием: «Обоз их достался гусарам, кои весьма заслужили сие малое награждение»⁶. Видимо, в первую очередь имелись в виду гусары фон Цитена, поскольку именно они начали это сражение и в течение нескольких часов добились успеха.

Несколько позже Фридрих решил особенно отметить заслуги гусарского генерала фон Цитена в этом сражении и преподнес ему действительно королевский подарок – саблю с памятной надписью.

Правда, на сабле обозначена дата «23 ноября 1744», хотя на самом деле сражение при Католиш-Геннерсдорфе произошло 23 ноября 1745 г. Хронологию военных событий Фридрих фиксировал с поразительной четкостью. Поэтому неточность в дате, возможно, объясняется ошибкой мастера, производившего гравировку надписи. Вручение сабли состоялось в следующем году после сражения. Исследователь Д. Бобровский приводит текст письма, написанного королем Пруссии и приложенного к сабле: «Мой дорогой генерал-майор фон Цитен! Я решил сделать себе удовольствие, подарив Вам прилагающуюся турецкую саблю, и я нахожусь в убеждении, что Вам не будет неудобно принять ее, ибо я передаю ее в действительно хорошие руки. Ваш король Фридрих. Потсдам, 23 августа 1746 года»⁷.

Таким образом, мы имеем дело с уникальным предметом, который принадлежал одному из самых известных прусских военачальников XVIII в. и был личным подарком прусского короля Фридриха Великого. Фридрих до конца своих дней ценил Цитена за его военные таланты и во всех случаях оказывал ему особенные внимание и уважение. Среди почитателей Цитена были и другие царственные особы: российская императрица Екатерина II и шведская королева.

Уже в преклонном возрасте генералу фон Цитену довелось участвовать в Семилетней войне 1756–1763 гг. И здесь он проявил чудеса храбрости и находчивости. Одним из самых известных эпизодов стало сражение при Торгау (3 ноября 1760 г.), в котором вся честь одержанной победы принадлежит Цитену. Он одержал ее в тот момент, когда сам Фридрих уже не имел никакой надежды на успешное завершение боя, а командующий неприятельскими войсками уже отправил в Вену сообщение об одержанной победе⁸.

В конце Семилетней войны Цитен принимал участие в военных действиях против русской армии. Его имя неоднократно появляется в реляциях командующего русской армией П.С. Салтыкова императрице Елизавете о положении дел на театре военных действий, а также в журналах военных действий⁹.

В этой же войне начинал свою боевую биографию А.В. Суворов. Только если для русского подполковника Александра Суворова это было время первой пробы сил на поле боя и проявления воинского таланта, то для прусского генерала Ганса Иоахима фон Цитена это был славный закат военной карьеры. В биографии этих двух столь

разных людей можно найти некоторые сходные черты. Например: оба происходили из небогатых семей; по службе продвигались без всякой протекции; награды и звания получали исключительно за боевые заслуги; умели находить правильное решение в критической ситуации на поле боя; в глазах своих царственных покровителей снискали почет и уважение благодаря военным заслугам.

Сегодня сабля прусского генерала Цитена удачно дополняет экспозиционный комплекс по теме «Участие А.В. Суворова в Семилетней войне» в экспозиции Кобринского музея. В Кобринский музей сабля попала благодаря одному из военачальников Красной армии, которому она досталась в качестве трофея после взятия Берлина в 1945 г. И напоследок небольшой штрих: А.В. Суворов был в составе русских войск, которые с боем взяли Берлин еще в 1760 г. в ходе все той же Семилетней войны.

¹ Кулинский А.Н. Немецкие клинки и клейма. Справочник. СПб., 2000. С. 68.

² Всеобщая военная история кн. Голицына. (Сайт Гусарский клуб. Галерея славы. Ганс Иоахим фон Цитен). (Электронный ресурс): URL: <http://www.kulichki.com/gusary/istoriya/slava/drugie/zieten.html>

³ История моего времени, из оставшихся творений Фридриха II короля Прусского. Ч. 2. СПб., 1794. С. 247.

⁴ Там же. С. 248–249.

⁵ Там же. С. 249.

⁶ Там же.

⁷ Наградная сабля «отца прусских гусар», или Несколько слов о случайной находке // Старый цейхгауз. № 5. 2012. С. 8.

⁸ Всеобщая военная история кн. Голицына // Там же.

⁹ Семилетняя война. Материалы о действиях русской армии и флота в 1756–1762 гг. М., 1948. С. 498, 501, 502, 762.

И.В. Бабич (Москва)

ОФИЦЕР ПРОЕКТИРУЮЩИЙ: ДВА ЭПИЗОДА ИСТОРИИ СЛУЖБЫ НИКИТЫ МЕРЗЛЮКИНА

ПРОЕКТЫ реформ петровского времени рассматриваются историками как распространенные примеры суждений выходцев из различных социальных слоев по насущным вопросам жизни. Наиболее известна – в силу масштаба личности, публицистического дара автора и широты охвата российских реалий – «Записка о скудости и богатстве» (1724) И.Т. Посошкова. Тексты ряда таких проектов составили предмет монографии (1897) Н.П. Павлова-Сильванского, главные выводы которого – активное отношение современников к деятельности царя-реформатора и сосредоточение большинства прожектеров в начале преобразований на изыскании новых источников государственных доходов, а после 1713 г. – на общих вопросах «земской жизни».

Публикуемое ниже «Доношение» на высочайшее имя майора Астраханского драгунского полка Никиты Дмитриевича Мерзлюкина, обнаруженное в колоссальном фонде Кабинета Петра I¹, до сих пор не привлекало внимания историков. Документ появился в тот же год, что и «Записка» И.Т. Посошкова. Несмотря на краткость, емкость его содержания позволяет поставить вопрос о роли ординарного исторического лица, «винтика» огромной государственной машины, каковым выступает автор, в воплощении – в рамках отведенного пространства свободы в его повседневной жизни – механизмов функционирования современных социальных структур.

Внеслужебная жизнь Н.Д. Мерзлюкина практически неизвестна. Уроженец Севского уезда, он, согласно поданной в марте 1721 г. «сказке»², происходил из семьи «служившего полковую конную и

статскую службу» владельца двух четвертей «вотчинной земли» без крестьян. С середины XVII в. уезд поставлял служилых людей в Севский разрядный полк, состоявший из нескольких рейтарских, драгунских, солдатских полков³. В 1705 г. Н.Д. Мерзлюкин был «взят из солдат в драгуны в Архангелогородский драгунский полк». Можно сказать, что его происхождение и самосознание были ориентированы именно на такой жребий, воспринятый как благо. «Едва в юных моих letech имея от родителей моих дневную пищу», – пишет он, предваряя свои предложения, – «взят по разбору в салдаства и... свыше меры отечества моего рангом почтен за службу»⁴.

«Из драгун» Н.Д. Мерзлюкин стал сначала ротным, затем полковым писарем. Эта должность в армии, где дух новых установлений прокладывал путь именно через их «букву», была не видной, но важной. Необходимость и сложность скрупулезного учета постоянно меняющихся наличных сил и средств предполагали сочетание гибкости (читай – умения обойти жесткие нормы) и честности, навыка приспособиться к обстоятельствам без нарушения закона. Сложность согласования многообразных «табельных статей» в условиях боевой обстановки была пробным камнем годности писаря, обломавшим не одну судьбу. Отчаявшись в надлежащем выполнении своих обязанностей и страшась ответственности, они, случалось, решались на побег, подчас предварительно уничтожив полковой архив, подвергались «штрафам»⁵. Подобно тому как руководство современных государственных учреждений и частных компаний напрямую связывает успех своей деятельности с хорошим бухгалтером и программистом, командиры петровского времени стремились обзавестись надежным писарем, объединявшим применительно к той эпохе учетные, коммуникационные и презентационные функции.

На этом поприще Н.Д. Мерзлюкин оказался вполне успешен. В 1709 г. «по рассмотрению господина генерала Еинус» (Януса) он произведен в «генералные писари и в секретари» при помянутом генерале, в 1711-м пожалован к нему флигель-адъютантом с «рангом капитанским», в том же году стал флигель-адъютантом гр. Б.П. Шереметева. В этом качестве он был лично известен Петру I, упоминавшему его имя в письмах к фельдмаршалу⁶. С 25 января 1713 г. (единственная точно названная в «сказке» дата) Н.Д. Мерзлюкин получает качественно большую служебную самостоятельность – чин секунд-майора в Пермском драгунском полку.

Он побывал в Литве и Малороссии, в «немецких краях», участвовал в «акциях» и «баталиях» при Сенжарах, Полтаве и у Прута, в Персии, где и ранен, к 1735 г. был полковником Московского гарнизона, в октябре 1735 – августе 1736 гг. отправлял должность уфимского коменданта и воеводы Уфимской провинции, принял деятельное участие в подавлении Башкирского бунта и преодолении связанных с ним перебоев в снабжении солдат.

При головокружительности сделанной карьеры – от рядового до полковника – служба Н.Д. Мерзлюкина совершенно гладкой не была. В 1720 г. он пережил типичное для того переходного времени «поражение в правах»: «под Ригою велено писать и числить старшим капитаном»⁷. Речь шла не о взыскании, а об общих мероприятиях штатного порядка. Но понижение ранга, пусть и формальное, было для офицера сродни горошине андерсеновской принцессы. Не выслужил он и обычного для воевод двухлетнего срока – и тоже без всякой провинности. «На Уфу» определили нового воеводу. Произошло ли новое назначение «к делам», неизвестно, как неизвестны и место, и время окончания его жизненного пути, на котором чин был практически единственным приобретением. В челобитной на имя Анны Иоанновны 1736 г. он сообщает, что «ни единого двора крестьянского» не имеет⁸.

Автором рассматриваемого проекта Н.Д. Мерзлюкин стал в 1724 г., пребывая майором Астраханского драгунского полка (с 1721 г.), с двадцатилетним опытом службы. Его жизнь, насколько позволяет судить формуляр, как и у составителей уже известных проектов, была связана с многочисленными и (в качестве адъютанта) подчас стремительными переездами, знакомством с разнообразными условиями материального обихода. Ландшафты от Померании до Северного Кавказа сменялись перед его глазами, открываясь с высоты драгунской лошади и со скоростью военных походов.

Гарнизонная служба, конечно, не была той «праздностью вольной», о которой говорится в пушкинской «Деревне». Но человеку, привычному к более интенсивному графику, и она могла казаться освобождением «от суетных оков», во всяком случае, став для майора Мерзлюкина «подругой размышленья». Предмет его «размышленья» определялся как впечатлениями окружающего мира, переработанными сквозь призму собственного интеллекта, непосредственного личного и воспринятого культурного опыта, так и собеседником – реальным или виртуальным. Офицерский клуб, светское

общество, сотрудничество в журналах, знакомые нам по мемуарам, были уделом будущего, о котором, например, вспоминал поэт И.И. Дмитриев (1760–1837). О разговорах в симбирском доме отца он писал: «Первенствующие особы в городе были: комендант, начальник гарнизонного батальона и воевода /.../ Общество [отца] состояло из трех коротких приятелей, умных, образованных и недавно покинувших столицу. Между ломбером /.../ и ужином оставалось еще довольно времени для разговоров /.../ о бывшем итальянском театре Локателлия и Бельмонти, о игранных на нем интермедиях и больших операх; о игре Дмитриевского и Троепольской; часто вспоминаемы были анекдоты о соперничестве Ломоносова с Сумароковым; о шутках последнего насчет Третьяковского; судили об их талантах и утешались надеждою, которую подавал тогда молодой Д.И. Фонвизин, уже обративший на себя внимание комедией «Бригадир»⁹.

Эти реалии от времени Никиты Мерзлюкина отделяют всего сорок лет. Но в единственной ему известной пьесе он сам был действующим лицом. Причем лицом из массовки, и, естественно, все соображения по улучшению мизансцен мог представить на благоусмотрение единственного наличного режиссера, который, впрочем, здесь и сейчас совершенно равнялся Богу всемогущему. Как творец сотворил небо, землю, светила, людей и завет для них: «наполните землю и обладайте ею», императорское величество регулярные войска изволил учредить и «росийскому народу едино светило великое показал к божеству другое светило великое к военному обучению и гражданскому правлению и художеству».

Однако, самоопределяясь «как мизерный прах», «неученой», он при этом не сомневался в возможности рассуждать от «натурального» своего ума о государственной пользе в весьма широком контексте. В 1715 г. Петр писал сыну: «...Всяк смотрит начальника, дабы его охоте последовать, что очевидно есть: ибо во дни владения брата моего, не все ли паче прочего любили платье и лошадей, и ныне оружие?»¹⁰ Пример такого равнения на старшего и представляет попытка Н.Д. Мерзлюкина «ревнуя поревновать». Его образование составляли элементарная грамота и сведения из Священного Писания. Однако высказанные суждения представляют собой попытку систематического подхода к оценке современной автору действительности, а также незаурядную наблюдательность, подпитывавшуюся впечатлениями и Германии, и «Бфляндии», и Южной России.

В качестве первого условия силы и расширения пространства власти «российского скипетра» определено умножение числа и улучшение физического состояния солдат. Сравнение качества рекрут эпохи его молодости и современных оказывается не в пользу последних, каковые уступают и возрастом, и бодростию, да и вообще «мелеют». Оставим в стороне многообразие подходов к интерпретации чередования поколений и факторов, определяющих доминирование в них тех или иных физических свойств, равно как психологически и идеологически обусловленные особенности восприятия представителями различных поколений тех, кого они сменяют (вспомним хотя бы «богатыри – не вы») и тех, кто сменит их. В данном случае важно то, как Н.Д. Мерзлюкин понимал причину снижения годности к службе. Он видел ее в сокращении диапазона выборки – «уже у служилых людей в России малолетних мало обретаетца». Исправить положение предлагалось ликвидацией холостого состояния солдат и предоставления женатым возможности свиданий с женами. В подтверждение того, что семейное проживание не причинит ущерба боеспособности, он приводит пример «израилских людей», которые «хотя с женами своими в полках были, но божиею милостию многих царей победили».

Примечательна сделанная тут же оговорка о необходимости исключить из военного обихода отношения, связанные с собственностью, обязательства «житейских куплей», как возможной помехи в «военном случае». То есть материальные интересы отдельного лица могут придти в противоречие с интересом государственным, и такая дилемма не должна быть допущена.

Предлагая механизм более эффективного использования «живой силы» с точки зрения ее воспроизводства, Н.Д. Мерзлюкин не останавливается на определении конкретных источников прокорма жен, как необходимой части этого процесса, а только на налаживании работы самого механизма и именно в автономности по отношению к другим частям государственного организма видит залог его успешности.

Тот же критерий прилагается и к оценке условий рационального использования других категорий населения. С внедрением предлагаемого порядка увеличится количество солдатских «недорослей», и «с крестьянства даточных не будет потребно», а с улучшением крестьянского благосостояния неразрывно связано улучшение финансового снабжения армии. Последний вопрос

рассматривается Н.Д. Мерзлюкиным также не в аспекте изыскания конкретных «статей» получения непосредственного дохода, а с точки зрения стимулирования скорости обращения денежных средств. Недостатком признается ныне существующее длительное – до 6 и 8 месяцев – хранение собранных для армии денег «в канцеляриях». Акцент сделан не на нуждах солдат, но на том, что оттягивается момент расходования ими жалованья. А это влечет и отсрочку возвращения денег населению, и, как следствие, трудности в уплате следующих по времени податей.

В том же контексте рассматривается недопущение безденежного изъятия чего бы то ни было «у посацких и у крестьян» военными «и прочими жалованными». Здоровый «кровоток» социального организма отождествляется с возможно полной (без исключений для государевых слуг) мобилизацией и скоростью обращения денежных средств, что обеспечит баланс доходной и расходной статей казны – «денги рук из рук менять». В качестве положительного примера приводится Германия, где такой порядок, по наблюдению Н.Д. Мерзлюкина, существует.

Возможно, европейские впечатления отчасти питают порицание «российских старых судий и приказных» и «особливо подрядчиков и купечества» как «грубиянов», не стремящихся, несмотря на полученное «милостию... императорского величества» благосостояние, к адекватным стандартам образа жизни. Другим источником усвоения подобного взгляда явилось очевидное восприятие в военной среде установки, пропагандируемой в это время властью. «Юности честное зерцало» наставляло благородных молодых людей: «Безмерная скупость у некоторых за обычаи принята и оные хотят ее за домодержавство почитать, токмо чтоб могли денег скопить несмотря на свою честь, отрокам надлежит знать, что они сим способом в бесчестие прийти могут»¹¹. Несмотря на широкую распространенность этой книги, Н.Д. Мерзлюкин ее едва ли читал. В противном случае странно было бы включать почерпнутую таким образом мысль в свое «доношение». Скорее, речь идет о том, что услышанное от кого-то замечание в этом роде наложило на собственные заключения и пришлось к месту.

Но если наставники юношества делали акцент на воспитании «статусного потребления», коррелирующегося с дворянской честью, то у Мерзлюкина стремление сэкономить на бытовом обиходе, пристрастие к сермяжному платью и лаптям рассматривается

не только как нецивилизованное поведение, но как ущерб казенному интересу. Сокращение денег в обращении осложняет «посполитым людям», тяжелым трудом зарабатывающим деньги, уплату податей. Ранее высказанное положение о необходимости интенсификации денежного обмена «жалованных» и податных людей дополняется перечислением других помех денежному ходу. В духе новой этики в самоограничении хлебом и водою видится не добродетель христианина, а порок. В то же время в соответствии с христианской традицией греховным почитается стремление записаться «на черный день». В рамках и тех, и других установок объектом порицания является укрывательство «таланту», утаивание богатств «в земле».

Характеризуя хозяйственный уклад до середины XVIII в., Ф. Бродель замечает: «...В странах явно слаборазвитых чистый капитал, скапливавшийся в охраняемых и привилегированных секторах экономики, порой бывал в чрезмерном изобилии и его невозможно было инвестировать во всем объеме. Всегда наблюдалась значительная тезаврация. Деньги застаивались, “загнивали”, капитал был недоиспользован»¹². Н.Д. Мерзлюкин чутко замечает противоречие между «избытком» средств в одной из частей хозяйственной машины и их нехваткой в – других. Ситуация интерпретируется не как объективная, а как сбой, возникший в силу неправильного поведения отдельных категорий лиц, которое и подлежит исправлению. При этом ритмичность работы как критерий ее качества постоянно сохраняется в поле зрения, а ее обеспечение связывается не только с усвоением всеми добрых правил, но и с определенной справедливостью распределения обязанностей.

Так, ставится задача уравнивания всех драгунских полков с точки зрения необходимости поддержки южных «форпостов», где «офицеры... пришли в великое мизерие». Исправить положение предлагается командировками от всех частей, «всем... полкам равно». В том же русле складывается и вся «политическая экономия» от драгунского майора. В какой-то момент может показаться, что сочувствие автора «доношения» распределяется пропорционально «мизерию» разного рода служащих. Но последовательное сопоставление всех «пунктов» обнаруживает, что единой шкалой оценки человеческого материала в ведении «скипетра российского» является боеспособность армии. Поэтому не соответствующими ранжиру признаются и купцы с подрядчиками, и «старые судьи»

с приказными, и «обмелевшие» новобранцы, и бездетные неженатые солдаты, и истощенные «немалыми трудами» офицеры.

Посвятив шесть из восьми «пунктов» фундаментальным условиям оздоровления военного организма, Н.Д. Мерзлюкин вкратце обрисовывает «узкие места» своей непосредственной службы. Он обращает внимание державного командира на локальные особенности, препятствующие успешным действиям армии, и предлагает меры – сооружение шлюза на реке Сулак, подверженной воздействию климата, возведение укрепления в «устье Астраханском», вырубку в предгорьях в виду крепостей и выжигание у дорог леса – для повышения эффективности действий и предотвращения ущерба войскам от «пакостей» «грузинцев» и «татарских людей», которым удастся уйти от наказания.

Если «доношение» Н.Д. Мерзлюкина и остановило на себе внимание августейшего адресата, то в «действие произведено» не было. Не возымела последствий и помета бывшего кабинет-секретаря Петра I А.В. Макарова, отсистематизировавшего его к хранению в составе «Книги... до воинских установлений от 1698 г.» и затем сделавшего помету «потребно к Воинской комиссии»¹³ (поскольку сама эта комиссия, учрежденная в 1727 г., вскоре прекратила существование). Соответственно, не причислял это «доношение» к замечательным вехам своей службы (в донесениях в Сенат и челобитной императрице 1736 г.) и сам автор. Но опыт «проектирования» он применил снова, на этот раз в менее отвлекенной форме, так как речь шла не только о государственном благоустройстве, но и об устройстве его собственной судьбы.

В 1736 г., получив указ о назначении на управлявшуюся им должность воеводы Уфимской провинции полковника С.В. Шемякина и о переходе в его «команду» с сохранением лишь поста коменданта гарнизона, Н.Д. Мерзлюкин, пытаясь избежать такого подчинения, представил в Сенат проект¹⁴ об учреждении новой, выделенной из Уфимской, провинции, где мог бы стать воеводой. «Усмотря в бытность мою здешних мест сетуацию, – писал полковник, – не поволит ли Высокоправительствующий Сенат учинить в Мензелинску правинцею с пригородками Заинском, Шешминском, Билярском, Тичинском и с принадлежащими к ним уезды по сю сторону рек Камы, Волги, Белой, Яика /.../ и казанскую дорогу башкирцов и других той дороги иноверцов ко оной же правинцеи Мензелинской... присовокупить».

Целесообразность новой административной единицы он обосновывал необходимостью более эффективного контроля – посредством самостоятельно действующего воеводы с воинским контингентом – над «башкирцами» «для злых их намерений». В Уфимской провинции им намечались пункты для строительства укреплений, переподчинение «пригородков» в зависимости от близости их к административным центрам, а также с учетом местной речной сети, реорганизация – сообразно тем же критериям – продовольственного снабжения гарнизона¹⁵.

«Мензелинский» проект, хотя и стимулировался поиском приемлемой служебной ниши, не исчерпывался только этой интенцией, представляя вполне актуальные способы рационализации местного управления. Отличаясь от «доношения» 1724 г. сугубо прикладным характером, он обнаруживает тот же взгляд на связь государственного интереса с эффективным приложением механической совокупности сил, и природных, и человеческих, сосредоточенность на обеспечении хорошего продовольствия солдат, гарантирующих работу государственных органов на подведомственной территории. Помимо оптимизации коммуникаций, учета рельефа местности, приняты во внимание потенциал обеспечения «провиантом» и удобство доставки хлеба в города, исключаящие в будущем дефицит, который Н.Д. Мерзлюкин обнаружил, вступив в должность, а также рассредоточение войск сообразно задачам контроля над нелояльным населением. Причем изъяснялась готовность взять на себя ответственность за наименее благополучный, с властной точки зрения, участок.

Как установлено историком края И.Н. Биккуловым, проект, ориентированный на усиление административного контроля над северо-западом региона, не был поддержан Сенатом, но к идее создания Мензелинской провинции затем возвращались неоднократно¹⁶. Это доказывает, что сделанные предложения были соразмерны практике управления, но остались не воплощенными ввиду хронического недостатка казенных средств.

Что касается «средств» самого Н.Д. Мерзлюкина, то они внушали ему беспокойство и до отставки от должности. 15 марта 1736 г., еще не получив соответствующего указа (от 16 (17) февраля 1736 г.)¹⁷, он просил Сенат о денежном награждении, компенсирующем расходы в условиях дороговизны в разоренной бунтом местности и о пожаловании царской милостью деревни в Комарицкой

волости Севского уезда «не ради... богатства», но только чтоб было, где с женой и детьми «главу преклонить». Сознывая, что карьера подходит к концу и случай отличиться едва ли уже выпадет, Н.Д. Мерзлюкин надеялся на поощрение своих воеводских достижений, здесь же перечисляя и заслуги на протяжении тридцатилетней службы. Особенно подробно он останавливается на своих трудах «интересу ея императорского величества... не запустить». Сообщает об успешной организации доставки в Уфу хлеба по выгодной для казны цене (ржи по 60 копеек четверть, ярового по 45, в то время как мука, доставлявшаяся в город за 250 верст из Каракулина, стоила 2 рубля 15 копеек), об оперативной высылке против напавших на «подгородние» деревни 4000 «воров» воинской команды из 400 человек. В «драке» правительственной стороной потеряно 50 человек, а мятежниками 120, и «щастием ея императорского величества» они были «прогнаны обратно вдаль», а 115 «воров» в Уфе «по распросу казнены»¹⁸.

Едва успев отправить доношение, Н.Д. Мерзлюкин узнал о тщетности надежд на милости. Места он лишился, будущее оставалось неопределенным. Первой его письменной реакцией на это известие было составление «мензелинского» проекта, кажется без особенной веры в успех. Его следующие обращения в Сенат (17 апреля, 8 мая, 6 июня, 8 июля, 23 июля¹⁹) касаются только собственной службы. Он снова и снова перечисляет принятые меры, отправление должности «без всякого прафиту», обращает внимание на то, что командование гарнизоном в один батальон ему не по рангу, что вновь назначенный воевода не торопится с прибытием. Сам он добирался из Петербурга в Уфу 40 дней, а тот по сравнительно более спокойной дороге и через полгода еще не явился. И, наконец, докладывая, что «суща болен», просит снабдить прогонными деньгами и отпустить.

В Сенате и Кабинете министров по доношениям Н.Д. Мерзлюкина было сделано только одно «решительное» заключение. Против просьбы о пожаловании деревни помета: «В указе...9 августа 1733 г. написано, по которому и в народ печатными опубликовано дабы никто какого б звания кто ни был о награждении деревень челобитья подавать ея императорскому величеству не дерзал...» Что до пребывания в Уфе коменданта и воеводы или совмещения воеводой обеих должностей, то решение было отдано «на рассуждение» казанского губернатора А.И. Румянцева, который 4 июня и

доложил в Сенат, что в Уфе «коменданту быть не для чего»²⁰. Соответственно подтверждалось распоряжение о немедленной отправке к месту назначения С.В. Шемякина, судьба же Н.Д. Мерзлюкина никак не определялась.

«Проекты» Н.Д. Мерзлюкина представляют его как человека, «не прыгнувшего выше головы», но голову неизменно активно использовавшего в интересах и государевых, и личных. Причем первое место он отводил именно государственному интересу, отложив попытки обустроить свой быт на время окончания карьеры. Мобилизованный властью к трудам, благодаря которым «российский скипетр зело возрасте», Н.Д. Мерзлюкин ответил внутренней мобилизацией и общей ревности к службе, и живого интереса к открывшемуся миру, и интеллекта. Масштаб задач, к которым он оказался причастен, указы и распоряжения, с которыми знакомился по долгу службы, не только определили фразеологию и форму изложения «в пунктах», но и подняли вдохновенного ими читателя на уровень современного экономического знания, задействованного не в качестве расхожих истин, а в качестве когнитивного инструмента осознанной рефлексии по поводу армии и мира.

Приложение²¹

Его императорскому пресветлому величеству драгунского Остраханского полку от маора Никиты Мерзлюкина
доношение.

Ревнуя, поревновал о делах, данных от всемогущего бога вашему императорскому величеству, как военных, так учреждения гражданства, которые дела вашего императорского величества не точию в Европе всему христианству прославились доволна, но и в протчих языческих странах извесны, и неусыпными трудами вашего императорского величества Росийской скипетр зело возрасте и расширихся, от которых вашего императорского величества неусыпных трудов, аз, мизерной прах от атечества моего, едва в юных моих летех имея от радителей моих дневную пищу, указом вашего императорского величества взят по розбору в салдаства, и елико мог выразумить по воли вашего императорского величества, свыше меры отечества моего рангом почтен за службу. И пришло мне от натуралного мало умного моего мнения донести вашему императорскому величеству к ползе Росийскому скипетру,

аще ваше величество высоко росуждение своим за благо принять изволите.

1

В начале всемогущий бог сотворил небо и землю, и потом 2 великия светила, и в нужде добро сотворил мужа и жену, и сказал – раститеся и плодитесь и наполните землю и обладайте ею, – тако и ваша величество российскому народу едино светило великое показал к божеству, другое светило великое к военному обучению и гражданскому правлению и художеству. Сначала трудов вашего величества, егда регулярные войска изволили учредить, какие ис шляхетства и протчих служилых людей были как возрастом, так и бодростию, и по воли вашей с охотою везде служили даже до смерти. А ныне я, хотя не ученой и мало умной, в войске вижу пред прежними людми в комплект присылаютца из набора крестьянства неподобны прежним как возрастом, так и бодростию, и время от времени мелеет. А соблазняет натуральной ум мой, что уже у служилых людей в Росии малолетных мало обретаецца, ибо чрез 25 лет войска вашего величества малое время в домах своих бывают, от чего плод умоляетца, а другие есть в войске и в далних гворнизонах и неженатые.

2

Ежели по указу вашего императорского величества как драгунские, так пехотные полки по правинцеям слободами будут поселены, и в год хотя с месяц з женами будут совокуплены, а неженатые будут принуждены женитца, великоя полза будет Росийскому империи, и в 18 лет с крестьянства даточных не будет потребно, можна рожденными недоросли полки комплектовать. И когда салдаство будут иметь жены, в том в нужном военном случаи мною быть непомешательству, точию б великими купли житейскими не обезались. Например, ныне в Низовом корпусе, в Ыфляндии и в протчих далних местах несколько лет в гворнизонах женатые салдаты не живут з женами своими, а холостые за неимением жен празны и несть от них плода. В древние времена израилские люди, хотя с женами своими в полках были, но божиею милостию многих царей победили и обетованную землю хотя не оне, но дети их получили.

3

В губерниях, в провинцеях и в протчих местах збираемая денежная казна за неотсылкою многое время держитца в концеляриях, а салдатство жалование по заслужении 6 и 8 месяцев плотят, то

подданным крестьяном не бес тягости, ибо вскоре к ним денги для податей не возвращаюцца.

4

У посацких и у крестьян служителем военным и протчим жалованным безденежно ничего не брать, великая ис того будет полза государству; можно в нужде, как в Германии, денги рук из рук меляют, и все оными доволны и скоро могут платить подать.

5

Российские старые судии и приказные люди, а особливо подрятчики и купечество, и протчии чины милостию вашего императорского величества зело ныне обогащены, но многие из них скупости наполнены и мнят жить Мофусаиловы лета. Денег в расход народу на строения свое хорошее, на платье, на посуду из надлежащего его пропитания не имеют, опасая себя, чтоб не впасть в прежняя небогатство, зело в том пред богом грешат. А иные есть такие ис посацких старые грубияне, имевши 5000 рублей или болши, ходит в сермяжном платьи и в лаптях, пропитание имеет единым хлебом с водою, а другие еще и в землю денги хоронят, что посполитым людям своими труд не бес тягости на подати денги збирать, когда скупые люди таланту своего протчим не дают.

6

Драгунским и армейским полкам в Низовом корпусе з год имеют немалые труды, а офицеры от лошадей пришли в великое мизерие, и в разные далные места люди изо всех полков роскомандированы, лошади и полковая амуниция лежит* в разных далных городах. Мнитца малоумию моему для интересу и ползы вашего величества, не лутче ли на них изо всех 30 драгунских полков по 100 человек или колико потребно комондировать, то всем будет полкам равно и даполнить полки в потребной случай лехко, а 7 полков совокупленных в военном незапном случаи могут немалой содержат форпост и вскори быть в готовности.

7

Вновь строямая квартеция Ставропол указом вашего величества зело изрядно строитца, токмо река Сулак против прошлогодского велми стала мелка во многих местах глубины точию по футу. Хотя я не ученой, признаваю, что болши пошел в прорву, на которой надлежит зделать слюз или подобна тому. Лес против крепостей

* Слово в рукописи ошибочно написано дважды.

к горам на несколько верст для виду неприятеля надобно вырубить, ибо чинит в лесу вред. Також и другой лес близ Андреевки около дорог велми част – чтоб несколько сот саженей подсуша выжечь, ибо когда каманда с полковником Лицкиным шла з грузинцами, малые воровские татарские люди ис того лесу учинили пакость: 3^х салдат из фрунта убили, одного ранили, а их не поимали

8

В устьи Астраханском или близ устья для выгруски бес крепосцы мнитца невозможно быть.

маеор Никита Мерзлюкин в Астраханском транжаменте октября 2 дня 1724 году

¹ РГАДА. Ф. 9. Отд-ние 1. Кн. 37. Л. 456–459.

² РГВИА. Ф. 490. Оп. 2. Ед. хр. 9. Л. 6–6 об.

³ Водарский Я.Е. Территория и население Севского разряда во второй половине XVII – начале XVIII в. // Вопросы истории хозяйства и населения России XVII в.: очерки по исторической географии XVII в. М., 1974. С. 215.

⁴ РГАДА. Ф. 9. Отд-ние 1. Кн. 37. Л. 456.

⁵ Там же. Ф. 20. Оп. 1. Ед. хр. 16, ч. 1. Л. 361 об., 364–365, 371, 592 об., 594 об., 722.

⁶ Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1977. Т. 12, вып. 2. С. 81, 189.

⁷ РГВИА. Ф. 490. Оп. 2. Ед. хр. 9. Л. 6 об.

⁸ РГАДА. Ф. 248. Кн. 134. Л. 89.

⁹ Дмитриев И.И. Взгляд на мою жизнь. М., 1866. Ч. 1. С. 20–21.

¹⁰ Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1859. Т. 6: Царевич Алексей Петрович. С. 347.

¹¹ Юности честное зеркало, или Показание к житейскому обхождению, собранное от разных авторов: факс. изд. М., 1976. С. 27.

¹² Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. М., 2011. Т. 2: Игры обмена. С. 246.

¹³ РГАДА. Ф. 9. Отд-ние 1. Кн. 37. Л. 456.

¹⁴ Его изложение в сенатском экстракте опубликовано: Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 3: Экономические и социальные отношения в Башкирии в первой половине XVIII в. / Сост. Н.Ф. Демидова. М., 1949. С. 499.

¹⁵ РГАДА. Ф. 248. Кн. 134. Л. 80–81.

¹⁶ Биккулов И.Н. П.Д. Аксаков, воевода и вице-губернатор Уфимской провинции. Уфа, 2009. С. 57.

¹⁷ РГАДА. Ф. 248. Кн. 134. Л. 77–78, 80, 91.

¹⁸ Там же. Л. 77–78.

¹⁹ Там же. Л.83, 84–86 об.; Кн. 135. Л. 765, 767 об.

²⁰ Там же. Кн. 135. Л. 336–336 об., 340, 766.

²¹ Текст – согласно Правилам издания исторических документов (1990) – публикуется с сохранением орфографических и стилистических особенностей, но с необходимым по смыслу разделением на предложения, постановкой знаков препинания и прописных букв.

М.В. Бабич (Москва)

**ВОИНСКАЯ КОМИССИЯ 1730 ГОДА
В МАЛОИЗУЧЕННЫХ АСПЕКТАХ
ЕЕ ИСТОРИИ: ОТ «ЭПОХИ ПЕТРА ВЕЛИКОГО»
К «ЭПОХЕ МИНИХА»**

В ОИНСКАЯ комиссия 1730 г. сравнительно с другими событиями царствования Анны Иоанновны довольно хорошо известна в главных результатах деятельности, вылившихся в полноценную реформу армии. Уже это общепризнанное обстоятельство (при традиционной зависимости его оценок от отношения авторов к персонифицирующему послепетровский период военной истории гр. Б.-Х. Миниху) сообщает заявленной теме непреходящую актуальность как по научной значимости, так и по исследовательской необъятности.

Последняя проявляется и в образцовой монографии Н.Н. Петрухинцева¹, который фундаментально проанализировал и вписал финансовую составляющую трудов Комиссии «в контекст внутренней политики» конца 1720-х – начала 1730-х гг., воссоздал хронику ее существования, затронул поднятые в ней социальные проблемы и саму «отработанность процедуры» разрешения насущных потребностей вооруженных сил в правительственных собраниях командного состава. Вместе с тем ученый, сосредоточившись на «делах по» Комиссии в материалах Сената РГАДА, осознанно отказался от обращения к ее фрагментарному наследию в РГВИА и обошел (возможно, неосознанно) позитивные отзывы о ней (усугубив неизбежную при глубоком погружении в изучаемый аспект, по его же словам, изоляцию от аспектов, образующих с изучаемым единый комплекс).

Для настоящей статьи данное исследование тем не менее не предмет критики с разделяемой ее автором, в противоположность

Н.Н. Петрухинцеву, проминиховской позиции, а скорее побудительный фактор к обобщению знаний о сопряженных с названным явлениях. И, конечно, остановиться прежде всего на данных своих изысканий по поводу института комиссий в системе властных отношений первой трети XVIII в. вообще и Комиссии 1730 г. в частности.

Как законсовещательное учреждение для обсуждения (или, реже, «сочинения») каких-либо актов – будь то Новое Уложение взамен Соборного 1649 г. или сенатский доклад 1725 г., спровоцировавший публичные дебаты о замыкавшем на себе государственные «непорядки» «содержании в нынешнее мирное время армии» – она абсолютно типична. Образованная именованным указом от 1 июня 1730 г. Комиссия была обязана представлять «мнения» по каждому из его 15 «пунктов» в Сенат (с представлением оттуда к монаршей конфирмации). Сенат, отнюдь не формально их «слушавший», в занятия Комиссии – подчиненного ему органа центрального звена – не вмешивался, лишь вручив (8 июня) Инструкцию (тождественно повторявшую именной указ)², обеспечив мощной, в 28 человек, канцелярией и затем санкционируя запросы в разные инстанции, жалование служащим и т. п.

Такое положение, нехарактерное для большинства «сенатских» комиссий XVIII в., все же не исключительно, хотя косвенно и намекает на «особость» конкретно этой. Вполне ординарным для комиссии «уложенного» типа было и комплектование ее состава на началах не столько административного опыта и политического веса кандидатов, сколько их профессионализма, почему к оптимизации специального законодательства могли привлекать носителей не самых высоких чинов, по выбору ли правительства или по предпочтениям «первоприсутствующих». Всегда важные, их личностные свойства и в разбираемом случае обусловили различия в функционировании обоих составов Комиссии, первый из которых действовал с 9 июня до конца 1730 г. (официально до десятых чисел марта 1731 г.) в Москве: генерал-аншефы Г.-И. Бон и кн. Г.Д. Юсупов, генерал-лейтенанты кн. И.Ф. Барятинский, генерал-майоры М.И. Леонтьев и И.-Б. Кампегаузен, бригадир Д.И. Порецкий и из бригадиров действительный статский и статский советники В.С. Борзово и С.В. Секиотов. Второй: генерал-лейтенант К.И. Гохмут, генерал-майоры М.И. Леонтьев и И.-Г. фон Люберас, обер-кригс-комиссар И.С. Унковский и полковник М.И. Философов – с весны 1731-го до лета 1732 г. – в Петербурге³.

Согласимся с теми, кто считает символичным переход поста главы Комиссии от героя Северной войны фельдмаршала кн. М.М. Голицына к ничем еще не прославившемуся генерал-фельдцейхмейстеру, знаменуя, по А.К. Байову, для всей армии переход от «эпохи Петра Великого» к «эпохе Миниха»⁴. Но подчеркнем, что символичным, олицетворяя преемственность курса, взятого уже в 1725 г., было и назначение самого М.М. Голицына, задуманное не позднее рубежа 1729–1730 гг., – как доказывают черновики бывшего кабинет-секретаря А.В. Макарова. Тому не было суждено возглавить аналогичную Комиссию 1727 г., закрытую со смертью Екатерины I, но «штатные» и иные преобразования полевой и гарнизонной пехоты и драгун он кулуарно планировал и впредь⁵.

Следование Анны Иоанновны в устраниении «помешательств» «благоустроенным» Петром I войскам и их довольстве без «народной тягости» намерениям Екатерины I и Петра II провозглашалось в учредительном указе ее Комиссии, а конфликт интересов вокруг предполагаемых тогда реформ при все более активном участии бар. А.И. Остермана легко проследить по опубликованным «бумагам» Верховного тайного совета⁶. Не отступал А.И. Остерман, постепенно утверждавшийся у руководства страной, и от независимости такой Комиссии от Совета, которая в 1727 г. защищала бы ее (при наличии высочайшего покровительства) от всевластия кн. А.Д. Меншикова, а в 1729 г. – от клана Долгоруких. Для противовеса возглавившему военное ведомство фельдмаршалу кн. В.В. Долгорукому и был призван М.М. Голицын, в каком-то смысле более авторитетный соратник Петра, оставшийся *persona grata* и при его племяннице.

Трудно сказать, чего достигла бы Комиссия М.М. Голицына, оперативно исполнявшая «по пунктам» от 1 (8) июня 1730 г., если бы не его смерть 10 декабря того же года и замещение В.В. Долгоруким, после которого заседания прекратились. А возобновились только при отстранении последнего (под предлогом обремененности «другими делами и командами») и переезде из Москвы, где пребывал двор, в Петербург, где служил Б.-Х. Миних. Причем ему Комиссия препоручалась (недатированным указом, «отданным» в Сенат 8 марта 1731 г.) с полномочиями «начинать», невзирая на уже апробованные донесения предшественников, «каким образом... он по своему рассмотрению изобретет»⁷. Каким «образом» это откликнулось в будущем, попробуем ответить ниже. Предварительно

указав, что беспрецедентная для «уложенных комиссий» масштабность ее выработанных и воплощенных проектов опиралась в том числе и на отражение в ее программе итогов эволюции, которую взгляды правительственной элиты на существо «добротного состояния» армии претерпели к 1730 г.

Эмоциональный порыв Сената с его генерал-прокурором П.И. Ягужинским к ее сокращению как лучшему лекарству от обрушившихся на «Россию без Петра» бед угас к весне 1726 г. Очередное внешнеполитическое обострение, отстаивание «непремненности полков» Генералитетской комиссией, некоторое снижение ставки подушной подати, отставная кампания и неоплачиваемые отпуска военнотружущим помещикам привели к поискам компромисса между обороноспособностью и «облегчением народа». Популярные сперва мысли о пересмотре нормативных «сроков» и приемов заготовки амуниции и мундира, а также адаптация «комплекта» людей и лошадей к специфике длительного мира не были забыты. Но на передний план выдвинулись претензии антимишниковской группировки на ревизию бесконтрольных трат (читай – хищений) светлейшего и возврат от узаконившей главную часть военного бюджета в 4 млн р. Табели 1720 г. к Табели 1712 г., поддерживавшей армию сражающуюся суммой вдвое меньшей⁸.

Противоборствующие «партии» быстро – к 1727 г. определенно – договорились перенести центр тяжести преодоления социально-экономического кризиса⁹ с урезания ассигнований Военной, а заодно и Адмиралтейской коллегиям на ликвидацию «излишних контор и канцелярий» немедленно и совершенствование налогообложения (вместе с монетной эмиссией и поощрением «коммерции») в перспективе. Убеждения в прибыльности «счета» прошлых выплат и столь же простым, как замена провинциальных чиновников образца 1719 г. городовыми воеводами, «уничтожении» дорогостоящих нововведений Табели 1720 г. держались дольше, вплоть до слабых отзвуков в указе несостоявшейся Воинской комиссии 1729 г.¹⁰ В начале же 1727 г. они выразились в объявлении о Комиссии «об окладах и расходах двух воинских коллегий, морской и сухопутной», а при ее раздвоении на Комиссию «как удобнее подати платить» кн. Д.М. Голицына и Комиссию «о рассмотрении армии и флота» А.В. Макарова – в назначении в помощь последнему, наверное, для «свидетельства» приходо-расходных «ведомостей» известного обер-секретаря Сената А.С. Маслова.

Однако в более близком к рычагам собственно «правления» кругу, где тандем А.И. Остермана и А.В. Макарова обрисовался вполне отчетливо, иллюзии такого рода исчезли еще на исходе 1726 г. В их «мнении» от 18 ноября, давно атрибутированном как легшее в основу целой серии знаковых указов Екатерины I января – февраля 1727 г.¹¹, уже просматривалось увязывание «рассуждения о войске» с упорядочением его финансирования (хотя бы по какой-то из Табелей) и «исправлений» как в инфраструктуре, так и в средствах сохранения боеспособности.

И если даже трактовать смещение акцентов только как уступку присоединившемуся к «мнению» А.Д. Меншикову, то в позднейших заметках А.В. Макарова, с откровенно враждебными выпадами против «бывшего князя», тоже нет упований на возвращение присвоенного им (или его ведомством) в казну. Все надежды на ее будущее пополнение фокусируются вокруг «ваканса» «вещей» и офицерских должностей, без которых можно бы обойтись «вовсе», лошадей и нижних чинов, которых можно бы безболезненно «прибавить, когда понадобятся к походу»¹². А сравнительные с Табелью 1712 г. расчеты по отысканию такого «ваканса» ведутся, имея в виду одну Табель 1720 г., как непреложную к «хранению» для прочности военной модели.

Понимание законодательных правил разделения вооруженных сил на категории (по роду службы, назначения, оружия) и части определенного состава и численности – «штаты» – как подлинного фундамента регулярной армии и вместе формообразующего элемента бюджета и всей государственной структуры было присуще верховной власти России первой четверти XVIII в. Предпринятый в конце 1719 – начале 1720 гг. их пересмотр, как акция общеимперского значения, ориентировался, с одной стороны, на перевод административно-финансового строя (с 1711/1712 г. определявшегося учреждением губерний с обеспечением полков их окладными доходами) на рельсы подушной подати и «коллежского» разграничения компетенций в провинции.

С другой стороны, уточнения по разделу «генерального штаба», превращение в «табельные» ряда «внештатных» затрат на разнообразные «припасы», интенция к уравниванию «русского» жалованья с более высоким «иноземческим» и уменьшению удельного веса так называемых нестроевых соответствовали качественно иному уровню системности реформ текущего десятилетия. (Почему

показательно утверждение второй Табели, как и первой, собранием персонально избранных государем лиц, но собранием, институализированном в Комиссию при Военной коллегии, где ее текст вместе с ним подписали 18 генералов, бригадиров и полковников).

Идея же третьей по счету Табели родилась в горячке боязни лившейся многолетнего национального лидера элиты гибели «солдата» без изнеможенного поборами «крестьянина» и империи без «солдата». Не пытаясь судить об обоснованности этих страхов¹³, напомним обычно упускаемый факт, что расходы по нормам 1720 г., о которых ожесточенно спорили «верховники», вообще, за единичными исключениями, не открывались¹⁴. Разумеется, и «двоезаконие» планирования минимальных войсковых нужд по одной Табели с удовлетворением по другой не было «порядочным», и заботы об экономии казенных денег остались неизбывными.

Но для перехода от слов к делу как раз в 1730 г. решающей стала, полагаем, объективная закономерность подтягивания армии. Помимо охраны границ она аккумулировала крупнейшие дееспособные группы правящего класса и питала собой государственный аппарат – проводник «общего блага», до степени развитости этого аппарата. Он же кардинально укрепился с завершением теперь трехступенчатой административно-территориальной иерархии и повышением эффективности местного управления посредством реформы 1727 г., позитивные последствия которой лишь сейчас начинают раскрываться в историографии¹⁵.

Высшая бюрократия, сразу уловив признаки этого успеха, ринулась и на внедрение рационализации, освобожденной от некоторых атрибутов коллегиальности, на центральные учреждения и Сенат, а перемена на престоле создала удобный момент, которого недоставало для подступа к Табели в уже аутентичной для такового ситуации. Сводка А.В. Макаровым в 21 лист выкладок, «что по Табели 720 убудет людей, лошадей, вещей и что от прибавки срока вещей останется денег в казну»¹⁶, могла служить хорошим доводом в пользу всех названных новшеств, в «пакете» с которыми указ о Воинской комиссии поступил в Сенат¹⁷. А сама Комиссия, относительно бравшейся «за основание» Табели 1720 г., получила и почву под ногами, сопоставимую с той, на которой «штаты» выстраивались с 1710-х гг., и дополнительный импульс к распространению «учета и контроля» на недостаточно охваченные ими сегменты армейской жизни.

Так что с «главами» Табели безусловно совпадали первые 8 «пунктов» программы от 1 (8) июня 1730 г.: о генералитете при армии; о полковом и ротном составе «в поле» и гарнизонах; об офицерском корпусе; о нестроевых чинах («неслужащих»); о драгунских и подъемных лошадях; о мундире; о ружье, амуниции и других «вещах»; о провианте и фураже; о денежном жалованье.

«Пункты» же 9?15 перечисляли предметы, которых раньше не было. И существеннейшую роль отводили налаживанию «при полках... счетов», а гарантией «ненарушимости» возводимых вышеизложенными «пунктами» устоев выставляли обязательные весенние и осенние «генеральные смотры» («пункты» 9–10). А затем более назывались, чем характеризовались, «пункты»: о несообразностях в «экзерцициях» кавалерии и инфантерии; о солдатских детях; о «штатах» артиллерии и фортификации; о госпиталях; о «не произведенных в действо» петровских военно-правовых «артикулах».

Как-то комментировать здесь весь перечень, замечательный уже мастерским укладыванием самых широких мотиваций в сжатые рамки должностного руководства, бессмысленно. Но некоторые допустимые жанром статьи и не использованные другими авторами возможности для освещения отношения самой Комиссии к ее призванию дают ее сохранившиеся (с непринципиальными лакунами) «журналы»¹⁸. Так, из них, хотя в аналогичные документы и не вносились подробности прений по повестке дня, очевиден рост «занятости» членов «петербургского» созыва с его в среднем пятичасовыми, от ежедневных до не реже четырех раз в неделю «съездами» против примерно трехчасовых, с перерывами в один – три дня, в Москве.

В Петербурге присутствующие поручают канцелярии и «сочинять»¹⁹ Инструкции генерал-кригс-комиссару, генерал-инспекторам и их подчиненным²⁰. А именно из них выводят, при всех редакциях и переименованиях, укоренение чуть ли не до 1860-х гг. организации полкового хозяйства и равновесность критериев строевой и вещевой «исправности» полков, которая к 1810-м гг. была усвоена как нечто само собой разумеющееся²¹.

Со знаменательным «предложением», вследствие которого именным указом от 31 октября 1730 г. громогласно отмененное в 1727 г. взыскание подушного сбора содержавшимися на него воинскими частями вернули их «командам», выступала (17 августа) и

«московская» Комиссия²². Правда, «рассмотренное» всего за час, оно выглядит попавшим туда (3 августа) извне, подобно, вероятно, утраченным «проектам» П.И. Ягужинского, которые Б.-Х. Миних приказал «слушать» 8 июля 1731 г. 12 июля того же года в Комиссию была послана и никак не подлежащая ее компетенции Инструкция генералитету, занимавшегося набором ландмилиции, а 22 декабря, напротив, объявлено (через Г.-И. Бона) по принятым во исполнение «пункта» 13 от 1 (8) июня 1730 г. «ведомостям об артиллерии» ничего «не производить, понеже оные к... оной Комиссии не касаются»²³.

Ситуативная корректировка занятий «сверху» могла доводиться до сведения Комиссии и вовсе без записей, как, по-видимому, было с установкой на «мирно-военную» вариативность всего, а не только оговоренного в учредительном акте «конского штата». Для стиля управления XVIII в. это довольно обыденно, органично уживается с фетишизацией всяких «регламентов». Они же, в свою очередь, при внешней жесткости, никого не стесняли буквальностью соблюдения.

Так, «московская» Комиссия строго следовала за преамбулой Инструкции «поступать градусами», то есть берясь за новый «пункт», лишь справившись с предыдущим, но настойчиво добивалась «повелительных резолюций» на как будто ничуть не отклоняющиеся от заданной парадигмы заключения. Кстати, не дождавшись таковой на запрос о Комиссариате, возложению на который 31 октября 1730 г., наряду с материальным снабжением армии, подушного сбора отчасти противоречила его подчиненность президенту Военной коллегии²⁴. (Самостоятельность, искомую еще противниками А.Д. Меншикова в 1727 г., Генеральный Кригс-комиссариат обретет 28 октября 1731 г. Но соображения о благодетельности такой перетасовки прерогатив центральных институтов на практике окажутся неудачными и опять повлекут за собой реорганизацию военного аппарата 26 января 1736 г.²⁵).

Пропорционально распределяя изъятия по «табельным статьям» о людях, лошадях и «вещах», она обещала солидный казенный выигрыш для военного (в двух вариантах) и мирного времени (125–143 / 180 тыс. р. в год)²⁶. Высчитав его всего за 4 месяца, что демонстрирует высочайшую квалификацию непосредственно руководившего составлением прилагаемых к текстовым «мнениям» сложных цифровых таблиц коллежского асессора К.В. Макарова. Готовя

такие же для Табели 1720 г. в качестве секретаря Комиссии о неперменном числе генералитета и всех вообще полков, родной брат тогда близкого к престолу лица, он, судя по всему, должен был быть привлечен в Комиссию 1727 г. и участвовал в обсуждении переустройства Комиссариата, полноправным членом которого стал 6 ноября 1731 г.²⁷

Находя в лице К.В. Макарова еще одного «нерегламентированного» реформатора, к сожалению, не находим в материалах Комиссии 1730 г. следов «защиты» собственного проекта ее действительного члена И.-Б. Кампегаузена, отставленного до того, как дошла очередь до выросших из его «Предложения» Петру 1722 г. «пунктов» 9–11. Его вклад в концепцию изучаемой реформы документирован основательнее причастности к ней кого бы то ни было другого²⁸. Роль же М.М. Голицына выявляется путем логического сопоставления неизбежных перед открытием Комиссии переговоров с ним и появлением в указе ей «подпункта» об упраздненных в 1725 г. гренадерских ротах, ранее в касающихся ее «бумагах» не фигурировавших.

«Гренадерские» рокировки, от культивирования особых рот в некоторых элитных соединениях или почти всюду, их сведения в специализированные полки или «разводки» по ротам «ординарным» (как и рокировки «комиссариатские»), пронизывают весь XVIII в.²⁹ Поэтому повсеместное введение таких рот, предвосхищаемое в «голицынский» период Комиссии и аннулированное в «миниховский», любопытно, преимущественно, как показатель разнонаправленности творческих потенциалов ее составов. Исходя из Табели 1720 г. с ее 128 полевыми и гарнизонными частями (за вычетом заранее преобразованного в л.-гв. Конный полк Лейб-регент), первый подчинил оперирование ее должностными ресурсами (кроме указных наименований) инициативе восстановления гренадерских рот, хорошо зарекомендовавших себя в минувшей войне. Второй заявил о необходимости отсутствовавшей при Петре кирасирской конницы, которая потом поступательно развивалась и без Б.-Х. Миниха и его сторонников, готовых для ее ускоренного создания даже на служебные льготы дворянству (до 1736 г. категорически отвергаемые Сенатом).

Радикальное отчисление нестроевых (к параметрам которых 1720 г., примерно в 14 %, вернулись в том же 1736 г.³⁰) и возмущавшее носителей посягательство на «генералитетские» чины они

сочетали с не менее решительным (и тоже себя не оправдавшим) уменьшением «обоза» и перекраиванием твердых цен на провиант и фураж, что и сложилось в военно/мирные «выгоды» около 334/597 тыс. р.³¹. Эти ли посулы, по единодушным выводам ученых оставшиеся на бумаге, или сугубо придворная обстановка склонили к окончательно утвержденным 14 июля 1731 г. «штатам» в 32 полевых и 4 гарнизонных десятиротных полков кавалерии с эскадронном и 38 полевых и 49 гарнизонных восьмиротных полков с батальоном³² для обзорного очерка истории Комиссии 1730 г. не так уж и важно.

Примечательнее уверенность в себе Б.-Х. Миниха, пока не самого старшего генерала, перед лицом предсказуемого сопротивления действительно «сильных персон», готовность и умение его комиссионального контингента вникать в детали уплаты из полковой казны каждой копейки и выносливости каждой мундирной «нитяной тесьмы» – и общая убежденность в том, что теми же качествами должен обладать каждый офицер. Отсюда и сохранение расходящейся с имманентно присущим всякой армии единоначалием петровской традиции личной ответственности всех командиров вплоть до ротного «за все» – от «прибыли» и «убыли» чинов до «годности» любой «вещи», хотя самые тяжелые обязанности по обороту денег и «припасов» несли комиссары, казначеи, квартирмейстеры или прикомандированные к подушному сбору и полковым госпиталям³³.

Амуниции, провианту, фуражу и отдельно мундиру, «понеже при сем пункте солдаты особливо обижены бывают», должное внимание уделили и помощники М.М. Голицына³⁴. Но и тут помощники Б.-Х. Миниха превзошли их, визируя в Табели и «ярлыках» к эталонным «вещам» итоги проводившихся прямо в присутствии опытов взвешивания сукна или «лат» и кроя «образцов» епанчи, кафтана, камзола и штанов. Целиком же разработанные ими и неизменно критикуемые, вслед за Д.Ф. Масловским, «формы» «книг и счетов», до подачи к узаконению 22 марта 1732 г.³⁵ раздавались в стоявшие в Петербурге и его окрестностях части для отзывов «без чего в полках обойтись невозможно, впредь какие быть могут»³⁶.

Тщательнейшее прописывание в них механизма повседневного «смотрения» за пополнением, распределением и эксплуатацией средств материального обеспечения (получаемых деньгами и «натурой», подряжаемых, покупаемых или ремонтируемых своими

силами) подавляют историков громоздкостью примерно трех десятков таблиц с бесчисленными «графами». Лимит статьи не позволяет показать их «разбираемость» на конструктивно однородные блоки, для овладения которыми достаточно знать четыре действия арифметики. Поэтому сошлемся на генерал-майора Генерального штаба начала XX в. Н.И. Соловьева, который единственный заметил явное облегчение с новой отчетностью «писанины», спрашивавшейся в 1720-е гг. военными и гражданскими властями³⁷.

Между тем печатные «счеты» даже визуальное много четче предписаний недавних указов, которые апеллируют друг к другу для взаиморазъяснения, но вынуждены констатировать, что полки не шлют «ведомостей» к проверке, а «ведомости» присланные проверке недоступны³⁸. Соразмерность вышедшей из Комиссии полковой документации разрешаемым задачам видна и из ее переадресовки 31 декабря 1735 г. канцеляриям губернаторов и воевод вместе с переадресовкой им подушного сбора, начавшей череду отмен «комиссиональных» постановлений, которые не прошли испытания временем.

Красноречивее же всего о том, что в большинстве они отвечали духу эпохи, свидетельствует позиция Воинской комиссии 1742 г., собранной по призыву фельдмаршала гр. П.П. Ласси к «министрам и генералитету» по восшествии Елизаветы Петровны и «падении» Б.-Х. Миниха³⁹. Старейшим сподвижникам отца императрицы (фельдмаршалу В.В. Долгорукому, генерал-аншефам М.Я. Волкову, А.И. Румянцеву, С.А. Салтыкову, А.И. Ушакову) с представителями более молодого поколения (в среду которых из «миниховских» членов попал один И.С. Унковский) вменялся идеологический заказ «учинить» «воинский стат с комиссариатским и провиантским правлением... на прежнем Петра Великого основании». Но они ограничились текущими поправками в списке полков (с возрождением гренадерских) и приближением номенклатуры генеральских и офицерских чинов к чаяниям придворной верхушки, включая передачу должностей упраздняемых генерал-инспекторов императорским генерал-адъютантам. Остальные «бывшей Комиссии» «резоны» отстаивали, как свои, а о дополняющих Табель 1720 г. «пунктах» и речь не заходила⁴⁰.

Возвращаясь к заключительному этапу Комиссии 1730 г., выскажем мнение, что молчаливое исчезновение с ее горизонта последних «пунктов» Инструкции (пусть и возникавших в заседаниях

неоднократно) произошло в процессе взаимодействия двух тенденций, в конце концов сомкнувшихся. Оспоренную сенаторами классификацию (по «пункту» 13) крепостей с их гарнизонами по 6 «департаментам» отложили «до предбудущих определений», как откладывали и другие чреватые разногласиями моменты, «урочные лета» ли пока пожизненной дворянской службы или «росписание» по губерниям провиантских магазинов. Но гораздо чаще в Сенате, приглашавшем к слушаниям и «посторонних» сановников, имело место единство, которое убеждало принимавших решения в верности их нацеленности на завершение начатой Петром военной регуляризации.

Финансовые трудности при некоторой стабилизации⁴¹ отступили на второй план, так что высвобожденные «против» Табели 1720 г. суммы перевели на Кадетский корпус, укрепленные линии с поселяемой на них ландмилицией и на иные внештатные расходы. А Б.-Х. Миних как глава Комиссии сумел показать свои стремления и способности добиться в мирное время «доброе состояние» армии, победившей в большой войне, и подготовить ее к войнам, неизбежным в будущем. Его недолгая близость к власти предрешающим способствовала всеобъемлющей поддержке комиссиональных «представлений», с 17 августа 1731 г. активно реализовавшихся⁴². Упрочение же положения в военных структурах лишало причин к существованию вневедомственной Комиссии под его же председательством и сделало естественным ее «сообщение до окончания достальных пунктов» 31 мая 1732 г. в Военную коллегию⁴³.

От ее имени 13 и 30 июня 1732 г. до Сената дошли «мнения» о гарнизонных школах для солдатских детей и о Рославльском эскадроне в Смоленске. Уже без ссылки на нее в 1732–1733 гг. были изданы берущие из Комиссии, по А.К. Байову, свое начало «экзерциции» «пешая» и «конная», в 1733 и 1735 гг. – Штат полевых аптек и Генеральный регламент о госпиталях⁴⁴. Забвение же декларации об обновлении армейского «Уложения» в безрезультатной Комиссии для исправления Воинского устава 1720–1721 гг. при успешном применении действующих норм 1716 г. не должно мешать признанию за Комиссией 1730 г. благополучного достраивания петровской военной машины. А сама она по совокупности достигнутого может заслуженно считаться одним из удачнейших предприятий царствования не столь великой, но достойной преемницы первого российского императора.

- ¹ Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны. Формирование внутриполитического курса и судьбы армии и флота, 1730–1735 г. СПб., 2001.
- ² Ср.: ПСЗ. Т. 8. № 5571; РГАДА. Ф. 248. Кн. 389. Л. 7–8.
- ³ РГАДА. Ф. 248. Кн. 389. Л. 6–6 об., 16–16 об., 345–345 об., 398–398 об.
- ⁴ Байов А.К. История русского военного искусства. М., 2008. Т. 1. С. 319–323.
- ⁵ РГАДА. Ф. 9. Отд-е 1. Кн. 29. Л. 445–445 об.
- ⁶ Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета, 1726–1730 / Изд. под ред. Н.Ф.Дубровина. СПб., 1886–1898. Т. 1-8 (Сб. РИО. Т. 55, 56, 63, 69, 79, 84, 94, 101). Далее: Бумаги В.т.с. Сб. РИО.
- ⁷ РГАДА. Ф. 248. Кн. 389. Л. 345–347, 398–398 об., 414.
- ⁸ Принятые указами 14 и 19 января, 2, 7 и 19 февраля 1711 г. и отложенные на год штаты «полной армии» (без гвардии и артиллерии) – в виде таблиц, зачастую именуемых табелями – вошли в обиходную и делопроизводственную лексику как Табель 1712 г., а заменившие их 9 февраля 1720 г. документы – как Табель 1720 г. (ПСЗ. Т. 4 и 43, ч. 1, № 2319, 3511). Эти заголовки, отсутствующие в печатных текстах обоих актов, и используются далее.
- ⁹ Его обозначали в терминах «великой скудости», «всеконечного разорения», «гражданству тягости» от напрасных экзекуций, судебной волокиты и тому подобных «непорядков»
- ¹⁰ ПСЗ. Т. 8. № 5474.
- ¹¹ Там же. Т. 7. № 5010, 5017; 200-летие Кабинета его императорского величества, 1704–1904 / Сост. В.Н. Строев, П.И. Варышаев. СПб., 1909. Прил. С. 47–58; Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Соч.: В 18 кн. М., 1993. Кн. 9, т. 18. С. 561–564; Богословский М. Областная реформа Петра Великого: Провинция 1719–27 гг. М., 1902. С. 485–492.
- ¹² РГАДА. Ф. 9. Отд-е 1. Кн. 29. Л. 439–446 об., 450–467.
- ¹³ За некомпетентностью в оценках незначительного на глаз сегодняшнего обывателя дефицита военного бюджета середины 1720-х гг. в 5 % или даже, через несколько лет, 16 % (Петрухинцев Н.Н. Указ. соч. С. 145–146) в сочетании со снижением доли в «окладе» страны военных расходов с 78 % в 1701 до 45 % в 1724 г. (Соловьев Н.И. Исторические очерки устройства и довольствия русских регулярных войск в первой половине XVIII стол. (1700–1761). СПб., 1901. С. 69, 95).
- ¹⁴ О чем, кроме многих частных свидетельств в тех же «бумагах» Верховного тайного совета, есть и официальное, от марта 1727 г., донесение Комиссариата в Военную коллегию: РГАДА. Ф. 9. Отд-е 1. Кн. 29. Л. 4.
- ¹⁵ См. прежде всего: Редин Д.А. Административные структуры и бюрократия Урала (Западные уезды Сибирской губернии в 1711–1727 гг.). Екатеринбург, 2007.
- ¹⁶ РГАДА. Ф. 9. Отд-е 1. Кн. 29. Л. 7.
- ¹⁷ Петрухинцев Н.Н. Указ. соч. С. 69–77.
- ¹⁸ РГВИА. Ф. 23. Оп. 1/121. Ед. хр. 507. Л. 1–121.
- ¹⁹ Там же. Л. 82 об.–83, 90–90 об., 109–109 об., 112–113 об.
- ²⁰ ПСЗ. Т. 8. № 5900, 5904.
- ²¹ Соловьев Н.И. Указ. соч. С. 137, 157, 162; Тучков С.А. Военный словарь, заключающий наименования или термины, в Российском сухопутном войске употребляемые... 2-е изд. М., 2008. С. 145–146.
- ²² ПСЗ. Т. 8. № 5638; РГАДА. Ф. 248. Кн. 389. Л. 67.

- ²³ РГВИА. Ф. 23. Оп. 1/121. Ед. хр. 507. Л. 81, 82 об., 93 об.–94.
- ²⁴ РГАДА. Ф. 248. Кн. 389. Л. 339–340.
- ²⁵ Там же. Ф. 9. Отд-е 1. Кн. 29. Л. 450–450 об.; Бумаги В.т.с. Сб. РИО. Т. 56. С. 534; Т. 63. С. 26, 113, 241; Карпеев И.В. Комиссариат // Государственность России: Словарь-справочник. М., 1999. Кн. 2. С. 260–261.
- ²⁶ Петрухинцев Н.Н. Указ. соч. С. 319.
- ²⁷ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Ед. хр. 18. Л. 197 об.; Бумаги В.т.с. Сб. РИО. Т. 63. С. 72; Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны, 1731–1740 гг. / Собр. и изд. А.Н. Филипповым. Юрьев, 1898. Т. 1. С. 5–6 (Сб. РИО. Т. 104). Далее: Бумаги Кабинета.
- ²⁸ РГАДА. Ф. 9. Отд-е 1. Кн. 29. Везде. По этому поводу автор настоящей статьи планирует выступить отдельно.
- ²⁹ Соловьев Н.И. Указ. соч. С. 6–7, 9, 11–12, 23–29.
- ³⁰ Там же. С. 215–216; Петрухинцев Н.Н. Указ. соч. С. 181.
- ³¹ Петрухинцев Н.Н. Указ. соч. С. 154–156, 158–162, 319.
- ³² ПСЗ. Т. 43, ч. 1. № 5803.
- ³³ Там же. Т. 8. № 6003.
- ³⁴ Втрое на «пункт» 5 и вдвое на 6 и 7 относительно «пунктов» 1, 2, 4 и 8 (в среднем по 17 часов на каждый) при почти полном игнорировании «пункта» 3 (4 часа). Расчеты произведены мною по: РГВИА. Ф. 23. Оп. 1/121. Ед. хр. 507. Везде. Цитировался указ от 1 июня 1730 г.: ПСЗ. Т. 8. № 5571.
- ³⁵ ПСЗ. Т. 8. № 6003; Масловский Д.Ф. Строевая и полевая служба русских войск времени императора Петра Великого и императрицы Елизаветы: Историческое исследование. М., 1883. С. 94.
- ³⁶ РГВИА. Ф. 23. Оп. 1/121. Ед. хр. 507. Л. 109.
- ³⁷ Соловьев Н.И. Указ. соч. С. 153–154.
- ³⁸ ПСЗ. Т. 6. № 3937. Прил. «о формах книг»; Т. 7. № 4533, 4536, 4898, 4906, 4990.
- ³⁹ Ильенко А. Воинские комиссии XVIII века // Каталог Московского отделения Общего архива Главного штаба / Под ред. Д.Ф. Масловского. СПб., 1891. Вып. 2. С. XVI.
- ⁴⁰ РГВИА. Ф. 23. Оп. 1/121. Ед. хр. 837. Л. 1–40.
- ⁴¹ Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725–1762 гг. Рязань, 2003. С. 254.
- ⁴² ПСЗ. Т. 8. № 5835.
- ⁴³ Бумаги Кабинета. С. 286–287.
- ⁴⁴ РГАДА. Ф. 248. Кн. 392. Л. 952–972; Кн. 2027. Л. 243–244 об.; ПСЗ. Т. 9. № 6852; Т. 43, ч. 1. № 6674; Байов А.К. Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны: Война России с Турцией в 1736–1739. СПб., 1906. Ч. 1. С. 40.

Е.А. Багрин (Санкт-Петербург)

РУССКАЯ АРТИЛЛЕРИЯ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В 1640–1715 ГОДАХ

В КОНЦЕ XVI – начале XVII вв. Российское государство присоединило территорию Сибири и Дальнего Востока, став крупнейшим государством на Евро-Азиатском континенте. Истории этого события и процессам, происходившим в ходе него, посвящено большое количество исследований. Автором статьи была написана кандидатская диссертация, посвященная вооружению и тактике первопроходцев, однако вопросы, связанные с артиллерией, остались в работе не затронутыми¹. Даная статья призвана восполнить этот пробел. В ней рассмотрены: артиллерия Якутска, первых амурских экспедиций В. Пояркова, Е.П. Хабарова, Албазинского острога, забайкальских острогов: Нерчинска, Селенгинска, Аргунска и Телембинска, а также Иркутска и Енисейска в период с 1640 по 1715 гг.

Артиллерия в Якутске (1640–1690) и Приамурье (1649–1658)

Якутский острог послужил важным опорным пунктом в присоединении как северо-востока Сибири, так и Дальнего Востока. В середине XVII в. его артиллерия была единственной на юго-восточных границах Сибири (в этот период вся территория за Уралом называлась Сибирью, в т. ч. и современные Дальний Восток и Прибайкалье).

В 1639 г. воевода П.П. Головин отправился на «великую реку Лену» во главе отряда из 406 человек (2 письменных голов из Москвы, 5 детей боярских из Казани, 245 тобольчан, 100 енисейцев, 50 березовцев, 2 кузнецов оружейников и 2 толмачей, кроме того было 4 попа и дьякон – «чтобы на Лене реке ...служилые люди без

**Рис. 1. Пушка 3/4-грив. Мастер Яков Дубина. 1666 г.
Состояла на вооружении Селенгинского острога.
Коллекция ВИМАИВиВС. Фото Багриня Е.А.**

покаянья и причастья не помирили»). С ними было наряду из Тобольска: 2 пушки «ядром по три гривенки», 10 пищалей полковых «ядром по гривенке», 26 пуд «зелья пушечного» и по 100 зарядов к пищали «ядер и свинца»². Это была первая русская артиллерия на всем просторе от Байкала до Тихого океана.

Служилые, двигаясь от Енисейска по рекам на судах, доходя до порогов, пушки и припасы «выгружали и обносили на себе», а «суды взводили канатами»³. На преодоление больших порогов и утесов уходило от трех дней до двух недель⁴. Дойдя до Лены, отряд зазимовал, «устроя» пушки в амбары. П.П. Головин отписал, что с пушками «за волок на Лену реку ... перейти не можно ... горы и грязи большие и речка ... Мука каменистая и мелкая, таскают по ней на плотях великою нужею и большое по двадцати пуд, и то в омутах многажды топят»⁵. Перезимовав, орудия перевезли через волок «на лошадях промышленных и торговых людей»⁶.

В наказе воинам, отправлявшимся из Ленского острога на ясачный сбор, предписывалось обязательно говорить «иноземцам» о наличии у русских служилых «огненного боя и пушек», что должно было придать весомости их требованиям об уплате дани⁷. В 1643 г. П. Головин обвинил своих товарищей воеводу М. Глебова, дьяка У. Филатова и сына боярского П. Ходырева в подстрекательстве якутов напасть на Якутский острог и, стащив пушки в воду, утопить, таким образом видно, какое значение придавалось артиллерии – фактически она олицетворяла собой контроль над окружающими народами⁸.

Пушки Якутского острога активно использовались в покорении новых земель. В 1641 г. из Ленского острога на р. Витим для «прииску новых землиц» отправился отряд Еналея Бахтиярова – 51 служилый человек и 4 якутских и тунгусских толмача, с ним была пушка медная «ядром гривенка с четью», полтора пуда пушечного пороха и столько же свинца на ядра⁹. В 1643 г. В. Поярков получил

от П. Головина «для угрозы немирных землиц пушку железную ядром полфунта» и к ней свинцу и пороха на 100 выстрелов (по 8 пуд. 16 грив.). Запас свинца при переходе одного из порогов на р. Гоном «с ... казенного дощеника с кормы сорвало», и «свинец в том пороге в глубоком месте потонул и сыскать его не могли». Фактически, выданная В. Пояркову пушка оказалась бесполезной¹⁰.

Самое яркое использование якутских пушек пришлось на время экспедиции по Амуру Е. Хабарова, который применял их при обороне и осаде укреплений и в открытом полевом бою.

С начала похода в отряде было 3 пушки – 1 «большая медная» (калибр 3 грив.) и 2 железные полковые (калибр 1 грив.). Первое их использование относится к 1649 г., когда Е. Хабаров ходил из Албазинского острога «на Даурских людей» на нартах с 2-мя пушками и «Даурские люди против того их бою и пушек стоять не могли»¹¹. Во время взятия городка князя Гуйгудара казаки «креп učinили болшему оружию пушкам и стали бить по башням с нижнюю сторону у того города», «и у башни стену пробрили, и мы куячные люди, а иные за щитами стену отняли ...и тот нижний город взяли; и они дауры собрались в два города и мы ... били по ним безпрестани из большого оружия и из малого», «и на той драке ... из большого оружия ростреляли с трех пушек ночью и днем пороху пуда с три, а свинцу против пороху ростреляли»¹².

Во время отражения двух осад Ачанского городка, который на некоторое время стал опорной базой казаков, пушки, установленные на башнях, наносили противнику значительный урон: «И с башен по них ачан и дючер из пушек били и из мелкого ружья»¹³, а большая пушка помогла русским избежать поражения в схватке с маньчжурами, когда тем удалось проломить стену острога: «И в те стены проломные стали скакать те люди Богдоевы, и мы казаки прикатили тут на городовое проломное место пушку большую медную и почали из пушки по войску Богдойскому бити и из мелкого оружия учили стрелять из города, и из иных пушек железных бити ж стали». «И как они Богдой от нашего пушечного бою и от пролому отшатились прочь, ... выходили служилые и вольные охочие казаки ... на выласку»¹⁴.

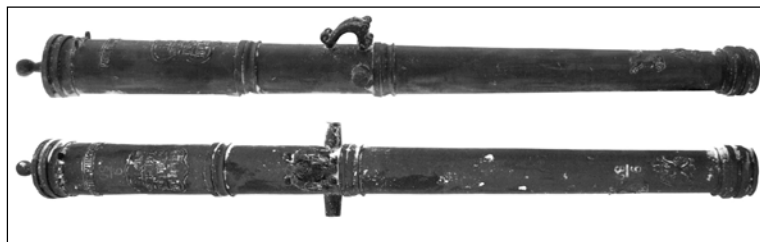
Взбунтовавшиеся против Е. Хабарова казаки во главе с С. Поляковым утопили одно орудие: «И тот Степан Поляков ... те пушки одну прямо с судна на берег бросили, а другую в воду бросили»¹⁵. Однако скоро еще одну пушку из Якутска привез Т. Ермолин¹⁶. Все

эти орудия достались О. Степанову, сменившему Е. Хабарова на Амуре. По его отчету у казаков было «в войске государеву снаряду одна пушка и та полковая да 2 железных малых». Их успешное использование неоднократно отмечается в столкновениях казаков с маньчжурами в 1654–1655 гг., стрельба из пушек велась в т. ч. с судов, по кораблям и береговым укреплениям противника¹⁷.

В ходе столкновений с маньчжурами русским доставались трофейные китайские орудия: две пушки железные (под Ачанским городком), две пищали железные с жаграми (под Комарским острогом) и позже в 1685 г. под Албазином «медная зарядная пушечка весом 18 фунтов». Орудия отправлялись в Москву¹⁸.

До 1671 г. в Якутск новых пушек не поступало, по описи там было 2 полковых пищали и 2 «попорченных», оставшихся от «посылок» на Амур и Виллой. С 1667 г. в Якутске находился только один кузнец Тимошка Гаврилов, который в 1676 г. подал челобитную об отставке от кузнечного дела, т. к. «стар и увечен»¹⁹.

Позже, не позднее 1679 г., в острог прибывает новая партия «большого наряда», составившего вместе со старым семь пищалей в станках на колесах. Почти все они находились в Якутске до конца столетия, в т. ч. 4 пушки медных калибром 3-4 фунта (весом 19, 17 1/2, 10 3/4 пудов и 1 полковая) и 1 пушка калибром 1 3/4 фунта – к 1697-му «покорчена и разбита, и ныне стрелять из нее невозможно»²⁰. Уже в 1683 г. якутские служилые жаловались, что «пушек полковых малых нет и в походы на неясачных людей послать не с чем»²¹. По описи 1684 г. все 7 полковых пищалей были негодны к стрельбе, скорее всего из-за состояния станков и колес. Кузнецов и бронных мастеров не было²². С. Бахрушин отмечает, что «в виду ненужности

**Рис. 2. Пищаль 2-грив. Мастер Осип Иванов. 1679 г.
Состояла на вооружении Селенгинского острога.
Коллекция ВИМАИВиВС**

артиллерии для военных целей» в 1680–1690-е гг. из пушек 1–2 раза в год производили салют для устрашения ясачных людей²³.

Интересно, что на протяжении нескольких десятков лет ни одного орудия не было отправлено в **Охотский острог**, несмотря на крайне напряженное положение охотских служилых, постоянно отбивавших нападения тунгусов. В 1666 г. его гарнизон из «старых и малых и дряхлых и цынжалых, всех числом тридцать человек», взамен старого ветхого острога построил новый, где сделаны были «многие деревянные пушки»²⁴. В 1677 г. из Якутского острога в Охотский вместе со служилыми, шедшими на перемену, была послана пушка, но люди были перебиты по дороге охотскими оленными тунгусами и пушка стала их трофеем²⁵.

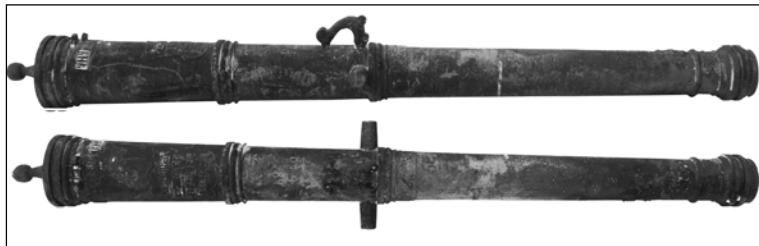
Артиллерия юго-восточных острогов в Сибири в 1660–1685 гг.

В этот период не происходило значительных военных конфликтов, которые могли бы угрожать положению России в регионе, поэтому поставки сюда артиллерии были минимальны. Служилые, противостоявшие значительно превосходившим их по силам «иноземцам», конечно, испытывали недостаток в орудиях и писали об этом вышестоящему начальству, но просьбы их удовлетворяли редко. Причиной этому была, скорее, крайне затруднительная транспортировка орудий в отдаленные регионы Сибири, требовавшая от государственной казны больших затрат*.

В **Нерчинском остроге** в 1670 г. было всего 2 пушки²⁶, а в приписанных ему слободах и острожках их не было совсем. В 1672 г. из Енисейска в Нерчинск с сыном боярским Ф. Мешининым были доставлены «пищаль медная, мерою 2 аршина, весом 6 пуд 20 гривенок» и 20 ядер и пищаль затинная железная, длиной 3 аршина и 30 ядер²⁷. Через 13 лет оснащение острога практически не изменилось, в 1685 г. в нем находилось 5 пушек и 2 затинные пищали²⁸.

Селенгинский острог. В 1665 г. казачий голова Баргузинского острога Первый Самойлов дал отряду Осипа Васильева, отправившемуся для постройки Селенгинского острога, «пищаль медную полковую», «чем было бы Мугальская земля взять и беречь и очистить»,

* В то же время в Западную Сибирь поступало значительно больше артиллерийских орудий, это было связано с близостью этого региона к центру и ведением крупномасштабных военных действий с кочевниками в 1670-е гг. В табл. 1 можно увидеть, насколько количество орудий в главных городах Западной Сибири к 1685 г. превышало запасы пушек в острогах Восточной Сибири.

**Рис. 3. Пищаль 2-грив. Мастер Евсевий Данилов. 1681 г.
Состояла на вооружении Нерчинского острога.
Коллекция ВИМАИВиВС. Фото Багрина Е.А.**

и 40 железных ядер. Служилые, давшие за пищаль поручные записи, просили не отсылать после постройки острога ее назад, т. к. без нее «в новом Селенгинском остроге быть не можно, потому что земля многолюдная и орды прилегли многие»²⁹. Эта пищаль оставалась единственным орудием на протяжении 17 лет. В 1681 г. из Селенгинского острога писали о необходимости в остроге 20 затинных пищалей³⁰. По всей видимости, просьба была рассмотрена положительно, и в 1680–1682 гг. в Селенгинск было послано из Енисейского острога 2 пушки медные³¹. А в 1685 г. в остроге было уже 4 пушки и 1 затинная пищаль³².

Албазинский острог. В начале 1685 г. там было 3 пушки и 4 затинных пищали³³. В 1684 г. в самом остроге и ближайших к нему ощущалась острая необходимость в орудиях: «Близко прилегли орды Богдойские люди, и Гиляки, и Натки и Тонгусы неясачных людей родов безчисленно», «и на той Уде реке и в Тугурском зимовье без пушек быть нельзя»³⁴. После падения Албазина в 1685 г., все его орудия были взяты китайцами в качестве трофея. Позже в период русско-китайской войны 1900–1901 гг. русскими войсками в Айгуне была найдена одна из этих пушек и отправлена в Музей артиллерии. Это была пушка калибром 3/4 грив., длиной 5 ф. 10 1/4 д., весом 6 пуд. 15 фунт., отлитая мастером Якимом Никифоровым³⁵.

Иркутск. По данным росписи воевод К.О. Щербатова и П.С. Прозоровского, в Иркутске на 1685 г. было 2 пушки³⁶ – скорее всего, были учтены орудия, высланные туда в период 1680–1682 гг. из Енисейска. Однако уже в 1684 г. «наряду» в городе было значительно больше. При встрече монгольского посольства в Иркутске стояли пушка медная на станке и 2 пушки на «роскате» длиной по «полупята

Роспись военных запасов в сибирских городах 1684–1685 гг.

Наименование орудия, калибр	Тобольск	Тара	Тюмень
«Обозная» 7 грив.	3 (380)*		
6 грив.	1 (104)		
«Полуторная» 6 грив.		1 (2697 ко всем 19 ору- диям)	
«Вестовая» 6 грив. Вес 50 пуд.			
5 грив.		1	
4 грив.	2 (449)		
«Полковая» 4 грив.			
«9-пядная» 4 грив.			
«Полуторная» 4 грив. Вес 35 и 36 пуд. 9 грив.			
3 грив.		1	
«Полковая» 3 грив.			
«Полуторная гладкая» 3 грив. Вес 27 пуд.			
2 грив.	9 (2392)	2	
«Полковая» 2 грив.			
«9-пядная» 2 грив.			
«Разорванная» 2 грив.			1 (100)
1 1/4 грив.			
«Полковая» 1 1/4 грив.			
«Полковая» 1 грив.			
«Новая» 1 грив.			1 (10)
3/4 грив.	1 (522)		1 (183 на обе пи- щали этого калибра)
«Полковая гладкая» 3/4 грив.			
«Полковая гладкая на вертяке железном» 3/4 грив.			
«Полковая» 1/2 грив.			1 (92)
«Скорострельная» 1/2 грив.			1 (141)
«Волконейка» 1/2 грив.			
«7-пядная»			

Пушки, пищали медные

(кроме Томска, указанного за 1634 г.)

Томск (1634)	Березов	Мангазея	Пелым	Сургут	Тура	Верхо- турье
	3 (67)					
1						
						1 (95)
			1 (290)			
2						
					1 (44)	
3						
						1 (100)
				1 (132)		
						1
			1 (122 в т. ч. 28 свинц.)			
						1 (28)
1						
1						
	1 (10)					
				1 (355)		

(Окончание см. на с. 192–193)

Наименование орудия, калибр		Тобольск	Тара	Тюмень
Пушки, пищали медные	«Тобольского литья»	2		
	«Верховая»	1		
	Без указания калибра и вида			
	Тюфяк			
Пушки, пищали железные	«Полуторная» 14 грив.	1 (84)		
	3 грив.			1 (92)
	3/4 грив.			1
	1/2 грив.			2 (183)
	«Волконейка»		3	
	«Скорострельная» 1/4 грив.			1 (89)
	«Скорострельная»		1	
	«Полковая»			
Затинные пищали	«Полковая разорванная»			
	Железные			
	Медные			
	Без указания калибра и вида		10	6 (3186)
Общее количество артиллерии в городе, остроге, слободе		20	19	15
Кол-во пушек		11	10	

Таблица подготовлена по данным: Дополнения к актам историческим. Т. 11. СПб., 1869. С. 267–272; Томск XVII века. СПб., [б. г.]. С. 51–52.

Русская артиллерия в Восточной Сибири в 1640–1715 гг.

(Окончание табл. 1)

Томск (1634)	Березов	Мангазея	Пелым	Сургут	Тура	Верхотурье
		4 (384 в т. ч. для затинных пищалей)				
			2			
	3 (возможно, к ним относились 467 ядер калибром 2,5 и 1,5 грив.)					
		1				
3				4 (1000)	4 (472)	
3						
	3 (596)	5 («больших и малых», «с ложей и без лож»)	4 (440)			
14	10	9	8	6	5	4
	3	2		3	5	

* Цифра в скобках – количество боеприпасов к оружию.

аршина», 3 пушки «на двухколесных станках на вертлюгах» длиной по 2 1/4 аршина. На двух дощениках по пушке длиной по 4 аршина. Всего 8 орудий. У всех пушек стояли пушкари – один в латах, а другие в «цветном платье», с зажженными фитилями³⁷.

В прибайкальских **Баргузинском и Ангарском острогах** также было какое-то количество пушек³⁸.

Енисейск. В 1667 г. в остроге не было пушек, «по воинским вестям» сделано 10 железных затинных пицалей «нового Енисейского дела» – 9 длиной «по полутретью аршину» и 1 трехаршинная, все калибром 1 грив. Из них 3 были отправлены на вооружение острога, который предполагалось поставить на Казачьем лугу, и одна в Нижний Братский острог. В Красноярск отправлен кузнец Кондрашка Моисеев для «дела затинных пицалей». Городу угрожала большая опасность от набегов кочевников, и служилые просили пушки для обороны рубежей: «А если бы ... в Енисейском и в Красноярском острогах были пушки большие ... неприятельских людей было боронитца мочно»³⁹.

С 1684 г. во время угрозы войны с маньчжурами было налажено литье пушек в Тобольске и Енисейске⁴⁰. Уже в 1685 г. в казне Енисейска было помимо основного «наряда» 4 пушки медные.

В 1673 г. из Тобольска в Дауры с тобольским поручиком «драгунского строю» Яковом Тырковым были посланы 2 пушки «медные, по 19 пуд», отлитые, по всей видимости, на Урале, и по 20 пуд. свинца и пороха к ним⁴¹, а в 1683 г. еще 2 пушки с ядрами⁴². Установить, в какие остроги попали эти пушки, пока не представляется возможным.

Из приведенных данных видно, что пополнение юго-восточных острогов пушками не имело значительных масштабов. Общее количество пушек в регионе было не менее 28 пушек и 17 затинных пицалей.

Артиллерия юго-восточных острогов в Сибири в 1685–1715 гг.

Начало периода характеризуется конфликтом и военными действиями против Цинской империи. Правительство впервые осознало угрозу потери дальневосточных территорий. Для отражения маньчжурских войск в Даурию были отправлены значительные силы из городов Западной и Восточной Сибири и Москвы. В это время в регион поступает значительное количество артиллерийских орудий.

В 1684 г. из Енисейска для пополнения даурских гарнизонов пошел отряд с 3 пушками и 3 затинными пищалями, который задержался в Удинске до весны 1685 г.

Отряд А. Бейтона, вышедший из Тобольска также в 1684 г., вез одну большую московскую пушку, стрелявшую пудовыми ядрами – мортиру, которая позднее пережила осаду Албазина, и 10 полковых пушек, взятых в Тобольске (две из них позже отправили в Селенгинский острог). В 1685 г. артиллерия до лета оставалась в Илимске. Сам Бейтон с тремя легкими орудиями прибыл в июле в Нерчинск, позже подоспели и остальные запасы (6 пушек). В марте 1685 г. из Москвы в Енисейск отправляется 20 опытных пушкарей, а в Тобольск – полковник А. Смаленберг и 9 офицеров «иноземного строя» и партия оружия и боеприпасов, из них в Дауры отправлено 10 пушек и 500 ядер⁴³.

Всего на восточную границу в этот период отправлено не меньше 27 орудий, количество, почти равное числу пушек, присланных туда за предыдущие 20 лет.

В 1686 г., после потери Албазинского острога в 1685 г., в Даурию под руководством воеводы Ф. Головина были отправлены значительные военные силы, в т. ч. 500 московских стрельцов, полковник Ф. Скрипицын, подполковник С. Богатырев, 5 капитанов и 6 пушкарей⁴⁴.

Отряд вез из Москвы вооружение на 1000 человек, в т. ч. 20 полковых пушек, 1 тяжелую мортиру, 1000 ядер и гранат⁴⁵.

Из этих пушек 5 было отдано в полк Ф. Скрипицына и 2 в полк Павла Грабова, 3 поступили в Селенгинск и 4 в 1687 г. в Ильинскую слободу⁴⁶.

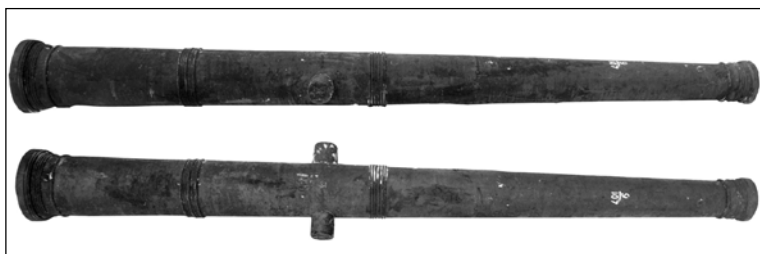

Рис. 4. Пищаль 3-грив. Мастер Иван Новгородец. Первая половина XVII в. Состояла на вооружении Нерчинского острога. Коллекция ВИМАИВиВС. Фото Багрина Е.А.

Таким образом, общее количество пушек в Восточной Сибири в конце 1685–1687 гг. было не менее 90 единиц.

Албазинский острог, отстроенный А. Бейтоном во второй раз, на момент осады располагал разнообразным «нарядом» из орудий енисейской и тобольской присылки, о которых речь шла выше. В Албазине находилось 8 пушек «медных»: 2 «больших» и 6 полковых (в т. ч. одна – калибром 1 фунт, две – весом 5 1/4 пуд., две – весом

**Рис. 5. Мортира 2 1/2-пуд.
Мастер Харитон Иванов.
1681 г. Состояла
на вооружении
Нерчинского острога.
Коллекция ВИМАИВиВС.
Фото Багрин Е.А.**

6 1/2 пуд., одна – весом 8 1/2 пуд. и одна – весом 19 1/4 пуд), одна «пушка верховая» (мортира) с 30 пуд. гранатами и 3 затинных железных пищали. К концу осады у защитников было 1050 ядер ко всем орудиям, и «роздуло» только одну затинную пищаль⁴⁷.

После окончания конфликта в острогах юго-восточных окраин осталось значительное количество артиллерийских орудий. В Забайкалье в Нерчинске и приписанных к нему острожках в начале XVIII в. были 41 пушка и затинная пищаль.

В 1699 г. в **Нерчинске** находились 31 пушка «медная полковая» «на станках» (в т. ч. одна испорченная), 2 пушки верховые, стрелявшие 1-пуд. (17 штук) и 2-пуд. (29 штук) гранатами, 2 затинные

пищали и «3481 ядро железных гранатных чиненых и духовых и пушечных и затинных пищальных и ручных чиненых и нечиненых». Эти орудия находились в Нерчинске в неизменном состоянии до сер. XVIII в. и упоминаются в описаниях города Миллером.

По материалам документов, известных автору, калибр этих орудий установить пока не представляется возможным, однако в Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи хранится коллекция орудий, привезенная из Нерчинска и Селенгинска в середине XIX в. – это пушки калибром 3/4, 2 и 3 грив. (см. табл. 2). Большинство пушек, а именно: 2-грив. полковые,

**Коллекция пушек (пищалей) XVII в.
из забайкальских острогов в коллекции ВИМАИВиВС**

Пушка (пищаль)	Год изго- товле- ния	Мастер	Диаметр ствола (мм)	Дли- на (см)	Вес (кг)	Острог
3/4-грив. «полковая»	1666	Иван Харитонов	42	157	94	Селенгинск
3/4-грив. «полковая»	1666	Яков Дубина	45	154	106	Селенгинск
2-грив. «полковая»	1674	Пантелей Яковлев	67	246	356	В 1696 г. участвовала во 2 Азовском походе, затем отправлена в Селенгинск
2-грив. «полковая»	XVII в.	Аким Никифоров	65	154	182	Нерчинск
2-грив. «полковая»	1679	Осип Иванов	64	245	385	Селенгинск
2-грив. «полковая»	1679	Осип Иванов	64	249	368	Селенгинск
2-грив. «полковая»	1679	Осип Иванов	65	259	397	Селенгинск
2-грив. «полковая»	1679	Осип Иванов	63	251	362	Нерчинск
2-грив. «полковая»	1679	Осип Иванов	64	258	394	Нерчинск
2-грив. «полковая»	1681	Евсей Данилов	62	251	389	Нерчинск
2-грив. «полковая» «Соловей»	1681	Евсей Данилов	64	251	374	Нерчинск
2-грив. «полковая»	1681	Евсей Данилов	64	252	379	Нерчинск
2-грив. «полковая»	1681	Евсей Данилов	65	249	383	Нерчинск
3-грив. «полковая»	1 пол. XVII в.	Иван Новгородец	81	264	482	Нерчинск
2 1/2-пудовая мортира	1681	Харитон Иванов	280	72	448	Нерчинск

Таблица подготовлена по данным: «Каталог материальной части отечественной артиллерии» / сост. В.П. Вышенков, Л.К. Маковская, Е.Г. Сидоренко. Л., 1961. С. 88, 90–96, 143.

вероятно, привезены Ф. Головиным. 2-пуд. мортира, хранящаяся в фондах музея, совершенно точно принадлежит его отряду, т. к. в регион за весь описываемый период поступило только 2 мортиры: первая 1-пуд. с А. Бейтоном выдержала осаду Албазина, вторая 2-пуд. с Ф. Головиным отражала набеги монголов на Нерчинск.

В **Аргунском остроге** «пушка медная мерою 2 арш. 4 верш., весом 8 пуд., 26 гривенок, к ней 120 ядер по 1 1/2 гривенки ядро, пушка же медная мерою аршин 15 верш., вес 7 пуд, к ней 77 ядер, вес. по гривенке с четью ядро, пушка затинная медная ж, – в ложе мерою 15 верш., вес 16 гривенок». В **Телеббинском остроге** «пицаль затинная железная вес 3 пуд., к ней 27 ядер железных по кружалу и вес. по полугривенке ядро»⁴⁸.

Таким образом, история развития артиллерии в Восточной Сибири в XVII в. тесно связана с внутривосточными и международными процессами, происходившими в России. Данная статья дает только основную информацию об артиллерии рассматриваемого региона, остается еще много нераскрытых вопросов по этой проблеме, которые требуют дальнейшего изучения.

¹ Багрин Е.А. Присоединение Прибайкалья, Забайкалья и Приамурья в 40–90-е гг. XVII в. (по материалам вооружения и тактики русских служивых людей). Дисс. ... канд. ист. наук. Ученый совет Института истории археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. (20 апреля 2012). 285 с.

² Дополнения к актам историческим (ДАИ). Т. 2. СПб., 1846. С.164, 265.

³ Там же. С. 238.

⁴ Там же. С. 244.

⁵ Там же. С. 239.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 256.

⁸ Там же. С. 275.

⁹ Там же. С. 260.

¹⁰ ДАИ. Т. 3. СПб., 1848. С. 51.

¹¹ Акты исторические (АИ). Т. 4. СПб., 1842. С. 74–75.

¹² ДАИ. Т. 3. С. 360–361.

¹³ Там же. С. 364.

¹⁴ Там же. С. 366.

¹⁵ Там же. С. 370.

¹⁶ Там же. С. 368.

¹⁷ Там же. С. 525; Там же. Т. 4. СПб., 1851. С. 29–30.

¹⁸ Там же. Т. 3. С. 366; Т. 4. С. 29–30; Т. 12. СПб., 1872. С. 112, 114.

- ¹⁹ Там же. Т. 6. СПб., 1857. С. 154; Там же. Т. 7. СПб., 1859. С. 134.
- ²⁰ Бахрушин С. Якутия в XVII веке. Якутск: Якутское книжное издательство, 1953. С. 306–307.
- ²¹ ДАИ. Т. 10. СПб., 1867. С. 358.
- ²² Там же. Т. 11. СПб., 1869. С. 156.
- ²³ Бахрушин С. Указ. соч. С. 306–307.
- ²⁴ ДАИ. Т. 5. СПб., 1853. С. 70.
- ²⁵ Там же. Т. 8. СПб., 1862. С. 158.
- ²⁶ Там же. Т. 6. С. 8.
- ²⁷ АИ. Т. 4. С. 482.
- ²⁸ Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах: (вторая половина XVII века). М.: Наука, 1969. С. 118.
- ²⁹ ДАИ. Т. 5. С. 49–50, 52.
- ³⁰ Там же. Т. 8 С. 334.
- ³¹ Александров В.А. Указ. соч. С. 112.
- ³² Там же. С. 118.
- ³³ Там же; ДАИ. Т. 12. С. 110.
- ³⁴ ДАИ. Т. 11. С. 203.
- ³⁵ Рудакова Л.П. Албазинская пищаль – забытый памятник воинской славы // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Четвертая Международная научно-практическая конференция. 15–17 мая 2013 г. (в печати)
- ³⁶ Александров В.А. Указ. соч. С. 118.
- ³⁷ ДАИ. Т. 10. С. 246.
- ³⁸ Там же. Т. 3. С. 220–221.
- ³⁹ Там же. Т. 5. С. 166, 168, 170.
- ⁴⁰ Александров В.А. Указ соч. С. 116.
- ⁴¹ ДАИ. Т. 8. С. 95.
- ⁴² Александров В.А. Указ соч. С. 117.
- ⁴³ Там же. С. 118, 149.
- ⁴⁴ АИ. Т. 5. СПб., 1842. С. 235.
- ⁴⁵ Александров В.А. Указ. соч. С. 146.
- ⁴⁶ Русско-китайские отношения в XVII веке: Материалы и документы. 1686–1691. (РКО) / сост. Н.Ф. Демидова, В.С. Мясников М.: Наука, 1972. Т. 2. С. 190, 277, 291.
- ⁴⁷ ДАИ. Т. 12. С. 108, 113, 254; РКО. С. 84, 123, 127; Паршин В.П. Поездка в Забайкальский край. Приложения. СПб.: тип. Н. Степанова, 1844. Ч. 2. С. 199–200.
- ⁴⁸ Найденов Н.А. Сибирские города: Материалы для их истории XVII–XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М.: тип. Волчанинова, 1886. С. 12–18.

В.Н. Бенда (Санкт-Петербург)

СОСТОЯНИЕ АРТИЛЛЕРИИ И ИНЖЕНЕРНОГО ДЕЛА В РОССИИ НА РУБЕЖЕ XVII–XVIII ВЕКОВ И НЕОБХОДИМОСТЬ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В ЭТОЙ ОБЛАСТИ

В КОНЦЕ XVII в. Россия переживала глубокий кризис, связанный с социально-экономическим и военным отставанием от передовых стран Европы.

Русскому правительству необходимо было решить две основные внешнеполитические задачи. Крайне болезненно на экономическом развитии страны отражалась утрата побережья Финского залива, отторгнутого Швецией. Приобретение выхода к Балтийскому морю было необходимо для Русского государства, так как он обеспечивал наиболее удобный путь сообщения со странами Западной Европы. Для русского правительства возобновление борьбы со Швецией являлось лишь вопросом времени.

Важнейшее место во внешней политике страны занимали также отношения с Крымским ханством – вассалом могущественной Османской империи. Оборона от набегов крымских татар требовала больших усилий по укреплению южной границы Русского государства – строительства засечных черт, городов, заселения их, содержания войска на южной границе и т. д. Однако ослабленное Московское государство ограничивалось лишь пассивной обороной: от Брянска на Тулу и Каширу – и дальше на Рязань – была проведена укрепленная сторожевая линия, оставлявшая, однако, беззащитными не только новоприсоединенную Малороссию, но и коренные области Московской Руси – нынешние Курскую, Орловскую и большую часть Тульской губернии. Военное дело находилось в полном упадке, как то показывают неудачные походы

Голицына на Крым. Военное бессилие России было полным. Русское правительство, не будучи в состоянии совладать с крымскими татарами, опустошавшими Украину и низовые области своими набегами, вынуждено было регулярно посылать «поминки» (по существу, дань) крымскому хану.

В Москве с основанием считали непосильным для России вести одновременно войну с двумя противниками. Обеспечение безопасности южных земель Русского государства от татарских набегов могло быть достигнуто лишь в союзе с Австрией и Польшей, для которых Крым и Турция, так или иначе, представляли угрозу их национальным интересам.

В свою очередь ведение борьбы против Швеции за разрешение балтийского вопроса настоятельно требовало решения так называемого крымского и турецкого вопроса или, по крайней мере, нейтралитета этих государств.

В результате Азовских походов 1695–1696 гг. Россия добилась значительных успехов в борьбе против Крыма и Турции. По результатам Константинопольского мирного договора, заключенного Россией и Турцией 3 июля 1700 г., Азов закреплялся за Россией. Унизительная дань крымскому хану отменялась. Днепровские городки подлежали разрушению, а земли, на которых они были расположены, возвращались туркам, но их запрещалось заселять¹. Андрусовское перемирие², а затем «вечный мир» с Польшей позволили русскому правительству перейти к решению других назревших вопросов внешней политики. Аналогичную возможность создавал ранее упомянутый Константинопольский договор 1700 г. Главным направлением русской политики с начала XVIII в. становится борьба за выход к Балтийскому морю, чему упорно препятствовало Шведское королевство.

Кратко характеризуя внутреннее состояние Российского государства, следует отметить, что необходимость широкого спектра реформ обуславливалась не только внешнеполитическими проблемами, но и внутригосударственными. Для решения первостепенных внешнеполитических задач необходимо было иметь сильную и боеготовую армию, создать военно-морской флот, провести ряд других реформ. К концу XVII в. в России насчитывалось около двух десятков мануфактур. Их продукции недоставало даже на удовлетворение государственных потребностей. Из-за границы ввозились железо и медь, ружья и сукна, серебро и олово. Отсталость

промышленного развития дала себя знать в первые же годы Северной войны, когда прекратились торговые связи со Швецией, являвшейся главным поставщиком металла в Россию. В конце XVII в. все имеющиеся в России заводы по выплавке металла в совокупности обеспечивали выплавку примерно 120–150 тысяч пудов чугуна³. А перевооружение армии требовало значительно больше. Для обмундирования и снаряжения солдат и матросов были нужны сукно и кожа. Все это свидетельствует о необходимости усилий, направленных не только на создание боеспособной русской армии, но и на развитие отечественной промышленности.

Очевидно, что строительство заводов и фабрик, появление новых государственных учреждений, создание регулярной армии и флота требовали подготовленных кадров моряков, артиллеристов, инженеров, геодезистов, архитекторов и других специалистов. Несмотря на значительные успехи в области просвещения, науки и техники, Россия к моменту начала проведения важных административных, военных и других реформ не обладала в нужных количествах отечественными кадрами. Для решения этой цели необходимо было открывать учебные заведения различного профиля.

Помимо этого требовались колоссальные затраты людских и материальных ресурсов. Необходимо было развивать экономику государства обеспечивающей развитие промышленности и торговли, а соответственно и экономическую основу проводимых преобразований.

Наряду с вышеизложенными проблемами, характеризующими неудовлетворительное состояние Русского государства в конце XVII – начале XVIII вв., боеспособность вооруженных сил Русского государства в этот период оставалась низкой и не обеспечивала выполнение поставленных перед ними задач.

По перечневой росписи (см. табл. 1) 1681 г. вооруженные силы определялись в 216 000 человек, в т. ч. 85 000 конницы, 81 000 пехоты и 50 000 украинских казаков⁴. При этом роспись не учитывала городских пеших казаков, пеших даточных людей и казаков донских, терских и яицких.

По тем временам эти силы были огромны, и не многие европейские государства располагали подобной послушной, состоящей на постоянном учете и привлекаемой на службу в принудительном порядке в случае военной необходимости силой. Однако качество этих войск оставляло желать лучшего. К концу века в их составе

**Состав вооруженных сил России
согласно перечневой росписи 1681 г.**

Вид войск	Полки иноземного строя	Полки русского строя	Всего
Конница	30 000	55 000	85 000
Пехота	61 000	20 000 (стрельц.)	81 000
Казачи украинские	–	50 000	50 000
Итого	91 000	125 000	216 000
Без украинских казаков	91 000 (54 %)	75 000 (46 %)	166 000 (100 %)

преобладали полки иноземного строя, которые при новом и достаточном, даже излишнем, вооружении устроены были на старых основаниях поместной системы и порядков стрелецких войск и, таким образом, не могли считаться регулярной армией. В мирное время весь войсковой состав распускался по домам и проживал или в поместьях, или в городах. Войска или вовсе не проходили обучения (дворянская конница, казаки, даточные люди), или проходили его в течение очень краткого времени – не более одного месяца в году – да еще под руководством офицеров, большинство из которых были иностранцами, плохо знавшими русский язык и быт солдат, чуждых им.

Безусловно, люди, бывшие то солдатами, то простыми поселянами, оказывали вредное влияние на уровень боеспособности армии. Об утверждении и поддержании твердой воинской дисциплины не могло быть и речи. При малейших неудачах в ходе боевых действий или же при недостатке продовольствия многие солдаты самовольно оставляли свои части и подразделения, другие же нередко гибли от голода и отсутствия необходимого обмундирования в полках.

Азовские походы как первый личный боевой опыт Петра I убедили его в том, что для борьбы с Турцией в первую очередь необходим сильный флот на Черном море и что русская армия, включавшая на тот момент отборные и лучше других обученные войсковые части, с которыми Петр совершил походы под Азов, представляет

собой далеко не ту боеспособную и надежную вооруженную силу, с которой можно приступить к выполнению широких замыслов царя в области внешней политики. Азовские походы ярко подчеркнули недостатки войск старого строя.

Необходимость создания надежных постоянных войск была очевидной. Прежде чем создать по западноевропейскому образцу регулярную армию, царь пожелал лично ознакомиться с западноевропейскими порядками. «Великое посольство» призвано подтвердить прежние дружбу и любовь и – основать союз против турок. В составе посольства царь отправляется в чужие края под скромным именем «Преображенского полка урядника Петра Михайлова». После личного ознакомления с началами военного и государственного устройства в просвещенной Западной Европе, Петр I окончательно убедился в необходимости коренного переустройства вооруженных сил России.

По мнению Петра, первоначально численность вновь формируемых регулярных частей должна была составлять 60 000 человек, которые должны были полностью содержаться за счет государства. 8 ноября 1699 г. обнародован царский указ о первом рекрутском наборе⁵. Так называемые «даточные» люди должны были быть поставлены с определенного числа дворов (100 сох – один ратник). Принимались также и «охочие» люди, с жалованьем по 11 рублей в год на полном казенном содержании⁶.

Кадровым ядром для вновь формируемых регулярных полков служила часть солдат и офицеров двух выборных солдатских полков, а также Преображенский и Семеновский полки. Командирами вновь формируемых пехотных полков были назначены только иностранцы («иноземцы», так их называли в то время). Часть офицерских должностей была укомплектована опять же иностранцами, какая-то часть – русскими дворянами из двух выборных и из Преображенского и Семеновского полков. Но их не хватало для доукомплектования всех офицерских должностей, и поэтому некоторые должности офицеров занимали иностранцы из числа бывших в распоряжении Иноземного приказа и проживавших в Немецкой слободе.

Состав и организационная структура полков, обмундирование, вооружение и снаряжение солдат, продовольственное обеспечение были построены и организовывалось по немецкому образцу. За недостатком ружей, часть пехоты была вооружена пиками. Капралы,

сержанты и нестроевые нижние чины были вооружены пиками и алебардами⁷. Первой форменной одеждой русских солдат стали так называемые «венгерские» кафтаны, напоминающие традиционные русские, длиной до колен и с узкими, ниже локтя рукавами⁸. Первым документом, определившим должности различных чинов в полку и в армии и служившим руководством для устройства первых регулярных полков русской армии, был так называемый «Устав А. Вейде – артикул», который был составлен австрийским генералом на русской службе А.А. Вейде в 1698 г. Известно, что в 1697 г. майор Преображенского полка Адам Вейде был послан в Европу «...для присматривания новых воинских дел и поведений»⁹. А.А. Вейде изучил французскую, нидерландскую, саксонскую и цесарскую армии. Заметим, что в последней А.А. Вейде прошел так называемую «стажировку», приняв участие в битве при Зенте, состоявшейся 12 сентября 1697 г., в которой армия под командованием принца Евгения Савойского одержала победу над турками. По возвращению из заграничной командировки в Россию, А.А. Вейде представил Петру I в 1698 г. доклад о своих наблюдениях, который и принято называть «Уставом Вейде».

Основным видом строя пехотных подразделений был развернутый строй в 6 шеренг. Одновременно с формированием первых регулярных пехотных и драгунских полков шло их обучение. В 1699 г. было составлено наставление по строевой подготовке войск, впервые примененное весной этого года при обучении будущих офицеров и солдат вновь сформированных полков. В следующем году на его основе был разработан текст «Краткого обыкновенного учения», ставшего строевым уставом русской пехоты¹⁰. Значение его состоит в том, что в нем были сформированы основы обучения пехотинцев по применению нового холодного и огнестрельного оружия. При этом ружейные приемы были просты в выполнении, и придавалось большое значение обучению рукопашному бою. Последнее было новшеством, т. к. в Европе основное значение придавалось залповому (а потом прицельному) ружейному огню, а багинет (штык) считался защитным оружием. «Краткое положение о учении конного драгунского строя» стало первым уставом для регулярной русской кавалерии, создававшейся на рубеже XVII–XVIII вв. Оно выполняло для конницы те же задачи, что и «Краткое обыкновенное учение» для пехоты: приучить войска к необходимым перестроениям и правилам боевой стрельбы в линейном боевом порядке.

Многие приемы обоих уставов были аналогичны друг другу, т. к. драгуны обучались бою также в пешем строю¹¹.

Адаму Адамовичу Вейде, произведенному в 1699 г. в генерал-майоры, было приказано обучать солдатскому строю стольников, стряпчих и жильцов.

Автомону Автомоновичу Головину было приказано заниматься обучением строевой службе исключительно офицеров и солдат вновь формируемых полков.

В России «наряд» (артиллерия) достиг довольно высокого уровня развития к концу XVII в. Опираясь на крупные открытия в науке и технике, артиллерийская техника сделала крупный шаг вперед. При отливке орудий стали употреблять в надлежащей пропорции медь, олово и латунь, причем отливка производилась с готовым каналом. Вместо бросания камней из гаубиц стали употреблять картечь. Изменения в области артиллерийской техники и ее совершенствование ускорили процесс развития и становления артиллерии как рода войск. Возросли огневая мощь, разрушительное действие ее огня, что находилось в прямой зависимости от совершенствования форм и способов ее боевого использования. Важнейшее значение для русской армии имело введение полковой артиллерии в солдатских полках и стрелецких приказах и конной полковой артиллерии в драгунских полках. В результате техническая оснащенность войска значительно повысилась.

Общая численность артиллерийских орудий в России в конце XVII в. составляла порядка 4000. Соотношение артиллерии с другими родами войск можно оценить по этому показателю в начале Северной войны, при осаде Нарвы в 1700 г. На каждую тысячу человек пехоты приходилось примерно 4 орудия¹².

Наряду с богатыми традициями в деле производства орудий и в боевом использовании артиллерии, в артиллерийском и инженерном деле было еще много архаичного и отсталого, что тормозило их дальнейшее развитие. Самое главное заключалось в том, что артиллерия, по существу, еще не стала родом войск и продолжала сохранять все черты старинного ремесленного цехового устройства. Ее личный состав – пушкари, затинщики¹³, воротники¹⁴ – составляли своеобразное замкнутое сословие, в котором права и обязанности передавались по наследству от отца к сыну. Жили они в Москве в особой Пушкарской слободе. Кроме службы при орудиях и городских воротах, они занимались развозкой пороха, использовались на

посылках, служили писарями в съезжих избах и так же, как и стрельцы, занимались различными, не связанными с обслуживанием артиллерии, ремеслами и торговлей.

Помимо пушкарей и затинщиков, имевших непосредственное отношение к боевому обслуживанию артиллерии, в ведомстве артиллерии состояли различного рода работники «различных художеств». Это были мастера и подмастерья: пушечные, кузнечные, векошные (блоковые), колокольные, плавильные, паникадильные, токарные, оружейного дела, меховые, шорные, пороховые, селитряные, котельные. К ним также принадлежали плотники, литцы, чертежники, паяльщики, станочники, резчики, столяры, плотники, печники, колодезники, плотильщики, фитильные варельщики, бочкары и др.¹⁵

Ведомство артиллерии, которое именовалось до 1701 г. Пушкарским приказом¹⁶, по своей деятельности и многообразию функций было весьма сложным военным и административно-хозяйственным организмом. Перед приказом часто вставали сложные технические проблемы, решение которых требовало особых, специальных знаний, основывающихся на данных науки, и, конечно, высококвалифицированного руководства. А между тем, во главе Пушкарского приказа стояли люди, которые ничего общего с артиллерийским делом не имели и занимали этот высокий пост в силу местничества, по родовому признаку. Известный русский исследователь истории артиллерии Н.Е. Бранденбург приводит список лиц, начальствовавших над Пушкарским приказом с 1611 по 1694 гг., принадлежавших к числу таких крупнейших русских бояр, как князя Долгорукие, Голицыны, Мезецкие, Одоевские, Ромодановские, Урусовы и др.¹⁷.

Важную роль в администрации приказа играли дьяки. Если руководители приказа – представители крупных боярских родов – часто менялись, то дьяки выполняли свои обязанности в течение длительного времени, часто пожизненно и, конечно, в деле административного руководства делами приказа приобретали большой опыт и сноровку. Однако и они не имели специального образования, необходимого для технического, квалифицированного руководства, и среди них очень редко встречались деятели, подобные Анисиму Михайлову Радишевскому, автору знаменитого «Устава ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки»¹⁸, или Андрею Виниусу, который в звании «надзирателя артиллерии» руководил приказом с конца 1700 до 1703 гг.

Вместе с тем, артиллерия имела и ряд недостатков, не способствующих укреплению боевой мощи русской армии. На вооружении имелось множество орудий различного калибра со сложной и недостаточно качественной материальной частью. Личный состав, обслуживающий артиллерию, не обладал необходимыми техническими знаниями для эффективного ее использования в боевых условиях. Артиллерия, при затруднительных способах перевозки и многочисленных обозах, была обременительной «ношей» и тягостью для полков.

Вот лишь некоторые факты, подтверждающие вышесказанное и связанные с использованием артиллерии в начальный период Северной войны. Для осады Нарвы в 1700 г. была собрана артиллерия из Новгорода, Пскова и других городов. Приведенные ниже данные красноречиво показывают весь хаос, существовавший в русской артиллерии конца XVII – начала XVIII вв. Тут были орудия всех времен и всех калибров. Материальная часть была в жалком состоянии. Кроме 50 сравнительно легких 3-фунтовых пушек¹⁹, которые тогда уже назывались полковыми и находились при войсках, в русской армии было около 100 орудий разных родов и калибров, привезенных водою. Среди них было четыре 30- и 48-фунтовые пушки, двадцать шесть 18- и 24-фунтовых²⁰, тридцать три 6- и 12-фунтовых²¹, двадцать пять 80- и 120-фунтовых мортир и одна 40-фунтовая гаубица. В этом числе были и артиллерийские пищали²², причем некоторые из них были отлиты еще в 1590 г.²³ Заметим еще, что указанные выше 3-фунтовые полковые пушки были подарены нам шведами. Когда на военном совете 6 ноября 1700 г. приняли решение о пробивании бреши, то по данным, представленным артиллерией, оказалось, что ядер и пороху мало. Из мортир можно было стрелять только камнями, потому что не было бомб, их калибру соответствующих. Снаряды для пушек не соответствовали калибрам: с трудом можно было откалибровать кружалами хотя по 100 ядер на орудие. Станки у этих орудий были неисправны и скоро разрушались от стрельбы²⁴. Итог Нарвской кампании для артиллерии печален. Большинство орудий досталось шведам в качестве трофеев. Из бывших под Нарвою 145 орудий уцелели – и отступавшие войска взяли их с собой – всего лишь 12 орудий²⁵.

Что же касается противника, то приведем некоторые любопытные сведения, характеризующие состояние шведской армии на момент начала Северной войны. Общая численность армии равнялась

144 тысячам человек²⁶. На каждую тысячу пехоты приходилось по два-три орудия полевой артиллерии (напомним, что в русской армии этот показатель составлял 4 орудия). Особое внимание уделялось строительству укреплений и вооружению артиллерией приморских крепостей в восточной части Балтийского моря. К моменту осады русскими войсками Нарвы уже в 1704 г., в ней находилось 623 орудия, в Риге – 640 – и в Выборге – 151²⁷.

Необходимость развития и укрепления инженерной составляющей в ходе ведения боевых действий диктовало уже само обслуживание артиллерии, которое потребовало осуществления целого комплекса специальных инженерных работ, как, например: строительство артиллерийских полигонов для испытания новых типов орудий и проведения практических стрельб; выбор места и оборудование боевых позиций артиллерийских батарей, особенно батарей тяжелой осадной артиллерии. Значение инженерного элемента в военном деле усиливалось также в связи с развитием огнестрельного оружия, возрастанием его огневой мощи и изменением тактики вооруженной борьбы. Рост огневой мощи артиллерии, возрастание разрушительного действия ее огня обусловили необходимость выполнения специальных инженерных мероприятий по защите войск на поле боя, осуществления большого комплекса инженерных работ в период осады и штурма крепостей; совершенствования методов крепостного строительства.

В заключение отметим, что мероприятия по созданию регулярной русской армии, начатые в конце 1699 – начале 1700 гг., были прерваны начавшейся войной со Швецией. Несмотря на эти обстоятельства, новые полки были выдвинуты к Нарве, за некоторым исключением плохо обученные, без достаточного продовольственного обеспечения, с большими обозами. О какой-либо готовности к ведению боевых действий вновь сформированных пехотных и драгунских полков не могло быть и речи из-за малого времени обучения и халатного отношения к своим обязанностям некоторых офицеров. Тем более что в офицерских кадрах ощущался острый недостаток.

Все это и ряд других причин привело к известной «нарвской конфузии» русской армии. После поражения под Нарвой нужно было приводить в порядок полки пехоты, формировать новые драгунские полки, восстанавливать потерянный парк артиллерийских орудий.

Поражение под Нарвой в ноябре 1700 г. явилось своеобразным поворотным моментом в истории русской артиллерии и инженерного дела. В результате этой серьезной неудачи русской армии в самом начале войны со Швецией правительству Петра I пришлось срочно решать вопросы не только восстановления утерянной материальной части артиллерии, но и формирования артиллерийских штатных боевых подразделений и начала подготовки национальных офицерских кадров для них. Новая артиллерия, созданная Петром I в начале XVIII в., уже не только не уступала иностранной, но во многом даже превзошла ее.

По существу, уже в период осады Нарвы, в процессе инженерного обеспечения боевой деятельности русского осадного корпуса, четко выявились основные направления и специализация инженерных работ и, в соответствии с этим, формировались и действовали первые команды будущих русских инженерных войск, такие как минерная, инженерная и понтонная, которые затем и были включены в состав формируемого полка полевой, или, как тогда называли, «напольной», артиллерии.

Эти обстоятельства дали Петру много материала для раздумий и поиска путей к коренной перестройке всего артиллерийского и инженерного дела, изменения самого отношения к проблемам инженерного искусства, которое под названием инженерства прочно вошло в петровскую терминологию.

Азовские походы и поражение русской армии под Нарвой наглядно продемонстрировали многие недостатки русской артиллерии и инженерного дела и тем самым показали их исключительную важность для успеха боевых действий войск.

Качество вооружения, уровень квалификации артиллеристов и специалистов инженерного дела не соответствовал требованиям времени. Необходимо было наладить систему подготовки кадров, создания высокотехнологичного производства вооружения и военной техники. И здесь без формирования государственной системы образования Россия уже не могла обойтись.

¹ Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. (ПСЗ). СПб., 1830. Т. 4 (1700–1712). С. 66–72.

² Мирный договор, заключенный между Россией и Польшей в апреле – мае 1686 г., подписанный в местечке Андрусове (сейчас территория Смоленской обл.) – см.: ПСЗ. Т. 2 (1676–1688). С. 770–786.

- ³ История отечественной артиллерии. Т. 1. Кн. 2. М., 1960. С. 7.
- ⁴ Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук (СПбФА РАН). Ф. 934. Оп. 1. Д. 25. Л. 1–1 об.
- ⁵ В начале XVII в. Швеция первым из европейских государств приступила к комплектованию армии рекрутами и добилась значительных успехов в борьбе с наемными армиями других государств (см. Андерсон И. История Швеции. М., 1951. С. 183).
- ⁶ История русской армии в 7 т. Т. 1. СПб., 2003. С. 106.
- ⁷ Алебарда (нем. Hellebarde) – древковое холодное оружие с комбинированным наконечником, состоящим из игольчатого (круглого или граненого) копейного острья и лезвия боевого топора с острым обухом.
- ⁸ Кафтаны европейского покроя появились в русской армии в 1702 г.
- ⁹ Цит. по: Военные уставы Петра Великого. Сб. док. М., 1946. С. 3.
- ¹⁰ Русская военная мысль, XVIII век. Сб. / Сост. В. Гончаров. М., 2003. С. 9.
- ¹¹ Там же. С. 10.
- ¹² История отечественной артиллерии. Т. 1. Кн. 2. С. 13.
- ¹³ «Затинщики при пищалях» – обслуживали малокалиберные орудия, стрелявшие пулями. Во время стрельбы они находились за оборонительной оградой, «тыном».
- ¹⁴ Воротники обслуживали и охраняли городские ворота.
- ¹⁵ В документах Архива ВИМАИВиВС имеется много перечневых ведомостей мастеровых людей Пушкарского приказа с указанием размера получаемого ими годового жалованья (Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 32. Л. 592–609); Бранденбург Н.Е. Материалы для истории артиллерийского управления в России. Приказ артиллерии (1701–1720). СПб., 1876. С. 208, 450–453.
- ¹⁶ С 26 мая 1701 г. – Приказ артиллерии (История отечественной артиллерии. Т. 1. Кн. 2. С. 46).
- ¹⁷ Брандербург Н.Е. 500-летие русской артиллерии. СПб., 1889. С. 4. Прим. 9.
- ¹⁸ «Устав ратных, пушечных дел, касающихся до воинской науки», состоящий в 663 указах или статьях... Напечатан с рукописи, найденной в 1775 г. в Мастерской и Оружейной палате в Москве. СПб., 1777–1781. Ч. 1– 2.
- ¹⁹ Маленькая пушка, стрелявшая ядрами весом около 1,5 кг и имевшая калибр (в современном понимании) около 76 мм.
- ²⁰ Пушки, имевшие соответственно калибр 137 и 152 мм.
- ²¹ Пушки, имевшие соответственно калибр 96 и 120 мм.
- ²² Словом пищаль также именовали пушки. Различали разнообразные виды пищалей-орудий: крепостные, осадные, стенобитные, полковые, полевые; железные, стальные, медные, бронзовые, чугунные. В качестве снарядов использовались преимущественно железные или чугунные ядра (для ручных пищалей – пули).
- ²³ Нилус А. История материальной части артиллерии. СПб., 1904. С. 53.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ История русской армии в 7 т. Т. 1. С. 123.
- ²⁶ Порфирьев Е.И. Петр I – основоположник военного искусства русской регулярной армии и флота. М., 1952. С. 117.
- ²⁷ История отечественной артиллерии. С. 82.

В.А. Бобков (Брянск)

**ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЕ
СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ
С ИНОСТРАННЫМИ ГОСУДАРСТВАМИ
В ОБЛАСТИ ПРОИЗВОДСТВА АРТИЛЛЕРИИ
В НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ обозначился интерес к исследованию истории военно-технического сотрудничества России с иностранными государствами. Об этом свидетельствуют появившиеся исследования и научные публикации¹. При этом сотрудничество России с иностранными государствами в области производства артиллерии в начале XX в. не становилось темой отдельного научного анализа.

В конце XIX в. арсеналы военного ведомства России из-за отсутствия инвестиционных средств на их техническое оснащение переключили на вспомогательное производство. В итоге в начале XX в. потребности России в артиллерийском вооружении покрывали и за счет деятельности частных отечественных предприятий, и заказов за границей. Так, заказ военного ведомства на изготовление лафетов к 3-дм пушкам в 1903 г. выполняли различные предприятия. Требовалось «всего 987 лафетов ... Из этого числа лафетов 400 включены в наряд на 1903 г. местным арсеналам (Петербургскому, Киевскому и Брянскому), а 587 лафетов должны быть заготовлены путем заказа их на других заводах, не принадлежащих артиллерийскому ведомству. ... Комиссия по перевооружению полевой артиллерии обратилась с запросами относительно поставки лафетов к следующим заводам: Обуховскому, Путиловскому, С.-Петербургскому металлическому, заводу Нобеля, Александровскому, Франко-Русскому и Брянскому рельсопрокатному и железоделательному заводу»².

В начале XX в. правящие круги осознавали сложности заготовки артиллерии для армии России. 24 июля 1901 г. провели 1-е совещание Комиссии при Государственном контроле под председательством генерал-контролера департамента военной и морской отчетности А.В. Васильева для выяснения вопросов об удовлетворении потребностей военного и морского ведомств в артиллерийских орудиях. Цель «совещания – это устранить необходимость в заграничных заказах, для чего и необходимо установить планомерность в заготовлении предметов артиллерийского вооружения»³.

В феврале 1901 г. в Комитете министров неоднократно обсуждали «вопрос о правительственных заказах за границую и об ограничении их случаями самой крайней необходимости», в результате утвердили ряд позиций⁴.

Из документов становится понятно, что отсутствовала целостность в контроле за иностранными поставками. Так, из распоряжения военного министра от 14 февраля 1901 г. следует, что «С.Ю. Витте заявил вчера в Комитете министров, что наши сведения об иностранных заказах совершенно неверны, что в действительности мы заказываем в скрытом виде гораздо более»⁵. В результате была создана комиссия по проверке заявления Витте. Комиссия «пришла к странному выводу, что у нас только 30 % русского производства заказов по металлургической части, остальное – иностранного»⁶.

Последующие комиссии поднимали различные вопросы. Так, выделили две группы заграничных заказов. К первой группе отнесли «те предметы, которые, вследствие неизготовляемости их в России, могут быть заказываемы за границей, ко второй группе – те, заказ коих за границей может быть произведен условно, т. е. в том только случае, если, несмотря на вызов русских фирм, ни одна из них не соглашается выполнить предлагаемый заказ»⁷. Подобных мер было недостаточно. «Неспособность правительства решить вопрос о боевом снабжении армии приводила к заграничным заказам»⁸.

В начале XX в. артиллерию по заказам Главного артиллерийского управления (ГАУ) производили частные заводы, подчас с привлечением иностранных инвестиций. Такая ситуация как временная устраивала ГАУ, т. к. в случае взвинчивания цен частными производителями внутри России военное руководство «прибегало к переговорам о самой возможности заказов за границей ... с целью добиться понижения цен на изделия отечественных заводов»⁹.

Генерал-адъютант Куропаткин писал после русско-японской войны, что «наша неготовность к войне была вызвана недостаточным отпуском средств на военное дело»¹⁰. В ответ на заявление Куропаткина, Витте, занимавший пост министра финансов России, сравнил бюджетные расходы России, Франции, Германии, Австро-Венгрии и Италии. Вывод был следующим: «По произведенным затратам на военную оборону государства и по росту этих затрат Россия не только не отстает от других европейских государств, но занимает среди них первенствующее место»¹¹. Так, в 1901 г. на армию и флот в России потратили 451,8 млн. руб., а в Германии – 453,3 млн. руб. В 1906 г. затраты России составили 528,5 млн. руб., а Германии, ненамного отстававшей, 477,9 млн. руб.¹² Сравнительные данные, приведенные Витте по другим странам, свидетельствуют о том же. При этом необходимо помнить, что Россия обладала значительной территорией и ее армия и флот были рассредоточены по ней. Все это, как и ряд других факторов (например, суровые зимы, затраты на русско-японскую войну и т. д.), вызывали значительный рост финансовых расходов, не приводя к пользе дела. Вместе с тем, необходимо подчеркнуть вклад Витте в развитие экономики государства. Его реформа стабилизировала финансы, «что способствовало интеграции страны в мировую экономическую систему, притоку иностранных инвестиций и ускорению индустриально-капиталистической модернизации»¹³.

Данные свидетельствуют о желании военного министерства развивать военную промышленность, но его тормозили ввиду нехватки финансовых средств. В.Н. Коковцов так охарактеризовал период с 1904 по середину 1907 гг.: период был занят сначала русско-японской войной, а затем революционным движением 1905–1906 г., в эту пору нельзя было думать о какой-либо созидательной политике¹⁴. Крупный советский историк социально-экономической истории России конца XIX – начала XX вв. А.Л. Сидоров указывал на открытое невнимание со стороны министерства финансов к выделению средств на преобразование артиллерии. «В 1905 г. Артиллерийское ведомство разработало программу развития артиллерии, осуществление которой требовало огромных единовременных затрат в 896 млн. рублей и ежегодных затрат по 42 млн. рублей. ... Коковцов назвал требования артиллеристов сумасбродными»¹⁵.

Вместе с тем с конца 1907 г., по периодизации Коковцова, начинается новый период развития России. Расходы выросли в «небывалых

до того размерах по всем отраслям государственной жизни», соответственно росли расходы и на оборону¹⁶.

В начале XX в. Россия заключила межгосударственные договоры с Англией, Германией, Францией и другими странами по широкому кругу вопросов, в том числе и сотрудничеству в военной сфере. Велись переговоры и раньше. Так, из письма министра иностранных дел России Гирса послу России в Париже Моренгейму, датированного еще августом 1891 г., следовало, что Россия и Франция пришли к следующему: «Если бы одна из двух сторон оказалась под угрозой нападения, обе стороны уславливаются договориться о мерах, немедленное и одновременное проведение которых окажется в случае наступления означенных событий настоящим для обеих»¹⁷.

Активность России в области военно-технического сотрудничества с иностранными государствами привела к тому, что в начале XX в. ее партнерами были: «Германия, Франция, Великобритания, США, Австро-Венгрия, Болгария, Сербия, Черногория, Япония, Китай, Монголия и др.»¹⁸ При этом, как отмечает в заключении к своей диссертации М.А. Капаев, «до 96 % всех зарубежных инвестиций в России приходилось на 4 европейские страны: Францию, Германию, Англию и Бельгию»¹⁹.

В начале XX в. иностранные капиталы развивали российское артиллерийское производство. Одну из ведущих позиций заняла Англия, поставляя «до 48 % полученных из-за границы артиллерийских орудий, а если брать только тяжелую артиллерию, то она составила 2/3 от всего количества»²⁰.

В силу стратегической значимости и роли артиллерии в обороноспособности государства, вокруг потребности правительства России в этом виде вооружения, по словам В.И. Бовыкина, завязалась «схватка». Так, в жесткой конкуренции ряда сторон в 1913 г. учредили Русское акционерное общество артиллерийских заводов. Большое финансовое участие в обществе приняла английская компания Виккерс²¹.

История военно-технического сотрудничества России в начале XX в. вызывает интерес и у экономистов²². Исследования подтвердили, что английские предприниматели уверенно чувствовали себя в России. «Первоочередной задачей “группы Виккерс” явилось сооружение в г. Царицыне (ныне Волгоград) крупнейшего в Европе завода по выпуску морских и береговых артиллерийских орудий»²³.

Иностранные компании предлагали взять под управление и существующее артиллерийское производство. Так, накануне Первой мировой войны такие заявления касались судьбы Пермского пушечного завода²⁴. Помимо прочих английских технологий Россию заинтересовало производство «милвольских щитов», «стрингеров Хьюза» (так называли изготовленные Д. Хьюзом лафеты для морских пушек). В результате в Англию для переговоров, касающихся перевооружения Балтийского флота, отправили русских инженеров генерала Томибена и полковника Герна²⁵.

При всей важности военно-технического сотрудничества с Англией, у России были и другие, не менее солидные партнеры. В полном смысле это относится к Франции, являвшейся исторически во многом передовым государством в области постановки артиллерийского производства. Для России такое положение дел было выгодно, т. к. из всех предложений выбрали лучшее. Так, «Путиловский завод за сравнительно короткий период занял лидирующее место в проектировании и разработке, опытно и валовом производстве практически всех типов полевой и горной артиллерии, от легких пушек до гаубиц. Этому во многом способствовали достигнутые в 1904 г. производственные соглашения с фирмой Шнейдер (Франция), а в 1907 г. и с конкурентом Шнейдера – заводами Круппа. Кроме этих соглашений, Путиловский завод был связан с английской фирмой Армстронг в производстве минных аппаратов и французской фирмой Гольцер – в бронебойных снарядах. Подобные соглашения имели и другие заводы: Франко-Русский с французской Шатильон-Коммантри, Александровский сталелитейный с германским Эрхардтом, завод Лесснера с австрийским Уайтхедом»²⁶.

До начала войны Россия сотрудничала и с Германией. «В начале XX в. германские капиталы находились на третьем месте среди иностранных вложений в промышленности России после капиталов Великобритании и Франции»²⁷.

Накануне войны в 1909–1913 гг. были проведены мероприятия по реформированию армии. Хотя реализацию программы преобразований остановила война, но армия была укреплена, частично усилена и артиллерия²⁸. Финансовые средства от иностранных государств оживили работу промышленных предприятий России. Несмотря на активность иностранцев в области развития производства артиллерии в России, к началу I Мировой войны отечественная

военная промышленность в целом была не подготовлена. В 1914 г. «артиллерия немцев была могущественнее»²⁹.

Обострение международных отношений, вызванное балканскими войнами, послужило основанием для увеличения армий в главных странах Европы. Первый шаг сделала Германия, за ней – Австро-Венгрия³⁰. Это встревожило потенциальных союзников – Россию и Францию. С началом войны военно-технические контакты с Германией и ее союзниками были свернуты.

Первая мировая война началась 28 июля 1914 г. В течение недели с момента объявления Австро-Венгрией войны Сербии в нее втянулись почти все великие державы Европы, не стала исключением и Россия.

По признанию военного министра Поливанова, России недоставало тех видов промышленности, «которые изготовляют предметы артиллерийского снабжения»³¹. Не случайно у России в момент ее вступления в Первую мировую войну было всего лишь 7088 орудий всех калибров против 13 476 орудий, которыми располагала австро-германская армия. Русские артиллерийские заводы выпускали преимущественно легкие орудия – 3-дм пушки, 48-мм полевые гаубицы, 57-мм канонерные, горные полевые пушки. Тяжелых орудий не хватало. Против 1396 тяжелых орудий, с которыми начала войну австро-германская армия, русская армия имела всего лишь 240³². Сложное положение дел с комплектованием тяжелой артиллерией подтвердил Бескровный, указав, что «фактически русская армия вступила в войну без тяжелой артиллерии, в то время как армии Германии, Австро-Венгрии располагали ею»³³.

С началом мировой войны актуальность военно-технического сотрудничества с иностранными государствами усилилась. В силу географической близости важным военно-техническим союзником России была Франция. При этом во Франции в начале войны не все обстояло благополучно. Военный агент во Франции А.А. Игнатьев отмечал, что на заводе «Крезо» еще существовали устаревшие прокатные прессы с откатом на холостом ходу. Первокласные рабочие, образованные инженеры – и наряду с этим устарелое оборудование, грязь в цехах и во дворах – вот картина главного военного завода Франции перед войной. В начале войны во Франции возвращали «с фронта необходимых инженеров и квалифицированных рабочих»³⁴. В декабре 1914 г. мобилизованные казенные заводы и арсеналы оставили «далеко позади обычные нормы». Что

касается России, писал Игнатъев: «Там ни о какой мобилизации промышленности еще не думали»³⁵.

Игнатъев считал, что из-за слабости русской военной промышленности и не без материальной заинтересованности некоторых лиц, программы вооружений передавали для выполнения не русским, а заграничным заводам. Так, перед войной на заводе «Шнейдер-Крезо» разместили заказы на изготовление одиннадцатидюймовой русской полевой мортиры³⁶. Подобные оценки присутствуют и в современной историографии, так, А.В. Ошарин указывает, что в начале XX в. в России тема «продажности военных чинов, которые отдают иностранным группам предпринимателей миллионные заказы за взятки, зазвучала со всей настойчивостью»³⁷.

Коррупция вокруг производства артиллерии не являлась исключительно пороком России. Злоупотребления в правительствах и военном командовании были и в других государствах. Так, с началом войны во Франции, как и в России, возникли сложности с производством артиллерийских снарядов. 11 ноября 1914 г. с компанией «Электрическое освещение», которой руководил скандально известный Луи Лушер, заключили сделку «на производство 600 тыс. 75-мм артиллерийских снарядов. Пикантность ситуации состояла в том, что у компании не было ни одного станка для их производства. Но государство дало Л. Лушеру ссуду в 420 тыс. франков, а затем еще в 1 млн. 260 тыс. франков для закупки оборудования»³⁸.

Перед началом мировой войны Россия заготовила 7005 тыс. снарядов и в основном израсходовала их в сражениях 1914 – начала 1915 гг. Сложности с изготовлением артиллерийских снарядов выходили на первый план. В частности, для восполнения расхода в течение 5 месяцев 1914 г. было произведено всего 656 тыс. снарядов. Поэтому во время отступления из Галиции «граду снарядов германского барабанного огня мы могли противопоставить в среднем только 5–10 выстрелов на легкую пушку в день»³⁹. «У русских приказано было беречь каждый выстрел. Дневной расход в 3-й армии был установлен для гаубичной батареи в 10 выстрелов, т. е. по 1 2/3 выстрела на гаубицу»⁴⁰.

Это требовало от руководства ГАУ принятия чрезвычайных мер. В начале века снаряды изготовляли семь казенных и десять частных заводов: Олонецкий, Баранчихинский, Саткинский, Кушненский, Верхне-Туринский, Пермский, Златоустовский, Сормовский,

Лиль поп - Рау, Радзский, Русское общество по изготовлению снарядов, Петроградский механический, Брянский, Лесснера, Николаевский, Путиловский и Петроградский металлический⁴¹.

В этих тяжелых условиях за решение проблемы снарядного голода в России взялся генерал-майор Семен Николаевич Ванков, который был опытным военным руководителем. В 1894–1897 гг. он возглавлял окружной артиллерийский арсенал в Ташкенте. С 1897 г. его судьба связана с Хабаровском⁴², где Ванкова назначили начальником Хабаровской окружной артиллерийской мастерской⁴³. С 23 марта 1909 г. Ванков являлся командиром Хабаровского окружного арсенала⁴⁴.

В конце 1913 г. Семен Николаевич получил назначение в Брянский арсенал. Под его руководством здесь находились талантливые инженеры-артиллеристы: помощник генерал-майор А.Н. Лукашов, и. д. старшего техника гвардии полковник Н.Г. Высочанский, и. д. старшего техника гвардии капитан Г.П. Кузмин-Караваев, и. д. старшего механика инженер-технолог А.П. Чижевский⁴⁵. Именно им пришлось решать под руководством Ванкова проблему снабжения русской армии снарядами. Об уровне научной подготовки этих офицеров свидетельствует пример Высочанского, который являлся автором многочисленных статей о свойствах металлов. Высочанский переводил их на французский язык и печатал в парижском журнале «Ревю де металлуржи». В России его статьи публиковались гораздо реже, чем во Франции⁴⁶. В частности, в Артиллерийском журнале в 1914 г. выходит его заметка по поводу статьи Д.К. Чернова о выгорании каналов в стальных орудиях⁴⁷.

Знаменитый ученый Чернов писал, что «в русской литературе этот вопрос не разработан»⁴⁸. В 1898 г. в Англии Робертом-Остеном разрабатывалась эта тема, доклад был сделан в Стокгольме на митинге института железа и стали. В нем сосредоточивалось внимание на термохимических, технических, механических и структурных явлениях, и вовсе не рассматривались физико-геометрические явления, играющие главнейшую роль в данном вопросе⁴⁹. Следовательно, инженер-техник Брянского арсенала Высочанский был первопроходцем.

«В начале января 1915 года Великий князь Сергей Михайлович, председатель Особой распорядительной комиссии артиллерии, срочно вызвал С. Ванкова в Петроград из Брянска, где он работал. Великий князь признал положение с трехдюймовыми снарядами

угрожающим и поручил Ванкову немедленно провести ревизию Путиловского завода (около 15 тысяч рабочих), чтобы выявить причины падения производства и выработать меры его решительного подъема»⁵⁰. Для ликвидации снарядного голода было решено использовать опыт Франции.

В аналогичном положении относительно снарядов, как Россия, оказалась осенью 1914 г. и Франция. «Но после боев на Марне французы быстро оценили положение и приняли без всякого замедления решительные меры к предотвращению снарядного кризиса, и уже к концу 1914 г. вся металлическая промышленность Франции была поставлена на ноги. Быстро была разработана и проведена в жизнь оригинальная система “Технической мобилизации”»⁵¹. К сожалению, опыт зарубежных стран не всегда мог быть полезен России⁵².

В 1915 г. в Петроград под начальством майора Пио приезжают французы для оказания технической помощи по изготовлению цельнокорпусных гранат⁵³. Французов передали Ванкову, под руководством которого при ГАУ была создана специальная организация по изготовлению снарядов. Первый вопрос, который надо было решить – это определить возможность применения французских способов изготовления снарядов в русской частной промышленности, т. к. французская граната существенно отличалась от нашей. Опыты провели «в Брянском арсенале и на нескольких московских заводах»⁵⁴.

На первоначальном этапе попытки наладить производство снарядов по «французскому образцу» терпят неудачу. Ванкова это не остановило, он поручает Высочанскому «экспериментальный выпуск снарядов в Брянском арсенале»⁵⁵. В результате внедрения несколько измененной «французской технологии» успех был достигнут. Высочанского назначили заместителем по технической части уполномоченного ГАУ по производству снарядов по французскому образцу. Испытание изготовленных образцов гранат стрельбой было результативно. После этого Артиллерийский комитет ГАУ дал окончательные чертежи и технические условия на изготовление всех частей гранаты⁵⁶. Организация Ванкова была «значительным по результатам деятельности “спутниковым” подразделением Особого совещания по обороне»⁵⁷. В Москве и Подмоскowie на организацию работало около 100 заводов и мастерских. Здесь в различное время изготавливалось от 32 до 42 % трехдюймовых

снарядов, от 19 до 32 % запальных стаканов и от 30 до 55 % детонаторных трубок⁵⁸.

К концу 1916 г. организация объединила 300 предприятий⁵⁹. Заводы составляли 7 районов: Московский, Одесский, Киевский, Южный, Тамбовский, Петроградский и Ярославский. Заводы делились на группы: 1-я и 2-я группы изготавливали стаканы для гранат 76-мм и других орудий, 3-я – взрыватели, 4-я – детонаторные трубки, 5-я производила снаряжение стаканов⁶⁰.

Организационная архитектура производства снарядов в России напоминает элементы «технической мобилизации» Франции. Сущность французской модели как раз и «состояла в том, что вся мелкая и средняя промышленность была разделена на округа и разгруппирована около крупных и мощных заводов, на кои возложено было техническое и хозяйственное руководство образованными таким образом группами заводов»⁶¹. В России в организационное единство систему производства артиллерийских выстрелов приводил Ванков. В результате поступление в армию снарядов русского производства в 1915 г. по сравнению с 1914 г. увеличилось в 6 раз, в 1916 г. – в 12 раз. В целом, отечественные артиллерийские заводы смогли покрыть потери в артиллерии и дали возможность удвоить артиллерийский парк армии⁶².

Благодаря деятельности Ванкова «с сентября 1915 г. по ноябрь 1917 г. выпущено 12 000 000 корпусов 3-дм гранат. С февраля 1917 г. производительность начинает падать и приходит к нулю в конце 1917 г.»⁶³

После окончания I Мировой войны Ванков объяснил необходимость постановки производства снарядов по французскому образцу на русских заводах. Ванков писал: «Наши союзники – англичане и французы – сами испытывали большой недостаток в боевом снабжении, т. к. их промышленность не успевала удовлетворить нужды их действующей армии, то ясно, что они не могли помочь боевым артиллерийским снабжением нам»⁶⁴.

В своей работе Ванков опирался на помощь со стороны технических специалистов, находящихся под его командованием в Брянском арсенале. Этот факт подтверждает серьезную техническую подготовку специалистов казенных арсеналов военного ведомства России. Вплоть до середины 1917 г. Ванков предписывал специалистам для несения службы поступать в управление уполномоченного ГАУ по изготовлению снарядов французского образца⁶⁵.

Помимо технических специалистов из Брянского арсенала Ванков привлекал к работе административных служащих. Так, приказом генерала-майора Ванкова по Брянскому арсеналу № 84 от 23 марта 1917 г. смотрителя зданий арсенала, титулярного советника Шевченко командировали в Москву, в управление уполномоченного ГАУ по заготовлению снарядов французского образца⁶⁶. Приказом по Брянскому арсеналу № 116 от 21 апреля 1917 г. в Москву командировали делопроизводителя строительного отдела прапорщика Попова⁶⁷.

Важность работы Ванкова подчеркивает и тот факт, что снаряды из Японии, Соединенных Штатов, Англии и Франции, «...чтобы достичь русской пушки, ... в среднем проделывали путь в шесть с половиной тысяч километров»⁶⁸.

В начале XX в. военно-техническое сотрудничество России с иностранными государствами развивалось и по ряду иных направлений. Так, к работе в военной промышленности России привлекали специалистов из-за рубежа. Тесные экономические контакты в конце XIX – начале XX вв. были у России с Бельгией. В 1880–1900 гг. в России функционировало 147 бельгийских предприятий, в том числе и оружейных. Значительной статьёй бельгийского экспорта было оружие⁶⁹.

В 1915 г. со стороны бельгийского правительства поступило «предложение о командировании в Россию инженеров и рабочих с оружейных и орудийных заводов Бельгии для содействия по изготовлению военных припасов»⁷⁰.

Особое совещание посчитало, что бельгийские техники, опытные руководители помогут открыть новые пути в развитии отечественного производства, и приняло предложение бельгийского правительства⁷¹.

Переправкой в Россию бельгийцев занимался Игнатьев. При этом, по сведениям ГАУ, о работоспособности бельгийских рабочих существовало невыгодное мнение. Так, «указывалось на малую их приспособленность к нашим работам, крайне слабую техническую подготовку, были даже отдельные случаи, указывающие на плохую нравственность некоторых бельгийцев»⁷². Но ГАУ надеялось, что со временем мнение об этих специалистах изменится, т. к. они приспособятся к условиям производства на наших заводах. Бельгийцев для работы в России продолжали переправлять, несмотря на сложности и расходы. Как сообщал в донесении 15 января 1916 г.

Игнатьев, «вследствие прекращения сообщения на Архангельск и необходимости отправить бельгийских рабочих одиночным порядком через Швецию», расходы возрастали, и требовался «кредит около 200 000 франков»⁷³.

Российская военная промышленность во время войны остро нуждалась в квалифицированных работниках. В связи с этим поднимали вопрос об использовании «военнопленных для нужд предприятий, обслуживающих артиллерийское ведомство». В 1916 г. штаб Московского военного округа с согласия Главного управления Генерального штаба практиковал использование военнопленных австрийской армии для нужд военной промышленности. Время показало, что это не самый лучший вариант. Так, начальник Брянского арсенала 15 июля 1916 г. в рапорте № 58 в ГАУ сообщает: «Военнопленных для производства строительных и хозяйственных работ в арсенале не требуется. Что же касается для работ по технической части, то назначение хороших мастеров было бы желательно», но с этой стороны является неоправданным. «Ввиду сего, я прошу, вместо военнопленных назначить в арсенал мастеровых из числа нижних чинов ... хотя бы из ратников ополчения старших сроков, которые для строя мало пригодны»⁷⁴.

Оправдались и худшие опасения относительно способностей работников из Бельгии. К примеру, начальник бельгийского отряда в Брянске капитан Налин решил: рабочих-соотечественников, «совершенно не удовлетворяющих своему назначению» по результатам труда, отправлять на родину, а также «понижать положенное по контракту и конвенции жалованье тем из них, которые не вполне удовлетворительны»⁷⁵.

Присутствие бельгийцев подчас обостряло социальное напряжение. Так, работавшим вместе с российскими рабочими бельгийцам, выполнявшим одну и ту же работу, «сменяя иногда на станке рабочего арсенала», необходимо было платить за труд несравненно больше, чем мастеровым арсенала, что для многих здесь «являлось непонятным»⁷⁶. В особенности в силу того, что их квалификация была невысокого уровня. Вместо 40 – 100 руб. в месяц бельгийцы получали 250 руб. Для сравнения: «месячный заработок при 9-часовом труде за 24 рабочих дня» у российских рабочих составлял: у «мастера – 158 рублей, подмастерья – 88 рублей, браковщика – 78 рублей, конторщика – 79 рублей» и т. д.

3 июля 1916 г. начальник Брянского арсенала в рапорте № 63 в ГАУ «просит не отказать сообщить, когда будут откомандированы бельгийцы электротехники, в числе 5-ти человек, так как дальнейшее пребывание их в арсенале тяжело сказывается на бюджете механической мастерской»⁷⁷.

Еще одним направлением военно-технического взаимодействия России с иностранными государствами в области организации производства артиллерии были различного рода военные закупки.

Когда в ходе мировой войны понадобилось снабдить Российскую армию материалами из заграницы, заказы начали размещать бессистемно: через военных агентов, особо уполномоченных лиц и иностранных предпринимателей, оказавшихся в Петербурге. И только в 1915 г. решают упорядочить заграничные заказы в Великобритании, Америке и Франции. В Лондоне образовали Русский правительственный комитет, помимо которого никакие заказы в Великобритании не могли даваться, председателю этого комитета был подчинен образованный в Нью-Йорке Русский заготовительный комитет. Деятельность военного агента во Франции также должна была вестись в контакте с Лондонским комитетом⁷⁸.

Эти процессы привели к зависимости России от иностранцев. «Особое совещание констатировало, что в вопросах заграничных заказов в Англии, Канаде и в США русское правительство находилось в полной зависимости от Англии»⁷⁹.

В 1916 г. нестыковки с заграничными заказами продолжались. В частности, критикуя работу Игнатьева, М.В. Родзянко писал, «что никакой военный агент не может быть цензором действий председателя Государственной думы»⁸⁰. Трудно не согласится с Сидоровым, утверждавшим, что «никакие внешние закупки не могли возместить недостатков внутреннего производства. Огромное количество русского золота, выплаченное Виккерсу в Англии, Канадскому обществу и Бутлеру в США, не дало никакого эффекта, т. к. поставщики не выполнили обязательств»⁸¹.

Современные исследователи подтверждают подобные тезисы. Д.В. Литвиненко в заключении к своей работе отметил: «Союзники России были заинтересованы лишь в выкачивании русского золота, а не в выполнении союзнического долга»⁸². Только беспечность военного руководства России, а подчас и непонятная переоценка значения иностранного опыта и технологий способствовали излишним финансовым расходам.

К сожалению, заграничные закупки были вынужденной мерой, темпы начатой до войны модернизации не позволили ее завершить до начала войны и рассчитывать на собственную промышленность. Так, не переоборудовали Брянский арсенал, мощности которого должны были соответствовать «производительности двух других перворазрядных арсеналов Санкт-Петербургского и Киевского»⁸³. В свою очередь техническая реконструкция заводов потребовала закупок станков и машин, которые приобретались «за границей – в Англии, США, Дании, Швеции и других странах»⁸⁴.

При этом в ГАУ отмечали, «что станки для пушечного производства заказываются на русских заводах и удовлетворяют требованиям точности», и разрешили заказывать за границей только специальные, особо точные станки⁸⁵.

Техническую реконструкцию заводов продолжили в период войны. Так, усилили арсеналы военного ведомства России. Оборудование для переоснащения закупали, в том числе, и за границей. Для обеспечения деятельности технических артиллерийских заведений до первой половины 1917 г. во Францию командировали полковника Давыдова. Полковник Давыдов заказал: пил круглых для дерева – 200 штук, слесарных – 500 000 штук, а также другие предметы. Их планировалось распределять между арсеналами, оружейными заводами и другими техническими заведениями⁸⁶.

Не следует думать, что в начале XX в. ГАУ абсолютно отпустило ситуацию в свободное плавание. Работу предприятий других ведомств, частных заводов, в том числе и с иностранными капиталовложениями, контролировали.

Контроль со стороны ГАУ осуществляли военно-технические специалисты казенных арсеналов. Так, в 1900 г. «для определения примерной стоимости нового лафета под 3-дм пушку было поручено С.-Петербургскому арсеналу произвести соответствующую расценку, ... по расценке названного арсенала, стоимость лафета ... определена цифрой около 1 тыс. руб.»⁸⁷. С учетом прибыли завода итоговая цена составила 1500 руб. за лафет под 3-дм пушку.

Наблюдение за производством артиллерии и конечной годностью изделий возлагали на артиллерийские приемники. Так, в 1911 г. заведующий артиллерийскими приемками генерал-лейтенант Коробков осмотрел целый ряд заводов, выполнявших заказы артиллерийского ведомства: «Коломенский, Сормовский, Уральские горные заводы: Кусинский, Саткинский, Златоустовский,

Верхнегуриинский, Баранчинский и Пермский завод»⁸⁸. Понятно, что в период мировой войны в силу крайней перегруженности контроль во многом снизился. Но в ГАУ осознавали важность наблюдения за своевременным выполнением заказов⁸⁹.

Оплату работы контролеров и браковщиков вели через заводы и арсеналы военного ведомства. Так, в 1907 г. Брянский рельсопрокатный завод выполнял заказ на 1430 фугасных П-дм бомб и на 900 пороховых 6-дм бомб для пушек образца 1904 г., а Брянский арсенал отслеживал работу, являясь связующим звеном между заводом и ГАУ⁹⁰.

Итак, взгляд на военно-техническое взаимодействие России с иностранными государствами в начале XX в. показывает присутствие иностранного влияния на развитие отечественной артиллерии. Вместе с тем, стоит говорить о двух параллельно развивающихся явлениях. В одной плоскости происходило развитие изысканий отечественных изобретателей-артиллеристов, а с другой – по понятным причинам закупали и исследовали все лучшее иностранного производства. Вероятно, для сохранения сильной и независимой военной промышленности России было важно удержать некий баланс отечественного и иностранного влияния на развитие производства артиллерии. Наряду с этим ГАУ уже в последней четверти XIX в. не имело достаточных средств для технического развития арсеналов военного ведомства России. В результате прибегали к поставкам артиллерии с частных предприятий (в том числе с участием иностранных инвестиций) и закупали ее за границей.

При анализе проблемы иностранной зависимости в военной индустрии представляется, что казенным арсеналам военного ведомства России удалось сохранить десятилетиями накапливаемый опыт работы. Техники-артиллеристы, работавшие в арсеналах, имели как блестящее образование и желание развивать свои способности, так и незаурядные организаторские способности, что оказало решающее значение, к примеру, в ликвидации снарядного голода. Вместе с тем, техническая отсталость производственных мощностей при недостатке финансирования во многом замедляла развитие артиллерии. В результате военно-техническое взаимодействие в области производства артиллерии в начале XX в. приобрело не только положительные, но и отрицательные характеристики. С одной стороны, подконтрольные иностранные инвестиции и технические заимствования, но с другой стороны, особенно в период

войны, выкачивание из казны России средств, а подчас невыполнение обязательств по поставкам.

¹ Виноградов П.В. Русско-английское военно-экономическое сотрудничество в годы Первой мировой войны (август 1914 – февраль 1917 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Уссурийск, 2009; Пинк И.Б. Международные научно-технические связи в истории разработки стрелкового оружия в России: 1830–1918 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Тула, 2007; Хорошева А.О. Сотрудничество России и Бельгии в годы Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. № 10. 2011. С. 39–42 и др.

² Российский государственный военно-исторический архив (Далее РГВИА) Ф. 514. Оп. 1. Д. 84. Л. 2–5 об. 19 июня 1902 г. – Журнал № 94 Комиссии по перевооружению полевой артиллерии о распределении заказов на лафеты 3-дм пушек в 1903 году // Военная промышленность России в начале XX века, 1900–1917. Сб. док. (Далее ВПР СД) М., 2004. С. 82–85.

³ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Далее АВИМАИВиВС). Ф. 6. Оп. 8/9. Д. 232. Л. 1–5 об. Типогр. экз. 24 июля 1901 г. – Запись 1-го совещания Комиссии при Государственном контроле для выяснения вопросов об удовлетворении потребностей военного и морского ведомств в артиллерийских орудиях // ВПР СД. С. 72–77.

⁴ РГВИА. Ф. 504. Оп. 8. Д. 2340. Л. 24–25. Завер. копия. 7 марта 1901 г. – Отношение А.Ф. Редигера товарищу генерал-фельдцейхмейстера М.Г. Альфатеру о порядке передачи заказов за границу // ВПР СД. С. 64.

⁵ Там же. Л. 1 и об. Завер. копия. 14 февраля 1901 г. – Распоряжение военного министра генерала от инфантерии А.Н. Куропаткина начальнику Канцелярии Военного министерства генерал-лейтенанту А.Ф. Редигеру подготовить ведомость заказов по металлургической части // ВПР СД. С. 63.

⁶ Там же. С. 63–64.

⁷ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 70441. Л. 42–43 об. Типогр. экз. 18 июня 1902 г. – Выписка из журнала Комиссии для предварительного рассмотрения отчетов о заграничных заказах // ВПР СД. С. 98–100.

⁸ Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М.: Наука, 1973. С. 22.

⁹ Ошарин А.В. Русская оборона в руках иностранцев. 1861–1917 годы (Проблема заграничных заказов и технического содействия в политике вооружений Военного и Морского министерств) // Военное прошлое государства Российского: утраченное и сохраненное. Мат-лы Всеросс. науч.-практ. конф., посвященной 250-летию Достопамятного зала, 13–17 сентября 2006 г. СПб., 2006. С. 28.

¹⁰ Витте С.Ю. Вынужденные разъяснения по поводу отчета ген.-ад. Куропаткина о войне с Японией. М., 1911. С. 7.

¹¹ Там же. С. 11.

¹² Там же.

¹³ Мельников М.В. Финансовая политика России во второй половине XIX – начале XX в.: проблема становления золотого денежного обращения: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Нижний Новгород, 2009. С. 47.

- ¹⁴ Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания, 1911–1919 / сост. С.С. Волк. М.: Современник, 1991. С. 431.
- ¹⁵ Сидоров А.Л. Указ. соч. С. 10.
- ¹⁶ Коковцов В.Н. Указ. соч. С. 431.
- ¹⁷ Письмо министра иностранных дел России Гирса послу России в Париже Моренгейму. Париж, 9/21 августа 1891 г. // Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М.: Гос.изд-во полит. лит-ры, 1952. С. 279.
- ¹⁸ Кряжев Ю.Н. К вопросу о военно-техническом сотрудничестве России с зарубежными странами в конце XIX – начале XX вв. // Емельяновские чтения: Мат-лы I межрег. научн.-практ. конф. (Курган, 19–20 апр. 2006 г.). Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2006. С. 103.
- ¹⁹ Капаев М.А. Германские капиталы в машино-металлургическом комплексе Российской империи в 90-е гг. XIX – начале XX в.: Дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2010.
- ²⁰ Виноградов П.В. Указ. соч. С. 22.
- ²¹ Бобыкин В.И. Финансовый капитал в России накануне Первой мировой войны. М., 2001. С. 255.
- ²² Булатов В.В. Иностранный предпринимательский капитал в военной промышленности России: «Группа Виккерс» и Русское акционерное общество артиллерийских заводов (1912–1918 гг.): Автореф. дис. ... канд. эконом. наук. Волгоград, 2000.
- ²³ Там же. С. 9.
- ²⁴ Ошарин А.В. Указ. соч. С. 29.
- ²⁵ Гайдук В.А., Ляшенко В.Г., Мозговой А.И., Навка И.П. Юз і Юзівка. Пер. англ. текстів І.М. Яндоли; підбор і рубрикація худ. текстів Л.Г. Вергазової / под загальною ред. Гайдук В.А. Донецьк, 2000. С. 19.
- ²⁶ Кряжев Ю.Н. Указ. соч. С. 103.
- ²⁷ Капаев М.А. Некоторые аспекты участия германских капиталов в промышленности Российской империи в начале XX века на примере машиностроительной отрасли // Известия Самарского науч. центра РАН. Т. 12. № 2. 2010. С. 87.
- ²⁸ Бескровный Л.Г. Армия и флот России в начале XX в. Очерки военно-экономического потенциала. М.: Наука, 1986. С. 14.
- ²⁹ Уткин А.И. Забытая трагедия. Россия в Первой мировой войне. Смоленск, 2000. С. 82.
- ³⁰ Бескровный Л.Г. Указ. соч. С. 13.
- ³¹ Стенографический отчет о заседании Государственной думы IV созыва от 19 июля 1915 г. Пг., 1915. С. 15.
- ³² Барсуков Е. Подготовка России к мировой войне в артиллерийском отношении. М., 1926. С. 113–114.
- ³³ Бескровный Л.Г. Указ. соч. С. 93.
- ³⁴ Игнатъев А.А. Пятьдесят лет в строю. М.: Воениздат, 1986. С. 507.
- ³⁵ Его же. Пятьдесят лет в строю. Кн. 1–5. Симферополь, 1953. С. 543.
- ³⁶ Игнатъев А.А. Указ. соч. 1986. С. 507.
- ³⁷ Ошарин А.В. Указ. соч. С. 29.
- ³⁸ Виватенко С.В. Специальные Комиссии французского парламента в годы Первой мировой войны // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. Вып. 2. СПб., 2011. С. 34.
- ³⁹ Головин Н.Н. Военные усилия России в Мировой войне. М.: Кучково поле, 2001. С. 306.

Сотрудничество с иностранными государствами в области производства артиллерии (XX)

- ⁴⁰ Зайончковский А.М. Первая Мировая война. СПб.: Полигон, 2000. С. 404.
- ⁴¹ Бескровный Л.Г. Указ. соч. С. 102.
- ⁴² О творчестве Ванкова см.: Пайчадзе С.А. Симеон Ванков и его книги // Дальний Восток. 1976. № 4. С. 136–138.
- ⁴³ Станчев М. Зарубежная Россия: Генерал Симеон Ванков и Дальний Восток // Русская газета в Болгарии № 05 (127). 2006.
- ⁴⁴ Черняк А. Я. Симеон Ванков. София: Военное издательство, 1989. С. 60.
- ⁴⁵ Государственный архив Орловской области. Ф. 883. Оп. 1. Д. 791. Л. 140.
- ⁴⁶ Паустовский К. Дядя Коля и тетя Маруся // Мир Паустовского. № 15–16. 2000. С. 12.
- ⁴⁷ Высочанский Н.Г. Заметка по поводу статьи Д.К. Чернова // Артиллерийский журнал. № 5. 1914. С. 587.
- ⁴⁸ Чернов Д.К. О выгорании каналов стальных орудий // Артиллерийский журнал. № 7. 1912. С. 841.
- ⁴⁹ Там же. С. 842.
- ⁵⁰ Черняк А.Я. «Организация Ванкова» – Конец «снарядного» голода. К 150-летию со дня рождения С.Н. Ванкова // Военный вестник Израиля. № 17 (27 нояб.) 2008. С. 14.
- ⁵¹ Генерал В.С. Михайлов. 1875–1929. Документы к биографии. Очерки по истории военной промышленности. М., 2007. С. 320.
- ⁵² Сидоров А.Л. Указ. соч. С. 50.
- ⁵³ Игнатъев А.А. Указ. соч. 1953. С. 545.
- ⁵⁴ Генерал В.С. Михайлов... С. 321.
- ⁵⁵ Высочанский С. Наша семья. Ее прошлое // Мир Паустовского № 15–16. 2000. С. 15.
- ⁵⁶ Генерал В.С. Михайлов... С. 321.
- ⁵⁷ Коростелев С.А. Особое совещание в годы Первой мировой войны // Крестьянин в миру и на войне: Материалы III Меркушкин. науч. чтений / МГУ им. Н.П. Огарева. Саранск, 2005. С. 47.
- ⁵⁸ Ершова Т.В. Промышленность Москвы и Московской губернии в годы Первой мировой войны: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2000. С. 24.
- ⁵⁹ Голиков А.Г. А.А. Брусилов и военно-дипломатическое обеспечение наступления русской армии в 1916 и 1917 гг.: «Мира не может быть, пока не разгромим немца». Россия, международное положение и военный потенциал в середине XIX – начале XX веков. Очерки. М., 2003. С. 304.
- ⁶⁰ История организации уполномоченного Главного артиллерийского управления генерала С.Н. Ванкова по производству снарядов по французскому образцу. 1915–1918 гг. М., 1918. С. 34; Маниковский А.А. Боевое снабжение русской армии в войну 1914–1918 гг. Ч. 1. М., 1920. С. 18.
- ⁶¹ Генерал В.С. Михайлов ... С. 320.
- ⁶² Голиков А.Г. Указ. соч. С. 304.
- ⁶³ Генерал В.С. Михайлов... С. 322.
- ⁶⁴ Подробнее см.: Ванков С.Н. Сталистый чугуи. Новый металл для машиностроения, впервые применяемый в снарядном деле во время I Мировой войны 1914–1918 гг. Отдельный выпуск статьи, помещенной в № 5–9 «Вестника металлпромышленности» за 1922 г. М., 1922. С. 2.
- ⁶⁵ РГВИА. Ф. 1689. Оп. 1. Д. 3. Л. 39.
- ⁶⁶ Там же. Л. 54.
- ⁶⁷ Там же. Л. 78 об.

- ⁶⁸ Уткин А.И. Указ. соч. С. 44.
- ⁶⁹ Хорошева А.О. Сотрудничество России и Бельгии в годы Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. № 10. 2011. С. 39.
- ⁷⁰ Журналы особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. 1915–1918 гг. М., 1975. С. 29.
- ⁷¹ Там же. С. 32.
- ⁷² РГВИА. Ф. 369. Оп. 3. Д. 28. Л. 39 об.
- ⁷³ Там же. Л. 47.
- ⁷⁴ Государственный архив Брянской обл. (Далее – ГАБО). Ф. 221. Оп. 3. Д. 286. Л. 88–88 об.
- ⁷⁵ Там же. Л. 1–1 об.
- ⁷⁶ Там же. Л. 59 об.
- ⁷⁷ Там же. Л. 97.
- ⁷⁸ Шмелев А.В. Миссия генерала Д.Г. Шербачева и проблема снабжения белых армий союзниками // Россия: Международное положение и военный потенциал в середине XIX – начале XX в. М., 2003. С. 330.
- ⁷⁹ Сидоров А.Л. Указ. соч. С. 71.
- ⁸⁰ Донесения Л.К. Кульмана из министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 – февраль 1917 года // Вопросы истории. 2000. № 3. С. 21.
- ⁸¹ Сидоров А.Л. Указ. соч. С. 43.
- ⁸² Литвиненко Д.В. Деятельность военных органов управления России по развитию артиллерийского снабжения в годы Первой мировой войны: 1914–1918 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2009. С. 178.
- ⁸³ РГВИА. Ф. 504. Оп. 15. Д. 431. Л. 6.
- ⁸⁴ Рябая С.А. Модернизация промышленности Удмуртии накануне и в годы Первой мировой войны (1910-е – февраль 1917 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2006. С. 14.
- ⁸⁵ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 70441. Л. 42–43 об. Типогр. экз. 18 июня 1902 г. – Выписка из журнала Комиссии для предварительного рассмотрения отчетов о заграничных заказах // ВПР СД. С. 98–100.
- ⁸⁶ ГАБО. Ф. 221. Оп. 3. Д. 286. Л. 22.
- ⁸⁷ РГВИА. Ф. 514. Оп. 1. Д. 52. Л. 2–9 об. 20 мая 1900 г. – Журнал № 2 Комиссии по перевооружению полевой артиллерии о заказе Путиловскому заводу 750 3-дм полевых скорострельных пушек // ВПР СД. С. 45–53.
- ⁸⁸ ГАБО. Ф. 220. Оп. 1. Д. 424. Л. 18.
- ⁸⁹ Авдеев В.А., В.А. Сухомлинов и военные реформы 1905–1912 гг. // Россия: Международное положение и военный потенциал в середине XIX – начале XX вв. М., 2003. С. 276.
- ⁹⁰ ГАБО. Ф. 220. Оп. 1. Д. 424. Л. 40–41.

Л.А. Бобров (Новосибирск)

КАЗАХСКАЯ ТАКТИКА ВЕДЕНИЯ БОЯ В КОННОМ СТРОЮ В КОНЦЕ XV–XVI ВЕКАХ*

В ОЕННОЕ ИСКУССТВО казахов эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени традиционно привлекает к себе пристальное внимание отечественных и зарубежных оружейников, археологов и военных историков. Повышенный интерес к данной теме обусловлен спецификой эволюции вооружения и военного дела кочевников в завершающий период существования Кочевого Мира как самостоятельного исторического феномена. На протяжении XV – первой половины XIX вв. кочевники Казахстана, с одной стороны, продолжали развивать и совершенствовать воинские приемы своих предшественников эпохи раннего и развитого Средневековья, а с другой, активно усваивали инновационные элементы военного дела оседло-земледельческих народов. Примечательно, что в казахской армии данный процесс шел не столько сверху (в результате военных реформ, проводимых сильным центральным правительством, как, например, в Джунгарии конца XVII – первой половины XVIII вв.), сколько снизу, являясь закономерным итогом развития военной практики.

Особый интерес в данной связи представляет тема эволюции казахской тактики ведения боя конца XV – середины XIX вв., которая наиболее отчетливо фиксирует трансформацию традиционного военного дела кочевников в меняющихся военно-политических условиях Нового времени. Ранее нами был рассмотрен такой интереснейший феномен, как зарождение и развитие казахской

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации МК-4281.2012.6.

тактики ведения боя в пешем строю, которая стала результатом распространения в войсках кочевников Дашт-и Кипчак ручного огнестрельного оружия¹. Не меньший интерес вызывает и тема эволюции кавалерийской тактики казахов. К сожалению, объем статьи не позволяет рассмотреть данный феномен на протяжении всего интересующего нас периода (конец XV – середина XIX вв.). По данной причине в настоящей работе мы проанализируем основные тактические приемы кочевников Дашт-и Кипчак конца XV–XVI вв. и наметим основные направления эволюции кавалерийской тактики казахов в последующий исторический период.

Различные аспекты казахской кавалерийской тактики конца XV–XVI вв. были рассмотрены С.Г. Кляшторным, Т.И. Султановым, А.К. Кушкумбаевым, К.С. Ахметжановым, Т.К. Алланиязовым и др.² В то же время данную тему сложно назвать исчерпанной. Так, например, в научной литературе сохраняются разночтения относительно механизма функционирования ключевых тактических приемов кочевников Дашт-и Кипчак периода позднего Средневековья, не выявлены особенности казахских военных построений XV–XVI вв. по сравнению с аналогичными построениями кочевников предыдущих эпох, не рассмотрены причины и направления эволюции тактики ведения конного боя казахов на протяжении данного периода. Этим вопросам посвящена настоящая статья.

Источниковая база по теме исследования представлена вещественными, изобразительными и письменными материалами. Комплексный анализ источников позволяет реконструировать основные тактические приемы казахов при ведении боя в конном строю, а также проследить их эволюцию на протяжении рассматриваемого периода. Ядром исследования служат сведения, относящиеся к военному искусству кочевников Восточного Дашт-и Кипчак, то есть казахов XV–XVI вв. и так называемых кочевых узбеков конца XV – начала XVI вв. Особо подчеркнем, что мы не считаем возможным привлекать к анализу сведения о военном деле узбеков Мухаммеда Шейбани-хана и его преемников, после завоевания ими Мавераннахра, так как установление узбекского контроля над крупными оседло-земледельческими центрами Средней Азии существенным образом трансформировало их военное искусство в целом и тактику в частности. Военное дело кочевых тюркских соседей казахов на западе и востоке (ногаев и могулов соответственно),

напротив, представляет значительный интерес для сравнительного анализа, так как оно развивалось в схожих военно-политических и экономических условиях и в тесном контакте с военным искусством казахов.

Рассмотрим основные тактические приемы ведения конного боя кочевниками Дашт-и Кипчак эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени.

1. «Хоровод». Оригинальный кольцевидный строй кочевников для ведения лучного боя на средней и малой дистанции (рис. 1; 2 А).

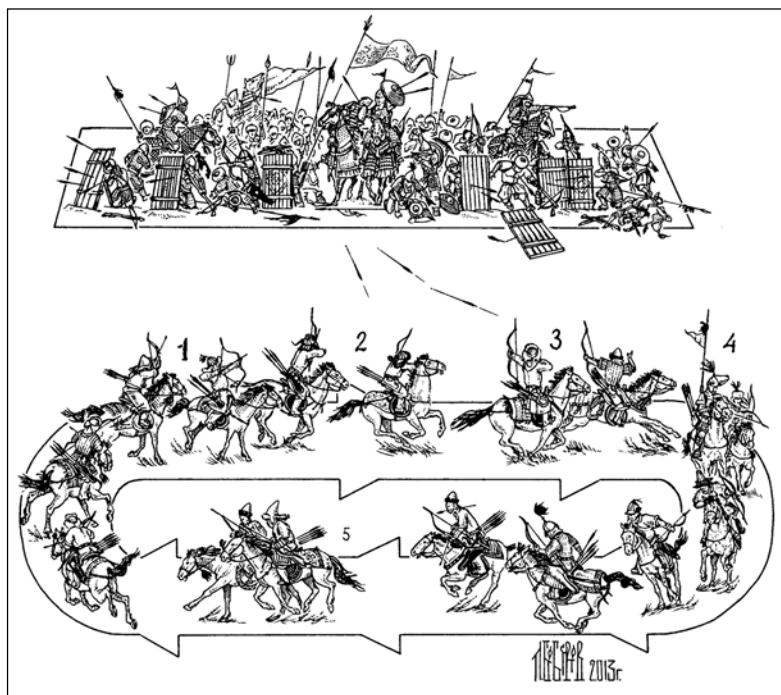

Рис. 1. «Хоровод» конных лучников, XVI в. Схема-реконструкция: 1. Стрельба из положения влево-вперед; 2. Стрельба из положения влево-вбок; 3. Стрельба из положения влево-назад; 4. Командир отряда конных лучников («вожатый», по С. Герберштейну) пресекает попытку нарушить строй; 5. Во время движения по внешней стороне кольца «хоровода» всадники поправляют снаряжение и достают из колчана стрелы

Данный военно-исторический феномен был впервые подробно проанализирован М.В. Гореликом в статье, посвященной военному делу татаро-монголов³.

Наиболее детальное описание «хоровода» первой половины XVI в., записанное со слов русских воинов, оставил посол в Московии С. Герберштейн: «Когда им (татарам. – Л.Б.) приходится сражаться на открытой равнине, а враги находятся от них на расстоянии полета стрелы, то они вступают в бой не в строю, а *изгибают войско и несутся по кругу, чтобы тем вернее и удобнее стрелять во врага* (здесь и далее курсив наш. – Л.Б.). Среди таким образом (по кругу) наступающих и отступающих соблюдается удивительный порядок. Правда для этого у них есть опытные в сих делах вожатые, за которыми они следуют. Но если эти вожатые или падут от вражеских стрел, или вдруг от страха ошибутся в соблюдении строя, то всем войском овладевает такое замешательство, что они не в состоянии более вернуться к порядку и стрелять во врага. Такой способ боя из-за сходства называют “пляской” (то есть “хороводом”. – Л.Б.)... Они заводят “пляску”, как называют ее московиты; командир или вожатый приближается со своим отрядом к вражескому войску и, пустив стрелы, отъезжает; за ним – другой отряд, и таким образом один отряд за другим, пока первый снова не вернется вслед за последним. Если они сумеют устроить дело так, то преимущество на их стороне, но если командиры, едущие впереди отрядов, погибнут или оробеют, то они быстро приходят в замешательство»⁴.

Вероятно, этот же тактический прием в исполнении номадов Дашт-и Кипчак в начале XVI в. описан и З. Бабуром: «Вот еще один [способ нападения]: передние и задние, беки и нукеры, все вместе мчатся во весь дух, пуская стрелы; они тоже не отступают в беспорядке и скачут назад во весь опор»⁵.

Таким образом, «хоровод» представлял собой замкнутое (вероятно, вытянутое вдоль вражеского строя) кольцо конных лучников, поражающих врагов стрелами на полном скаку (рис. 1, 2 А). Учитывая скорость стрельбы из лука, можно с большой долей уверенности утверждать, что воин-степняк, проносясь вдоль строя противника, выпускал по врагу не одну, а 2-3 и более стрел. Особое значение имел тот факт, что каждый лучник мог выбрать для себя максимально удобное расстояние и положение для стрельбы: «влево-вперед» (рис. 1, 1), «влево-вбок» (рис. 1, 2), «влево-назад» (рис. 1, 3). По этой же

причине вращающееся кольцо всадников не могло быть широким. Чтобы не мешать друг другу прицеливаться и стрелять, конники должны были двигаться в один или, максимум, в два ряда⁶.

Несмотря на кажущуюся простоту, данный тактический прием был достаточно сложен в исполнении, требовал от лучников высокой точности движений, координации и дисциплины, поэтому воины, участвующие в «хороводе», были разделены на отдельные небольшие отряды (десятки?) во главе с «вожатыми», точно знающими положение своего подразделения в строю.

Наряду с основным вариантом «хоровода», когда кольцо лучников раскручивалось непосредственно перед строем противника, можно предполагать и наличие в военной практике кочевников большого (внешнего) «хоровода», когда цепь конных лучников охватывала построение противника со всех сторон, заключая его в кольцо. Такой вариант «хоровода» позволял еще более усилить

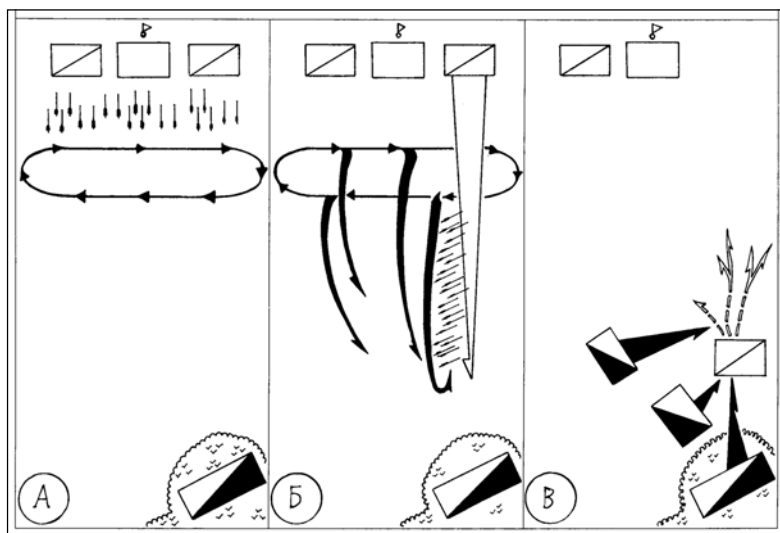

Рис. 2. Тактические приемы кочевников Дашт-и Кипчак конца XV–XVI вв.:

- А. «Хоровод» конных лучников. Обстрел вражеских построений;
- Б. Атака конницы противника, притворное отступление всадников «хоровода» с ведением лучного обстрела преследователей;
- В. Контратака кочевников с участием засадного полка

эффективность лучного боя, так как всадники не делали вынужденную паузу в стрельбе при прохождении внешней дуги кольца (рис. 1, 5). Однако данный вариант «хоровода» нес и дополнительные риски, так как воины на одной его стороне не могли знать, что происходит на другой стороне построения, закрытого от их глаз рядами вражеских воинов.

Главная задача «хоровода» заключалась в нанесении максимального урона противнику в дистанционном бою. Оригинальный строй из проносающихся конных лучников позволял обеспечить непрерывный «дождь стрел», о котором с содроганием писали хронисты оседло-земледельческих народов. Благодаря тому что степные военачальники раскручивали кольцо конных лучников в непосредственной близости от вражеского строя, стрельба велась с минимальной дистанции и приводила к чудовищным потерям среди обороняющихся воинов и их боевых коней⁷. Смертоносный «ливень» буквально выкашивал построения противника, заставлял паниковать, провоцировал на неподготовленную атаку или обращал в бегство.

Чем пассивней вели себя вражеские войска, чем больше было в их рядах пехоты, снабженной только оружием ближнего боя, тем большую опасность представлял для них «хоровод». Однако даже наличие в пехотном строю некоторого количества лучников и арбалетчиков не решало проблемы, так как частота стрельбы проносающихся вдоль строя и быстро сменяющих друг друга конных лучников была значительно выше, чем пеших стрелков, которые должны были еще перезаряжать свои арбалеты. В случае контратаки тяжелой конницы противника составлявшие «хоровод» лучники могли резко повернуть коней и, пользуясь преимуществом в скорости, уходить от противника (рис. 2 Б). При этом они продолжали поражать преследующих латников и их коней стрелами из положения «влево назад» и нередко заводили их под удар засадных отрядов (см. ниже).

Современные исследователи, как правило, отзываются о данном строе кочевников исключительно в превосходной степени. Однако, отмечая несомненную эффективность «хоровода», необходимо указать и на слабые стороны данного построения. К их числу следует отнести уязвимость «хоровода» перед неожиданной и быстрой контратакой противника, проводимой большими массами конницы, а также неуправляемость кольца лучников в случае

гибели или ошибки «вожатых». Последний фактор особенно подчеркивал С. Герберштейн: «...если эти вожатые или падут от вражеских стрел, или вдруг от страха ошибутся в соблюдении строя, то всем войском овладевает такое замешательство, что они не в состоянии более вернуться к порядку и стрелять во врага»⁸.

М.В. Горелик совершенно справедливо указал, что «хоровод» активно применялся кочевниками уже в эпоху Великих Монгольских завоеваний, а возможно, и раньше⁹. Снижение популярности данного строя было связано с изменением тактики ведения боя в эпоху «Малого монгольского нашествия» и распространения огнестрельного оружия (см. ниже).

2. «Тулгама» («тулгамыш»)¹⁰. Охват фланга противника с выходом в тыл, сопровождаемый массивной лучной стрельбой (рис. 3).

Данный тактический прием получил в современной военно-исторической литературе весьма разнообразные толкования, вплоть до самых экзотических¹¹. Это тем более удивительно, что содержание и смысл этого маневра подробно изложены З. Бабуром, который столкнулся с «тулгама» в ходе войны с кочевниками Дашт-и Кипчак в начале XVI в.: «Когда ряды сблизались, *враги стали заходить краем правого фланга нам в тыл*; тут я повернулся к ним фронтом, и наш авангард, куда были записаны все наличные йигиты, выдавшие битвы и рубившиеся мечом, оказались на правой руке; перед ним не осталось ни одного человека. Все же мы отбили и оттеснили врагов, вышедших вперед, и прижали их к центру... *Правый фланг врага, потеснив наш левый фланг, зашел нам в тыл*. Так как наш авангард тоже остался на правой руке, то наш фронт оказался оголенным. *Люди неприятеля напали на нас спереди и сзади и начали пускать стрелы...* Мы несколько раз нападали на противника и с боем оттесняли его; наши передовые тоже ходили в наступление. *Люди, которые зашли нам в тыл, также приблизились и начали пускать стрелы прямо в наше знамя* (то есть в сторону ставки командования. – Л.Б.); *они напали спереди и сзади, и наши люди дрогнули. Великое искусство в бою узбеков эта самая “тулгама”. Ни одного боя не бывает без тулгамы»*¹².

Таким образом, «тулгама» – особый тактический прием, который предусматривал охват фланга противника с выходом в тыл и нанесением массивного лучного удара по его построениям. Это подтверждается и самим происхождением термина, который об-

разован от тюркского глагола «тулгмак», то есть «окружить, обернуть, обратить, кружить, крутить»¹³.

Охват фланга вынуждал вражеских военачальников начать спешный разворот своих воинских подразделений лицом к атакующим (рис. 3 А), что приводило к нарушению боевых порядков, но не решало тактической задачи, так как кочевники продолжали осыпать перестраивающихся вражеских воинов стрелами, как с фронта,

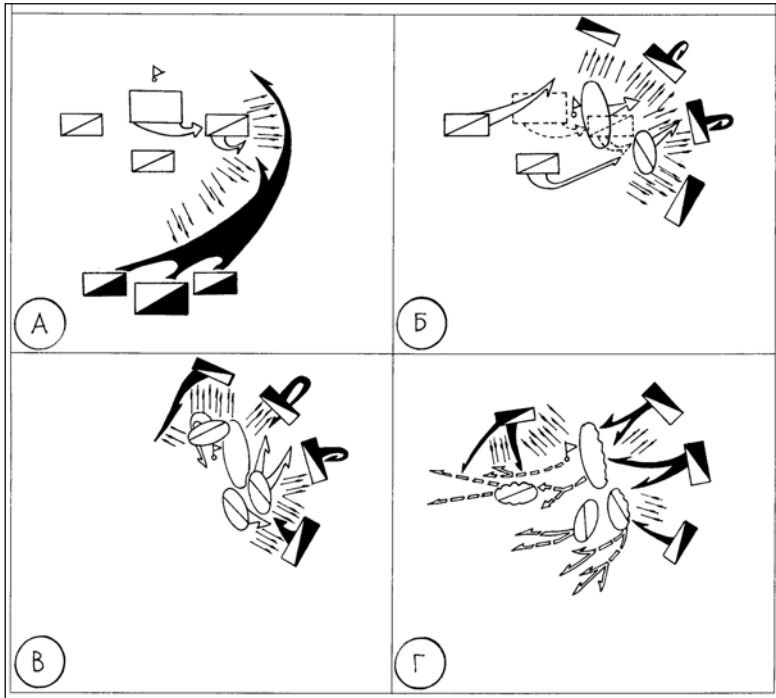

Рис. 3. Тактический прием «тулгма»

на примере сражения у Ходжа Кардзана (1501 г.):

А. Войска кочевников Дашт-и Кипчак совершают охват левого фланга тимуридских войск, вынуждая их начать спешное перестроение. В результате боевой порядок нарушается. Отборные тимуридские войска авангарда оказываются на правом фланге и не участвуют в схватке. *«Когда ряды сблизались, враги стали заходить краем правого фланга нам в тыл; тут я (Бабур. – Л.Б.) повернулся к ним фронтом, и наш авангард, куда были записаны все наличные йигиты,*

так и с фланга и с тыла (рис. 3 Б). В случае необходимости кочевники повторно обходили войска противника с фланга, что еще более усиливало неразбериху в его рядах (рис. 3 В). Контратаки обороняющихся не приводили к желаемому результату, так как легкие степные лучники уходили из-под удара латной конницы тимуридских «йигитов», а затем снова возвращались на поле боя. И без того не слишком дисциплинированные среднеазиатские войска, вынужденные совершать непредусмотренные планом боя развороты и перестроения под ливнем стрел, неизбежно нарушали строй. В конечном счете это приводило к смещению рядов и отступлению тимуридских войск (рис. 3 Г).

Главная роль при выполнении «тулгاما» (как и в «хороводе») отводилась массовой лучной стрельбе. Ни о каком «таранном» ударе, упоминаемом некоторыми современными авторами, речь в источниках не идет. Рукопашная схватка не исключалась при выполнении маневра, но не являлась его обязательным элементом. Главное отличие «тулгاما» от «хоровода» заключалось в том, что в первом случае приоритет отдавался маневру, а обстрел противника велся не только с фронта, но и с фланга и с тыла. Однако нельзя исключать, что «тулгاما» могла включать в себя

видавшие битвы и рубившиеся мечом, оказались на правой руке; перед ним не осталось ни одного человека»;

Б. Попытки тимуридских войск контратаковать. *«Все же мы отбили и оттеснили врагов, вышедших вперед, и прижали их к центру...»;*

В. Повторный охват кочевниками левого фланга тимуридских войск с выходом в тыл. Лучная атака с фронта и с тыла. Попытки тимуридских войск (включая авангард на правом фланге) контратаковать не приводят к желаемому результату. *«Правый фланг врага, потеснив наш левый фланг, зашел нам в тыл. Так как наш авангард тоже остался на правой руке, то наш фронт оказался оголенным. Люди неприятеля напали на нас спереди и сзади и начали пускать стрелы... Мы несколько раз нападали на противника и с боем оттесняли его; наши передовые тоже ходили в наступление»;*

Г. Лучная атака кочевников с тыла на ставку Бабура, атака на тимуридские войска с фронта и с тыла. Бегство тимуридских войск. *«Люди, которые зашли нам в тыл, также приблизились и начали пускать стрелы прямо в наше знамя (то есть сторону ставки командования. – Л.Б.); они напали спереди и сзади, и наши люди дрогнули. Великое искусство в бою узбеков эта самая «тулгاما». Ни одного боя не бывает без тулгамы»*

(как составные части атаки) и «хороводы». При выполнении «тулгама» кочевники обычно атаковали левое крыло противника своим правым флангом. Это вполне объяснимо, так как в этом случае атакующие лучники могли беспрепятственно вести стрельбу влево-вперед, влево и влево-назад. Иногда, чтобы маневр был неожиданностью для противника, он осуществлялся левым флангом или двумя флангами одновременно: «Храбрые мужи, воины опытные в сражениях и испытанные в битвах, напали [на врага] с левого и правого флангов, и, подобно воинственным львам, сцепились между собой, и покрыли прах поля брани кровью»¹⁴. Следует подчеркнуть, что «тулгама» могла осуществляться как фланговыми отрядами, так и всей армией целиком.

Вопрос о времени появления «тулгама» в военной практике кочевников остается открытым. В настоящее время можно уверенно утверждать, что данный тактический прием был хорошо известен и активно использовался кочевниками Средней Азии и Восточной Европы в период развитого Средневековья. Так, например, его применял хан Тохтамыш против войск Тимура в битвах у р. Кондурча (1391 г.) и у р. Терек (1395 г.)¹⁵. Интересно, что в обоих случаях «тулгама» ставила чагатайские войска на грань поражения, и только полководческий гений Тимура, высокий уровень дисциплины и эффективная военная организация чагатайских войск позволяли великому завоевателю, в конечном счете, одерживать победы над степными армиями. А вот его наследники так и не смогли найти эффективных способов борьбы с «тулгама». Хваленые «кованные рати» тимуридских владык, щитоносная пехота и арбалетчики городских ополчений Мавераннахра не выдерживали ливня стрел легкой и маневренной степной конницы.

В XIV–XVI вв. «тулгама» – один из самых эффективных приемов ведения боя тюркскими кочевниками Средней Азии. Подобрать «противоядие» в рамках традиционной региональной тактики было крайне сложно. Опираясь на превосходство в мобильности и дистанционном бою, номады могли раз за разом безнаказанно повторять маневр, ускользая из-под контрударов противника и обрушивая на него ливень стрел. По выражению З. Бабура: «*Великое искусство в бою узбеков эта самая “тулгама”. Ни одного боя не бывает без тулгамы*»¹⁶. Эффективное применение «тулгама» в ходе кампаний начала XVI в. стало одним из ключевых военных факторов, позволивших кочевым узбекам

одержать победы над тимуридскими армиями и установить свой контроль над Мавераннахром. Как показали дальнейшие события, главную опасность для «тулгам» представляли не сабли «среднеазиатских рыцарей»-йигитов, а длинные пики ойратской конницы и слаженная ружейная стрельба российских казаков и узбекских туфакандазов.

3. Атака с притворным отступлением и засады. Данный тактический прием представлял собой провоцирующую атаку с последующим контролируемым (притворным) отступлением (сопровождаемым лучной стрельбой по преследователям), завершающимся массированным контрударом (рис. 2 Б, В).

На протяжении эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени данный тактический прием активно применялся кочевниками Восточной Европы, Средней и Центральной Азии. Его наиболее подробное описание в первой половине XVI в. выполнено С. Герберштейном: «Сражение с врагом они (татары. – Л.Б.) начинают издали (пуская стрелы) и очень храбро [сражаются], хотя долго не выдерживают, а (пуская стрелы) обращаются в притворное бегство. Когда враг начинает их преследовать, то (при первой возможности) татары пускают назад в них стрелы (причиняя этим большой урон...); затем, внезапно повернув лошадей, снова бросаются на расстроенные ряды врагов»¹⁷.

Таким образом, суть данного тактического приема заключалась в том, чтобы расстроить боевые порядки противника лучной стрельбой, спровоцировать его на неподготовленную атаку, нанести максимальные потери в ходе «контролируемого бегства» (поражая противника стрелами из положения влево-назад) и, наконец, опрокинуть потерявших строй и растянувшихся преследователей. Для эффективного применения подобного приема степняки должны были атаковать врага в растянутом неглубоком строю, чтобы не мешать друг другу в ходе последующего «бегства». В военном искусстве казахов данный тактический прием сохранился вплоть до XIX в. Интересно, что в этот период реальная военная уловка казахских воинов служила подтверждением возможности применения этого маневра кочевниками Древности: «Они [казахи] оправдывают и повесть о парфянах, соделывавшихся из бегущих, при малейшем беспорядке гнавшегося неприятеля, наступающими, а из рассеянных – в краткое время собравшимися и снова на битву возобновляющими»¹⁸.

Достаточно часто составной частью притворного отступления являлись засады, представлявшие собой укрытый от глаз противника резерв, служивший для усиления эффекта неожиданного контрудара по преследователям.

Засады могли являться и главным компонентом тактического приема. В этом случае в засаду помещалась основная часть казахских войск, а малый отряд (авангард) провоцировал нападение противника, подводя его под удар главных сил степняков. В данной связи показательна так называемая Казахская битва, произошедшая в марте 1509 г. Большая узбекская армия обнаружила улус казахского Джаниш-султана, который прикрывал лишь небольшой отряд кочевников. Узбеки атаковали и потеснили его. Окрыленные успехом многие воины покинули поле сражения и бросились грабить казахские кибитки. В этот период «из тесноты зарослей» вырвалась казахская конница и обрушилась на растерявшихся узбеков. Оказывается, «... Джаниш-султан со знатными казахами до сих пор стоял в большом полку, а другой их отряд [авангард] выдвинулся и встал на место обороны и сопротивления. Джаниш-султан и казахские султаны ждали удобного случая, чтобы при возможности броситься в бой... Джаниш-султан с отрядом, который составлял основу войск, узнал, что большая часть войска [узбеков] отправилась грабить жилища и что захват ими добычи стал причиной оставления боевых рядов, что они занимаются грабежом и большой полк их лишился опытных воинов. Выбрав удобное время, Джаниш-султан построил ряды и, пробив в барабаны, наподобие воинственного льва, вышел по узким тропинкам, сквозь чащу деревьев и тростниковых зарослей и произвел сокрушительный натиск на войско [узбекских] султанов»¹⁹. О силе казахского удара говорит и тот факт, что в круговерть схватки попал даже командующий узбекским корпусом Убайдаллах-султан, который был вынужден сначала отстреливаться от нападающих казахов из лука, а потом, потеряв коня, отбиваться саблей и кинжалом²⁰. Судя по словам узбекского хрониста Фазлаллаха ибн Рузбихана (участника похода 1509 г.), корпус Убайдаллах-султана находился в тяжелом положении: «Повернуть обратно – не воинское дело, а стоять на месте было выше сил воинов»²¹. Можно полагать, что в конечном счете казахи сломили бы сопротивление узбеков, но в решающий момент на поле боя появился элитный корпус Султан-Мухаммад-Тимура, включавший

ханскую гвардию «из славных амакчиев и храбрых чухраев», который и определил исход сражения²².

Тактический прием, включавший в себя нападение на противника, притворное отступление и наведение преследователей на засаду, применялся казахами и позднее. Так, например, согласно отчету цинского командования в августе 1754 г., казахи пытались подвести под удар засады цинский отряд: «...войска маршала Тартанга подошли к Ярле, где они встретились с передовым отрядом Кодзи Боркена, силою примерно в две тысячи человек. Казахи устроили засаду за одним холмом и симулировали бегство, рассчитывая заманить китайские войска, которые начнут преследовать бегущих; но наши воины взобрались на холм, и засада была открыта. Потом они [цинские стрелки] сомкнули ряды и приготовились стрелять залпами, затем, окопавшись, они устроили укрепленный лагерь, к которому неприятели не осмеливались приблизиться»²³. Полвека спустя Я.П. Гавердовский отмечал, что казахи «...иногда, поставя засаду и притворно напад, завлекают его [противника] в желаемое место»²⁴.

Притворное отступление и засады относятся к числу традиционных тактических приемов кочевников. Они были исключительно популярны уже в эпоху Древности, раннего и развитого Средневековья. Особенно часто и с потрясающим эффектом его применяли степные военачальники времен Великого Монгольского нашествия²⁵. Наиболее часто на уловки степняков попадались войска оседло-земледельческих народов. Значительно сложнее было обмануть и подвести под удар свежих сил соседей-кочевников, искушенных в искусстве степной войны. Не следует забывать, что тактика контролируемого отступления и засад имела и свои слабые стороны. Если противник начинал массированное преследование большими силами свежей конницы, то притворное отступление могло перерасти в настоящее бегство. Что касается засад, то эффект от их применения мог быть нивелирован при наличии у противника сильного конного резерва, способного переломить ход сражения (см. выше).

4. «Напуск» с холодным оружием и «съемный бой». Атака с применением оружия ближнего боя с целью прорыва построений противника.

Если три описанных выше тактических приема основывались на массовом применении лука и стрел, то главным содержанием

«копийного и сабельного напуска» была рукопашная схватка («съемный бой»). Можно выделить две основные разновидности «напуска», которые с некоторой долей условности можно определить как «узбек-казахский» и «ойрат-казахский».

Первый прием характерен для военного искусства кочевников Восточного Дашт-и Кипчак второй половины XV–XVI вв. Он представлял собой логическое завершение массивированного лучного удара, проводимого в рамках «хоровода», «тулгاما» или притворного отступления. После того как противник понес существенные потери, а ряды вражеских воинов смешались под градом стрел, на них обрушивались всадники, вооруженные холодным оружием. В XV–XVI вв. в такой атаке обычно участвовали только конные панцирники, которые для этой цели сводились в специальные ударные отряды. Судя по данным письменных источников, большая часть панцирников в момент атаки действовала длинноклинковым оружием. Очень популярны были также палицы и булавы. Часть воинов сражалась боевыми топорами, копьями и кистенями. При этом в любой момент панцирник мог сменить оружие ближнего боя на лук и стрелы.

В связи с тем что в «сабельном напуске» участвовали представители степной военной и политической элиты, среднеазиатские хронисты уделяли данному тактическому приему в своих произведениях несоразмерно большое внимание. Атакующий отряд панцирников сравнивался (из-за блеска доспехов) с рекой Нил, «железным морем» или «железной горой», а под копытами коней латников якобы прогибалась земля: «От скопления одетых в железо всадников земля приобрела свойство магнита. Волны пошли по воздуху, отраженному от брони, подалась земля под грузом железа... Затем, когда устремился вперед сахибкиран, неприятель пустился в бегство пред его острым мечом. Разбегались, как муравьи под ногами слона, они стали соломой на поверхности реки Нил»²⁶.

Подобные пышные описания не должны вводить современного читателя в заблуждение. Воинов, снабженных металлическим защитным вооружением, в войсках кочевников Дашт-и Кипчак конца XV–XVI вв. было немного, поэтому численность ударных панцирных отрядов редко превышала несколько десятков или сотен всадников. Самостоятельно разгромить многочисленных конных лучников противника такой отряд не мог, но он вполне подходил

для нанесения финального удара по деморализованному врагу. В ходе атаки применялись как плотные шереножные, так и разреженные построения, а во время «съемного боя» сражение нередко распадалось на множество поединков. Отметим, что «узбек-казахский напуск» применялся воинами Восточного Дашт-и Кипчак в основном против армий других кочевников. В то время как в столкновениях с войсками Тимуридов, а позднее узбеков Мавераннахра, хорошо обеспеченных защитным вооружением, полководцы Дашт-и Кипчак нередко ограничивались лишь дистанционным боем.

Распространение «ойрат-казахского напуска» в Дашт-и Кипчак связано с изменениями в военном искусстве монголоязычных кочевников Центральной Азии. На протяжении многих столетий ударные копыя и пики играли важную роль в комплексе вооружения кочевников этого региона. Однако в эпоху раннего и развитого Средневековья длиннодревковое оружие применялось преимущественно конными панцирниками, в то время как легковооруженные номады использовали копыя лишь эпизодически. Ситуация принципиально изменилась в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени. В XVI–XVII вв. монгольские и ойратские полководцы, стремясь усилить атакующую мощь своих конных армий, начали массово снабжать копыями и пиками не только латников, но и бездоспешных лучников. В конечном счете, это привело к появлению новой разновидности конницы, составленной из легковооруженных копейщиков²⁷.

Таким образом, ключевое отличие «узбек-казахского напуска» от «ойрат-казахского» заключается в том, что первый осуществлялся немногочисленными конными панцирниками, довершавшими «работу» лучников, а во втором участвовала вся масса панцирной и легкой конницы кочевников, вооруженных копыями и пиками. Слитный натиск сотен и тысяч копейщиков буквально выносил противника с поля боя. Другими словами, если «узбек-казахский напуск» можно уподобить завершающему уколу кинжала-стилета, то его «ойрат-казахский» аналог представлял собой всеокрушающий удар боевой секиры.

Как показали военные конфликты XVII–XVIII вв., решение снабдить конных стрелков длиннодревковым оружием, при всей своей простоте, оказалось весьма эффективным. Легкие пиконосцы были мобильны, устойчивы в ближнем бою, могли стремительно

атаковать, опрокидывать и преследовать конных лучников противника. Не удивительно, что многие степные народы, испытав на себе мощь копейных ойратских атак, поспешили последовать примеру своих монголоязычных соседей. Одними из первых, кто воспринял новый тактический прием, были кочевники Казахстана. За ними последовали киргизы, башкиры и другие воины Великой Степи (включая российских казаков)²⁸. Заимствование казахами ойратской тактики «копейного напуска» произошло, вероятно, еще до начала эпохи «Малого монгольского нашествия», то есть во второй половине XVI в. Во всяком случае, в начале XVII в. казахи уже не испытывали суеверного страха перед ойратской копейной атакой, которая вызывала неподдельный ужас у крымских татар и ногаев. Последние, столкнувшись с ойратами на поле боя, в панике жаловались своим российским союзникам, что «...нагайским людем они, калмыцкие люди, страшны гораздо и *против них не ставали они нигде и биться с ними не умеют*»²⁹.

Необходимо отметить, что, заимствуя тактические приемы ойратов, казахи не пытались копировать их до мельчайших деталей, а изменяли с учетом местных военных реалий. Главное отличие «ойрат-казахского напуска» от классического западномонгольского прототипа заключалось в том, что наряду с перевооружением легких лучников пиками ойратские правители целенаправленно наращивали численность панцирников в войсках³⁰. В столкновении двух лавин копейной конницы преимущество имела та сторона, которая могла выставить большее число воинов, оснащенных защитным вооружением. В силу целого ряда причин (политического и экономического характера), принять аналогичные меры казахские правители не могли, что вынудило их ограничиться лишь заимствованием идеи легкой копейной конницы. Небольшим отрядам тюркских панцирников было сложно противостоять массовой «куяшной» кавалерии ойратов, что со временем привело к отказу от практики сведения казахских воинов в доспехах в отдельные подразделения. Теперь «окольчуженные» батыры включались в состав отрядов легкой копейной и лучной конницы, повышая ее устойчивость в ближнем бою. Необходимость борьбы с ойратскими «куяшниками» подвигла казахских полководцев искать асимметричный ответ, которым стало массовое применение ручного огнестрельного оружия³¹. Анализ вещественных, изобразительных и письменных источников свидетельствует, что «ойрат-казахский»

вариант «копейного напуска», с небольшими изменениями, продолжал оставаться одним из основных тактических приемов казахов для боя в конном строю вплоть до середины XIX в.

Эволюция конного боя казахских кочевников в конце XV–XVI вв.

На протяжении большей части рассматриваемого периода в комплексе вооружения кочевников Дашт-и Кипчак тотально доминировал старый добрый саадак, а главным способом ведения сражения был дистанционный бой с применением лука и стрел. Характерно, что для обозначения слова «воин» применительно к казахам среднеазиатские авторы XVI в. применяли термин «колчан». Так, например, когда хан Бурундук разослал приказ: «Садитесь на коней для набега», то на его призыв откликнулись «четыреста тысяч колчанов»³². Во многом благодаря умелому применению легкой лучной конницы и соответствующих тактических приемов («хоровод», «тулгاما» и др.) кочевые узбеки одерживали блестящие победы над тимуридскими армиями в полевых сражениях. Завоевав Мавераннахр, узбеки захватили среднеазиатские арсеналы и переориентировали оружейные мастерские региона на собственные нужды. Благодаря этому они сумели массово снабдить своих воинов саблями и защитным вооружением, что повысило устойчивость узбекской конницы в ближнем бою и привело к соответствующим изменениям в тактике ведения боя. Оставшиеся в Дашт-и Кипчак казахи на протяжении большей части рассматриваемого периода не имели возможности эксплуатировать ремесленные мастерские больших городов региона и поэтому сохранили лучную стрельбу в качестве основного способа ведения сражения. В данной связи характерно сравнение военного дела бывших степных соплеменников, данное в начале XVI в. Фазлаллахом ибн Рузбиханом, который противопоставлял мастерство казахских лучников Джаниш-султана хорошему вооружению и военной организации узбеков Мухаммеда Шейбани-хана: «Узбеки из рода казахов отбивались от войск узбеков-шибанитов, стреляя из луков. Узбеки-шибаниты побеждали добротностью оружия, ханской йасой и царским державным величием»³³.

Неудивительно, что в условиях доминирования в военном искусстве дистанционного боя казахи добились больших успехов в деле изготовления саадаков и мастерстве лучной стрельбы. Искусно сделанные «из березового дерева крепкие стрелы» и «тугие луки» перечислены среди наиболее ценных оружейных трофеев,

захваченных узбеками у казахов в ходе военных кампаний начала XVI в. Они же импортировались в Сыгнак «со стороны Дашта»³⁴.

Характерной чертой тактического искусства кочевников Дашт-и Кипчак XV–XVI вв. было разделение армии на поле боя на несколько частей («полков»). Самым простым развернутым построением был трехчастный строй, состоящий из «центра» и пары «крыльев» (рис. 4 А). Судя по описаниям, он обычно применялся тогда, когда число воинов не превышало нескольких сотен всадников. Так, например, его использовал Мухаммед Шейбани-хан в сражении с казахской армией Бурундук-хана: «В то время при хане было не более трехсот человек, но [несмотря на это] он немедленно устроил центр, правое и левое крыло войска, привел в порядок ряды»³⁵.

Во втором варианте построения к центру и крыльям добавлялся арьергард, который российские переводчики часто именуют «засадой»: «Оба войска стали лицом к лицу. Когда строй установил засаду, центр и крылья, с поля боя поднялась пыль от копий»³⁶. Сложности перевода не должны вводить читателя в заблуждение. На практике арьергард степной армии представлял собой резерв, который мог быть скрыт от глаз противника (собственно, засада), но мог и располагаться открыто сразу за центром армии (рис. 4 В). Такой резерв нередко выделялся даже при наличии у степного военачальника лишь нескольких сотен воинов: «Выстроил войско с другой стороны счастливый шах [Мухаммед Шейбани-хан], войска у него *двести человек*, все богатыри. Когда с обеих сторон развернули ряды, с обеих сторон широко раскрыли двери ненависти. *Когда устроили фланги и засаду*, от каждого потребовали проявления доблести»³⁷. В некоторых случаях арьергард мог быть двухчастным и делиться на резерв и засаду.

В третьем варианте построения к центру, флангам и резерву добавлялся авангард (рис. 4 В). Интересно, что даже в конце XVI в. узбеки возводили данный вариант построения войск к воинской практике эпохи Чингиз-хана: «В соответствии с тем, как это было принято у Чингиз [-хана], выделили правое крыло, левое крыло, центр, арьергард и [часть], которая должна быть в засаде»³⁸. В современной научной литературе укоренилось мнение, что авангард армии кочевников состоял исключительно из легковооруженных лучников, в задачи которых входило только завязать бой и отступить к основным позициям, увлекая за собой противника и подводя его под удар флангов и центра армии. Однако в письменных

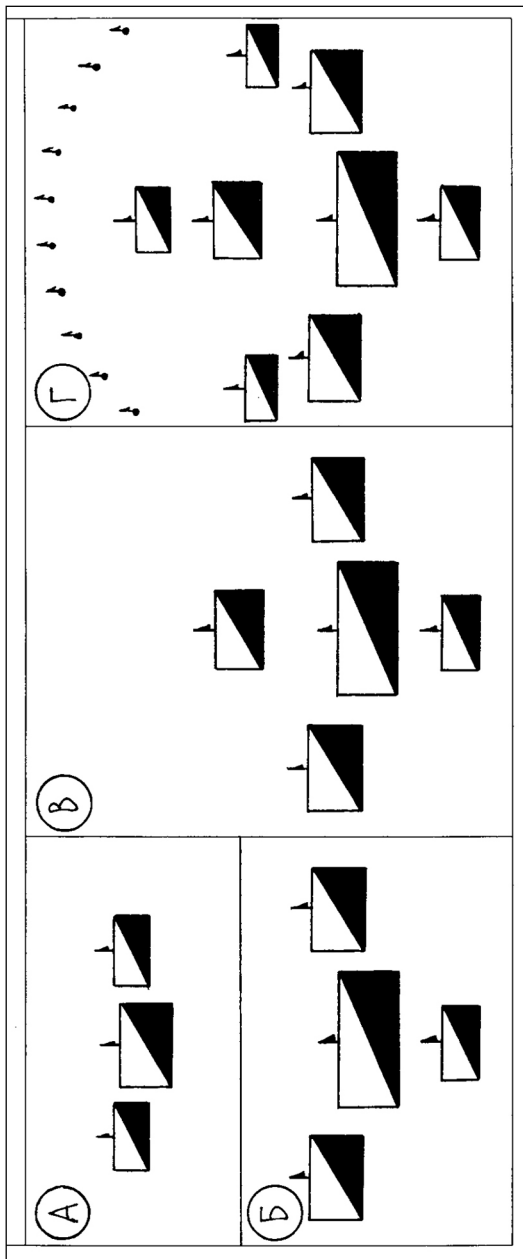

Рис. 4. Варианты построения войск кочевников Дашт-и Кипчак XVI в.:

- А. Построение из центра («орта»), левого («сол кол», «майсара») и правого фланга («он кол», «майманэ»);
- Б. Построение из центра, левого («сол кол») и правого фланга («он кол»), резерва/засады («буктырма»);
- В. Построение из центра, левого и правого фланга, резерва/засады и авангарда («алгышы», «мангалай»);
- Г. Построение из центра, левого и правого фланга, резерва/засады, левофлангового и правофлангового охранения («сол канат», «он канат»), двухчастного авангарда («караул» и «ертаул»), застрельщиков

источниках XVI в. подчеркивается, что авангард степной армии формировался из отборного «отряда храбрецов и бахадуров», а в войсках Тимурида З. Бабура к авангарду и вовсе были приписаны лучшие бойцы его армии – «все наличные йигиты, выдавшие битвы и рубившиеся мечом»³⁹.

Наконец, самое дробное построение степных армий приведено Моллой Шади при описании сражения армий Мухаммеда Шейбани-хана и Махмуд-султана (второго сына казахского Джанибек-хана) на перевале Согунлук: «Сошлись оба громадных войска со всех сторон на Согунлук-дабанае. Строй против строя, как горы, с обеих сторон, *вышли вперед караулы от обоих войск. В каждом [войске] точно установили правую и левую руку, место засады, центр, крылья*»⁴⁰. Таким образом, в данном строе каждый фланг состоял из двух частей – «руки» и «крыла». Скорее всего, речь идет о наличии в построении «канбула» – специального отряда, представлявшего собой фланговое охранение и служившего для предотвращения охвата крыла армии противником. «Канбулы» широко использовались Тимуром и хорошо зарекомендовали себя в ходе сражений со степными армиями Тохтамыша⁴¹. Согласно данным, собранным К.С. Ахметжаном, в боевом построении казахской армии из двух частей мог состояться не только фланг, но и авангард, делившийся на «караул» и «ертаул»⁴².

Местоположение того или иного родового отряда в строю (в центре, на флангах) было закреплено традицией. Наиболее почетными считались воинские ряды на переднем краю фланга армии, который в ходе сражения начинал маневр «тулгاما». По словам Бабура: «На правом и на левом крыле [могулов] постоянно происходили раздоры между родами Чарас и Бекчик из-за того, кому выходить на край... Из-за того, кому выходить на край, они [беки родов] дрались, обнажали друг на друга сабли. В конце концов, кажется, решили, что в кругу для облавы выше будет стоять один, и в боевом строю на край будет выходить другой»⁴³.

Анализ построения казахской армии конца XV – начала XVI вв. на поле боя свидетельствует, что оно представляло собой вариант традиционного для тюрко-монгольских кочевников строя «хилял». Последний представлял собой полумесяц, обращенный «рогами» (флангами) к противнику. Именно такое построение войск применял хан Тохтамыш с Тимуром в сражениях у Кондурчи и Терека⁴⁴. Главными отличиями казахского строя конца XV – начала XVI вв.

от классического золотоордынского «хилаяла» конца XIV в. было наличие мощного резерва и фланговых охранений. Возможно, эти элементы получили развитие в военном искусстве кочевников Дашт-и Кипчак под влиянием противоборства с Тимуром и его преемниками.

Если среди европейских военачальников эпохи Средневековья неожиданное нападение на противника часто считалось «плохим тоном», то для полководцев казахов, могулов, ногаев и кочевых узбеков искусство неожиданного (часто ночного) нападения на вражескую армию, напротив, служило символом воинского мастерства. Однако не меньшую славу степным владыкам приносила и победа в «правильном» полевом сражении, в котором они имели возможность проявить как тактическое мастерство, так и личное мужество. Письменные источники позволяют реконструировать последовательность такой степной баталии.

Перед началом сражения военачальники выстраивали отряды по «полкам», выделяя центр, крылья, резерв, авангард и так далее (см. выше), и определяли их командиров. Битва нередко начиналась с единоборства богатырей: «Первыми молодцы, одетые в железо, вступили на ристалище доблести. Разные [витязи], поодиночке вызывая друг друга на бой, вышли на поле битвы»⁴⁵.

Большое сражение открывалось атакой конницы. В столкновении армий кочевников частым явлением был встречный бой, когда противоборствующие стороны пытались сразу же сломить наступление противника атакой своих конных лучников. В этом случае воздух над полем битвы пронизывали тысячи стрел, на флангах, словно длинная плеть, разворачивалась «тулгама», а в центре схватки начинали свое вращение смертоносные «хороводы». В большинстве случаев степные полководцы практиковали постепенное введение «полков» в схватку. Обычно первым в бой вступал авангард, за ним крылья и центр. Резерв и/или засады вводились в бой в решающий момент сражения. Однако известны случаи, когда сражение открывалось большим маневром всей степной армии, начинавшей выполнять фланговый охват войск противника («тулгама»).

Над отрядами кочевников реяли бунчуки и знамена с цветными полотнищами. Каждый отряд устремлялся на противника, выкрикивая родовой боевой клич-«уран», который не только поднимал дух воинов, но и позволял отличить соратников и союзников от

врагов. В ходе атаки родовые ураны сливались в оглушительный рев, который производил исключительно неприятное впечатление на противника: «Зеленые, голубые и фиолетовые знамена от движения стали сверкать золотом. Стремительно взлетел боевой клич с обеих сторон, так что задрожала невольно от страха перед ними гора... В воздухе реют знамена. На штандарте [слова] – “Истинно, мы верно победили”. Поднялся к небосводу грохот от кожи онагра, от страха дракон стал похож на муравья, такой клич поднялся с обеих сторон, что земля и время содрогнулись»⁴⁶. Через 300 лет после этих сражений оценить эффект, производимый боевыми уранами, смогли российские офицеры, которые сразу же окрестили их «ужасным криком», «ужасным шумом», «чудовищным визгом»⁴⁷. Участник боевых действий в Средней Азии генерал М.Г. Черняев отмечал: «Кому не приходилось выдерживать атаку азиатских полчищ, тот не может даже себе представить того действия, которое производят на нервы эти нечеловеческие звуки»⁴⁸.

Интересно, что сражения с участием армий кочевников Дашт-и Кипчак XVI в. проходили под аккомпанемент громкой военной музыки. Причем абсолютный приоритет отдавался ударным и духовым инструментам. Наиболее часто в письменных источниках упомянуты барабаны, в том числе «большие барабаны», вероятно являвшиеся наследниками знаменитых монгольских «наккаров»⁴⁹, а также трубы⁵⁰, флейты⁵¹ и литавры⁵². Военная музыка не только поддерживала боевой дух воинов во время битвы, но и служила сигналом начала сражения.

Основными тактическими приемами казахов на протяжении большей части периода были «хоровод», «тулгاما», притворное отступление, различные типы засад. Каждый тактический прием мог выполняться не только самостоятельно, но и в комплексе. Так, атака могла начинаться как «хоровод» перед строем противника, после чего всадники обходили его фланг и обстреливали его сбоку и с тыла («тулгاما»), а в случае вражеской контратаки переходили в притворное бегство (не прекращая при этом стрельбы) и подводили преследователей под удар засады. На протяжении основного времени сражения главная роль отводилась дистанционному бою с применением лука и стрел: «Слились два моря войск. Когда подняла крик труба притеснения, на поле пал огонь и возгорелся. Воздух одел покрывало из орлиных перьев [стрел], за покрывалом скрылось сверкающее солнце...»⁵³; «С обеих сторон зазвенели луки,

стрела шептала в ухо имя смертного часа... Поднялась вверх черная туча, которая изливалась дождем стрел на головы войска. В степи заходили такие волны крови, что лик небес стал похож на тюльпан»⁵⁴; «Во все стороны стремительно полетели птицы-стрелы, стремительно взлетали с обеих сторон стрелы, точно сель, низвергающийся с вершины. От волн крови земля вся в складках, зрачки [колец] кольчуги стали похожи на бурлящие кровавые родники»⁵⁵.

В ходе столкновения нескольких «хороводов» воины иногда приближались к противнику настолько близко, что метали в противника не только стрелы, но и дротики, которые в этот период получили широкое распространение среди легких ногайских и казахских воинов: «Первым за жертвой отправился лук, испустил кровожадную стрелу. С двух сторон в воздухе стрелы, словно тучи, смертный час безжалостно обрушил ливень стрел. Не милосердствуя, вошла снаружи стрела в поисках сердца... В полете дротики пронзали друг друга, тысячи треугольников в воздухе. Когда копьё попадало кому-либо в рот, словно лилию, язык его оно вытаскивало через затылок»⁵⁶.

Бегство противника могло начаться уже на первом этапе сражения после удачно проведенной атаки с акцентом на применение дистанционного оружия: «Хазрат хан сам своей благословенной особой вышел в окрестности крепости, и повсюду, где бы [враги] ни производили натиск, *езде он острым наконечником стрелы стирал их с лица земли*»⁵⁷; «Однако могулы, напрягши силы, первыми стремительно напали на Буреке. Сколько пустили они стрел, обрушили ударов мечей и метнули дротиков, что [воины Буреке] побежали от первого же натиска, [едва] они решительно произвели первую мощную атаку, [как] полностью смешали [строй] войска Буреке»⁵⁸.

Однако тотальное преобладание дистанционного лучного боя не означало полного отказа от рукопашной схватки, которая проходила в форме атаки («напуска») немногочисленного, но хорошо вооруженного отряда конных панцирников-«богатуров» на построения противника, уже «размягченные» стрельбой лучников. После короткой рукопашной схватки вражеские воины, как правило, обращались в бегство⁵⁹.

Подобные способы ведения боя были эффективны против маломаневренного противника (немногочисленной тяжелой конницы или пехоты) или, наоборот, против такой же легкой лучной конницы.

Этим во многом объясняются победы кочевых узбеков, казахов, крымских татар, ногаев над латной кавалерией Тимуридов, пешими ополчениями городов Мавераннахра и «вилаяета Туркестан», генуэзскими кондотьерами, легкой конницей Могулистана. Однако если противник придерживался активной наступательной тактики, имел хороший конский парк и надежное защитное вооружение, то он становился смертельно опасен для конницы легких лучников. Наиболее ярко это правило подтвердили события начального периода «Малого монгольского нашествия», когда «копийные и куяшные» лавины ойратской (калмыцкой и джунгарской) конницы раз за разом сминали «хороводы» тюркских конных лучников⁶⁰. Крымские и ногайские стрелки не успевали набрать разбег и выпустить первые стрелы, как им уже приходилось разворачивать коней и спасаться бегством, чтобы не оказаться жертвой длинных калмыцких пик. Ойратские кони были не хуже татарских, и оторваться от преследования было очень сложно, не говоря уже о том, чтобы перестроиться и повторить атаку. В тактическом плане ойратский «копейный напуск» стал «убийцей хороводов» конных лучников и существенно сократил возможности применения классического варианта маневра «тулгана».

Необходимость противодействия «копийной и куяшной» коннице ойратов, а также ружейным стрелкам и панцирникам узбеков Мавераннахра создали условия для трансформации традиционного военного искусства кочевников Восточного Дашт-и Кипчак.

Во второй половине XVI – первой половине XVII вв. в вооружении и тактике казахов произошли важные изменения. Образцом для подражания выступили военные «машины» наиболее опасных противников – ойратов и узбеков. Однако заимствования производились не механически, а с учетом местной военной специфики. Данный процесс облегчался тем фактом, что казахские военачальники и правители либо сами ранее несли службу в войсках Бухарского ханства (Таваккул), либо имели богатый опыт столкновений с узбеками и ойратами (Ишим, Турсун, Джангир и др.), то есть могли адекватно оценить сильные и слабые стороны своих противников.

Ключевыми новинками в оружейной сфере стало массовое оснащение конных лучников длинными пиками (по ойратскому образцу) и активное внедрение в войсках фитильных ружей (преимущественно среднеазиатского производства). Это, в свою очередь,

привело к трансформации тактики ведения боя. Казахские кочевники стали применять массированную копейную кавалерийскую атаку, в которой теперь участвовали не только панцирники, но и легкие копейщики («ойрат-казахский напуск»). Казахские ружейные стрелки спешивались во время сражения и вели бой от обороны, опираясь на полевые укрепления. Роль конных лучников, хотя и продолжала оставаться значительной, постепенно снижалась. Все чаще успех в бою определялся умением полководца эффективно координировать действия спешенных стрелков и масс копейной и лучной конницы. Благодаря грамотному применению такой тактики тюркские полководцы сумели нанести ряд поражений латной кавалерии ойратов. В 1643 г. казахско-узбекская армия одержала победу над джунгаро-монгольскими войсками в так называемой Орбулакской битве, а в следующем, 1644 г., ногайцы и черкесы схожим способом разгромили калмыков в горах Северного Кавказа.

В Дашт-и Кипчак начиналась новая эпоха, в которой пике и ружью отводилась не меньшая роль, чем старому доброму саадаку. Поражения первой половины 40-х гг. XVII в. подтолкнули ойратских военачальников к мысли о необходимости массового освоения огнестрельного оружия, что, в конечном счете, привело к реформированию калмыцких и джунгарских армий и изменению традиционного облика степных сражений⁶¹. Чтобы выстоять перед новой волной вражеского нашествия, казахские войска должны были вновь пройти через горнило военных преобразований. Особую роль в грядущих сражениях с джунгарами казахские полководцы отводили коннице, которой предстояло принять главный удар лучших корпусов армии «Последней кочевой империи».

¹ Бобров Л.А. Казахская тактика ведения боя в пешем строю в последней трети XVI – середине XIX вв. // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Ч. I. СПб.: ВИМАИВиВС, 2012. С. 105–135.

² Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан. Летопись трех тысячелетий. Алма-Ата: Рауан, 1992. С. 339–345; Алланиязов Т.К. Очерки военного дела кочевников Казахстана. Алматы: Фонд «XXI век», 1996. С. 55–59; Кушкумбаев А.К. Военное дело казахов в XVII–XVIII веках. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. С. 97–110; Его же. Некоторые элементы военного искусства позднесредневековых кочевников Казахстана // Роль кочевников евразийских степей в развитии мирового военного искусства. Алматы: Изд-во ЛЕМ, 2010. С. 212–227; Ахметжанов К.С.

Жараган темір кигендер (батырлардын каружарагы эскери онері, салт-дәстүрлері). Алматы, 1996. С. 178–181; Его же. Кошпелі халықтардын шайкас алдында урыс шебін қуру әдістері // Рух-Мирас. Казахстанский культурологический альманах. № 3 (3). 2004. С. 26–38.

³ Горелик М.В. Стенной бой (из истории военного дела татаро-монголов) // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1990. С. 155–160.

⁴ Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 168.

⁵ Бабур-Наме. Записки Бабура. Ташкент: АН УзССР, 1958. С. 107.

⁶ В противном случае стрельба из внутренних рядов «хоровода» могла быть только навесной.

⁷ Характерно, что рост популярности «хоровода» в эпоху Великих Монгольских завоеваний совпал по времени со стремительным распространением луков с центральной веслообразной накладкой и стрел с плоским широким пером. Такие стрелы были менее устойчивы в полете, чем их трехлопастные аналоги, а значит, менее эффективны при прицельной стрельбе на дальней дистанции. Зато более простые в изготовлении стрелы с плоским пером идеально подходили для стрельбы на малой дистанции, которая практиковалась в рамках «хоровода» (Худяков, 1997, с.124, 126). Интересно, что среди наконечников стрел кочевников Дашт-и Кипчак XV–XVI вв. данный тип стрел продолжает преобладать, что свидетельствует о сохранении некоторых тактических приемов, характерных для эпохи развитого Средневековья.

⁸ Герберштейн С. Указ. соч. С. 168.

⁹ Горелик М.В. Указ. соч. С. 155–158.

¹⁰ Термин «тулгам» применял З. Бабур, а «тулгамыш» – Абд ал-Гаффар.

¹¹ Так, например, некоторые авторы определяют его как «таранный» (?) удар, сокрушающий фланг противника.

¹² Бабур-Наме. Указ. соч. С. 107.

¹³ Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Указ. соч. С. 344.

¹⁴ Материалы по истории Казахских ханств XV–XVIII веков. Извлечения из персидских и тюркских сочинений. Алма-Ата: Наука, 1969. С. 147, 148.

¹⁵ В сражении у р. Кундурча Тохтамыш использовал парную «тулгаму», когда его конные отряды охватили оба фланга армии Тимура (Миргалеев И.М. Битвы Тохтамыш-хана с Аксак Тимуром // Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения. Казань, 2011. С. 174, 175). В первый день битвы у р. Терек Тохтамыш пытался охватить армию Тимура своим правым, а во второй день – своим левым флангом (Миргалеев И.М. Битвы Тохтамыш-хана с Аксак Тимуром. С. 178, 179).

¹⁶ Бабур-Наме. Указ. соч. 8. С. 107.

¹⁷ Герберштейн С. Указ. соч. С. 168.

¹⁸ История Казахстана в русских источниках XVI–XX вв. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. Т. 5: Первые историко-этнографические описания казахских земель. Первая половина XIX в. С. 436.

¹⁹ История Казахстана в персидских источниках. Извлечение из сочинений XIII–XIX вв. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. Т. 5. С. 183.

²⁰ Там же. С. 183–185.

²¹ Там же. С. 185.

²² Там же. С. 184.

- ²³ Прошлое Казахстана в источниках и материалах V–XVIII вв. М.; Алма-Ата: Наука, 1936. С. 246.
- ²⁴ История Казахстана в русских источниках XVI–XX вв. Т. 5. С. 437.
- ²⁵ Горелик М.В. Указ. соч. С. 155–160.
- ²⁶ Материалы по истории Казахских ханств XV–XVIII веков. С. 55, 56.
- ²⁷ Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV – первая половина XVIII вв.). СПб: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. С. 538, 567; Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Взаимодействие тюркских и монгольских народов с русскими в Сибири в военном деле в позднее Средневековье и Новое время: Учебн. пособие. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2010. С. 126–129, 166.
- ²⁸ Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Взаимодействие тюркских и монгольских народов с русскими в Сибири... С. 129.
- ²⁹ История Казахстана в русских источниках. Посольские материалы Российского государства (XV–XVII вв.). Алматы: Дайк-Пресс, 2005. Т. 1. С. 235.
- ³⁰ Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников... С. 327–366, 567–603.
- ³¹ Бобров Л.А. Казахская тактика ведения боя в пешем строю... С. 105–135.
- ³² Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан... С. 340. Схожие примеры можно привести и относительно воинов Центральной Азии и Южной Сибири. Так, например, кыштымы енисейских кыргызов нередко обозначались как «луки», а ойратские и монгольские всадники как «панцири» («хуяг»). (Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников... С. 363, 640).
- ³³ История Казахстана в персидских источниках. Т. 5. С. 181.
- ³⁴ Там же. С. 171, 189.
- ³⁵ Материалы по истории Казахских ханств XV–XVIII веков. С. 104.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же. С. 87.
- ³⁸ Хафиз-и Таныш ибн Мир Мухаммад Бухари. Шараф-нама-йи шахи (Книга шахской славы). Ч. 1. М.: Наука, 1983. С. 235.
- ³⁹ Материалы по истории Казахских ханств XV–XVIII веков. С. 157; Бабур-Наме. Указ. соч. С. 107.
- ⁴⁰ Материалы по истории Казахских ханств XV–XVIII веков. С. 76.
- ⁴¹ Миргалеев И.М. Указ. соч. С. 170–182.
- ⁴² Ахметжан К.С. Кошпелі халыктардын шайкас алдында урыс... С. 34–37.
- ⁴³ Бабур-Наме. Указ. соч. С. 116.
- ⁴⁴ Миргалеев И.М. Указ. соч. С. 172–179.
- ⁴⁵ Материалы по истории Казахских ханств XV–XVIII веков. С. 88.
- ⁴⁶ Там же. С. 72, 87, 88.
- ⁴⁷ История Казахстана в русских источниках XVI–XX вв. Т. 5. С. 134, 135, 137–139, 244, 245).
- ⁴⁸ Михайлов А.А. Первый бросок на юг. М.: «АСТ»; СПб: «Северо-Запад-Пресс», 2003. С. 367.
- ⁴⁹ Материалы по истории Казахских ханств XV–XVIII веков. С. 65, 69, 75–77, 105, 147, 165, 218; Бабур-Наме. Указ. соч. С. 110.
- ⁵⁰ Материалы по истории Казахских ханств XV–XVIII веков. С. 68, 69, 75, 147, 157.
- ⁵¹ Там же. С. 69, 76, 77.

⁵² Там же. С. 105, 147, 157, 165, 169.

⁵³ Там же. С. 88.

⁵⁴ Там же. С. 65.

⁵⁵ Там же. С. 69.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же. С. 112, 113.

⁵⁸ Там же. С. 56.

⁵⁹ Там же. С. 56, 76, 77, 88.

⁶⁰ Бобров Л.А. Военное дело калмыков и его эволюция в XVII–XVIII веках // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. Элиста: Изд. дом «Герел», 2009. Т. 3. С. 83–103.

⁶¹ Там же. С. 83–103; Его же. Казахская тактика ведения боя в пешем строю... С. 105–135; Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Взаимодействие тюркских и монгольских народов с русскими...; Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири...

*Л.А. Бобров (Новосибирск),
М.А. Анисимова (Санкт-Петербург)*

ШЛЕМЫ КАЗАХСКО-ОЙРАТСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ ИЗ ФОНДОВ ВОЕННО- ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ АРТИЛЛЕРИИ, ИНЖЕНЕРНЫХ ВОЙСК И ВОЙСК СВЯЗИ

Э ПОХА позднего Средневековья и раннего Нового времени является исключительно важным периодом в истории тюркских и монгольских народов Центральной Азии. Именно в это время, в целом, завершилось формирование этно-политической карты региона, которая с некоторыми изменениями сохранилась вплоть до настоящего времени. Детальное изучение вооружения и тактики позднесредневековых кочевников Евразии, основанное на комплексном анализе вещественных, изобразительных и письменных источников, началось относительно недавно, и публикации предметов ойратского, казахского и узбекского вооружения XVI–XIX вв. продолжают вызывать повышенный интерес у отечественных и зарубежных специалистов. В последние годы в научный оборот регулярно вводятся уникальные образцы позднесредневекового центральноазиатского вооружения, многие годы безвестно пролежавшие в запасниках российских, казахстанских, американских, британских и китайских музеев. К числу лучших образцов таких «неожиданных находок» относятся два железных шлема, хранящиеся в фондах Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (инв. № 0138/95; 0138/120). Данные наголовья числятся в музее как «шлемы монгольские XVII в.». Поскольку ранее они не публиковались, целью настоящей статьи является введение шлемов из ВИМАИВиВС в научный оборот, описание их конструкции и оформления, а также уточнение датировки и атрибуции.

Рассматриваемые шлемы входят в состав коллекции восточного оружия ВИМАИВиВС, которая является одной из крупнейших в Российской Федерации и включает в себя около трех тысяч единиц защитного и наступательного вооружения турецкого, иранского, кавказского, арабского, среднеазиатского, монгольского, индийского, китайского и японского производства. Формирование коллекции началось еще во второй половине XVIII в., когда в «Достопамятный зал» (как тогда назывался музей) были переданы многочисленные трофеи русско-турецких войн¹. Позднее к ним добавились трофеи русско-персидских войн, Кавказской войны (1817–1864), военных кампаний против Коканда, Бухары и Хивы, а также китайское оружие, захваченное при подавлении восстания Ихэтуань в 1900–1901 гг.² Однако, несмотря на периодические пополнения, собрание восточного оружия в музее дореволюционного периода было относительно небольшим. Ситуация начала существенно меняться после 1925 г., когда власти Советской России приняли решение создать на базе Артиллерийского исторического музея единый военно-технический музей всесоюзного значения, призванный продемонстрировать посетителям историю развития военно-технической мысли человечества. С этого времени собрание начинает активно пополняться вооружением различных стран мира, в том числе и восточных. Так, например, в 1925 г. из отделения военного имущества Ленинградского Государственного музейного фонда было передано около 2500 предметов вооружения, знамен, моделей орудий и т. д. Значительная часть новых поступлений была представлена изделиями азиатских мастеров³. Уже на следующий год в состав коллекций Артиллерийского исторического музея вошло собрание «Общества Ревнителей Истории», состоящее из более тысячи предметов вооружения, преимущественно восточного производства. «Общество» было организовано в 1911 г. историком М.К. Соколовским, а его музей исторического оружия формировался из различных источников⁴. Собрание Артиллерийского музея пополнила и коллекция оружия Великого князя Михаила Николаевича Романова (1839–1909), которую он начал собирать еще в молодости. После смерти великого князя она попала в музей его имени в Новомихайловском дворце, а оттуда в Военный историко-бытовой музей, который в 1937–1938 гг. вошел в состав Артиллерийского музея⁵.

К сожалению, поступления 20-х – первой половины 30-х гг. XX в. не фиксировались должным образом, а дореволюционная документация сохранилась не полностью. Дошедшие до нашего времени документы этих лет фиксируют только общее количество шлемов, сабель, ружей и других предметов вооружения, поступивших в то или иное время, но не содержат их описаний. В 1935 г. была составлена новая учетная документация на все музейные коллекции, в рамках которой все предметы были разделены по номенклатурам, согласно конструктивным признакам, с присвоением новых номеров. При этом старые номера хранения и условия поступления в новых документах, как правило, не были указаны. Как и во многих других случаях, источник и время поступления шлемов № 0138/95 и 0138/120 по документам не прослеживаются, так как в научно-инвентарных карточках и «Книге единого учета музея» в графе «поступления» указан «Артиллерийский исторический музей». Это означает, что шлемы поступили в собрание до 1935 г. Поскольку ни в описи Артиллерийского музея 1882 г., ни в каталоге 1912 г. подобных шлемов не значится, наиболее вероятным временем их поступления следует считать 20-е гг. XX в. Вопрос, на каком основании наголовья были в 1935 г. определены как «монгольские XVII в.», остается открытым. Таким образом, имеющаяся музейная документация позволяет лишь вычислить период передачи шлемов в Артиллерийский музей, но не проясняет ситуацию с атрибуцией и датировкой интересующих нас наголовий. Уточнить место и время изготовления шлемов позволяет анализ их конструкции и системы оформления.

По материалу изготовления оба шлема относятся к классу железных, по конструкции купола – к отделу цельнокованых, по форме тульи – к типу сфероконических. Вместе с тем, в системе оформления наголовий наблюдаются существенные различия. Рассмотрим их более подробно.

1. Цельнокованный сфероконический шлем с тульей, украшенной золотой насечкой, коробчатым козырьком, узким обручем, трубкой-втулкой с двумя «яблоками», пятиугольными наушами (инв. № 0138/95).

Цельнокованая тулья шлема (рис. 1) имеет классическую сфероконическую форму, характерную для восточноевропейских, западноазиатских и среднеазиатских боевых наголовий. Общая высота шлема – 26,5 см (в том числе трубка-втулка – 8,5 см), диаметр:

Рис. 1. Шлем № 0138/95. Вид справа. Фото И.А. Садовой

ставляет собой золотое поле, на котором распускаются пышные черные цветы в окружении тонких стеблей, листьев и нераскрытых бутонов. Основу композиции центрального яруса (занимающего почти половину тульи) составляют изящные золотые лепестки и легкие дву- и трехлепестковые бутоны, сплетающиеся в четыре больших ромбических картуша, резко выделяющихся на черном фоне купола (рис. 2). Пространство между картушами заполнено отдельными цветочными бутонами и листьями с резным краем (турецк. «саз»). Верхний (самый малый и узкий) ярус расположен у наверхшия шлема. К сожалению, часть рисунка затерта, но можно различить густые золотые стебли и завитки на черном фоне. Еще одна золотая «лента» (ширина – 0,8 см) пропущена вдоль нижней кромки шлема. Рисунок на ней представляет собой легкие, сплетающиеся двулепестковые бутоны на тонких стеблях.

К налобной части шлема приклепан так называемый «коробчатый» козырек, состоящий из горизонтальной пластины-«полки» (ширина – 1,7 см) и вертикального «щитка» (рис. 1). Оформление

лобно-затылочный – 23,0 см, височный – 23,2 см. Толщина тульи – 0,8 мм. Вдоль нижнего края купола пробиты отверстия для крепления бармицы. Общий вес шлема – 1,569 кг.

Поверхность тульи шлема покрыта сплошным растительным орнаментом, выполненным в технике золотой насечки. В российских и зарубежных собраниях найдется не много наголовий, способных сравниться с рассматриваемым экземпляром по качеству, стилю и богатству отделки. Две горизонтальные ленты (ширина – 2,2 см), состоящие из трехлепестковых бутонов и горошин (рис. 1), делят тулью шлема на три яруса, каждый из которых имеет характерное декоративное оформление. Нижний ярус пред-

козырька сильно отличается от оформления тульи. «Полка» лишена орнамента, а на «щиток» приклепана серебряная накладка с выпуклым бортиком. Поверхность пластины украшена стилизованным растительным орнаментом, резко контрастирующим (по цвету, технике и стилю) с рисунком на тулье шлема. Особенности конструкции и оформления козырька, способ его соединения с куполом (при котором козырек перекрывает золотой орнамент на тулье) позволяют утверждать, что козырек не был изготовлен одновременно со шлемом, а был добавлен к нему позднее.

К позднейшим добавлениям следует также отнести железный обруч по краю шлема (сохранился фрагментарно), трубку-втулку для плюмажа и на уши. Обруч представляет собой простую железную полосу грубой работы (ширина – 0,8 см), набитую вдоль нижней кромки шлема прямо поверх отверстий для крепления бармицы. Единственным украшением обруча является горизонтальное ребро жесткости, проходящее по центру железной полосы (рис. 1).

Аутентичные наверхшия на шишаках, как правило, были съёмными. Они ввинчивались или вставлялись в отверстие на конической части купола шлема, а их оформление гармонировало с оформлением тульи шлема. В данном случае железная трубка (диаметр – 0,9 см) намертво соединена с круглой пластиной наверхшия, расположенной на внутренней части купола шлема. Трубка лишена золотой насечки, зато украшена двумя уплощенными металлическими «яблоками» (рис. 1). Нижнее граненое «яблоко» (диаметр – 2,0 см) расположено у основания трубки. Оно снабжено по центру сплошным горизонтальным ребром жесткости и серией вертикальных ребер. Второе «яблоко» (диаметр – 1,5 см) выполнено в виде массивного перстня и насажено примерно по центру трубки. Его поверхность снабжена восемью гнездами, в которые вставлены кусочки

Рис. 2. Шлем № 0138/95. Фрагмент. Ромбический «каргуш» из бутонов, горошин и листьев на тулье шлема. Фото И.А. Садовой

кораллов и бирюзы. Конструкция, способ соединения с тульей, а также система оформления трубки-втулки свидетельствуют, что она была добавлена к куполу шлема позднее, возможно, заменив аутентичное навершие.

К боковым сторонам шлема подвешены пятиугольные железные науши (12 на 13,5 см) с круглой латунной бляхой посередине (диаметр – 5,0 см), которая прибита к железной основе с помощью четырех металлических заклепок (рис. 1, 3). В центре бляхи расположено гнездо для коралла (диаметр – 1,0 см) (сам коралл сохранился только в гнезде правого науша), которое окружают десять концентрических кругов больших и малых латунных «горошин», выполненных техникой чеканки. По краю наушей приклепаны широкие латунные бортики (ширина – 0,9 см) украшенные рядами больших и малых полусферических «горошин». Основное поле наушей покрыто сплошным растительным орнаментом в виде широких закрученных лепестков на тонких стеблях (серебряный рисунок на темном фоне). Таким образом, оформление и цветовое решение наушей контрастирует не только с тульей, но и с козырьком шлема, что позволяет предположить, что все три элемента были изготовлены в разное время. В пользу данной версии свидетельствует и система подвеса наушей к тулье. Поверх отверстий, предназначенных для крепления бармицы (закрытых обручем), пробиты новые парные отверстия с простыми грубо вырезанными фиксаторами прямоугольной формы и железными заклепками. Последние служат для крепления пары кожаных ремней, на которых и подвешен науш. К нижней части наушей были приклепаны подбородочные завязки, представлявшие собой узкие кожаные ремешки.

Анализ конструкции и системы оформления шлема № 0138/95 позволяет предположить, что данное наголовье применялось на протяжении длительного исторического периода, не раз меняло своих владельцев и подвергалось неоднократной переделке. Наиболее

Рис. 3. Шлем № 0138/95. Фрагмент. Правый науш шлема. Фото И.А. Садовой

ранним элементом шлема является его богато оформленный купол. Следует сразу отметить, что вероятность его монгольского происхождения крайне мала. Цельнокованные шлемы встречаются в монгольских и ойратских материалах достаточно редко, а форма и система декоративного оформления известных образцов сильно отличаются от рассматриваемого экземпляра⁶. Совершенно очевидно, что низкий сфероконический купол шлема выполнен в рамках западноазиатской военно-культурной традиции, которая в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени доминировала во всем мусульманском мире, а в XVI – первой половине XVII вв. оказывала сильное влияние на эволюцию русского доспеха⁷. В этот период наголовья подобной конструкции и формы были весьма популярны среди воинов Малой, Передней и Средней Азии, а также Восточной Европы. Характерной особенностью рассматриваемого образца является высокое качество металла, из которого изготовлен купол, а также мастерство его обработки.

Если по конструкции и форме тульи шлем из ВИМАИВиВС имеет многочисленные аналоги среди османских, иранских, русских и среднеазиатских наголовий XVI–XVII вв., то его декоративное оформление отличается значительным своеобразием. Рисунок на куполе соединяет в себе как элементы, характерные для орнаментов «общемусульманского» образца, так и оригинальные реплики. Например, легкий узор из изящных двулепестковых бутонов на тонких стеблях традиционен для изделий османских, персидских и российских оружейников XVI–XVII вв.⁸, однако на рассматриваемом шлеме этот орнамент не выходит за пределы четырех картушей на центральном ярусе шлема (рис. 1, 2). В то время как остальная плоскость тульи покрыта большими и малыми цветами, форма и рисунок которых, в целом, не характерны для западноазиатского орнамента по металлу. (Исключение составляют лотосы («хатаи») и листья с резным краем («саз») которые относительно часто встречаются на османских и иранских орнаментах второй половины XVI – первой половины XVII вв.)⁹

Весьма редким элементом оформления является черный рисунок по золотому полю, покрывающий нижнюю часть шишака. Данный эффект достигается за счет того, что мастерами применен метод «псевдоаппликации», когда золотом убран фон, а распустившиеся цветочные бутоны и листья сохранили цвет стального купола. Подобный оформительский прием на шлемах Малой и Передней

Азии применялся достаточно редко и был, как правило, локализован в рамках небольших клейм, розеток и картушей¹⁰, в то время как в рассматриваемом случае золотое поле покрывает едва ли не четверть купола наголовья. Опоясывающая шлем «лента» из серии трехлепестковых бутонов восходит к аналогичному узору на иранских шлемах XIV–XV вв.¹¹, который в различных вариациях воспроизводился на западноазиатских, российских, среднеазиатских и индийских шлемах XVI–XVII вв., а на персидских и среднеазиатских «кула худ» сохранился вплоть до XIX в.¹² Отличительной особенностью оформления «ленты» шлема из ВИМАИВиВС является ряд больших трехлепестковых бутонов, дополненный двумя рядами малых бутонов, и нитью из больших золотых горошин. Характеризуя рисунок на куполе шлема в целом, можно отметить, что он ближе не к османским, а к иранским и среднеазиатским образцам.

Сплошной растительный орнамент (без элементов мусульманской символики и разрывов), покрывающий тулью шлема из ВИМАИВиВС, сближает его со знаменитой «шапкой кучумовской», изготовленной среднеазиатскими или иранскими мастерами середины XVI в.¹³ Купол «кучумовского» шлема оформлен в схожей цветовой гамме (золотой рисунок на темном фоне), также перехвачен золотыми «лентами», а форма бутонов в окружении круглых горошин напоминает узор на картушах наголовья из ВИМАИВиВС¹⁴. И хотя рисунок на тулье «кучумовского» шлема («разметные травы чеадасские») менее густой и насыщенный, а большие распутившиеся цветы и картуши в орнаменте отсутствуют, некоторое стилистическое сходство шлемов очевидно. Что касается заполненных растительным узором картушей подромбической формы, то они присутствуют на другом среднеазиатском шлеме – «шапке яркендского дела хана Мухамеда», изготовленной в Восточном Туркестане во второй половине XVI в.¹⁵ Интересно, что форма и размеры тульи яркендского наголовья в целом соответствуют форме и размерам купола шлема из ВИМАИВиВС.

Сравнительный анализ конструкции и системы оформления купола шлема № 0138/95 с боевыми наголовьями Евразии эпохи Средневековья и раннего Нового времени позволяет отнести его к большой группе низких цельнокованых сфероконических шлемов, известных в отечественном оружейоведении под названием «шишак». Наиболее вероятно, что шлем был изготовлен мастерами

Средней Азии или Ирана в XVI – первой половине XVII вв. Судя по качеству металла и богатству отделки, он принадлежал знатному воину или военачальнику.

Одночастные пятиугольные науши шлема из ВИМАИВиВС сильно отличаются от вырезных и многочастных наушей османского и российского образца, изображения которых во множестве присутствуют на миниатюрах Передней и Средней Азии XVI–XVII вв.¹⁶ Судя по особенностям конструкции и отделки, науши на рассматриваемом шлеме были изготовлены среднеазиатскими мастерами. Украшенная «яблоками» округлой формы трубка-втулка для плюмажа встречается как на среднеазиатских, так и на центральноазиатских боевых наголовьях XV–XVIII вв.¹⁷ «Коробчатый» козырек данной конструкции является характерным элементом оформления шлемов кочевников Центральной Азии XVII–XVIII вв.¹⁸

Представляется возможным предложить следующий вариант реконструкции «боевого пути» шлема № 0138/95 из ВИМАИВиВС. Шлем был изготовлен оружейниками Средней Азии или Ирана в XVI – первой половине XVII вв. Первоначально он имел съёмное навершие и кольчужную (?) бармицу, защищавшую шею и лицо воина с боков. Впоследствии наголовье поменяло владельца, и его новый хозяин подверг шлем переделке с учетом своих вкусов и материальных возможностей. В куполе шлема проделали новые отверстия, через которые пропустили кожаные ремешки для крепления пары железных наушей. Вероятно, средств на золочение наушей не хватило, и драгоценный металл был заменен на комбинацию из инкрустированных кораллами и украшенных чеканкой латунных накладок и серебряного узора. Возможно, что некоторое время кольчужная бармица носилась совместно с наушами, но впоследствии она была удалена, а отверстия для ее крепления заклепаны железным обручем. Вопрос о существовании пластинчатого назатыльника у шлема остается открытым. Отверстия, находящиеся на одном уровне с отверстиями для наушей, на затылке тульи отсутствуют. Теоретически для подвешивания назатыльника могли применяться отверстия бармицы, или малые парные отверстия. Однако более вероятно, что после удаления бармицы для защиты шеи использовался стоячий воротник кольчуги или высокий стеганный воротник верхнего «мягкого» панциря, столь популярный среди воинов Средней Азии XVII в.¹⁹ Самым поздним добавлением к шлему стал «коробчатый» козырек. Его появление, вероятно,

связано с тем, что шлем попал в руки кочевника (казаха или ойрата). Последний не стал удалять не характерные для боевых наголовий степняков, но ярко оформленные на уши, но заказал мастеру снабдить наголовье традиционным типом козырька, украшенного серебряной пластиной с привычным для номада орнаментом. Обычное для шишаков съемное навершие могло быть заменено на трубку-втулку вскоре после удаления бармицы или параллельно с монтажом козырька. В результате серии переделок и появился шлем, сочетающий покрытую золотой насечкой булатную тулью с железными наушами под латунными накладками и козырьком с серебряной пластиной. Теоретически в таком виде шлем мог применяться казахскими воинами вплоть до второй половины XVIII – начала XIX вв. Длительное использование данного боевого наголовья стало возможным благодаря как великолепному качеству металла купола шлема, так и его богатому украшению.

2. Цельнокованный сферокопический шлем с уплощенным верхом, тульей, украшенной латунными накладками и коралловой инкрустацией, коробчатым козырьком, узким латунным обручем, трубкой-втулкой с «яблоком» (инв. № 0138/120).

Характерной особенностью шлема (рис. 4) является цельнокованая тулья, имеющая форму усеченного сфероконуса. Верхняя часть купола срезана под прямым углом, а образовавшееся отверстие закрыто круглой плоской пластиной навершия с трубкой-втулкой для плюмажа (рис. 4, 6). Общая высота шлема – 19,8 см (в том числе трубка-втулка – 3,6 см), диаметр: лобно-затылочный – 22,2 см, височный – 20,5 см. Толщина тульи – 1,1 мм. Диаметр круглой пластины навершия (4,8 см) несколько больше отверстия на

Рис. 4. Шлем № 0138/120. Вид слева. Фото И.А. Садовой

макушке шлема, поэтому пластина немного выступает над его затылочной частью. Общий вес шлема – 1,382 кг.

Лицевая часть шлема снабжена «коробчатым» козырьком, который крепится к тулье с помощью двух крупных заклепок расположенных на височных частях тульи (рис. 4, 5). Ширина гладкой полукруглой «полки» козырька (в центральной части) – 1,7 см. Высота вертикального «щитка» – 0,9 см. Поверх железной основы «щитка» набита узкая латунная пластинка, украшенная 33-мя большими и малыми гнездами округлой формы, в которые вставлены кусочки кораллов. (В девяти гнездах, в том числе в большом центральном, кораллы не сохранились). Край латунной накладки оформлен выпуклым бортиком с колосовидным орнаментом. Поверхность бортиков гнезд покрыта мелкой насечкой, а пространство между ними заполнено мелкими полусферическими «горошинами».

Налобная часть купола шлема украшена декоративной латунной пластиной треугольной формы, снабженной по периметру выпуклым бортиком, покрытым колосовидным орнаментом. Длина налбника – 14 см, ширина (в центральной части) – 6,7 см. Его верхний край оформлен семью полукруглыми фестонами. В центральной части налобной пластины расположены три «броши», представляющие собой стилизованные изображения распустившихся цветочных бутонов (рис. 5). Каждая «брошь» состоит из одного крупного центрального гнезда в обрамлении малых гнезд-«лепестков». Правая «брошь» (диаметр – 2,5 см) насчитывает 11, левая (диаметр – 2,5 см) – 12, а центральная (размеры – 3,2 на 2,7 см) – 15 малых гнезд-«лепестков». В малые гнезда вставлены кусочки кораллов, а их бортик покрыт мелкой насечкой. Большие гнезда имеют двойной бортик – внешний (выпуклый, покрытый насечкой) и внутренний, представляющий собой ряд обращенных в центр гнезда треугольных зубцов. В правое большое

Рис. 5. Шлем № 0138/120. Фрагмент. Оформление накладки на «щиток» козырька и налобной пластины. Фото И.А. Садовой

гнездо вставлен цельный коралл, в центральное – двухчастный, а в правое – комбинация из трех отдельных камней. Основное поле латунного налобника покрывает стилизованный растительный орнамент. Сочетание красный кораллов, желтой латунной пластины и начищенного до блеска железного купола создает запоминающийся декоративный эффект.

Вдоль нижнего края тульи с помощью трех заклепок с полусферическими головками приклепан узкий латунный обруч (ширина – 1,1 см) с выпуклым бортиком по периметру. Основное поле обруча украшено стилизованным растительным орнаментом, а бортик – колосовидным узором.

**Рис. 6. Шлем № 0138/120.
Фрагмент.
Навершие шлема.
Фото И.А. Садовой**

Венчает шлем вставленная в круглую пластину навершия железная трубка-втулка для плюмажа (рис. 4, 6). Общая длина втулки – 3,6 см, диаметр – 1,4 см, диаметр отверстия – 1,1 см. Трубка имеет характерное линзовидное расширение в центральной части (диаметр – 2,5 см) (уплощенное «яблоко») и два выпуклых пояска, расположенных по краю отверстия и под «яблоком» соответственно. Верхняя часть тульи, примыкающая к пластине навершия, покрыта декоративной латунной накладкой (ширина – 4,5 см), скрученной в конус и соединенной с помощью заклепки на затылочной части шлема.

Нижний край латунной накладки оформлен девятью полукруглыми фестонами с выпуклым бортиком по периметру (рис. 6). Над каждым фестонем расположены «броши», представляющие собой группы гнезд, в которые вставлены кусочки кораллов. Самая простая по конструкции «брошь» представляет собой комбинацию из четырех расположенных ромбом гнезд. Четыре таких броши расположены на затылочной части шлема. Две «броши», расположенные на боковых частях шлема, также состоят из четырех «гнезд», но дополнены двумя парами бронзовых «горошин» (рис. 4). Три «броши» на налобной части шлема выполнены в виде распутившихся цветочных бутонов. Большое

гнездо боковых «брошей» (диаметр – 2,0 см, диаметр коралла – 0,7 см) обрамлено девятью (правая) и десятью (левая) малыми гнездами-«лепестками». Наиболее крупное центральное гнездо имеет 13 гнезд-«лепестков» и 23 бронзовых «горошины». Все три центральных «броши», как и их аналоги на латунном налобнике, имеют двойной бортик – выпуклый (внешний) и зубчатый (внутренний). Основное поле латунной пластины покрыто стилизованным растительным орнаментом.

По нижнему краю тульи шлема пробиты 13 сквозных отверстий, служивших для подвешивания бармицы. В настоящее время через отверстия пропущена проволока (рис. 4), с помощью которой к шлему крепится кольчатая бармица (длина – 17 см), сплетенная из уплощенных клепаных и сварных колец (диаметр – 0,8 см). Кольчужное полотно разрезано на пару наушников и назатыльник. По всей видимости, бармица не является родной для шлема и была подвешена к нему позднее (возможно, уже в период нахождения наголовья в частной коллекции или музейном собрании). Система расположения отверстий на тулье свидетельствует, что первоначально шлем имел пластинчато-нашивную, ламеллярную или «мягкую» (стеганую на вате) бармицу.

Важными признаками для датировки шлема являются форма тульи, конструкция козырька, навершия и система оформления декоративных элементов. Боевые наголовья сфероконической формы с уплощенным верхом и круглой плоской пластиной навершия, в целом, не характерны для эпохи раннего и развитого Средневековья. Зато они достаточно часто встречаются среди материалов Центральной и Средней Азии XVII–XIX вв. Авторам настоящей статьи известно о 17 подобных наголовьях. Большинство из них входило в состав комплекса вооружения казахских и ойратских воинов XVII–XVIII вв.²⁰ «Коробчатый» козырек данной конструкции является характерным элементом оформления шлемов кочевников Центральной Азии XVII–XVIII вв.²¹ Короткая трубка-втулка с уплощенным «яблоком» и выпуклыми ободками встречается на позднесредневековых ойратских, казахских и южносибирских шлемах²². По совокупности конструктивных признаков ближайшими аналогами шлема № 0138/120 из ВИМАИВиВС являются боевые наголовья казахских или ойратских воинов из ПЦКРК (инв. № 238) и ЮКОИКМ (ЮКОМ № 749). Оба шлема из казахстанских музеев имеют характерную форму усеченного

сфероконуса и аналогичные «коробчатые» козырьки. Главное отличие заключается в форме втулки для плюмажа и декоративном оформлении тульи. Купол шлема из ЮКОИКМ гладкий, а шлема из ПЦКРК покрыт стилизованным растительным орнаментом, выполненным в технике серебряной насечки по металлу. Украшение тульи шлема из ВИМАИВиВС представляет значительный интерес. Густые «цепочки» и «россыпи» из мелких гнезд характерны для изделий среднеазиатских оружейников XVII–XIX вв., но встречаются и в работах казахских, ойратских и монгольских мастеров данного периода. Коралловая инкрустация была очень популярна среди кочевников Центральной Азии этого же периода. Наконец, аналоги растительному орнаменту на латунных накладках шлема прослеживаются в ойратских, монгольских и казахских узорах по металлу XVII–XIX вв. Таким образом, можно выдвинуть две версии происхождения шлема. Согласно первой, шлем был изготовлен степными оружейниками Центральной Азии для нужд знатного казахского или ойратского воина в XVII–XVIII вв. (В случае ойратского происхождения шлема верхней границей его изготовления следует считать середину XVIII в. После разгрома Джунгарии цинскими войсками в 1755–1759 гг. и включения ее в состав Цинской империи, все ойратские оружейные производства были свернуты, а в регион хлынуло вооружение цинского образца).

Однако нельзя полностью исключать и версию, что шлем был выполнен мусульманскими мастерами Мавераннахра или Восточного Туркестана по заказу того же ойратского или казахского феодала. Известно, что оружейники среднеазиатских городов на протяжении эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени традиционно продавали свою продукцию казахским кочевникам, нередко оформляя ее согласно вкусам и запросам своих заказчиков. Города Восточного Туркестана стали массово поставлять вооружения в ойратские войска с последней трети XVII в., после того как этот регион был включен в состав Джунгарии. А в конце первой половины XVIII в. в Джунгарию поставлялись шлемы из городов Мавераннахра («Большой Бухарии»). Причем контроль за изготовлением этих наголовий осуществляли специально прибывшие в Среднюю Азию джунгарские оружейники²³.

Подводя итог, необходимо отметить, что шлемы из ВИМАИВиВС представляют собой яркий пример взаимодействия и взаимовлияния военно-культурных традиций Западной и Центральной Азии на

территории казахско-ойратского пограничья. Они объединяют в себе конструктивные и оформительские решения западноазиатского (цельнокovaná туля, узор на куполе шлема с инв. № 0138/95) и центральноазиатского образца («коробчатые» козырьки, наверхия, декор шлема с инв. № 0138/120). Эти симбиотические боевые наголовья представляют собой вещественное воплощение грозной эпохи «Малого монгольского (ойратского) нашествия» XVII – середины XVIII вв., сыгравшей важную роль в жизни тюркских и монгольских народов Евразии. По своей исторической и художественной ценности они стоят в одном ряду с лучшими образцами боевых и парадных шлемов азиатских воинов эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени.

¹ АВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. Арсенальная. Ед. хр. 1033. Л. 1.

² Лебедевская А.П. Артиллерийский исторический музей. Исторический очерк 1703–1917 гг. СПб., 2008. С. 45; АВИМАИВиВС. Ф. 22. Оп. 111. Ед. хр. 7. Л. 28.

³ АВИМАИВиВС. Ф. Зр. Оп. 112. Ед. хр. 10. Л. 1–46.

⁴ Там же. Ф. 52. Оп. 110/6. Ед. хр. 60. Л. 33–33 об.

⁵ Там же. Ф. 3. Оп. 9. Ед. хр. 31. Л. 3; Струков Д.П. Музей имени великого князя Михаила Николаевича. СПб., 1911. С. 17.

⁶ LaRocca D. Warriors of the Himalayas. Rediscovering the Arms and Armor of Tibet. New York, 2006. P. 78, 79, 81; Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV – первая половина XVIII вв.). СПб., 2008. С. 446, 450–452, 462.

⁷ Бобров Л.А. Основные направления эволюции комплексов защитного вооружения народов Центральной, Средней и континентальной Восточной Азии второй половины XIV–XIX вв. Защитное вооружение кочевников Центральной Азии XV – первой половины XVIII вв.: Автореф. дис... д-ра ист. наук. Барнаул, 2011. С. 41.

⁸ Государева Оружейная палата. СПб., 2002. С. 56–66, 128; Художественное оружие из собрания Государственного Эрмитажа. Каталог выставки. СПб., 2010. С. 98, рис. 166; The Arts of the Muslim Knight. The Furusiyya Art Foundation Collection. Milan, 2008. P. 81, 83, 164, 391.

⁹ Государева Оружейная Палата. С. 174; Аствацатурян Э. Г. Турецкое оружие. СПб., 2002. С. 49, 50, рис. 1, 2.

¹⁰ Государева Оружейная палата. С. 60, 62.

¹¹ Горелик М.В. Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV – начала XV вв. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983. С. 263–266; Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников... С. 418, рис. 147, 4; Художественное оружие... С. 93, рис. 155.

- ¹² Государева Оружейная Палата. С. 56–59, 64–67; The Arts... P. 321, 330, 334.
- ¹³ Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Защитное вооружение среднеазиатского воина периода позднего Средневековья // Военное дело номадов Северной и Центральной Азии: Сб. науч. статей / под ред. Ю.С. Худякова, С.Г. Скобелева. Новосибирск, 2002. С. 128, 129, 151, рис. 12, 2.
- ¹⁴ Государева Оружейная палата. С. 50–53.
- ¹⁵ Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Защитное вооружение... С. 128, 151, рис. 12, 1.
- ¹⁶ Там же. С. 144, рис. 2, 6, 7, 12; С. 145, рис. 3, 8, 9, 11, 13.
- ¹⁷ Там же. С. 144, рис. 2, 3, 8; С. 146, рис. 5, 3; С. 149, рис. 10, 9; С. 150, рис. 11, 12, 15, 16, 27; С. 151, рис. 12, 2, 3, 5; Бобров А.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников... С. 418, 423, 426, 440, 441, 444, 445.
- ¹⁸ Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников... С. 426, 432, 440–444, 447.
- ¹⁹ Их же. Защитное вооружение... С. 123, 127, 145, рис. 3, 8, 9, 11–13; С. 149, рис. 10, 7, 9, 11–13.
- ²⁰ Их же. Вооружение и тактика кочевников... С. 446, 447; Бобров Л.А., Кушкумбаев А.К. Боевые шлемы из музейной коллекции Акмолинского областного историко-краеведческого музея // Акмолинскому областному историко-краеведческому музею 90 лет. Кокшетау, 2010. С. 33–38; ЛюЮнхуа. Чжунго-гудайцзюньжунфуши (Вооружение и обмундирование в Древнем Китае). Шанхай., 2003. С. 192.
- ²¹ Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников... С. 432, 440–444, 446, 447, 450–452.
- ²² Там же. С. 423, 426.
- ²³ Там же. С. 330, 331.

Список сокращений:

АВИМАИВиВС – Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи.

РК – Республика Казахстан.

ПЦКРК – Президентский центр культуры Республики Казахстан (Астана).

ЮКОИКМ – Южно-Казахстанский Областной историко-краеведческий музей (Чимкент, РК).

А.Ю. Борисенко (Новосибирск)

ФОРТИФИКАЦИЯ КРЕПОСТЕЙ СИБИРСКИХ ТАТАР И ЕНИСЕЙСКИХ КЫРГЫЗОВ В ЗАПАДНОЙ И ЮЖНОЙ СИБИРИ ПО СВЕДЕНИЯМ РУССКИХ И ЕВРОПЕЙСКИХ ИСТОЧНИКОВ XVII–XIX ВЕКОВ

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ сооружения на территории Южной и Западной Сибири начали возводиться еще в эпоху бронзы¹. В хунно-сяньбийскую эпоху, в раннем и развитом Средневековье, строительство укрепленных поселений и крепостных сооружений стало широко распространенным явлением в культурах тюркских и монгольских этносов в Центрально-Азиатском историко-культурном регионе. Крепостные сооружения, относящиеся к культурам хуннов, были обнаружены в Забайкалье и Монголии, среди которых наиболее изучено Иволгинское городище. Уйгурские крепости исследованы в Монголии и Туве, среди них Оду-Балык, Бай-Балык, Бажын-Алак, Пор-Бажин и др. Оборонительные сооружения киданьского времени выявлены и изучены в Забайкалье и Монголии, в т. ч. Чин-Толгой-Балгас, Улугчийн-Хэрэм, Барс-Хот и др.²

Впервые памятники древней фортификации на территории Западной Сибири попали в поле зрения европейцев еще в XVII в. В 1666 г. в Сибирь прибыла группа военных специалистов для формирования рейтарских полков под руководством полковника И. Эграта. Один из офицеров этого отряда составил в своем дневнике описание некоторых фортификационных сооружений татарских городищ в Западной Сибири. Им были кратко описаны рвы и валы вокруг резиденции татарских мурз, существовавшей на месте Тобольска³.

Отдельные сведения о вооружении барабинских татар приведены в дневниковых записях Д.Г. Мессершмидта, первого ученого,

совершившего исследовательское путешествие по Западной Сибири в 1720-х гг. Он упомянул о набегах, которые совершали на барабинских татар джунгары и казахи, описал обряд захоронения барабинских мужчин, в могилу которым клали «колчан, лук, котел, меч», а также «шлем и топор»⁴.

Начало развития целенаправленного научного интереса к татарским фортификационным сооружениям в Западной Сибири было связано с участниками сухопутного отряда Великой Северной экспедиции, организованной в 1730-х гг. Российской Академией наук, профессоров Г.Ф. Миллера и И.Г. Гмелина. Наиболее подробно татарские городища были описаны выдающимся исследователем Сибири, профессиональным историком, Герхардом Фридрихом Миллером. Некоторые из них он лично посетил, осмотрел и описал. В числе памятников он обследовал Кучумово городище, историческую столицу Сибирского ханства, носившую название Искер, или Кашлык, а также обследовал Чимги-Туру, Тарханское, Карачинское и другие татарские укрепления. Отсутствие следов построек из камня позволило ему высказать предположение о том, что здания на площади городищ сооружались из дерева или сырцового кирпича. Г.Ф. Миллер описал фортификацию некоторых городищ, состоявшую из валов и рвов не по всему периметру обороняемой площади, а только с напольной стороны. Такие татарские городища, как правило, располагались на возвышенных береговых террасах, поэтому часть обороны осуществлялась за счет обрывистых, неприступных берегов. Им были отмечены различия в форме старинных татарских укреплений. Ученый выделял четырехугольную планировку, а также круглую, или дуговидную⁵. Он указывал на расположение развалин древнего татарского городища Чимги-Туры, которое относил к местности в районе города Тюмень, в месте впадения реки Тюменки в реку Туру, а также отмечал наличие остатков земляного вала со стороны Туры⁶. При этом Г.Ф. Миллер обращал внимание на умелое использование сибирскими татарами природного ландшафта, прежде всего, высоких отвесных берегов рек, в качестве естественной обороны. Подобную ситуацию можно увидеть на примере г. Искер, который в действительности можно было штурмовать лишь с одной стороны, т. к. остальные три были защищены отвесными склонами⁷. Однако на картах Тюмени XVII–XVIII вв. остатки валов отсутствовали, был виден лишь ров. Приводятся даже его размеры – 3 сажени (6,4 м) в глубину и

15 саженой (32 м) в ширину. Вероятно, такие размеры рвов не были первоначальными, а подверглись трансформации в результате эрозии почвы⁸. Г.Ф. Миллером в районе Тюмени был отмечен еще один «татарский городок... от которого еще и поныне видны земляной вал и ров, от буерака до буерака проведенные»⁹.

В «Истории Сибири» Г.Ф. Миллера есть также описание кругового деревянного укрепления, вероятно, военного лагеря. Укрепление состояло из 35 деревянных изб, поставленных по кругу таким образом, чтобы внешние стены вплотную примыкали друг к другу, образуя, таким образом, защитное ограждение¹⁰. Это укрепление на Черном острове в верховьях Иртыша было построено сыном и наследником хана Кучума, Алеем, для 150 человек и представляло собой татарскую крепость в виде деревянного ограждения¹¹.

Коллега Г.Ф. Миллера по Великой Северной экспедиции Иоганн Георг Гмелин также осматривал и описывал некоторые памятники древней и средневековой фортификации. В своем сочинении он упомянул квадратные и прямоугольные в плане городища, обнаруженные на территории западносибирской равнины. Внимание ученого привлекли старинные укрепления и «татарские» могилы на реке Уени в Приобье.

Первые сведения, составленные профессиональными историками, представляют большой интерес для современных исследователей, поскольку свидетельствуют о тех временах, когда памятники были еще в достаточно хорошей сохранности, хорошо видны на поверхности. В дальнейшем многие из них подверглись значительному разрушению и на сегодняшний день доступны для научного изучения только в описаниях и зарисовках европейских ученых. Г.Ф. Миллером был высказан ряд интересных соображений по поводу функционирования некоторых городищ. Так, он предполагал, что на площади цитадели столицы Сибирского ханства, Искера, могли проживать только отдельные представители высшей татарской знати, поскольку площадь этого укрепления была сравнительно небольшой. В случае необходимости во время военных действий жены и дети знатных представителей татарского населения могли укрываться за стенами Царского городка, как называлась цитадель столицы.

Кроме крупных городских центров Сибирского ханства, таких как Искер или Чимги-Тура, Сибирские летописи упоминают большое количество более мелких «татарских городков»¹².

Исследовавший оборонительные сооружения Сибирского ханства археолог В.И. Соболев высказал предположение, что в период с XIV–XVI вв. на территории Западной Сибири существовало более сотни «городков», где проживало коренное сибирское татарское население¹³. Крупные населенные пункты выполняли как военно-административную, так и торгово-ремесленную и культурно-религиозную функции, т. е. являлись в полном смысле слова городами. Однако большинство «городков» были в первую, и зачастую единственную, очередь оборонительными объектами. Они имели рвы, валы и крепостные стены¹⁴. Размеры таких городков обуславливали и численность гарнизона, которая зачастую была очень невысока. По сведениям Г.Ф. Миллера, гарнизон одного из таких «городков» составлял «сорок человек з женами и с детьми»¹⁵.

Известно, что татары в период позднего Средневековья зачастую использовали для обороны остатки укрепленных комплексов ранее проживавших на их территории народов. В связи с этим не всегда есть возможность определить культурную принадлежность таких фортификационных сооружений¹⁶.

При возведении крепостных стен строителями учитывались особенности вооружения и военной тактики, применяемых сибирскими татарскими воинами. Для успешного ведения оборонительных боев татарскими воинами, использовавшими луки и стрелы, в структуру фортификационных сооружений вводились башни и бастионы, выдвинутые вперед относительно линии обороны, для осуществления перекрестной стрельбы и возвышающиеся над площадкой городища¹⁷.

Татарские укрепленные городища и крепости в Западной Сибири, видимо, представляли достаточно серьезную фортификационную силу в период позднего Средневековья. Об этом можно косвенно судить по тому факту, что атаман Ермак сталкивался при штурме некоторых из них со значительными трудностями. Например, хорошо укрепленную татарскую крепость Куллары он штурмовал несколько дней подряд с использованием всех видов оружия, но взять так и не смог¹⁸. И это несмотря на то что отряды сибирских татар уступали казакам в обладании огнестрельным оружием и артиллерией, а основную ударную силу татарских войск традиционно составляла конница. Однако, преимущество в использовании оружия «огненного боя», и особенно артиллерии,

позволило русским казакам, в результате длительной упорной борьбы, взять одну за другой все татарские крепости.

В культуре енисейских кыргызов в эпоху позднего Средневековья и Новое время оборонительные сооружения также играли весьма важную роль. В ареале распространения кыргызской культуры на Енисее они возводились на вершинах гор, неприступных скалах и утесах. Так, в северной Хакасии к началу 1990-х гг. учеными было зафиксировано около 20 крепостных сооружений, большую часть которых народные легенды приписывают именно енисейским кыргызам¹⁹. Известно, что еще в раннем Средневековье кыргызские каганы имели свою укрепленную ставку на Енисее. Источники также упоминают некоторые средневековые кыргызские города развитого Средневековья, например Кемджикет, и др.²⁰ На территории Минусинской котловины было обследовано несколько позднесредневековых кыргызских нагорных крепостей.

Первые упоминания о кыргызских оборонительных сооружениях содержатся в воспоминаниях Альбрехта Доббина. Он был немецким офицером, который начиная с 1660-х гг. в течение 17 лет находился на службе в российской армии в Сибири, где должен был обучать солдат военному делу. В своих записках он упоминал о «жилищах» кыргызов, расположенных на «скалах и утесах» на Енисее. В его описании говорится о нагорных крепостях, которые возводили енисейские кыргызы в XVII в. По наблюдениям европейцев, кыргызы отличались особой воинственностью, обладали качествами отличных наездников, привычных к войне²¹.

Свой вклад в изучение таких памятников внесли ученые Великой Северной экспедиции. В 1739 г. Г.Ф. Миллером и И.Г. Гмелиным было осмотрено городище на горе Унюк в месте впадения реки Сыды в Енисей²². Их коллега и соратник по экспедиции И.Э. Фишер также упоминал в своем труде «*Sibirische Geschichte von der Entdeckung Sibiriens bis auf die Eroberung dieses Landes durch die russischen Waffen*» несколько городищ, одно из которых находилось у Белого озера, другое – у устья реки Ербы²³. Последнее оборонительное сооружение ученый привел в пример в связи с военными действиями Алтын-ханов в Минусинской котловине. Он считал эти объекты «старинными татарскими крепостями»²⁴. Однако, по его мнению, кочевники не могли быть хорошими строителями. Они не стремились к возведению монументальных строений и строили их только «из нужды», т. к. «сей род жития не сходствует

с их склонностью»²⁵. И.Э. Фишер считал, что кыргызы познакомились со строительством «резиденций», когда они, по его мнению, еще проживали в Монголии.

На территории Минусинской котловины укрепленные крепости располагались, как правило, на вершинах гор. Их стены складывались из плит песчаника без соединительного раствора, иногда в несколько слоев. Они могли иметь одну или две линии укрепленных стен. Такие усиленные ограждения окаймляли двор с напольной стороны. Иногда такие оборонительные линии охватывали целые «укрепленные районы»²⁶. Каких-либо построек на площади дворов практически не встречается. Культурный слой на многих из них отсутствует. Отдельные находки, сделанные на территории подобных крепостей, позволили исследователям отнести большинство из них к периоду развитого Средневековья. Скорее всего, они могли служить временными укрытиями, где кочевое население вместе со своим скотом могло спастись во время внезапных вражеских набегов. Однако однозначно судить об их использовании только в качестве оборонительных сооружений достаточно сложно.

На периферии кыргызских земель на Енисее имеются крепости-убежища, двор которых обнесен рвом и валом с напольной стороны. На площади двора в процессе раскопок археологами были обнаружены кострища²⁷.

Вокруг укрепленных крепостей иногда поселялось население, практиковавшее подсобное земледелие, развитие таких поселений, в известной степени, стимулировалось кыргызскими правителями. Со временем, при определенных условиях, такие поселки могли развиваться в постоянные поселения городского типа²⁸.

Сочинения европейских ученых и путешественников XVII–XVIII вв. позволяют более полно оценить особенности фортификационных сооружений тюркских народов Западной и Южной Сибири и возможности их использования для целей обороны в эпохи позднего Средневековья и Нового времени.

¹ Троицкая Т.Н., Молодин В.И., Соболев В.И. Археологическая карта Новосибирской области. Новосибирск: Наука, 1980. С. 143.

² Давыдова А.В. Иволгинский комплекс (городище и могильник) – памятник хунну в Забайкалье. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1985. С. 11–13;

- Кызласов Л.Р. История Тувы в Средние века. М.: Изд-во Московского ун-та, 1969. С. 59–63; Пэрлээ Х. Киданьские города и поселения на территории Монгольской Народной Республики (X – начало XII в.) // Монгольский археологический сборник. М.: Наука, 1962. С. 56–62.
- ³ Борисенко А.Ю., Худяков Ю. С. Изучение европейцами взаимовлияния в военном деле русского, тюркского и монгольских народов Сибири в XVII – первой трети XVIII веков // Век науки и образования. № 7–9 (39–41). Июль – сентябрь. 2012. С. 77.
- ⁴ Messerschmidt D.G. Forschungsreise durch Sibirien 1721–1727. Berlin: Akademie Verlag, 1962. Т. 1. S. 59, 65–66.
- ⁵ Миллер Г.Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. М.: Вост. лит-ра, 1999. Т. I. С. 504–505.
- ⁶ Его же. Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел от начала, а особливо от покорения его Российской державою по сии времена. СПб., 1750. С. 44, 214.
- ⁷ Матвеев А.В., Татауров С.Ф. Сибирское ханство: военно-политические аспекты истории. Казань: Изд-во «Фэн», 2012. С. 213.
- ⁸ Рафикова Т.Н. Результаты изучения Царева городища (2007–2009 гг.) // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Мат-лы межд. конф., г. Курган, 22–23 апреля 2011 г. Курган, 2011. С. 11–12.
- ⁹ Миллер Г.Ф. Описание Сибирского царства... С. 213.
- ¹⁰ Его же. История Сибири. С. 289, 359.
- ¹¹ Матвеев А.В., Татауров С.Ф. Указ. соч. С. 220.
- ¹² Сибирские летописи. Краткая Сибирская летопись (Кунгурская). Рязань: «Александрия», 2008. С. 21, 35–36, 39, 133, 141, 326–327, 329.
- ¹³ Соболев В.И. История сибирских ханств (по археологическим материалам). – Новосибирск: Наука, 2008. С. 233.
- ¹⁴ Тычинских З.А. О хозяйственном укладе тюркского населения Сибирского ханства // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Мат-лы межд. конф., г. Курган, 22–23 апреля 2011 г. Курган, 2011. С. 31.
- ¹⁵ Миллер Г.Ф. История Сибири. С. 362.
- ¹⁶ Матвеев А.В., Татауров С.Ф. Указ. соч. С. 213.
- ¹⁷ Там же. С. 221.
- ¹⁸ Там же. С. 220.
- ¹⁹ Готлиб А.И., Бутанаев В.Я. Историческая основа хакасского фольклора о крепостных сооружениях-све // Памятники киргизской культуры в Северной и Центральной Азии. Новосибирск: Новосибир. гос. ун-т, 1990. С. 132.
- ²⁰ Материалы по истории киргизов и Киргизии. М.: Наука, 1973. Вып. 2. С. 42; Худяков Ю.С. Древние и средневековые фортификационные сооружения в Южной Сибири и Центральной Азии // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1995. С. 65.
- ²¹ Алексеев М.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Иркутск: ОГИЗ, 1941. С. 394–395.
- ²² Кызласов Л.Р. Письменные известия о древних городах Сибири. М.: Изд-во Московского ун-та, 1992. С. 117.
- ²³ Fischer I.E. Sibirische Geschichte von der Entdeckung Sibiriens bis auf die Eroberung dieses Landes durch die russischen Waffen. St-Pt., 1786; Готлиб А.И. Из истории

исследования горных сооружений – «све» в Минусинской котловине // Ежегодник Института Саяно-Алтайской тюркологии. Вып. II. Абакан, 1998. С. 114.

²⁴ Фишер И.Э. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб., 1774. С. 512, 513.

²⁵ Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Изучение древностей Южной Сибири немецкими учеными XVIII–XIX вв. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2005. С. 105.

²⁶ Готлиб А.И., Бутанаев В.Я. Историческая основа хакасского фольклора о крепостных сооружениях-све. С. 132–140.

²⁷ Карцов В. Ладейское и Ермолаевское городища // Труды Секции археологии Российской ассоциации научных институтов общественных наук. 1929. Т. 4. С. 561; Худяков Ю.С. Кыргызский курган Соян-сеё // Памятники кыргызской культуры в Северной и Центральной Азии. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 1990. С. 106.

²⁸ Плетнева С.А. Кочевники средневековья. М.: Наука, 1982. С. 81.

В.О. Бочаров (Санкт-Петербург)

**БРИГИНЖЕНЕР Е.В. АНТУЛАЕВ.
МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ**

РОССИЙСКАЯ история, несмотря на самоотверженный труд историков, еще полна лакун и недостаточно исследованных сюжетов. Биографии многих персонажей, сыгравших в ней более или менее значительную роль, до сих пор не написаны – в том числе – военного инженера, специалиста в области подрывного дела и военной электротехники Е.В. Антулаева. Между тем, эта фамилия знакома многим исследователям отечественной фортификации, минно-подрывного дела и шире – истории инженерных войск России. Десятки статей и монографий написаны этим человеком. На его методических пособиях и наставлениях воспитывались российские военные инженеры в течение первой половины XX в. При этом почти никаких биографических данных о нем в специальной литературе и справочниках не приводится, а вся наличествующая информация имеет формальный характер и взята из дореволюционных справочных книжек военного ведомства типа «Списков офицеров по старшинству...» на ту или иную дату.

Евгений Владимирович Антулаев родился 9 октября 1877 г. в г. Слоним Гродненской губернии. Русский. По вероисповеданию – православный. Отец был офицером, вышел в отставку в начале 1880-х гг., умер в 1896 г. Мать – домохозяйка, умерла в 1927 г., жила вместе с сыном. С 1881 г. родители Е.В. Антулаева были в разводе.

В 1889 г. подростоком был зачислен в Орловский Бахтина кадетский корпус. Тут он учился семь лет, до 1896 г. В корпусе впервые проявилось прилежание Е.В. Антулаева в учебе и стремление к знаниям. Все годы обучения в корпусе кадет Евгений Антулаев

аттестовался первым по успеваемости. Аттестации в кадетском корпусе проводились четыре раза в год. Наибольший средний балл за все годы обучения был им получен в четвертой четверти 1-го класса – 11,29 балла, наименьший – в первой четверти 5-го класса, 10 баллов ровно. При 12-балльной системе 10-11 баллов оценивались как «очень хороший успех». Несмотря на неизменные успехи в учебе, в поведении и исполнительности кадета Антулаева случались спады. Весьма заметно это было в третьем-четвертом классах (до «удовлетворительно», 7 баллов), а эпизодически и позже. В аттестации третьей четверти 1894/95 учебного года (6 класс) офицер-воспитатель подполковник Ползиков записал: «Недостаточно исполнительен. Как 1-й ученик в отделении по успеваемости в науках не служит хорошим примером в поведении для своих товарищей». По мере взросления, к окончанию корпуса, кадет Антулаев серьезно поднял свой балл за поведение. При итоговой аттестации весной 1896 г. Педагогический комитет кадетского корпуса прибавил ему 1 балл за поведение до максимально возможных 12-ти и рекомендовал к переводу в военное училище. Средний балл его тогда составил 11,61¹.

Свою военную карьеру Е.В. Антулаев решил связать с инженерным корпусом. 1 сентября 1896 г. он вступил в службу – был зачислен в Николаевское инженерное училище в Санкт-Петербурге. Трехгодичный курс обучения Антулаев закончил весной 1899 г. по первому разряду и был выпущен в 4-й понтонный батальон в Киев в чине подпоручика.

В Киеве молодой офицер служил около трех лет (с марта 1899 по сентябрь 1901 гг.), исполняя обязанности заведующего (по терминологии тех лет «заведывающего») подрывной командой, адъютанта и казначея батальона. Летом 1901 г. сдал вступительные экзамены и с осени приступил к занятиям в Военной электротехнической школе в Петербурге. Полный курс этого военно-учебного заведения составлял два года. Осенью 1903 г. уже поручик (с ноября 1901 г.) Е.В. Антулаев окончил Электротехническую школу первым по успехам. Следующие два года он служил в Минной роте Выборгской крепости, заведывая учебной минно-подрывной командой².

В 1905 г. Е.В. Антулаев переводится в постоянный состав Военной электротехнической школы в Санкт-Петербург. С осени того же года он приступает к чтению курса минного и подрывного дела в

**Рис. 1. Береговые занятия: сборка гальвано-ударной мины.
Кронштадт, лето 1909 г. Е.В. Антулаев –
на заднем плане четвертый справа**

Офицерском классе школы и заведованию летними (в лагере) и зимними (в лаборатории) занятиями по этой специальности. Эта преподавательская деятельность длится без перерыва до начала мировой войны.

За годы службы в Военной электротехнической школе (позже – Офицерской электротехнической школе) Е.В. Антулаев получил чины штабс-капитана (октябрь 1905 г.), капитана (сентябрь 1909 г.) и подполковника (1914 г.), а также ордена Св. Анны 3-й степени (1906 г.) и Св. Станислава 2-й степени (декабрь 1910 г.). Параллельно с Электротехнической школой, Е.В. Антулаев читал курсы минного и подрывного дела в Николаевском кавалерийском училище (в 1906–1910 гг.), Офицерской кавалерийской школе (с 1909 г.), Николаевской инженерной академии и училище (с 1913 г.).

С 1908 г. Е.В. Антулаев начинает выступать со статьями в специализированных изданиях, таких, как «Инженерный журнал» и журнал «Электричество». Авторитет его как специалиста-подрывника подтверждается регулярным участием в качестве эксперта в заседаниях Инженерного комитета Главного военно-инженерного

управления по вопросам минно-подрывного дела; также Антулаев состоял участником всех комиссий, производивших опыты по этим вопросам.

С началом Первой мировой войны подполковник Е.В. Антулаев назначается командиром минно-подрывной роты и заведующим Временным офицерским курсом для подготовки офицеров по минно-подрывному делу при Офицерской электротехнической школе. Большую часть времени в 1914–1916 гг. Антулаев провел на фронте. В 1914 – начале 1915 гг. он занимается устройством фугасной обороны подступов к Петрограду. Общая длина фронта минирования составила 160 км. Летом 1915 г. подполковник Е.В. Антулаев со своей ротой находился в четырехмесячной командировке

Рис. 2. Е.В. Антулаев в чине подполковника. 1915–1916 гг.

в Сербии. Там ротой был произведен большой объем работ по минированию рек Дунай (у Железных ворот) и Сава (близ Белграда). Осенью и зимой 1915 г. Евгений Владимирович руководил устройством фугасной обороны на тыловых позициях Северного фронта впереди Пскова. Общая длина минированной позиции составила 260 км. Зимой 1915/1916 гг. рота Антулаева производила минирование русла реки Западная Двина в районе Якобштадтского плацдарма (участок Штоксмангоф – Ливенгоф). Фронт работ – 60 км. Весной 1916 г. Антулаев занимался фугасированием и подрывными работами на Якобштадтском плацдарме на участке, занимаемом 28 армейским корпусом XII армии, а также обеспечивал безопасность мостов во время ледохода на Западной Двине³.

В 1917 г., вскоре после Февральской революции, Е.В. Антулаев был произведен в полковники и назначен на должность генерала для поручений при Главном военно-техническом управлении с возложением на него обязанностей инспектора минного и подрывного дела в войсках. Однако аппарат инспектора полностью в 1917 г.

сформировать не успели, а сам Антулаев большую часть года провёл в командировках, главным образом на Северном и Румынском фронтах.

В конце декабря 1917 г., перенеся треть за годы войны воспаление легких, Е.В. Антулаев получил трехмесячный отпуск и уехал к семье в Кисловодск. Оттуда, вследствие перерыва стабильного железнодорожного сообщения внутри страны, вернуться не успел и при переосвидетельствовании был уволен в отставку.

Осенью 1918 г. с приходом белых Е.В. Антулаев был мобилизован. Два с половиной месяца он служил мотористом на радиостанции, восемь месяцев – секретарем благотворительного комитета и семь месяцев – членом комиссии по разработке учебных планов, программ и штатов военно-учебных заведений. Всего до весны 1920 г. прослужил у белых 17 с половиной месяцев; все время – на Северном Кавказе. Во время эвакуации частей Белой армии из Поти в Крым он отказался от службы и уехал в Баку. Там устроился в учреждения бывшего Министерства торговли и промышленности, затем перешел в местный Совнархоз, а затем – на службу для поручений при начальнике инженеров 11 (красной) армии. В этой должности он прослужил пять месяцев. В августе 1920 г. Антулаев был вызван в Москву в Электротехническую академию, но накануне отъезда, в числе других бывших белых офицеров, арестован. 19 августа 1921 г. после очередного допроса, уже в Москве, он был освобожден с разрешением продолжить службу в РККА⁴.

23 августа 1921 г. Е.В. Антулаев был зачислен в размещенную в Сергиеве (Сергиев Посад) Военную электротехническую академию (ВЭТА) РККА заместителем начальника по учебно-техническому отделу и преподавателем курса минно-подрывного дела. На этих должностях он пребывал до слияния ВЭТА с Военно-инженерной академией (ВИА) РККА в конце 1923 г. После, с 1923 по 1932 гг., состоял заведующим кафедрой военно-прикладной электротехники ВИА РККА, затем Военно-технической академии (ВТА) им. Ф.Э. Дзержинского (в программу кафедры входило восемь дисциплин, в том числе минно-подрывное дело). Одновременно преподавал на Курсах усовершенствования командного состава Инженерных войск и в Высшей военно-педагогической школе, и сверх того с 1925 г. являлся экспертом Комитета по делам изобретений и консультантом Особого технического бюро по военным изобретениям специального назначения.

В 1925 г. приказом ЛенВО № 248 на основании приказа РВС СССР № 191 Антулаев снят с учета бывших белых офицеров⁵.

В 1927 г. приказом РВС СССР на основании постановления Совета ВТА РККА Е.В. Антулаеву было присвоено звание «преподаватель высшего военно-учебного заведения РККА» (соответствует доценту в гражданских вузах) без защиты диссертации, что было подтверждено приказом наркома по военным делам № 32 от 1 февраля 1927 г. Вскоре приказом начальника Военно-технического управления РККА Антулаев был назначен членом минно-подрывной секции Научно-технического комитета этого управления.

В конце 1920-х гг. Евгений Владимирович участвовал в работе комиссии треста «Союзвзрывпром» по разработке и реализации проекта разрушения храма Христа Спасителя в Москве. Сам подрыв храма был произведен в 1931 г. под техническим контролем Антулаева. С этого же времени начинается регулярное его сотрудничество с «Союзвзрывпромом». С 1932 г. он состоит консультантом треста, пишет производственные инструкции по подрывному делу. С начала 1930-х гг. экспертиза всех проектов крупных или нешаблонных взрывных работ в Советском Союзе проходит через руки Е.В. Антулаева.

В 1932 г. ВТА им. Ф.Э. Дзержинского распалась на две самостоятельные академии, и Е.В. Антулаев в составе Военно-инженерной академии переехал в Москву. В столице была заново сформирована кафедра и лаборатория подрывного дела, руководство которыми Евгений Владимирович осуществлял до конца жизни.

В 1933 г. Антулаев защитил диссертацию на звание «профессора высших военно-учебных заведений», и квалификационная комиссия академии признала его достойным этого звания. Однако по формальным причинам (в то время положение о научных званиях в РККА только разрабатывалось, а после – увязывалось с соответствующими положениями в вузах и втузах) приказа наркома не последовало. Научный труд был издан в 1934 г. под названием «Подрывное дело. Часть I. Взрывчатые вещества и способы их взрывания»⁶. В 1935 г., вслед за выходом Положения об ученых званиях в РККА и утверждения наркомом обороны состава квалификационной комиссии по Военно-инженерной академии, вопрос о присвоении Е.В. Антулаеву профессорского звания этой комиссией был вновь пересмотрен и решен утвердительно. Однако следующая

инстанция, подкомиссия Высшей аттестационной комиссии (ВАК) РККА, это постановление не утвердила, указав, что подрывное дело – дисциплина техническая, по которой ученые звания присваиваются ВАК Всесоюзного комитета по высшему техническому образованию (ВКВТО).

5 июля 1935 г. президиум Академии наук СССР, по представлению Квалификационной комиссии по техническим наукам АН, присудил Е.В. Антулаеву научную степень доктора технических наук по разделу технической химии и электротехники⁷.

27 июля 1935 г., после смерти известного химика профессора А.В. Сапожникова, Антулаев назначается на его место заведующим Отделением взрывчатых веществ и взрывных работ Центральной научно-исследовательской лаборатории по технике безопасности в горной промышленности (ЦНИЛ ТБ) при Московском горном институте им. И.В. Сталина. Тут он руководил, в числе прочего, научно-исследовательскими работами своего отделения до расформирования ЦНИЛ ТБ в 1937 г.

13 августа 1935 г. командование ВИА РККА им. В.В. Куйбышева вошло с представлением в ВАК ВКВТО о присвоении Е.В. Антулаеву звания профессора. На этот раз, согласно протоколу № 33/99 заседания ВАК от 17 октября 1935 г., члены комиссии решили утвердить Евгения Владимировича профессором по кафедре подрывного дела. Это решение было утверждено

Рис. 3. Генерал-майор инженерных войск Е.В. Антулаев. 1941 г.

приказом наркома обороны по личному составу армии № 766 от 25 апреля 1936 г.⁸ Незадолго до этого, 17 февраля 1936 г. приказом наркома обороны № 0821/п ему присваивается воинское звание бригаднера (после введения генеральских званий и переаттестации 1940 г. – генерал-майора инженерных войск)⁹.

В октябре 1940 г. в Военно-инженерной академии РККА им. В.В. Куйбышева отмечали 35-ю годовщину преподавательской и научной деятельности Евгения Владимировича Антулаева. Ему была посвящена специальная статья в газете «Куйбышевец»¹⁰, а приказом по ВИА РККА № 619 от 9 октября 1940 г. объявлена

благодарность начальника академии генерал-лейтенанта инженерных войск А.С. Гундорова¹¹.

Действительно, преподавательская деятельность бригаинженера Е.В. Антулаева началась с перевода его в состав Военной электротехнической школы осенью 1905 г. и скоро дополнилась активной научно-исследовательской работой. В 1908 г. он переработал для третьего издания учебник по материальной части подводных мин инженерного ведомства, в то время – единственный по этой специальности. В своей редакции учебника Е.В. Антулаев впервые в специальной литературе дал математический расчет размеров корпусов мин и проверки механической прочности корпусов на повреждения от взрыва соседних мин. В 1910–1911 гг. в «Инженерном журнале» им было опубликовано исследование «Подводная минная оборона приморских крепостей». Этот материал вызвал оживленную полемику в профильных изданиях, но в итоге взгляды молодого специалиста были признаны верными, и многие его положения цитировались в статьях и учебниках для Николаевской инженерной академии, в том числе и таким известным автором, как Н.А. Буйницкий. В 1911 г. эта работа Антулаева была напечатана отдельным изданием¹². В 1911–1912 гг. исследователь публикует статьи и разрабатывает специальные учебные курсы по подрывному делу в русской и иностранной кавалерии. В 1913 г. по заказу Главного управления военно-учебных заведений он пишет подрывной отдел учебника по конно-саперному делу для кавалерийских училищ. В этой работе стоит отметить введение упрощенных формул для расчета величин зарядов, что позволяло пользоваться такими расчетами и лицам с недостаточной специальной подготовкой. Весной 1914 г. увидело свет подготовленное Е.В. Антулаевым издание «Конспекта лекций по подводному минному делу, читанных в 1913/1914 уч. году в старших классах Николаевской инженерной академии и Офицерской электротехнической школы»; тут автор развивает свои мысли, высказанные в 1910–1911 гг. на страницах «Инженерного журнала». Помимо этих работ, в предвоенный период Е.В. Антулаев написал ряд статей и заметок для Военной энциклопедии Сытина¹³.

С середины 1920-х гг. Е.В. Антулаев активно сотрудничает с журналом «Техника и снабжение Красной Армии» (позже переименован в «Войну и технику»), а также пишет и редактирует различные наставления по минному и подрывному делу для РККА.

Многие статьи Антулаева имели серьезное прикладное значение как для обороны страны, так и для развития техники безопасности в подрывном деле. В этой связи необходимо отметить изданную в 1927 г. работу «Подводные мины: тактика их при обороне побережья (расчеты на основе теории вероятности)» и статьи в различных журналах: «Дюнкирхен и защита его жителей от бомбардирования», «Способы расчета величин зарядов в подрывном деле» (1928 г.), «О причинах отказа во взрыве при последовательном соединении запалов накаливания» (1929 г.). Статья «Разрушение фабричных труб» (совместно с В.Н. Подозеровым, опубликована в 1930 г. в журнале «Война и техника») была переведена и напечатана в немецком журнале «Wehr und Waffen», а также воспроизведена в виде обширного реферата в польском журнале «Przegląd wojskowo-techniczny».

С начала 1930-х гг. Е.В. Антулаев привлекается командованием академии к разработке актуального вопроса противотанкового и противопехотного минирования местности. В 1932 г. им была написана и издана небольшая брошюра «Противотанковые мины: где, как и какие мины ставить против танков»¹⁴. В этой работе автор дал первую в отечественной литературе научно обоснованную рекомендацию простого (графическим путем) решения вопроса о системе расстановки противотанковых мин и о необходимом их количестве. Данный материал был реферирован в нескольких советских и зарубежных изданиях: «Техника и вооружение» (1933 г.), «Vierteljahreshefte für Pioniere» (1934 г.), «Przegląd wojskowo-techniczny» (1934 г.). Предложенная в брошюре система расстановки мин была принята в английской, польской и германской армиях¹⁵. В 1939–1940 гг. кафедрой Антулаева на основании опыта Зимней войны разрабатывались тактико-технические требования на противолыжную мину, осуществлялся контроль за проектированием и производством мины, а затем и испытания ее на инженерном полигоне в Нахабино¹⁶.

В годы, предшествовавшие Великой Отечественной войне, Е.В. Антулаев много работал над различными инструкциями и наставлениями для Инженерных войск РККА. В 1934 г. он переработал предыдущую редакцию «Наставления по подрывному делу РККА» (издано в том же году). В 1936 г. был издан «Справочник по взрывному делу», один из разделов которого (Способы и средства взрывания зарядов) был написан Е.В. Антулаевым. В декабре

1939 г. Евгений Владимирович вместе с коллегами по кафедре подрывного дела ВИА РККА работал над «Инструкцией по разведке и преодолению взрывных заграждений». Секретный документ готовился по заданию и в помещениях Генерального штаба РККА. В 1940 г. Антулаев подготовил главу о взрывных заграждениях «Наставления для Инженерных войск по действиям в высокогорных местностях». В 1940–1941 гг. разработал для Военно-инженерной академии новый учебный курс «Взрывные работы»¹⁷.

Скончался Евгений Владимирович Антулаев в 1942 г. в Москве в возрасте шестидесяти четырех лет.

Личный фонд Е.В. Антулаева первоначально сложился в Центральном историческом военно-инженерном музее (ЦИВИМ) из документов, переданных в 1955–1958 гг. Марией Евгеньевной Яновской, дочерью ученого. Фонд (уже после передачи в ВИМАИВиВС) был пополнен новыми материалами в начале-середине 1970-х гг. В настоящее время этот фонд насчитывает 29 учетных единиц. Среди них – фотопортреты Е.В. Антулаева разных периодов, официальные документы (аттестаты, выписки из приказов, уведомления), материалы личного происхождения (тетрадь с записями, автобиографии, списки трудов и т. д.). Для составления биографии ученого наибольший интерес представляют документы, озаглавленные как «Сurriculum vitae доктора технических наук, доцента, инженера Евгения Владимировича Антулаева» и «Сведения о научной и педагогической деятельности доктора технических наук, доцента, инженера Евгения Владимировича Антулаева». Эти документы датированы августом 1935 г. и, вероятно, составлялись для предоставления в ВАК ВКВТО по поводу присвоения звания профессора.

Ценность сложившегося в ВИМАИВиВС личного фонда Е.В. Антулаева состоит не только в возможности на его основе составить биографию крупного отечественного военного специалиста. Вводимые в научный оборот материалы позволяют добавить определенные штрихи к таким проблемам, как история военного образования в России, история Первой мировой войны, история развития минно-подрывного дела в российской дореволюционной армии и РККА. Данная статья не претендует на полноту раскрытия вопроса, является лишь первым опытом составления биографии ученого; этот вопрос, несомненно, требует дальнейшего изучения.

- ¹ ВИМАИВиВС. ИДФ. КЕУ № 6203. Л. 1–28.
- ² Там же. КЕУ № 3411.
- ³ Там же. КЕУ № 3414. Л. 2об.
- ⁴ Там же. КЕУ № А-15040. Л. 2–3.
- ⁵ Там же. КЕУ № 3412.
- ⁶ Антулаев Е.В. Подрывное дело. Ч. 1. Взрывчатые вещества и способы их взрывания. М., 1934.
- ⁷ ВИМАИВиВС. ИДФ. КЕУ № А-15042.
- ⁸ Там же. КЕУ № А-15041.
- ⁹ Там же. КЕУ № А-15043.
- ¹⁰ Куйбышевец. № 58 (605). 16 окт. 1940.
- ¹¹ ВИМАИВиВС. ИДФ. КЕУ № А-15034.
- ¹² Антулаев Е.В. Подводная минная оборона приморских крепостей (Опыт исследования). СПб., 1911.
- ¹³ ВИМАИВиВС. ИДФ. КЕУ № А-15039. Л. 2.
- ¹⁴ Антулаев Е.В. Противотанковые мины: где, как и какие мины ставить против танков. М., 1932.
- ¹⁵ ВИМАИВиВС. ИДФ. КЕУ № А-15039. Л. 6.
- ¹⁶ Там же. КЕУ № А-15033.
- ¹⁷ Там же. КЕУ № А-15032. Л. 3.

В.В. Брызгалов (Архангельск)

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП СРАЖЕНИЯ ПРИ РЕЧКЕ МАЛАЯ ДВИНКА 25 ИЮНЯ 1701 ГОДА

ОДНИМ из ярких событий на Русском Севере в начале Северной войны было сражение на речке Малой Двинке, которое в исторической литературе называют Новодвинским сражением. Оно произошло 25 июня 1701 г. В ходе этого боя два шведских военных корабля были посажены на мель и захвачены русскими. Главными героями, которые посадили шведские корабли на мель, были кормщик Иван Седунов (Рябов) и переводчик Дмитрий Борисов. Покидая корабли, шведы убили Дмитрия Борисова, а Ивана Седунова (Рябова) только ранили. В редком издании по истории петровской России или Русского Севера не рассказывается более или менее развернуто о событиях у крепости на речке Малой Двинке. Лодейный кормщик Иван Седунов прочно вошел в историю нашей Родины как национальный герой – Иван Рябов.

Однако при всей обширности литературы – научной, научно-популярной, художественной, освещающей этот яркий эпизод Северной войны, – преждевременно было бы полагать, что уже сделано все для наиболее полного восстановления истинной картины произошедшего события¹.

После выхода сборника «Тревожные годы Архангельска» появились новые публикации, посвященные этому сражению². В них дается краткое описание начального этапа сражения, но... без уточняющих деталей.

Попытку реконструировать эпизод посадки на мель шведских военных кораблей предпринял В.В. Брызгалов³.

В 2010 г. вышла монография Ю.Н. Беспярых «Архангельск

накануне и в годы Северной войны 1700–1721», в которой одна из глав посвящена Новодвинскому сражению⁴.

На базе всех опубликованных изданий, посвященных сражению на Малой Двинке, автор в данной работе попытался реконструировать только один эпизод из сражения – **историю посадки на мель шведских кораблей**.

Итак, начнем со свидетельских показаний самого Ивана Ермолина сына Седунова (Ивана Рябова). Он их дал 26 июня 1701 г. в приказной палате двинскому воеводе Алексею Петровичу Прозоровскому. Вот как Иван Седунов излагает эпизод посадки шведских кораблей на мель: «...И не моя де он, Ивашко, таких многих мук стерпеть, дал иноземским их начальным людям слово, что он караблями Двинское Березовское устье до речки Малой Двинки, где строят крепость, проведет. И за то ево, Ивашка, поили они вином. А у самого у него, Ивашка, была мысль такая, что ввезть их в устье, посадить на мель... И ввел де он, Ивашко, те вышеписанные воровские свейские два фрегаты и яхту с воинскими людьми и с припасы с моря в Двинское Березовское устье. И не пошед Малой Двинки-речки, где строитца крепость, полуверсте те фрегаты да яхту со на мель посадил, а фрегату де же от тех фрегата да яхты приостался, потому что от них шел одаль. И как де из Новой крепости из городков земляных опор государевы люди чинить и по фрегатам ис пушек учили, и толмача де Митку Попова свияне, который с ним был в полону, ис фузей дробью убили, а его де, Ивашко, ранили же дробью. И от частого де стрелянья з государевых городков судно фрегаты воинских людей иноземцов, на котором он, Ивашко, вожем был, збили, а его, Ивашко, оставили на той фрегаты одного, чаяли, что ево дробью ис фузей убили. И оставши, он, Ивашко, без них, иноземцов, с карабля, бросаюсь в воду, переплыл и на берег, а с берегу пришел в государев городок к начальным людям, и из городка ево, Ивашка, начальные люди отослали к Архангельскому городу в приказную. А провел он, Ивашко, те воровские неприятельские два фрегата да яхту с великого мученья и за страхом смертным, а не хитростью <...>»⁵.

Что нам дают показания Ивана Седунова? Иван Ермолаевич Седунов в своем рассказе дает точное место, где он посадил неприятельские корабли на мель: «...И не пошед Малой Двинки-речки, где строитца крепость, полуверсте те фрегаты да яхту со на мель посадил...»⁶.

По всей видимости, здесь Иван Седунов дает расстояние, измеряемое межевой верстой, которая равняется 1000 саженай⁷. Таким образом, по словам Ивана Седунова, корабли сели на мель на расстоянии полуверсты или 500 саженай от крепости. В метрической системе мер это расстояние составляет 1080 м⁸. Если же принимать во внимание, что расстояние измеряется путевой верстой, которая равна 500 саженам, то полуверста будет равна 250 саженам (540 м).

В этом случае Ивана Седунова должны были увидеть с карбаса Григория Животовского, а также в подзорную трубу из крепости – стольник Сильвестр Петрович Иевлев и инженер Георгий Эрнест Резе, которые наблюдали за шведскими кораблями. Однако в их свидетельских показаниях, которые они дали в Новгородском приказе и которые мы приводим ниже, о том, что они видели каких-либо русских людей на шведских кораблях, не сказано ни слова.

Интересное описание этих событий находим в допросе стольника С.П. Иевлева, когда его допрашивали об этом событии в Новгородском приказе 20 декабря 1701 г. Вот что показал С. Иевлев: «...И тово ж числа за три часа до ночи пришли незапно с моря двинским Березовским устьем к той новой крепости свейских воинских два фрегата да яхта с воинскими людьми, и, не доходя той крепости сажень за пятьсот, увидели они те фрегаты и яхту, а те воинские люди на тех фрегатах и яхте парусы опустили, и пошли к той новой крепости фрегат да яхта на веслах, а третей фрегат поостался назади и шол за ними без гребли, и остановились за двести сажен, а они де, Селиверст, были с инженером в новопостроенной батарее в башне и почали дознавать, что они воинские, и голова де салдатской Григорей Животовский да с ним пятнатцать человек салдат, взяв государево знамя и барабан, к тем фрегатам и яхте, чая их торговыми, поехал к ним собою, и как он учал к ним приезжать, и они звали ево на фрегат и сказывались торговыми, и они де, видя, что на тех караблях лежат воинские люди с ружьем, поплыли прочь, и с тех де воинских воровских караблей учили по них ис пушек стрелять, и выстрелили по них дробью ис трех пушек, и из мелкого ружья стреляли и убили у него, Григорья, писаря да трех человек салдат, дву человек работных людей и ево, Григорья, да сержанта Осипа Крюкова ранили, и те де воинские люди, с караблей бросясь в малые суды, за ним, Григорием, погнались и, постигши их, взяли у них с карбасу знамя да барабан. И видя то, он, Селиверст, с ынженером велели из батареи, в которой он с служилыми людьми были,

также из ыных батарей ис пушек стрелять, и ево, Григорья, с салдаты тою стрелбою очистили и воинских людей отбили и фрегат и яхту тою стрелбою розбили, а воинские де люди, с тех караблей пометався в мелкие суды, побежали на третей карабль, и тот карабль, видя над теми караблями победу, возвратился в море...»⁹

Из показаний стольника Иевлева можно сделать следующие заключения:

1. Он сам, инженер Георгий Резе и солдатский голова Григорий Животовский находились все вместе на батарее, в башне;
2. За 500 саженой (1080 м) до крепости два корабля убрали паруса и пошли на веслах, а третий продолжал идти под парусами;
3. Корабли остановились на расстоянии 200 саженой (432 м) от крепости;
4. К кораблям, взяв знамя и барабан, поехал на карбасе солдатский голова (командир полка) Г. Животовский с солдатами;
5. С шведских кораблей была погоня в «малых судах», то есть были спущены корабельные шлюпки;
6. Солдаты на шлюпках догнали карбас Животовского и захватили знамя и барабан¹⁰.

В Новгородском приказе 20 декабря 1701 г. допрашивали инженера Г.Э. Резе, который строил крепость и был свидетелем боя у стен крепости. Вот его свидетельские показания: «...А июня де в 25 день пришли с моря двинским Березовским устьем на Малую Двинку-речку к строению новой крепости свейские воинские люди войною на двух фрегатах да на одной яхте. И в тот их приход были он, инженер, да столник Селиверст Иевлев, да голова салдатской Григорей Животовской в большой батарее, и голова де Григорей Животовской с служилыми людьми поехал к тем фрегатам и к яхте для проводывания об них собою без их, инженерова и Селиверстова, совету, и как подъехал к одному фрегату, и с того фрегата свияне ему говорили, чтоб к ним на фрегат шол, и подали в лотку ево веревку, и он, Григорей, увидел, что на том фрегате воинские люди лежат с ружьем к стрелбе наготово, от фрегата отпехнулся с лоткою прочь, и погребли наспех, и свияне де с тех фрегатов и яхты по них, Григорье и по служилым людям, ис пушек и из мелкого ружья стреляли дробью, и убили у него, Григорья, писаря да трех человек салдат, дву человек работных людей. И ево, Григорья, да сержанта Осипа Крюкова ранили, и он де, инженер, со столником с Селиверстом Иевлевым по тому вышеписанному поведению узнав, что те

фрегаты и яхта воинские, учили изо всех батарей по тем фрегате и яхте стрелять изо всех пушек, и те фрегат и яхту розбили, и швейские де воинские люди, видя их осторожность и прилежную стрельбу, с тех своих фрегаты и яхты пометались в боты и побежали на третей свой фрегат, который был позади тех фрегата и яхты...»¹¹

Инженер Резе практически полностью повторяет показания столыника Иевлева и уточняет, что они все находились на большой батарее, в крепости. Он также приводит некоторые мелкие детали: например, то, что шведы приглашали Животовского на корабль и даже подали «роп» (веревочную лестницу) в карбас. К сожалению, никакой информации о расстоянии и местоположении шведских кораблей Георг Эрнест Резе не дает.

Интересное описание приводит архиепископ Холмогорский и Важский Афанасий. Это описание опубликовано Н.И. Новиковым в книге «О высочайших пришествиях...»: «...Тогда от новопостроенной при той Двинке крепости двинского Гайдутского солдатского полку голова Григорий Животовский, увидел приход их, и чаял, что они торговые корабли, а не воинские; взяв солдат тринадцать человек да от крепости работных крестьян гребцов четыре человека, и пригреб в ежжолм карбасе к фрегату да к яхте и, оплыв кругом их осматривая, и хотел приставать по обычаю к фрегату; и они, супостаты свияне, ласкаяся, и будто мирные, подали тому голове от себя с того фрегата приемной роп. И в то время стоящий в карбасе на носу солдат присмотрел на тех фрегатах и на яхте в пушечное окно на палубах неприятельских воинских людей лежащих вооруженных многое число и помаванием тайным возвестил ему, голове Григорью, о тех неприятельских людех, да и сам он, голова. О них дознался ж; того ради, не выходя он с солдатами из карбаса на фрегат, абие отпехнувшись от него двумя партазанами за корму фрегата, погребли от них проч к берегу. В то время неприятельские люди с тех фрегатов и с яхты по них из пушек и из мелкого оружия стреляли... А голова Григорий Животовский с солдаты, пригребшеса в карбасе ово веслами, ово руками до няши и купно с ранеными солдаты пометавшеса в воду, выбрали на брег и лесом дошли в крепость к государевым людям.

В то время бывшие на фрегате вышереченные вожи русские полоненники Иван Рябов да переводчик Дмитрий Борисов аще и в смертной беде сущей, обаче согласяся между собою на палубе, оных супостатов швейских людей из тех один фрегат да яхту привели

перед самую Двинку прямо новья крепости в прилук и навели их на мель в няши против государева ружья по прилучаю к упалой воде; а третий шедши позади их фрегат не дошел до них, остановился на вольной воде и на мель не нашел. Тогда они, неприятельские люди, абие их, вожей, переводчика Дмитрия Борисова и Ивана Рябова в каюте бывши, единокупно из фузей стреляли. Но он, Иван, спасся от убития, быв якобы пострелен с ним же, Дмитрием, и купно упал на него, и кровию его обмазался, и лежал яко мертв; и от оных супостатов во время убору их наметаны они были досками; и лежа, он, Иван, в такове беде, непрестанныя к Богу молитвы возсылал и святого Николая чудотворца в помощь призывал о избавлении своем...»¹²

В этом описании для нас любопытны следующие моменты:

1. Солдатский голова Григорий Животовский на карбасе объехал вокруг всех кораблей и видел всех людей, которые находились на палубе. Однако он не заметил на палубе ни Ивана Седунова, ни переводчика Дмитрия Борисовича Попова (Дмитрия Борисова);

2. Шведы подали в карбас Животовского «роп», или веревочную лестницу;

3. Карбас Животовского выгреб к «няши», или мели, на которую все высадились из карбаса;

4. Впервые приводится свидетельство о том, то Иван Седунов и Дмитрий Попов вместе решили посадить корабль на мель;

5. Приводится свидетельство, что во время погони за карбасом Животовского они, Иван Седунов и Дмитрий Попов, уже находились в каюте, а не на палубе.

Интересные свидетельства приводятся В.В. Крестининым в работе «Исторический опыт о внешней торговле... Петра Великого...»: «... Рябов, взятый шведами на Белом море в плен, принужден был под смертным страхом показывать обоим неприятельским фрегатам и яхте по Двине фарватер. Рябов исполнял их волю даже до прихода к ускому фарватеру, простиравшемуся у западного берега Маркова острова, лежащего против Кривецкого острова от запада... Когда шведские фрегаты, из которых на первом был Рябов корабельным вождем (лотсманом), вошли в предреченную полосу узкого фарватера, тогда по героическому его предприятию и мановению обратившиеся на мель оба неприятельские фрегаты остановились в глубокой тине неподвижно; но яхта, шедшая за

фрегатами неблизко, от сего освободилась... С Рябовым был на Шведском фрегате для показания неприятелем корабельной водотечи (фарватера) товарищ, плененный на Мудьюжском острове Шведами таможенный переводчик Дмитрий Борисов. Рябов, изведав слабости его духа на геройское против Шведов предприятие, утаил от него свое намерение и произвел оное в действо один. Но Шведы равное отмщение обоим показали: вринули они сих пленников в каюту оставляемого ими фрегата, а потом огненными выстрелами из разных фузей пустили на них смертоносныя пули, от которых Борисов немедленно умер, а Рябов ранен легко и неопасно...»¹³

На основании сведений, приведенных В.В. Крестининым, можно обозначить следующие интересные моменты:

1. Иван Седунов посадил на мель все три корабля. Яхта сумела сняться с мели и уйти в море, а два фрегата были захвачены;

2. Пленники были брошены в каюту только после того, как Седунов посадил корабли на мель;

3. Дмитрий Попов ничего знал о замыслах Седунова, к тому же, по мнению Седунова, был малодушен.

Впервые проанализировать русские и шведские источники по подготовке и проведению шведской военно-морской экспедиции на Архангельск в 1701 г. удалось Ю.Н. Беспятым. Им была издана книга «История знаменитого сражения. Шведская экспедиция на Архангельск в 1701 году»¹⁴. В ней приводятся очень любопытные материалы шведской стороны:

1. «...маленькая эскадра приближалась к Новодвинской крепости, выстроившись полумесяцем: впереди – шнява [«Мьёхунден»], позади и справа от нее – [галиот] «Фалькен» и за ним – [галиот] «Тёва-литет». Первые два, опустив паруса, медленно пошли на буксире, т[ретий продолжал следовать за ними под парусами. До острова [Линский Прилук, где располагалась крепость] оставалось не более полукилометра, когда на кораблях заметили два маленьких судна, направлявшиеся к ним. В меньшем было человек 5-6, в большем, как потом утверждали шведы, примерно 30 солдат со знаменем и барабаном»¹⁵.

2. «...карбас обошел галиоты и шняву, затем подвалил к шняве с левого борта...»¹⁶

3. «...палуба на первый взгляд была пуста, только штурман бросал лот да по человеку стояло у фок-мачты и у руля...»¹⁷

4. «...Несколько русских солдат перешли на нос карбаса; лейтенант [Х. Шёшерна] гостеприимно подал Г.Н. Животовскому приемный роп...»¹⁸

5. «...Под днищем шлюпки с “Мьёхундена”, которая была отправлена под командой пехотного лейтенанта Стольберга с несколькими солдатами в погоню за уходившим карбасом, закрипел песок. (поскольку на спуск шлюпки понадобилось время. Карбас успел заметно удалиться, а шнява между тем тоже не стояла на месте; таким образом, вдогонку ринулась наперерез, не повторяя курса карбаса, и потому, наверно, угодили на мель) И тут шнява и шедший за нею «Фалькен» неожиданно врезались в грунт. Они прочно сидели на мели «на расстоянии хорошего мушкетного выстрела от суши» то есть от острова Линского. Оба встали носом к крепости, поэтому их пушки, расположенные по бортам, оказались почти бесполезны. Отчаянные попытки снять корабли с мели при помощи верп-анкеров не имели успеха, да к тому же начинался отлив...»¹⁹

В монографии Ю.Н. Беспятых «Архангельск накануне и в годы Северной войны 1700–1721», вышедшей в 2010 г., в главе VII приводится несколько расширенное описание сражения, по сравнению с книгой «История знаменитого сражения. Шведская экспедиция на Архангельск в 1701 году», которая издана в 1990 г.²⁰

Проанализировав шведские данные, можно сделать определенные выводы:

1. С шведской шнявы «Мьёхунден» была спущена шлюпка под командой пехотного лейтенанта Стольберга, которая преследовала карбас Животовского;

2. Сама шнява «Мьёхунден», совместно с галиотом «Фалькен», также преследовали карбас Животовского, идя ему наперерез;

3. На мель угодили: шлюпка с «Мьёхундена», шнява «Мьёхунден» и галиот «Фалькен»;

4. Шнява и галиот прочно сидели на мели «на расстоянии хорошего мушкетного выстрела с суши».

Итак, проанализировав все известные нам источники, как русские, так и шведские, можно сделать следующие предположения:

1. Корабли были замечены с крепости на расстоянии 500 саженей (1080 м).

2. С кораблей увидели крепость с расстояния 500 саженей.

3. Иван Седунов и Дмитрий Попов были заперты в каюте сразу же, как только на кораблях увидели крепость.

4. Когда корабли приблизились на веслах к крепости на расстоянии 200 сажений (432 м), к ним выехал на карбасе голова Григорий Животовский.

5. Объехав корабли, Г. Животовский и солдаты в карбасе увидели на палубах судов только иностранных матросов. На палубе кораблей не было замечено русских людей – Ивана Седунова и Дмитрия Попова.

6. Шведы спустили «роп» в карбас Животовского. Увидев спрятавшихся за бортом корабля вооруженных шведских солдат, Животовский на карбасе стал уходить от корабля.

7. Шведы открыли огонь из пушек и ружей по карбасу Животовского.

8. Шведы спустили шлюпку с шнявы «Мьёхунден» для преследования карбаса Животовского.

9. Сами корабли, шнява «Мьёхунден» и галиот «Фалькен» также бросились преследовать карбас Животовского, идя ему наперерез.

10. Карбас Животовского достиг «няши», или мели.

11. На мель, преследуя карбас Животовского, сели шлюпка с шнявы «Мьёхунден», шнява «Мьёхунден» и галиот «Фалькен». Все они оказались на мели, на расстоянии «хорошего мушкетного выстрела от суши». Из мушкета выстрел производится на расстояние до 250 м. Хороший мушкетный выстрел можно сделать на расстояние до 200 м, или примерно около 100 сажений²¹.

12. Лейтенант Стольберг, командуя шлюпкой с шнявы «Мьёхунден», захватил знамя и барабан, с которыми отправился навстречу шведским кораблям голова Григорий Животовский.

13. И. Седунов и Д. Попов были расстреляны шведами в каюте, куда их заперли, как только начался бой.

Таким образом, на основании выше изложенного можно констатировать тот факт, что Седунов и Попов не могли посадить корабли шведов на мель, так как в это время находились под стражей в каюте на шняве «Мьёхунден», а в начале боя были расстреляны.

Командование шведских кораблей само посадило их на мель, увлекшись преследованием карбаса Животовского и не зная фарватера реки Северной Двины.

Теперь необходимо установить, где же находилась мель, на которую сели шведские корабли?

К сожалению, картографических материалов, которые можно датировать 1701–1710 гг., нам не известно.

Первая русская карта дельты Северной Двины – «Чертеж река Двина или Архангелска повелением царского величества делал на Москве Адриан Шхоньберк 1701 году». Эта карта является копией голландской морской карты 1699 г., только надписи переведены на русский язык. К сожалению, на ней недостаточно точно изображено Березовое устье, на одном из островов которого, Линском Прилуке, будет возводиться крепость.

На планах крепости, выполненных инженером Георгом Резе (рис. 1), показаны подходы к крепости, с речной стороны, но практически не зафиксирован фарватер, по которому проходят морские суда в порт Архангельск. Однако на плане указано местоположение «9» – песок или отмель, которая расположена рядом с крепостью.

Для того чтобы более точно определить местоположение мели, или «няши», мы привлекаем более позднюю карту, которую можно датировать примерно 1735–1740 гг. (рис. 2). На ней хорошо показан судовый ход для морских судов. На ней также виден размыв мели у стен крепости.

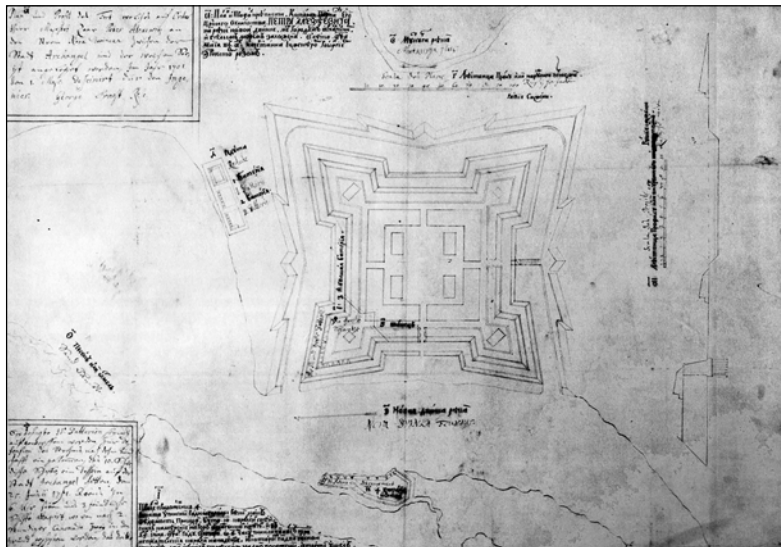

Рис. 1. Чертеж Новодвинской крепости, выполненный инженером Георгом Резе. 1701 г. (РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Д. 21. Ч. I)

Рис. 2. Фрагмент карты дельты Северной Двины. 1735–1740 (?) гг. (РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Архангелогородская губерния. Д. 20)

На основе документов, посвященных сражению на речке Малой Двинке (Новодвинскому сражению), и приведенных картографических материалов можно с достаточной уверенностью говорить о местоположении «няши».

Свидетельствуют шведские документы: «...Они прочно сидели на мели “на расстоянии хорошего мушкетного выстрела от суши”, то есть от острова Линского. Оба встали носом к крепости, поэтому их пушки, расположенные по бортам, оказались почти бесполезны... был час отлива. До кораблей можно было добраться даже вброд. Заняли “Фалькен”. Шнява стояла на дне, вокруг нее не было воды. Солдаты взобрались на борт, и в этот момент грохнул взрыв. “Мьехунден” окуталась густым дымом...»²²

Свидетельство Н.И. Новикова: «...И егда из государева окна от крепости увидели их, супостатов, с битого фрегата и яхты побег на другой фрегат, тотчас двинские солдаты по наряду головы Григория Животовского в малых судех пригребли, а иные пеши водою прибрели на те битые фрегат и яхту с ружьем и со знаменны и хотели бить по беглых супостатах из пушек...»²³

Свидетельство В.В. Крестинина: «...Но в первой половине нынешнего века сей фарватер простирался узкою полоскою между западным берегом Маркова острова и опасною мелью, где небольшой поворот останавливает неподвижно в тине каждое мореходное

судно... Когда шведские фрегаты, из которых на первом был Рябов корабельным вожем (лотсманом), вошли в предреченную полосу узкого фарватера, тогда по героическому его предпрятию и мановению обратившиеся на мель оба неприятельских фрегата остановились в глубокой тине неподвижно...»²⁴

Итак, «няша» находилась у правого берега (вниз по течению реки Северной Двины), на котором возводилась крепость.

¹ Наиболее полная библиография опубликована в работе «Тревожные годы Архангельска. 1700–1721. Документы по истории Беломорья в эпоху Петра Великого» (далее – ТГА). Архангельск, 1993. С. 18–20.

² Гостев И. День Победы // Архангельская старина. 2009. № 2. С. 11–15; Его же. Архангельская Новодвинская крепость: Краткая история (буклет). Архангельск: «Новодвинка», 2012. С. 5–6.

³ Брызгалов В.В. Новодвинское сражение: мифы и реальность // Защитники Отечества. Материалы XI областных общественно-научных чтений по военно-исторической тематике. Архангельск, 2002. С. 5–12.

⁴ Беспятых Ю.Н. Архангельск накануне и в годы Северной войны 1700–1721. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «Блиц»; Историческая иллюстрация, 2010. Гл. VII.: Сражение в Двинском устье 25–26 июня 1701 г. С. 256–291.

⁵ Расспросная двинского бобылка Ивана Ермолина сына Седунова // ТГА. 1700–1721. № 38. С. 95–97.

⁶ Там же. № 38. С. 96.

⁷ Каменцева Е.И., Устюгов Н.В. Русская метрология. 2-е изд. М.: Высшая школа, 1975. С. 89.

⁸ Куратов А.А. Метрология России и Русского Севера. Архангельск, 1991. С. 82.

⁹ Допрос стольника Сильвестра Петровича Иевлева в Новгородском приказе // ТГА. № 61. С. 150–151.

¹⁰ Спецификация русскому оружию, взятому у русских пленных // ТГА. № 113. С. 341–342.

¹¹ Допрос инженера Егора Резена в Новгородском приказе // ТГА. № 62. С. 155.

¹² [Новиков Н.И.] О высочайших пришествиях великаго государя царя и великаго князя Петра Алексеевича, всяя Великия и Малыя и Белья России самодержца, из царствующаго града Москвы на Двину к Архангельскому городу, троекратно бывших; о нахождении шведских неприятельских кораблей на туже Двину к архангельскому городу; о зачатии Новодвинской крепости и о освящении нового храма в сей крепости / Изданием Н. [И.] Новикова и компании. М., 1783 // ТГА. Приложения II. С. 370–371.

¹³ Крестинин В.В. Исторический опыт о внешней торговле государя императора Петра Великого от 1693 года по 1719 год // Месяцеслов исторический и географический на 1795 год. СПб., 1795 // ТГА. Приложения III. С. 380–381.

- ¹⁴ Беспятых Ю.Н. История знаменитого сражения. Шведская экспедиция на Архангельск в 1701 году. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1990.
- ¹⁵ Там же. С. 67.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же. С. 68.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же. С. 69.
- ²⁰ Беспятых Ю.Н. Архангельск накануне и в годы Северной войны 1700–1721. С. 269–291.
- ²¹ Мушкет // Советская военная энциклопедия. М.: Воениздат, 1978. С. 453.
- ²² Беспятых Ю.Н. Архангельск накануне и в годы Северной войны 1700–1721. С. 282.
- ²³ [Новиков Н.И.] О высочайших пришествиях... С. 372.
- ²⁴ Крестинин В. В. Указ. соч. С. 380.

*А.А. Будко, Л.К. Барышкова, Е.Г. Новикова,
Т.С. Разоренова (Санкт-Петербург)*

ОСОБЕННОСТИ ЗАБОЛЕВАНИЙ И ПОВРЕЖДЕНИЙ У ВОЕННОСЛУЖАЩИХ-ЖЕНЩИН В ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТАХ XX ВЕКА

В ОЕННАЯ служба как специфическая сфера деятельности во все эпохи российской истории являлась прерогативой мужчин¹. Впервые женщины были привлечены на театр военных действий Н.И. Пироговым для ухода за ранеными и больными во время Крымской кампании 1854–1855 гг. В последующие годы в соответствии с традициями войн уделом женщин оставалась медицинская служба. Женщины, как правило, были вольнонаемными и не носили воинских званий. Начиная с Первой мировой войны женщины на добровольной основе стали принимать участие в боевых действиях². В годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в армию и на флот были призваны более 800 тысяч женщин. Некоторые из них принимали участие в боевых действиях³.

В послевоенные годы и в годы мирного строительства военная служба женщин стала неотъемлемой частью современных Вооруженных сил. Их численность на 2003 г. составила приблизительно 8,0–10,0 % от общей численности военнослужащих⁴. В течение последних лет показатели женского присутствия в российской армии получили динамичный характер и, по данным некоторых авторов, в XXI в. достигли 11–12 % от общего количества личного состава⁵.

Увеличение доли женского контингента в современной армии поставило вопрос о праве военнослужащих-женщин на охрану здоровья и медицинскую помощь. Даже служба по контракту в тыловых войсках не исключает травмы или различные заболевания у

военнослужащих-женщин. Более того, отмечена тенденция к увеличению частоты возникновения отдельных заболеваний. Так, по данным выборочного исследования состояния здоровья военнослужащих-женщин ряда военных округов, уровень первичной заболеваемости среди них в 2010 г. по сравнению с 2005 г. вырос на 63 % (с $450,0 \pm 2\%$ до $513 \pm 3\%$). В три раза увеличился уровень заболеваемости болезнями эндокринной системы, расстройствами питания и обмена веществ (с $4,9 \pm 0,1\%$ до $15,5 \pm 0,2\%$)⁶.

Участившиеся в конце XX – начале XXI вв. локальные войны и вооруженные конфликты потребовали присутствия женщин-военнослужащих некоторых специальностей на театре боевых действий. Однако женщины-военнослужащие нашей армии в отличие от представительниц армий ряда иностранных государств (в частности, Израиля), находясь в зонах боевых действий, выполняли обязанности врачей, медсестер, фельдшеров, связистов и радистов и не принимали участия в военных операциях⁷.

Пребывание женщин во фронтовой обстановке сопряжено со многими трудностями, связанными с физиологическими потребностями, бытовыми нуждами, «мужскими» физическими и психическими нагрузками, с небывалым интеллектуальным напряжением и т. д., оказывающими неблагоприятное влияние как на женский организм в целом, так и на его специфические функции⁸. Не исключается опасность военного травматизма, который может быть результатом опосредованного или прямого воздействия оружия противника, как это было в годы Великой Отечественной войны, когда женщины-медики, оказывая помощь раненым, попадали под огонь противника или когда принимали непосредственное участие в боевых операциях, будучи летчицами, снайперами, пулеметчицами или минерами.

Целью проведенного исследования явилось изучение особенностей структуры ранений, травм и заболеваний у военнослужащих-женщин, находившихся в районе одного из вооруженных конфликтов XX в. Была произведена аналитическая обработка медицинских документов персонального учета военнослужащих-женщин, госпитализированных в военно-лечебные учреждения.

В общей структуре повреждений и заболеваний, как у женщин-военнослужащих, так и у вольнонаемных женщин, находившихся в районе вооруженного конфликта, основная доля пришлась на различные заболевания I–XV классов. Среди болезней I–XV классов,

принятых за 100,0 %, доля болезней II–XIV классов составила около половины. Значительный удельный вес имели гинекологические заболевания. Вместе с беременностью они составили в сумме треть заболеваний II–XIV классов. Среди заболеваний внутренних органов наиболее частыми были болезни органов дыхания и системы пищеварения.

Судя по приведенным данным, структура заболеваний у женщин-военнослужащих, находившихся в районе вооруженного конфликта, в значительной степени отличалась от таковой у военнослужащих-женщин тыловых частей, у которых, как следует из материалов публикаций, преобладающими являлись заболевания органов дыхания, мочеполовой системы и органов кровообращения. Причем удельный вес болезней органов дыхания у военнослужащих тыловых подразделений в 2 раза превышал аналогичные показатели у военнослужащих-женщин, оказавшихся в районе боевых действий. Доля болезней органов пищеварения в сравниваемых группах была примерно одинаковой. Суммарный объем инфекционных и паразитарных болезней примерно в восемь раз был выше у военнослужащих-женщин, находившихся на театре военных действий.

В то же время распределение заболеваний, выявленных среди женщин-военнослужащих, находившихся в районе вооруженного конфликта, по классам практически совпало с аналогичным, но характерным для Великой Отечественной войны. В частности, среди заболевшего в Великую Отечественную войну женского контингента ведущее место также занимали болезни гинекологического профиля. Болезни II–XIV классов, как и у женщин, присутствовавших в районе вооруженного конфликта, составили около половины всех заболеваний⁹. Удельный вес болезней I класса (инфекционные и паразитарные заболевания) у женщин-военнослужащих, заболевших в годы Великой Отечественной войны, был в два раза ниже.

Несмотря на то что женщины нашей армии, находившиеся на театре боевых действий, не принимали непосредственного участия в военных операциях, у них имели место ранения, механические травмы и ожоги, вызванные опосредованным воздействием оружия противника. Ведущими локализациями таких повреждений оказались голова, верхние и нижние конечности. У небольшой доли госпитализированных женщин имели место ранения, механические

травмы и ожоги, связанные с хозяйственной деятельностью. Основной удельный вес небоевых травм пришелся на сотрясения головного мозга.

Структура повреждений у военнослужащих-женщин, находившихся в районе вооруженного конфликта и госпитализированных в различные военно-лечебные учреждения, оказалась иной, чем у женщин, получивших боевые хирургические повреждения в годы Великой Отечественной войны. По данным литературных источников, у женщин, госпитализированных в специализированный женский госпиталь № 1443, наибольший удельный вес (83,7 %) среди огнестрельных ранений имели осколочные ранения. Доля пулевых ранений составила 16,3 %. Чаще всего (45,0 %) ранения локализовались на нижних конечностях. Число ранений верхних конечностей было вдвое меньше (22,0 %). Ранения мягких тканей тазовой области составили 8,7 %, 2,0 % – повреждения тазовых костей, 0,24 % – ранения мочевого пузыря и 0,12 % – ранения прямой кишки от общего числа ранений. 5,8 % – это ранения грудной области, 4,0 % – ранения головы. 1,5 % – редкие ранения лица, позвоночника, ЛОР-органов, глаз, шеи и живота. У 2,1 % женщин имели место ожоги, у 0,1 % – отморожения, у 1,7 % – контузии и у 5,0 % – закрытые повреждения¹⁰. Сопоставление приведенных выше данных с таковыми у военнослужащих-женщин, присутствовавших в районе вооруженного конфликта, показало, что на фоне имевшихся различий количественных показателей отчетливо прослеживалось совпадение качественных характеристик, например, совпадение по локализации ведущих ранений. У военнослужащих-женщин обеих групп наиболее уязвимыми оказались нижние и верхние конечности.

Приведенные в статье данные свидетельствуют о том, что проблемы, связанные с прохождением военной службы женщинами, по-прежнему остаются актуальными. В полевых условиях и на театрах боевых действий плохая организация бытовых условий для военнослужащих-женщин, отсутствие «поправки» на женскую физиологию и особых нормативов боевой, строевой и физической подготовки могут обернуться немалыми нравственными и материальными потерями. Особенную остроту приобретают проблемы менструаций и беременности, особенно внематочной беременности, требующей оказания неотложной хирургической помощи¹¹. Выполнение служебных обязанностей в

районах военных действий даже без непосредственного участия в боевых операциях не исключает возможности получения военнослужащими-женщинами повреждений, обусловленных воздействием поражающих факторов оружия противника, а также возможности возникновения у них различных заболеваний. Эти факторы, безусловно, должны быть учтены при разработке руководящих документов, касающихся условий жизнедеятельности и военной службы женщин в подразделениях, находящихся на театрах военных действий¹².

¹ Бурлаков А.И. К вопросу о вкладе женщин в победу СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // Женщина и война. О роли женщин в обороне Ленинграда. 1941–1944 гг.: Сб. статей. СПб.: Изд-во С.Петербург. ун-та, 2006. С. 50–59; Грибовская Г.А. Женщины на войне – ненаписанная история // Там же. С. 60–71; Будко А.А., Грибовская Г.А. Женщины-медики на Ленинградском фронте. Научная конференция 10–11 марта 2005. Тезисы докладов. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2005. С. 21–24; Медицинское обеспечение женщин военнослужащих в зоне боевых действий // Зарубежная военная медицина. Информационный бюллетень. СПб., 2008. № 5–6 (416–417). С. 9–13; Шелепов А.М., Пешков В.В. Женщины на военной службе в Российской армии // Военно-медицинский журнал. 2003. № 3. С. 72–77; Table 498 и Table 503 . Department of Defense Personnel // U.S. Census Bureau, Statistical Abstract of the United States: 2008/ URL: <http://www.census.gov/prod/2007pubs/08statab/defense.pdf>; Вашурина З.П. Исторический опыт привлечения женщин на военную службу в отечественные Вооруженные силы в XX веке: Дис.... канд. ист. наук. М., 2004. 275 с. (Электронный ресурс): URL: <http://www.dissercat.com/content/istoricheskii-opyt-privlecheniya-zhenshchin-na-voennuyu-sluzhbu-v-otechestvennye-vooruzhennyye-sily-v-xx-veke>

² Шелепов А.М., Пешков В.В. Указ. соч. С. 73.

³ Бурлаков А.И. Указ. соч. С. 50; Будко А.А., Грибовская Г.А. Указ соч. С. 21; Шелепов А.М., Пешков В.В. Указ. соч. С. 75.

⁴ Шелепов А.М., Пешков В.В. Указ. соч. С. 76.

⁵ Вашурина З.П. Указ. соч.

⁶ Резванцев М.В., Иванова Л.В., Сивашенко П.П. Основные показатели состояния здоровья и заболеваемости отдельных категорий военнослужащих, проходящих службу по контракту // Военно-медицинский журнал. 2011. № 6. С. 72.

⁷ Вашурина З.П. Указ. соч.

⁸ Грибовская Г.А. Указ. соч. С. 61; Медицинское обеспечение женщин военнослужащих в зоне боевых действий. С. 9–13; Шелепов А.М., Пешков В.В. Указ. соч. С. 76; США смягчат ограничения на участие женщин в войне // Lenta. Ru. 09 February 2012. URL: <http://www.lenta.ru>; Полторак С.Н. Женщины на защите блокированного Ленинграда. Некоторые аспекты историографии проблемы // Женщина и война. О роли женщин в обороне Ленинграда. 1941–1944 гг.:

Сб. статей. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2006. С. 42; Вашурина З.П. Указ. соч.

⁹ Туманов И.П., Цвелев Ю.В., Драчко В.Ф. Организация медицинской помощи женщинам-военнослужащим Советской армии: Учебное пособие. Л.: ВМедА, 1981. С. 55.

¹⁰ Будко А.А., Грибовская Г.А. Указ. соч. С. 23; Грибовская Г.А. Указ. соч. С. 63; Введенский К.К. О работе Эвакогоспиталя 1443 / Труды Военно-медицинского музея. Т. XVII. Л.: ВММ МО СССР, 1965. С.119–120.

¹¹ Шелепов А.М., Пешков В.В. Указ. соч. С. 76; Медицинское обеспечение женщин военнослужащих в зоне боевых действий. С. 9–13; Table 498 и Table 503; Вашурина З.П. Указ. соч.

¹² Там же.

А.А. Будко, Г.А. Грибовская (Санкт-Петербург)

РОЛЬ А.А. БАРАБАНОВА В ОРГАНИЗАЦИИ МЕДИЦИНСКОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ ВОЕННОПЛЕННЫХ И РЕПАТРИАНТОВ ВО ВТОРУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ

В ПЛЕЯДЕ руководителей медицинской службы фронтов в годы Великой Отечественной войны одно из первых мест по праву принадлежит выдающемуся организатору военного здравоохранения, новатору советской военной медицины, кавалеру многих орденов, в том числе и полководческого ордена Кутузова II степени, генерал-лейтенанту медицинской службы Арсению Яковлевичу Барабанову (1901–1952).

Незаурядные организаторские способности и большие знания в области военной медицины особенно проявились у А.Я. Барабанова в годы Второй мировой войны. Будучи начальником санитарного отдела 34 армии Северо-Западного фронта, он организовал специализированное лечение легкораненых, раненных в бедро, крупные суставы, голову и грудь. Как начальник Военно-санитарного управления (ВСУ) Донского фронта был организатором создания межармейских госпитальных баз. Руководя медицинской службой фронта в период Белорусской наступательной операции 1944 г., А.Я. Барабанов в сложных условиях лесисто-болотистой местности максимально приблизил к линии фронта госпитальные базы.

На завершающем этапе войны, при проведении Висло-Одерской и Берлинской наступательных операций 1945 г. А.Я. Барабанов принял смелое решение приблизить фронтовые госпитали к войсковому району, эвакуацию раненых и больных производить непосредственно на эти госпитали. Тем самым незагруженные

армейские госпитали и медсанбаты имели возможность следовать за наступающими войсками.

Не менее значима роль А.Я. Барабанова в организации медицинского обслуживания раненых и больных военнопленных, а также освобожденных из концентрационных лагерей советских военнопленных, военнопленных союзных государств и гражданского населения, угнанного в неволю.

Небывалая массовость поступления военнопленных вообще, раненых и больных из них, в частности, происходила на завершающем этапе Сталинградской наступательной операции. Деятельность медицинской службы Донского фронта, которую возглавлял А.Я. Барабанов, строилась с учетом условий, которые сложились в период рассматриваемой операции.

Во-первых, кольцевое начертание линии фронта к началу операции по ликвидации окруженной группировки противника предопределило наличие ряда расходящихся от Сталинграда эвакуационных направлений и размещение на них сил и средств медицинской службы армии и фронта. Эти же условия и определили основные направления движения военнопленных и сосредоточения раненых и больных из их числа.

Во-вторых, наши войска несли большие санитарные потери вследствие яростного сопротивления войск противника, отказавшихся капитулировать. В этих условиях лечебные учреждения армии и фронта оказались переполненными ранеными и больными из числа воинов Советской армии.

В-третьих, крайняя ограниченность средств госпитализации, которыми располагала медицинская служба армии и фронта. Так, в составе медицинской службы фронта на 9 января 1943 г. было 32 госпиталя на 18 700 коек и мест. При этом лечебные учреждения к началу операции «Кольцо» имели большую загрузку: армейские – 87,6 %, фронтовые – 111,1 % к штатной емкости¹.

В-четвертых, резко ослабленное физическое состояние военнопленных вследствие сильного нарушения питания окруженных войск, а также несоответствующее суровой зиме обмундирование вражеских солдат. Все это предопределило высокую заболеваемость (дистрофии, обморожения) и смертность среди военнопленных в целом, большую летальность среди раненых и больных из их числа.

В-пятых, небывалая массовость поступления военнопленных. Всего войсками Донского фронта за период Сталинградской

наступательной операции было взято в плен свыше 91 тысячи солдат и офицеров немецкой армии. Так, из общего числа плененных более 500 человек находилось без сознания, у 70 % была дистрофия, практически все страдали от авитаминоза и находились в состоянии физического и психического истощения. Среди плененных солдат и офицеров были широко распространены воспаление легких, туберкулез, болезни сердца и почек, почти 60 % имели отморожения 2 и 3 степени и около 10 % находились в таком состоянии, что не оставалось возможности их спасти².

Точное число раненых и больных военнопленных, поступивших на попечение медицинской службы, установить не удалось, но их было несколько десятков тысяч. К медицинскому обслуживанию раненых и больных военнопленных медицинская служба фронта не была подготовлена. Кроме того, на ее попечение поступало большое число раненых и больных, находившихся без должного надзора со стороны медицинской службы немецкой армии, часто в самых различных местах, поэтому для оказания им медицинской помощи необходимо было организовать проведение специальных мероприятий по розыску военнопленных и их сбору.

Согласно совместной директиве Управления устройства тыла и снабжения Генерального штаба и Санитарного управления Красной армии от 29 июля 1941 г., действовавшей и в период Сталинградской наступательной операции, медицинская служба армии и фронта должна была обеспечить лишь прием в ближайших развернутых госпиталях раненых и больных военнопленных, оказание им необходимой медицинской помощи и проведение лечебных мероприятий, необходимых для возвращения в лагерь военнопленных или дальнейшей эвакуации в тыл. Участие в медицинском обслуживании военнопленных в армейских сборных пунктах военнопленных и во фронтовых приемно-пересыльных лагерях, а также выделение для лагерей военнопленных лечебных учреждений из состава медицинской службы действующей армии не предусматривалось³.

Однако сложившаяся в районе Сталинграда обстановка требовала от медицинской службы армий и фронта участия в медицинском обслуживании военнопленных в сборных пунктах и лагерях, а от медицинской службы фронта – выделения специальных госпиталей и их развертывания в районе фронтовых приемно-пересыльных лагерей военнопленных.

Практически первая из этих задач решалась путем направления на сборные пункты и в лагеря медицинского персонала из различных частей и учреждений медицинской службы армий и фронта. К проведению профилактических и противоэпидемических мероприятий привлекались также врачи и фельдшера немецкой армии, находившиеся в сборных пунктах и лагерях военнопленных. В тех приемно-пересыльных лагерях, которые не имели своих лазаретов, они создавались за счет сил и средств медицинской службы фронта. Такие лазареты были созданы, например, в лагерях для военнопленных в Паньшино силами и средствами фронтового медико-санитарного батальона (МСБ)-262, в Иловле – фронтового МСБ-296, в Бабуркине – полевого подвижного госпиталя (ППГ)-126, в Дубовке – ППГ-4196 и ППГ-4197⁴.

Большая заслуга А.Я. Барабанова как руководителя медицинской службы Донского фронта заключалась в решении задачи сбора большой массы раненых и больных военнопленных, их госпитализации и лечения. Решение этой задачи было осуществлено с применением трех основных организационных форм, а именно: использование выявленных на территории бывших боевых действий немецких лазаретов и создание на их базе импровизированных лечебных учреждений; направление части раненых и больных военнопленных в армейские и фронтовые лечебные учреждения, принимавшие раненых и больных из числа советских воинов; выделение госпиталей, специально предназначенных для приема и лечения раненых и больных военнопленных.

Медицинская служба армий и фронта смогла организовать выявление немецких лазаретов и изучение их состояния лишь после прекращения сопротивления немецко-фашистских войск, т. е. 3-4 февраля 1943 г. К 5-6 февраля в армиях Донского фронта было выявлено 16 таких лазаретов, в которых находилось в общей сложности около 14 тысяч раненых и больных военнопленных⁵.

В последующие дни были выявлены скопления раненых и больных военнопленных в местах, никак не связанных с дислокацией немецких лазаретов. Да и выявленные лазареты в большинстве своем находились в таком состоянии, что использовать их в том виде, в котором они были найдены, не представлялось возможным, особенно в Сталинграде. Дело в том, что в ходе операции по ликвидации окруженной группировки противника многие лазареты, располагавшиеся западнее Сталинграда, в панике неорганизованно

перемещались в город. Раненые, также неорганизованно, тянулись в Сталинград и укрывались в случайных помещениях.

В связи с убытием основной части войск и управления Донского фронта в новый район боевых действий, для руководства медицинским обеспечением еще не убывших боевых войск и деятельностью многочисленных лечебных учреждений в конце февраля на базе ВСУ Донского фронта был сформирован орган управления, получивший название санитарного отдела Сталинградской группы войск.

Наличие большого количества лазаретов, расположенных к тому же на огромной территории, не позволяло осуществлять руководство их деятельностью, а в последующем – эвакуацией из них значительного числа раненых и больных со стороны одного Донского фронта. 1 февраля 1943 г. по инициативе А.Я. Барабанова состоялось совещание руководящего состава медицинской службы Донского и Южного фронтов. На совещании было принято решение: лазареты военнопленных, размещенные в Сталинграде, передать Южному фронту, а лазареты, размещенные западнее и северо-западнее Сталинграда, остаются в ведении Донского фронта. Это решение было выполнено к 22 февраля⁶.

Еще в ходе боевых действий появилась крайняя необходимость оказания медицинской помощи раненым и больным из числа военнопленных в лечебных учреждениях, принимавших одновременно раненых и больных воинов Советской армии. Чрезмерная загрузка развернутых госпиталей ранеными и больными воинами Советской армии не позволяла накапливать в них раненых и больных военнопленных. Однако, для этой цели были выделены в основном армейские учреждения: в 21-й армии – ППГ-372, в 24-й армии – ППГ-58, в 65-й армии – ППГ-476, в 66-й армии – ППГ-2418 и ППГ-4196, в 57-й армии – ППГ-58, в 62-й армии – эвакоприемник – 165. По состоянию на 20 февраля в лечебных учреждениях 65-й армии находилось 860 раненых и больных военнопленных, в 66-й армии – 440, в 21-й армии – 200 военнопленных⁷.

Представляют определенный интерес данные отчета по форме № 11 отчета военного времени ППГ-476 65-й армии. Этот госпиталь за период с 23 по 31 января 1943 г. принял 3052 советских воина и 666 военнопленных. В числе военнопленных было: раненых – 191, обмороженных – 447, контуженных – 3, больных – 25 человек. Из этого числа за девять дней было эвакуировано

429 человек⁸. В некоторых армейских госпиталях (ППГ-58, ППГ-2418) наблюдалась высокая летальность, которая доходила до 50 %. Колебания летальности определялись в основном сроками пребывания военнопленных в том или ином госпитале.

Проблема госпитализации и лечения раненых и больных военнопленных в лечебных учреждениях, принимавших одновременно раненых и больных советских воинов, не оправдала себя. Тем более, что число выявленных раненых и больных военнопленных продолжало нарастать: по состоянию на 4 марта 1943 г. на попечении медицинской службы фронта состояло 14 245 человек⁹. Решение проблемы госпитализации и надлежащего лечения раненых и больных военнопленных было найдено в выделении госпиталей, специально предназначенных для этих контингентов. Формальным основанием для проведения этого мероприятия послужило письменное распоряжение представителя Главного Военно-санитарного управления срочно перебазировать девять эвакуогоспиталей Донского фронта в район Сталинграда для лечения раненых и больных военнопленных с указанием места их дислокации. Фактически развернутые лечебные учреждения для лечения военнопленных были совсем другие, да и дислокация их была иной. Очевидно, руководство медицинской службы изыскало другие возможности для решения этой задачи.

По состоянию на 12 марта 1943 г. в районе Сталинграда и области было развернуто 12 лечебных учреждений с 20 000 коек и мест¹⁰.

Все специальные госпитали, выделенные для лечения военнопленных, были многопрофильными, то есть вынуждены были принимать все контингенты раненых и больных. Конечно, это вызывало определенные трудности, однако разделять раненых и больных военнопленных хотя бы на нуждавшихся в хирургической или терапевтической помощи медицинская служба армий и фронта не имела возможности. Только инфекционные больные выделялись в отдельный поток.

При перемещении войск в новые районы боевых действий, высвобождении госпиталей, которые должны были следовать за войсками в район Курской дуги, общее руководство медицинским обслуживанием раненых и больных военнопленных взял на себя санитарный отдел Приволжского военного округа.

Два основных фактора предопределили главные санитарно-гигиенические и противоэпидемические мероприятия, которые

должна была проводить медицинская служба Донского фронта среди всех военнопленных, в том числе среди раненых и больных. Это чрезвычайно низкое санитарное состояние личного состава окруженных войск и серьезные нарушения в его питании. В условиях полного окружения, в котором оказалась 330-тысячная армия противника, наблюдалась чрезвычайно высокая завшивленность, а вместе с ней появились и заболевания сыпным тифом.

Главной задачей медицинской службы армий и фронта была полная и неоднократная санитарная обработка всех военнопленных. Она проводилась всюду: на армейских сборных пунктах, в приемно-пересыльных лагерях, в лечебных учреждениях. Всего в лагерях военнопленных и лечебных учреждениях за февраль – март 1943 г. было выявлено 1183 сыпнотифозных больных¹¹. Но в полном объеме противоэпидемические мероприятия стали проводиться уже после завершения Сталинградской наступательной операции. Вторым важнейшим направлением деятельности медицинской службы Донского фронта был санитарно-гигиенический контроль за питанием военнопленных, особенно с резкими нарушениями питания (алиментарная дистрофия), что являлось причиной высокой смертности в лагерях, высокой летальности в госпиталях. Питание больных и раненых военнопленных осуществлялось по специальной норме, но далеко не всегда удавалось приблизиться даже к этим низкокалорийным нормам пайка.

Массовая сдача в плен голодных, раненых и больных, не по климатическим условиям одетых военнопленных создала много трудностей советскому командованию, в частности, начальнику ВСУ Донского фронта А.Я. Барабанову. Но опыт организации сбора военнопленных, системы медицинского обслуживания был использован и усовершенствован при дальнейших наступательных операциях и особенно на завершающем этапе Второй мировой войны¹².

Кроме того, опыт организации сбора и медицинского обслуживания военнопленных был применен в организации медицинского обслуживания советских военнопленных и военнопленных союзных государств, освобожденных из фашистских концентрационных лагерей Красной армией, а также гражданского населения, угнанного в Германию на работы.

Для упорядочения работы с контингентом бывших военнопленных и интернированных граждан начальником ВСУ 1-го Белорусского фронта А.Я. Барабановым 11 марта 1945 г. была утверждена

Временная инструкция по медико-санитарному и противоэпидемическому обеспечению на сборно-пересыльных пунктах и путях эвакуации репатрируемых граждан, в которой вся организационная работа по медицинскому обслуживанию репатриантов была возложена на противоэпидемический отдел ВСУ фронта¹³. Одним из основных мероприятий, предупреждавших неорганизованный поток контингентов из освобожденных нашими войсками концентрационных лагерей, были информация в Военный совет фронта о точном расположении лагеря или пункта сбора военнопленных и интернированных граждан, число заключенных отдельно по национальностям, полу, возрасту. Все поступающие на армейские сборные пункты должны были эвакуироваться во фронтовые сборные пункты, а оттуда, через Брестский пересыльный пункт – на родину.

С завершением наступательных операций на территории Германии соответственно увеличился поток репатрируемых граждан на сборных пунктах армий и фронта. Так, в марте 1945 г. на сборные пункты армий поступило 860 человек, в апреле – 41 422, а в мае – уже 177 736 человек¹⁴. В связи с этим уже в июне 1945 г. на территории базирования войск 1-го Белорусского фронта, впоследствии Группы Советских оккупационных войск в Германии, были развернуты дополнительные пункты и лагеря для приема и обслуживания репатриантов, как из числа советских граждан, так и граждан союзных государств, а также обменные пункты, задача которых была принимать советских граждан из зон оккупации союзных государств и отдавать репатриантов союзных с нами государств.

За второе полугодие 1945 г. поступило в учреждения для репатриантов 2 137 053 человека, из которых 86 % были советские граждане и 13 % – иностранные¹⁵.

В связи с поступлением таких больших потоков людей на сборные пункты, в лагеря и комендатуры, были произведены организационные изменения в системе лагерей, расположенных в советской зоне оккупации в Германии. Лагерь был разделен на три участка: приемник лагеря, основная часть, карантинное отделение. Такие функциональные подразделения лагеря, как медицинские пункты при приемнике, основной части лагеря, амбулатория-поликлиника с кабинетами (терапевтический, хирургический с перевязочной, акушерско-гинекологический, кожно-венерологический, зубной, лаборатория, рентгенкабинет, процедурная, 3–4 смотровые комнаты, аптека), детская амбулатория с консультацией, лазарет

(стационар) на 100–200 коек, были направлены прежде всего на выявление больных, особенно инфекционных, с целью недопущения распространения инфекций среди такого большого скопления репатриантов разных возрастов, разных полов, разных национальностей.

Как среди советских граждан, так и среди граждан союзных государств наибольший процент заболеваний приходился на заболевания сердечно-сосудистой системы, желудочно-кишечного тракта и ряда других органов. Заболевания подкожной клетчатки, травмы, последствия и осложнения ранений наблюдались у одной пятой части репатриантов. Венерические заболевания (сифилис, гонорея) выявлены у 10 % репатриантов, такой же процент составили больные туберкулезом легких. Чесотка была обнаружена у 9 % репатриантов. Больные авитаминозами и алиментарной дистрофией составляли более 5 %¹⁶. Среди инфекционных больных одна треть приходилась на больных малярией, особенно в летние месяцы. Простудные заболевания у репатриантов также выявили сезонную закономерность. Брюшной тиф и пиратифы А и В были выявлены у одной пятой репатриантов, страдающих инфекционными заболеваниями, дизентерией же страдали более 10 % инфекционных больных¹⁷.

Медицинское обслуживание репатриантов по приказу А.Я. Барабанова на территории боевых действий 1-го Белорусского фронта проводилось медицинской службой Управления местного эвакуационного пункта (УМЭП)-6 и УМЭП-198. Для обслуживания больных репатриантов были выделены специальные госпитали или отделения при госпиталях, принимавших раненых и больных воинов Советской армии. Учитывая контингент выявленных больных, среди которых было большое число венерических, в госпиталях создавались кожно-венерические отделения. Для матерей-родильниц с грудными детьми организовано родильное отделение и дом матери и ребенка при эвакуогоспитале-5371, располагавшемся в Познани¹⁸.

Конечно, выделенных госпиталей для лечения репатриантов было явно недостаточно, поэтому в июле – августе 1945 г. количество развернутых коек в госпиталях достигло 11 264 койки¹⁹. В месяцы наибольшего поступления на прием больных репатриантов работало 78 госпиталей с 31 000 развернутых в них коек.

Неблагополучное санитарно-эпидемическое состояние в районах дислокации лагерей и сборных пунктов для репатриантов,

роста инфекционной заболеваемости среди немецкого населения, особенно в Макленбургской провинции, потребовали проведения дополнительных мероприятий, таких как увеличение срока карантина с 14 до 21 дня, строгой изоляции репатриантов от местного населения. Организация работы лагерей по приему репатриантов проводилась по определенной схеме. Все репатрианты поступали в приемное отделение, где подвергались медицинскому осмотру, санитарной обработке, дезинфицировалась одежда. Выявленные инфекционные больные направлялись в изолятор, контактные с ними – в карантинное отделение.

Процент выявленных репатриантов с педикулезом колебался от 0,8 % до 5,5 %. Значительно хуже обстояли дела на армейских сборных пунктах. Так, на сборном пункте 69-й армии 1-го Белорусского фронта педикулез наблюдался у 13–15 % осмотренных репатриантов, а с санитарной обработкой дело обстояло еще хуже. Это было связано с тем, что пункт, двигаясь за войсками, несколько раз менял свою дислокацию и не успевал организовывать достаточно мощные и оборудованные санпропускники, ограничиваясь примитивными²⁰. Для организации более качественной санитарной обработки пункты усиливались приданием им техники фронтовой обмывочно-дезинфекционной роты. В местах наибольшего скопления репатриантов, особенно в Рембертуве и Врешене, работали фронтовые банно-прачечные дезинфекционные поезда. Наибольшее количество дезинфекционной техники, а также использование местных бань приходилось на летние месяцы 1945 г.

В выявлении инфекционных заболеваний большое значение имеет работа санитарно-бактериологических лабораторий. Вакцинированию от желудочно-кишечных заболеваний за период с июня по декабрь 1945 г. подверглись 37 128 человек²¹.

Фагирование репатриантов дизентерийным бактериофагом проводилось только лицам, имевшим контакт с заболевшими в карантинном отделении лагерей и комендатур, всего было профагировано за этот период 13 926 человек.

Из всего изложенного можно сделать вывод, что медицинская служба 1-го Белорусского фронта, а затем ГСОВГ удовлетворительно обеспечивала санитарно-профилактическое и противоэпидемическое обслуживание репатриированных граждан. Несмотря на неудовлетворительное санитарное состояние репатрируемых в момент их освобождения медицинская служба, благодаря

деятельности начальника ВСУ 1-го Белорусского фронта (ГОСВГ) добилась благополучного эпидемического состояния в среде репатриантов и сохранила это благополучие в войсках фронта и группе войск.

¹ Филиал ЦАМО (военно-медицинских документов). Ф. 1. Оп. 7501. Д. 1. Л. 101–105.

² Там же. Ф. 243. Оп. 12581. Д. 1. Л. 5.

³ Там же. Ф. 1. Оп. 35484. Д. 142. Л. 207–211.

⁴ Там же. Оп. 4069. Д. 5. Л. 106.

⁵ Там же. Л. 235.

⁶ Там же. Оп. 7405. Д. 1. Л. 27.

⁷ Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 556. Л. 457–458.

⁸ Там же. Ф. 14. Оп. 4343. Д. 1. Л. 238.

⁹ Там же. Ф. 1. Оп. 7405. Д. 1. Л. 101–102.

¹⁰ Там же. Оп. 4069. Д. 4. Л. 158.

¹¹ Там же. Оп. 7405. Д. 1. Л. 109.

¹² Барабанов А.Я. Медицинское обеспечение войск Донского фронта в Сталинградской операции: Дис... канд. мед. наук. Л., 1947. С. 360–362.

¹³ Филиал ЦАМО (военно-медицинских документов). Ф. 5. Оп. 1. Д. 574. Л. 670–671.

¹⁴ Там же. Д. 129. Л. 477–480.

¹⁵ Там же. Д. 574. Л. 160–161.

¹⁶ Там же. Д. 129. Л. 201.

¹⁷ Там же. Л. 424, 455.

¹⁸ Там же. Ф. 39. Оп. 8963. Д. 31. Л. 436–446.

¹⁹ Там же. Оп. 58883. Д. 1. Л. 65–67.

²⁰ Там же. Ф. 39. Оп. 35586. Д. 196. Л. 30.

²¹ Баяндин И.Т. Санитарно-эпидемиологическое обеспечение репатриированных и военнопленных // Воен.-мед. журн. 1946. № 3. С. 44–47.

О.К. Бумай (Санкт-Петербург)

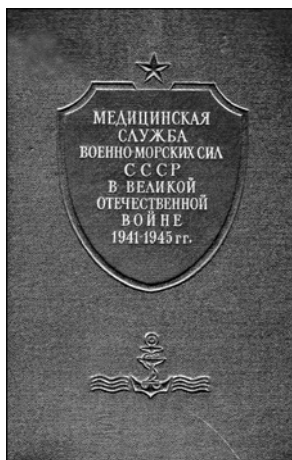
САНИТАРНЫЕ ПОТЕРИ ЛИЧНОГО СОСТАВА ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА И МЕДИЦИНСКОЙ СЛУЖБЫ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

ДАННАЯ работа была выполнена на основе анализа фундаментального труда «Медицинская служба Военно-морских сил СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», монографии «Гриф секретности снят» и ряда других работ, в которых исследовались вопросы санитарных потерь в годы Великой Отечественной войны. Одной из задач, которая решалась в ходе исследования, было введение в научный оборот данных, которые ранее были закрыты для широкого круга морских врачей. Кроме того, ставилась задача сравнения данных о санитарных потерях, которые упо-

минались в открытой печати с данными, ранее закрытыми.

Были проанализированы общие потери в личном составе Военно-морского флота по флотам и годам Великой Отечественной войны, дан анализ распределения боевых санитарных потерь по этапам медицинской эвакуации, подробно рассмотрен характер боевых санитарных потерь, а также небоевых.

Отдельным направлением исследования был анализ убыли офицерского состава медицинской службы Военно-морского флота в годы войны.

Данные о возвращении в строй раненых и больных Военно-морского флота (из числа лечившихся и выписавшихся из флотских госпиталей и лазаретов с опеределившимися исходами) – 86,4 % раненых и 95,9 % больных («Становление и развитие отечественной военно-морской медицины», под ред. Е.М. Иванова, стр. 361) совпадают с данными, приведенными в ранее закрытых отчетах.

С начала войны в состав Военно-морского флота входили Северный, Балтийский, Черноморский и Тихоокеанский флоты, Каспийская флотилия, а также ряд речных и озерных флотилий, которые создавались и расформировывались в зависимости от обстановки. В ходе войны Военно-морской флот вел активные боевые действия по уничтожению сил флота и транспортов противника, содействовал приморским группировкам Красной армии в оборонительных и наступательных операциях, оборонял военно-морские базы и крупные порты, высаживал десанты, охранял военные и народнохозяйственные морские, озерные и речные перевозки.

Продолжительность ведения боевых действий Северного и Балтийского флотов – 1418 сут., Черноморского – 1183 сут.

Всего за годы войны Военно-морской флот потерял убитыми и умершими на этапах санитарной эвакуации – 47 359, ранеными – 55 056, заболевшими – 30 208 человек (см. табл. 1).

Потери среди личного состава во время войны принято разделять на безвозвратные и санитарные. Другое разделение потерь, например, на безвозвратные и медицинские, или на безвозвратные и временные – не получило признания. К безвозвратным потерям принято относить убитых или погибших, пропавших без вести, попавших в плен, а к санитарным – всех пораженных боевыми средствами и больных, поступающих на этапы медицинской эвакуации.

Опыт войны 1914–1918 гг. и особенно Великой Отечественной войны показывает, что под боевой травмой понимают всякую травму, полученную в районе боевых действий, а также в тылу при

Табл. 1

Потери флота в Великой Отечественной войне

Флот (флотилия)	Количество дней боевых действий	Убито и умерло на этапах санитарной эвакуации	Ранено, контужено, обожжено	Заболело	Всего раненых и заболевших
Балтийский флот	1418	19 836	25 509	10 193	35 702
Северный флот	1418	7854	8978	16 299	25 277
Тихоокеанский флот	25	903	286	14	300
Черноморский флот	1183	16 942	19 036	3653	22 689
Амурская флотилия	25	32	47	44	91
Волжская флотилия	193	272	324	5	329
Днепровская флотилия	604	278	113	0	113
Пинская флотилия	99	82	193	0	193
Части центра ВМФ	1941–1942 гг.	1160	570	0	570
ВСЕГО		47 359	55 056	30 208	85 264

нападении неприятеля с воздуха или каким-либо иным способом. К числу боевых санитарных относят каждое боевое поражение, учтенное медицинской службой, начиная с постов (пунктов) медицинской помощи (ПМП) и кончая госпиталями. Аналогично этому к числу небоевых санитарных потерь относят все первичные заболевания и небоевые травмы в обычном понимании, принятом в мирное время. Такое понимание учетной единицы и было положено в основу разработки санитарных потерь за Великую Отечественную войну (см. табл. 2).

В различные периоды Великой Отечественной войны соотношение безвозвратных и боевых санитарных потерь среди личного состава Военно-морского флота было различным. В 1943 г. безвозвратные потери были меньше санитарных в 1,6 раза, в 1944 г. – в 2,4 раза. В первые же полтора года войны безвозвратные потери значительно (в 3,1 раза) преобладали над санитарными. Как известно, в 1941–1942 гг. линия фронта, в том числе и в районах действий флота, быстро перемещалась с запада на восток. Во время перемещений весьма значительные контингенты личного состава срочно, под огнем противника, эвакуировались из временно оставленных военно-морских баз на боевых кораблях и транспортах. Соответствующим образом подготовить и обеспечить эвакуацию не всегда было возможно. Вследствие интенсивных налетов вражеской авиации и подрывов на минах были случаи весьма серьезных повреждений кораблей и даже гибели их со всем находившимся на борту составом. При повреждениях транспортов и кораблей многих раненых спасти не удалось. Особенно велики были потери при эвакуации из Таллинна и Севастополя.

Гибель или серьезное повреждение кораблей значительно увеличивали безвозвратные потери по сравнению с потерями санитарными. Иллюстрацией могут служить следующие данные. В 1941–1942 гг. на эскадре Черноморского флота, вследствие гибели ряда боевых кораблей, отношение убитых и утонувших к раненым и пораженным составляло 2,7:1. На эскадре Балтийского флота за время Великой Отечественной войны во всех боевых действиях на море и при стоянках в базах пострадало от огня противника 1294 человека, из которых 645 было убито и утонуло и 649 ранено, контужено и обожжено. Таким образом, соотношение между безвозвратными и боевыми санитарными потерями было 1:1. Однако на этой же эскадре в первый период войны и, главным образом, в 1941 г.

Табл. 2

Среднемесячная списочная численность и потери личного состава действующих флотов и отдельных флотилий за период с 22.06.1941 по 9.05.1945 гг.

Период	Среднемесячная списочная численность	Безвозвратные потери	Санитарные потери	Все потери	
1941 г.	III квартал	260 200	25 071	10 602	35 673
	IV квартал	280 600	34 732	11 178	45 910
	Итого за год		59 803	21 780	81 583
1942 г.	I квартал	251 400	20 049	7150	27 199
	II квартал	283 000	7426	4417	11 843
	III квартал	282 000	42 498	4715	47 213
	IV квартал	274 900	3924	5241	9165
Итого за год		73 897	21 523	95 420	
1943 г.	I квартал	253 800	2652	3541	6193
	II квартал	255 460	2995	3987	6982
	III квартал	226 800	2469	3393	5862
	IV квартал	242 250	2653	5791	8444
Итого за год		10 769	16 712	27 481	
1944 г.	I квартал	248 770	2038	7200	9238
	II квартал	262 300	2653	6459	9112
	III квартал	268 750	2029	3327	5356

	IV квартал	295 800	1876	3445	5321
	Итого за год		8596	20 431	29 027
1945 г.	I квартал	307 900	386	3575	3961
	II квартал	312 700	290	852	1142
	Итого за год		676	4427	5103
Всего за войну			153 741	84 873	238 614

соотношение безвозвратных и боевых санитарных потерь составляло 3,5:1, а на линейных кораблях даже 6:1.

При установлении общей величины боевых санитарных потерь среди личного состава ВМФ необходимо считаться с невозможностью выяснить истинное число раненых и пораженных, поступавших на этапы медицинской эвакуации Красной армии, минуя медицинские учреждения ВМФ, включая и ПМП кораблей (частей). Поэтому приводимые ниже данные несколько занижены против действительных.

Общая величина боевых санитарных потерь среди личного состава ВМФ характеризуется следующими цифрами.

Абсолютное число боевых санитарных потерь по всем флотам и флотилиям в 1941 г. составляло 11 154 человека, в 1942 г. – 24 021, в 1943 г. – 12 164, в 1944 г. – 11 444 и, наконец, в январе – мае 1945 г. – 656 человек.

В Великую Отечественную войну наибольшие потери (в абсолютных числах) наблюдались среди личного состава Черноморского флота, затем, в порядке убывания, на Балтийском и на Северном флотах.

Боевые санитарные потери среди личного состава Черноморского флота и Азовской флотилии за 3,5 года войны (с 22 июня 1941 по 31 декабря 1944 г.) составили 24 676 человек, за этот же период на Балтийском флоте и Ладужской флотилии – 16 345 человек, на Северном флоте и Беломорской флотилии – 13 727 человек.

Из числа всех раненых и пораженных, поступивших на ПМП кораблей (частей), 66,4 % было эвакуировано в военно-морские госпитали, 20,1 % – в лазареты ВМФ, на этапы армейской эвакуации и в лечебные учреждения

Народного комиссариата здравоохранения. Остальные 13,5 % лечились при ПМП кораблей (частей) до определения исхода.

Эвакуация раненых и пораженных с ПМП кораблей и частей на другие этапы в отдельные периоды войны была неодинакова. Об этом можно судить по цифрам, приведенным в табл. 3.

Табл. 3

Объем эвакуации раненых и пораженных с ПМП кораблей (частей) (в процентах к числу поступивших)

Год войны	Эвакуировано с ПМП на другие этапы медицинской эвакуации	Летальность на ПМП до определения исхода
1941 (2-е полугодие)	96,8	3,2
1942	89,4	10,6
1943	82,5	10,6
1944	75,4	24,6
3,5 года войны	86,5	13,5

Из табл. 3 следует, что в течение войны число эвакуированных с медицинских пунктов постепенно уменьшалось, а число лечившихся на пунктах увеличивалось. Это объясняется приближением квалифицированной медицинской, в частности хирургической, помощи к передовым этапам медицинской эвакуации и созданием здесь более благоприятных условий для лечения раненых и пораженных. Так, в 1943–1944 гг. медико-санитарные отделы действующих флотов проводили переподготовку врачей и фельдшеров в значительно более широких пределах, чем раньше, была расширена сеть стационаров на кораблях и в частях и дополнительно открыты новые стационары.

По характеру поражений все боевые санитарные потери в годы Великой Отечественной войны можно разделить на потери вследствие ранений, контузий, ожогов, отморожений. Кроме того, можно выделить потери вследствие поражения боевыми отравляющими веществами и электрическим током. Распределение потерь по характеру поражений в отдельные годы войны приведено в табл. 4.

Распределение боевых санитарных потерь среди личного состава ВМФ в отдельные годы войны по характеру поражений (в процентах к общему числу пострадавших)

Характер боевых санитарных потерь	22.06–31.12 1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Ранения	89,8	83,2	84,4	82,0	76,8
Контузии	6,6	4,3	3,9	5,0	9,7
Ожоги	2,0	2,2	8,6	11,5	9,8
Отморожения	1,6	10,3	2,5	1,5	2,6
Прочие	–	–	0,1	–	1,1

Причиной ожогов на кораблях в прошлые войны чаще всего были пожары во время морских боев. В силу специфики боевых действий кораблей ВМФ в Великую Отечественную войну, массовых ожогов почти не наблюдалось, и все же ожоги составили около 10 % поражений всех видов. При боевых действиях на море и на берегу ожоги возникали в результате применения противником артиллерийских снарядов и авиабомб, а также причинялись горячими газами, паром и воспламененными горючими жидкостями.

Из числа всех раненых и пораженных, поступивших на посты (пункты) медицинской помощи кораблей (частей) ВМФ за 3,5 года Великой Отечественной войны, возвратилось в строй 12,4 %, умерло 1,1 %, остальные были эвакуированы. Показатель возвращения с ПМП следует признать значительным. Это свидетельствует о том, что медицинская служба кораблей и частей, несмотря на сложные условия боевой обстановки, успешно восстанавливала здоровье раненых и пораженных.

За время войны из списков офицерского состава медицинской службы ВМФ было исключено 2576 человек (в том числе и другие офицеры, состоявшие в учреждениях медицинской службы), из них 1035 офицеров кадра и 1545 – запаса.

Заключение и выводы

1. Основными сведениями для изучения санитарных потерь среди личного состава ВМФ послужили учетно-отчетные материалы.

К недостаткам в системе медицинского учета и отчетности можно отнести в основном следующие:

а) отсутствие учета раненых и пораженных из числа личного состава ВМФ, поступающих на этапы медицинской эвакуации Красной армии;

б) неоднократные изменения в ходе войны учетно-отчетных форм, что крайне затруднило в дальнейшем обобщение статистических сведений по санитарным потерям;

в) отсутствие учета по ряду признаков, например, по срокам поступления раненых и больных на этапы медицинской эвакуации (ПМП кораблей и частей, маневренные группы, лазареты и госпитали), по роду ранящего оружия, множественным и комбинированным ранениям, по основным осложнениям (шок, кровопотеря и анаэробная инфекция), по характеру поражений и их локализации.

2. Изучение боевых потерь в Великой Отечественной войне показывает преобладание безвозвратных потерь над санитарными.

Во все периоды войны небоевые санитарные потери преобладали над боевыми. При этом отношение между первыми и вторыми в ходе войны увеличилось с 2,4 до 88. Этот вывод имеет значение для спецификации коечного фонда госпиталей и лазаретов, укомплектования их необходимым медицинским составом и оснащением соответствующим имуществом.

3. Наибольшие боевые санитарные потери среди личного состава ВМФ во время войны наблюдались в период активной обороны – 1941–1942 гг. В дальнейшем они снизились. Наименьшее число их было в 1945 г.

4. В системе этапного лечения личного состава ВМФ значительную роль сыграли посты (пункты) медицинской службы кораблей (частей), обеспечившие за 3,5 года войны лечение 13,5 % раненых и пораженных.

5. Среди прошедших через военно-морские госпитали раненых и пораженных 23 % было из состава Красной армии.

6. На протяжении всей войны среди личного состава ВМФ ранения составляли основной вид боевых поражений (80,4 %). На втором месте по частоте стояли ожоги (9,6 %), далее следовали отморожения (5,6 %) и контузии (4,4 %). Учитывая возможность в будущем более крупных морских сражений, а также применение

противником атомного оружия следует ожидать увеличения среди корабельного и берегового состава ВМФ числа обожженных.

7. Преобладающим видом ранений на флоте, как и в Красной армии, были осколочные ранения. Особенно велик был удельный вес их среди корабельного состава. В отдельные годы войны он достигал 84 %.

8. Множественные и комбинированные ранения также наблюдались чаще среди корабельного состава, что объясняется преобладанием на кораблях осколочных ранений и значительным числом поражений вторичными снарядами. Множественные ранения достигали в отдельных действиях 80 % от числа всех ранений.

9. Распределение ранений по локализации было в общем одинаковым как среди личного состава ВМФ, так и в Красной армии. При этом на кораблях наблюдался относительно высокий удельный вес ранений в голову и относительно низкий – в верхние конечности.

10. Частота шока среди госпитализированных раненых и пораженных в среднем равнялась 4,95 %, что не превышает соответствующий показатель по Красной армии. Частота анаэробной инфекции (0,65 %) была значительно ниже, чем в армии. На величину этого показателя существенно влияли сроки поступления раненых в госпитали.

11. Заболеваемость среди личного состава ВМФ во время войны увеличилась. Рост ее был обусловлен изменением возрастного состава военнослужащих, а также ухудшением бытовых и санитарно-гигиенических условий.

12. Структура заболеваний в годы войны несколько изменилась за счет появления новых болезненных форм (дистрофия, авитаминозы, инфекционная желтуха). Однако удельный вес их в сравнении со всеми остальными был не велик. Следует отметить, что, несмотря на тяжелые условия военного времени, массовых эпидемических заболеваний на флоте не было.

13. Средняя длительность лечения в госпиталях действующих флотов за войну колебалась для раненых от 44,5 до 49,2 дня, для больных она составляла – 20 дней.

Показатели средней длительности лечения можно положить в основу планирования лечебно-эвакуационного обеспечения личного состава Военно-морского флота на военное время при

расчете потребности в коечном фонде, медицинских кадрах, имуществе и т. п.

14. Из числа раненых и пораженных из состава ВМФ, поступивших на ПМП кораблей и частей, возвращено в строй 12,4 %, умерло 1,1 %. Остальные были эвакуированы в госпитали и лазареты. Из госпиталей всех действующих флотов и флотилий, а также из тыловых военно-морских госпиталей непосредственно возвращено для службы на корабли (в части) 64,3 %, направлено в команды выздоравливающих 16,7 %, уволено в отпуск и направлено в санатории и дома отдыха – 5,4 %, уволено с военно-морской службы – 10,1 %, умерло – 3,5 %.

15. Из числа больных, лечившихся в госпиталях ВМФ, 95,9 % было возвращено на корабли (в части), 3,2 % уволено и 0,9 % умерло.

Общие данные о санитарных потерях среди личного состава ВМФ наглядно иллюстрируют высокое качество деятельности медицинской службы флота в годы Великой Отечественной войны.

16. За годы Великой Отечественной войны в Красную армию был передан 901 врач Военно-морского флота, в том числе кадровых офицеров 323 (314 мужчин и 9 женщин) и офицеров запаса 578 (257 мужчин и 321 женщина).

17. За время войны из списков офицерского состава медицинской службы ВМФ было исключено 2576 человек (в том числе и другие офицеры, состоявшие в учреждениях медицинской службы), из них 1035 офицеров кадра и 1545 – запаса.

18. Боевые потери офицерского состава медицинской службы ВМФ за время Великой Отечественной войны составили 1304 человека, или 50,6 % всей убыли медицинского состава, а потери, не связанные непосредственно с боевыми действиями, – 1272 человека, или 49,4 % всей убыли.

В.С. Великанов (Москва)

К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ И ЧИСЛЕННОСТИ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В 1699 ГОДУ

В ВОПРОСЕ оценки масштаба и содержания военных реформ и преобразований, проведенных Петром I, одними из ключевых тем являются военный потенциал и организация российских вооруженных сил накануне начала Великой Северной войны 1700–1721 гг. К сожалению, полной росписи или сметы воинских сил на 1699 г. не сохранилось, что позволяет многим на основе слов Посошкова говорить о полном упадке к концу XVII в. существовавшей военной организации. В рамках данного исследования нами предпринята попытка на основании сохранившихся материалов (в первую очередь отдельных разрядных росписей, городских и полковых смет, смотренных списков, книг раздачи жалованья и других военно-учетных документов) оценить организацию и численность вооруженных сил по состоянию на 1699 г., т. е. накануне начала формирования Петром I новых полков для войны со Швецией.

Вооруженные силы российского государства во второй половине XVII в. комплектовались тремя методами: личной поземельной повинности (т. н. служилые по отечеству, поместная конница), личной добровольной вербовки (т. н. служилые по прибору, вольница) и принудительного набора крестьян согласно определенной пропорции (т. н. даточные). «Служилые по отечеству» (московские чины, городовые дворяне и дети боярские) несли личную поземельную повинность и служили либо за свой счет в «сотенной службе» (наиболее знатные и обеспеченные), либо за жалованье в «рейтарском строе». Наиболее родовитые помещики из числа рейтар выделялись в гусары (только в Новгородском разряде) и копейщики, однако данное деление к концу XVII в. отражало не столько

тип кавалерии, сколько социально-экономическое положение помещиков внутри городских корпораций. В Новгородском разряде в рейтарах также несли службу городские казаки, однако это было скорее исключением из правил, и в других разрядах в конце XVII в. данной практики не зафиксировано. И сотни, и рейтарские полки формировались по территориальному принципу. В мирное время они распускались, собираясь лишь раз в год осенью на сборы.

К служилым людям «по прибору» относились стрельцы, казаки, пушкари и еще целый ряд менее значительных категорий, несших постоянную службу за жалованье (также существовали натуральные дачи хлеба, соли, тканей и др.). В мирное время правительство ограничивало численность данных корпораций, прекращая прием (вербовку), а в годы войны наоборот использовало принудительную запись на службу родственников. Солдатские полки первоначально в 1630–1650-х гг. формировались методом личной вербовки, однако уже с конца 1650-х начался перевод их на укомплектование даточными из крестьян по территориальному принципу. Окончательно солдатские полки получили территориальную привязку в ходе реформы 1680–1681 гг., когда для каждого полка были определены уезды (города), из которых они комплектовались, и квота для каждого из них. В мирное время жилые солдатские полки также распускались.

Войска делились на т. н. «полковой службы», т. е. предназначенные для полевой службы в отрыве от мест формирования, и «городовой службы», т. е. местные гарнизонные части. К «полковой службе» относились помещики «сотенного строя», копейщики и рейтары, солдатские полки и часть стрелецких полков, главным образом из числа бывших московских стрельцов. К частям «городовой службы» относились отставные всех ранее перечисленных категорий, городские стрельцы, казаки и пушкари и еще целый ряд менее значительных категорий служилых людей.

В ходе военной реформы 1680–1681 гг. большая часть вооруженных сил была расписана между девятью территориальными округами – разрядами: Московским, Северским (Севским), Владимирским, Новгородским, Казанским, Смоленским, Рязанским, Белгородским и Тамбовским. Каждый из разрядов формировал отдельный полевой разрядный полк, организация и численность которых могла быть различной (от 7871 чел. в Смоленском до 34 010 в Северском). В состав разрядных полков входили все ратные люди

«полковой службы» подведомственных территорий, включая сотенных, рейтарские и солдатские полки и стрелецкие приказы. В «Роспись перечневую ратным людем, которые во 189 году росписаны в полки по разрядам» (далее – «Роспись 1680 г.») вошли помещная конница «сотенной службы», а также гусарский, 25 рейтарских и 38 солдатских полков, 22 стрелецких приказа, всего 149 367 чел. «полковой службы» (без учета «черкас»)¹. Необходимо отметить, что в указанную роспись не были включены не только служилые люди «городовой службы» (они относились либо к Разрядному приказу, либо к территориальным приказам), но и часть стрельцов и казаков, ведавшихся в Стрелецком приказе, а также служилые люди Пушкарского приказа. В частности, из 28 московских стрелецких приказов в «Росписи 1680 г.» указаны лишь 21, еще 7 были высланы из Москвы на службу в городовые гарнизоны (3 приказа находились в Киеве, по одному в Батурлине, Переяславле, Астрахани и Царицыне) и не вошли в перечень войск территориальных разрядных полков. Несмотря на указанные замечания, приведенные данные являются наиболее поздней по времени известной полной росписью вооруженных сил Российского государства². Росписи войск, назначенных в Крымские и Азовские походы, носят неполный характер, т. к. для участия в них привлекались (мобилизовывались) лишь часть разрядных полков в неполном составе.

В 1681–1699 гг. в организации вооруженных сил произошел целый ряд изменений. Чернов в своей монографии указывает, что Тамбовский и Белгородский разряды были объединены уже в 1681–1682 гг.³, однако при этом «тамбовские» солдатские полки не были переданы в состав Белгородского разрядного полка⁴, а несли в Крымских и Азовских походах службу вместе с московскими выборными полками. Также к 1687 г., видимо, был фактически упразднен Владимирский разряд, т.к. в росписях Крымских походов он отдельно не выделен, а входившие в его состав города указаны в Новгородском (Владимир, Галич, Кострома, Ярославль и др.) или Рязанском (Нижний Новгород и др.) разрядных полках. Кроме этого необходимо отметить, что границы южных разрядных округов (Севского и Белгородского) на протяжении 1680–1690-х гг. постоянно менялись, и уезды (а вместе с ними и ратные люди) передавались из одного разряда в другой. Например, Мценск в «Росписи 1680 г.» указан в Северском разряде, а в 1687-м – уже в Белгородском. Тем

не менее, анализ сохранившихся документов 1680–1690-х гг. (в т. ч. росписей разрядных полков в Крымских и Азовских походах) показывает, что, несмотря на целый ряд изменений, система разрядных полков продолжала существовать до начала XVIII в.

Московский разрядный полк по «Росписи 1680 г.» состоял из московских чинов, жильцов и московских стрельцов. Общая численность московских чинов и жильцов, составлявших Государев полк, согласно черновому варианту Боярской книги 1700 г., составляла 11 533 чел.: «по спискам велено быть на той службе в 1700: стольникам 2920, стряпчим 1497, дворянам (московским. – *Прим. авт.*) 1659, жильцам 5457». Из них «служат по наряду: из Разряда – 8065, из разных приказов (т.е. находятся на различных службах) 2086, отставных 1182»⁵. Таким образом, фактически для «полковой службы» могли быть мобилизованы не более 8 тыс. чел. Для сравнения, во 2-м Азовском походе 1696 г. должны были принять участие всего 3807 чел., сведенных в 37 рот: 1333 стольника (13 рот), 541 стряпчий (5 рот), 532 московских дворянина (5 рот), 1401 жилец (15 рот)⁶.

Московские стрелецкие полки были упразднены в 1698–1699 гг., а сами стрельцы и их семьи были высланы из Москвы в другие города (в основном – южные) и были расписаны в «посад», т. е. городское податное население. После этого в Москве в 1699 г. остались лишь 3 выборных московских солдатских полка, Юрия Лима, Якова Гордона и Автонома Головина. В 1670–1690-х сложилась практика, при которой выборные полки в мирное время находились в кадрированном виде, когда на постоянной службе находилась лишь генеральская тысяча (полк) из «московских жителей», а в период подготовки к военной кампании на ее базе разворачивался «генеральский» полк, состоящий из 5–7 солдатских полков. В частности, 1-й Выборный полк в Крымских и Азовских походах состоял из 4–6 полков, за счет добавления верхне и нижне-ломовских, романовских, ефремовских и скопинских солдат. Во 2-й Выборный полк добавлялись тамбовские солдаты. Первым выборным полком, сформированным в 1656 г. как полк Агея Алексеевича Шепелева, с 1692 г. командовал генерал и адмирал Франц Яковлевич Лефорст, а после его смерти 12 марта 1699 г. командиром полка стал полковник Юрий Степанович Лим (полк также известен как Лефортовский). Второй выборный полк, сформированный в 1657 г. как полк Якова Максимовича Колобакина, после смерти 9 декабря

1699 г. генерала Патрика Гордона находился под командованием его сына Якова Гордона (этот полк также известен как Бутырский по местонахождению его полковой слободы)⁷. Указанные два выборных полка в 1699 г. состояли из 10 рот. Третий выборный полк генерала Автонома Михайловича Головина состоял из двух «тысяч», первой – Преображенской – и второй – Семеновской. Каждая из «тысяч» представляла собой отдельный полк с собственной организацией, но официальное разделение на два полка произошло, видимо, не ранее лета 1700 г. Преображенский полк состоял из 18 рот, включая гренадерскую и бомбардирскую – всего 3454 чел., в т. ч. около 100 офицеров, около 240 урядников, 25 алебардчиков, 2526 рядовых, 57 пушкарей, 78 барабанщиков и сиповщиков⁸. Командовал полком с 1697 г. полковник Иван Иванович (Иоганн Эрнест) фон Бломберг. Семеновский полк состоял из гренадерской и 12 солдатских рот, всего 1471 чел., включая 49 офицеров, 106 урядников, 54 сиповщика и барабанщика, 96 grenader, 1162 солдата и 4 пушкаря⁹. Командовал им в конце 1699 г. подполковник Павел Васильевич Кунингам. Также при Преображенском полку находился Преображенский драгунский полк, сформированный в 1698 г. и к концу 1699-го состоявший из четырех рот.

Значительную сложность вызывает оценка структуры и потенциала воинских контингентов центральных уездов, входивших в состав **Владимирского и Рязанского разрядов**. В отличие от пограничных разрядов, по которым имеется значительный массив делопроизводства, документов по этим разрядам почти не сохранилось. Согласно «Росписи 1680 г.» во Владимирском разряде формировались 4 рейтарских и 2 солдатских полка, в Рязанском – 5 и 4 соответственно. Как уже упоминалось выше, в Крымских походах Владимирский разрядный полк не формировался, а его войска были распределены между Новгородским и Рязанским разрядными полками. Во 2-м Крымском походе приняли участие 4 рязанских (Ивана Павловича Вреде, Ефима Ефимовича Крейка, Кашпара Андреевича Гулица и Ивана Ивановича Трейдена) и один владимирский (Владислава Ивановича Сербина) солдатские полки¹⁰. Это позволяет нам предположить, что в конце XVII в. структура этих двух разрядных полков соответствовала Росписи 1680 г. Согласно т. н. «Разбору Золотой Палаты» в городах Владимирского разряда в 1701 г. налицо было 6157 копейщиков и рейтар, годных к службе, в Рязанском – 6832¹¹. В сотенной службе во Владимирс-

ком разряде в 1680 г. указаны 1486 чел., к 1699 их численность, вероятно, составила около 1600 чел.; в Рязанском – около 500 (в 1680 – 449). Таким образом, численность владимирских служилых людей «полковой службы» мы можем оценить в 9,8 тыс. чел., рязанских – 11,3 тыс. чел. Численность служилых людей «городовой службы» неизвестна.

Численность воинских контингентов **Новгородского приказа** составляла в 1699 г. около 15 тыс. чел., включая 6,2 тыс. поместной конницы и около 6,8 тыс. стрельцов¹². В «сотенной службе», согласно Наряду 1700 г., несли службу 1217 чел., в отдельном гусарском полку – 477 чел. В трех (Новгородский, Псковский, Великолуцкий) рейтарских полках насчитывалось 4991 чел., включая 630 копейщиков и 3884 рейтара (без учета начальных людей). Наиболее крупные гарнизоны находились в Новгороде, Пскове и Архангельске. В 1699-м в Пскове находилось два стрелецких полка, общей численностью 2020 чел., 84 пушкаря и 20 прочих ратных людей. Первым псковским стрелецким полком командовал полковник Даниил Никифорович Загоскин, в полку 10 рот, фактическая численность 985 чел. Вторым полком командовал полковник Юрий Юрьевич Вестов, полк также состоял из 10 рот, 943 чел.¹³ В Новгороде находились два стрелецких полка, т. н. «московский» выписной полковника Дениса Петровича Рыддера и новгородский «тысячный» полковника Мирона Григорьевича Баишева, общей численностью 1,5 тыс. чел. Также в Новгороде находились 20 пушкарей и 303 прочих служилых «городовой службы».

Находившиеся в Архангельске и Колмогорах местные стрелецкие приказы к 1700 г. были переформированы в 3 жилых солдатских полка: полковников Григория Васильевича Меркулова, Михаила Ларионовича Исаева и Григория Никитича Животновского¹⁴. По полным штатам в этих полках насчитывалось 1821 чел. (в каждом полку полковник, 6 капитанов, 607 урядников и рядовых). Кроме этого в Архангельске и Колмогорах насчитывалось около 30 пушкарей¹⁵. Также в Беломорье находились два небольших острога, Кемский и Сумский, имевшие гарнизоны по несколько десятков человек. На северо-восточном берегу Ладожского озера в крепости Олонец находился стрелецкий гарнизон воеводы С. Барятинского в 300 чел. Согласно «Росписи 1680 г.» в состав Новгородского разряда также входили три солдатских полка, однако упоминаний о них в конце 1690-х найти не удалось.

Западные районы страны (смоленский, рославльский, бельский, дорогобужский и вяземский уезды) находились в ведении **приказа Смоленского княжества**. В 1699 г. Смоленский разрядный полк состоял из полка смоленской шляхты, рейтарского, 5 солдатских и стрелецкого полков. Смоленская шляхта, присягнувшая царю после сдачи Смоленска в 1654 г., сохранила большинство своих прав и привилегий, в т. ч. несение личной воинской службы в военное время особым корпусом с собственными выборными командирами. Этот корпус получил название «полк смоленской шляхты», и по наряду 1700 г. он должен был насчитывать под командой генерал-майора Богдана Семеновича Корсака 898 чел. в 7 ротах (включая роты бельской и рославльской шляхты; 99–158 чел. в роте)¹⁶. Численность рейтар и копейщиков смоленских городов была незначительна (в 1680 г. – 101 чел.), и они в ходе реформы 1680–1681 гг. были определены в Ярославский рейтарский полк Владимирского разряда. А в Смоленский разряд был приписан рейтарский полк из копейщиков и рейтар Вязьмы (254 чел.), Боровска (123), Калуги (165), Мещовска (154) и еще восьми более мелких городовых корпораций. По наряду 1700 г. этот полк под командованием полковника Григория Дмитриевича Рыдванского насчитывал 1146 чел. в 12 ротах (66–132 чел. в роте): 51 офицер (включая 11 заповковых), 86 урядников, 981 рейтар, 28 трубачей и литаврщиков¹⁷. Отдельную категорию смоленских служилых людей составляли т. н. «грунтовые казаки», обрабатывавшие государственные земли и несшие драгунскую службу по охране границ. В 1688 г. упоминается рейтарский полк из «грунтовых рейтар» под командованием полковника Владимира Ивановича Швейковского (собственно Смоленским рейтарским полком в это время командовал полковник Богдан Семенович Корсак), однако в 1699–1700 гг. данный корпус не упоминается¹⁸.

Смоленскими жилыми солдатскими полками в 1699 г. командовали генерал-поручик Андрей Андреевич Цей, полковники Иван Алферьевич Буш, Матвей Иванович Фливерк, Филипп Авельевич Сенекбиер и подполковник Юрий Христофорович Абрам (командовал вторым солдатским полком Цея)¹⁹. Их общая численность составляла 3200 урядников и рядовых. Выписным московским стрелецким приказом (около 500 чел.) в 1699 г., вероятно, командовал полковник Иван (Вилим) Иванович Лесли. Также в Смоленске находилось не менее 120 пушкарей. Кроме этого, в Дорогобуже,

Белой и Рославле находились небольшие гарнизоны местных стрельцов и пушкарей. Общая численность служилых людей «городовой службы» (с учетом «грунтовых» казаков) составляла около 1 тыс. чел. Таким образом, всего в приказе Смоленского княжества по нашей оценке насчитывалось около 7 тыс. чел.

Точную численность ратных людей **Севского разряда** найти не удалось, по нашей оценке она составляла около 12,5 тыс. чел. По «Росписи 1680 г.» собственно в городах Севского разряда насчитывалось 1081 чел. «сотенной службы», вероятно, их численность к 1699 г. изменилась незначительно. В состав Севского разрядного полка в 1699 г. входили копейно-рейтарский, рейтарский и 5 жилых солдатских полков²⁰. Севским копейно-рейтарским полком командовал генерал-майор Андрей Андреевич Гулиц (в состав полка входила копейная шквадрона стольника и подполковника Григория Ивановича Веревкина), Белевским рейтарским – полковник Алферий Алферьевич Шневенц. Их общая численность составляла около 2,5 тыс. чел. Севским жилым солдатским полком командовал полковник Юрий Юрьевич Шкот, Белевским – Иван Юрьевич Буш, Путивльским – Юрий Андреевич Шкот, Брянским – Даниил Иванович Цей. Пятый солдатский полк («нововыборный») был сформирован в 1697 г. из комарицких и крупецких солдат как постоянный солдатский полк в Севске. В 1699-м им командовал стольник и полковник Адриан Тимофеевич Возницын²¹. Точная численность этих полков не установлена, вероятно, около 5,1–5,2 тыс. чел. Также в Севске находились стрелецкие полки стольников и полковников Даниила Никитича Юдина и Алексея Сухарева. По данным, приведенным Рабиновичем, в 1700 г. в 8 городах Севского разряда (Севск, Рыльск, Брянск, Путивль, Белев, Волхов, Валуйки, Карачев) числилось не менее 2 тыс. служилых людей «по прибору», относившихся к «городовой службе» (стрельцов, пушкарей, воротников и др.)²². Общую численность служилых людей «городовой службы» можно оценить в 2,5 тыс. чел.

По данным разбора 208 г. (1697/98) в городах **Белгородского разряда** и относившихся к нему 28 «великороссийских городах» (т. н. Слободская Украина) насчитывалось 53 114 служилых людей, в т. ч. 34,5 тыс. чел. в «полковой» и 18,6 тыс. чел. в «городовой» службе. Согласно росписи 1699 г., Белгородский разрядный полк состоял из одного копейного, 6 рейтарских, 11 жилых солдатских и

2 новоприборных солдатских полков²³. В Белгородском копейном полку генерал-майора Христофора Андреевича Ригимона насчитывалось 30 начальных людей (из них 6 иноземцев и 11 новокрещен) и 1196 копейщиков. Шестью рейтарскими полками командовали генерал-майор Христиан Андреевич Ригимон (Белгородским), полковники Мартин Мартынович Бозман (Курским), Иван Иванович Баров (Ливенским), Гаврила Перович Мессаливин (Мценским), Иван Алферьевич Баров (Обоянским) и Ефим Ефимович Крейк (Козловским). В них насчитывалось 147 начальных людей (в т. ч. 14 иноземцев и 25 новокрещен) и 7103 рейтара. Также в конных полках было 5 литаврщиков и 125 трубачей. Рейтарские и копейный полки состояли из 10 рот и по полным штатам имели 33 офицера: полковник, подполковник, майор, 7 ротмистров, капитан-поручик, 9 поручиков, 10 прапорщиков, обозничий, адъютант, квартирмейстер.

Жилыми солдатскими полками командовали генерал-майор Карл Андреевич Ригимон (Белгородским), полковники Иван Иванович Гаст (Яблоновским), Астафий Матынович Бозман (Курским), Иван Иванович Стенцель (Ливенским), Ефим Григорьевич Верден (Мценским), Вилим Иванович Дельдин (Усманьским), Ирик Григорьевич Верден (Козловским), Петр Андреевич Гассеиус (Старооскольским), Петр Андреевич Девсон (Хотмышским), Андрей Иванович Митчел (Ефремовским), Иван Юрьевич Минстерман (Добренским). Воронежский жилой солдатский полк после 1696 г. был передан в ведение Воронежского адмиралтейского приказа, к которому отошли все города на реках Дон и Воронеж. В 1697 г. из вольницы белгородских городов, а также присланных в Белгород солдат Преображенского и Семеновского полков, были сформированы две новых солдатских полка, поселенных «на вечное житье» в Белгороде. Полковником одного из полков был назначен генерал-майор Карл Андреевич Ригимон (с 1698 г. полком фактически командовал стольник и подполковник Савва Васильевич Айгустов), второго – полковник Давид Мейн (с 1698 г. – истольник и полковник Афанасий Никитич Нелидов). Всего в 13 солдатских полках насчитывалось 216 начальных людей (в т. ч. 39 иноземцев и 79 новокрещен) и 15 337 урядников и солдат. Солдатские полки также состояли из 10 рот и имели 33 офицера по полным штатам (капитаны вместо ротмистров у рейтар). В 1696 г. принявшие участие во 2-м Азовском походе белгородские полки

состояли из 10 рот по 160 урядников и рядовых, видимо это была стандартная численность белгородских частей.

Также в Белгородском разряде в «полковой» службе насчитывалось 392 чел. «сотенной службы», 2835 стрельцов, 1272 пушкаря, 3755 казаков, 772 станичника, 624 драгуна (какого-либо драгунского полка в документах не упоминается) и более мелкие категории служилых людей. Отдельные стрелецкие полки в 1699 г. по нашим данным находились только в Курске и Белгороде. Белгородским стрелецким полком с 1699 г. командовал стольник и полковник Осип Григорьевич Булгаков, Курским – стольник и полковник Алексей Семенович Чичагов.

На Украине, на территории подведомственной **приказу Малой России**, русские гарнизоны находились в Киеве, Чернигове, Нежине, Переяславле и построенных на Самаре Новобогородицкой и Сергиевской крепостях. Они не входили ни в один из разрядных полков и относились к различным ведомствам. В частности, жилые гарнизонные части финансировались приказом Малой России, а присланные «на вечное житье» бывшие московские стрелецкие полки продолжали числиться в Стрелецком приказе. Собственно в гарнизоне в Киеве в 1699 г. находились киевский жилой рейтарский полк майора Ивана Поздеева (100 чел.), киевский жилой солдатский полк полковника Николая фон Залена (975 чел.) и 46 пушкарей²⁴. В Нежине и Переяславле находилось по жилому рейтарскому (в Нежине – капитан-поручика Ивана Баскакова, в Переяславле – ротмистра Кирилла Голохвастова, каждый около 100 чел.) и солдатскому полку (в Переяславле – капитана Крафта, в Нежине – не установлен). Гарнизон Чернигова не установлен. Всего приказ Малой России содержал в указанных четырех гарнизонах около 1900 чел.²⁵ Также на Украине в 1699 г. находилось не менее шести бывших московских стрелецких полков. В Киеве – полки стольников и полковников Ивана Ушакова (590 чел.), Ивана Скрыпыцина (497 чел.) и Михаила Сухарева (520 чел.). В Батурине – полк стольника и полковника Григория Ивановича Анненкова, в Путивле – Ивана Константиновича Нечаева. В Новобогородицком на Самаре на «вечном житье» находился жилой стрелецкий полк стольника и подполковника Семена Ивановича Шеншина (2671 чел.), сформированный из московских стрельцов четырех полков, поднявших мятеж летом 1698 г. Всего на Украине находилось около 5,5 тыс. бывших московских стрельцов.

Приказ Казанского дворца (Низовой разряд) ведал всеми городами на Волге, находившимися ниже по течению Нижнего Новгорода. Наиболее крупные гарнизоны находились в Казани, Уфе и Астрахани. Также в ведении Казанского приказа находился гарнизон Терок. К сожалению, отсутствие полных данных не позволяет полностью оценить численность находившихся в ведении приказа войск с разделением их на «полковую» (Низовой или Казанский разрядный полк) и «городовую» службы. По «Росписи 1680 г.» в Низовой разрядный полк входили 4577 чел. «сотенной» службы, 2 рейтарских (1465 чел.) и 6 солдатских полков. Численность «сотенной службы» в 1699 г. мы оцениваем не меньше, чем в 5 тыс. чел., численность копейщиков и рейтар согласно «Разбору Золотой Палаты» 1701 г., составила 2580 чел.

Семь казанских стрелецких приказов (включая выписные московские в Казани и Царицыне) в 1698–1699 гг. были переформированы в 5 жилых солдатских полков: генерал-майора Александра Вилимовича Шарфа (Казанский), полковников Андрея Вилимовича Шарфа (Царицынский), Тимофея Матвеевича Бордовика, Юрия Ивановича Буша (Дмитриевский) и подполковника Дениса Сербина. Данные полки имели стандартную 10-ротную организацию по 100 урядников и рядовых в роте²⁶. Перевод стрельцов в солдаты затронул только саму Казань и ряд соседних городов, в гарнизонах Самары, Саратова, Уфы и еще целого ряда поволжских городов стрельцы продолжали оставаться и после 1700 г. В частности, в Уфе находилось 3 стрелецких приказа (ок. 1 тыс. чел.).

В Астрахани находились 6 стрелецких приказов и солдатский полк. Два астраханских стрелецких приказа были конными, ими командовали Михаил и Никита Зажарские. Из четырех пеших стрелецких приказов один – московский стрелецкий Ивана Ефремовича Спешнева (возможно, к 1700-му им уже командовал Ефрем Армянинов), переведенный в Астрахань в 1698 г. на «вечное житье». Остальные три – астраханские, Бориса и Михаила Карейтовых и Дмитрия Голочалова. Московский приказ состоял из семи сотен, все 5 астраханских – из трех. Жилой солдатский полк полковника Александра де Виня (Дивигнея) в некоторых источниках также называется по имени астраханского воеводы Тимофея Ивановича Ржевского. Для службы на построенных в 1697–1699 гг. в Казани 13 яхтах в 1699 г. было указано сформировать в Астрахани солдатский полк полковника Ивана Меера численностью в 250 чел.,

однако фактически он был создан, вероятно, не ранее 1701 г.²⁷ Кроме этого в Астрахани насчитывалось 50 пушкарей под командованием пушкарского головы Извекова.

В Терках находились пешие стрелецкие приказы Петра Козлова и Белобокова, а также конный Якова Пехова²⁸. Их общая численность вряд ли превышала тысячу человек. Всего, согласно данным Милюкова, в ведении приказа Казанского дворца в 1700 г. находилось 14 956 служилых людей «по прибору»²⁹. С учетом «сотенной службы» и рейтар с копейщиками, общая численность воинских контингентов Казанского разряда составляла около 22,6 тыс. чел.

В Азове и Таганроге постоянно находились 5 жилых солдатских полков, сформированных в 1698 г. из определенных туда на *«вечное житье»* бывших московских стрельцов и солдат-«переведенцев». В 1699 г. ими командовали полковники Владимир Жаворонков, Александр Блудов, Степан Верховский, Венедикт Янгрек и Иван Старков³⁰. Их численность можно оценить в 4–4,5 тыс. чел. Кроме этого, в Азов и Таганрог *«для городского строения»* высылались на годовую службу посменно до семи полков из состава Белгородского разряда.

Таким образом, всего по нашей оценке вооруженные силы Российского государства в 1699 г. насчитывали не менее 165,5 тыс. чел. К настоящему моменту нами выявлено наличие на службе не менее 29 рейтарских и копейных, 57 солдатских и 27 стрелецких полков. Поместная конница насчитывала около 51,5 тыс. чел., в т. ч. 18,8 тыс. «сотенной службы» (включая около 8 тыс. московских чинов и жильцов). На «городовой службе» находилось не менее 41,2 тыс. чел. Приведенные нами данные не являются полной и исчерпывающей росписью вооруженных сил, скорее это первая попытка комплексного анализа имеющихся материалов о воинских формированиях и их численности накануне начала Великой Северной войны, и они требуют дальнейшего исследования и уточнения. Также за рамками нашего исследования остались различные иррегулярные и национальные контингенты и служилые люди Пушкарского и Сибирского приказов.

**Количество копейных, рейтарских,
солдатских и стрелецких полков в 1699 г.**

Разряд (приказ)	Копейные и рейтарские полки	Солдатские полки	Стрелецкие полки
Московский	—	3 ¹⁾	—
Владимирский	4	2	—
Рязанский	5	4	—
Новгородский	4 ²⁾	3	4
Смоленский	2 ³⁾	5	1
Севский	2,5 ⁴⁾	5	2
Белгородский	7 ⁵⁾	14 ⁶⁾	2
Тамбовский	—	7 ⁷⁾	—
Малой России	3	3	6
Казанского Дворца	2	6	12
Азов и Таганрог	—	5	—
ВСЕГО	29,5	57	27

Примечания к табл. 1:

- 1) Преображенский и Семеновский полки указаны как один 3-й московский выборный солдатский полк. Преображенский драгунский полк учтен при 1-й «тысяче» (Преображенский полк) этого же полка.
- 2) Включая гусарский полк Новгородского разряда.
- 3) Включая полк смоленской шляхты.
- 4) Включая копейную шквадру при Севском рейтарском полку.
- 5) Включая Белгородский копейный полк.
- 6) Включая Воронежский солдатский полк, переданный с 1696 г. в ведение Адмиралтейского приказа.
- 7) 4 полка тамбовских солдат, придававшихся 1-му московскому выборному полку, и 3 полка ломовских, романовских и скопинских солдат, служивших со 2-м московским выборным полком.

Примечания к табл. 2:

- 1) Оценочные данные.
- 2) В «полковой службе» показаны 2 псковских и 2 новгородских стрелецких полка, принявших активное участие в боях в 1700–1706 гг., прочие стрелецкие части указаны в «городовой службе».
- 3) Все жилые контингенты приказа Малой России отнесены к «городовой службе».
- 4) Все стрельцы отнесены к «городовой службе».

Табл. 2

Численность служивых людей различных категорий в 1699 г.

Разряд (приказ)	«Сотенная служба»	Копейщики и рейтары	Солдаты	Стрельцы	Прочие служилые люди	Всего «полковой службы»	Всего «городовой службы»	ИТОГО
Московский	8000	-	7000 ¹⁾	Н.д.	Н.д.	15 000	Н.д.	15 000
Владимирский	1600 ¹⁾	6157	2000 ¹⁾	Н.д.	Н.д.	9800 ¹⁾	Н.д.	9800
Рязанский	500 ¹⁾	6832	4000 ¹⁾	Н.д.	Н.д.	11 400 ¹⁾	Н.д.	11 400
Новгородский	1217	4991	1800	3500 ²⁾	-	11 500	3500	15 000
Смоленский	900	1150	3200	500	Н.д.	5800 ¹⁾	1200	7000
Севский	1200 ¹⁾	2500 ¹⁾	5000 ¹⁾	1500 ¹⁾	Н.д.	10 200	2500 ¹⁾	12 700
Белгородский	392	8476	15 553	2835	7244	34 500	18 588	53 000
Тамбовский	Н.д.	Н.д.	7000 ¹⁾	Н.д.	Н.д.	7000	Н.д.	7000
Малой России	-	-	-	5500 ¹⁾	-	5500 ³⁾	1900 ³⁾	1900
Казанского Дворца	5000 ¹⁾	2580	6000 ¹⁾	- ⁴⁾	Н.д.	13 600	8956	22 600
Азов и Таганрог	-	-	-	-	-	0	4500 ¹⁾	4500
ИТОГО (округл.)	18 800	32 700	51 600	14 000	7200	124 300	41 200	165 500

- ¹ Роспись перечневая ратным людям, которые во 189 году росписаны в полки по разрядам // Описание Государственного Разрядного Архива. М., 1842. С. 72–93.
- ² Точное установление структуры и численности российских вооруженных сил в 1680–1681 гг. выходит за рамки данной работы, однако указание на особенности «Росписи 1680 г.» необходимо для понимания организации российских вооруженных сил в конце XVII в.
- ³ Чернов А.В. Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. М., 1954. С. 189.
- ⁴ См., например, материалы «Росписи большого полкового наряда у разрядного шатра, полковых припасов и знамен полков Белгородского разряда» в 1686 г.: Лобин А.Н. Пушки и знамена полков Белгородского разряда в 1686 г. // Белгородский краеведческий вестник. Вып. 6. Белгород, 2006. С. 75–90.
- ⁵ Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. Кн. 5. Отд. I. М., 1888. С. 124, 125–126 (далее – Описание МАМЮ). В работе Устрялова (Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Т. IV. Ч. II. СПб., 1863. С. 468) указанные данные приведены частично, только в части «наряда» (11 533) на основе справки из Военной коллегии 1722 г. В комментариях к «Истории Свейской войны» (История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) (сост. Т.С. Майкова). Вып. 2. М., 2004. С. 345) также приведены только данные «наряда», и указано, «что оных на службе было, того неведомо, понеже того походу смотренных списков в Розряд не подано».
- ⁶ Рубан В. Поход боярина и Большого полку воеводы Алексея Семеновича Шеина к Азову. СПб., 1773. С. 15, 16 и 33.
- ⁷ Подробнее об истории создания и службе 1-го и 2-го московских выборных солдатских полков см.: Малов А.В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории 1656–1671. М., 2006. В частности, хронология полковых командиров: Указ. соч. С. 111 и 118.
- ⁸ Бобровский П.О. История лейб-гвардии Преображенского полка. Т. 1. СПб., 1900. С. 372. Приведенные Бобровским данные не сходятся с указанной им общей численностью. Также Бобровским приведены данные без даты (с. 375) об общей численности Преображенского полка в 1700 г. в 3460 чел. Ссылки на архивные документы Бобровским в обоих случаях не приводятся.
- ⁹ Кацев П.П. История лейб-гвардии Семеновского полка: 1683–1854. Ч. 1. СПб., 1852. С. 168–169.
- ¹⁰ Рубан В. Указ. соч. С. 37–38 и 44–46.
- ¹¹ Волынский Н.П. Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху Великого Петра с самым подробным описанием участия ее в Великой Северной войне. Вып. 1. Кн. 3. СПб., 1912. С. 133–135.
- ¹² Подробнее см.: Великанов В.С. Реорганизация ратных людей Новгородского Разряда в 1700–1707 гг. // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Труды Третьей Международной научно-практической конференции, 16–18 мая 2012 г. СПб., 2012. Ч. I. С. 216–230. В указанной работе численность новгородских ратных людей (ок. 13 тыс. чел.) была приведена без учета олопецкого и архангельского гарнизонов.
- ¹³ Описание МАМЮ. С. 266, 282–283.

- ¹⁴ Рабинович М.Д. Полки петровской армии 1698–1725 (краткий справочник). М., 1977. С. 27.
- ¹⁵ Беспятых Ю.Н., Брызгалов В.В., Кротов П.А. Тревожные годы Архангельска (1700–1721). Архангельск, 1993. С. 133; Рабинович М.Д. Полки петровской армии. С. 27.
- ¹⁶ РГАДА. Ф. 145. Оп. 1. 1700 г. Д. 13. Л. 1 об. – 23 об.
- ¹⁷ Там же. Л. 24–44 об. и 46.
- ¹⁸ В 1701–1702 гг. грунтовые рейтары несли службу отдельной «шквальной» ротмистра Самойло Дивицкого вместе со Смоленским рейтарским полком. (РГАДА. Ф. 145. Оп. 1. 1701. Д. 23. Л. 108об.). В мае-июне 1702 грунтовые рейтары были разобраны смоленским воеводой П.С. Салтыковым, и из них, с добавлением городских рейтар и вяземских казаков, был сформирован драгунский полк стольника и полковника Степана Николаевича Аршанаевского (РГАДА. Ф. 145. Оп. 1. 1702 г. Д. 51. Л. 1–31об.).
- ¹⁹ РГАДА. Ф. 145. Оп. 1. 1699 г. Д. 9. Генерал-поручик А.А. Цей был переведен в Смоленск в августе 1697 г. на место генерал-майора Павла Менезиуса и получил командование над двумя солдатскими полками (там же, 1697. Д. 14).
- ²⁰ Там же. Ф. 210. Дела разных городов. Д. 80. Л. 154–185.
- ²¹ Там же. Столбцы Белгородского стола. Стлб. 1710. Л. 216–221.
- ²² Рабинович М.Д. Стрельцы в первой четверти XVIII в. // Исторические записки. Т. 58. М. 1956. С. 299 и 301.
- ²³ РГАДА. Ф. 210. Дела разных городов. Д. 88. Л. 377–422.
- ²⁴ Лебединцев П.Г. «Росписной список» г. Киева 1700 г. // Чтения в историческом обществе Нестора летописца. Кн. VI. Отд. III. Киев, 1892. С. 33–34.
- ²⁵ Миллюков П. Государственное хозяйство России в перв. четв. XVIII столетия и реформа Петра Великого. Изд. 2-е. СПб., 1905. С. 96.
- ²⁶ Зезюлинский Н. К родословию 34-х пехотных полков Петра I. Петроград, 1915. С. 69–70.
- ²⁷ Первоначально полком должен был командовать полковник Иван Меер, а ему в помощь было приказано послать капитана морского хода Яна Вильца Дегемерта. Однако фактически 31 служилый иноземец и 250 рекрут были присланы в Астрахань лишь в 1701 г. Командовал ими морской капитан Еронимус (Ларин) Меер, который и стал командиром «яхтинного» полка. Ист.: Есипов Г.В. Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. Т. 2. М., 1872. С. 293–295.
- ²⁸ Рабинович М.Д. Полки петровской армии 1698–1725 (краткий справочник). М., 1977. С. 18.
- ²⁹ Миллюков П. Указ. соч. С. 97
- ³⁰ Рабинович М.Д. Указ. соч. С. 26.

Ф.Н. Веселов (Санкт-Петербург)

БАТАЛЬНЫЕ СЦЕНЫ В МИНИАТЮРАХ ЛИЦЕВЫХ РУКОПИСЕЙ КУЛИКОВСКОГО ЦИКЛА

ДЛЯ ИСТОРИИ Древней Руси невозможно переоценить значение победы на Куликовом поле, оказавшей огромное влияние на всю последующую историю страны, не только политическую, но, прежде всего, социально-психологическую. В короткое время победа стала легендой, своего рода символом возрождения Русского государства. Пожалуй, ни одному событию в истории Древней Руси не было посвящено столько художественных произведений, без преувеличения вошедших в золотой фонд мировой культуры. В так называемый Куликовский цикл входят несколько основных памятников это: Задонщина, Краткая и Пространная летописные повести о Мамаевом побоище, Сказание о Мамаевом побоище и Житие Сергия Радонежского, в котором битве на Куликовом поле посвящена отдельная глава.

Среди известных ныне списков этих памятников выделяются, прежде всего, лицевые рукописи, многие из которых являются выдающимися произведениями средневекового изобразительного искусства. Лицевые списки, украшенные множеством миниатюр, служили для наглядной передачи «должайших историй», раскрывая книжный текст даже для неграмотных Древней Руси. Недаром миниатюры рассматривались наряду с текстом, а иногда получали и первенствующее значение¹. Изготовление таких манускриптов требовало особого мастерства, и во все времена лицевые рукописи представляли собой исключительную художественную и материальную ценность.

Первыми появляются тексты Задонщины² и Краткой и Пространной летописных повестей «О великом побоище, иже на

Дону»³, однако не известно ни одного иллюстрированного списка данных произведений, и литературная история их куда скуднее, чем история как Сказания, так и Жития Сергия Радонежского, не просто переписывавшихся до XIX в. включительно⁴, но и развивавшихся во множестве редакций и вариантов⁵. Именно поэтому в настоящей статье будут рассмотрены лицевые списки Жития Сергия Радонежского и Сказания о Мамаевом побоище.

По старшинству сохранившихся памятников, не считая Сказания о Мамаевом побоище в составе Остермановского второго тома Лицевого летописного свода Ивана Грозного⁶, речь о котором ниже пойдет отдельно, первыми идут списки Жития: древнейший сохранившийся лицевой список датируется концом XVI в.⁷

Этот список, хранящийся ныне в Российской Государственной библиотеке (условно список Е), давно уже введен в научный оборот – впервые он был издан еще в середине XIX в.⁸ – и именно он представляется основным при изучении миниатюр Жития, посвященных Куликовскому циклу. Как уже упоминалось, сюжет, посвященный Житию, есть и в Летописном своде, однако, как указывала сравнивавшая миниатюры из свода с миниатюрами списка Е О.И. Подобедова⁹, и, впоследствии, О.А. Белоброва¹⁰, рукописи различны не только по количеству миниатюр и подробности текстов, но и, прежде всего, по своему назначению. Список в составе свода являет собой часть упорядоченной истории Российского государства, освященной православной церковью, между тем, как список Е – памятник, специально изготовленный для Троице-Сергиевой лавры и более трехсот лет хранившийся в ризнице, исполняя реликварную роль. Возможно, именно такая ограниченность доступа объясняет почти полное отсутствие списков данной лицевой рукописи. Известен сейчас лишь один – список, созданный для царской библиотеки в конце XVII в. (БАН, ОР 34.3.4, условно список Е1). Однако, глава, посвященная Мамаеву побоищу, в нем почти полностью повторяет оригинал, потому в данном случае для сравнения он не представляется интересным. И, наконец, существует четвертый лицевой список Жития (РНБ, F.125), судя по филиграммам бумаги – второй половины XVIII в., впрочем, в нем Куликовскому циклу посвящена только одна миниатюра, и, следовательно, в данном исследовании он также не представляется важным.

Список Е, собрания ризницы Троице-Сергиевой лавры, по текстологическим признакам являет собой основной вид Пространной

редакции Жития. Создана рукопись на бумаге конца XVI в. и относится Б.М. Клоссом к 1580–1590-м гг. Куликовскому циклу посвящена глава «О победе иже на Мамае и о монастыре иже на Дубенке» на 239–278 листах, иллюстрированная девятнадцатью миниатюрами. Непосредственно батальных сцен, изображающих выступление русского войска, поход и саму битву – семь. Все миниатюры расположены, как правило, в верхней части страницы и занимают ее половину. Техника исполнения миниатюр традиционна: первоначальный рисунок свинцовым карандашом обведен чернилами и раскрашен поверх акварелью.

Цветовая палитра миниатюр чрезвычайно богата. При наличии нескольких основных цветов: охры, карминового красного, лазурного синего, зеленого, коричневого и черного, художник виртуозно смешивает цвета, использует их разную насыщенность, добываясь не только разнообразия красок, но и объемного моделирования фигур и архитектурных форм. Впрочем, красочное богатство, умелое использование смещения и оттенков – это характерная черта для миниатюр XVI в.¹¹ При этом стоит отметить, что миниатюры данного списка Жития отличны именно легкостью цвета: акварель положена в большинстве своем воздушным полупрозрачным слоем, создавая ощущение света.

Впрочем, цветовая составляющая – далеко не единственная художественная ценность данных миниатюр, высокие достоинства которых признавались множеством исследователей. В частности, высокую оценку миниатюрам списка Е давали А.В. Арциховский¹², А.Н. Свиринов¹³ и ряд других ученых. Безусловно, необходимо отметить графическую составляющую произведений. Тщательно прорисованы не только лица и одежды главных персонажей: великого князя Дмитрия, Сергия Радонежского, двоюродного брата и сподвижника Дмитрия – князя Владимира Андреевича Серпуховского, царя Мамаея, но и лица простых воинов, разнообразные по типу доспехи, оружие, конская упряжь, наконец природный пейзаж с кустами, деревьями и горками, на фоне которого разворачиваются сцены сражения.

Композиционное построение миниатюр многоплановое и многоуровневое, с развитием нескольких сюжетов в разных частях одной миниатюры одновременно. В целом пространство миниатюры представляет собой вертикально вытянутый прямоугольник, архитектоника которого подчеркнута сплошным заполненным,

насыщенным деталями, рисунком. С трех сторон – снизу и с боков – иллюстрация ограничена лишь тонкими чернильными линиями, верх же вообще не имеет ограничивающей рамки, оставляя рисунок открытым, тем более, что только в двух случаях сверху от миниатюры расположен текст, в остальных же пространство рисунка сверху не ограничено ничем. При этом, несмотря на такую открытость, линия рисунка верхнего поля стремится к горизонтальной: горки, кусты, деревья, стройные ряды воинов и колышущиеся над их головами копыта сливаются, образуя, таким образом, почти сплошную линию, создавая ощущение абсолютной законченности произведения.

Пожалуй, горки – важнейшая атрибутирующая деталь в пейзажных фонах, на которую стоит обратить внимание. Дело в том, что существует определенная тенденция в изменении рисунка горок на протяжении XV–XVII столетий¹⁴. По своему характеру при этом горки миниатюр списка Е являются собой некую переходную форму от геометризованных лестниц XVI столетия, ярко выраженных в том же Лицевом летописном своде, к седловинному типу горок века XVII: в пейзажах смешаны элементы обоих типов.

Именно на фоне этих пейзажей разворачивается противостояние русских и ордынских войск. Войска на миниатюрах изображены монолитными сплоченными массами конных воинов – следствие идущей из иконописи и фрески иконографической традиции изображения битвы¹⁵. Согласно той же традиции, из войск выделяются лишь главные действующие лица: князь Дмитрий Донской, на некоторых миниатюрах Мамай и дополнительно вводимые автором текста эпизодические персонажи. При этом в мотиве противостояния русские войска всегда изображаются устремляющимися слева направо, по ходу чтения текста. Ордынцы же изображены всегда справа. Весьма примечательна в этом смысле завершающая сцена битвы (л. 243 об.), динамичность которой подчеркнута диагональной компоновкой сражающихся войск: мощным напором сплоченной массы русских конных воинов слева на бегущее в панике войско Мамай, как бы «завалившееся» в нижний правый угол иллюстрации.

Вообще, переходя к ближайшему рассмотрению миниатюр, стоит обратить внимание на ряд важных деталей в изображении батальных сцен. Прежде всего, это вооружение и снаряжение воинов. Холодное оружие в миниатюрах данного списка во многом

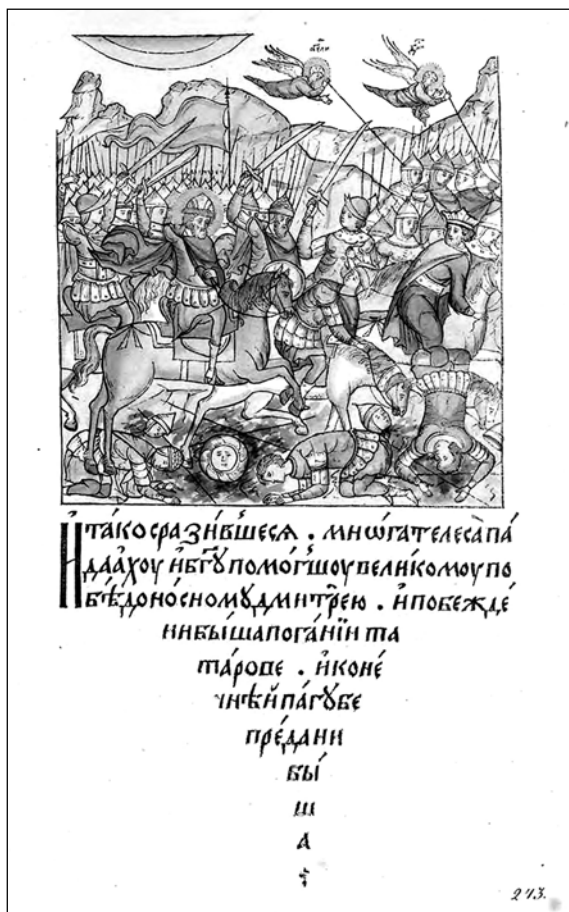

Рис. 1. Эпизод Куликовской битвы. Миниатюры Жития Сергия Радонежского. Список Е. Конец XVI в.

разнообразнее вооружения в иллюстрациях того же Лицевого летописного свода: здесь присутствуют как традиционные для сюжетов сражений мечи, сабли и копья, так и, к примеру, оружие, напоминающее фальшион (л. 243) (рис. 1), булава (л. 241, 244). Стоит заметить здесь, что вытеснение прямого меча изогнутой саблей – также деталь, характерная для рубежа XVI–XVII вв.¹⁶, однако в случае с рассматриваемым списком Жития, сравнивая его с уже

упомянутыми миниатюрами Лицевого летописного свода, необходимо сделать акцент на том, что мечей здесь все же больше, чем сабель. Интереснее и разнообразнее также прорисовка доспехов воинов, среди которых есть пластинчатые, кольчужные, комбинированные образцы. При этом в комбинированных доспехах прослеживается определенная тенденция в защите пластинами только плеч и использование пластинчатых юбок, притом что корпус защищен кольчужой. Представлены и разнообразные типы шлемов, основной из которых – традиционный сфероконический шлем без наносника и зачастую без бармицы, но при этом изображаются и шлемы конической формы, европейские бацинеты со сплошной задней стенкой (л. 243 об.), бацинеты с поднятым забралом (л. 242 об., 243). Говоря о головных уборах, необходимо отметить и то, что на голове Дмитрия Донского изображена княжеская шапка, традиционный атрибут русских князей на миниатюрах со времен Изборника Святослава 1073 г.¹⁷ В данном случае замечание относительно шапки очень важно, поскольку в дальнейшем, в миниатюрах XVII и XVIII столетий, она будет заменена на царский венец. Здесь же царский венец есть лишь на голове Мамаю, как, кстати, и во всех иллюстрациях Куликовского цикла, впрочем, в тексте он царем назван, так что противоречий здесь нет, более того, нужно заметить, что именование золотоордынских ханов царями – традиционно до полного освобождения Руси от ордынского ига в 1480 г.¹⁸ Примечательно также и то что великий князь Дмитрий изображен почти на всех миниатюрах, кроме самой первой в рассматриваемой главе (л. 239), с нимбом, несмотря на то что канонизирован Дмитрий Донской был относительно недавно – лишь в 1988 г. Однако такая путаница лишь кажущаяся: в определенной мере наделение нимбами не канонизированных персонажей древнерусских миниатюр стало традицией у художников XVI–XVII вв.¹⁹ Вопрос в том, что могло послужить причиной визуального обозначения художником святости того или иного лица. В случае с данным списком наиболее вероятными представляются две причины. Первая – это еще византийская традиция трактовки нимба не только как признака святости, но и как признака власти²⁰, не стоит забывать, что список Е пишется во времена Иоанна Грозного либо его сына Феодора, первых царей-самодержцев всея Руси. Вторая причина – это возможное графическое изображение сакральности состояния, в котором пребывает человек в конкретный момент, состояния

приближенности к Богу. Недаром на первой в главе миниатюре, где Дмитрию лишь докладывают о намерениях Мамаю, князь еще без нимба, но уже на второй иллюстрации «достохвальный и победоносный» князь, отправляющийся к святому Сергию Радонежскому за благословением встать на защиту Руси и «святого имени Христова», изображен с нимбом. Кроме миниатюр данного списка есть еще один изобразительный памятник, где князь Дмитрий Донской изображен с нимбом: это икона Сергия Радонежского с Житием первой половины XVII в., которая около 1680 г. была дополнена фрагментом с изображением Куликовской битвы²¹.

Впрочем, надо отметить, что во всех остальных лицевых рукописях Куликовского цикла нимб у Дмитрия Донского более не изображается. И это далеко не единственное и не самое серьезное отличие. Так, в рассматриваемом списке Жития мы не встречаем миниатюр, освещающих одни из самых ярких хрестоматийных моментов сражения: бой инока Пересвета с татарским богатырем или атака засадного полка. Сюжеты, ярко проиллюстрированные уже в тексте Сказания о Мамаевом побоище, включенном в Лицевой летописный свод, который был создан по разным оценкам исследователей около второй трети XVI в.²² Текст Сказания, включенный в Лицевой летописный свод, имеет серьезные отличия от других редакций Сказания и потому рассматривался традиционно исследователями отдельно²³, это же побуждает рассматривать и миниатюры в Лицевом своде отдельно от остальных лицевых списков Сказания о Мамаевом побоище. Тем более что текст, который расположен на л. 19–121 Остермановского второго тома, проиллюстрирован 180 миниатюрами, что в разы больше количества миниатюр в остальных списках Сказания. При этом из них довольно сложно выделить именно миниатюры с батальным сюжетом, поскольку композиционно многоуровневые и многоплановые, они совмещают в себе несколько различных сюжетов сразу. Для данной работы условно берется иллюстрированная часть Сказания от видения накануне сражения Небесного воинства Фоме-разбойнику, до завершения битвы и взятия Мамаева обоза, что составляет 32 миниатюры.

В цветовом отношении миниатюры здесь куда более насыщенные и яркие, нежели чем в рассмотренном выше примере. При этом порой слой краски настолько плотный, что перекрывает предварительные чернильные линии прорисовки. Стоит отметить и то, что

очень часто, даже на соседствующих миниатюрах, одни и те же элементы раскрашены разными цветами, что может быть как следствием работы нескольких иллюстраторов, так и следствием подновления рукописи в XVII в.

Между тем, многоплановая и многоуровневая композиция миниатюр во многом сходна с рассмотренными выше иллюстрациями списка Е Жития Сергия Радонежского. Однако, в данном случае уровней больше, и насыщенность как различными сюжетами в рамках одной иллюстрации, так и множеством действующих лиц, сильнее. При этом пространство миниатюры точно так же ограничено тонкой рамкой лишь с трех сторон, оставляя верх открытым.

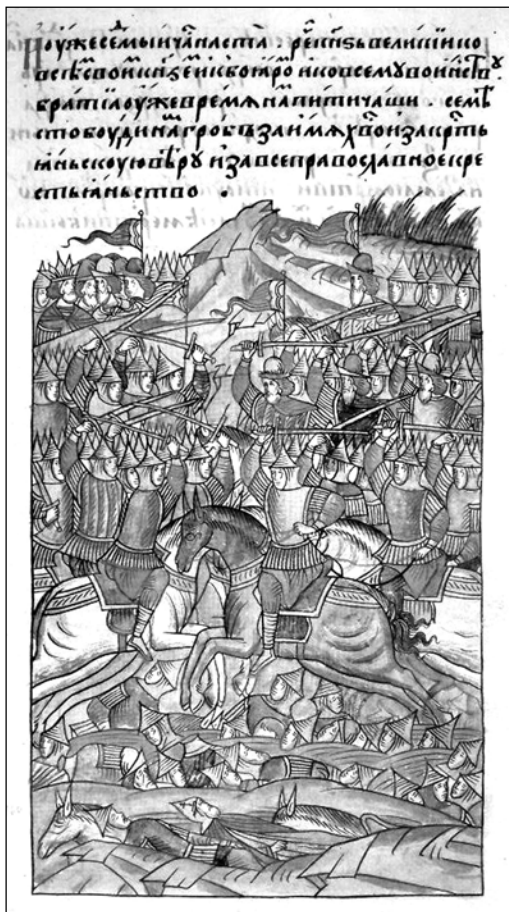
Сражение разворачивается на фоне природного пейзажа, обозначенного лестничными горками и, в редких случаях, выглядывающими из-за них деревьями и кустарниками. При этом сражающиеся войска расположены в зеркальном отражении относительно миниатюр списка Е Жития Сергия Радонежского: на этот раз русская рать – справа, воины Мамаю – слева. Следуя все той же иконографической традиции, войска изображаются как сплоченные группы конных воинов с лесом копий на заднем плане, однако в данных миниатюрах групп больше, они многочисленнее, чем в миниатюрах списка Е Жития Сергия Радонежского, и занимают почти все пространство иллюстрации, разделенные лишь узкими полосками горок.

Обращаясь к деталям, необходимо так же, как и в рассмотренном выше произведении, отметить необычайное разнообразие вооружения и снаряжения, изображаемого художником-иллюстратором. Прежде всего, это касается прорисовки доспехов: зеркальные, ламеллярные, кольчужные, составные, стеганные матерчатые (рис. 2). Кроме того, весьма подробно прорисованы граненые наконечники копий, на что указывал еще Л.В. Черепнин. И, несмотря на кажущееся однообразие конических шлемов с бармицей, в некоторых местах встречаются и шишаки, и шлемы сфероконические (л. 93). При этом доспехи татар почти не отличаются от доспехов и снаряжения русских воинов, в отличие, скажем, от батальных сцен в Житии Александра Невского, из того же Лицевого летописного свода, где даются существенные различия между русскими и вражескими войсками хотя бы по одной только форме шлемов.

Равно как и в списке Е Жития Сергия Радонежского, князь Дмитрий изображен здесь в княжьей шапке, но, как указывалось

выше, без нимба. Впрочем, есть одна немаловажная деталь, которая, безусловно, выделяет военачальника и на которую впервые внимание обратил Амосов²⁴. Дело в том, что на протяжении всей битвы Дмитрий Донской изображен в плаще красного цвета, однако, когда в ходе сражения князь выбывает из строя и командование принимает на себя князь Владимир Андреевич, изображать с красным плащом миниатюрист начинает его, до появления Дмитрия уже в качестве победителя. Впрочем, стоит отметить, что в красном плаще Дмитрий Донской фигурирует во всех батальных сценах и в списке Е Жития Сергия Радонежского.

Еще одна интересная отличительная черта изображения Куликовской битвы в миниатюрах Лицевого свода – это чрезвычайная подробность и последовательность изображений сражения не только в основных его моментах: начало битвы – ордынское войско одолевает русское – атака засадного полка – победа русских и преследование остатков татарского войска, но и

**Рис. 2. Эпизод Куликовской битвы.
Миниатюра Повести о Куликовской битве
из Лицевого летописного свода.
Вторая треть XVI в.**

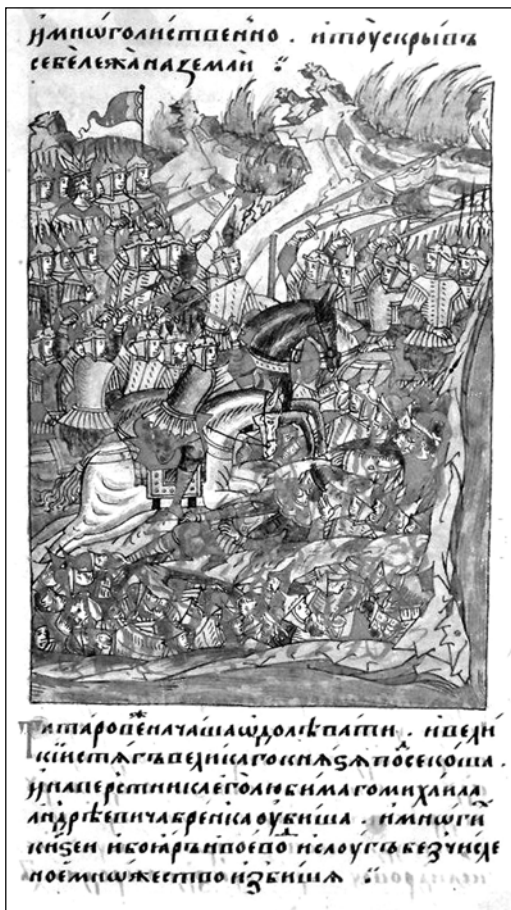

Рис. 3. Эпизод Куликовской битвы.
Миниатюра Повести о Куликовской битве
из Лицевого летописного свода.
Вторая треть XVI в.

мы видим падающего с коня и отползающего к дереву раненого Дмитрия (л. 92 об.), а на следующей уже ломающееся древко знамени Большого полка и отступающих русских воинов (л. 93) (рис. 3).

Кроме того, в миниатюрах свода особо подчеркнут момент божественной помощи русскому войску. Прежде всего, это единствен-

во многих деталях. Так, например, сцена боя татарского богатыря Темир-мурзы и инока Пересвета растянулась фактически на пять миниатюр: похвальба Темир-мурзы (л. 88 об.), Пересвет прощается с князем и войском (л. 89), битва Пересвета и Темир-мурзы (л. 89 об.), на фоне разгорающейся битвы Темир-мурза лежит поверженный, сверху на нем лежит умирающий Пересвет и благословляет поднятой рукой русское войско (л. 90) и, наконец, на фоне сражения оба лежат мертвые (л. 90 об.). Несколько же миниатюр посвящено первоначальному этапу боя, и с каждой иллюстрацией становится все меньше русских воинов и больше трупов, в конце концов на одной миниатюре

ный лицевой список Куликовского цикла, где проиллюстрировано видение неких Василия Капицы и Семена Антонова перед битвой: на сонм направляющихся к русскому войску «эффиопов» нападает святой митрополит Петр и изгоняет их (л. 80 об., 81). Именно здесь на целых трех миниатюрах изображена помощь воинства Небесного русскому войску (л. 85, 85 об., 86), при этом сражающиеся врагов ангелы почти сливаются в едином монолите с русскими богатырями, в отличие от большинства иллюстраций того же сюжета, где войско Небесное изображено «на облаках» вверху миниатюр.

Впрочем, кроме рассмотренного Сказания о Мамаевом побоище в составе Лицевого летописного свода, существует еще восемь его лицевых списков, миниатюры пяти из которых были изданы в разное время. Это списки: РГБ, музейное собрание № 3123 (условно Р1); ГИМ, собрание Уварова № 1435 (условно Ув); ГИМ, собрание Уварова № 999а (условно У); ГИМ, музейное собрание № 2596 (условно М); РГБ, музейное собрание № 3155 (условно Р2); РГБ, собрание Прянишникова № 203 (условно П); ГИМ, собрание Барсова № 1798 (условно Б); Британская библиотека, собрание Йейтса Томпсона № 51 (условно Л). Однако рассмотрение каждого списка в отдельности заняло бы чрезвычайно много места, а потому в данной статье предлагается подробнее остановиться на памятнике, наиболее близком к протографу Сказания²⁵, рассмотрев в ходе сравнения с ним остальные рукописи.

Речь идет о самом последнем введенном в научный оборот списке Сказания о Мамаевом побоище, условно, по месту нынешнего хранения, называемом Лондонским. И дело не только в том, что, по мнению ряда отечественных ученых, миниатюры списка, созданного во второй половине XVII в., обнаруживают сходство с образцами книжной графики более раннего периода и вообще представляют собой в художественном отношении лучшие иллюстрации среди остальных списков²⁶. Но и в том, что именно Лондонский список содержит наибольшее количество миниатюр (14 из общего количества в 64 миниатюры), аналоги которых не встречаются в остальных семи списках. При этом всего в различных списках сохранилось 98 различных миниатюр, количество которых разнится от 78 в списке Ув, до всего лишь 26 в списке У. Батальных сцен, включающих поход русского войска, саму битву и возвращение, в Лондонском списке 23, из них 3 уникальны.

Без сомнения, в художественном плане миниатюры ни одного из списков Сказания не выдерживают сравнения с миниатюрами двух рассмотренных выше рукописей, ставших хрестоматийными, для иллюстрации высокого уровня средневекового изобразительного искусства Руси XVI в. Однако это объясняется, прежде всего, тем, что как Лицевой летописный свод, так и Троицкий список Жития Сергия Радонежского, были скорее реликвиями и предназначались для царского двора и ризницы одного из крупнейших русских монастырей, между тем как заказчики Сказания, ввиду его широчайшей распространенности, могли быть куда менее требовательными и явно не столь богатыми, чтобы заказывать иллюстрацию рукописи художникам царских мастерских. Кроме того, большинство известных списков создавались на периферии, вдали от крупнейших книжных центров Руси. Это обуславливает и уровень исполнения миниатюр. Так, в Лондонском списке, как и во всех остальных, заливка цветом сплошная с отсутствием какой-либо светотеневой моделировки. Цветовая гамма иллюстраций состоит всего из трех основных цветов: зеленого, охры и красного. Весьма редко встречается синий, и, по большей части, он сильно разведен. Такой выбор цветов характерен именно для второй половины XVII – начала XVIII вв., когда колористический набор сильно оскудел по сравнению с предыдущим столетием, и в большинстве иллюстрированных рукописей мастера стали пользоваться только тремя отмеченными выше основными цветами²⁷.

Впрочем, художественный облик иллюстраций определяется не цветом, а прежде всего, композиционным построением рисунка. Логика композиционного построения миниатюр – вполне традиционная, фризовая, при которой движение идет, как и чтение текста, слева направо. В Лондонском списке лишь в трех миниатюрах (л. 20, 21, 26 об.) можно наблюдать двухъярусное построение композиции. Кроме того важно заметить миниатюру, разделенную крест-накрест на четыре части, изображающую войска, «Уряжение полков Дмитрием Боброком Волынским» (л. 29), – более с таким построением композиции миниатюр нет, ни в этом списке, ни в иных известных. Особо подчеркивает архитеконику миниатюр в Лондонском списке отсутствие рамок, замыкающих пространство рисунка в большинстве иных лицевых списков Сказания (списки Ув, Р1, У и пр.).

Иконографическая традиция изображения войск также не претерпевает сколько-нибудь значимых изменений на протяжении XVII–XVIII вв., как и прежде, войска изображаются монолитными группами – отличие только в том, что теперь более фризовые и компактные, нет нескольких рядов голов, появляются группы пеших воинов (список Р1, л. 21) (рис. 4). Завершая разговор об особенностях композиционных средств, стоит отметить, каким образом подчеркивается динамичность

Рис. 4. Смотр войскам. Миниатюра Сказания о Мамаевом побоище. Список Р1. Конец XVII в.

эпизодов самой битвы. Особое внимание при этом уделяется схватке татарского богатыря и инок Пересвета перед битвой. Миниатюра на этот сюжет есть во всех списках Сказания, однако в Лондонском она выделяется среди прочих весьма напряженной общей пирамидальной композицией, особо подчеркивающей драматизм момента. Вообще изображение схватки татарского богатыря и русского воина-монаха становится традиционным батальным сюжетом в лицевых списках Сказания, и ни один из известных без миниатюры на данную тему не обходится.

Сложнее с изображениями сюжетов божественной помощи русскому войску. Так, в отличие от миниатюр Лицевого летописного свода и Троицкого списка Жития, исчезает сюжет Небесного воинства, сражающегося вместе с русским войском. Иллюстрация, повторяющая видение Фомы-Разбойника, уже упомянутая в Лицевом летописном своде, есть только в списке Л. Зато появляется сюжет мученических венцов, спускающихся с небес

на головы воинов, не щадящих своей жизни во имя Родины и веры Христовой.

Детали, изображаемые в сценах сражения, также достойны особого упоминания. Так, знамена, одно-, двух- и треххоботные, в различных списках различны как по рисунку (изображаются разделенные крестом разноцветные прямоугольники, двуглавые орлы,

Рис. 5. «Князь Владимиров полк стоит и ожидает осьмого часа дондеже время придет». Миниатюра Сказания о Мамаевом побоище. Список Л. Вторая половина XVII в.

образ Спаса Нерукотворного, православный крест и пр.), так и по прорисовке. Наиболее близки при этом к иллюстрациям Лицевого свода и Жития Сергия Радонежского развевающиеся знамена, изображенные на миниатюрах Лондонского списка. Разнообразнее относительно других списков Сказания и холодное оружие, представленное на иллюстрациях Лондонской рукописи: кроме мечей и копий, встречаются алебарды, топорики и некие крюки на высоком древке, по-разному интерпретируемые исследователями (рис. 5). Однако по форме они наиболее близки к гизарме – боевой косе, древковому оружию, встречающемуся в Европе с XII в., либо спетуму – форме копья, появляющейся в XV столетии²⁸. Изображения последнего можно встретить на створках Варзухского алтаря 1437 г.

Весьма различается и трактовка художниками-миниатюристами защитного снаряжения воинов. От его полного отсутствия – простого кафтана и шапки, как в списке У (рис. 6), до самых разнообразных форм доспехов (кольчужного, ламеллярного, стеганого и пр.) и шлемов в остальных списках. К примеру, в списке Ув (л. 43) (рис. 7) один из русских воинов изображен в целиком закрывающем его лицо шлеме, и что имел в виду художник, опущенное ли стилизованное забрало, либо закрывающую целиком лицо бармицу, остается лишь гадать. Бросается в глаза и еще одна деталь: почти во всех списках (Л, У, Ув, Р1, Р2) бармицы на шлемах воинов цельные, оставляющие открытым

Рис. 6. Поход русских войск. Миниатюра Сказания о Мамаевом побоище. Список У. Конец XVII в.

**Рис. 7. Поход русских войск.
Миниатюра Сказания о Мамаевом
побоище. Список Ув. XVII в.**

и непосредственной подготовке к сражению. Во-вторых, в данной статье уже обращалось внимание на плащ Дмитрия Донского, отличительно красный, как в списке Е Жития Сергия Радонежского, так и в миниатюрах Лицевого летописного свода. Но ни в одном списке Сказания, кроме списка Л, плащ князя во время битвы цветом не подчеркивается, более того, в некоторых списках плаща у Дмитрия нет вообще (список Р1). И наконец, во всех списках Сказания, кроме списка Л, Дмитрий Донской, как и его брат и сподвижник князь Владимир Серпуховский, изображен в царском венце, что говорит о позднем времени создания миниатюр, в которые художники привнесли уже свое, современное им, понимание положения князя Московского в мировой иерархии²⁹.

Итак, на протяжении XVI–XVIII столетий можно наблюдать развитие и в определенной мере трансформацию традиций изображения Куликовской битвы в миниатюрах русских лицевых рукописей. С одной стороны это не меняющаяся, идущая от иконописи

лишь лицо, такие же бармы преобладают в иллюстрациях Лицевого летописного свода, но их нет в списке Е Жития Сергия Радонежского.

И наконец, необходимо обратить внимание на изображение великого князя в миниатюрах Сказания. Во-первых, в отличие от рассмотренных выше списка Е Жития Сергия Радонежского и миниатюр Сказания из Лицевого летописного свода, ни в одном списке Сказания Дмитрий Донской не изображается непосредственно в битве. Его изображения можно найти только в сценах, относящихся к походу войска

традиция изображения сражающихся войск: группы конных воинов с поднятыми мечами или лесом копий над головами изображаются сплоченными монолитными массами, сшибающимися между собой и зачастую под ногами коней изображаются горы трупов. С другой стороны, изменения претерпевают детали сюжетные: в отличие от списка Е Жития Сергия Радонежского, в остальных произведениях Куликовского цикла появляются миниатюры, а порой и целые их циклы, посвященные битве инока Пересвета и татарского богатыря и атаке засадного полка. Эволюционируют сюжеты с изображением божественной помощи русским войскам: изначально от побивающих вражеское войско ангелов, через сюжеты видений небесной помощи перед битвой, до простого изображения сходящих с небес венцов на головы русских воинов. Кроме того, серьезные изменения претерпевают детали рисунков. Изображения знамен: от простых цветных хоругвей XVI в. (список Е Жития Сергия Радонежского) до знамен с двуглавым орлом рубежа XVII–XVIII вв. Изображения оружия: от преобладания прямых мечей, до кривых сабель, при этом, со временем, разнообразие вооружения падает. Изображение доспехов: от самых разнообразных форм средневековой брони до полного ее отсутствия. И, наконец, эволюция атрибутов Дмитрия Донского как эволюция понимания места великого князя Московского в мировой иерархии и истории. От XVI в., периода становления Русского царства, когда, хоть и с нимбом, символом самопожертвования и добровольного мученичества за Русь, и в алом плаще, символизирующем военачальника, Дмитрий Донской все же изображается в великокняжеской шапке Мономаха, до рубежа XVII–XVIII вв., когда при вариативности остальных атрибутов князь предстает исключительно в царском венце.

¹ См.: 1) Подобедова О.И. Миниатюры русских исторических рукописей. М.: Наука, 1965. С. 8; 2) Гумницкий И.И. Повествовательный характер миниатюр сказаний и житийных повестей // Древнерусская книжность. Резюме докладов на конференции молодых специалистов. 1975. Л., 1975.

² См.: Ржига В.Ф. Слово Софрония Рязанца о Куликовской битве (Задонщина) как литературный памятник 80-х годов XIV века // Повести о Куликовской битве. М., 1959. С. 377–401.

³ См.: 1) Дмитриев Л.А. Литературная история памятников Куликовского цикла // Сказания и повести о Куликовской битве. Л.: Наука, 1982. С. 306–359;

- 2) Дмитриев Л.А. «Книга о побоище Мамаю, царя татарского от князя Владимирского и Московского Дмитрия» // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР. Т. 34. Л.: Наука, 1979. С. 62–71.
- ⁴ В РГБ хранится список Сказания о Мамаевом побоище собр. Прянишникова № 203, датируемый 1894 г.
- ⁵ См.: Дмитриев Л.А. Указ. соч.; Клосс Б.М. Избранные труды. Т. I. Житие Сергия Радонежского. М.: ЯСК, 1998.
- ⁶ БАН, ОР, 31.7.30.
- ⁷ Клосс Б.М. Указ. соч. С. 217.
- ⁸ Житие Преподобного и Богоносного отца нашего Сергия Радонежского и всея России чудотворца. В литографии Св. Троице-Сергиевой лавры, 1853.
- ⁹ Подобедова О.И. Указ. соч.
- ¹⁰ Белоброва О.А. О миниатюрах Куликовского цикла в Житии Сергия Радонежского // ТОДРЛ. Т. 34. Л.: Наука, 1979.
- ¹¹ Черепнин Л.В. Русская палеография. М., 1956. С. 420–426.
- ¹² Арциховский А.В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944. С. 176–198.
- ¹³ Свирин А.Н. Древнерусская миниатюра. М., 1950. С. 98–101.
- ¹⁴ Черепнин Л.В. Указ. соч. С. 422.
- ¹⁵ Подобедова О.И. Указ. соч. С. 228.
- ¹⁶ Черепнин Л.В. Указ. соч. С. 424.
- ¹⁷ Мартынюк А.В. Русь и Золотая Орда в миниатюрах Лицевого летописного свода // Российские и славянские исследования: Сб. науч. статей. Вып. 1. Мн.: БГУ, 2004. С. 64–65.
- ¹⁸ Там же. С. 65–66.
- ¹⁹ Юферева Н.Э. Семаника нимба в древнерусской миниатюре // XV Ежегодная богословская конференция. М., 2005. С. 120.
- ²⁰ Вздорнов Г.И. Портреты Новгородских архиепископов в искусстве XIV века // Древнерусское искусство: монументальная живопись XI–XVII вв. М., 1980. С. 126.
- ²¹ Болотцева И.П. «Сказание о Мамаевом побоище» на иконе «Сергий Радонежский с житием» XVII века // Куликовская битва в литературе и искусстве. М., 1980. С. 120–121.
- ²² См.: Клосс Б.М. Никоновская летопись и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980. С. 206–208.
- ²³ См.: 1) Дмитриев Л.А. Миниатюры «Сказания о Мамаевом побоище» // ТОДРЛ. Т. 22. М. – Л., 1966; 2) Амосов А.А. Сказание о Мамаевом побоище в Лицевом Летописном своде // ТОДРЛ. Т. 34. Л.: Наука, 1979.
- ²⁴ Амосов А.А. Указ. соч. С. 58.
- ²⁵ См.: Веселов Ф.Н. К вопросу атрибуции миниатюр Лондонского списка Сказания о Мамаевом побоище // *Rossica Antiqua*. № 2 (6). 2012.
- ²⁶ См.: IV Международный съезд славистов, Материалы дискуссии. Т. I: Проблемы славянского литературоведения, фольклористики и стилистики, М., 1962. С. 169–173.
- ²⁷ Черепнин Л.В. Указ. соч. С. 424–426.
- ²⁸ Введенский Г.Э. Оружие. М., 2005. С. 147–150.
- ²⁹ См.: Мартынюк А.В. Указ. соч.

А.В. Витол (Санкт-Петербург)

ОСМАНЫ, АРТИЛЛЕРИЯ И ПОХОД КАРЛА VIII В ИТАЛИЮ (1494–1495)

НА ИСХОДЕ XIV в. венгерский король Сигизмунд (будущий император Священной Римской империи) организовал крестовый поход против османов, но был разбит под болгарским городом Никополем. В битве под Никополем (1396) стало очевидно, что рыцари по-прежнему оставались воинами-любителями, сражавшимися по старинке в романтическом духе. Они не имели ничего, напоминавшего воинское искусство турок – с их дисциплиной, умением использовать поле боя, высокой мобильностью легковооруженных сил и всадников-стрелков из лука¹. Противостоять османам могли лишь войска, использовавшие подобный образ ведения боевых действий. Таким войском командовал среднеазиатский правитель Тимур, который, к счастью для Византии и восторгу всей Европы, разгромил Баязида I в 1402 г. под Анкарой.

Османское наступление было приостановлено примерно на 20 лет, затем боевые действия возобновились повсеместно. «Шагреновая кожа» византийских территорий продолжала уменьшаться, очаг сопротивления (кроме Константинополя) оставался лишь на крайнем юге Греции – Пелопоннесе (эту территорию византийцы называли Мизитрой или Спартой). Здесь византийцы в последний раз перед падением столицы попытались организовать значительную оборону своей территории, используя Истмийский (Коринфский) перешеек. В этом месте оборонительные сооружения существовали с глубокой древности и к началу XV в. стали совсем ветхими. Византийский император Мануил II (годы правления – 1371–1425) заботился о постройке нового сооружения – стены

через Истм Коринфский. Сооружение было возведено за 26 дней в 1415 г. с помощью населения и венецианских инженеров. Громадная стена протяженностью в 6 миль, со рвами, двумя крепостями по краям и 153 укрепленными башнями поражала современников своими размерами²: ее сравнивали с валами императора Адриана (правил в 117–138 г. н.э.); в XX в. ее сравнили бы с «линией Мажино». Однако уже в 1423 г. турки преодолели стену (она называлась Гексамиллион, или Эксамиллион). Впоследствии Гексамиллион был еще раз восстановлен, а в декабре 1446 г. султан Мурад атаковал стену, используя «длинную пушку» и осадные орудия³ (догнестрельная артиллерия еще широко применялась).

У византийцев не хватало даже воинов для обороны 6-ти миль Гексамиллиона (для сравнения: стены Константинополя были длиной 12 миль).

Как выразился историк Лаоник Халкокондил, «последний оплот свободы Греции пал к ногам янычар и сербов»⁴. Теперь завоевателям оставалось преодолеть лишь стены Константинополя – крупнейшего инженерного сооружения Европы. Еще летом 1422 г. Константинополь подвергся обстрелу громадных «бомбард», причем командовали здесь немецкие специалисты⁵. Османская осада 1422 г. оказалась неудачной: 70 ядер не причинили серьезного ущерба одной из башен столичных укреплений, по которой был сосредоточен огонь.

Мы в точности не знаем, когда именно османы обзавелись пушками. Но то что в османской армии были созданы артиллерийские подразделения и корпус артиллерийской прислуги еще при султানে Мураде (т. е. еще до султана Мехмеда II) – общепризнано. Османы быстро овладевали искусством отливки орудий и ведения огня из них, но немало иностранных специалистов из европейских стран предлагали свои услуги султанскому двору. История отливки гигантских пушек венгерского мастера Урбана – еще одно тому подтверждение – как известно, византийские власти не смогли выплачивать Урбану жалованье и он перешел к османам. Самую большую пушку Урбана греки называли «Базиликой» – «Царской пушкой»⁶.

По подсчетам историков, всего в распоряжении Мехмеда II имелось 69 орудий, что представляло очень внушительную силу. Как и при атаке на Гексамиллион, османы использовали для обстрела наряду с огнестрельной артиллерией также «традиционные»

средства для метания: требюше – катапульты, гелеполы – некие устройства, которые греки называли аппаратом (*apparatus*), и др.⁷

Знаменитый Г. Дельбрюк в своей «Истории военного искусства» утверждал, что огнестрельная артиллерия при взятии Константинополя не способствовала успеху турок, опиравшихся на механические средства, которые были в ходу еще до изобретения огнестрельного оружия. Правда, Г. Дельбрюк оговаривается, что так считают не все историки⁸. Отечественный исследователь П. фон Винклер писал о наличии в турецких крепостях «в изобилии» огромнейших орудий⁹. Можно отметить, что артиллерийское вооружение в Турции прошло через стадию «гигантских пушек» (так было и в Европе), но говорить об особом «османском» вкладе в технологию не приходится.

После падения византийской столицы христиане взяли некоторый реванш под Белградом: в 1456 г. турки были дважды разбиты – в речном сражении на Дунае, затем и на суше. В турецком войске, отступившем от Белграда, был контингент «вымуштрованных янычар, великолепная артиллерия и большое количество христиан-инженеров, мастеров, литейщиков и пушкарей из Германии, Боснии, Венгрии, Далмации, Италии, примкнувших к туркам ради наживы или в поисках приключений»¹⁰. Римский папа Пий II (1458–1464) предпринял колоссальные усилия для организации нового крестового похода против турок и даже сам решил возглавить его. Собравшиеся в Анконе корабли успели доставить папе радость «зрелищем снаряженной эскадры», но через два дня легендарный понтифик (он же «король гуманистов») скончался (14 августа), а продолжить его дело было некому.

Вплоть до девяностых годов XV в. идеи крестовых походов обсуждались, но не воплощались в жизнь. Наиболее серьезно говорили о крестовой экспедиции после высадки отряда османского военачальника Ахмеда-паши в Отранто, городе в Апулии, в 1480 г. Но, к счастью для Италии, «великий орел» (так называли Мехмеда II в Европе) уже терял силы, и турки после нескольких месяцев оккупации самого близкого к Балканам итальянского города эвакуировали свою армию¹¹. Возможно, Ахмед-паша намеревался создать в Отранто базу для наступления на Рим – ненавистный и желанный Город Красного Яблока (так называли турки цель своих военных устремлений).

Римскому папству не удалось организовать в это время крестовые походы против турок. Однако папство не пожалело сил и средств для организации походов против «альбигойцев XV в.» – гуситов. В 1420–1431 гг. крестоносцы пять раз пытались победить «гуситскую ересь», которая подозрительно была похожа на православие. Гуситы остались непобежденными. Город Табор вопреки всему продержался до 1449 г. Вклад гуситов в историю военного искусства не подлежит сомнению¹².

Неудачи походов против турок получили «компенсацию» на другом краю Европы – в Испании. В 1482–1492 гг. состоялась наиболее успешная крестовая экспедиция XV в. Фердинанда Арагонского и Изабеллы Кастильской на Гранадский эмират. Эта экспедиция была победоносной, в отличие от антитурецких, антигуситских походов. Наступление на Гранаду было естественным продолжением Реконквисты и вполне мотивированно: в интересах Кастилии и Арагона было лишить мавров государственной организации до того, как османский флот и армия окрепнут настолько, что, подобно альморавидам и альмохадам, смогут вторгнуться в Испанию¹³. Экспедиция на Гранаду опиралась на сильное государство, которое смогло предварительно победить феодальную раздробленность, выгнать за границу верхушку оппозиции, на какое-то время победить коррупцию, умерить буйство рыцарей и вызывающее поведение членов духовно-рыцарских орденов. Одетая в латы, королева Изабелла воодушевляла воинов. Она не пожалела денег на мобилизацию «людей, лошадей и мулов», на поддержание артиллерии и пороховых складов, создание запасов продовольствия и снаряжения. Изабелла за большие деньги пригласила швейцарских инструкторов и приказала испанской пехоте перенимать их образ ведения боевых действий. С ее именем связано устройство первых в Европе военных госпиталей¹⁴. Большая часть средств на эту войну была получена из «крестоносных» источников: из церковных налогов и продажи индульгенций. Очень значительные суммы обеспечила Инквизиция¹⁵.

Королевская чета заботилась о том, чтобы каждая крестовая булла становилась известной народу, а вести с театра военных действий убеждали испанцев, что их деньги тратятся по назначению. Таким образом, можно говорить о продуманном подходе к организации крестоносного движения, о том сочетании патриотизма с

религиозным рвением, которое наблюдалось в некоторые моменты Столетней войны.

Остановив внимание читателей на важнейшем для европейской истории «османском» эпизоде развития артиллерии и на организации самого результативного крестового похода XV в. – на Гранадю – целесообразно перейти к походу французского короля Карла VIII (правил в 1483–1498 гг.), что позволит говорить о преобразованиях во французской артиллерии, а также о планах продолжения этого (первого итальянского) похода в качестве крестового на Османскую империю.

Поход Карла VIII в Италию освещен, в частности, знаменитым французским хронистом и политическим деятелем Филиппом де Коммином¹⁶. На русском языке его мемуары появились сравнительно недавно¹⁷. История действий армии Карла VIII отражена в работах отечественных историков Н.С. Голицына и Е.А. Разина.

Поход Карла VIII известен тем, что его армию сопровождала многочисленная¹⁸, а главное – «высокомобильная» артиллерия. Итальянский историк Ф. Гвиччардини (годы жизни 1483–1515) отмечал, что пушки стали легче и были отлиты из бронзы¹⁹. Итальянцев поразило, что пушки тащили не мулы, как было принято у них и у испанцев, а лошади крупных пород, причем с большим проворством. Современный историк К. Чиппола считает, что Гвиччардини преувеличивал мобильность французской артиллерии: европейская полевая артиллерия до середины XVII в. характеризовалась низкой степенью подвижности и малой скоростью ведения огня. Французские орудия казались «мобильными» только по сравнению со старыми неуклюжими бомбардами²⁰. Французы в этот момент действительно вырвались вперед, основы чего были заложены еще при Карле VII Победителе, когда работали такие мастера, как Жан и Гаспар Бюро²¹.

Развитие технологии литья металлов в XV в. дало артиллерии чугунные ядра. Когда они были применены впервые – неизвестно, но во время итальянского похода 1494 г. французы использовали литые ядра, «особенно быстро разнося при их помощи в прах стены неприятельских городов»²². Ф. де Коммин считал, что французская артиллерия при возвращении домой транспортировалась так бережно, что не было потеряно «ни одного ядра и ни одного фунта пороха»²³. (Итальянские государства сделали вывод после этой войны: стены крепостей стали строить более массивными, а высоту

выбирали в зависимости от тех концепций, которых придерживался архитектор или заказчик).

В работах по истории можно встретить утверждение, что поход в Италию был «тщательно подготовлен во всех отношениях»²⁴. Войска были действительно в хорошем состоянии, но говорить о том, что «французы пришли в деревянных шпорах (т. е. прогулочных. – А.В.) и с фурьерским мелом в руках, чтобы без всяких затруднений пометить свои квартиры»²⁵, было тоже недооценкой трудностей похода – считать его «легкой прогулкой» неверно. Коммин даже утверждал, вспоминая свои «очень тяжелые походы» с герцогом Бургундским, что «поход был самым трудным, какой я помню на своем веку»²⁶.

Поход начался на исходе августа 1494 г. Армию поддерживали французская и генуэзская эскадры. Корабли французской эскадры имели на борту тяжелые артиллерийские орудия и другие тяжелые военные грузы. Близ города Рапалло эскадра под командованием герцога Орлеанского нанесла серьезное поражение неаполитанскому флоту дона Федерико, брата короля Альфонса II. Артиллерия на флагманском корабле французов «почти полностью уничтожила врага, никогда не видевшего ничего подобного, ибо для Италии это было внове»²⁷. Затем с французских судов был высажен десант на берег.

Карл VIII не захотел удаляться от флота и продолжал путь, в основном, по побережью, причем крепости сдавались ему обычно без боя или после демонстрации «стенобитных возможностей» его новейшей артиллерии. К немалому удивлению короля, население Италии относилось к нему вполне дружелюбно, ожидая от него «свободы», защиты от разгула французских солдат (французы были, конечно, «лучше», чем немцы или турки, но и их в Италии считали «варварами»), и даже церковных реформ – на этом настаивал флорентийский проповедник Джироламо Савонарола. «Феррарский Сократ» (прозвище Савонаролы) прославился тем, что предсказал нашествие Карла VIII и много раз заявлял (в т. ч. и письменно), что французский король – орудие Бога, который (Бог) будет его поддерживать и на пути в Неаполь, и при возвращении во Францию, но король должен исполнить волю божью – иначе его ждет неминуемая кара²⁸.

Французы вели боевые действия, не прибегая к особым жестокостям, но для Италии их действия казались порой чрезмерными.

К тому же одна из крепостей – Фивисано – была взята приступом, после чего гарнизон и жители были истреблены²⁹. По-видимому, этот жестокий «урок» подействовал, но популярности французам, конечно, не прибавил.

«Армия вторжения» Карла VIII насчитывала около 37 000 человек³⁰, но цифра менялась, поскольку затем подошли савойские подразделения, а часть армии осталась в городе Асти, в тылу. Артиллеристов было около 500, с ними было 6000 саперов, более 4000 перевозчиков и около 2000 рабочих. Получалось, что на одно орудие приходилось около 4 артиллеристов и 90 человек обслуживающего персонала. Надо ли говорить, что это был очень дорогой вид войск, который могло себе позволить только богатое государство, где были такие энтузиасты, как король Карл VIII: известно, что при его преемниках артиллерии уже не уделяли такого внимания, как при «юном, неопытном и очень своевольном»³¹ суверене.

В своих мемуарах Коммин довольно часто упоминает «наших немцев» – так называет он швейцарцев. В войсках Карла VIII их было не менее 6000, они активно использовались на главных направлениях. Постоянное присутствие швейцарцев во французских войсках объясняется тем, что еще в 1474 г. Людовик XI заключил договор с их представителями³², по которому «наши немцы» служили французской короне до 1789 г., т. е. более 300 лет! Коммин описывает их как очень надежных в бою, но своенравных и подверженных пьянству в мирное время солдат. Он с восторгом описывает эпизод во время тяжелого отступления французов под нажимом войск антифранцузской коалиции (формально – анти-турецкой лиги, созданной в противовес Франции; 4/5 войск обеспечивала Венеция). «Наши немцы», стремясь загладить свою вину за «великие бесчинства» в г. Понтремолле, совершили похвальное дело: добровольно пришли к королю и вызвались перетаскать артиллерию – 14 тяжелых и мощных орудий через гору. Перевал был настолько крут, что не только подъем, но и спуск представлял огромные трудности как для лошадей, так и для людей. Некоторые придворные считали, что лучше уничтожить всю тяжелую артиллерию и быстрее отступать, но «король ни за что не согласился на это».

Ф. де Коммин считал, что без «немцев» не только артиллерия, но и все войско в целом не прошло бы через перевал, так что «добро, сделанное ими, искупило содеянное зло»³³.

В последней и самой крупной битве этого похода при Форнуово (6 июля 1495 г.) слабым телосложением Карл VIII проявил себя как мужественный и бесстрашный воин: он лично участвовал в сражении, был на самых опасных местах, остался без личной охраны, бросив ее в бой. Артиллерии в этом сражении не удалось себя показать: шел сильный дождь, порох отсырел, так что огонь (с обеих сторон) был неэффективен: от орудийного огня пострадало не более 10 человек³⁴.

Мемуары Ф. де Коммина описывают, в основном, французскую армию, но для одного вида войск он делает исключение: стратиоты. Надо заметить, что о стратиотах вообще пишут не совсем понятно, а между тем эти войска – своего рода реликт, наследие византийской эпопеи борьбы с турками. Внешне они напоминали мусульманских конников, но их головные уборы отличались от тюрбанов. Это были суровые воины, круглый год они жили под открытым небом, лошади стратиотов отличались качеством (их называли «турецкими»). Ф. де Коммин утверждал, что все стратиоты – греки, а происходят они из тех мест, которыми владеет Венеция: одни из Наполи-ди-Романья в Морее, другие из-под Дураццо в Албании. Ф. де Коммин упоминает об их «страшных мечах», пишет, что «люди они храбрые, сражаться с ними не легко»³⁵. Их нападения на французские подразделения производили устрашающее впечатление, поскольку в обычаях стратиотов было насаживать головы противников (или первых попавшихся людей) на копьё. Огонь ручного огнестрельного оружия, тем более артиллерии, был против них эффективен, т. к. их лошади не были к нему приучены.

Что же касается «крестовой» идеи как мотивации этого похода, то в работах XIX в. о ней не забывали упомянуть. Так, Н.С. Голицын пишет о Карле VIII как инициаторе «обширного и отважного плана изгнания турок из Европы», а также занятия престола «падшей греческой империи»³⁶. Для этого ему нужно было сначала занять Неаполь, который в это время принадлежал Арагону (Испании) и сделать г. Отранто базой для форсирования пролива и высадки французских войск на материк и для дальнейшего движения на Иерусалим через Стамбул, который снова стал бы Константинополем. Представители венецианской синьории жаловались Ф. де Коммину (как дипломату), что Карл VIII не раз письменно заявлял о желании получить в Италии только Неаполитанское

королевство, чтобы потом двинуться на «Турка» (так в Италии и Европе называли османского султана), но занял и другие города³⁷.

Во время итальянского похода Карл VIII подписал договор (возможно, через посредников) с наследником византийского престола Андреем Палеологом, племянником Константина XI, погибшего при защите Константинополя 29 мая 1453 г. Андрей Палеолог, брат Зои (Софьи) Палеолог, супруги русского царя Ивана III, уступал французскому королю свои права на «Константинопольскую и Трапезундскую империи и на Сербию». За это Андрею Палеологу было обещана ежегодная пенсия в 4300 дукатов, земли с доходом в 5000 дукатов и войско в 100 копий³⁸. Кроме того, французские юристы доказали права Карла VIII на Неаполитанское королевство (речь шла и о наследии так называемой Латинской империи, образовавшейся на месте Византии в 1204 г.).

Карл VIII короновался в Неаполе и принял титул «короля неаполитанского, иерусалимского и императора Востока». Очень скоро, однако, оставив незначительные гарнизоны в Неаполе и в других местах, отправился в обратный путь. Мирный договор, вскоре заключенный в городе Верчелли, не дал французам фактически никаких приобретений и тоже канул в лету. Впрочем, итальянские походы французской армии вскоре были возобновлены.

Итак, впервые после Столетней войны³⁹ Франция продемонстрировала свою способность вести значительную кампанию, провела демонстрацию своей новейшей артиллерии⁴⁰ и в какой-то мере поддержала идею крестовых походов.

¹ Лорд Кинросс. Расцвет и упадок Османской империи. М., 1999. С. 79.

² Грегоровиус Ф. История города Афин в Средние века (от эпохи Юстиниана до турецкого завоевания). М., 2009, С. 562.

³ Султан вместе с янычарами сам возглавил штурм. Считается, что первым на укрепления Гексамиллона взобрался янычар сербского происхождения по имени Хитирис – см.: Медведев И.П. Мистра. Очерки истории и культура поздневизантийского города. Л., 1973, С. 38; Острогорский Г.А. История Византийского государства. Пер. с нем. М., 2011. С. 677.

⁴ Грегоровиус Ф. Указ. соч. С. 620.

⁵ Кроули Р. Константинополь. Последняя осада. 1453. М., 2008. С. 126. Карло Чиполла, итальянский историк, занимающийся описанием и технологией вооружения, писал, что «самое удивительное в истории пушек – это, вероятно всего, гигантские размеры, которые они очень быстро приобрели». См.: Чиполла К. Артиллерия и парусный флот. М., 2007. С. 14.

- ⁶ Согласно легенде, наемник-христианин Урбан погиб, пытаясь выполнить приказ Мехмеда II об очередном выстреле из «Базилики». Мастеру пришлось подчиниться, хотя он предупреждал о возможности разрыва ствола. Впрочем, есть и другие версии – см.: Кроули Р. Указ. соч. С. 163.
- ⁷ Там же. С. 161.
- ⁸ Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. Т. 4: Новое время. СПб., 1997. С. 32, 335 (прим. № 47).
- ⁹ Винклер П. фон. Энциклопедия оружия. С древнейших времен до начала XIX века. СПб., 2009. С. 120.
- ¹⁰ Кардини Ф. Европа и ислам. История непонимания. СПб., 2007. С. 182.
- ¹¹ Некоторая часть турок осталась в Италии, поступив на службу к местным правителям.
- ¹² Кроме известных пяти походов были организованы католические антигуситские экспедиции 1465–1465 гг. Они тоже оказались безуспешными.
- ¹³ Хаусли Н. Крестоносное движение 1274–1700 // История крестовых походов / под ред. Д. Райли-Смита. М., 1994. С. 323.
- ¹⁴ Рыжов К. Все монархи мира. Западная Европа. М., 2000. С. 184.
- ¹⁵ Панцер М. А. «Католическая королевская чета» // Испанские короли. Ростов-на-Дону, 1998. С. 36.
- ¹⁶ О нем см.: Осокин Н.А. История Средних веков. Минск, 2005. С. 667–688.
- ¹⁷ Коммин Ф. де. Мемуары. М., 1987. Пер. статья и прим. Ю.П. Малинина. (Во времени русского издания «Мемуары» были уже переведены на латинский и почти все европейские языки более 120 раз).
- ¹⁸ По данным Е.А. Разина – 136 полевых орудий и 100 кулеврин на колесных лафетах. См.: Разин Е.А. История военного искусства. СПб., 1994. Т. 2. С. 561.
- ¹⁹ Дельбрюк Г. Указ. соч. Т. 4. С. 33.
- ²⁰ Чиполла К. Указ. соч. С. 19.
- ²¹ Годы правления Карла VII – 1422–1461. «Победитель» – в Столетней (или «Английской») войне. При нем происходили важные реформы в пехоте – тактические, как создание ордонансовых рот.
- ²² Дельбрюк Г. Указ. соч. Т. 4. С. 31.
- ²³ Коммин Ф. де. Указ. соч. С. 343.
- ²⁴ Разин Е.А. Указ. соч. С. 560.
- ²⁵ Коммин Ф. де. Указ. соч. С. 295. (Коммин цитирует папу Александра VII). Напомним также, что в походе – особенно во время возвращения – ощущался недостаток продовольствия и денег. В армии было недостаточно палаток и шатров.
- ²⁶ Там же. С. 343.
- ²⁷ Там же. С. 279.
- ²⁸ Об этом неоднократно рассказывал Коммин, который встречался с Савонаролой и верил в его необычайные способности. Карл VIII умер 7 апреля 1498 г., а перед этим умер его единственный сын. С Савонаролой расправились 23 мая того же года.
- ²⁹ Голицын Н.С. Военная история Средних времен (1350–1618). СПб., 1878. Ч. 3. С. 143.
- ³⁰ Разин Е.А. Указ. соч. С. 561.
- ³¹ Коммин Ф. де. Указ. соч. С. 265.
- ³² Голицын Н.С. Указ. соч. С. 33.
- ³³ Коммин Ф. де. Указ. соч. С. 325.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. С. 326. Коммин сообщает также, что стратиотов было около 1500 человек и им был устроен смотр на венецианском острове, где размещалось аббатство Сан-Николо.

³⁶ Голицын Н.С. Указ. соч. С. 141.

³⁷ Коммин Ф. де. Указ. соч. С. 310.

³⁸ Малинин Ю.П. Примечания // Коммин Ф. де. Указ. соч. С. 460. Французское «копье» (боевая единица) – 5 или 6 человек.

³⁹ Напомним, что Карл VIII и английский король Генрих VII (правил в 1485–1509) в ноябре 1492 г. подписали договор в г. Этапле об окончании Столетней войны. Эта дата вызывает больше доверия, чем 1453 год.

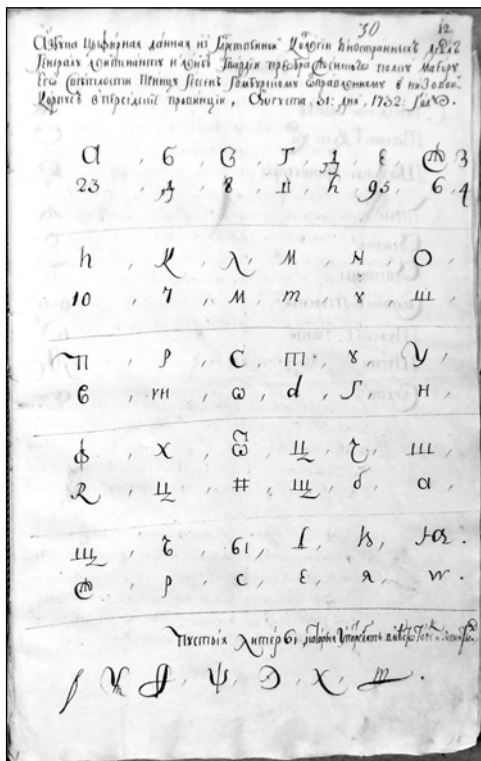
⁴⁰ Можно сказать, что «символом» этого похода стало такое изобретение, как цапфа, с помощью которой облегчалось наведение орудия.

И.А. Вознесенская (Санкт-Петербург)

ЦИФИРНАЯ АЗБУКА 1732 ГОДА, ДАННАЯ ЛЮДВИГУ ГЕССЕН-ГОМБУРГСКОМУ В ПЕРСИДСКИЙ ПОХОД

В АРХИВЕ Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи хранится интересный документ, касающийся секретной дипломатии, цифирная азбука, данная принцу Людвигу Гессен-Гомбургскому 31 августа 1732 г. при его отправке в «низовой корпус в персидские провинции»¹. В 1732–1733 гг. принц Людвиг командовал всеми войсками на Кавказе. По возвращении в Москву в феврале 1734 г. он был награжден орденом Св. Андрея Первозванного. История приезда и службы в России наследного принца Людвига Гессен-Гомбургского связана с претензиями Гессен-Гомбургского дома на курляндский трон². Его отец ландграф Фридрих III Якоб был по матери внуком герцога Курляндского Якоба Кеттлера и еще в 1717 г., встречаясь с Петром I, заявлял о своих правах. Однако, несмотря на все надежды и претензии, Курляндия не досталась Гомбургскому дому. В своих записках генерал Х.Г. Манштейн говорит о Людвиге Гессен-Гомбургском, что «он не имел ни образования, ни хороших манер, не умел вести себя, не отличался умом, был необыкновенно сварлив, большой трус и способен на всякие низости»³. Одной из причин такой негативной характеристики стал его донос на фельдмаршала В.В. Долгорукого, повлекший за собой ссылку последнего. Считается, что принц Гессен-Гомбургский извлекал личную выгоду из опалы фельдмаршала. При Долгоруком он не получил бы в командование войска на Кавказе⁴.

Тайнопись, или криптография, довольно часто использовалась в государственной переписке: дипломатической, военной, разведывательной и др.⁵ В петровское время шифры, или цифирные

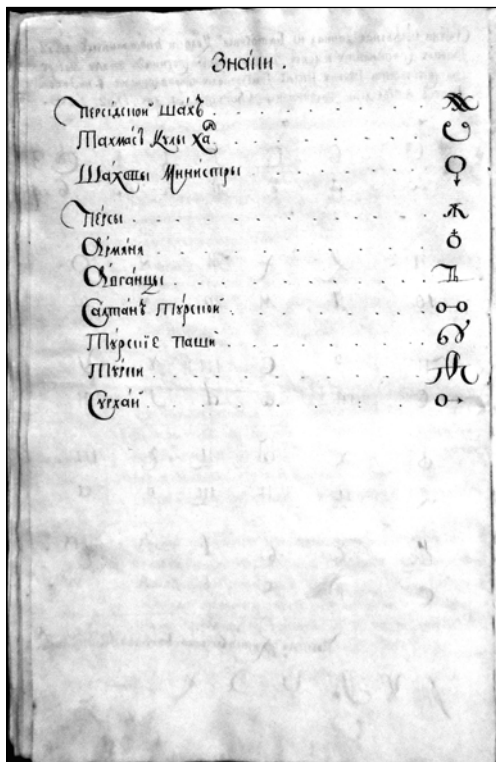

азбуки, создавались в Посольском приказе, затем в Посольской походной канцелярии, а в дальнейшем в Первой экспедиции Коллегии иностранных дел. Уже в Посольском приказе существовал специальный штат, которому поручалось шифровать и дешифровать переписку. А инструкция от 11 апреля 1720 г., регламентировавшая деятельность Коллегии иностранных дел, определяла, в том числе, и как хранить цифирные азбуки. До конца 20-х гг. XVIII в. в государственной переписке России самым распространенным типом шифров был шифр простой замены. Алфавит в

этом шифре использовался, как правило, русский, а ключом служила простая буквенно-цифирно-значковая замена, без усложнений. Сохранились различные шифры канцлера Г.И. Головкина. Все шифры построены примерно одинаково, хотя и имеют некоторые особенности. Иногда каждой букве соответствует по одному шифробозначению, а иногда — по два, одно из которых — буква латиницы, а другое — двузначное число или два двузначных числа. Существуют так называемые пустышки — «пустые между слов дабы расстановок не знать»⁶. Кроме того, есть особые обозначения для запятых и точек.

С воцарением Екатерины I вице-канцлером России и руководителем ее криптографической службы становится А.И. Остерман. При Остермане криптографы продолжали работу в соответствии с уже установившимися традициями, однако велись поиски

и новых видов шифров. В начале 30-х г. XVIII в. появились новые тайнописные системы. Такими новыми шифрами были сначала алфавитные, а затем и не алфавитные коды. В этих кодах словарные величины помещались в несколько разделов: алфавит, слоги, суплемент, счеты, месяцы. Алфавит в этих шифрах мог быть русский

или латинский, в зависимости от того, на каком языке писалось сообщение. Использовался шифр, словарь которого состоял из греческих букв, слогов, слов, а шифробозначениями были буквы греческого же алфавита или идеограммы. В словарь шифра включаются определенные географические наименования, что позволяет в некоторой степени судить о содержании самой переписки (например: Республика Голанская, статьи генеральные, крепость Святого Креста), секретные имена заграничных агентов России⁷.

Цифирная азбука Людвиг Гессен-Гомбургского была составлена в Коллегии иностранных дел и передана ему вместе с Инструкцией, прошитой и опечатанной красной сургучной печатью коллегии, за подписью А.И. Остермана, Х.Б. Миниха и Василия Степанова⁸. Инструкция состояла из четырех пунктов, в первом пункте сообщалось о том, что генерал-лейтенант принц Гессен-Гомбургский направляется на место генерала Левашова, так как генерал Левашов вместе с бароном Шафировым заключили мирный трактат между ее императорским величеством и шахом персидским.

Второй пункт определял передачу дел от Левашова Гессен-Гомбургскому. В третьем пункте сообщалось, что генерал-майор Бибииков посылается в помощники Гессен-Гомбургскому, «как был... барон Шафиров при генерале Левашове». И, наконец, четвертым пунктом «сообщается цыфирная азбука, которою он в случае опасного ис Персии суда куриеров в пункт проезду имеет употреблять в своих реляциях». Вместе с инструкцией посылалась также копия трактата со скрепой секретаря Ивана Калужкина для генерала Левашова. Интересно, что подлинный трактат был опечатан не только красными сургучными печатями, но и, как отмечено в описании документа, «по желанию персидского посла и чернильными».

Все буквы в цифирной азбуке переданы кириллическими и латинскими буквами и цифрами. Семь букв использованы как пустышки, которые можно было употреблять вместо точек и запятых. Кроме того, 10 специальных знаков символизировали конкретных людей (персидский шах Тахмасп II, Тахмасп-Кули хан или Надиршах, турецкий султан Махмуд I, Сурхай-хан), группы людей (шаховы министры и турецкие паши) и целые народы (персы, армяне, афганцы, турки). Цифирная азбука Людвиг Гессен-Гомбургского представляет собой типичный образец шифра простой замены, без усложнений.

¹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 111. Л. 30–30 об. См. также: Вознесенская И.А. Архив ландграфа Людвиг Гессен-Гомбургского как источник по истории военной элиты 1730-х гг. // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750). М., 2013. С. 213–224.

² Wolf, J. R. Die kurländische Erbschaft. Landgräfin Louise Elisabeth und die gescheiterten Hoffnungen des Hauses Hessen-Homburg // Mitteilungen des Vereins für Geschichte und Landeskunde Bad Homburg vor der Höhe. 37 (1988). S. 7–51.

³ [Манштейн Х.Г.] Записки Манштейна о России (1727–1744). СПб., 1875. С. 246–247.

⁴ Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутриполитического курса и судьбы армии и флота. СПб., 2001. С. 63.

⁵ См.: Соболева Т.А. История шифровального дела в России. М., 2002.

⁶ Там же. С. 66.

⁷ Там же. С. 83–92.

⁸ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 111. Л. 19–21.

В.Л. Герасимов (Москва)

АВИАЦИОННОЕ ВООРУЖЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ МОРСКОЙ АВИАЦИИ В ПЕРВУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ

К НАЧАЛУ Первой мировой войны в отечественной морской авиации отсутствовали самолеты, в том числе гидросамолеты, на борту которых было бы установлено стрелково-пушечное вооружение. Это объяснялось как незначительным временем пребывания гидросамолетов и самолетов в составе российского военного флота, так и тем, что морское командование видело в них на тот момент в основном лишь дополнительное средство разведки – воздушную разведку.

К августу 1914 г. авиационное вооружение¹ имелось на нескольких четырехмоторных самолетах «Илья Муромец». На них устанавливались пулеметы типа «максим» или «льюис» калибром 7,62 мм, имевшие скорострельность до 400 выстрелов в минуту². Один из таких самолетов к началу военных действий состоял на вооружении морской авиации (на Балтийском флоте), но он не имел вооружения. Впоследствии эта крылатая машина была уничтожена нашими авиаторами в самом начале войны при оставлении Либавы.

Самые значительные изменения в авиационном вооружении самолетов произошли уже непосредственно в ходе войны, что позволило значительно увеличить боевые возможности морской авиации. В ходе кампаний Первой мировой войны самолеты морской авиации оснащались прицелами, пулеметами и пушками.

К установкам авиационного вооружения в то время относились: установки авиационного артиллерийского вооружения (УААВ); держатели авиационных средств поражения и бомбосбрасыватели.

Авиационные пулеметы закреплялись на турельных установках, составлявших основу УААВ. Самолеты морской авиации снабжались держателями АСП инженера Шкульника, бомбодержателями балочного типа капитана В.В. Орановского и держателем инженера Л.Д. Колпакова³. С помощью бомбосбрасывателей авиационные бомбы (АБ) освобождались от крепления, принимали вертикальное положение, а затем сбрасывались вниз.

К авиационному артиллерийскому оружию (ААО) относились: авиационные пушки;

авиационные пулеметы;

стрелковое оружие летчика (летного экипажа).

«Мысль о вооружении летательных аппаратов пушками впервые стала обсуждаться на флоте в середине 1915 года и, хотя проблема носила весьма спорный характер, Морской Генеральный штаб счел необходимым инициировать проектирование автоматической или полуавтоматической 37-мм пушки с уменьшенной, за счет длины отката, силой отдачи и большими углами возвышения и снижения»⁴.

Были и другие предложения. Например, устанавливать на гидросамолеты японские 47-мм короткоствольные пушки. Но из-за больших массо-габаритных характеристик от этого орудия пришлось отказаться. В итоге в конце лета 1916 г. были проведены первые испытания отечественных 37-мм пушек. Эксперименты проводились на Балтийском флоте (в Ревеле), и достигнутые результаты позволили Морскому генеральному штабу уже в сентябре принять окончательное решение о вооружении морских самолетов 37-мм авиационной пушкой.

По данным исследователя истории морской авиации А.О. Александрова, летом 1917 г. Балтийская воздушная дивизия располагала десятью 37-мм короткоствольными авиационными пушками, и столько же их имелось на Черном море⁵. В кампании 1917 г. несколько гидроаэропланов М-9 Балтийского и Черноморского флотов были оснащены 37-мм авиационной пушкой. Однако до массового оснащения летательных аппаратов морской авиации авиационными пушками дело не дошло⁶.

Авиационные пулеметы начали устанавливаться на самолеты авиации флота только лишь со второй половины кампании 1915 г. В перечень этих пулеметов входили: отечественный – «максим», британские – «льюис Mk. 1» и «виккерс Mk. 1».

Стрелковое оружие в среде летчиков использовалось в качестве основного до осени 1915 г. К нему относились револьвер «наган», пистолет «маузер», трехлинейный карабин Мосина и автоматическое ружье «мадсен».

Авиационными средствами поражения морской авиации периода Первой мировой войны являлись:

авиационные бомбы;

боеприпасы ААО;

аэропланнные стрелы.

АБ в морской авиации появились раньше, чем в авиации русской армии. Основным заказчиком авиационных боеприпасов для флота стал Морской технический комитет, а ведущим производителем – Севастопольские минные мастерские. Еще не была создана Эскадра воздушных кораблей⁷, а на Балтийском флоте уже летал поплавковый вариант самолета «Илья Муромец», для которого представитель минного отдела Главного управления кораблестроения капитан 1 ранга Н.Н. Шрейбер разработал бомбы массой 1, 5 и 12 пудов⁸. Правда, скорая гибель единственного тяжелого поплавкового гидросамолета «Илья Муромец» «обрекла лежать крупнокалиберные бомбы “мертвым грузом”»⁹ на складах морского ведомства целых два года.

Мелкокалиберные АБ стали применяться морской авиацией с самого начала войны – уже в кампанию 1914 г. Номенклатура АБ различалась по назначению. В отечественной морской авиации использовались фугасные, осколочные авиационные бомбы и авиабомбы специального назначения (зажигательные, ориентирно-сигнальные («дымки»)). В годы войны морской авиацией применялись АБ весом 1, 5, 8, 10, 20, 25 и 50 фунтов, 1, 2 и 5 пудов. В качестве взрывчатого вещества в АБ использовался тол, динамит, пикробензол, смесь динитробензола с пикриновой кислотой, мелинит и тротил. «Все авиабомбы отечественного производства снаряжались боевым зарядом в лабораториях морского ведомства. По принципу действия имевшиеся взрыватели можно разделить на ударные (с подвижным или неподвижным ударником), гидростатические, часовые (с замедлением) и комбинированные (ударно-гидростатические). Корпуса бомб изготовляли из жести, листового железа, чугуна и даже из алюминия»¹⁰.

К фугасным относились бомба капитана 1 ранга Н.Н. Шрейбера, авиабомба конструкции мастера Севастопольского порта

Я. Михайлова и лейтенанта В.В. Утгофа, бомба капитана В.В. Орановского, гидростатическая (глубинная) бомба старшего лейтенанта Л.И. Бошняка, бомба «двойного действия» заводов «Динамо» и «Виганд», бомба «двойного действия» (каплевидная, с чугунной головной частью) капитана 1 ранга Н.Н. Шрейбера.

Отечественной морской авиацией при ведении боевых действий использовались осколочные бомбы капитана В.В. Орановского, шрапнельная бомба разработки Е.Б. Крыльцова и зажигательные бомбы штабс-капитана Л.А. Липпинга и конструктора В.А. Слесарева, бомба полковника Яковлева, бомба «Аллимих» и зажигательная бомба британского производства «Бэби». Среди ориентирно-сигнальных средств авиации («дымков») использовались «дымки» системы Робанова, системы Файвишевича и «сигнальные огни» прапорщика Голуба¹¹.

В качестве боеприпасов ААО использовались в основном 7,62-, 7,63- и 7,7-мм патроны. Аэропланые стрелы, к которым относились изготавливаемые в Кронштадте свинцовые и стальные стрелы («гвозди»), применялись морской авиацией в годы войны в очень ограниченном количестве.

Несмотря на отечественный приоритет в разработке теории применения мин с гидроаэропланов, в ходе войны специальные авиационные мины в России разработаны не были, и применение минного оружия с самолетов в российском военном флоте не осуществлялось. При этом морское ведомство неоднократно поднимало вопрос о создании специального авиационного минного вооружения, но решение вопроса в практическую плоскость переведено так и не было по причине отказа в финансировании этих работ.

Германия в этом вопросе в годы войны значительно продвинулась вперед и имела реальные практические успехи в деле освоения авиационных мин. «Летом 1917 года немецкие самолеты поставили минное заграждение в Рижском заливе. В России в то время существовали только проекты подобных систем. Можно назвать, например, проект якорной мины Ковалевского для беспарашютного сбрасывания с малых высот, предложенный в 1916 году»¹².

В 1916 г. в России начали предприниматься попытки использовать с морских самолетов торпедное оружие. Для этой цели была сконструирована и построена специальная двухмоторная машина ГАСН, представлявшая собой первый в мире самолет-торпедоносец. На него возлагались доставка торпеды в заданную точку водной

акватории и сброс ее в направлении вражеского корабля. Первые испытательные полеты самолета ГАСН в августе 1917 г. выполнил старший лейтенант А.Е. Грузинов. В них был выявлен ряд конструктивно-производственных недостатков, которые не позволили довести эту крылатую машину «до ума» и поставить на вооружение морской авиации. Приобрести боевой опыт торпедометания по вражеским целям отечественным авиаторам флота в период Первой мировой войны не удалось.

В годы войны самолеты и гидросамолеты морской авиации оснащались и соответствующим бортовым оборудованием, к которому относились простейшие навигационные приборы (компасы и т. д.), стрелковые прицелы, радиостанции. Что касается радиостанций, то их применение было единичным, и массового характера оснащение ими морских летательных аппаратов в годы войны не получило. Стрелковые прицелы являлись одним из слабых мест отечественного авиастроения. В войну они прошли путь от примитивного механического прицела, через кольцевой механический, к оптическим телескопическим и коллиматорным прицелам¹³. В большей степени на эффективность воздушной стрельбы истребителя оказал влияние именно коллиматорный прицел, позволявший вести более прицельную стрельбу по самолетам противника, чем остальные прицелы.

В конце 1915 г. лейтенант В.В. Дыбовский изобрел и изготовил оригинальное приспособление для стрельбы из неподвижного пулемета через винт — синхронизатор. «Чтобы согласовать количество выпускаемых в минуту пуль с числом оборотов винта, изобретатель установил на коленчатом валу двигателя кулачковые шайбы, которые нажимали через систему передач на спусковой механизм пулемета в тот момент, когда лопасть винта уже проходила осевую линию канала пулемета»¹⁴. К сожалению, в отечественной морской авиации данный синхронизатор не использовался.

Таким образом, на протяжении всей Первой мировой войны происходило оснащение самолетов отечественной морской авиации установками авиационного вооружения и авиационным артиллерийским оружием, а также осуществлялось усовершенствование авиационных средств поражения.

Развитие авиационного вооружения предопределило и появление в кампании 1917 г. в морской авиации России и двух родов авиации: разведывательно-бомбардировочной (РБА) и истребительной (ИА).

По состоянию на 1 декабря 1917 г. РБА составляла 90,1 %, а ИА – 9,9 % от общего количества авиационного парка Балтийского и Черноморского флотов¹⁵.

В итоге проводимые в годы Первой мировой войны мероприятия по приданию летательным аппаратам тяжелее воздуха российского военного флота функций ударного воздушного средства позволили определить дальнейшие перспективы развития отечественной морской авиации как одного из основных родов сил Военно-морского флота.

¹ Авиационное вооружение – совокупность установок авиационного вооружения (УАВ), авиационного артиллерийского оружия (ААО) и авиационных средств поражения (АСП).

² См.: Дузь П.Д. История воздухоплавания и авиации в России (июль 1914 г. – октябрь 1917). 2-е изд., перераб. и доп. М., 1986. С. 130.

³ См. там же. С. 153, 156.

⁴ Александров А.О. Первые пушки русской морской авиации // Цитадель. 1996. № 2. С. 79.

⁵ См. там же. С. 82, 83.

⁶ Кроме 37-мм короткоствольной отечественной пушки, в морскую авиацию поступали авиапушки «Гочкис» и «Эрликон».

⁷ Эскадра воздушных кораблей – первое в мире авиационное соединение тяжелых бомбардировщиков. Создано в России 23 декабря 1914 г. в соответствии с «Положением об организации Эскадры воздушных кораблей “Илья Муромец”».

⁸ 1 пуд = 40 фунтов; 1 фунт = 0,409512 кг.

⁹ Пырьев Е.В., Резниченко С.Н. Бомбардировочное вооружение авиации России 1912–1945 гг. М., 2001. С. 62, 63.

¹⁰ Александров А.О. Победы. Потери... Задачи, подразделения, начальствующий состав, летательные аппараты и вооружение морской авиации и воздухоплавания России, а также список побед и потерь с 1894-го по 1920 г. СПб., 2000. С. 115.

¹¹ См.: Пырьев Е.В., Резниченко С.Н. Указ. соч. С. 31, 108, 123, 125; Александров А.О. Победы. Потери... С. 116, 117.

¹² Егоров В., Котельников В. Первые отечественные авиационные мины // ФлотоМастер. 2003. № 5. С. 16.

¹³ См.: Дузь П.Д. Указ. соч. С. 141, 142.

¹⁴ Там же. С. 134, 135.

¹⁵ См.: Герасимов В.Л. История создания отечественной морской авиации (1910–1917 гг.): Монография. Смоленск: РИЦ «Геростеп», 2007. С. 156.

А.Ю. Гладина (Тула)

ТУЛЬСКИЕ ОРУЖЕЙНИКИ И ВОЗМОЖНОСТИ ИХ СОЦИАЛЬНОГО РОСТА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII–XIX ВЕКАХ

Н А ПРОТЯЖЕНИИ длительного периода история тульских оружейников воспринималась исследователями как часть истории Тульского оружейного завода. Первые шаги в разработке данной темы были сделаны в XIX в. И.Х. Гамелем и С.А. Зыбиным. В XX в. значительный вклад в изучение истории тульских оружейников был сделан В.Н. Ашурковым.

Многие исследователи рассматривали тульских оружейников как особое сословие с особыми правами и привилегиями. В настоящее время получила распространение точка зрения, что тульские оружейники являются сословной группой. Сословные группы, существовавшие в составе сословий, отстаивали уже полученные привилегии и стремились любой ценой их расширить в ущерб всем остальным сословиям и сословным группам. Не являлись исключением и тульские оружейники.

Интересы обороны страны заставляли правительство обращать внимание на положение тульских оружейников. Постепенно целый ряд привилегий выделил их из среды посадских людей. Льготы, предоставленные оружейникам в XVIII в., способствовали процветанию оружейного мастерства в Туле. Среди них – освобождение от налогов и постоев, самоуправление, разрешение изготавливать различные изделия из металла на дому и продавать не только в Туле, но и в других городах. Указом Екатерины II от 1778 г. тульским оружейникам разрешалось изготавливать оружие для продажи за границу с уплатой небольшой пошлины (по 10 к. со всякого ружья, по 5 к. с пары пистолетов, с каждой сабли, тесака и т. д.). При этом делалась оговорка:

«воровским людям», т. е. участникам народных восстаний, оружие не продавать¹.

Принадлежность к сословию оружейников становилась все более привлекательной. Их число неуклонно росло.

**Динамика роста численности оружейников
в XVIII – начале XIX вв.²**

Годы	Численность мужчин
1722 (1-я ревизия)	2560
1724 (2-я ревизия)	2309
1762 (3-я ревизия)	4443
1782 (4-я ревизия)	5152
1795 (5-я ревизия)	5375
1811 (6-я ревизия)	6905
1816 (7-я ревизия)	14 410
1823	13 974

Мастера-оружейники и их дети были навсегда прикреплены к заводу. Правительство установило строгую систему надзора за их жизнью и трудом, жестоко наказывало за низкое качество оружия, за попытку невыполнения урока или переселения из Кузнецкой слободы в другие места. Однако часть оружейников не знала своего ремесла и, занимаясь сторонними промыслами, компенсировала материально свою часть урока. Условием для увольнения в купечество являлось отсутствие навыков оружейного дела, а именно занятие промыслами, оружейникам не свойственными³.

«Положение» о заводе от 25 июня 1782 г. закрепило за оружейниками право выхода из сословной группы⁴. Многие состоятельные мастера изъявили желание перейти в купечество и освободиться в результате от необходимости работать на оружейном заводе. Такая перемена социального положения оружейников в документах называется увольнение, или выписка.

Выход оружейников из сословной группы был связан с определенными трудностями и материальными затратами. По традиции, которая сложилась в XVIII в. и сохранялась в первые десятилетия XIX в., выходящий должен был: а) предоставить заводу вместо себя здорового молодого (17–30 лет) работника, обученного оружейному мастерству, б) в течение 10 лет после выхода ежегодно

вносить за себя в разряд в общественную сумму по 30 р., в) туда же в течение того же срока вносить по 18 новых ружей; г) платить подушные деньги за себя и детей по 8 р. до ближайшей ревизии⁵. Таким образом, фактическая «цена» выхода была весьма высокой и доступной немногим. Поэтому некоторые оружейники, выйдя в купечество, отказывались от уплаты перечисленных взносов, превращаясь в должников завода⁶.

Н.Ф. Трутнева отмечает любопытное противоречие: с одной стороны, число тульских оружейников было достаточно большим, а с другой – не хватало оружейных мастеров, непосредственно занятых изготовлением оружия⁷. В связи с этим существовала проблема «лишних» оружейников. На выход в купечество претендовали наиболее состоятельные из них. Отпускать таких оружейников из сословия было невыгодно, поскольку они выполняли необходимый объем работы и являлись лучшими кандидатами на выборные должности, связанные с материальной ответственностью.

Командир завода П.П. Долгорукий предлагал решить эту проблему, разделив все оружейное общество на две части: на «цеховых», непосредственно занятых на производстве, и «просто оружейников», «упражняющихся совсем в посторонних промыслах». Последних он намеревался разделить на три степени по их капиталу и из представителей первых двух степеней (свыше 2000 р.) выбирать лиц на службу к казенным заводским магазинам⁸. Не будучи слишком для них обременительным, это давало зажиточным оружейникам возможность, оставаясь в своей сословной группе, заниматься сторонними (для них – основными) промыслами⁹.

Военная коллегия, одоббив предложение о разделении на цеха и артели, не разрешила, однако, структурно отделять от них «упражняющихся» в сторонних промыслах. Подобное отделение привело бы к тому, что лучшие и зажиточнейшие оружейники могли «отстать совсем» от своего ремесла и готовить своих детей не в оружейники, а в купцы¹⁰. Данный факт подтверждается, в том числе, и на примере увольнения в купечество в 1772 г. оружейника Карпова.

Карпов просил позволения перейти в купечество «по незнанию оружейного мастерства». Оружейная канцелярия дала согласие, объявив как условие размер денежной выплаты и обязательное прикрепление его будущих детей мужского пола к Тульскому оружейному заводу¹¹.

Желание записаться в купечество изъявляли целые семьи. Такой выход сопровождался многими сложностями и чиновничьей волокитой. Оружейная администрация давала разрешение на выход из сословной группы при условии, если «в оружейном изделии никакой остановки быть не может и казенных и общественных доимок и партикулярных долгов не состоит»¹².

Увольнение в купечество становилось все более популярным в среде оружейников. Для торговли будущих купцов более привлекали столицы – Москва и Санкт-Петербург. В 1797 г. оружейники Тульского завода Прокофий Горячев и Яков Свечников изъявили желание быть уволенными в купцы третьей гильдии в город Гатчину. Они не обладали необходимыми кузнецам профессиональными навыками. По словам оружейников, они «не прилежат к познанию своего дела и в отчаянии когда либо переменить род жизни и записаться в купечество или мещанство»¹³.

Время от времени на Тульском оружейном заводе остро вставала проблема комплектования штата цехов из-за недостатка учеников. Как следствие, осложнялся процесс увольнения в купечество. Осложняла запись оружейников в купечество их узкая специализация и связанный с этим дефицит отдельных мастеров некоторых специальностей. Обострение международной обстановки и втягивание Российской империи в войну также препятствовало выходу из сословной группы. Так, в 1798 г. в связи с наполеоновскими войнами переход в купечество был категорически запрещен.

Цеховой разряд не возражал против выхода из оружейников. Но у администрации Тульского оружейного завода год от года формировалось все более отрицательное отношение к выходу оружейников в купечество. Выдвигались определенные аргументы: может не хватить мастеров для выполнения ежегодных заданий; если выпустить наиболее состоятельных, то оставшиеся не смогут представить обеспечения доверяемых им казенных сумм и материалов; «первостатейные», сами не работая, нанимая других, помогают бедным оружейникам»¹⁴.

Анализируя эти события, Н.Ф. Трутнева приходит к выводу о том, что «политика правительства... препятствовала разложению оружейного сословия», и характеризует ее как направленную «консервацию сословия»¹⁵.

Одним из ярчайших примеров успешной смены тульским оружейником социального статуса является фабрикант Николай

Иванович Гольтяков. После освобождения оружейников Тулы от обязательного труда он перешел из оружейников в купечество и стал купцом второй гильдии. Гольтяков продолжал оставаться оружейным мастером, изобретателем и изготовителем охотничьего оружия, владея крупной мастерской. В конце 60–70-х гг. он получил правительственный заказ на крупную партию военных револьверов. В 1868 г. Департамент торговли и мануфактур выдал ему привилегию на изготовление револьверов с правом продажи их по всей России. Производство армейского оружия частным лицам в России в тот период было запрещено, и, таким образом, для Гольтякова было сделано исключение. В 1879 г. у Гольтякова было 29 рабочих, и он выпускал около тысячи револьверов в год. При этом его производство оставалось мануфактурным.

Н.И. Гольтяков неоднократно экспонировал свои изделия на различных выставках. В 1853 и 1882 гг. в Москве он выставил охотничьи ружья с художественной отделкой, на выставке Русского Технического общества 1886 г. – ружья центрального боя с дамасковыми стволами ценой в 400 и 500 р., а также ружья капсюльные со стальными стволами по 20 р. На этой же выставке он демонстрировал казнозарядное ружье своей системы с художественной отделкой стоимостью в 1500 р.¹⁶

Таким образом, тульские оружейники вне зависимости от того, владели они профессией или нет, занимаясь частным предпринимательством, при наличии капитала стремились выйти из состава своей сословной группы. Переходя в купечество, они получали возможность развивать свой бизнес, что обеспечивало им возможность дальнейшего повышения их социального статуса.

¹ Тульские оружейники: Сборник документов / отв. ред. И.Н. Юркин, отв. сост. Н.К. Фомин. М.: РОССПЭН, 2003. С. 17.

² Тульские оружейники... С. 18.

³ Государственное архивное учреждение Тульской области (Далее – ГАУ ТО «Государственный архив»). Ф. 187. Оп. 1. Д. 339. Л. 1–7.

⁴ Зыбин С.А. История Тульского императора Петра Великого оружейного завода. Т. 1. 1912. С. 140.

⁵ Трутнева Н.Ф. Тульские казенные оружейники в 20–40-х гг. XIX в.: (выход из оружейного сословия) // Некоторые проблемы разложения крепостничества в Центральной зоне России. Тула, 1978. С. 82.

⁶ Тульские оружейники ... С. 38.

- ⁷ Трутнева Н.Ф. Тульские казенные оружейники (1712–1864): Дис... канд. ист. наук. Тула, 1988. С. 50.
- ⁸ ГАУ ТО «Государственный архив». Ф. 187. Оп. 3. Д. 1а. Л. 1–20.
- ⁹ Тульские оружейники... С. 38.
- ¹⁰ Фирсанова Н.Ф. К истории сословия тульских казенных оружейников в период кризиса крепостничества // Рабочие оружейной промышленности в России и русские оружейники в XIX – начале XX в. Л., 1976. С. 19.
- ¹¹ ГАУ ТО «Государственный архив». Ф. 187. Оп. 1. Д. 132. Л. 1–18.
- ¹² Там же. Д. 314. Л. 1–60.
- ¹³ Там же. Д. 339. Л. 1.
- ¹⁴ Тульские оружейники... С. 41.
- ¹⁵ Трутнева Н.Ф. Тульские казенные оружейники в 20–40-х гг. XIX в. С. 81.
- ¹⁶ Шокарев Ю. Отечественные оружейники. Николай Гольяков // Охота и охотничье хозяйство 1989. № 4. С. 28.

В.В. Горбунов (Барнаул)

КОМПЛЕКС ВООРУЖЕНИЯ И ТАКТИКА ТЮРКСКОЙ КОННИЦЫ

Н А ЗАРЕ средневековья самая крупная по территории держава была создана кочевым объединением, известным под именем *тюрк* (*тюрки*). За четверть века, с создания Великого Тюркского каганата в 552 г. до момента максимального расширения его границ в 576 г., завоеванию подверглась большая часть евразийских степей от Маньчжурии на востоке до Крыма на западе. Северокитайские царства Бэй-Ци и Бэй-Чжоу превратились в данников Тюркского каганата, державу эфталитов тюрки уничтожили (565), а Сасанидский Иран и Византия искали их поддержки. Как и все кочевые империи, Тюркский эль недолго сохранял единство и вскоре после ряда гражданских войн (583–599) распался на две части: Восточно-Тюркский (604–630) и Западно-Тюркский (604–657) каганаты. Но, даже разделившись, тюрки представляли собой грозную силу. На западе они успешно сражались с Сасанидами в Закавказье (626–630), на востоке совершили серию походов в Китай (620–629), едва не нанеся ему окончательного поражения. Лишь новые смуты и восстания покоренных племен ослабили каганаты, что позволило империи Тан поочередно разгромить их. Однако тюрки смогли возродить свои державы. В Хангае возник II Восточно-Тюркский каганат (682–744), а в Семиречье – Тюркешский каганат (699–756). Эти государства уступали по своим возможностям Великому Тюркскому элю, но и они оставили в истории заметный след, противостоя экспансии китайцев и арабов.

Письменные хроники свидетельствуют, что тюрки как этнос начали складываться с 460 г., а последнее упоминание о них относится к 941 г. Изучение археологических памятников позволяет

говорить о существовании тюркской культуры до XI в. Таким образом, история тюрков насчитывает примерно 600–650 лет. Из них около 200 лет тюрки играли ведущие роли в международных отношениях Евразии. Важным фактором, который определял длительные периоды господства тюрков над другими народами и долго позволял им сохранять самостоятельность после утраты государственности, был высокий уровень развития военного дела.

Первым к исследованию этой темы в нашей стране обратился Л.Н. Гумилев. Анализируя погребальные статуэтки воинов из памятников VII–VIII вв. Восточного Туркестана, он пришел к выводу, что они изображают тюркских панцирных копейщиков. Дополнив свой анализ данными письменных источников, Л.Н. Гумилев отметил преимущество тюрков в военном деле над прочими кочевниками. Оно заключалось в создании собственной металлургической базы, позволившей оснастить войско достаточным числом железного вооружения и организовать тяжелую панцирную кавалерию¹. Дальнейший шаг в представлениях о тюркской панолии был связан с открытием наскальных рисунков «катафрактарыев» на горе Хар-Хад в Монгольском Алтае. Опубликовавшие этот материал Э.А. Новгородова и М.В. Горелик датировали изображения тяжеловооруженных конных воинов VI–VII вв. на основании стилистических и оружейно-технических аналогий. Эти рисунки, по мнению авторов, создали сами тюрки на основной территории формирования их этноса². Большое значение для изучения вооружения имели раскопки тюркских погребальных и поминальных памятников, проводившиеся в Саяно-Алтае, Монголии, Семиречье и на Тянь-Шане отечественными археологами. Их результаты обобщены в монографических работах³. Наиболее полно военное дело тюрков освещено Ю.С. Худяковым, который использовал максимально доступное число источников: вещественные находки, изобразительные материалы, письменные свидетельства⁴. Современный багаж знаний о военной истории тюрков продолжает пополняться новыми данными⁵. Происходит не только количественный, но и качественный рост публикуемых материалов, представленных в основном вещами и рисунками. Самостоятельную роль в оружейно-техническом развитии начинает получать реконструкция и экспериментальное моделирование. Имеющиеся достижения позволяют составить весьма полную картину тюркской панолии и оценить эффективность ее применения.

Основные противники тюрков китайцы отмечали в боевой экипировке своих врагов следующее: «В качестве оружия они имели луки, стрелы, свистящие наконечники стрел, панцири, длинные кавалерийские копыя и мечи; в качестве поясного украшения носили также кинжалы. На концах древков своих замен они устанавливали золотую голову волка»; «Тупое обладают украшенными рогом луками, свистящими стрелами, панцирями, длинными всадническими пиками и мечами»; «Луки и стрелы – их когти и зубы, а панцири и шлемы их повседневная одежда»⁶. В рунических текстах самих тюрков упоминается такое вооружение, как стрела (ок), копьё (сюнгог), меч (кылыч), доспех (ярак)⁷. Петроглифы Алтая показывают нам тюркских воинов, облаченных в шлемы и панцири, на конях, защищенных наголовьями и попонами, с копьями или луками в руках, с колчанами и налучьями на поясах (рис. 1). На каменных изваяниях, изображающих тюрков, часто встречаются мечи, сабли, кинжалы и боевые ножи в ножнах. Письменные сообщения и рисунки уточняются находками предметов вооружения в тюркских погребальных и поминальных памятниках. Это защитные пластины от панцирей и попон, остатки шлемов и бармиц, щита, луков и стрел, колчанов, копий, мечей и сабель, ножен, кинжалов, боевых ножей и топоров (рис. 2–6). Как видно, комплекс вооружения тюрков включал в себя разнообразные средства защиты и нападения.

Для индивидуальной защиты в бою тюркские воины применяли панцири и шлемы. Тюркские панцири преимущественно изготавливались из железа, хотя можно предполагать и использование толстой прессованной кожи. Они собирались из относительно небольших деталей, крепившихся непосредственно между собой. По структуре бронирования можно выделить ламеллярные и ламинарные панцири. Первые набирались из отдельных пластин, которые связывались в горизонтальные ряды-полосы (рис. 2, 19–20). Соединение пластин и полос производилось через систему сквозных отверстий при помощи кожаных ремешков, шнуров или тесьмы. Археологические находки представлены именно ламеллярными пластинами. Они сделаны из профилированных листов железа толщиной 1,5 мм, длиной 6,8–10,6 см, шириной 0,8–3,7 см. Диаметр отверстий в пластинах 1–4 мм. Встречаются экземпляры различной формы: прямоугольные (рис. 2, 1–2, 7, 17–18), овалнопрямоугольные (рис. 2, 3, 5–6, 8–12), овальные (рис. 2, 4) и

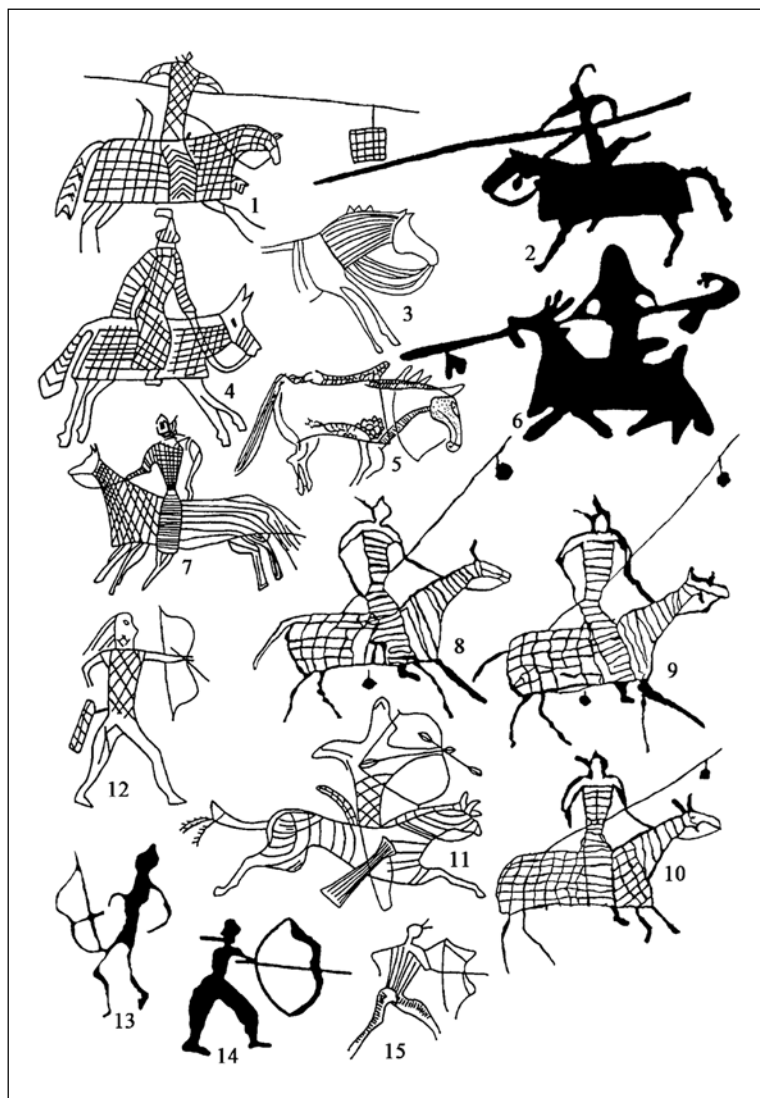

Рис. 1. Петроглифы, изображающие тюркских воинов и боевых коней. 1, 3-5, 7, 11-12, 15 – Горный Алтай, 2, 6, 8-10, 13-14 – Монгольский Алтай

пятиугольные (рис. 2, 13–14). Некоторые пластины декорировались в центральной части полусферическими выпуклинами – умбонами (рис. 2, 9) или волнообразными вырезами по одной из длинных сторон⁸. Система отверстий в пластинах обеспечивала жесткое крепление пластин в полосе и подвижное между полосами, а также часто подразумевала окантовку для предохранения поддопешной одежды. Ламинарные панцири набирались из сплошных пластин-полос, которые связывались между собой подвижным способом (рис. 2, 21). Они известны пока только по рисункам (рис. 1, 8–10). Достаточно часто тюркские панцири имели комбинированную структуру бронирования, когда более важные части (нагрудник, наспинник) составлялись из отдельных пластин, а другие (подол, нарукавья) – из пластин-полос (рис. 2, 22–24). О покрое панцирей, в основном, приходится судить по данным изобразительных источников. Наиболее легким типом являлась «кираса», состоящая из двух частей: нагрудника и наспинника, соединенных оплечными и боковыми ремнями (рис. 1, 11–12; 2, 19). Иногда кирасу усиливали лопастевидные нарукавья прикрепленные к оплечным ремням (рис. 2, 24). Более надежную защиту обеспечивала «катафракта». Основа этого панциря состояла из двух частей: нагрудника с двухчастным подолом и наспинника. Прямоугольные лопасти подола крепились к нагруднику, как бы продолжая его, и закрывая ноги воина спереди и с боков, до голени включительно (рис. 1, 4, 7–10, 15; 2, 20–21, 23). Усиленная катафракта имела четырехчастный подол. В этом случае лопасти продолжали не только нагрудник, но и наспинник, а их боковые разрезы могли связываться (рис. 1, 1; 2, 22). Весьма часто катафракта дополнялась нарукавьями (рис. 1, 1, 4, 7; 2, 20, 22). Еще один возможный покроей тюркских панцирей – это «халат» (рис. 1, 10). Он кроился из одной части со сплошным вертикальным разрезом впереди и разрезом от крестца до края подола, удерживался на плечах ремнями и шнуровался на груди до пояса. Археологические находки свидетельствуют, что тюрки были знакомы и с кольчатой броней – кольчугами.

Работа с археологическим материалом и моделирование показывают, что тюркские панцири-кирасы без дополнительных деталей весили 4,5–5 кг, простая катафракта (с двухчастным подолом) – до 10 кг, усиленная катафракта (с четырехчастным подолом и нарукавьями) – 16–17 кг. Благодаря подвижному креплению ламеллярные и ламинарные панцири складываются в гармошку, что

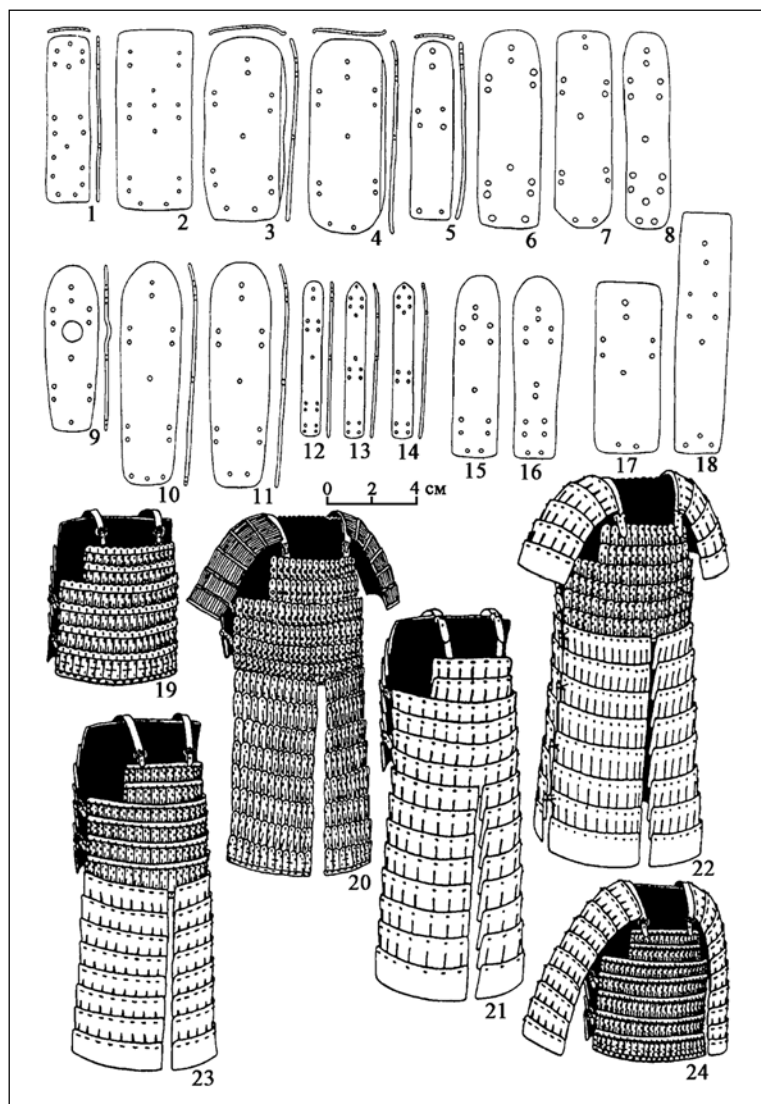

Рис. 2. Панцирные пластины из памятников второй половины V – первой половины VIII вв. и реконструкция тюркских панцирей по находкам и изображениям. 1–5, 9–14 – Горный Алтай, 6–8 – Тува, 15–16 – Монгольский Алтай, 17–18 – Южный Казахстан

делает их достаточно компактными и очень удобно при хранении и транспортировке.

Тюркские шлемы собирались из железных деталей, которые крепились между собой при помощи кожаных ремешков или металлических заклепок. Вещественные находки позволяют представить их конструктивные особенности. Купол шлема мог иметь узкопластинчатую или секторную структуру. В первом случае он составлялся из большого числа относительно узких пластин-полос. Реконструируются экземпляры из 14 (рис. 3, 1–2) и 23 (рис. 3, 3–4) деталей. Во втором случае тулья шлема формировалась из нескольких более широких пластин-секторов. Известен экземпляр из четырех деталей (рис. 3, 8–9). Помимо купола-тульи тюркские шлемы обязательно имели навершия: слабо выделенные уплощенные (рис. 3, 1–5) или конические в виде втулки (рис. 3, 8–10). Часть шлемов по нижнему краю снабжалась обручем с надбровными вырезами и переносом на лицевой стороне (рис. 3, 8–9). Находки и рисунки демонстрируют различные формы шлемов: сферические (рис. 1, 2, 9, 12, 14–15; 3, 1–2), сфероконические (рис. 1, 4, 7–8, 10, 13; 3, 8–9) и яйцевидные (рис. 1, 6, 11; 3, 3–4). Некоторые шлемы украшались плюмажем из перьев (рис. 1, 2, 8–10, 15) или флажков (рис. 1, 4). Для защиты шеи к шлемам крепилась бармица. Она могла быть ламеллярной (рис. 3, 1–2), ламинарной (рис. 1, 7) и кольчужной (рис. 3, 3–4, 6–7). По изображениям также известны боевые наголовья целиком набранные из ламеллярных пластин⁹.

Еще одним средством воинской защиты являются щиты. Один деревянный щит округлой формы диаметром 78 см обнаружен в тюркском погребении VIII–IX вв.¹⁰ Он состоял из пяти досок шириной 15–18 см и толщиной 1 см. Интересно отметить, что на изображениях тюркских воинов щиты отсутствуют. Нет о них упоминаний и в письменных источниках. Это может говорить о довольно позднем появлении данного вида защиты в тюркской паноплии, вероятно, уже после падения каганатов.

Тюрки защищали и своих боевых коней: «Третий раз он атаковал, сев на укрытого [защитной] попоной гнедого коня...»¹¹ Попоны подобно панцирям делались из твердых материалов (железо, кожа) и могли иметь ламеллярную (рис. 1, 1, 3–4), ламинарную (рис. 1, 11) или комбинированную структуру (рис. 1, 7–10). Ламеллярные части попоны набирались из железных пластин, по своим

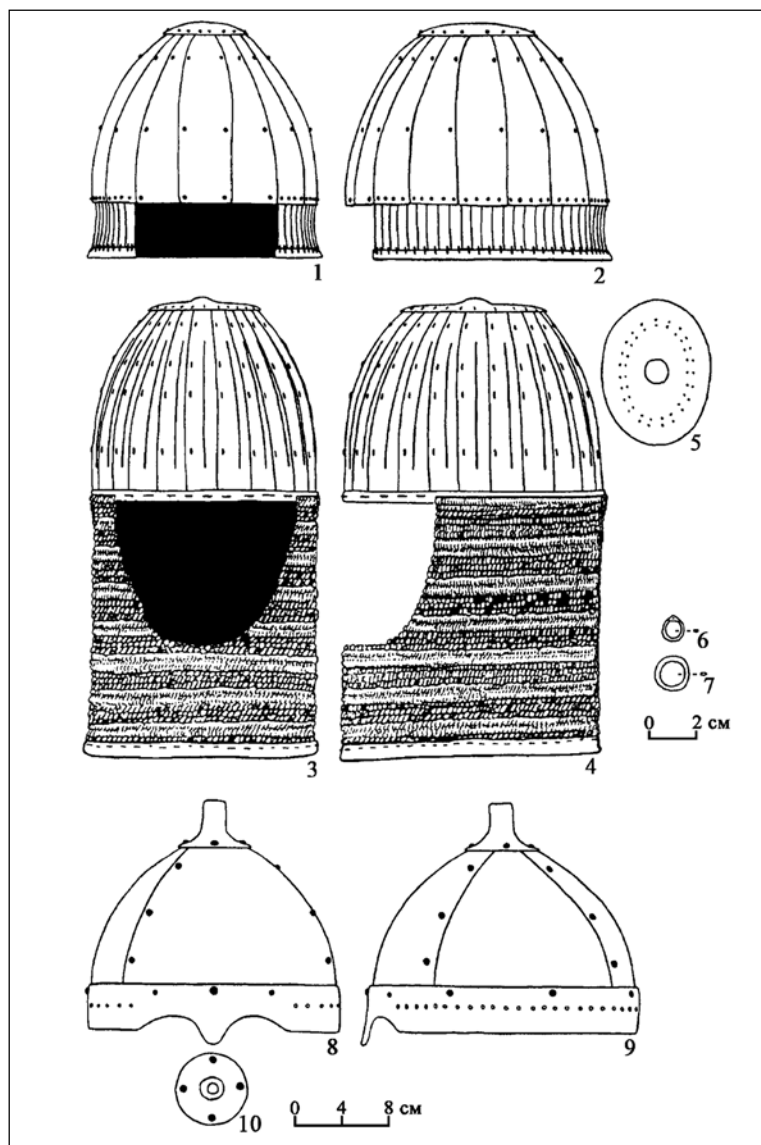

Рис. 3. Тюркские и түргешский шлемы из памятников второй половины V – первой половины VIII вв. (реконструированный вид). 1–7 – Алтай, 8–10 – Кыргызстан

признакам аналогичных панцирным (рис. 4, 1–4). По рисункам реконструируются попоны различного покрова. Одночастные – из одного ламеллярного листа, обернутого вокруг шеи коня – нашейника, закрепленного на гриве, проложенной мягким материалом (рис. 4, 5). Пятичастные – из нашейника, нагрудника, двух боковин и накрупника. Нашейник крепится между своими сторонами через гриву, нагрудник – через гриву и с боковинами, которые пристегнуты между собой сзади, и с накрупником. Структура нашейника ламеллярная (рис. 4, 6) или ламинарная (рис. 4, 8), остальных частей – ламеллярная. Пятичастные – из нашейника-нагрудника, двух боковин, накрупника и задника. Нашейник и нагрудник набраны одним листом, застегнутым через гриву. Нагрудная часть крепится также к боковинам, которые скреплены с задником, а последний с накрупником. Все части ламинарные (рис. 4, 10), четырехчастные – из нашейника-нагрудника, боковин и накрупника. Структура нашейника-нагрудника ламеллярная, остальные части ламинарные (рис. 4, 7) или наоборот (рис. 4, 9).

Головы тюркских коней закрывались твердым доспехом ламеллярной (рис. 1, 1), ламинарной (рис. 1, 4, 11) и цельносоставной (рис. 1, 3, 5, 7, 9–10) структуры. Судить об их конструкции можно только по рисункам. Реконструируются наголовья нескольких покровов. Короткая одночастная маска закрывала голову коня от носа до ушей, имела вырезы для глаз и крепилась затылочным, подбородочным и подгубным ремнями. Набиралась ламеллярным (рис. 4, 6) или ламинарным (рис. 4, 10) способом. Двухчастная короткая полумаска защищала среднюю часть головы лошади и имела ламинарную структуру (рис. 1, 4). Трехчастная короткая маска состояла из налобника и двух нащечников гомогенной структуры. Детали соединялись шарнирами, у глаз были предусмотрены вырезы. Налобник оставлял открытыми уши коня (рис. 4, 8) и в некоторых вариантах ноздри с верхней губой (рис. 4, 5). Трехчастная полная маска максимально закрывала голову лошади. Для защиты ушей были предусмотрены специальные пластины (рис. 4, 7, 9). Некоторые наголовья украшались начельным плюмажем из перьев (рис. 1, 6, 11) или наносным султаном (рис. 1, 9).

Для поражения противника в бою тюркские воины применяли внушительный набор наступательного вооружения. Как и большинство кочевников, они умело пользовались оружием дальнего боя, состоящим из луков и стрел. Тюркские луки по своей конструкции

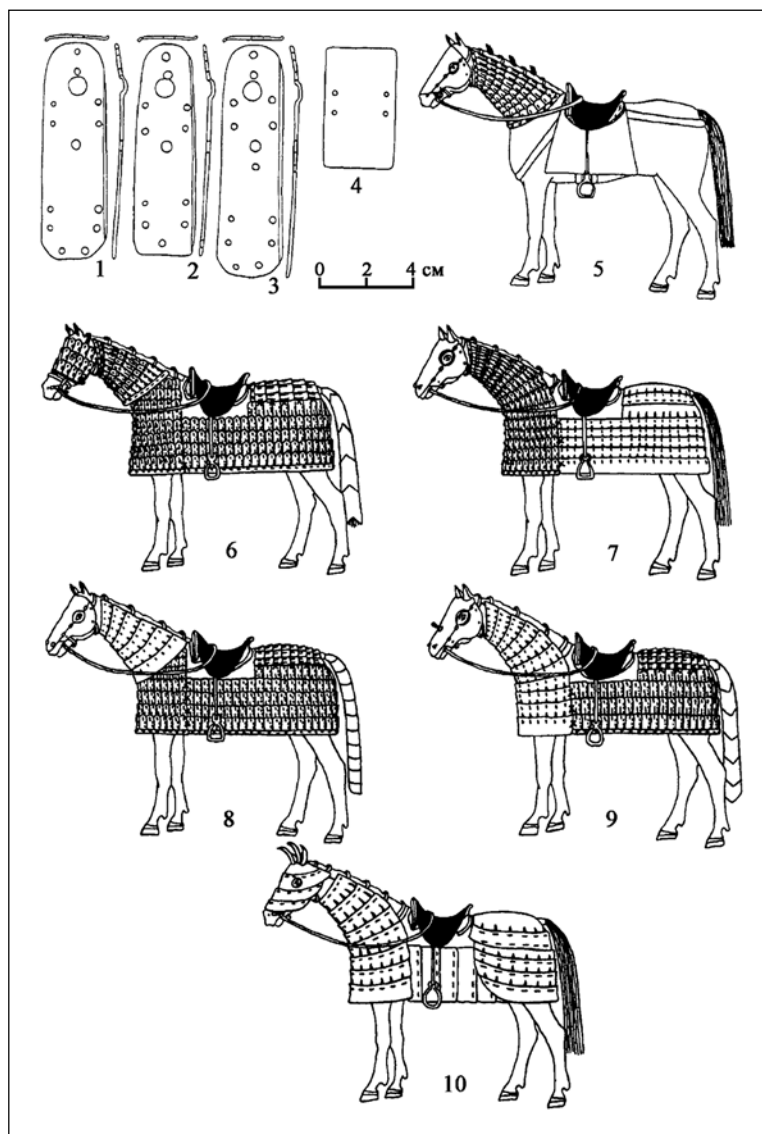

Рис. 4. Пластины защитных попон из памятников второй половины VII – первой половины VIII вв. и реконструкция тюркских конских доспехов по изобразительным источникам. 1–3 – Алтай, 4 – Тува

были сложносоставными. Основа лука – кибить – изготавливалась из двух или трех деревянных деталей, которые склеивались между собой и усиливались накладками из жесткого рога. Дополнительно кибить проклеивалась пучками сухожилий и полосками коры. В археологических памятниках обычно находят комплекты накладок и гораздо реже остатки кибиты. По числу и расположению накладок выделяются разные типы луков. С семью накладками – из трех срединных (две боковые и одна тыльная) на рукоять и четырех концевых (по две боковые) на рога-окончания лука (рис. 5, 1). С шестью накладками – из двух боковых срединных и четырех боковых концевых (рис. 5, 2–3). С шестью накладками – из двух срединных и четырех концевых, из которых две тыльные и две фронтальные (рис. 5, 4). С тремя накладками – из трех срединных (две боковые и одна тыльная) на рукоять лука (рис. 5, 5). С двумя накладками – из двух боковых срединных (рис. 5, 6). Лук со снятой тетивой напоминал букву «С», с надетой – букву «М». Длина тюркских луков со снятой тетивой составляла 120–135 см. Тюрки хранили и носили свои луки в специальных кожаных или матерчатых чехлах – налучьях, которые повторяли форму лука без тетивы (рис. 1, 1–2, 6–7, 11). Налучья пристегивались к стрелковому поясу одним ремешком и носились воином с левой (рис. 1, 1, 11) или, реже, с правой (рис. 1, 7) стороны.

Снарядами лука являются стрелы. Их находки особенно часты в археологических памятниках. От самой стрелы, как правило, сохраняются наконечники, иногда древки и ушки. Древки тюркских стрел длиной 70–75 см, делались в основном из березы и имели «сигарообразную» форму, с небольшим утолщением тела в середине. Нижняя часть древка – ушко, снабжалась вильчатым вырезом для фиксации тетивы. Иногда она изготавливалась отдельно из кости и надевалась на древко (рис. 5, 51). Очень разнообразен набор тюркских наконечников стрел. Боевые наконечники выковывались из железа и состояли из черешкового насада, пера и упора между ними. По сечению пера наконечники делятся на трехлопастные (рис. 5, 9–37), трехгранно-трехлопастные (рис. 5, 38–39), треугольные (рис. 5, 40–42), ромбовидные (рис. 5, 43–46), квадратные (рис. 5, 47–48), однолопастные (рис. 5, 49) и двухлопастные (рис. 5, 50). Первые и последние предназначались для поражения незащищенных или слабо защищенных мест, а остальные являлись бронебойными. В тюркских стрелковых наборах преобладали

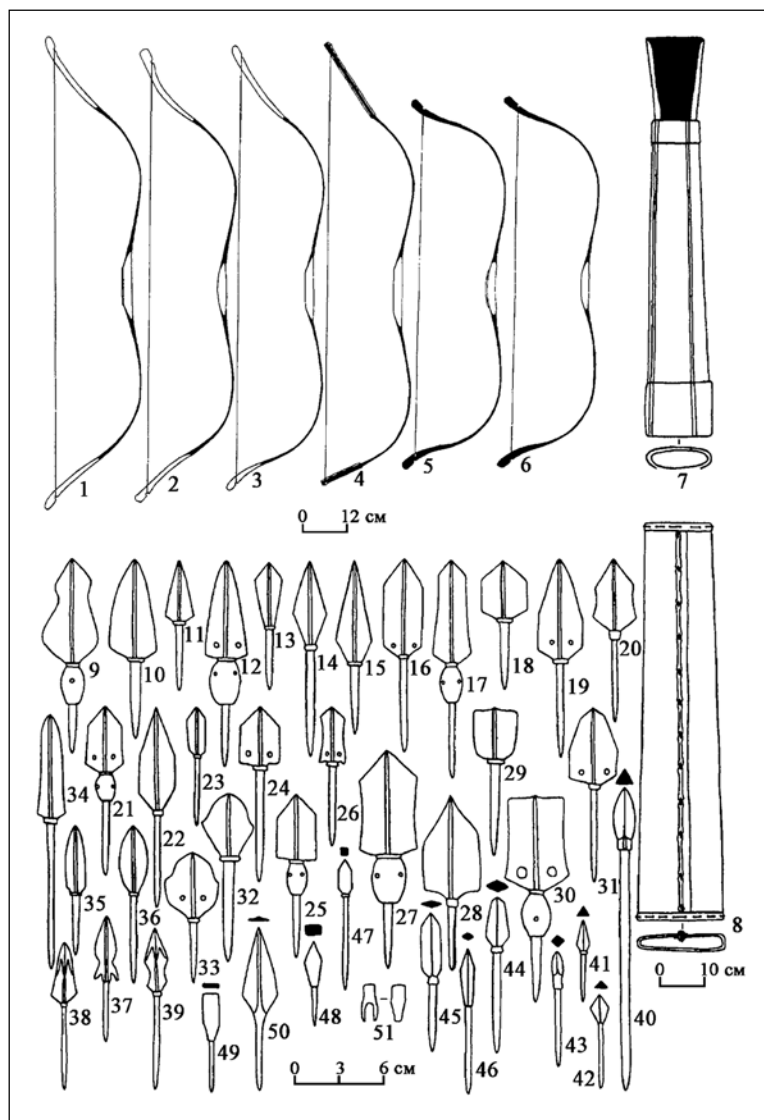

Рис. 5. Оружие дальнего боя из тюркских памятников Алтая второй половины V – первой половины IX вв. 1–6 – сложносоставные луки, 7–8 – колчаны, 9–50 – наконечники стрел, 51 – ушко стрелы

трехлопастные экземпляры. Удельный вес бронебойных наконечников был небольшим. Трехгранно-трехлопастные наконечники не характерны для тюрков и появляются у них после падения каганатов. Форма пера наконечников также самая разная. В ранних памятниках тюрков еще встречаются наконечники с ярусным и ассиметричноромбическим пером (рис. 5, 9, 13) – наследие эпохи «великого переселения народов». Наиболее распространены были наконечники с пером треугольной (рис. 5, 10–12, 38, 41), ромбической (рис. 5, 14, 42, 48), вытянуторомбической (рис. 5, 15, 50), шестиугольной (рис. 5, 16–23, 31, 39, 44–45, 47), пятиугольной (рис. 5, 24–28, 46, 49), килевидной (рис. 5, 34–35, 43) и листовидной (рис. 5, 36–37, 40) формы. Наконечники с четырехугольным (рис. 5, 29–30) и секторным (рис. 5, 32–33) пером использовались только в период первых каганатов. Около трети трехлопастных наконечников имели у основания лопастей круглые вырезы (рис. 5, 12, 16, 19, 21, 24, 26, 30–31, 33). Примерно в этой же пропорции они снабжались костяными шариками с тремя отверстиями – свистунками (рис. 5, 9, 12, 17, 21, 25, 27, 30). Хранились и носились тюркские стрелы в специальных футлярах трапециевидной формы – колчанах. Они делались из бересты, укрепленной и украшенной деревянными и костяными накладками. Конструктивно выделяются колчаны с ровным верхом (рис. 1, 12; 5, 8) и с карманом (рис. 1, 11; 5, 7). Колчаны пристегивались к стрелковому поясу двумя ремешками и носились воином с правой стороны (рис. 1, 11–12). Полный футляр вмещал 15–20 стрел.

Судя по руническим текстам, главную роль в бою у тюрков играло оружие таранного удара – копьё. Ими вооружена большая часть конных воинов на рисунках. Копья имели деревянные древки длиной до 4 м. В позиции перед атакой воины держат копьё одной рукой в приподнятом положении (рис. 1, 8–10). Во время атаки копьё держат двумя руками в наклонном положении (рис. 1, 1–2, 6). В погребениях и поминальниках тюрков встречаются железные наконечники копий. Они состоят из боевой части – пера и втульчатого насада. Выделяются экземпляры с длинной втулкой и шестиугольным пером линзовидного сечения (рис. 6, 7) и наконечники с втулкой, равновеликой килевидному перу ромбовидного сечения (рис. 6, 8). Длина наконечников копий составляла 20–25 см.

В тюркский набор оружия ближнего боя входили мечи, сабли, кинжалы, боевые ножи и топоры. Мечи предназначались для нанесения

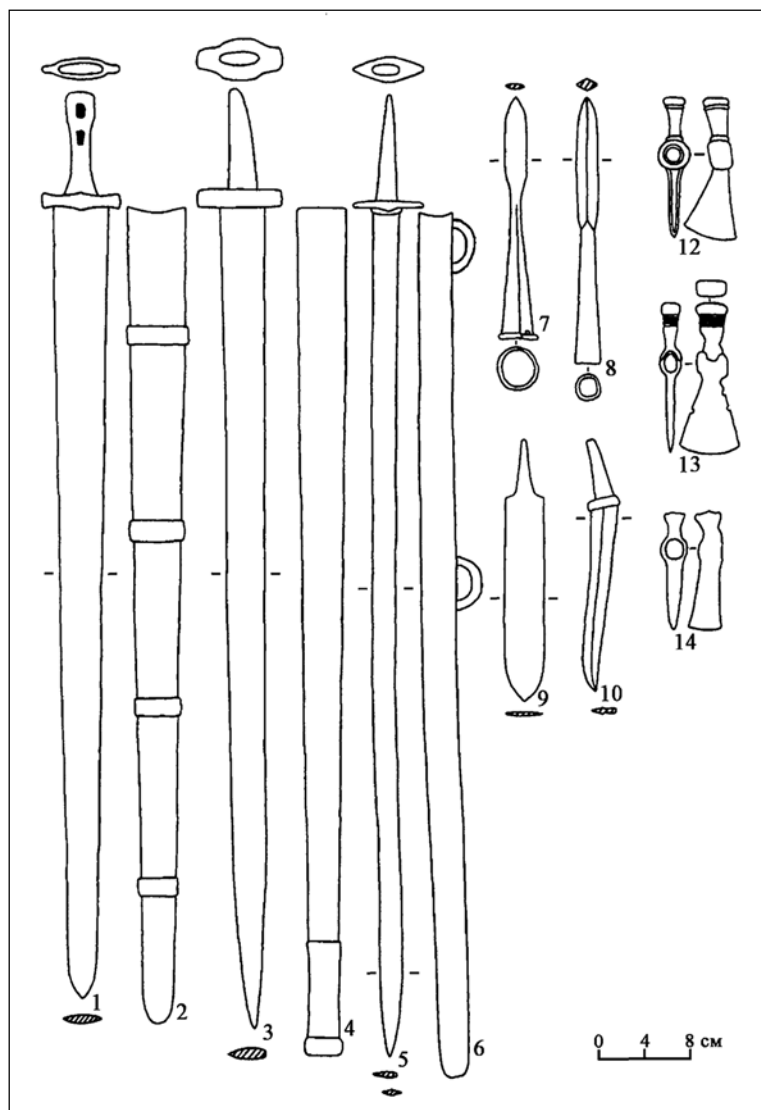

Рис. 6. Оружие таранного удара и ближнего боя из тюркских памятников Алтая второй половины V – первой половины IX вв. 1–4 – мечи и ножи, 5–6 – сабля и ножи, 7–8 – наконечники копий, 9 – кинжал, 10 – боевой нож, 12–14 – боевые топоры

рубяще-колющего удара. Тюркские экземпляры могли иметь двухлезвийный клинок линзовидного сечения, прямой черен со штырями для крепления обкладки рукояти, крестовидное напускное перекрестие (рис. 6, 1). Более часто использовались мечи с однолезвийным клинком (его конец мог быть обоюдоострым) килевидного сечения, с слегка наклонным в сторону лезвия череном и напускным прямоугольным перекрестием (рис. 6, 3). В середине VII в. у тюрков появляются первые слабоизогнутые сабли. Прогиб спинки клинка составлял всего 4–5 мм. Тем не менее, это придавало оружию еще и режущую функцию. Известные экземпляры сабель имеют полуторалезвийный клинок ромбовидного сечения на окончании, черен, слегка наклонный в сторону спинки, и узкое напускное перекрестие (рис. 6, 5). Длина тюркских мечей и сабель (без учета полной рукояти) составляла 80–85 см, из них на клинок приходилось 70–75 см. Носились мечи и сабли в деревянных ножнах, обтянутых тонкой кожей, тканью или обклеенных полосками бересты. Ножны могли скрепляться железными обоймами (рис. 6, 2), серебряными наконечниками с бутеролью (рис. 6, 4) и иметь железные петли для портупейных ремней (рис. 6, 6). Они пристегивались двумя ремешками к основному поясу и носились воином обычно на левом боку.

Кинжалы и боевые ножи являлись дополнительным оружием колющего и режущего действия. В правильном бою они почти не применялись, но, как свидетельствуют письменные источники и изображения на изваяниях, были обязательным атрибутом воинской экипировки. Кинжалам присущ двухлезвийный клинок, длиной 18 см, уплощенно-линзовидного сечения, с прямым череном (рис. 6, 9). Боевые ножи отличал однолезвийный клинок, длиной 16,5 см, пятиугольного сечения с гранями-долами, и наклонный в сторону лезвия черен (рис. 6, 10). Все это оружие носилось в ножнах, подвешенных двумя ремешками к основному поясу рядом с мечом (саблей).

Боевые топоры обладали ударно-рубящей функцией. У тюрков они зафиксированы с середины VII в. Топоры имели небольшие размеры: общая длина 11–13,5 см, длина клинка 6–7 см. Все экземпляры снабжены молотковидным обухом со шляпкой, округлым слабо выделенным проухом и клинком трапецевидной формы со слегка выпуклым лезвием (рис. 6, 12–14). Встречаются изделия с декоративной отделкой в виде полукруглых вырезов на клинке,

желобков и валиков на обухе (рис. 6, 12–13). Боевые топоры насаживались на деревянную рукоять длиной не менее 70 см.

Состав тюркских наборов вооружения в археологических памятниках, данные иконографии и нарративных источников позволяют выделить у тюрков тяжелую, среднюю и легкую конницу. Набор тяжелой конницы обязательно включал воинский доспех из шлема и панциря, конский доспех из попоны и наголовья, длинное копьё и меч или саблю, боевой топор. Весьма часто он дополнялся луком и стрелами. В набор средней конницы входил воинский доспех, копьё, длинноклинковое и древковое оружие ближнего боя, лук и стрелы. Легкая конница оснащалась в основном лишь стрелковым оружием. Кинжалы и боевые ножи могли дополнять основную экипировку всех воинов.

Тюркский комплекс вооружения сложился на основе сяньбийской военной традиции. Ранее всего (между 460–552) он формируется на Алтае и уже отсюда распространяется на ряд сопредельных и более отдаленных территорий, которые входили в состав Тюркских каганатов (552–744) и которые заселили тюркские племена. Многие элементы тюркского вооружения были восприняты кочевыми и оседлыми народами в результате военных, этнических и культурных контактов¹².

Тактика тюркского войска базировалась на согласованном применении различных родов конницы. Главную роль на поле боя играли отряды тяжело и средневооруженных всадников. Они образовывали плотно сомкнутый строй конной «фаланги», задачей которой являлся таранный удар с целью прорвать (опрокинуть) боевые порядки врага. Именно такая конница решала в эпоху средневековья исход основных полевых сражений, и от ее удельного веса в войске зависела его боеспособность. Мощь таранного удара достигалась глубиной построения и набранным разбегом. Сама конная «фаланга» во время сближения представляла прекрасную мишень для стрелковых подразделений противника. Поэтому успех атаки зависел от степени защищенности всадников и их коней, особенно в первых шеренгах. Лучше всего для этой тактики подходила тяжеловооруженная конница.

На Алтае первые элементы вооружения тяжелого всадника появляются еще в дотюркский период (вторая половина IV в.). Однако окончательно ситуация изменилась благодаря переселению на Алтай племени ашина в 460 г. и созданию здесь собственной

металлургической базы, сделавшей производство тяжелого вооружения более массовым. Ашина, видимо, были хорошо знакомы и с правилами применения тяжелой конницы, учитывая их связь с поздними хуннскими и сяньбийскими государствами. К моменту вступления тюрков в борьбу за гегемонию в Центральной Азии (552) они уже имели армию, укомплектованную значительным числом тяжелых всадников (рис. 7).

Большинство тюркских петроглифов с военными сценами изображают именно тяжеловооруженных конников (рис. 1, 1–10). В китайских письменных источниках такая конница называется «отборной», «лучшей» или «тху-ки» – врубаящаяся конница¹³. Главным тактическим приемом тяжелой конницы был таранный удар копыями. Именно копыями вооружены тюрки в сюжетах сражений (рис. 1, 1–2, 6, 8–10), и всего один раз всадник стреляет из лука (рис. 1, 11). Атаки такой конницы ярко описаны в тюркских рунических текстах. Первая фаза – это обстрел из луков при сближении с противником: «Одного мужа он поразил стрелою»¹⁴. Вторая фаза – таранный удар: «Двух мужей заколол (копьем) одного после другого», «двух мужей он заколол (копьем) одного за другим»; «шесть мужей он заколол», «заколол одного мужа»; «переколол (нескольких врагов)»; «двух мужей он заколол»; «заколол девять мужей»; «проложили (путь) копыями»; «пронзил»; «пронзил трех мужей»¹⁵. Третья фаза заключалась в

Рис. 7. Тюркский тяжеловооруженный всадник VI в. н.э. Реконструкция В.В. Горбунова, рис. Г.Л. Нехведавичюса

копыями вооружены тюрки в сюжетах сражений (рис. 1, 1–2, 6, 8–10), и всего один раз всадник стреляет из лука (рис. 1, 11). Атаки такой конницы ярко описаны в тюркских рунических текстах. Первая фаза – это обстрел из луков при сближении с противником: «Одного мужа он поразил стрелою»¹⁴. Вторая фаза – таранный удар: «Двух мужей заколол (копьем) одного после другого», «двух мужей он заколол (копьем) одного за другим»; «шесть мужей он заколол», «заколол одного мужа»; «переколол (нескольких врагов)»; «двух мужей он заколол»; «заколол девять мужей»; «проложили (путь) копыями»; «пронзил»; «пронзил трех мужей»¹⁵. Третья фаза заключалась в

рукопашной схватке верхом: «В свалке он порубил мечом седьмого», чаще всего она являлась добиванием врага, когда рубили бегущих: «Девять человек он убил при преследовании»¹⁶.

Вспомогательную, но важную роль в тюркской армии играла легковооруженная конница. Взаимодействие тяжелой (средней) конницы с крупными контингентами легких всадников являлось основным принципом кочевнической тактики. В эпоху Тюркских каганатов значительная часть легкой конницы формировалась из зависимых и покоренных племен. Они составляли самостоятельные подразделения конных лучников, в задачу которых входила завязка сражения, обеспечение флангов, прикрытие перестроения, действие в тылу, дальнейшее преследование¹⁷.

Тактическое построение тюркской армии на поле боя соответствовало ее организационному делению на три части: центр и два крыла. Эти особенности отразились на восприятии тюрков противниками. Например, уйгурские тексты называют их «трехзнаменным (трехбунчужным) тюркским народом»¹⁸. Отряды тяжелой и средней конницы образовывали центр боевых порядков, а легкая конница прикрывала фланги. Из ее состава выделялся авангард: «Ханы неожиданно с 10 000 конницы подъехали; выстроились при Ву-лун-бань, и несколько сот конников выступили для завязки сражения»¹⁹. Очевидно, данное построение: центр, два фланга, авангард повторялось в каждой части тюркского войска, т. е. в центре и на крыльях.

Сражение начинали авангарды легкой конницы, которые обстреливали противника на дальней дистанции в рассыпном строю. Под их прикрытием на нужную дистанцию для удара выдвигались отряды тяжелой конницы, обеспеченные с флангов подразделениями легких лучников. Передовые отряды отходили к ним, уступая место копейщикам. Последние в сомкнутом строю атаковали врага. В момент сближения весь фронт вел обстрел противника. Войдя в соприкосновение, копейщики наносили по нему таранный удар. Если он был успешен и боевые порядки врага ломались, то легкие лучники стремились охватить их фланги и выйти в тыл. Если атака была отбита, легкая конница выдвигалась вперед, обстрелом прикрывая отход ударных частей. Под этой завесой копейщики перестраивались, и атака повторялась снова по той же схеме. Повторные атаки тюркской конницы неоднократно отмечены в письменных источниках²⁰. Иногда тяжелая конница использовалась тюрками

не только для фронтальных атак, но и при фланговом или тыловом маневре, как, например, это было в битве с сирами (сеяньто) на реке Ночжень в 641 г.²¹ Тюркская тактика конного боя носила ярко выраженный наступательный характер.

Письменные сообщения и рисунки фиксируют у тюрков и пехоту, но значения самостоятельного рода войск она не имела. Пеший строй мог использоваться по обстоятельствам. Изображения тюркских пехотинцев немногочисленны (рис. 1, 12–15), причем они почти всегда действуют вместе с конницей. На воинах показаны панцири и шлемы, что говорит либо о тяжелой пехоте, либо о спешенных всадниках. Рунические тексты тюрков редко упоминают пехоту: «Кюль-Тегин в пешем строю бросился в атаку», «Две части из них были всадниками, а одна часть из них была пехотой»²². В оценке тюркской пехоты интересно мнение противника. Уч-огузы, планируя сражение с Бильге-каганом, думали, что тюрки «пешие (без лошадей) слабы к бою», но тюрки выиграли битву²³. Здесь мы видим свидетельство того, что тюркское войско воспринималось и ценилось как конное, но, будучи профессионалами, тюрки с успехом могли применять и пеший строй.

На эволюцию тюркского вооружения и тактики сильное влияние оказало противостояние Китаю с его огромными людскими и техническими ресурсами, основную часть войск которого составляла пехота, снабженная арбалетами и мощным длиннодревковым оружием. Численное соотношение войск всегда было не в пользу кочевников. Это во многом определяло необходимость массового использования тяжеловооруженной конницы с ее таранным ударом, чтобы одерживать победы в неравных условиях. Наличие типологически разнообразных средств защиты (особенно конского доспеха) и нападения позволило тюркам увеличить число тяжеловооруженных всадников. На какое-то время их конные «фаланги» стали непобедимыми, что привело к быстрому покорению большей части евразийских степей.

¹ Гумилев Л.Н. Статуэтки воинов из Туяк-Мазара // СМАЭ. М.; Л., 1949. Т. XII. С. 232–253.

² Новгородова Э.А., Горелик М.В. Наскальные изображения тяжеловооруженных воинов с Монгольского Алтая // Древний Восток и античный мир. М., 1980. С. 101–112.

- ³ Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X веках. Свердловск, 1990. 223 с.; Худяков Ю.С. Древние тюрки на Енисее. Новосибирск, 2004. 152 с.; Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш. Древние тюрки на Тянь-Шане. Новосибирск, 2009. 292 с.
- ⁴ Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986. 268 с.
- ⁵ Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. I: Оборонительное вооружение (доспех). Барнаул, 2003. 174 с.; Его же. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул, 2006. 232 с.
- ⁶ Лю Маоцай. Сведения о древних тюрках в средневековых китайских источниках // Бюллетень Общества востоковедов. М., 2002. Прил. 1. С. 19–20, 37.
- ⁷ Тугушева Л.Ю. Тюркские рунические письменные памятники из Монголии. М., 2008. С. 131, 136, 140, 150.
- ⁸ Суразаков А.С., Тишкин А.А., Шелепова Е.В. Археологический комплекс Котыр-Тас на Алтае. Барнаул, 2008. С. 38–39, рис. 25.
- ⁹ Горбунов В.В. Тяжеловооруженная конница древних тюрков (по материалам наскальных рисунков Горного Алтая) // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул, 1998. С. 107, рис. 3.-2.
- ¹⁰ Овчинникова Б.Б. Указ. соч. С. 83, рис. 39.-1.
- ¹¹ Тугушева Л.Ю. Указ. соч. С. 44.
- ¹² Горбунов В.В. Наследие Тюркских каганатов в военном деле средневековых кочевников евразийских степей // Форум «Идель – Алтай». Мат. науч.-практ. конф. «Идель – Алтай: истоки евразийской цивилизации», I Межд. конгресса средневековой археологии евразийских степей. Казань, 2009. С. 74–76.
- ¹³ Бичурин Н.Я. (Иакинф) Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950. Т. I. С. 272, 341.
- ¹⁴ Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. М.; Л., 1951. С. 41.
- ¹⁵ Там же С. 41–42, 67; Его же. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л., 1959. С. 28–29.
- ¹⁶ Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. С. 42.
- ¹⁷ Бичурин Н.Я. Указ. соч. С. 215, 250, 301.
- ¹⁸ Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии... С. 39, 43.
- ¹⁹ Бичурин Н.Я. Указ. соч. С. 250.
- ²⁰ Там же. С. 291, 341; Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. С. 40–41.
- ²¹ Бичурин Н.Я. Указ. соч. С. 341.
- ²² Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. С. 40, 65.
- ²³ Его же. Памятники древнетюркской письменности Монголии... С. 21.

О.В. Григорьев (Новосибирск)

ГЕНЕРАЛ-АУДИТОРЫ РОССИИ XIX ВЕКА: ОПЫТ КОЛЛЕКТИВНОГО ПОРТРЕТА

К ЧИСЛУ исследуемых сторон жизни русского общества минувших веков, актуальность изучения которых в наши дни не вызывает сомнений, следует отнести вопрос о персональном составе органов государственной власти. Совершенно очевидно, что без выявления тенденций проводившейся верховной властью кадровой политики невозможно составить целостного представления ни об эволюции отечественной системы управления, ни о путях развития государственной службы. Особый интерес в этой связи представляет военно-судебная система – важный сегмент государственного аппарата России, сформировавшийся в первой четверти XVIII в.

Вопрос о кадровом обеспечении органов российской военной юстиции XIX в. следует на сегодня признать изученным крайне слабо. Более того, отсутствуют специальные работы, посвященные даже руководящему составу военно-судебного ведомства. Настоящая работа являет собой первую попытку обрисовать коллективный портрет генерал-аудиторов России 1800-х – 1860-х гг.

Для начала необходимо вспомнить, что сама должность генерал-аудитора (руководителя аудиторской службы вооруженных сил) появилась в нашей стране в 1710-е гг. в ходе проведения военно-судебной реформы Петра I. С 1719 г. генерал-аудитор состоял при Военной коллегии, в структуре которой было создано Аудиторское поветье (с 1763 г. Аудиторская экспедиция). В январе 1797 г. Аудиторская экспедиция была ликвидирована, а вместо нее при Военной коллегии учрежден Генерал-аудиториат, возглавлял который, однако, по-прежнему генерал-аудитор¹. В сентябре 1805 г.

Генерал-аудиториат получил статус коллегии и, тем самым, обрел ведомственную самостоятельность. В свою очередь, должность генерал-аудитора оказалась совмещена с должностью президента Генерал-аудиториата². Самостоятельность Генерал-аудиториата продолжилась, впрочем, недолго.

Уже в январе 1812 г. с введением в действие «Учреждения Военного министерства» Генерал-аудиториат был реорганизован в Аудиториатский департамент Военного министерства. С этого момента должность генерал-аудитора стала совмещаться с должностью директора Аудиториатского департамента. Аудиториатский департамент просуществовал (при некоторых изменениях внутренней структуры и внутриведомственной подчиненности) до марта 1867 г., когда в связи с введением новых штатов Военного министерства (и в самом преддверии второй российской военно-судебной реформы) он был преобразован в Главное военно-судное управление министерства³ под началом, по-прежнему, генерал-аудитора. Наконец, высочайшим приказом от 1 сентября 1867 г. должность генерал-аудитора подверглась упразднению, а вместо нее была введена должность главного военного прокурора, аналогично совмещенная с должностью начальника Главного военно-судного управления⁴.

Согласно данным, приведенным в литературе, на протяжении 1800–1867 гг. должность генерал-аудитора занимали последовательно семь человек: С.И. Салагов, С.Ф. Панов, И.С. Булычев, И.М. Милованов, А.И. Ноинский, И.Д. Якобсон, В.Д. Философов (ставший затем первым главным военным прокурором России). Дольше всех в означенной должности состоял Ноинский (23 года), менее всех – Якобсон (три года). Средний срок пребывания в должности генерал-аудитора (исключая из подсчета Философова, продолжившего руководить реорганизованным военно-судебным ведомством) составил девять лет.

Коллективный портрет наименованных выше лиц представляется целесообразным выстроить посредством учета семи параметров: этническое происхождение, социальное происхождение, образовательный уровень, общий стаж работы, стаж работы по юридической специальности (до назначения на должность генерал-аудитора), стаж пребывания на строевой службе (включая участие в боевых действиях), возраст в момент определения на должность генерал-аудитора. Исходя из биографических сведений о названных лицах, помещенных, прежде всего, в трудах И.А. Шендзиковского,

С.А. Друцкого, С.Л. Иванова, Ю.М. Панова и Н.М. Затворницкого⁵, картина вырисовалась следующая.

По этническому происхождению четверо генерал-аудиторов (С.Ф. Панов, И.С. Бульчев, И.М. Милованов, В.Д. Философов) являлись русскими (57 % генерал-аудиторского корпуса). С.И. Салагов родился в Грузии⁶ (по некоторым сведениям, он был армянином), И.Д. Якобсон – в Дании. А.И. Ноинский происходил, судя по всему, из поляков.

По социальному происхождению четверо генерал-аудиторов (С.И. Салагов, И.С. Бульчев, А.И. Ноинский, В.Д. Философов) были из дворян (57 %). При этом Семен Салагов носил родовой княжеский титул⁷. С.Ф. Панов происходил из «солдатских детей», И.М. Милованов – из духовенства. Остается неясным социальное происхождение И.Д. Якобсона, но, по всей вероятности, он не был дворянином.

По возрастному показателю ситуация наблюдалась следующая. Большая часть характеризуемых лиц заняла должность генерал-аудитора в возрасте 50 лет и старше: С.Ф. Панов в 55 лет, И.С. Бульчев в 60 лет, И.М. Милованов в 58 лет, А.И. Ноинский в 50 лет, И.Д. Якобсон в 53 года (71 % генерал-аудиторского корпуса). С.И. Салагов возглавил военно-судебное ведомство в 46 лет, В.Д. Философов – и вовсе в 36 лет. Средний возраст назначения на должность генерал-аудитора составил 51 год.

Ко времени назначения на должность генерал-аудитора большинство вышеназванных лиц имели стаж пребывания на государственной службе (военной и гражданской) более 30 лет: Бульчев – 45 лет, Милованов – 41 год, Панов и Якобсон – 39 лет, Ноинский – 35 лет (71 %). Лишь Салагов стал генерал-аудитором после 29 лет службы, а Философов – после 14. Средний общий стаж предшествующей службы генерал-аудиторов составил 34,5 года. Примечательно, что пятеро будущих генерал-аудиторов начали государственную службу либо с низших чинов в армии (С.Ф. Панов, И.С. Бульчев), либо с низших канцелярских должностей (И.М. Милованов, А.И. Ноинский, И.Д. Якобсон) (71 % генерал-аудиторского корпуса).

Переходя к рассмотрению образовательного уровня генерал-аудиторов, следует оговорить, что в российской армии аудиторы изначально представляли собой, по верному суждению М.П. Розенгейма, «юридический элемент нового военного суда»⁸. Неслучайно,

уже согласно ст. 7 гл. 1-й «Краткого изображения процессов или судебных тяжб» 1715 г. (сохранявшего юридическую силу до 1812–1839 гг.), именно к аудиторам были предъявлены первые в истории отечественного государства и права квалификационные требования о подготовленности в области юриспруденции: «...*Надлежит оным [аудиторам] добрым быть юристам*»⁹. Учитывая, что в компетенцию Генерал-аудиториата и Аудиториатского департамента входило как осуществление военно-судебного управления, так и отправление правосудия, необходимость для генерал-аудиторов обладать специальной юридической подготовкой являлась очевидной.

Между тем, с профильной образовательной подготовленностью генерал-аудиторов России XIX в. ситуация сложилась в большей мере неблагоприятная. Из всех генерал-аудиторов базовое юридическое образование бесспорно имел единственно В.Д. Философов, окончивший Императорское училище правоведения (14 %). Есть также сведения об обучении в Санкт-Петербургском университете И.Д. Яковсона¹⁰, но профиль этого обучения неизвестен. И.М. Милованов, вероятно, окончил Тульскую духовную семинарию. Остальные генерал-аудиторы какого-либо систематического образования, насколько возможно понять, не получили.

Однако для описываемого периода отсутствие у должностного лица судебного ведомства базовой юридической подготовки могло быть компенсировано наличием у него опыта работы по юридической специальности, что позволяло приобрести познания в действующем законодательстве, овладеть навыками практического законоведения. Следует констатировать, что подобный опыт имели почти все генерал-аудиторы России XIX в. – за исключением Яковсона (86 % генерал-аудиторского корпуса). Другое дело, что соответствующий опыт Салагова, Панова и Милованова был невелик (хотя и связан с военной юстицией): Семен Салагов и Иван Милованов по несколько лет прослужили обер-аудиторами, а Семен Панов непродолжительное время возглавлял походный аудиториат при действующей армии.

Зато внушительным опытом работы по юридической специальности (полученным, правда, в гражданских судебных и административных органах, а также в прокуратуре) обладали Философов и особенно Булычев и Ноинский. Иван Булычев на протяжении 18 лет последовательно занимал должности стряпчего Пермской верхней

расправы, ассессора Тобольской гражданской палаты, прокурора Тобольского губернского магистрата, обер-прокурора временного Межевого департамента Сената. Адам Ноинский успел до назначения генерал-аудитором отработать три года в Римско-католическом департаменте Юстиц-коллегии, два года – во временном Апелляционном департаменте Сената, семь лет – в Министерстве юстиции и три года – в должности прокурора Воронежской губернии. Владимир Философов три года прослужил начальником отделения в департаменте Министерства юстиции и четыре года – в генерал-прокуратуре Сената.

Между тем, для эффективного исполнения служебных обязанностей руководящим должностным лицам военно-судебного ведомства было недостаточно обладать юридической подготовкой и опытом работы по юридической специальности. В силу специфики дел, подведомственных органам военной юстиции, руководители ведомства должны были также иметь глубокое представление об организации и функционировании вооруженных сил, об их боевом применении, об особенностях уклада жизни военнослужащих в мирное и военное время. Такое представление было возможно приобрести только при наличии собственного опыта строевой службы (желательно на офицерских должностях).

Однако со строевым опытом генерал-аудиторов ситуация оказалась заметно хуже, нежели с их опытом работы по юридической специальности. Строевой опыт имели Салагов, Панов, Бульчев, Милованов (57 %). Наиболее значительным стажем строевой службы обладал Семен Салагов, прошедший в войсках 29 лет (включая период пребывания в должности обер-аудитора) и прошедший путь от подпрапорщика до генерал-майора и командира гвардии Гусарского полка. Семен Панов 10 лет провел на должностях рядового и сержантского состава в Инженерном корпусе и в Штабе генерал-фельдцейхмейстера. Иван Бульчев девять лет прослужил в Черниговском гренадерском полку, Иван Милованов – четыре года на офицерских должностях в Малороссийском гренадерском полку.

Что же касается опыта непосредственного участия в боевых действиях (без которого любому аудитору было бы затруднительно разбирать дела по обвинению военнослужащих в преступлениях, совершенных в боевой обстановке), то таковым бесспорно обладал единственно С.И. Салагов (14 % генерал-аудиторского корпуса). До назначения генерал-аудитором Семен Салагов успел повоевать

на Русско-турецких войнах 1768–1774 гг. и 1786–1791 гг., на Русско-шведской войне 1788–1790 гг. В сентябре 1788 г. при осаде крепости Хотин именно Салагов успешно провел с турецким командованием переговоры о капитуляции, за что был произведен в подполковники.

Таким образом, завершая коллективный портрет, необходимо констатировать, что должность генерал-аудитора в 1800–1867 гг. занимали исключительно неродовитые, преимущественно немолодые лица, большинство из которых имели более чем 30-летний предшествующий стаж пребывания на государственной службе и значительный опыт работы по юридической специальности. При этом опыт предшествующей службы генерал-аудиторов сводился по большей части к работе не в войсках, а в различных подразделениях центрального аппарата и в территориальных органах военного и судебного ведомств и прокуратуры. К числу объективных недостатков генерал-аудиторского корпуса России XIX в. следует отнести недостаточность в его составе лиц, имевших, во-первых, базовое юридическое образование, во-вторых, значительный опыт строевой службы в вооруженных силах и, в-третьих, опыт участия в боевых действиях.

Остается добавить, что несоответствие каким-то формальным критериям отнюдь не означало, что соответствующее должностное лицо заведомо неэффективно исполняло свои обязанности. Так, ни дня не служивший на строевых должностях и не имевший непосредственного опыта работы по юридической специальности И.Д. Якобсон сумел многое предпринять для улучшения функционирования военно-судебной системы (особенно в направлении сокращения телесных наказаний для военнослужащих), а также для противодействия взяточничеству в органах военной юстиции¹¹. Еще более выдающимся руководителем военно-судебного ведомства явился аналогично не имевший опыта строевой службы В.Д. Философов, самый молодой генерал-аудитор России XIX в.

Как уже упоминалось выше, В.Д. Философов окончил в 1841 г. Императорское училище правоведения – первое в отечественной истории специализированное учебное заведение для подготовки юристов высшей квалификации. Но дело было не только в высоком уровне получаемой в училище профессиональной подготовки. Помимо знаний, студентам прививались высокие моральные стандарты профессии, представление о юристе как о правозащитнике.

Неслучайно осведомленный современник назвал выпускников училища 1840-х гг. «доблестной молодой дружиной “рыцарей права”», которые пошли «на смелый бой с вековыми язвами дореформенного строя – взяточничеством, буквоедством и бюрократическим произволом»¹².

Неудивительно, что выпускники Императорского училища правоведения сыграли огромную роль в подготовке и проведении реформ Александра II (особенно крестьянской и судебной), заняв впоследствии высокие посты в преобразованном государственном аппарате России. Достаточно сказать, что из 21 студента второго выпуска (к которому принадлежал В.Д. Философов) шестеро стали в 1860-е – 1870-е гг. сенаторами в реформированном Правительствующем Сенате¹³. Принадлежавший к этой среде Владимир Философов проявил себя как выдающийся правовед и администратор, внося огромный вклад как в подготовку и проведение масштабной военно-судебной реформы 1867 г., так и в отлаживание работы преобразованной военно-судебной системы России.

В январе 1881 г., незадолго отставки Философова с государственной службы, судьи Главного военного суда так резюмировали итоги его 25-летней деятельности как генерал-аудитора и главного военного прокурора: «Состоявшееся преобразование [военно-судебная реформа], имевшее задачей обставить суд большими гарантиями законности, и в то же время не ослабляя власти военного начальства... нашло в тайном советнике Философове знающего и опытного главного военного прокурора, сумевшего вверенное ему новое военно-судное дело поставить в положение, приобретшее этому учреждению уважение и доверие»¹⁴. Таковы дополнительные штрихи к коллективному портрету генерал-аудиторов России XIX в.

¹ Карпеев И.В. Генерал-аудиториат // Государственность России (конец XV в. – февраль 1917 г.): словарь-справочник / сост. О.Ф. Козлов, В.Ф. Янковая. М., 1996. Кн. 1. С. 139.

² Подробнее об этом см.: Приходько М.А. Генерал-аудиториат и государственная система Российской империи в начале XIX века (Историко-правовой аспект) // URL: http://www.rusnauka.com/6_PNI_2012/Pravo/1_101930.doc.htm.

³ Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917 / отв. сост. Д.И. Раскин. СПб., 2004. Т. 4. С. 53–54.

⁴ Друцкой С.А., Иванов С.Л., Панов Ю.М. Главное военно-судное управление: исторический очерк. СПб., 1914. Ч. 2, кн. 1. С. 315 (Столетие Военного министерства. 1802–1902. Т. 12, кн. 1, ч. 2).

⁵ См.: Шендзиковский И.А. Главное военно-судное управление: исторический очерк. СПб., 1902. Кн. 1, ч. 1. Приложения. С. XLVIII–XLXIX (Столетие Военного министерства. 1802–1902. Т. 12, кн. 1, ч. 1); Друцкой С.А., Иванов С.Л., Панов Ю.М. Указ. соч. С. 486–492; Затворницкий Н.М. Память о членах Военного совета: портреты и биографические очерки. СПб., 1907. С. 19–20, 32–33, 104–105, 386–388 (Столетие Военного министерства. 1802–1902. Т. 3, отд. 4).

⁶ По сведениям М. Гогитидзе, настоящая фамилия Салагова была Салагашвили (Гогитидзе М. Грузинский генералитет (1699–1921): биографический справочник. Киев, 2001. С. 136). Примечательно, что грузинские корни имел еще один руководитель военно-судебного ведомства России XIX в. – А.К. Имеретинский, начальник Главного военно-судного управления в 1881–1892 гг.

⁷ Стоит отметить, что, как явствует из авторитетного труда С.В. Любимова, княжеский титул С.И. Салагова не был официально подтвержден в России (см.: Любимов С.В. Титулованные роды Российской империи. М., 2004). В отличие от Семена Салагова, упомянутый выше А.К. Имеретинский (прямой потомок царей Имеретии) имел официально подтвержденный в 1865 г. титул светлейшего князя (Там же. С. 74).

⁸ Розенгейм М.П. Очерки истории военно-судных учреждений в России до кончины Петра Великого. СПб., 1878. С. 168.

⁹ Законодательство Петра I / под ред. А.А. Преображенского и Т.Е. Новицкой. М., 1997. С. 825.

¹⁰ Ястребцев Е. Якобсон Иван Давидович // Русский биографический словарь. СПб., 1913. Т. «Яблоновский–Фомин». С. 60.

¹¹ Там же. С. 61–62.

¹² Джаншиев Г.А. Эпоха великих реформ: исторические справки. 7-е изд. М., 1898. С. 708.

¹³ Общий список второго выпуска училища см.: Пашенный Н.Л. Императорское училище правоведения и правоведы в годы войны, мира и смуты. Мадрид, 1967. С. 93–94 // URL: <http://www.gengrogge.ru/isj/index.com>. Сенаторами из числа выпускников 1841 г. стали: В.А. Арцимович (1868), П.А. Зубов (1865), И.Г. Мессинг (1879), М.В. Поленов (1865), Н.И. Стояновский (1867), А.Н. Шахов (1868) (подробнее см.: Мурзанов Н.А. Список сенаторов. 22 февраля 1711 – 15 января 1911 // История Правительствующего Сената за двести лет. 1711–1911. СПб., 1911. Т. 5. С. 112, 127, 137, 144, 151, 159).

¹⁴ Цит. по: Друцкой С.А., Иванов С.Л., Панов Ю.М. Указ. соч. С. 492.

А.В. Громов (Санкт-Петербург)

РУССКАЯ АРТИЛЛЕРИЯ В ТУРКЕСТАНСКИХ ПОХОДАХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX СТОЛЕТИЯ

С КОНЦА 30-х гг. XIX столетия русская армия начинает свое движение в направлении государств Средней Азии (в основном – Бухары, Хивы и Коканда), довольно резко и недвусмысленно проявлявших свою враждебность по отношению к русским форпостам в этих местах и подстрекаемых к антироссийской политике эмиссарами англичан из британской Индии. Также влияние британской короны осуществлялось в этом регионе через британских агентов в тогдашней Персии и беспокойном Афганистане, где еще в 1842 г. Британия потерпела целый ряд поражений¹.

Во многом эти походы осуществлялись с целью исправить ту незавидную ситуацию, в которой вдруг оказалась международная (а в особенности, восточная) политика Петербурга после военно-дипломатической катастрофы 1853–1856 гг., а также и прекратить набеги киргиз-кайсацких кочевых орд или разбойников из отдаленной Хивы².

Эти военные акции, таким образом, оказались вполне логичной для России попыткой восстановить престиж ее армии на Востоке и, по возможности, разрешить те стратегические задачи, что оказались перед страной ввиду провала всей предыдущей политики в регионе и нараставшей враждебности со стороны англичан.

Главной задачей этих походов (и подчинения всего Центрально-Азиатского региона) была преграда торговой, как и военной, экспансии англичан в сторону государств Средней Азии – т. к. Британия настойчиво создавала своеобразный «санитарный кордон» для обороны подходов к Индии. Такой «подушкой» мог бы сделаться Афганистан и блокпосты на горных тропах через Хайберский проход.

Но ради большей безопасности англичане вели разведку и анти-русскую пропаганду среди племен Средней Азии, а также в Персии и у народов Кавказа³.

Кроме того, абсолютно необходимой тогда задачей являлось уничтожение рынка сбыта русских рабов на территории Средней Азии (а число русских, по разным данным, могло достигать в Хиве почти двух с лишним тысяч) и прекращение постоянных набегов со стороны кочевых племен.

Так что по важности туркестанская эпопея 60-х – 80-х гг. XIX столетия стоит чуть ли не вровень с завоеванием Закавказья или походами в Чечню и Дагестан в ходе войны с Шамилем. Да, в Туркестане не было той степени религиозного фанатизма, как на Кавказе или, к примеру, в Афганистане, а большинство войск государств Средней Азии значительно уступали горцам по подготовке и боевой выучке. Но и здесь русским войскам (как регулярной пехоте, так и Уральским и Оренбургским казачьим сотням) приходилось брать штурмом крупные города (например, Ташкент) или рассеивать скопища неприятеля (сражения при Ирджаре 8 мая 1866 г. или Махраме 22 августа 1873 г.).

При этом суровый и непривычный для европейцев климат пустыни, жара (по временам, чуть менее 50 °С) и многократное превосходство сил неприятеля всегда являлись большой угрозой для малочисленных сил вторжения. Так зачастую вполне нормальным было соотношение сил 1:10 или даже 1:12 в пользу неприятеля⁴, а исправлять эту ситуацию было нечем: трудность снабжения войск в пустыне при слабой сети коммуникаций не позволяла вводить туда крупные части регулярной пехоты или, тем более, кавалерии. Поэтому основная тяжесть задачи в этих походах всегда ложилась на артиллерию и казачьи ракетные батареи.

При этом спектр задач, выполняемых артиллерией в Туркестане, был чрезвычайно широк: 1) обеспечение прохождения караванов или армейских колонн в пустыне; 2) пробитие брешей в многометровых стенах крепостных цитаделей при подготовке общего штурма; 3) обеспечение действий в городе и поддержка своей пехоты в ходе зачисток; 4) подавление артиллерии неприятеля в ходе контрбатарейных стрельб⁵ и 5) оборона своих укрепленных пунктов. Именно действия артиллерии в середине 60-х – 80-х гг. XIX столетия, отраженные в документах и мемуарах участников тех событий, и послужили материалом для написания данной статьи.

По состоянию на 1868 г. организация и численный состав артиллерии в регионе выглядели следующим образом:

1) Туркестанская артиллерийская бригада пешей артиллерии (3 батареи).

2) Линейная Забайкальская артиллерийская бригада пешей артиллерии (2 батареи).

3) Пешая батарея Западно-Сибирского военного округа (отдельная).

4) Оренбургская казачья конно-артиллерийская бригада (3 батареи).

5) Сибирская казачья конно-артиллерийская бригада (2 батареи).

6) Забайкальская казачья конно-артиллерийская бригада (2 батареи)⁶.

Кроме того к экспедициям привлекались и батареи других бригад, например, состоявших в Кавказском военном округе. Так, 21-я артиллерийская Ее Императорского Высочества Великой Княгини Ольги Федоровны бригада (в полном составе) – также участвовала в походе к Геок-Тепе в 1880–1881 гг.⁷ В том же походе были задействованы и части 20-й артиллерийской бригады.

К этому времени все батареи (пешие, конные и казачьи) имели 8-орудийный состав. Вооружение: 9-фн. пушки (1-я батарея в пешей и конной артиллерии), 4-фн. пушки (2, 3 и 4-я батареи). У всех казачьих батарей орудия 4-фунтовые.

Однако еще в походах 1850–1860-х гг. всю использовались орудия и старого образца. Так, например, при взятии кокандских крепостей Токмак и Пишпек (1861 г.) отряд полковника Циммермана насчитывал при себе 13 орудий. Из которых была одна 6 фун. пушка и три 1/2-пуд. единорога (с 13-ю зарядными ящиками), а кроме того: два горных 1/4-пуд. единорога и приданная отряду команда с четырьмя 1/2-пуд. и тремя кугорновыми мортирами, плюс два ракетных станка⁸. Впоследствии мортиры, как и горные единороги старого образца, были переданы в арсенал Оренбургского военного округа, либо остались на оснащении артиллерии укрепленных пунктов, которых на 1868 г. было несколько.

Расположение и военно-административное подчинение таких было следующим: 1) форт Перовский (крепостное управление 3-го класса); 2) Чимкент (крепостное управление 2-го класса); 3) Аулиеата (крепостное управление 3-го класса); 4) Верное

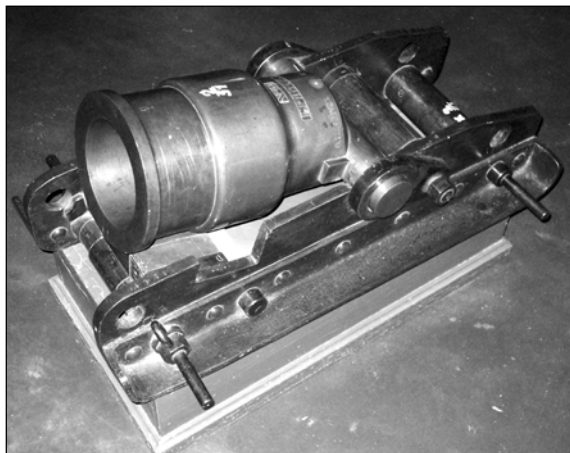

Рис. 1. 0,5-пуд. мортира обр. 1838 г.

(крепостное управление 2-го класса); 5) Туркестан (1, 2 и 3-я крепостные роты).

Кроме того существовали и лаборатория Туркестанского военного округа, и Туркестанский подвижной полуарсенал. Именно в этих отдельных пунктах и оседали орудия устаревшего образца, но пригодные для использования в деле. Даже в кампанию 1875–1876 гг., при подавлении восстания Абдуррахмана-автобачи, единороги (1/2-пуд., обр. 1838 г.) имелись еще в Ходженте и применялись для обороны от местных шаек⁹.

И устаревшие батарейные пушки обр. 1838 г., как показала реальная практика боевых столкновений, не стоило тогда сбрасывать со счетов. Как раз в условиях Туркестана дульнозарядные пушки с самым обычным круглым боеприпасом были полезней при подготовке к штурму, чем современные нарезные орудия. Круглый снаряд с относительно небольшой его скоростью позволял сделать брешь в крепостной стене и удобный для восхождения обвал. А между тем, нарезные конические снаряды попросту прошивали многие стены, не нанося им видимого ущерба. По уверению очевидцев, новые нарезные орудия приходилось даже специально отодвигать на значительные дистанции, чтобы снизить скорость снаряда при попадании в глинобитные стены и укрепления, что не всегда являлось возможным и не давало гарантии достижения результата¹⁰.

Словом, причины для недовольства старой системой орудий были в условиях Средней Азии не столь ярки и не бросались в глаза. Даже трофейная артиллерия местной выделки попадалась среди орудий местных фортов, где по решению русских военных властей были поставлены постоянные гарнизоны¹¹.

Основное отличие Туркестанской артиллерийской бригады (как войск постоянной боеготовности) состояло в следующем. Если во всех батареях в мирное время комплект офицеров и нижних чинов определялся по числу состоящих при батарее орудий, то в Туркестанской артбригаде по штату было положено иметь еще 5 запасных взводов. Кроме того, в этой бригаде все батареи имели по 8 готовых упряжек, по 1 зарядному ящику на орудие, плюс частично укомплектованный лошадьми и походной упряжью артиллерийский обоз.

При этом всей остальной пешей артиллерии в тот период было положено постоянно держать лишь по 4 орудия с лошадьми и готовой упряжью (при 2 ящиках на орудие). И исключение составляли только гвардейская артиллерия и Кавказский военный округ.

Кроме того, в отдельной пешей батарее Западно-Сибирского военного округа полагалось иметь 6 готовых упряжек и по 2 ящика на орудие¹². При этом обе Сибирские казачьи конно-горные батареи все время числились по штату военного времени¹³.

Уже к концу 1867 г. на вооружение русской армии начинает поступать новая нарезная пушка обр. 1867 г., заряжавшаяся с казенной части. Именно ею на протяжении 1868 г. планировалось полностью заменить гладкоствольные полевые орудия обр. 1838 г.¹⁴ Однако из-за проблем с производством и еще целым рядом организационных причин в реальности до конца 1867 г. их получили одни лишь горные батареи¹⁵, не составлявшие в тот момент никакой самостоятельной единицы.

Поэтому 3-фн. пушки обр. 1867 г. в этот момент состояли только при трех батареях Туркестанской артиллерийской бригады. И находились они в запасе на случай надобности (по 2 орудия при каждой батарее). При Забайкальской артиллерийской бригаде таких орудий было лишь по 4 на батарею¹⁶.

Особо следует подчеркнуть как раз то, что формально горные пушки не выделялись в состав отдельных артиллерийских частей и подразделений, а находились в артиллерийских парках некоторых

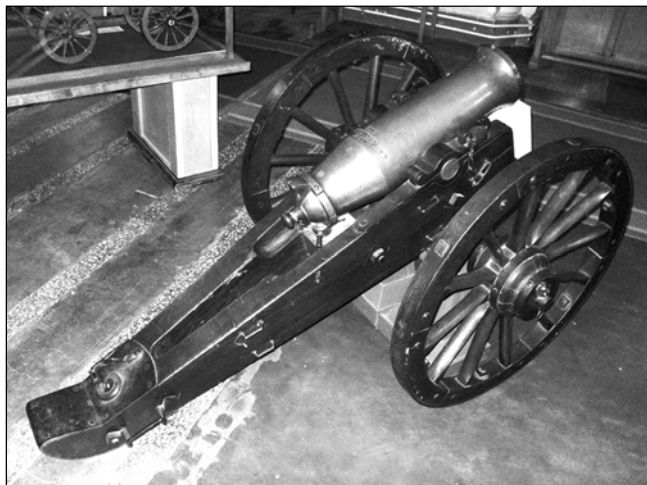

Рис. 2. 0,25 фунт. единорог обр. 1838 г.

артиллерийских бригад и поступали в распоряжение батареи только по мере необходимости. К примеру, из всех тех подразделений, что непосредственно принимали участие в походах 1875–1876 (война с Кокандом) и 1879–1881 гг. (два знаменитых похода в Геок-Тепе), горные пушки имели: 4-я батарея 1-й и 3-я батарея 2-й Туркестанских артиллерийских бригад, а также полубатарея Западно-Сибирской пешей батареи. Кроме того одна Западно-Сибирская и одна Туркестанская конно-горные батареи¹⁷. Все остальные подразделения полевой артиллерии в Туркестане долгое время имели в своем составе только орудия 1838 г., как это было, например, при штурме крепости Ак-Мечеть¹⁸.

При этом на ранних этапах завоевания русскими Туркестана в ходе осад местных крепостей применялись также мортиры. Считалось, что навесной огонь при подавленной артиллерии неприятеля может скорей подтолкнуть гарнизон к неизбежной капитуляции, чем достаточно трудоемкое пробивание в стене брешей. Как сообщают российские источники, еще в 1851 г. в укр. Копал (на левом фланге Киргизской степи, Западная Сибирь) снаряжена была экспедиция для взятия крепости Таучубек и в состав артиллерии введены были 6-фун. мортирки, 1/2-пуд. мортиры и даже одна 2-пуд. чугунная¹⁹.

6-фун. кугорновы мортирки (наряду с 1/2-пуд. мортирами обр. 1838 г.) упоминаются и позднее, при описании взятия укреплений Токмак и Пишпек²⁰. И доставлялись эти орудия большей частью с артиллерийских складов в Оренбурге и Орске²¹.

Правда, использование навесного огня по крепости иногда могло быть неприменимо. Тот порох, что много лет лежал на складах, перемещаясь вместе с войсками из укрепления в укрепление, мог потерять изначальные свои свойства, а бирка с пробой данного пороха нередко просто отсутствовала. Поэтому порох, в особенности – мортирный – перед походом обычно пробовали заранее. Те же источники сообщают, что перед выходом экспедиции на Токмак, артиллеристы из вновь сформированной для похода мортирной команды подкорректировали свои таблицы стрельбы в соответствии с сортом перележавшего на складах пороха²², что принесло в боевых условиях много пользы (в частности, возросло число попаданий и сберегался боекомплект). Хотя случалось, что подготовка артиллеристов из наспех собранной для похода мортирной команды была явно недостаточной. Как сообщает один источник с места событий, в ходе осады Джаны-Кургана (1860 г.) «из брошенных в него снарядов попало только менее 3/5 всего числа, с расстояния 170 саж. для мортир и 300 саж. для единорогов; должно быть прислуга при мортирах была недостаточно напрактикована, ибо со 170 саж. нужно не более 2-х или 3-х пробных выстрелов, чтобы при всех последующих снаряды ложились бы в крепость, а особенно если мортиры стоят на платформах; для 1/4-пуд. единорогов расстояние в 300 саж. при цели квадрата более 50 саж. в стороне также исключает возможность значительной даровой пропажи снарядов»²³. Более меткой была стрельбами ракетами или из орудий полевой артиллерии.

По завершении подготовки отряда и комплектации его тягловой силой (по преимуществу, вьючными лошадьми и верблюдами) начинался первый этап экспедиции – выдвигание. Этот этап осложнялся условиями театра боевых действий: жара, гористая степная (иногда пустынная) местность, редкая сеть колодцев с малоприспособленной к питью водой, предназначенной в основном для верблюдов. Столь же серьезной была проблема превосходящих сил неприятеля. Большие массы иррегулярных конных туркмен, кипчаков или киргиз могли действовать в тех местах, где войска европейцев (будь то британцы в Афганистане или линейные Туркестанские

батальоны) были достаточно стеснены. Так, неприятель мог атаковать коммуникации, пресекая снабжение гарнизонов, огромными массами кавалерии (до 10–15 тыс. сабель) попросту смять заплутавший в степи отряд, не имеющий при себе артиллерии и хотя бы одного-двух ракетных станков.

Поэтому выдвижение экспедиции требовало тщательной проработки. Столь откровенных провалов с организацией экспедиций, вроде движения генерала Маркозова на Хиву (1873 г.)²⁴ или похода в Геок-Тепе генерала Веревкина (1879 г.)²⁵, к счастью, было немного, и, в основном, выдвижение на театр боевых действий было поставлено хорошо.

Схема движения артиллерии при походном порядке обычно выглядела стандартно. Она зависела от численного состава отряда и от наличия материальной части. В целом, в виде примера можно представить схему движения русской колонны по направлению к цитадели Махрам (1873 г.) перед началом битвы с кокандцами.

Итак, порядок движения войск в колонне был следующий: пехота с артиллерией и обозом следовала по дороге Ходжент – Карачкун – Махрам; кавалерия с дивизионом конных орудий и ракетною батареей шла параллельным курсом, также колонной, справа.

В голове пехотной колонны шла рота саперов, за нею 1-й Туркестанский стрелковый батальон, имея между ротами 2-ю батарею 1-й Туркестанской артбригады; потом 2-й Туркестанский стрелковый батальон, за ним 3-я рота 2-го линейного батальона, с дивизионом конной батареи; затем обоз лазарета и казаков, за ними две роты 4-го Туркестанского линейного батальона, с дивизионом 1-й батареи, и в хвосте шли две роты 7-го Туркестанского линейного батальона. Пехотные части шли во взводных колоннах справа, артиллерия подивизионно; обозы шли при своих частях²⁶.

Кавалерия, как обозначено выше, шла справа и на высоте головы пехотной колонны. Порядок ее движения был таким: в первой линии – 2-й дивизион Оренбургской конной казачьей батареи; влево от него – 1-й казачий дивизион (2-я и 5-я Оренбургские сотни); вправо – 2-й казачий дивизион (1-я Оренбургская и 2-я Уральская сотни); оба дивизиона в колоннах повзводно. На крайнем правом фланге наступала ракетная батарея.

Вторая линия отстояла от первой на 500 шагов. Сибирские дивизионы (3-й и 4-й) шли в общей полковой колонне справа²⁷. Такой порядок, по преимуществу, сохранялся при продвижении всех

**Рис. 3. Дульная часть
нарезного орудия обр. 1860 г.**

больших экспедиций, хотя, как правило, число войск было меньшим, а при движении по сильно пересеченной местности мог изменяться.

Характер боевых действий в горах определял годность или негодность материальной части, присутствующей в отряде. Многие вещи, вполне пригодные на иных, равнинных театрах, были негодны и даже вредны для Туркестана, и в оснащение экспедиций быстро вносились нужные коррективы.

Вот что, к примеру, говорится в отчете об экспедиции на Пишпек. Путь через хребет Биш-Майнал, т. е. «пять перевалов» (хотя на деле их куда больше пятнадцати), своей крутизной и длиной (иногда до 250 саж.) доставлял артиллеристам массу проблем. Как выяснилось на практике, переход через перевалы требует очень больших усилий, особенно при подъеме и спуске артиллерийских орудий. Разумеется, требовалась помощь и других войск. Поэтому к конноартиллерийскому дивизиону была прикомандирована сотня казаков, а к пешему батареинному взводу – рота пехоты.

При этом трудные повороты «на подобных крутизнах представляли особенно опасные места, ибо когда уносы завернуты под углом к дышлу, то вся тяжесть остается на коренных лошадях и на ляжках, и малейшая при этом неловкость, или недостаточность силы непременно погубят орудие и раздавят несколько человек. Таким образом, еще в экспедицию 1859 года, при спуске на одном из этих перевалов легкоконного орудия, едва не случилось несчастия: орудие было заторможено тормозом, уносы отстегнуты, оставлены только коренные лошади, очень крепко и стойко спускавшие, и 24 человека с ляжками, обращенными назад, задерживавшими орудие; но, несмотря на это, цепь тормоза лопнула и орудие с возрастающей быстротою устремилось вниз; только счастливая случайность, колесо передковой оси набежало на острый, на аршин от земли выдававшийся камень и разбилось вдребезги, дало людям

возможность воспользоваться минутной остановкой орудия и успеть его задержать. Вообще ненадежность казенных тормозов при этих спусках была причиной, что их перестали даже и брать в экспедицию, и теперь орудие тормозят всегда подвязною петлей, причем, весьма естественно, сильно терпит шина и все колесо»²⁸.

Поэтому и батарейные орудия, на каждом из перевалов, поднимались «шестью сильными упряжными лошадьми при помощи 60 чел. пехоты, которые тянули орудие за длинный канат, продетый через дельфины, останавливаясь отдыхать через каждые 5 или 8 саж. Спускали же орудия не иначе, как сняв их с передка, и, несмотря на все предосторожности, все-таки один человек, насмерть задавленный зарядным ящиком, был жертвою перевалов»²⁹. Примерно так же приходилось действовать и позднее, когда в отряде могли испытывать недостаток в горно-вьючных орудиях. Правда, уже к началу 70-х гг. XIX в. в горах орудия перевозились почти всегда на вьюках. Следить теперь приходилось только за тем, чтобы ящичные и теловые лошади не набили спины³⁰. Но и в походе к Геок-Тепе генерала Скобелева (1880 г.) часть орудий пришлось тащить по горам на лямках³¹.

При появлении неприятеля войсковая колонна моментально осуществляла перестроение. К примеру, войска, выдвигавшиеся к Махраму, при столкновении с неприятелем приняли следующий порядок: 2-я батарея развернулась, 1-й стрелковый батальон по две роты во взводных колоннах встал справа и слева от батареи. 2-й батальон был выдвинут вправо и затем загнут под прямым углом к фронту. Обоз от всех частей был сведен в одну колонну, перед обозом была поставлена саперная рота и рота 2-го линейного батальона с дивизионом конных орудий, которые и составили для обоза прикрытие. Две роты 4-го линейного батальона и две роты 7-го, с дивизионом пешей батареи, образовали арьергард. Кавалерия продвигалась, как прежде, справа. Для обеспечения от нечаянного нападения неприятельской кавалерии, с самого начала движения войск в боевом порядке, была вызвана от кавалерии цепь наездников 2-й Уральской, а впоследствии и от всех сибирских сотен (по одному взводу с каждой)³².

Если противник предпринимал атаку, то здесь, как правило, действовались мобильные артиллерийские группы, состоявшие из ракетных станков и, отчасти, конных орудий. Этого было достаточно, чтобы кавалерийские массы иррегулярной туземной конницы

Рис. 4. Нарезная пушка обр. 1860 г.

были приведены в беспорядок и отошли в спешке за холмы³³. Подобным образом обычно действовали крупные отряды, выдвигавшиеся в степь для разрушения очередной неприятельской крепости, коих в 50-х – 60-х гг. XIX в. взяли немало.

Что до рутинной конвойной службы, то артиллерия оказалась во многом просто незаменимой, и временами ее нагрузка была чудовищно велика. При постоянной перегонке караванов (например, с питьевой водой) приходилось гонять орудия взад-вперед на десятки верст. Так при осаде Геок-Тепе в 1880 г. 1-й взвод 6-й горной батареи 21-й артиллерийской бригады был вынужден ежедневно сопровождать «водяные» транспорты между двумя опорными пунктами Бала-Ишем и Казанджик, между которыми путь по безводной пустынной местности занимал три дня.

При этом нужно учесть, что маршрут этот шел на виду у противника, сосредотачивавшегося нередко вблизи колодцев Айдин, а эскорт «водяного» транспорта был совсем незначительным – примерно рота пехоты (числом в 60–70 штыков) при одном горном орудии на 2 тыс. верблюдов с поклажей³⁴.

Спасало их только то, что туркмены явно боялись русских орудий, поэтому оставляли в покое транспорт, идущий с прикрытием артиллерии. Во всех остальных случаях они постоянно атаковали

и иногда имели успех, так что значительное число верблюдов было потеряно. Кроме того, повышенная нагрузка на ходовую часть артиллерийских орудий нередко приводила к тому, что случались поломки. Чаще всего страдали колеса³⁵, отмечены также случаи сломанного шворня на передках³⁶. Впрочем, все поломки устранялись прямо на месте, и артиллерия продолжала решать поставленные задачи с высокой степенью эффективности.

Наконец главной задачей для артиллерии в Туркестане был штурм укрепленных пунктов противника. В рамках подготовки к штурму производились разведка и выявление огневых средств в цитадели, велся обстрел по укреплениям, обычно из одного-двух орудий. После чего батарейная артиллерия подавляла все огневые точки, а артиллерия навесного огня начинала обстрел самой крепости. При этом в зависимости от устройства вражеской цитадели артиллерийские батареи (в т. ч. и ракетные) всегда ставились таким образом, чтобы их снаряды могли простреливать фасы крепости, как и пространство между стенами, которых в среднеазиатских фортециях старой постройки довольно часто бывало две³⁷.

Все остальные орудия приступали к пробитию в стене брешей, и, как свидетельствуют отчеты с места событий, эта задача была нелегкой. Во-первых, сбить батареи противника на всегда легко удавалось. К примеру, в ходе осады Пишпека орудия неприятеля очень точным, скоординированным огнем повредили 1/4-пуд. и 1/2-пуд. единороги. Кроме того, ряд ядер ложился точно в щели амбразур батарей, а одно неприятельское ядро попало в одну из них, напавал уложив фейерверкера, что был рядом³⁸. Подобие контрбатарейной стрельбы при осаде Ура-Тюбе продемонстрировали также бухарцы, чьи ядра ложились на батарею с дистанций от 700 до тысячи сажений. При этом не только наши 12-фун. пушки обр. 1838 г., но и новые нарезные орудия не могли отвечать им на столь большой дистанции выстрела³⁹.

Второй проблемой стала солидная толщина местных стен и материал, из которого они были сделаны. Также не следует забывать о характере населенных пунктов, помимо самой крепостной стены обнесенных и лабиринтом столь характерных для Средней Азии глинобитных сооружений. В связи с этим сами участники покорения Туркестана делят осады местных фортеций на три основных категории:

Рис. 5. Горная нарезная пушка обр. 1867 г.

во-первых, осады крепостей, расположенных в киргизских степях – Пишпек, Яны-Курган, Ак-Мечеть, Туркестан, Чимкент, Нияз-бек. Во всех этих случаях артиллерия лишь обстреливает внутреннее пространство крепости. Успех достигается устройством параллелей, затем летучей и туровой сапы, после чего к стене крепости подводится мина и начинается всеобщий штурм. При этом осада идет небыстро, зато успешно и с незначительными потерями.

Ко второй категории принадлежат осады городов-крепостей Ташкент, Ходжент, Ура-Тюбе и Джизак. Здесь атакующий не ведет никаких осадных работ. Он строит лишь батареи (и иногда одну параллель для отвода глаз гарнизона) и после непродолжительной подготовки штурмует город при помощи приставных лестниц. С помощью бомбардировки стараются сделать бреши в стенах (не всегда успешно).

Наконец, третья категория – атаки населенных пунктов, не обнесенных крепостной стеной, но со всех сторон окруженных садами с настоящими лабиринтом глиняных стен. Такие атаки были нередки в Кокандском походе (например, бой в садах Андижана). Собственно это и составляло три основных способа применения

артиллерии при осаде бухарских и вообще среднеазиатских городских укреплений⁴⁰.

Нужно отметить, что до занятия Нияз-бека (1865 г.) у коренных туркестанских артиллеристов существовало твердое убеждение, что пробить глинобитную стену крепости и проделать в ней брешь с обвалом – дело почти невозможное. Так, например, при атаке Ташкента 4 конных орудия не смогли пробить брешь в крепостной стене, что в итоге и привело к срыву атаки⁴¹, при взятии цитадели Ходжент (1865 г.) бреши вообще не удалось проделать и в основном помогли только штурмовые лестницы⁴², но даже и при штурме Ура-Тюбе в проделанные артиллерией бреши почти невозможно было пробраться, не прибегая все к тем же лестницам. Большой урон среди наступавших с неповрежденной стороны цитадели доказал, что проделанные в стене бреши все же полезны и сокращают число потерь в ходе штурма. Поэтому в 1880 г. (при подготовке очередного похода к Геок-Тепе) генерал Зиновьев обобщил опыт пробития в стенах брешей при помощи артиллерии.

Первый способ состоял в том, чтобы первые выстрелы направлять на один аршин ниже зубца стены, граната срезает его таким образом, что кусок стены вместе с этим зубцом сползают в ров. Так продолжают как бы срезать часть стены, постоянно делая выстрелы в верхнюю ее часть, что сам Зиновьев и успел сделать в ходе осады Джизака в 1866 г.

Второй способ заключался в том, чтобы сделать горизонтальную борозду, отступив от вершины вниз примерно на четверть высоты стены или менее. Когда подточенный кусок стены осыпается, то ниже еще на четверть бьется новая борозда для обвала. При этом Зиновьев советовал применять здесь уменьшенные заряды, чтобы уменьшить углубление снаряда в стену⁴³. Батареи рекомендовано было располагать на дистанции 300 саж. от крепостной стены и даже далее (что, вероятно, связано с тем, что новейшие нарезные орудия будут попросту пробивать стену, не разрушая ее). И, кроме того, предлагалось устроить одну анфиладную батарею напротив обстреливаемого фаса, чтобы простреливать брешь до штурма анфиладным огнем.

При прорыве штурмующих русских войск внутрь населенного пункта артиллерийским подразделениям предстояла задача их поддержки. Здесь наиболее показательным стал захват предместий Андижана (1875 г.). Первой проблемой стали большие глиняные

дувалы, сады, глинобитные стенки внутри всего города, многочисленные арыки, специально заполненные водой⁴⁴, и большое количество баррикад на всех ведущих к центру города улицах.

Порядок движения был таким: впереди всех продвигались цепи охотников и казаков, а за ними колонна пехоты и в отдалении – артиллерия. Когда войска втянулись в сам город (как таковой крепостной стены в Андижане в то время не было), они столкнулись с необходимостью брать завалы, иногда прикрытые артиллерией, откуда велся огонь из крупнокалиберных фальконетов. Поэтому методика их зачистки была следующей: орудие давало один-два

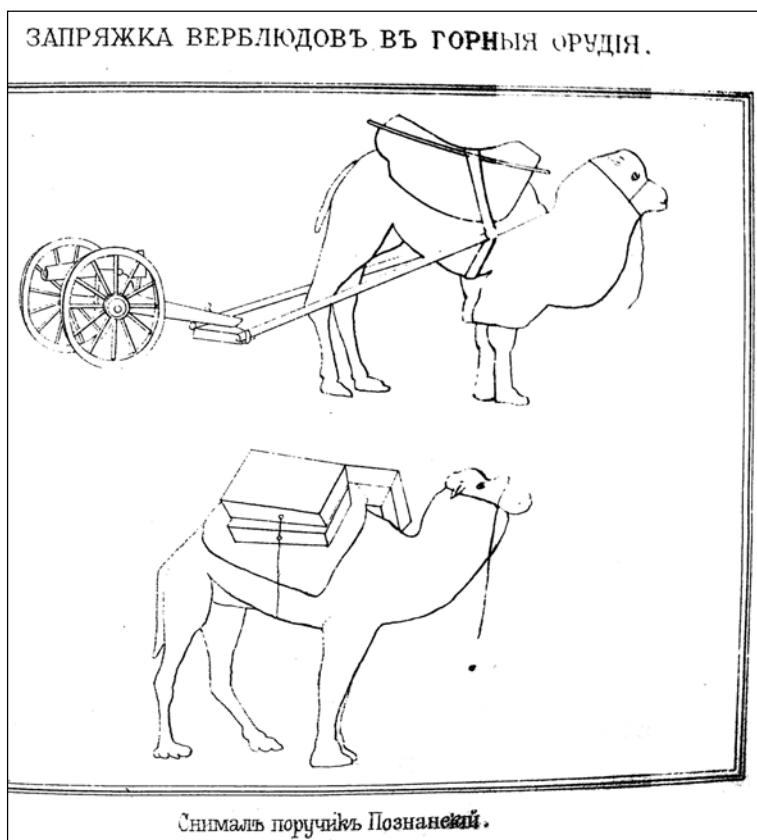

Рис. 6. Упряжка горного нарезного орудия обр. 1867 г.

выстрела картечной гранатой, затем шел быстрый удар в штыки, и саперы быстро раскидывали завал. Орудие продвигалось и наносило быстрый удар по следующей баррикаде, которая находилась не далее как в 60 шагах. Затем шел новый удар в штыки и зачистка всех прилежавших к улице зданий⁴⁵. Второй колонне было поручено нанести удар чуть южнее.

При втягивании войск в город огромные массы неприятельской конницы попробовали нанести удар по колонне с тыла, поэтому часть орудий шла сзади, ведя огонь гранатами и картечью. Также в прикрытии у орудий была поставлена цепь стрелков.

Когда штурмующие колонны соединились неподалеку от центра города, то расстановка войск и орудий была такой:

1) по одному орудью вдоль каждой из основных улиц, идущих от центра площади, 2) солдаты из 4-го линейного батальона зачистили весь периметр вдоль фасада дворца, 3) правая сторона площади отошла под контроль 2-го линейного батальона, 4) левая сторона – казакам, 5) фасад – саперам. Стрелковые цепи от всех упомянутых подразделений заняли крыши (они в городах Средней Азии всегда плоские). После чего началась зачистка. Одно орудие придалось мобильным группам из казаков и линейцев для разрушения наиболее угрожающих зданий вблизи периметра обороны.

Группы противника, продвигавшиеся вдоль улиц, быстро расстреливались картечью, после чего неприятель, как правило, отступал и

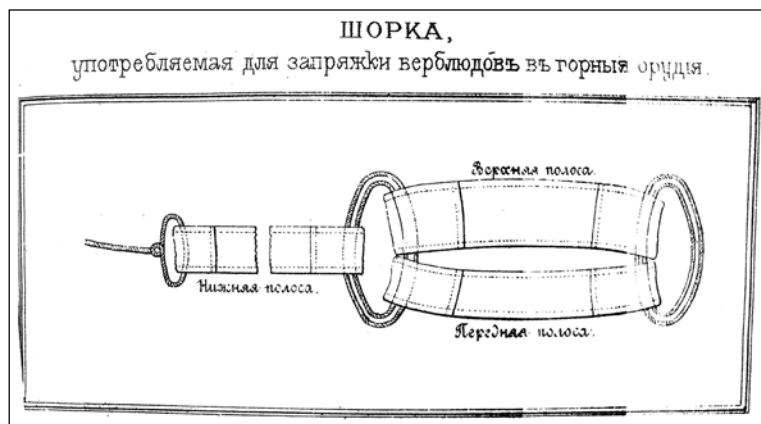

Рис. 7. Шорка к артиллерийской упряжи

в конечном итоге покинул центр города. После сожжения цитадели и разрушения главных опорных пунктов, войска с боем вышли из города, после чего по очагам пожаров было выпущено 84 артиллерийских гранаты, чтобы воспрепятствовать их тушению⁴⁶. Аналогичным образом артиллерия действовала при захвате и остальных укрепленных пунктов.

В целом, в течение 1850–1880-х гг. русской армией было взято никак не менее 20 укрепленных пунктов, принадлежавших тогда Хиве, Бухаре и Коканду. При этом почти всегда основная роль отводилась именно действию артиллерии, выполнявшей традиционно как роль эскорта при выдвигении войсковой колонны, так и обеспечение подготовки штурма, ведение борьбы с орудиями противника⁴⁷ и т. д.

Кроме того артиллерия позволяла нейтрализовывать перевес неприятеля в живой силе, который часто, как выяснялось, был подавляющим. В числе примеров такого рода следует выделить операцию на р. Кара-Кастек (21–23 октября 1860 г.), где отряд подполковника Колпаковского, состоявший из 1000 чел. при 8 полевых орудиях, разгромил 22-тыс. орду кокандцев⁴⁸.

При столь большом превосходстве в силах (оно составляло почти 22 к 1) русский отряд непременно был бы раздавлен в трехдневной битве. И, несомненно, исходом дела он был обязан как раз огню своей артиллерии.

Это же следует повторить о событиях 18 декабря 1853 г., когда в сражении близ форта Перовский (бывшая Ак-Мечеть) небольшой отряд подполковника Огарева и капитана Шкупа (всего 1055 чел. при 19 полевых орудиях) разгромил войско кокандцев общим числом до 12 тыс. конных при 17 полевых орудиях⁴⁹.

Даже моральный эффект от огня русских пушек был столь велик, что после серии поражений войска бухарцев или кокандцев часто теряли волю к победе – после двух-трех точных залпов по ним они отступали, не принимая боя. Без штурма заняты были Самарканд, Хазарасп, Хива, большое число укрепленных пунктов в Кокандском ханстве. Осознавая свое бессилие перед огнем русской артиллерии, местные гарнизоны попросту покидали свои позиции, оставляя оружие и матчасть.

В целом, нужно отметить, что русская артиллерия в Туркестанских походах проявила себя достойно и показала все свои лучшие качества, совершенствуя тактику применения в горно-пустынной

местности, отрабатывая приемы взаимодействия батарей с кавалерией и пехотой. Усовершенствовалось снабжение войск в пустыне, логистика: разрабатывались маршруты передвижения; совершенствовалась конвойная служба (ради чего в состав караванов стали вводиться горные пушки и пусковые станки 2-дюйм. ракет, применяемых постоянно). Усовершенствовалась материальная часть – повозки, выюки, амуниция, упряжь, также лафеты.

Менялись принципы применения войск в пустыне. Вместо дорогостоящих экспедиций с целью отбить похищенный скот или угнанных в Хиву пленных, армия перешла к продвижению укрепленных линий вглубь неприятельской территории, а с начала 60-х гг. и к неуклонному разорению крепостей неприятеля и расстановке сети опорных пунктов на завоеванной территории.

В итоге уже к середине 70-х гг. кампании в Туркестане были Россией завершены, и, несмотря на дипломатическое давление англичан, финальной точкой в завоевании Средней Азии стало присоединение Кокандского ханства к Российской империи (19 февраля 1876 г.). Затем произошло завоевание Ахалтекинского оазиса отрядом М.Д. Скобелева (1881 г.), конфликт с афганцами на Памире (1891 г.) и, наконец, разграничение сфер влияния в регионе, фактически закрепленное договором с Великобританией от 1907 г. Поставленные перед Россией задачи были успешно разрешены русской армией, и пресловутый «восточный проект» Петра I был в полной мере ею реализован.

¹ Халфин Н.А. Провал британской агрессии в Афганистане. М., 1959. С. 43–55.

² С набегам из Коканда пришлось впервые столкнуться в 1850 г. Тогда налетчики угнали много «наших» киргиз и до 150 тыс. голов скота. (Зайцев В.Н. История 4-го отдельного Туркестанского линейного батальона за период с 1771 по 1882 год как материал к исследованию движения русских в Среднюю Азию. Ташкент, 1882. С. 13).

Набеги хивинцев или туркмен были не менее редки, а стоимость одного невольника на рынках (в ценах 1870 г.) достигала 100 тиллей золотом (примерно 384 р.). Но хан Хивы платил также и за мертвых: так, голова убитого русского стоила 10 тиллей, и эта сумма выплачивалась немедленно. За пленных персов или туркмен платили в десять раз меньше. (Красноводский отряд. Его жизнь и служба со дня высадки на восточный берег Каспийского моря по 1873 г. включительно. СПб., 1890. С. 18, 26 и т. д.) Вообще налеты на пограничные территории, подконтрольные русским, не прекращались до абсолютного подчинения Средней Азии.

- ³ Первым британским военспецом, убитым при схватке с русскими, стал капитан Кристи. Обученный им лично батальон персидской армии был полностью разгромлен при Асландузе (1812 г.), а сам он погиб при попытке сопротивления. (Хопкирк П. Большая Игра против России: Азиатский синдром. М., 2004. С. 36). Присутствие британской агентуры в регионе от Средней Азии до Кавказа упоминается в большинстве тогдашних источников. (Хопкирк П. Указ. соч. С. 81, 91–94 и т. д.)
- ⁴ Так, в деле под Иканом 4–6 дек. 1864 г. всего одна сотня 2-го Уральского казачьего полка есаула Серова в количестве 110 чел., при одном горном единороге, сражалась против нескольких тысяч конных кокандцев, имевших при себе артиллерию. См.: Хорошхин М.П. Геройский подвиг Уральцев. Дело под Иканом 4, 5 и 6 декабря 1864 года. Уральск: тип. Уральского казачьего войска, 1895. С. 7–30.
- ⁵ О контрбатареинной борьбе в ходе осады см.: Заметка о бухарской и кокандской артиллерии и ручном огнестрельном оружии / Артиллерийский журнал. 1867. № 3. С. 508–509.
- ⁶ Настоящий состав русской артиллерии // Артиллерийский журнал. 1868. № 8. С. 111, 113.
- ⁷ 6-я горная батарея 21-й артиллерийской бригады в Закаспийской экспедиции 1880 и 1881 годов / Артиллерийский журнал. 1885. № 9. С. 661–703; № 12. С. 984–1006; 1886. № 2. С. 164–174; № 3. С. 278–303; № 5. С. 472–492.
- ⁸ Пшпек и кокандская артиллерия // Артиллерийский журнал. 1861. № 12. С. 703.
- ⁹ Военные действия против кокандцев в 1875–1876 гг. СПб., 1876. С. 13.
- ¹⁰ О неспособности артиллерии пробить толстые глинобитные стены см.: Гребнер А. Осады и штурмы среднеазиатских крепостей и населенных пунктов. СПб., 1897. С. 5–6, 11–12.
- ¹¹ Лыко М.В. Очерк боевых действий 1868 г. в долине Заравшана. СПб., 1871. С. 82, 99; Лобысевич Ф.И. Описание хивинского похода 1873 г. СПб., 1898. С. 245–246.
- ¹² Настоящий состав... С. 118.
- ¹³ Там же. С. 119.
- ¹⁴ Там же. С. 116.
- ¹⁵ Горная артиллерия в европейских армиях // Артиллерийский журнал. 1884. № 4. С. 210.
- ¹⁶ Настоящий состав... С. 116.
- ¹⁷ Горная артиллерия... С. 228.
- ¹⁸ О взятии Ак-Мечети см.: Зайцев В.Н. История 4-го Туркестанского линейного батальона... С. 13–15.
- ¹⁹ Заметка на статью «С Сыр-Дарьи» // Артиллерийский журнал. 1862. № 9. С. 579.
- ²⁰ Пшпек... С. 703.
- ²¹ Заметка на статью «С Сыр-Дарьи». С. 580.
- ²² Там же. С. 579–580.
- ²³ Там же. С. 583.
- ²⁴ О походе ген. Маркозова на Хиву в 1873 г. см.: Гродеков Н.И. Хивинский поход 1873 года. Действия Кавказских отрядов. СПб., 1883. С. 97–135.
- ²⁵ О неудачном походе к Геок-тепе ген. Ломакина (1879 г.) см.: Туган-Мирза-Барановский В.А. Русские в Ахалтеке. 1879 г. СПб., 1881.

- ²⁶ Военные действия. С. 19.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Пшпек... С. 704–705.
- ²⁹ Там же. С. 705.
- ³⁰ 6-я горная батарея... // Артиллерийский журнал. 1885. № 12. С. 984.
- ³¹ Там же. С. 1003.
- ³² Военные действия... С. 20.
- ³³ Там же.
- ³⁴ 6-я горная батарея... // Артиллерийский журнал. 1885. № 12. С. 1002.
- ³⁵ Там же. С. 997.
- ³⁶ Там же. С. 1003.
- ³⁷ Напр., в цитадели Ходжента. См.: Гребнер А. Указ. соч. С. 7.
- ³⁸ Пшпек... С. 709.
- ³⁹ Заметка о бухарской и кокандской артиллерии... С. 507–508.
- ⁴⁰ Гребнер А. Указ. соч. С. 2–3.
- ⁴¹ Там же. С. 5–6.
- ⁴² Там же. С. 11–12.
- ⁴³ Там же. С. 23.
- ⁴⁴ Военные действия... С. 57; Гребнер А. Указ. соч. С. 18.
- ⁴⁵ Военные действия... С. 58.
- ⁴⁶ Там же. С. 61–62.
- ⁴⁷ Об артиллерии Хивы, Коканда и Бухары см.: Громов А.В. Трофеи Туркестанских походов XIX столетия в коллекции ВИМАИВиВС // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Межд. науч.-практ. конф. 12–14 мая 2010 г. Ч. 1. СПб.: ВИМАИВиВС, 2010. С. 160–176; Его же. Развитие военного дела Хивы, Бухары и Коканда (по материалам русских источников) // Война и оружие. Новые исследования и материалы. 2-я межд. научн.-практ. конф. 18–20 мая 2011 г. Ч. 1. СПб.: ВИМАИВиВС, 2011. С. 165–186.
- ⁴⁸ Керсновский А.А. История русской армии. М., 1993. Т. 2. С. 286.
- ⁴⁹ Зайцев В.Н. Указ. соч. С. 19–22.

А.Д. Гронский (Минск, Республика Беларусь)

ВОЙНА ЦИФР НА СКРИЖАЛЯХ ИСТОРИИ: КОЛИЧЕСТВО ПОТЕРЬ В ПЕРИОД ПОЛЬСКОГО ВОССТАНИЯ 1863–1864 ГОДОВ ПО ИСТОЧНИКАМ С ОБЕИХ СТОРОН

НЕСМОТРЯ на то что польскому восстанию 1863–1864 гг. посвящена не одна книга, в истории восстания остается еще множество белых пятен. В первую очередь эти белые пятна связаны с излишней мифологизацией восстания, которая проявляется даже в научных текстах¹. В нем заинтересованные лица видели не только выступление польской шляхты за восстановление своего государства, но и нагружали его иными смыслами, далекими от реальных мотивов повстанцев и даже противоречащими им².

Если обратиться к источникам, описывающим восстание, тогда многое проясняется в идеологии повстанцев. Но обратимся к документам, в которых приводятся цифры. Статистические сведения о репрессированных повстанцах можно найти в книге Зайцева³, эти сведения дают представление о размахе репрессий российских властей. Который, кстати, был не таким уж и широким, как принято считать. Наш интерес в настоящее время лежит в сравнении цифр потерь русских войск и польских повстанцев.

Мы будем пользоваться двумя источниками. Российский взгляд представлен во второй части сборника «Архивные материалы муравьевского музея»⁴. Его составитель А.И. Миловидов постарался собрать сведения обо всех боях с повстанцами на территории Северо-Западного края и в Августовской губернии, которая также контролировалась генерал-губернатором М.Н. Муравьевым. Миловидов указывает, что он собрал информацию обо всех боях и стычках, хотя и замечает, что что-то могло ускользнуть от его

внимания⁵. Также Миловидов дал перечень фамилий русских солдат и офицеров, погибших и умерших от ран в период подавления восстания. Эти фамилии были выбиты на памятных досках Александро-Невской часовни, расположенной в Вильне. Часовня была заложена М.Н. Муравьевым в память солдат, погибших в боях с повстанцами, а открыта уже при преемнике Муравьева генерал-губернаторе К.П. фон Кауфмане. Часовня была уничтожена в период гражданской войны, и список фамилий в сборнике Миловидова, видимо, остался единственной доступной информацией о погибших⁶. Список также можно найти на сайте научно-просветительского Интернет-портала «Западная Русь» (перечень, представленный на сайте, уточнен и более удобно разбит)⁷. В сборнике А.И. Миловидова содержатся различные документы, в том числе и рапорты начальников русских отрядов или командующих войсками в определенных регионах. Там есть описание боев, а также встречается информация о количестве повстанцев и русских войск, участвовавших в том или ином бою, о потерях с той и другой стороны, хотя полные сведения отражаются не всегда.

С другой стороны использованы воспоминания польского повстанца И. Арамовича, написанные в Швейцарии в 1865 г. и недавно переведенные на белорусский язык⁸. Арамович был адъютантом при военном начальнике Гродненского воеводства, поэтому, как предполагается, в его воспоминаниях присутствует информация из рапортов отдельных повстанческих командиров⁹. Описывая бои с русскими войсками, Арамович также приводит цифры, показывающие количество сил и жертв с той и другой стороны.

Сравнить информацию из двух противоположных источников представляется интересным хотя бы потому, чтобы понять то, как представляли себе та и другая сторона свои действия и их итоги.

Мы рассмотрим всего лишь несколько боев, в отношении которых можно найти точные данные с обеих сторон. Дело в том, что еще Миловидов писал о том, как сложно сопоставить сведения об одном и том же сражении из разных источников. Ведь командиры русских отрядов, описывая бой, могли географически привязать его к одному населенному пункту, гражданская администрация, упоминая об этом же бое, – к другому, а повстанцы вообще к третьему. Поскольку большинство боев происходило между деревнями, то в разных рапортах один и тот же бой привязывался к разным географическим названиям – или к названию населенного пункта,

который был ближе, или к названию деревни, со стороны которой пришел отряд, или вообще употреблялись названия не населенных пунктов, а леса или реки (например, бой в Одрыженском лесу или у реки Стертеж и т. д.).

Рассмотрим всего три боя армейских и повстанческих отрядов – те бои, которые описаны наиболее подробно в опубликованных рапортах в сборнике Миловидова и упоминания о которых есть у Арамовича.

Первым рассмотрим бой у Сельца, произошедший в начале мая 1863 г. Поляки под командованием Г. Стравинского (Млотека) заблокировали дорогу для русского отряда, который после ночного сна отправился на поиски повстанцев. Поляков было достаточно много, и они желали сражения. Русский авангард бросился в штыки, поляки отошли, русские продолжили преследование. Поляки укрепились, русский авангард отошел, ожидая основные силы, повстанцы последовали вслед за русскими, но тут подошли основные силы отряда. После этого поляки не смогли оказать сопротивление и стали отступать. Их преследовали около 5 верст. Преследование прекратили по причине почти полного исчерпания боеприпасов и «потерпев значительный урон»¹⁰. После этого повстанцы опять сосредоточились, но к русским подоспело подкрепление – второй отряд, занимавшийся поисками повстанцев поблизости. Судя по всему, он и продолжил бой. Повстанцы отступили, забирая раненых, хотя смогли забрать не всех¹¹. Поле боя осталось за русскими.

По сведениям Арамовича, поляки имели чуть более 300 человек (изначально 280 человек, к которым присоединилось, как минимум, несколько десятков)¹². Они были разделены на четыре роты – 3 стрелецких и 1 косинерскую. Русские источники сведения о повстанцах не сообщают.

Количество русских войск Арамович не сообщает. По русским сведениям, они состояли из двух отрядов. Отряд под командованием штабс-капитана Евдокимова состоял из 112 пехотинцев Ревельского полка и 20 казаков, т. е. насчитывал 132 человека, а другой, под командованием есаула Евстратова – из 80 солдат Ревельского полка и 40 казаков, т. е. из 120 человек. К какому или каким казачьим полкам принадлежали казаки, не указано¹³. Таким образом, общее количество русских войск, участвовавших в бою, составляло 252 человека против примерно более чем 300 повстанцев.

Причем русские вступили в сражение не все сразу, второй отряд не успевал к началу боя. Не удивительно, что повстанцы, видя перед собой достаточно немногочисленный по отношению к себе русский отряд, стремились во что бы то ни стало завязать бой и достичь победы. Если учитывать, что три повстанческих роты из 4-х были стрелецкими, т. е. вооружены огнестрельным оружием, тогда понятно, что руководство инсургентского отряда рассчитывало на успех.

Потери поляков, по польским сведениям, 5 убитых и 4 раненых, двое из которых тяжело¹⁴. По русским данным, в первой фазе боя поляки оставили на поле боя 50 человек убитыми, во второй фазе боя, когда подошло русское подкрепление, потери поляков составили более 50 убитых на месте, и еще 9 тяжелораненных умерло во время перевозки их в Сельцы¹⁵. Таким образом, общие потери повстанцев, по русским данным, составили более 110 человек убитыми и умершими от ран при транспортировке. То есть цифры польских потерь различаются в 22 раза.

Сведения о русских потерях в этом бою также разнятся. По польским сведениям, число жертв со стороны русских составило 176 человек, из них 65 раненых¹⁶, то есть погибших было 111 человек. По русским сведениям, в первом отряде погибло 5 человек и 23 было ранено (из них 16 легко)¹⁷. Эти потери были определены в рапорте как «значительный урон». Видимо, именно так их и воспринимали, поскольку чаще всего, если русские солдаты и гибли в боях с повстанцами, то потери исчислялись 1–2 погибшими и несколькими ранеными. Это можно проследить по перечню боев, который был составлен Миловидовым¹⁸. Первая фаза боя закончилась, если верить Арамовичу, тем, что русские «бежали по дороге до Сельца, бросая трупы, раненых, штуцера (30 штук), барабан и лошадей (7)». По русским сведениям, русские захватили в этом бою 5 лошадей и фургон¹⁹, что нелогично, ведь бросающие своих лошадей, но забирающие лошадей противника должны были выглядеть странно. Второй русский отряд также имел потери – 3 убитых (1 казак, а также ревелыцы – унтер-офицер и рядовой), 5 раненых и 2 контуженных²⁰. Наступление ночи помешало преследованию повстанцев. Таким образом, за весь бой общие потери русских войск составили 8 убитых, 28 раненых и 2 контуженных. В русском рапорте эти потери названы «значительными» и объясняются «энергиею начальника партии и стойкостью шайки его, действующей

правильно и по всем правилам тактики»²¹. Т. е. русские отдавали должное полякам и их сопротивлению.

Теперь сравним цифры русских потерь. Если поляки утверждают, что они составили 111 убитых и 65 раненых, а русские, что они составили 8 убитых, 28 раненых и 2 контуженных, то цифры по убитым разнятся почти в 14 раз, по раненым (если к ним отнести и контуженных) – чуть более чем в 2 раза.

Если обратиться к спискам на стенах Александро-Невской часовни²², можно узнать, что за все время восстания погиб 21 солдат Ревельского полка. Общее число погибших казаков, участвовавших в подавлении восстания в Северо-Западном крае, составило 22 человека. Если гипотетически предположить, что все жертвы Ревельского полка были именно в этом сражении и все казачьи потери были в нем же, тогда получается, что русских должно было погибнуть 41 человек, но никак не 111.

Описывая именно этот бой, Арамович приоткрывает завесу над тайной того, каким же образом подсчитывались русские потери. Вот цитата: «Потери москалей подсчитали в Пружанах – 176, из них 65 раненых»²³. То есть повстанцы отступили (или бежали, смотря кто описывает события). Оставив поле боя, они не могли подсчитать потери русских. Русские офицеры свои цифры подают, ссылаясь на подсчеты трупов на поле боя. А вот повстанцы подсчитывают жертвы, понесенные противником, находясь далеко от места события. И подсчеты, на которые ссылается Арамович, это, скорее, желаемое, которое выдается за действительное.

Следующим рассмотрим один из боев русских войск с отрядом Р. Траугута, произошедшим в первой половине мая 1863 г. Русские отряды искали Траугута после предыдущего боя. Крестьяне рассказали русскому авангарду, что слышали выстрелы по направлению к Белинским лесам. Крестьяне, которые явились к командиру отряда, эти сведения подтвердили. В это время русские были разделены на два отряда. Генерал-майор А.Ф. Эггер направил войска на повстанцев. При этом часть войск была оставлена в засаде возле плотины. Лес вокруг был болотистый, поэтому отходить повстанцы могли лишь в определенном направлении, его и перекрыли русские. Повстанцы быстро заняли оборону и встретили неприятеля «убийственным огнем, от которого с самого начала значительное число было ранено»²⁴. Бой был отчаянный, русские пошли в бой без резерва, т.к. их было очень мало и резерв попросту нельзя было

сформировать. Как указывал Арамович, «москали трижды ходили в атаку и трижды были отбиты»²⁵. Кроме того, часть русских войск находилась в засаде и не участвовала в штурме. Несмотря на отчаянное сопротивление поляков, они были вытеснены из лагеря. В лагере осталось все имущество. По русским сведениям, бой длился более 2 часов²⁶, по польским – 3 часа, а отдельные выстрелы продолжались до вечера²⁷.

По русским сведениям, силы повстанцев составляли 300–400 человек «отлично вооруженных и обученных»²⁸. Более точно определить количество повстанцев русские вряд ли могли, поскольку до этого Траугут был дважды разбит, и инсургенты несколько раз были рассеяны, но потом вновь собирались. В каком количестве они возвращались к Траугуту, русским сложно было предположить. У Арамовича сведений о количестве повстанцев в отряде Траугута не указано.

Если рассмотреть количество русских войск, участвовавших в сражении, то польские и русские цифры различаются. По русскому рапорту, отряд состоял из полутора рот 3-го стрелкового батальона и полсотни казаков²⁹. Из них 30 стрелков и 15 казаков были направлены в засаду и непосредственного участия в бою не принимали³⁰. Польские сведения о количестве русских войск значительно отличаются. Арамович указывает, что русских было 4 роты и 200 казаков³¹. Т. е. сведения по количеству стрелков различаются чуть более, чем в 2,5 раза, а по казакам – в 4 раза.

Количество жертв, по сведениям сторон, также различается. Так, по воспоминаниям Арамовича, повстанцы потеряли 13 человек убитыми и 4 ранеными, двое из которых были взяты в плен. Еще 10 инсургентов было поймано крестьянами и передано законным властям. Также русским достался весь повстанческий обоз в 20 подвод и 50 лошадей³². По русскому рапорту, повстанцы потеряли 21 человека на поле боя – это те, кого русские смогли учесть. Еще 5 повстанцев, оставшихся на поле боя, было ранено и соответственно взято в плен. Также рапорт указывает, что поляки, предположительно, потеряли большое количество людей при отступлении через болота, т. к. в удобном для отступления месте располагалась засада, которая открыла огонь по отступающим. Сколько погибло от выстрелов из засады и утонуло в болотах – неизвестно, но «потеря должна быть огромная»³³. Русским достался «весь неприятельский обоз и множество оружия, пороху, свинцу, готовых патронов,

походная аптека, большой запас разных продуктов, множество разного платья и лошадей...». Несколько повстанцев захватили крестьяне, о большом количестве потерь от огня из засады и в болотах русские узнали именно от пленных³⁴. Потери поляков, по сведениям Арамовича, составляют 13 человек, а по русским данным – 21 человек только тех, кого обнаружили павшими на поле боя. В болотах никто убитых не искал, поэтому потери повстанцев в болотах остались неизвестны. Т. е. разница в подсчетах (без учета утонувших в болотах и погибших в них же от выстрелов из засады) более, чем в 1,5 раза.

Русские потери, по двум источникам, также различаются. По польским сведениям, русские потеряли 73 человека убитыми и более 30 ранеными³⁵. Русские данные указывают, что «успех куплен нами, однако, дорогою ценою», которая составила 9 убитых и 36 раненых (1 офицер и 35 нижних чинов, 4 из них тяжело)³⁶. Если цифры раненых примерно совпадают, то безвозвратные потери различаются более чем в 8 раз. За русскими осталось поле боя, т. е. они могли посчитать и свои, и чужие потери. Поляки же вынуждены были отойти, поэтому вряд ли они могли адекватно посчитать русские потери. Свои потери повстанцы также точно посчитать не могли, т. к. отряд был рассеян, кто-то был убит, ранен, утонул в болоте, попросту ушел домой. Именно поэтому очень сложно установить реальные потери, поэтому точные цифры, оказавшиеся у Арамовича, вызывают удивление.

Однако на следующий день некоторые поляки вернулись на место битвы, где они застали крестьян, которые кормили раненых и «тех, кто потерялся». Возле поля боя было «три могилы, а над одной возносился крест с надписью “За упокой царя и отечества скончались три русские и один поляк”. Могилы раскопали – москали лежали снизу, а наши сверху с разбитыми прикладами головами»³⁷. Вызывает удивление то, что повстанцы раскапывали могилы. Для чего это делалось, Арамович не сообщает. Естественно, что по захороненным можно было установить количество погибших, но почему оно не совпадает с данными рапорта – непонятно. Кстати, раскапывание могил погибших солдат – это не единичный случай. Тот же Арамович описывает подобное в другом месте своих воспоминаний³⁸.

Конкретизировать русские потери можно по спискам фамилий погибших и умерших от ран, ранее выбитых на стенах в Александрово-

Невской часовне³⁹, потери 3-го стрелкового батальона за все время восстания – 14 человек, а потери всех казачьих полков в Северо-Западном крае, как указывалось ранее, – 22 человека, поскольку в рапорте не сообщается, к какому полку приехали казаки, просто укажем общие казачьи потери в крае. Даже если сложить потери всех казаков и 3-го стрелкового батальона, то никак не выходит 73 погибших с русской стороны. Следовательно, потери русских войск в этом бою слишком завышены.

И еще один бой, который подвергнем анализу, произошел на мызе Пухлы в конце июля 1863 г. Объединенный конный отряд повстанцев остановился на ночь на мызе. С утра (по польским сведениям в 3-м часу, а по русским в 5-м часу утра) повстанцы были атакованы казаками и уланами, которые попытались ворваться во двор мызы, где повстанцы уже готовились к походу. Инсургенты успели закрыть ворота и начали отстреливаться из-за высокого частокола. Поняв, что русских достаточно мало, поляки сделали попытку окружить отряд, но когда они перекрыли проход по плотине, русские прорвали польские ряды и вышли из окружения. После чего возобновилась перестрелка. Для того чтобы поторопить пехоту, которая догоняла кавалерийскую часть русского отряда, были посланы казаки. По сведениям Арамовича, русская пехота находилась в засаде возле ближайшего брода, но далее, по его же данным, русская пехота попросту не успела к концу перестрелки, т. к. она была «на расстоянии двух выстрелов» от места боя. Тут, скорее, можно верить русскому рапорту – пехота шла издалека. Казаки, посланные за ней, видимо, были восприняты поляками как очередное русское подкрепление, т. к. Арамович записал, что на помощь русским «подошла конница и даже пехота»⁴⁰. К этому времени повстанцы начали отходить, успев забрать своих убитых и раненых. Поле боя осталось за русскими, которые преследовали повстанцев еще 5–6 верст, но прекратили преследование по причине того, что люди были уставшими. Ведь русская кавалерия вступила в бой с ходу, подошедшая пехота также была с марша, а повстанцы успели отдохнуть и сами уже собирались уходить с мызы⁴¹.

В воспоминаниях Арамовича не сообщается о количестве повстанцев, русские сведения говорят о том, что в отряде было «250 отлично вооруженных охотников, повстанцев»⁴². Количество русских войск, по польским сведениям, достигало эскадрона улан и 50 казаков, позже подошли еще казаки и пехота⁴³. По русским

сведениям, кавалерия вступила в бой следующими силами – 75 уланов 2-го эскадрона С.-Петербургского уланского полка и 30 казаков 5-й сотни 5-го Донского казачьего полка. Позже подошла стрелковая рота Софийского пехотного полка, но она реально приняла участие лишь в преследовании⁴⁴. Русская рота того времени состояла примерно из 180 человек (по штатам военного времени)⁴⁵, эскадрон был примерно такого же состава, т. е. поляки оценили русский кавалерийский отряд примерно в 230 человек, по русскому рапорту уланов и казаков вместе было 105 человек. Т. е. силы русских по польским сведениям завышены более чем в 2 раза по отношению к русским сведениям.

Потерь у поляков, по сведению Арамовича, нет, «несмотря на то что дом и заборы посекали пули». Раненой оказалась лишь одна лошадь⁴⁶. По русским сведениям, потери поляков ранеными и убитыми составили примерно 30 человек, но в русском рапорте указано, что поляки успели забрать всех своих погибших и раненых. Поэтому русские сведения базируются лишь на информации, полученной от местных жителей⁴⁷. Насколько точно местные жители могли посчитать жертвы – неизвестно.

Русские потери, согласно Арамовичу, были 20 человек убитыми (в том числе казачий офицер) и 14 ранеными⁴⁸. По русским сведениям, их потери составили 2 убитых (казачий офицер и рядовой улан) и 4 улана были ранены (из них один тяжело)⁴⁹. Т. е. сведения по убитым различаются в 10 раз, по раненым – в 3,5 раза. По сведениям о погибших, имевшихся в Александро-Невской часовне, в С.-Петербургском уланском полку за все время восстания погибло 3 человека, а в 5-м Донском казачьем – 2⁵⁰, т. е. общие потери обоих полков за все время восстания составили 5 человек, и даже если они все гипотетически были бы в этом бою, то 20 русских погибших, как утверждал Арамович, все равно никак не получилось бы. Интересно, что в информации по этому бою есть сведения о конских потерях, причем сведения с обеих сторон. Так, Арамович утверждает, что у повстанцев была ранена лишь одна лошадь, а по русским сведениям, у повстанцев были отбиты 20 лошадей, еще 4 убиты и 5 тяжело ранены⁵¹. Т. е. данные не совпадают. Если учесть, что поле боя все-таки осталось за русскими, то они могли посчитать потери в лошадях более точно.

Почему же такие разные цифры потерь при упоминании одного и того же боя противоположными сторонами? Естественно, каждая

сторона старалась представить события в выгодном для себя свете, но это все же более касается описания боя, чем подсчета потерь. Рапорты русских офицеров более точны в отношении цифр. Ведь поле боя в основном оставалось за русскими войсками, т. е. именно они могли подсчитать трупы после боя. Собственные потери в русских рапортах не было смысла занижать, ведь иначе каким образом можно было объяснить начальству такую огромную убыль солдат? Да и вызывает большое сомнение, что повстанцы практически всегда могли вести очень эффективный огонь по противнику. И почему тогда поле боя практически всегда при столь огромных русских и малых польских потерях оставалось именно за русскими войсками? Польские подсчеты базировались, скорее всего, на предположениях того, сколько же русских солдат они потенциально могли убить. Тот факт, что подсчеты делались не сразу после боя, а тогда, когда повстанцы отрывались от преследования, говорит сам за себя. Русские потери в польских повстанческих рапортах были завышены, иногда (а может быть, часто) очень сильно. Собственные потери практически всегда занижались. Это могло быть по разным причинам. Например, повстанческие командиры могли предположить, что люди разбежались или потерялись, т. е. не были убиты, поэтому их не вносили в списки жертв. Или же попросту нужно было показать эффективность собственных действий.

Видимо, при выяснении цифр потерь той и другой стороны все же следует признать, что русские данные более корректны, чем данные польских повстанцев.

¹ См., напр.: Забаўскі М.М. Гістарыяграфія паўстання 1863–1864 гг. // Сучасныя праблемы гістарыяграфіі гісторыі: Матэрыялы Рэспубліканскай навукова-практычнай канферэнцыі. Мінск, 28 лістапада 2003 г. У 3 ч. Ч. 2. Мінск: БДПУ, 2003. С. 262–267; Кулакевіч Т.М. Касцюшка і Каліноўскі – нацыянальныя героі Беларусі // Славянскі свет: мінулае і сучаснае. Матэрыялы Рэспубліканскай навуковай канферэнцыі. 26 сакавіка 2004 г. У 3 ч. Ч. 1. Мінск: БДПУ, 2004. С. 79–82; Люты А.М. Кастусь Каліноўскі (да 140-годдзя паўстання 1863–1864 гг. ў Беларусі) // Славянскі свет: мінулае і сучаснае. Матэрыялы Рэспубліканскай навуковай канферэнцыі. 26 сакавіка 2004 г. У 3 ч. Ч. 1. Мінск: БДПУ, 2004. С. 88–96 и мн. др.

² Критику современных белорусских представлений о польском восстании 1863–1864 гг. см.: Гронский А.Д. Конструирование образа белорусского национального героя: В.К. Калиновский // Белоруссия и Украина: История и культура. Ежегодник 2005/2006. М., «Индрик», 2008. С. 253–265.

- ³ Зайцев В.М. Социально-сословный состав участников восстания 1863 г.: (Опыт статистического анализа). М.: Наука, 1973. 196 с.
- ⁴ Архивные материалы муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863–1864 гг. в пределах Северо-Западного края. Ч. 2. Переписка о военных действиях с 10-го января 1863 г. по 7 января 1864 г. / сост. А. Милюдов. Вильна: Губернская типография, 1915. LXII с. + 466 с.
- ⁵ Там же. С. L.
- ⁶ Там же. С. LII–LIV.
- ⁷ Список русских солдат и офицеров, погибших в период подавления польского восстания 1863–1864 гг. в пределах Северо-Западного края Российской империи // Научно-просветительское Интернет-издание «Западная Русь» // URL: <http://zapadrus.su/bibli/arhbib/85-spisok-pogibshih-russkih-soldat-v-1863.html> Дата доступа: 26.01.2013.
- ⁸ Арамовіч І. Мары. Успаміны пра партызанскі рух у Гродзенскім ваяводстве ў 1863 і 1864 гг. // Архэ. 2010. № 12. С. 18–71.
- ⁹ Радзюк А. «Мары» Ігната Арамовіча // Там же. С. 17.
- ¹⁰ Архивные материалы... С. 153.
- ¹¹ Там же. С. 154.
- ¹² Арамовіч І. Указ. соч. С. 28.
- ¹³ Архивные материалы... С. 152–153.
- ¹⁴ Арамовіч І. Указ. соч. С. 30.
- ¹⁵ Архивные материалы. С. 153.
- ¹⁶ Арамовіч І. Указ. соч. С. 30.
- ¹⁷ Архивные материалы... С. 153.
- ¹⁸ Там же. С. XX–L.
- ¹⁹ Там же. С. 153.
- ²⁰ Там же. С. 154.
- ²¹ Там же.
- ²² Список русских солдат и офицеров...
- ²³ Арамовіч І. Указ. соч. С. 29.
- ²⁴ Архивные материалы... С. 177.
- ²⁵ Арамовіч І. Указ. соч. С. 45.
- ²⁶ Архивные материалы... С. 178.
- ²⁷ Арамовіч І. Указ. соч. С. 45.
- ²⁸ Архивные материалы... С. 178.
- ²⁹ Там же. С. 176.
- ³⁰ Там же. С. 177.
- ³¹ Арамовіч І. Указ. соч. С. 45.
- ³² Там же.
- ³³ Архивные материалы... С. 178.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Арамовіч І. Указ. соч. С. 45.
- ³⁶ Архивные материалы...
- ³⁷ Арамовіч І. Указ. соч. С. 45.
- ³⁸ Там же. С. 65.
- ³⁹ Список русских солдат и офицеров...
- ⁴⁰ Арамовіч І. Указ. соч. С. 64.
- ⁴¹ Архивные материалы... С. 285.
- ⁴² Там же. С. 286.

⁴³ Арамовіч І. Указ. соч. С. 64.

⁴⁴ Архивные материалы... С. 284–285.

⁴⁵ Грабовский С.В. Историческая хроника полков 37-й пехотной дивизии (1700–1880). СПб.: Типография Кесневиля и Балашова, 1883. С. 118.

⁴⁶ Арамовіч І. Указ. соч. С. 64.

⁴⁷ Архивные материалы... С. 285.

⁴⁸ Арамовіч І. Указ. соч. С. 64.

⁴⁹ Архивные материалы. С... 285.

⁵⁰ Список русских солдат и офицеров...

⁵¹ Архивные материалы... С. 285.

С.В. Гуров (Тула)

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ РЕАКТИВНАЯ АРТИЛЛЕРИЯ В XIX ВЕКЕ

ВЫБОР темы статьи определен возможностью впервые отдельно систематизировать, проанализировать и предоставить данные по развитию реактивной артиллерии в мире в XIX в., после проведенного автором исследования в период с 2005 по 2012 гг. В основном, исходные данные являются обрывочными.

В рассматриваемый период многозарядные станки находились на вооружении армий России, Англии, Франции и других европейских стран, США.

Россия

Прообразы средств залпового огня для пуска боевых ракет в России – бутки для пуска ракет¹ и ящик для пуска 5-ти ракет, описанный Демидовым в книге, выпущенной в 1820 г. Он применял такие ящики на практике² (рис. 1). Основное же влияние на развитие средств залпового огня оказали английские разработки.

Первый отечественный боевой опыт

Согласно не упоминавшимся в литературе XX и XXI вв. данным второй половины XIX в., в 1813 г. в союзной армии во время сражения под Лейпцигом находилась батарея английских ракетчиков, которая на некоторое время была вверена графу Воронцову. Она действовала против французской кавалерии с успехом, но вскоре была сбита (вероятно, уничтожена) силами французской артиллерии. Ракеты запускались с особых станков в виде полевых лафетов по 5 штук разом³.

О работах А.Д. Засядко

Архивные данные о работах Александра Дмитриевича Засядко с многорядными станками в ходе исследования не обнаружены.

В повести Ю.А. Никитина «Шпага Александра Засядко» описывается проведение испытания А.Д. Засядко ракет с использованием 6-зарядного станка, на направляющие которого укладывались ракеты, т. е. направляющие были открытого (желобкового) типа. После залпового пуска заметили расхождение траектории ракет в верхней точке из-за неравномерного истечения струи газа, но они упали достаточно близко друг от друга. Дальность, по словам офицера, ее измерявшего, составила 2888 сажень (6122,56 м; 1 сажень = 2,12 м)⁴.

В источнике⁵ А.Д. Засядко указан как разработчик станков для ведения залпового огня (6 ракет), а в источниках⁶ – 36-зарядного станка.

Многорядные станки при испытании ракет в России

В 20-х гг. XIX в. в русской армии были Конгревовы ракеты⁷, изготовлением и испытанием которых, в частности, занимался англичанин Томас⁸ Турнер (Массенберд), прибывший из Парижа в 1823 г.⁹ 09.06.1824 г. на Волковом поле в Санкт-Петербурге в присутствии генерал-фельдцейхмейстера проводились опыты с такими ракетами, изготовленными Турнером. Во время одного из опытов

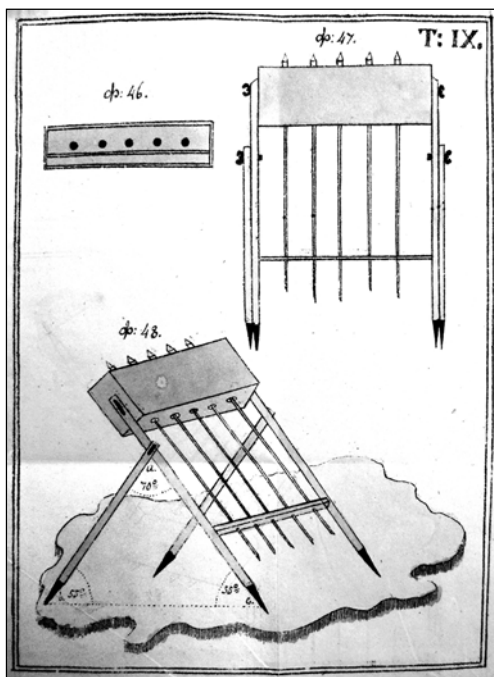

Рис. 1. Ящик, применявшийся Демидовым и описанный им в его книге, изданной в 1820 г.

были выполнены 2 залпа, состоящие из 4-х ракет, из особого станка (возможно, четырехзарядного), устроенного по образцу английских с тем же назначением. В Журнале опытов указано: «...удобность пускать их таким образом (если только привод для сообщения им огня будет лучше расположен) оказываются – очевидными». «Оне были возвышены на 20. градусов и сделали три рикошета, после чего гранаты лопались – долетая до валау», – говорится там же. А 5, 14 и 21 августа 1825 г. на Волковом поле со станка с 8-ю открытыми желобками запускались его же ракеты следующих калибров: 2 1/4 дюйма в диаметре (9 фунтов по весу); 2 дюйма в диаметре (6 фунтов по весу) и 3 1/4 дюйма в диаметре (24 фунта по весу)¹⁰. Станок можно считать прообразом установок (боевых машин) на единой ходовой базе для пуска реактивных снарядов разных калибров, что было актуально на различных этапах развития реактивной артиллерии, а также актуально и в настоящее время во всем мире¹¹.

Разработка и использование многозарядных станков в России

В 1823–1825 гг. в России созданы и испытаны 4-¹² и 8-зарядные станки, а в 1826–1827 гг. – более совершенные 6-ствольные, принятые на вооружение¹³, после чего одновременно началось производство 6-зарядных станков¹⁴.

В копии письма за № 5103 «О приготовлении Лафет» от 10.05.1827 г. из Военного министерства (Департамент артиллерийский, отделение II, стол II) генерал-лейтенанту артиллерии Козену ведется речь об изготовлении для Ракетного заведения на Охтенском пороховом заводе, в здешнем арсенале, по известным чертежам и способу постройки, следующих лафетов: двух с 6-ю трубами с передками и 2-х ящиков с передками к ним; одного с 9-ю трубами и одного лафета с 15-ю трубами – оба с передками¹⁵. Эта информация, подтверждает, что во второй половине 20-х гг. XIX в. в России проводились работы по более широкому диапазону станков, чем считалось ранее, с учетом увеличения количества направляющих одного станка, а следовательно, и огневой мощи залпа каждого станка.

Подготовка к Русско-турецкой войне 1828–1829 гг. и первое боевое испытание

Представленная ниже информация наиболее вероятно относится к событиям, связанным с подготовкой армии к Русско-турецкой войне 1828–1829 гг. Судя по копии письма генерал-лейтенанта

Козена «Подготовка к походу. О формировании ракетной роты» от 29.02.1828 г. и копии его записки в письме «Касательно приготовления ракетной роты к походу» от 05.03.1828 г. от генерал-фельдцейхмейстера в адрес начальника Главного штаба Его Императорского Величества, ракетная рота могла быть готовой для выступления в поход между 15 апреля и 1 мая. К этому времени должны были быть готовы шесть «станков шеститрубных для 20-фунтовых ракет со всею принадлежностью» и один запасной. «Станки сии построены на манер наших по причине той, что оне во всем превосходят Англинских». Должны были быть приготовлены и шесть ящиков для них. Было и другое предложение Козена: «Мнением полагаю не одни трехножные станки взять с собою, но и больше, с которых спустив в один раз 36-ть ракет, можно неприятелю нанести большой вред, к тому же станки сии готовы будут». Граф Дибич, после изучения письма Козена, предлагал из больших станков взять только один¹⁶. В ведомости о принятии из С.-Петербургского арсенала по табелю положенных для ракетной роты вещей и прочего указывается шесть ракетных лафетов с передками с шестью медными цилиндрами для пуска 20-фунтовых ракет и одного запасного лафета, а также ящиков для ракет с передками – 6 штук¹⁷.

Имеющиеся не архивные данные позволяют сделать вывод, что первым боевым испытанием ракет и станков для залповой стрельбы стала Русско-турецкая война 1828–1829 гг.¹⁸ Архивные данные, подтверждающие это, не обнаружены.

17.09.1828 г. в Варну, с целью усиления войск южной стороны, из осадных войск были, в частности, переданы два 6-зарядных станка¹⁹. В книге Ю.А. Никитина указано, что у пункта Балабуха были 23 6-зарядных ракетных станка, доставленные в район крепости Варна по причине возможности причинения их залпом огромных разрушений ей. Одновременного залпа 23-мя станками было достаточно, чтобы крепость пала²⁰.

В экспозиции Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВиВС, Санкт-Петербург) экспонируется модель станка с передком лафетного типа с 6-ю трубчатыми направляющими для одновременного пуска шести 20-фунтовых ракет конструкции Ракетного заведения, которые состояли на вооружении первой ракетной роты русской армии и применялись в период Русско-турецкой войны 1828–1829 гг.²¹ (рис. 2).

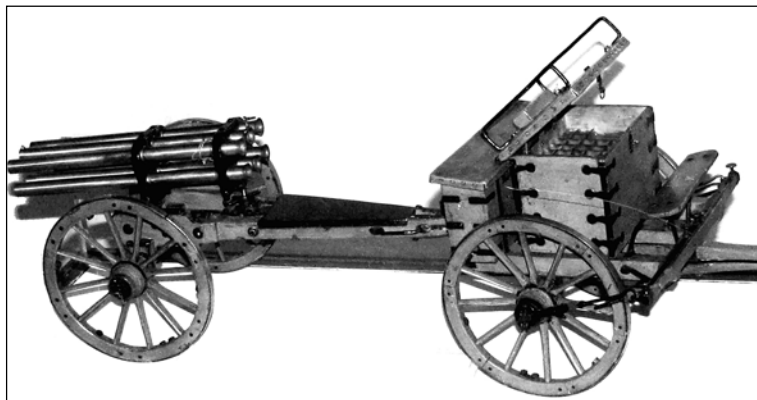

Рис. 2. Модель станка с передком лафетного типа с 6-ю трубчатыми направляющими для одновременного пуска шести 20-фунтовых ракет конструкции Ракетного заведения

В копии журнала Артиллерийского отделения от 04.06.1849 г. приводится мнение начальника Штаба по управлению генерал-фельдцейхмейстера, что в последнюю турецкую кампанию он лично убедился на опыте в совершенно неудобноисполнимом пуске ракет залпом, так как в этом случае ракеты не сохраняли надлежащего направления²². Способ обеспечения залпового огня не указан.

Многозарядные станки в Ракетной батарее в 30-х гг. XIX в.

В 1834 г. в составе Ракетной № 1 батареи состояло от одного до нескольких шестизарядный станков²³. Один станок в тот год направлялся на ремонт²⁴.

В копии документа (предположительно 1834 год) «Табель Вещам Артиллерийского Ведомства, состоящим по Мирному времени в Ракетной № 1ой Батареи», направляемым на ремонт, в частности, упоминается: «...Лафетов ракетных с передками, 36^ю медными спусковыми цилиндрами, с ящиками для укладки ракет и со всею к ним принадлежностью» в количестве 6 штук²⁵. Данная информация впервые проливает свет на тип и материал направляющей 36-зарядного станка.

В копии документа «Ведомость Принятым С.-Петербургским Арсеналом из Ракетной № 1ой Батареи: Лафетов, Ящиков, обозу принадлежности, конской сбруи запасных вещей и прочаго» указывается на необходимость сдачи и сдачу в 1835 г. в арсенал шести

лафетов ракетных с передками с 6-ю медными трубами из состава тяжелой полубатареи. В 1836 г. дополнительных сдач не было. Ведомость была частью документов, включая квитанцию от 02.03.1837 г. об освидетельствовании, в частности, принимаемых лафетов ракетных с передками с 6-ю медными трубами, в которой указано, что эти трубы сделаны из листовой меди. Точению была подвергнута только их поверхность, из-за чего их толщины были неровны в железных цилиндрах. В копии документа от 20.01.1836 г. «Примерное Счисление Материалам потребным на исправление имущества Ракетной батареи поступившего в С.Петербургский Арсенал» упоминается о направлении на исправление станков «ракетных 12^{фв}» (вероятно, 12-фунтовых) с передками, колесами и 6-ю медными трубами, с 6-ю ящиками для возки ракет к ним²⁶.

Залповый огонь в интересах военно-морского флота

Автор технического проекта строившихся береговых укреплений Кронштадта, инженер Маслов, предусмотрел стрельбу залпом зажигательными ракетами по судам неприятеля²⁷. В 1848 г. на одном из фортов Кронштадта были установлены 22 ракетные установки неустановленного типа, которые планировалось применять для ведения залповой стрельбы по вражеским кораблям²⁸.

Существовало мнение об отправке в Крым большого числа станков для стрельбы вдруг с нескольких из них²⁹.

Считалось, что при пуске ракет в большом количестве с приморских батарей можно было нанести вред кораблям благодаря случайному проникновению ракет между корабельными деками через пушечные порты³⁰.

Отечественные знания и опыт по ведению залпового огня в конце 40-х – начале 50-х гг. XIX в.

Во время Итальянской компании 1848 г. полубатарея № 4 обладала сильной позицией при Ровили. После нескольких обстрелов одного из укреплений без особого успеха были выполнены два залпа со всех спусков один за другим. Это заставило врага отступить немедленно и обратиться в бегство³¹.

В середине XIX в. казаки на Кавказе использовали и старый способ запуска ракет, называемых ползунами³². Они клали ракеты на бревна, на камни или на бугорки и действовали ими по неприятелю³³. Этот способ также применялся военными русской армии, в частности, и в Крымскую войну 1853–1856 гг. во время осады Силистрии (1854). Об успешном применении боевых ракет 17 и

22 мая 1854 г. командующий русской армией генерал Горчаков донес военному министру в своем рапорте за № 1671 от 23 мая 1854 г.: «...ракетная команда в этих боях успешно применила залповый огонь: залпами по 4 и 8 ракет, пущенных непосредственно с гребня бруствера траншеи, турецкая кавалерия была рассеяна и обратилась в бегство...»³⁴ Из 639 примененных ракет 134 были спущены со станков, предложенных полковником Константиновым, а 505 ракет были спущены с земли или с гребня бруствера траншеи. Необходимый угол возвышения придавался подкладыванием фашин³⁵ (значение термина не указано).

Во время Крымской войны было замечено, что «эффект поражения и скорость выполнения огневой задачи зависят от масштабов одновременного применения реактивной артиллерии по какому либо отдельному объекту, эффект поражения резко отличался от результатов методического огня реактивной артиллерии небольшим количеством станков, хотя и с одинаковым расходом боеприпасов». Из-за этого нередко сводились 10–12 ракетных станков неустановленного типа в отдельные ракетные команды для ведения мощного залпового огня. В 1845–1850 гг. на Кавказе были случаи создания ракетных команд с 18–24 ракетными станками³⁶ неустановленного типа. Эта тактика изучалась и в 30-х гг. XX в. для применения установок штыревого типа с ракетными снарядами³⁷ и, вероятно, применялась во время войны во Вьетнаме в 60-х гг. XX в.³⁸

О роли К.И. Константинова

Факты разработки учеником А.Д. Засядко Константином Ивановичем Константиновым³⁹ многозарядных станков для залпового пуска не установлены.

Он предлагал использовать ракетные подразделения как мощное огневое средство и «при употреблении ракет против неприятеля, должно преимущественно действовать несколькими ракетами вдруг, беглым огнем или залпом. Таким образом, если не меткостью удара каждой отдельной ракеты, то совокупным действием большего их числа, можно достигнуть желаемой цели»⁴⁰.

Константинов отмечал, что самое трудное дело для умножения количества выстрелов – обеспечение запаса боеприпасов. Заряжание орудия с некоторым количеством стволов требовало большего количества времени⁴¹.

О работах в области ракетной техники как в России, так и за рубежом, включая обеспечение залпового огня, он написал в своей

книге «О боевых ракетах», выпущенной в 1864 г. Константинов давал оценку 10-зарядному станку конструкции Клейгельса 2-го, которая приведена ниже.

10-зарядный станок конструкции Клейгельса 2-го. Оценки станка

В копии журнала Артиллерийского Отделения Военно-Ученого Комитета (ВУК) от 20.06.1847 г. № 107 «О вновь предложенных станках для спуска метательных ракет» указано, что по приказанию Его Императорского Высочества генерал-фельдцейхмейстера начальника Штаба, при отношении от 7 мая за № 4151, препровождены в ВУК для рассмотрения Артоделением описание и чертеж станка конструкции поручика Клейгельса 2-го для спуска метательных ракет.

Станок состоял из двух поставленных на ребро досок, параллельных между собой и «имеющих на верхних сторонах своих вырезы для вкладывания ракет». «Доски эти утверждены концами своими в двух на ребро же поставленных брусках, и так расположены, что лежащая на их вершинах 10 ракет возвышены под углом в 10 градусов». Вырезы в досках делались так, чтобы уложенные ракеты были не параллельны друг другу, а имели расходящиеся в сторону неприятеля концы. Для удобной переноски к брускам станка были приделаны веревочные петли. При установке на скользкий грунт сквозь бруски станка пропускались деревянные шипы с железными наконечниками (рис. 3).

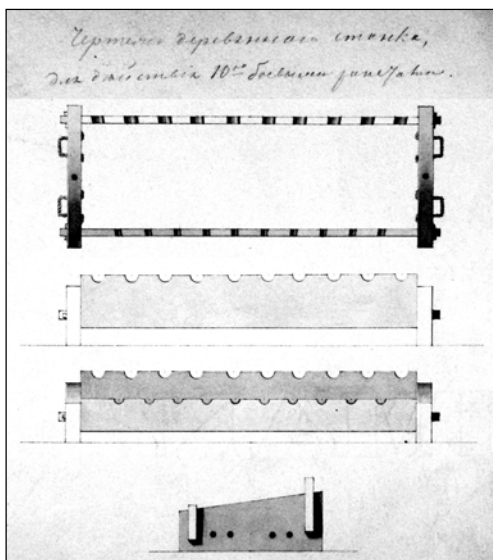

Рис. 3. Чертеж деревянного станка, для действия 10-ю боевыми ракетами (фотомонтаж)

Начальник левого фланга Кавказской линии генерал-лейтенант Фрейтаг свидетельствовал, что ракетный станок, предложенный поручиком Клейгельсом, был испытан в его присутствии и оказался полезным.

Артиллерийское отделение находило, что станок весьма просто может быть устроен мастеровыми на Кавказе без больших расходов. Он не был тяжелым и поэтому был удобен для переноски. Отмечалось, что станок может быть полезен, в случае необходимости, для встречи наступающего противника залпом ракет. Это служило основанием для одобрения конструкции станка.

Капитан Константинов одобрял станок Клейгельса в связи с его простым устройством, дешевизной и прочностью. Однако он считал, что в связи с малой высотой станка при запуске ракет трава может загореться, поэтому последовательный пуск со станка под углом 10 градусов будет опасным и препятствует настильному полету ракет. Непараллельность вырезов не представляла выгоды, т. к. разлет ракет даже при параллельном их пуске («как на станке сделанном в нашем ракетном заведении») был довольно велик.

Артиллерийское отделение, приняв к сведению указанные выше достоинства, а также оценку начальника отряда, при котором действовали ракетами, не могло не одобрить станок. После этого оно, не имея фактов о действии ракет на Кавказе, доказывающих неудобность или бесполезность станка поручика Клейгельса, не могло изменить прежнего мнения и полагало, что о достоинстве данного станка следовало спросить мнение начальника артиллерии Отдельного Кавказского корпуса⁴². Другие данные не обнаружены.

Идея использовать непараллельные направляющие была также предложена Иваном Валентиновичем Воловским в 1912 г. в проекте конструкции ракетной батареи⁴³ и практически реализована в конструкции пакета направляющих боевой машины БМ-24⁴⁴, принятой на вооружение Советской армии в 1951 г.⁴⁵

Систематизация мирового опыта

Занимаясь практикой, в России также систематизировали данные об отечественном и иностранном опыте в ракетном деле. Данные о достижениях в этой области были опубликованы, в частности, в материалах 3-го и 4-го выпусков «Военного журнала» за 1828 год и в книге К.И. Константинова «О боевых ракетах» (1864). Данные этих источников о залповой стрельбе приведены в этой статье.

Англия

Работы по многозарядным станкам в Англии проводились Вильямом Конгревом. В своей книге он описал способы ведения залпового пуска ракет – их массовый пуск по земле, при помощи многозарядных и однозарядного станков.

Так, полк из 1000 человек, построенный в две шеренги, с 1 или 2 ракетами у каждого, мог бы выполнить почти одновременный залп 500 или 1000 ракет, уложив их на землю. Другой способ залпового пуска ракет по земле заключался в их укладке на боковую сторону насыпи (в сторону противника), равную полной длине ракеты⁴⁶. Мог обеспечиваться и одиночный пуск, но большей частью по несколько штук разом для залпов от 12 до 30 ракет. Воспламенение всех зарядов одновременно между ракетами обеспечивалось через штапин. Конгрев полагал, что количество запускаемых разом ракет может быть ограничено только наличием их в запасе и совершенно зависит от воли начальника⁴⁷ (рис. 4). Еще один способ – использование однозарядных станков, установленных на некотором расстоянии друг от друга, подразделением ракетной кавалерии или ракетной конной артиллерии (рис. 5).

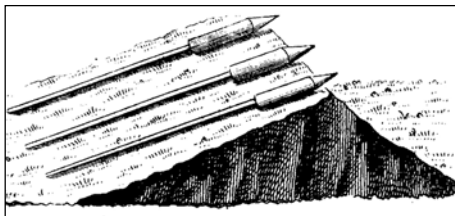

Рис. 4. Спускание ракет по земле из-за насыпи или бруствера

Для пуска ракет при помощи лафетов (станков) мог быть сконструирован 24-фунтовый станок не тяжелее, чем самая легкая 6-фунтовая повозка конной артиллерии с возможностью стрельбы 4-мя 24-фунтовыми ракетами в залпе. 18-фунтовый станок мог быть сконструирован подобным способом для стрельбы 6-ю 18-фунтовыми ракетами в залпе; 12-фунтовый станок для стрельбы 8-ю 12-фунтовыми ракетами; 9-фунтовый станок для пуска 10-ти 9-фунтовых ракет; 6-фунтовый станок для пуска 12-ти 6-фунтовых ракет и 3-фунтовый станок для пуска 20-ти 3-фунтовых ракет в залпе⁴⁸.

В Музее королевской артиллерии в Вулвиче (Англия) экспонировались и до сих пор, возможно, экспонируются следующие модели залповых станков (лафетов) конструкций Конгрева: с 34-мя

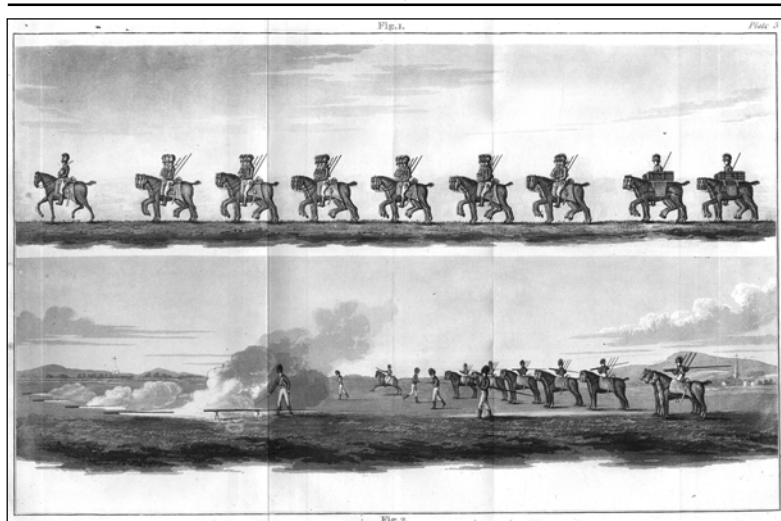

Рис. 5. Использование однозарядных станков, установленных на некотором расстоянии друг от друга, подразделением ракетной кавалерии или ракетной конной артиллерии

трубами и передком для боеприпасов; с 22 трубами и передком (вариант после 1815 г.); с 10-ю трубами (12-фунтовый станок) и 40 выстрелами; с 6-ю открытыми желобами и ящиками для укладки боеприпасов, а также со спаренным желобом⁴⁹. Конгресс изучал тактику применения ракет, рекомендуя запускать их залпами, по крайней мере, по 20 штук, а предпочтительно по 50 штук каждые 30 секунд для компенсации их рассеивания⁵⁰.

По отечественным данным, для «спускания ракет посредством машин» англичане использовали органные ракетные повозки – орудия на двухколесных станках, в состав которых входили «20, 24 или 30 медных ракетных трубок», расположенных в два ряда на расстоянии от 4 и до 6 дюймов друг от друга. Стрельба могла вестись залпом или поодиночке. Ракетные офицеры не признавали выгоды пускать ракеты залпами, т. к. в полете они встречались (сталкивались) и изменяли направление (траекторию) полета (рис. 6).

У англичан имелись удобные для использования в поле ракетные станки. Один из таких станков состоял из плоского ящика на 2-х колесах, в который укладывались ракетные хвосты. Над ним

были расположены 8 медных ракетных труб около 12 футов длиной, которые могли быть возвышены и понижены «посредством железной подпорки и зубчатой полосы» (рис. 7). С заднего конца эти трубы закрывались обитою листовым железом доской, которая для обеспечения вкладки в трубу ракеты, а также распрямления и опудривания штапина мякотью, откидывалась назад. Огонь штапину всех 8-ми ракет сообщался через ружейный замок, располагавшийся с одного бока станка. По обеим сторонам данного плоского ящика на оси находилось по небольшому ящику для укладки мелких принадлежностей (молотка, клещей, отвертного ключа и пр.). При перевозке такой станок, как и лафеты в английской артиллерии, зацепным устройством крепился за крюк передка с двумя небольшими ящиками, разделенными на гнезда, в которые клались ракеты. Крыши ящиков были устроены для сидения ракетникам. Остальные ракеты

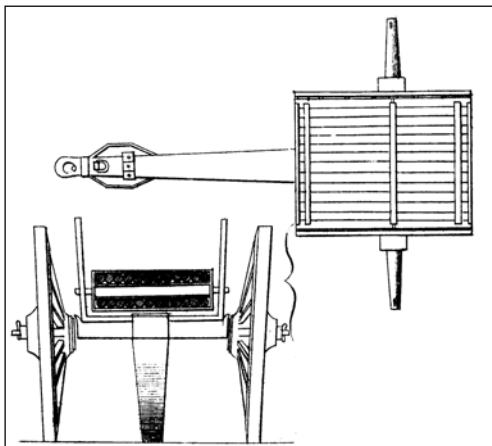

Рис. 6. Органный ракетный станок, с двумя рядами труб (24 трубы)

сообщался через ружейный замок, располагавшийся с одного бока станка. По обеим сторонам данного плоского ящика на оси находилось по небольшому ящику для укладки мелких принадлежностей (молотка, клещей, отвертного ключа и пр.). При перевозке такой станок, как и лафеты в английской артиллерии, зацепным устройством крепился за крюк передка с двумя небольшими ящиками, разделенными на гнезда, в которые клались ракеты. Крыши ящиков были устроены для сидения ракетникам. Остальные ракеты

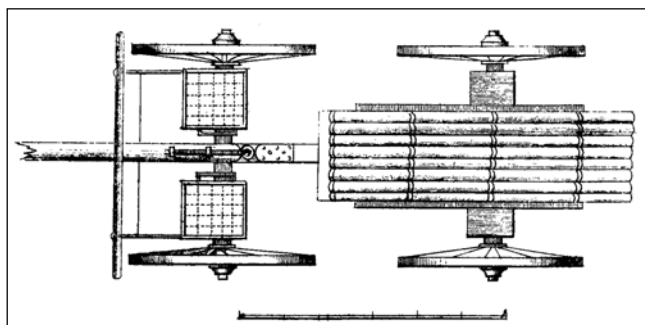

Рис. 7. Органная ракетная повозка с передком, сбоку

возились на обыкновенной артиллерийской повозке⁵¹. Это усовершенствованное техническое решение – совмещение спуска с боеприпасами (по современной терминологии, боевой и транспортной машин) было использовано в СССР в 1944 г. в конструкции горной установки М-8-8 на доработанном шасси грузового автомобиля Willys⁵², в 50-х и 60-х гг. – для чехословацких боевых машин (БМ) М-51⁵³ и РМ-70, в 70-х гг. для югославской БМ Oganj⁵⁴, в 80-х гг. для чехословацкой БМ РМ-70/85 и югославской БМ Plamen-S (М85), в 90-х гг. для словацкой БМ VP 14 Krizan⁵⁵, белорусской БМ БМ-21А⁵⁶, хорватской БМ М96 Турphoon⁵⁷, а в 2000-х – для варианта БМ БМ-21 на Украине⁵⁸, образца БМ РМ-85/70М в Словакии⁵⁹.

Гаубицы в конной артиллерии предлагалось заменить на 6-фунтовые ракетные станки с шестью трубами⁶⁰.

В середине XIX в. на вооружении армии Англии состояли 4- и 8-ствольные станки. Конфигурация труб была разной: один горизонтальный ряд из 8 труб; 10 труб в два горизонтальных ряда (по 5 труб в каждом); 8 труб в 2 вертикальных ряда (по четыре трубы в каждом) и т. д. Отличительные особенности станков – использование в качестве ходовой базы лафетов, принятых на вооружение артиллерийских систем для монтажа трубчатых направляющих и применение механизмов горизонтального и вертикального наведения этих систем, что актуально и в наше время (Ирак)⁶¹. Такие станки не нашли широкого применения из-за их большой массы, значительно уменьшавшей их маневренность⁶².

Франция и другие европейские страны

«При новом водворении ракет в европейских армиях, благодаря Конгреву, приверженцы их долгое время смотрели на это оружие как на соперника артиллерии, который должен был ее заменить», «Они старались создать материальную часть для перевозки и стрельбы, по возможности подобную материальной части артиллерии». Были сохранены приборы для стрельбы ракетами, «в которых трубы или желоба возились на колесах» – это были настоящие лафеты, которые снабжались передками и ящиками. Подвижность такой материальной части ни в чем не превосходила подвижность обыкновенной артиллерии. Была необходимость в стрельбе множеством ракет, для чего были устроены лафеты для размещения на них до 8 труб для одновременного пуска 8-ми ракет.

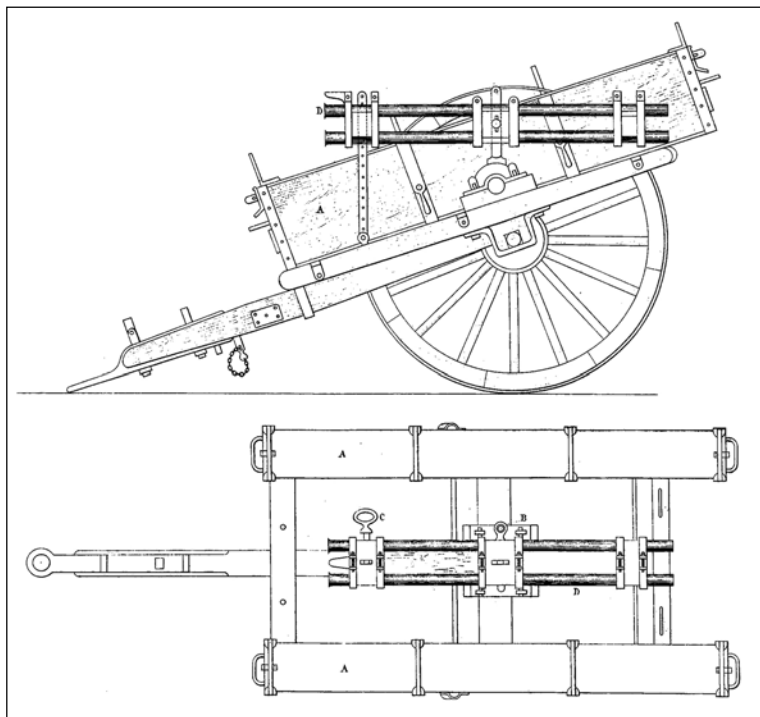

Рис. 8. Французские ракеты. Материальная часть стрельбы и перевозки полевых ракет по системе артиллерии 1830 г. Специальный лафет для стрельбы и перевозки ракет в полевых ракетных батареях

Во Франции предлагали ракетные ящики, из которых, в случае необходимости, было возможно выпустить все ракеты разом.

В 1830 г. во французской армии сохранили лафет с четырьмя трубами, длиной 1,6 м каждая (рис. 8). Для использования в горной артиллерии были приняты трубы, соединенные по четыре штуки вместе, в 1,6 метра, для их размещения на горных лафетах (рис. 9).

В 1844 г. во Франции не было колесных ракетных повозок для запуска ракет. В 7-м томе «*Mémoires de l'artillerie française*» упоминалось только о треножном станке весом 10 килограммов для стрельбы 50-мм ракетами. Для транспортировки ракет использовали так называемый ящик, перевозившийся на любой повозке. Вместимость

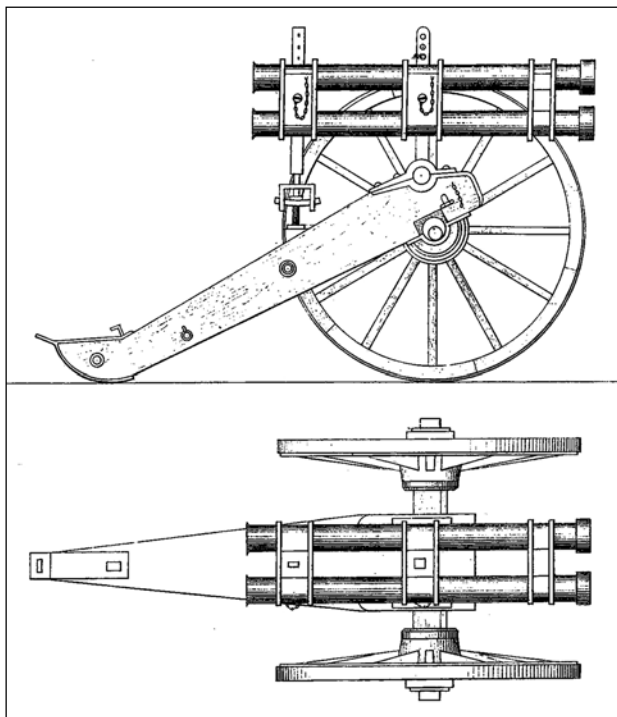

Рис. 9. Горный лафет, снабженный четырьмя трубками для метания ракет. Французские ракеты. Материальная часть стрельбы и перевозки полевых ракет, по системе 1830 г.

ящика – 6 полностью готовых ракет, уложенных так, чтобы была возможность, в крайнем случае, их одновременного пуска. Для этой цели ящик открывался только с одной стороны и был снабжен подпоркой на шарнир, чтобы было возможно придать требуемые углы возвышения для стрельбы ракетами⁶³.

США

В США во время Гражданской войны 60-х гг. XIX в. ракеты могли быть запущены из легких лафетов (станков) с четырьмя трубками, изготовленными из кованого железа, каждая длиной около 8 футов (2438,4 мм)⁶⁴.

- ¹ Соч. Данилова. Довольное и ясное показание по которому всякой сам собою может приготовить и делать всякие фейерверки и разные иллюминации. М.: Университетская Типография 1822. С. 32.
- ² О стеллажах, фейерверочных корпусах и нечто о расположении увеселительных огней. СПб.: Типография И.Юаннесова, 1820. С. 41, 42, 43. Вклейка Т. IX. ф:46, ф:47, ф:48.
- ³ Метательные ракеты / Лекции 1-го юнкерского класса Михайловского. 1857. С. 24; Константинов 1-й. Полковник. Некоторые сведения о введении и употреблении боевых ракет в главных иностранных европейских армиях // Морской сборник. № 10. Окт. 1855. С. 271, 272, 299; Константинов К.И. Боевые ракеты. Добавление к курсу Г.Л. Весселя. 1867. С. 8.
- ⁴ Никитин Ю.А. Шпага Александра Засядко. Повесть. Киев: Молодь, 1979. С. 128, 130–132.
- ⁵ Большая советская энциклопедия. 3-е изд. Т. 9. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1972. С. 384.
- ⁶ Макаровец Н.А., Устинов Л.А., Авотынь Б.А. Стартовые и технические комплексы реактивных систем залпового огня. Тула: Изд-во ТулГУ, 2008. С. 15; Гетманов С.И. История развития и опыт боевого применения русского ракетного оружия (конец XIV – начало XX вв.). М.: Министерство обороны Союза ССР, 1969. С. 20.
- ⁷ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 4587. Л. 126; Д. 4790. Л. 34.
- ⁸ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3. Оп. 109. Д. 334. Л. 107.
- ⁹ Там же. Ф. 5. Оп. 3. Д. 1. Л. 235.
- ¹⁰ РГВИА. Ф. 35. Оп. 4/245. Д. 334. Св. 196. Л. 6, 27–29, 34.
- ¹¹ ЦАМО РФ. Ф. 59. Оп. 12200. Д. 23. Л. 49а, 361; Оп. 12196. Д. 53. Л. 54, 55; Боевая машина БМ-31-12. Руководство службы. М.: Воениздат, 1947. С. 4; Боевая машина БМ-31-12. Руководство службы. М.: Воениздат, 1955. С. 4; Боевая машина БМ-14. Руководство службы. Краткое руководство. М.: Воениздат, 1953. С. 3; Боевая машина БМД-20. Краткое руководство службы. М.: Воениздат, 1953. С. 3; Боевые машины БМ-13Н, БМ-13НМ, БМ-13НММ. Руководство службы. 3-е изд., испр. М.: Воениздат, 1974. С. 5; Боевые машины БМ-14, БМ-14М и БМ-14ММ. Руководство службы. 2-е изд. М.: Воениздат, 1972. С. 3; Боевая машина БМ-24 (индекс 8У31). Руководство службы. М.: Воениздат. 1958. С. 3; URL: <http://skeiz.livejournal.com/1386820.html>; M270 MLRS and XM142 HIMARS 227mm Multiple Launch Rocket System // Forecast International. August. 2011. P. 3–5.
- ¹² Сайт ВИМАИВиВС. URL: <http://artillery-museum.ru/ru/schema-8.html>; О зажигательных ракетах (Конгресских) // Военный журнал по Высочайшему Его Императорского Величества соизволению издаваемый Военно-ученым комитетом. № III с 2-мя чертежами. СПб.: Военная типография Главного Штаба Его Императорского Величества, 1828. С. 135, 136.
- ¹³ Конструкторское бюро «Арсенал» 1949–2009 // ред. В.Л. Седых. СПб.: «Комильфо», 2009. С. 7.
- ¹⁴ Сайт ВИМАИВиВС; URL: http://rgantd.ru/vzal/60let/60let_katusha.php
- ¹⁵ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3. Оп. 109. Д. 334. Л. 344, 344об.
- ¹⁶ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 4528. Л. 6–8, 10, 10об, 11; Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3 (ГАУ). Оп. 3/2. Д. 149. Л. 82, 83, 84, 130, 131, 134, 135.
- ¹⁷ Там же. Л.162.

- ¹⁸ Мельников П.Е. Старты с берега. М.: ДОСААФ, 1985. С. 22.
- ¹⁹ Науменко М.И. Военные ракеты в России. Дисс... канд. М., 1953 // Архив ВИМАИВиВС. НС. Раздел 1. Д. 152. Л. 54.
- ²⁰ Никитин Ю.А. Указ. соч. С. 204.
- ²¹ Пояснительная надпись к модели 6-зарядного пускового станка для пуска 20-фунтовых ракет конструкции Ракетного заведения в экспозиции ВИМАИВиВС.
- ²² Архив ВИМАИВиВС. Ф. 4. Оп. 40. Д. 105. Л. 8, 80б.
- ²³ Науменко М.И. Указ. соч. Л. 103.
- ²⁴ РГВИА. Ф. 503. Оп. 4. Д. 58. Л. 110.
- ²⁵ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 5. Оп. 3. Д. 1. Л. 138; РГВИА. Ф. 503. Оп. 4. Д. 58. Л. 120, 133.
- ²⁶ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 6. Оп. 24/3. Д. 5. Л. 42, 74, 75; РГВИА. Ф. 503. Оп. 4. Д. 58. Л. 94, 110.
- ²⁷ Науменко М.И. Указ. соч. Л. 118.
- ²⁸ Мельников П.Е. Указ. соч. С. 22.
- ²⁹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 5. Оп. 4. Д. 496. Л. 22–23. Из доклада по Управлению инспектора всей артиллерии. Отделение 2. 14.08.1856 г.
- ³⁰ Там же. Ф. 5. Оп. 12. Д. 181. Л. 4–5. Из рассмотрения предложения корреспондента бельгийской газеты L'Emancipation об устройстве изобретения Варнера.
- ³¹ Сведения об Австрийских боевых ракетах 1852 года. СПб.: типография Артиллерийского Департамента Военного Министерства, 1854. С. 119, 127.
- ³² Константинов К.И. Указ. соч. С. 5.
- ³³ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 4. Оп. 40. Д. 131. Л. 168,178. Журнал «О действии пехих ракетных команд в Чеченском отряде». Копия.
- ³⁴ Науменко М.И. Указ. соч. Л. 147–149.
- ³⁵ Об употреблении боевых ракет под Силистриею и при городе Бабадаг // Артиллерийский журнал. № 2. 1855. С. 130–132.
- ³⁶ Науменко М.И. Указ. соч. Л. 195.
- ³⁷ Архив ГНЦ ФГУП «Центр Келдыша». Инв. 97. Л. 173.
- ³⁸ URL: <http://www.armchairgeneral.com/forums/showthread.php?t=69453>
- ³⁹ Артиллерия и ракеты. М.: Воениздат, 1968. С. 41.
- ⁴⁰ Правила для употребления 2-дюймовых боевых ракет, с показанием предосторожностей какия должны наблюдать при действовании ракетами, а равно при перевозке и хранении их в запасе // Артиллерийский журнал. № 2. 1849. С. 116–117.
- ⁴¹ Константинов. О боевых ракетах. СПб.: Типография Эдуарда Веймара, 1864. С. 226, 227.
- ⁴² Архив ВИМАИВиВС. Ф. 4 (ВУК). Оп. 40. Д. 105. Л. 3, 4, 8–10; Ф. 27. Оп. 14. Ед. хр. № 4.
- ⁴³ Там же. Ф. 4. Оп. 39/3. Д. 704. Л. 203, 206.
- ⁴⁴ Боевая машина БМ-24 (индекс 8У31). Руководство службы. М.: Воениздат. 1958. С. 9.
- ⁴⁵ Носовицкий Г.Е. Продолжение «Катюши». М.: Вузовская книга, 2005. С. 394; Краткая история СКБ-ГСКБ Спецмаш-КБОМ. 1-я книга. Создание ракетного вооружения тактического назначения 1941–1956 гг. М.: Конструкторское бюро общего машиностроения, 1967. С. 67.
- ⁴⁶ A TREATISE on the general principles, powers, and facility of application of the CONGREVE ROCKET SYSTEM, as compared with artillery.... Major-Gen. Sir W. CONGREVE, London. 1827. P. 32, 71. Plate 7.

- ⁴⁷ О зажигательных ракетах (Конгревских)... С. 129; Употребление зажигательных ракет в военных действиях // Военный журнал по Высочайшему Его Императорскому Величеству издаваемый Военно-ученым комитетом. № IV с 3-мя чертежами. 1828. С. 109.
- ⁴⁸ A TREATISE on the general principles, powers,... P. 8, 32, 63, 65, 71. Plate 3.
- ⁴⁹ Historical Arms Series № 23. Sir William Congreve and The Rocket's Red Glare. By Donald E. Graves. P. 13, 14. (Ссылка): URL: <http://www.uark.edu/campus-resources/sears/honors%20colloquium/congreve.pdf>
- ⁵⁰ Rockets in Mysore and Britain, 1750–1850. A.D. Roddam Narasimha National Aeronautical Laboratory and Indian Institute of Science. Project Document DU 8503. Lecture delivered on 2 April 1985 at the inauguration of the Centre for History and Philosophy of Science, Indian Institute of World Culture, Bangalore. May. 1985. Bangalore 560017 India. P. 18. (Ссылка): URL: <http://www.nal.res.in/pdf/pdfrocket.pdf>
- ⁵¹ О зажигательных ракетах (Конгревских)... С. 129, 132, 133, 190, Чертеж I. Рис. 13; Чертеж II. Рис. 16; Употребление зажигательных ракет в военных действиях... С. 89–90.
- ⁵² Кузнецов К.М. История ракетного оружия и его боевого применения. МО СССР. М., 1972. Вклейка.
- ⁵³ Jane's Armour and Artillery. 1991–1992. P. 701.
- ⁵⁴ Ididem. 1986–1987. London: Jane's Publishing Limited, 1988. P. 773–774.
- ⁵⁵ Ididem. 2000–2001. P. 773–775, 829.
- ⁵⁶ URL: <http://military-informer.narod.ru/rszo-belgrad.html>
- ⁵⁷ Jane's Armour and Artillery 1997–1998. P. 770.
- ⁵⁸ URL: <http://topwar.ru/20309-ukrainskaya-modernizaciya-rszo-bm-21-grad-bm-21u-grad-m.html>
- ⁵⁹ URL: <http://forum.valka.cz/viewtopic.php/t/12993/start/0/postdays/0/postorder/asc/highlight/>
- ⁶⁰ Употребление зажигательных ракет в военных действиях... С. 116.
- ⁶¹ URL: <http://abunda.ru/32440-2003-god-kak-nachinalas-vojna-v-irake-56-foto.html>; Jane's Armour and Artillery. 1986–1987. P. 738.
- ⁶² Михайлов В.П., Назаров Г.А. Развитие техники пуска ракет / ред. акад. В.П. Бармин. М.: Воениздат, 1976. С. 24.
- ⁶³ Константинов. О боевых ракетах. С. 201, 226–229.
- ⁶⁴ URL: <http://www.spaceline.org/history/2.html>

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Агеева Татьяна Георгиевна – Государственный историко-мемориальный музей-заповедник «Сталинградская битва» (Волгоград), заместитель заведующего отделом.

Адаменко Дмитрий Владимирович – Всеукраинская общественная организация «Научное гуманитарное общество» (Киев, Республика Украина), руководитель полиграфических проектов.

Алексеев Тимофей Владимирович – Военно-космическая академия им. А.Ф. Можайского (Санкт-Петербург), доктор исторических наук, профессор.

Анисимова Мария Анатольевна – Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи Министерства обороны Российской Федерации (далее ВИМАИВиВС) (Санкт-Петербург), научный сотрудник.

Антропов Евгений Владимирович – «Музей города Новосибирска», руководитель отдела.

Афанасьев Александр Константинович – Государственный исторический музей (Москва), ведущий научный сотрудник.

Афанасьев Владимир Анатольевич – Центральный музей Вооруженных сил Министерства обороны Российской Федерации, ведущий научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Бабенко Елена Викторовна – Кобринский военно-исторический музей им. А.В. Суворова (Кобрин, Республика Беларусь), директор.

Бабич Ирина Виленовна – Российская государственная библиотека (Москва), заведующая сектором, кандидат исторических наук.

Бабич Марина Виленовна – Российский государственной архив древних актов (Москва), главный специалист, доктор исторических наук.

Багрин Егор Андреевич – ВИМАИВиВС (Санкт-Петербург), научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Барышкова Людмила Константиновна – Военно-медицинский музей Министерства обороны Российской Федерации (далее ВММ) (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник, кандидат медицинских наук.

Бенда Владимир Николаевич – Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, доцент, кандидат исторических наук.

Бобков Владимир Александрович – Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского, и.о. заместителя декана, кандидат исторических наук, доцент.

Бобров Леонид Александрович – Новосибирский государственный университет (далее НГУ), доцент, доктор исторических наук.

Борисенко Алиса Юльевна – НГУ, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Бочаров Василий Олегович – ВИМАИВиВС (Санкт-Петербург), младший научный сотрудник.

Брызгалов Виктор Васильевич – Архангельский научный центр Уральского отделения Российской Академии наук, старший научный сотрудник.

Будко Анатолий Андреевич – ВММ (Санкт-Петербург), начальник музея, доктор медицинских наук, профессор.

Бумай Олег Константинович – Научно-исследовательский институт промышленной и морской медицины (Санкт-Петербург), заместитель директора, кандидат медицинских наук, доцент.

Великанов Владимир Сергеевич – фонд «Русские витязи» (Москва), эксперт, кандидат экономических наук.

Веселов Федор Никитович – ВИМАИВиВС (Санкт-Петербург), научный сотрудник.

Витол Александр Владимирович – Институт восточных рукописей Российской академии наук (Санкт-Петербург), научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Вознесенская Ирина Александровна – ВИМАИВиВС (Санкт-Петербург), начальник отдела, ведущий научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Герасимов Василий Леонидович – Научно-исследовательский институт военной истории (Москва), старший научный сотрудник, кандидат исторических наук, доцент.

Гладина Александра Юрьевна – Тульский государственный музей оружия, научный сотрудник.

Горбунов Вадим Владимирович – Алтайский государственный университет (Барнаул), доцент, профессор.

Грибовская Галина Алексеевна – ВММ (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник, кандидат медицинских наук.

Григорьев Олег Вячеславович – Новосибирский военный институт внутренних войск Министерства внутренних дел Российской Федерации, преподаватель, кандидат юридических наук.

Громов Андрей Владимирович – ВИМАИВиВС (Санкт-Петербург), научный сотрудник.

Гронский Александр Дмитриевич – Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники (Минск, Республика Беларусь), доцент, кандидат исторических наук.

Гуров Сергей Викторович – Научно-производственное объединение «СПЛАВ» (Тула), инженер; Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской Академии наук (Москва), соискатель.

Ефимов Сергей Владимирович – ВИМАИВиВС (Санкт-Петербург), заместитель директора, кандидат исторических наук.

Маковская Лилла Константиновна – ВИМАИВиВС (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник, Заслуженный работник культуры РФ.

Новикова Елена Георгиевна – ВММ (Санкт-Петербург), научный сотрудник.

Пронин Алексей Олегович – «Музей города Новосибирска», ученый секретарь, Лаборатория гуманитарных исследований научно-исследовательской части НГУ, младший научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Разоренова Татьяна Сергеевна – ВММ (Санкт-Петербург), научный сотрудник, кандидат технических наук.

СОДЕРЖАНИЕ

Обращение к участникам и гостям конференции	3
Памяти Лиллы Константиновны Маковской	
<i>Ефимов С.В.</i> О Лилле Константиновне Маковской	6
Список публикаций Л.К. Маковской	13
<i>Маковская Л.К.</i> Артиллерийский исторический музей. Первые полвека в Кронверке (1868–1917)	21
<i>Агеева Т.Г.</i> Генерал П.К. Писарев – начальник Сводно-Гренадерской дивизии	71
<i>Адаменко Д.В.</i> Приспособление для наиболее дальнего метания ручных гранат в австро-венгерских вооруженных силах периода Первой мировой войны	86
<i>Алексеев Т.В.</i> Зарождение и эволюция концептуальных взглядов на формирование и развитие отечественного военно-промышленного комплекса в 1910–1920-е годы	101
<i>Антропов Е.В., Пронин А.О.</i> К истории 41-го Сибирского стрелкового полка: атрибуция портрета и фотографий из семейного архива Дробыниных	112
<i>Афанасьев А.К.</i> О судьбе оружия и знамен Московского арсенала в 1812 году	119
<i>Афанасьев В.А.</i> Роль выдающихся полководцев Великой Отечественной войны – Маршалов Советского Союза Г.К. Жукова и А.М. Василевского в создании отечественного ракетно-ядерного оружия	131
<i>Бабенко Е.В.</i> Сабля генерала Ганса Иоахима фон Цитена – памятник военной истории	149
<i>Бабич И.В.</i> Офицер проектирующий: два эпизода истории службы Никиты Мерзлюкина	156
<i>Бабич М.В.</i> Воинская комиссия 1730 года в малоизученных аспектах ее истории: от «эпохи Петра Великого» к «эпохе Миниха»	170

<i>Багрин Е.А.</i> Русская артиллерия в Восточной Сибири в 1640–1715 годах	184
<i>Бенда В.Н.</i> Состояние артиллерии и инженерного дела в России на рубеже XVII–XVIII веков и необходимость преобразований в этой области	200
<i>Бобков В.А.</i> Военно-техническое сотрудничество России с иностранными государствами в области производства артиллерии в начале XX века	212
<i>Бобров Л.А.</i> Казахская тактика ведения боя в конном строю в конце XV–XVI веках	231
<i>Бобров Л.А., Анисимова М.А.</i> Шлемы казахско-ойратского пограничья из фондов Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи	259
<i>Борисенко А.Ю.</i> Фортификация крепостей сибирских татар и енисейских кыргызов в Западной и Южной Сибири по сведениям русских и европейских источников XVII–XIX веков	275
<i>Бочаров В.О.</i> Бригинженер Е.В. Антулаев. Материалы к биографии	283
<i>Брызгалов В.В.</i> Начальный этап сражения при речке Малая Двинка 25 июня 1701 года	294
<i>Будко А.А., Барышкова Л.К., Новикова Е.Г., Разоренова Т.С.</i> Особенности заболеваний и повреждений у военнослужащих-женщин в вооруженных конфликтах XX века	307
<i>Будко А.А., Грибовская Г.А.</i> Роль А.А. Барабанова в организации медицинского обслуживания военнопленных и репатриантов во Вторую мировую войну	313
<i>Бумай О.К.</i> Санитарные потери личного состава Военно-морского флота и медицинской службы в годы Великой Отечественной войны	324
<i>Великанов В.С.</i> К вопросу об организации и численности вооруженных сил Российского государства в 1699 году	335
<i>Веселов Ф.Н.</i> Батальные сцены в миниатюрах лицевых рукописей Куликовского цикла	351
<i>Витол А.В.</i> Османы, артиллерия и поход Карла VIII в Италию (1494–1495)	369
<i>Вознесенская И.А.</i> Цифирная азбука 1732 года, данная Людвигу Гессен-Гомбургскому в Персидский поход	380

<i>Герасимов В.Л.</i> Авиационное вооружение отечественной морской авиации в Первую мировую войну	384
<i>Гладина А.Ю.</i> Тульские оружейники и возможности их социального роста во второй половине XVIII–XIX веках	390
<i>Горбунов В.В.</i> Комплекс вооружения и тактика пюркской конницы	396
<i>Григорьев О.В.</i> Генерал-аудиторы России XIX века: опыт коллективного портрета	416
<i>Громов А.В.</i> Русская артиллерия в Туркестанских походах второй половины XIX столетия	424
<i>Гронский А.Д.</i> Война цифр на скрижалях истории: количество потерь в период Польского восстания 1863–1864 годов по источникам с обеих сторон	444
<i>Гуров С.В.</i> Отечественная и зарубежная реактивная артиллерия в XIX веке	456
Сведения об авторах	474

Научное издание

Война и оружие
Новые исследования и материалы
Труды Четвертой Международной
научно-практической конференции

В четырех частях

Часть 1

Редактор: *Е.М. Пожидаева*
Художник: *Н.Ю. Якубовская*
Технический редактор: *В.И. Хоронко*
Верстка: *Т.И. Таранова*
Компьютерный набор: *Я.В. Камашина*

Подписано в печать 15.04.13.
Формат 60x90/16. Усл. печ. л. 15.
Бумага офсетная. Гарнитура PeterburgC.
Тираж 300 экз.

ЦОП ФГКУ «ВИМАИВиВС» МО РФ.
197046, Санкт-Петербург, Александровский парк, д. 7.